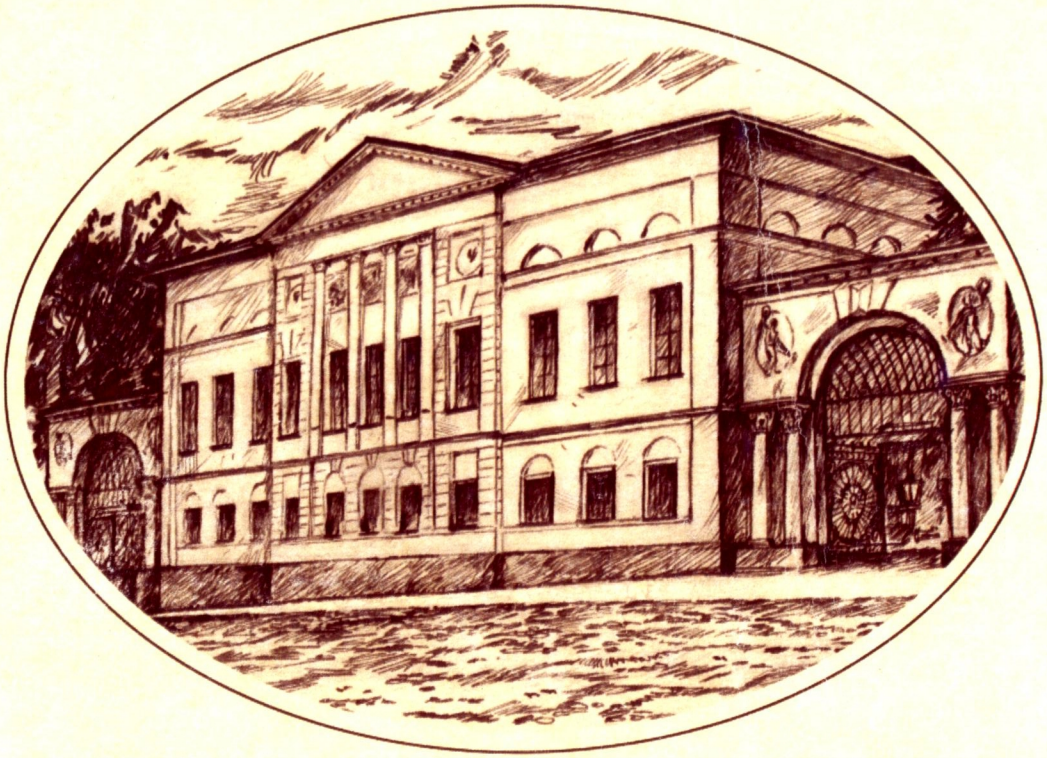


ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Министерство культуры Калужской области
Государственное бюджетное учреждение культуры
Калужской области
«Калужский областной краеведческий музей»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XIV Всероссийской научной конференции,
посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года,
150-летию отмены крепостного права
и 70-летию битвы под Москвой

Калуга
Полиграф-Информ
2012

ББК 63А(2)
В74

Художник В. М. Типикин

В74 **Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья**: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5—7 апреля 2011 г. — Калуга: Полиграф-Информ, 2012. — 368 с.

Сборник включает в себя материалы XIV Всероссийской научной конференции, проходившей 5—7 апреля 2011 г. в Калужском областном краеведческом музее и посвящен результатам исторических исследований в Верхнем Поочье и сопредельных регионах России. Статьи рассчитаны на широкий круг читателей: научных работников, краеведов, студентов.

ББК 63А(2)

© ГБУК КО «Калужский областной краеведческий музей», 2012.
© Авторы публикаций, 2012.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

КАЛУЖСКИЙ КРАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ*

***В. А. Бессонов**, к. и. н., директор Калужского областного краеведческого музея*

В истории России Отечественная война 1812 г. занимает одно из важных мест. В этой войне борьба шла за целостность и суверенитет государства с опаснейшим противником, императором французов Наполеоном. Этот великий полководец, чье имя было окутано ореолом непобедимости, стоял во главе многочисленной и хорошо подготовленной Великой армии, в состав которой входили контингенты многих европейских государств. Согласно данным современных исследователей войска, участвовавшие в походе на Россию, насчитывали около 560 тыс. человек. Но, несмотря на все преимущества противника, за шесть месяцев противоборства судьба Великой армии была решена. Границы России покинуло, по самым оптимистическим подсчетам, примерно 100 тыс. В плену оказалось более 110 тыс., из них к началу 1813 г. осталось в живых около 50 тыс. Следовательно, только убитыми и умершими Великая армия в ходе войны 1812 г. потеряла более 410 тыс. человек[1]. На просторах России исчезли лучшие войска, а вместе с ними растаяли и надежды императора французов на гегемонию в Европе. Такой исход войны, до сих пор воспринимающийся во Франции как необъяснимая, мистическая катастрофа, был во многом связан с цепью судьбоносных событий, разыгравшихся в сентябре—октябре 1812 г. на пространстве от Москвы до Полотняного Завода. Это оставление русскими войсками Первопрестольной, совершение флангового маневра, пребывание в Красной Пахре, отход к селу Тарутино Калужской губернии, пребывание в Тарутинском лагере, ведение «малой войны», Тарутинское сражение, битва за Малоярославец, бой под Медынью, переход Кутузова к Полотняному Заводу — последнему пункту отхода русских войск, совет Наполеона в Городне, начало отступления Великой армии из России и переход к ее преследованию русской армией.

В цепи этих событий Калужской земле суждено было стать местом, где решался вопрос, какая из сторон выйдет победителем затянувшегося противоборства, а какой выпадет роль быть побежденной. Современник и один из первых историографов эпохи 1812 г., учитель Калужской гимназии Г. К. Зельницкий, характеризуя этот поворотный в Отечественной войне этап, писал: «Страны, составляющие ныне Калужскую губернию, издревле были блистательным позорищем славы Российского оружия. Еще и поныне находим мы на разных местах сей губернии исполинские стопы бессмертных подвигов сильных во бранях Ряполовских, Безниных, Басмановых, Пожарских и Волконских; но подвиги Россиян, произведенные в наши времена при Тарутине или Чернишином и Малом Ярославце, несравненно блистательнее древних. Здесь в полном величии является истинная слава и приверженность Россиян к своему отечеству. Здесь сыны России, сыны отечества готовы были за честь имени Русского народа на все жертвы, труды и опасности. Незабвенный в летописях мира 1812 год будет навсегда бессмертною эпохою мужества, неутомимых подвигов, беспримерных пожертвований, неограниченной любви, народного духа и благородной гордости знаменитого Российского народа»[2].

В свою очередь главнокомандующий армиями светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов в письме к владелице села Тарутино А. Н. Нарышкиной писал в конце 1812 г.: «Село Тарутино, вам принадлежащее, ознаменовано было славною победою русского войска над неприятельским. Отныне имя его должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и р. Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая. Покорнейше прошу вас, милостивая государыня, чтоб укрепления, сделанные близ села Тарутина, укрепления, которые устрашали

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-11-40003а/Ц).

полки неприятельские и были твердою преградою, близ коей остановился быстрый поток разорителей, грозивший наводнить всю Россию, — чтобы сии укрепления остались неприкосновенными. Пускай время, а не рука человеческая их уничтожит; пускай земледелец, обрабатывая вокруг их мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнем соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала перед неустрашимостью сынов отечества!»[3]

Такой подход в оценке роли Калужской земли в Отечественной войне 1812 г. не получил дальнейшего развития. Конечно, в историографии 1812 г. не обойдены вниманием Тарутинский лагерь, Тарутинское сражение и битва за Малоярославец. Но даже этим судьбоносным явлениям, а тем более связанным с ними событиям, до последнего времени не уделялось должного внимания. Например, если коснуться состава войск, принимавших участие в Тарутинском сражении, то в ряде работ вместо 20-го егерского полка указывается не существовавший тогда конно-егерский полк[4]. Дело в том, что конно-егерские полки появились только 17 декабря 1812 г.[5], когда был дан приказ переименовать подобным образом восемь драгунских полков[6]. Кроме того, практически все историки, касаясь Тарутинского сражения, неизменно писали о десяти казачьих полках, назначенных, в соответствии с диспозицией, для атаки левого фланга неприятельских войск. При этом от внимания исследователей ускользнуло, что сражение велось не по принятой в Главном штабе диспозиции, а по составленному Кутузовым «за кулисами» сценарию. При этом в атаке на левый фланг противника, согласно наградным документам, участвовало не десять, а двенадцать казачьих полков (помимо сборного эскадрона лейб-гвардии Казачьего полка и Черноморской сотни)[7].

Эти и другие «мелкие» недочеты характерны для описания даже крупных военных событий 1812 г., происходивших на Калужской земле. Что касается меньших по масштабу боевых столкновений, то они нередко вообще оставались за рамками исследовательского интереса. К этому числу относится бой при Винкове (Виньковe), состоявшийся 22 сентября 1812 г. В дореволюционных изданиях о нем сообщалось лишь на основе лапидарной записи из Журнала военных действий. Специально бой рассматривался только в докладе Н. П. Поликарпова, прочитанном 16 декабря 1910 г. на заседании кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. и изданном отдельным оттиском[8]. В нем автор неоправданно расширил географические рамки боя, включив в него и события предшествующего дня, происходившие при селе Спас-Купле, и тем самым соединив в одно целое два разновременных боевых действия. В последующее время этот бой оказался фактически вычеркнут из истории войны 1812 г. События, происходившие при сельце Винкове, без каких-либо оснований стали соотносить с арьергардным боем, который произошел накануне при селе Спас-Купле. Так, в сборнике документов «М. И. Кутузов», изданном в 1954 г., рапорт главнокомандующего императору от 23 января 1812 г. о бое при Винкове назван рапортом о бое при Спас-Купле. В книге «1812 г. Воспоминания воинов русской армии», увидевшей свет в 1991 г., комментаторы текстов объединили события 21 и 22 сентября в один бой 22 сентября при Спас-Купле. Как сражение при Спас-Купле рассматривал события 22 сентября А. И. Ульянов в работе «Тарутинское сражение. Проблемы изучения». Он же являлся автором статьи в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.», в которой события 21 и 22 сентября были объединены в один бой при Спас-Купле 22 сентября 1812 г. Автор книги «Большая Европейская война 1812—1815 гг.» А. А. Подмазо, давая краткое описание событий 22 сентября, также акцентировал внимание на Спас-Купле как на главном пункте происходившего в этот день боя. Публикуя дневники и письма Р. Т. Вильсона на русском языке, авторы комментариев пошли еще дальше и соотнесли сведения о бое при Винково с Тарутинским сражением[9]. Приведенный пример не является единичным. Тем самым «военная» составляющая темы «Калужский край в Отечественной войне 1812 г.», относящаяся к боевым действиям, происходившим осенью 1812 г. к югу от Москвы, представляется недостаточно изученной, хотя имеет особое значение для понимания событий войны 1812 г. и представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему.

Что касается Калужского края, то в целом в историографии ему отводится второстепенная роль в сравнении с центральными в истории войны, по мнению большинства авторов, Московской и Смоленской губерниями. Так, известный исследователь А. И. Михайловский-Данилевский в своем «Описании Отечественной войны в 1812 г.», рассмотрев народную войну в Смоленской и Московской губерниях, отметил, что «для полноты рассказа о народной войне, должно изобразить, в каком положении находились сопредельные с армиями губернии. Изберем одну из них, и по ней, с немногими местными изменениями, можно будет заключить, что делалось и в других. Пусть примером послужит Калужская, не потому, чтобы соседи ея чем либо уступали ей в рвении, но по той причине, что в ней тогда стояла армия при Тарутине, и на этот тесный уголок Калужского горизонта были обращены взоры всей России, с теплою мольбою ко Всевышнему»[10].

Однако с этим мнением сложно согласиться. В ходе «малой войны» (в это понятие входит народная и партизанская война) роль Калужской губернии, по сравнению с Московской и Смоленской, была не меньше, а в какой то степени даже больше. Так, по подсчетам современного исследователя А. И. Попова в Смоленской губернии при ведении «малой войны» произошло более шестидесяти боевых столкновений, в Московской — более двадцати, в Калужской — более ста. При этом больше половины этих столкновений пришлось на Мосальский уезд, около сорока — на Медынский, более десяти — на Боровский[11]. В Калужской губернии народная война инициировалась губернской администрацией и велась под ее непосредственным руководством. Кроме того, аналогичное калужскому, «поголовное ополчение» было организованно в Юхновском уезде Смоленской губернии, который с начала августа находился под управлением калужского гражданского губернатора П. Н. Каверина (под его руководство с 28 августа были переданы еще Ельнинский и Рославльский уезды, затем — уезды, освобождаемые от противника, а со 2 декабря — вся Смоленская губерния[12]). Традиционно считается, что инициатором народной войны в Юхновском уезде был предводитель С. Я. Храповицкий. Первенство организации защиты поселянами уезда приписывал себе и знаменитый партизан Д. В. Давыдов. Вместе с тем постоянная отчетность юхновской администрации перед калужским губернатором, схожесть структуры и функций отрядов самообороны позволяют предположить, что организация защиты границ Юхновского уезда проходила под непосредственным влиянием калужского губернатора. Этот факт находит подтверждение и в отношении Каверина Храповицкому от 2 сентября 1812 г. В нем калужский губернатор пишет о мерах по организации управления Рославльским и Ельнинским уездами и просит юхновского предводителя выяснить, нет ли в этих уездах чиновников или дворян, «кои бы подобно вам могли на себя принять от меня препоручения к обороне от толь вредных врагов оные округи»[13].

Однако все эти и многие другие факты, касающиеся участия Калужского края в Отечественной войне, остались вне поля зрения исследователей. Такое положение, когда Калужская губерния оказалась «отодвинута» на второй план, могло быть вызвано рядом причин. В первую очередь обращает на себя внимание то, что наиболее серьезные нападки на Кутузова со стороны современников касались его отхода от Малоярославца к Полотняному Заводу. Так, оппонент Кутузова, исполнявший должность начальника Главного штаба барон Л. Л. Беннигсен в своих записках по этому поводу писал, что «отступление из-под Малоярославца было одним из роковых событий кампании». «Можно себе представить, — продолжал Беннигсен, — каково было изумление Наполеона, когда он узнал о нашем отступлении, событии для него столь счастливом, на которое он не мог рассчитывать, и как он был удивлен, узнав, что мы продолжали наше отступление, несмотря на то, что он нас не преследовал!»[14] С другой стороны, стоявший на стороне Кутузова и защищавший его действия в своих записках бессменный ординарец главнокомандующего князь А. Б. Голицын, отметил: «Переход этот, дознанный всеми ненужным и заставивший нас потерять трое суток, был после единственным обвинением, которое возводимо было на него [Кутузова]. Суждение о событии сем и после времени не оправдало Кутузова в глазах императора Александра, даже когда он пожал лавры победы и изгнал французов из России, несмотря на совершенное уничтожение армии»[15]. Можно предположить, что желание историков войны 1812 г. сгладить остроту предъявляемого Кутузову обвинения относительно отхода от Малоярославца приводило к замалчиванию

отдельных фактов и уходу от детального описания военных событий, происходивших на Калужской земле осенью 1812 г.

Кроме того, отсутствие в трудах первых историков Отечественной войны должной оценки деятельности Калужского края, могло быть связано с неоднозначным отношением к личности калужского гражданского губернатора, который своей активной деятельностью, способностью самостоятельно принимать серьезные решения и достигнутыми успехами выделялся среди других гражданских губернаторов. Так, 22 декабря 1813 г. граф Ф. В. Ростопчин в письме к калужскому гражданскому губернатору П. Н. Каверину писал: «Судьба ваша есть одно из моих удивлений. Потерпите, война теперь долго продолжиться не может, и при возвращении государя вы имеете большее право на его внимание. Если я успел сохранить жителей московских в живых, а Москву оставить без бунту, то вы с вашей стороны успели сохранить в живых остатки военной силы и кормили все войско. Жаль, что дела ваши шли через желудок Кутузова, а он, думая о себе, забывал тех, кои служили отечеству и жертвовали собою Государю. Вот что я о вашей службе думаю, что говорю, пишу, и говорить и писать буду»[16].

При этом действия Каверина в 1812 г. не только не получили должной оценки, пройдя «через желудок Кутузова», но и осталась без внимания императора, который указом Сенату от 21 февраля 1816 г. освободил его от должности гражданского губернатора, повелев «присутствовать по званию сенатора в Правительствующем Сенате»[17]. Отстранение Каверина от административной деятельности и определение в Сенат, игравший тогда далеко не первую роль в жизни государства, было равносильно опале. Вместо активного участия в жизни государства путем управления губернией Каверин получил почетное, но мало что значащее место в Сенате. Тем самым, по воле императора, активный участник эпохи 1812 г., сумевший наладить бесперебойное снабжение русских войск провиантом и фуражом и организовавший защиту расположенных к югу от Москвы территорий, в том числе путем вооружения мирного населения, практически сразу после окончания войны оказался отодвинут на «второй план». Можно сказать, что этот перевод стал шагом к завершению служебной деятельности Каверина. Он находился в Сенате до 31 июля 1827 г., когда был уволен от службы, и в дальнейшем, до своей смерти, последовавшей 4 февраля 1853 г., никаких должностей не занимал[18].

Такое отношение к Каверину со стороны императора могло в определенной степени повлиять на молчание первых историков относительно роли Калужского края в войне, так как говорить об этом, не упоминая о деятельности губернатора, было невозможно. В свою очередь указание на Каверина могло вызвать неудовольствие монарха.

Подобная картина, связанная с замалчиванием участия в войне неугодных императору лиц, наблюдалась в описании боевых действий Калужского ополчения под Ельней. Направленный туда отряд состоял под начальством генерал-майора князя В. М. Яшвиля, который по Высочайшей воле с 1803 г. находился под надзором полиции в сельце Муромцево Перемышльского уезда и был принят в состав ополчения по приказу Кутузова. Александр I, узнав об этом, выразил свое неудовольствие главнокомандующему и потребовал незамедлительно вернуть Яшвиля под надзор. Данное обстоятельство стало причиной того, что Яшвиль надолго «выпал» из истории войны 1812 г., а его место занял находившийся у него в подчинении начальник 2-го пешего казачьего полка ополчения полковник И. И. Раевский. Именно о Раевском как начальнике отряда писал первый историк Калужского ополчения поручик 2-го полка Ф. И. Козлов. Вслед за ним этот «факт» повторили и другие авторы краеведческих изданий[19].

Таким образом, в историографии сложилась определенная тенденция смотреть на Калужскую губернию как на один из многих регионов, причастных к войне 1812 г. Вместе с тем анализ происходивших на калужской земле событий, позволяет говорить о значимости роли, которую сыграл Калужский край в Отечественной войне. Фактически на ее территории произошел решительный поворот хода войны в пользу России, приведший в конечном итоге к гибели Великой армии. Именно с Калужской земли победно въехавший до этого в Москву Наполеон был вынужден начать отступление к границам России. На территории Калужской губернии 22 сентября, на подступах к Тарутину, в бою при Винкове (Винькове), движение противника было остановлено и все попытки сбить арьергард русских войск под командованием генерал от инфантерии М. А. Милорадовича с позиции оказались тщетны. На следующий день, 23 сентября, от Наполеона с мирными предложениями в Тарутино прибыл бывший французский посол в России граф Ж. А. Лористон. «Большая война» на главном направлении временно прекратилась и на смену ей пришла «малая война», которая была развернута против разбросанных вблизи Москвы наполеоновских войск. В свою очередь русские войска, расположившиеся в Тарутинском лагере на правом берегу реки Нары, получили возможность восстановить боеспособность и поднять боевой дух солдат. На границе Калужской и Московской губерний 6 октября 1812 г. состоялось Тарутинское сражение, в ходе которого неприятельский отряд под командованием маршала И. Мюрата потерпел серьезное поражение. 12 октября прогремело кровопролитное Малоярославецкое сражение. Его следствием стало начало отступления Великой армии из России. На следующий день, 13 октября, на подступах к Медыни казачьи полки под командованием полковников Г. Д. Иловайского и В. А. Быхалова разгромили авангард польского корпуса армии Наполеона. Этот бой показал императору французов, что русские войска надежно прикрывают южное направление, и это во многом повлияло на его решение отступать по дороге на Смоленск. В то же время Кутузов отошел от Малоярославца к Полотняному Заводу, откуда началось преследование неприятеля.

Помимо этих крупных военных событий, изменивших ход войны, на территории Калужской губернии в 1812 г. проводились крупномасштабные мероприятия, направленные в первую очередь на защиту границ от многочисленных отрядов противника, а также на обеспечение различных потребностей русских войск. В военное время дворяне, духовенство, купцы, мещане жертвовали для армии провиант, оружие, вещи, серебро и деньги. В Калуге генералом М. А. Милорадовичем формировались для пополнения действующих армий новые части, из состава которых 14 тыс. человек приняли участие в Бородинском сражении. На территории Калужской губернии активно велась «малая война». По инициативе губернатора по границам губернии из крестьян под командованием чиновников и дворян были сформированы отряды самообороны, образовавшие цепь охранительных кордонов, поддержанную казачьими полками, регулярными войсками и частями ополчения. Эти меры привели к тому, что неприятельские партии мародеров и фуражиров не смогли проникнуть в глубь губернии.

В ходе «малой войны» на территории Калужского края с успехом была решена главная задача — предотвращено распространение партий неприятеля на незанятые территории вблизи его коммуникационной линии. Это произошло во многом благодаря активной деятельности калужской губернской администрации, которая, применяя подчас жесткие меры, вплоть до запрещения жителям «прифронтовой зоны» покидать свои дома, сумела своевременно создать кордонную цепь вдоль границы губернии, которая впоследствии была усилена охранительными казачьими отрядами и частями ополчения. Более того, предотвратив стремление неприятеля вторгнуться в Калужскую губернию, находившиеся на ее территории формирования перешли к уничтожению противника в соседних губерниях, особенно в южных уездах Смоленской губернии, сузив тем самым зону действий неприятельских мародеров и фуражиров вблизи своей коммуникационной линии. Таким образом, в ходе «малой войны» оказалось прикрыто южное — стратегически важное — направление, где располагались продовольственные базы русской армии, Тульский оружейный завод и Брянский арсенал.

Когда русские армии после оставления Москвы, совершения флангового маневра и отхода к Тарутину вышли на калужское направление, Калуга стала центральным узловым коммуникационным пунктом, через который в сентябре — начале октября шло основное снабжение действующих войск. Калужане выполняли тяжелую подводную повинность, доставляя провиант, фураж и одежду в армию. На калужских заводах изготавливали боеприпасы. Из помещичьих крестьян было сформировано пятнадцатитысячное ополчение, части которого приняли деятельное участие в боях на кордонах, в освобождении Смоленской и Могилевской губерний. В Калуге, Мосальске и Козельске были развернуты военно-временные госпитали, где содержались больные и раненые воины. Через Калужскую губернию в 1812 г. прошло более 10 тыс. военнопленных и около ста было оставлено в Калуге до заключения мира.

Как видно, для раскрытия темы «Калужский край в Отечественной войне 1812 г.» необходимо решить сложную пространственно-временную задачу, охватывающую целый спектр вопросов, относящихся к деятельности военного командования, гражданской администрации и представителей различных сословий на территории Калужского края (для калужского ополчения и калужан — участников войны эти территориальные рамки были значительно шире) в период с мая 1812 г. (когда последовали первые призывы к сбору пожертвований для русской армии) и до середины 1814 г. (когда закончилась репатриация военнопленных и воины калужского ополчения вернулись в свои дома). При данном подходе понятие «Калужский край» определяет территориальные рамки исследования, которые, помимо Калужской губернии, включают в себя находившиеся в период войны под управлением калужского губернатора Юхновский, Ельнинский и Рославльский уезды Смоленской губернии. При этом четко вырисовываются два исследовательских уровня — «военный» (общероссийский) и «гражданский» (региональный). «Военная» составляющая касается в первую очередь вопросов пребывания русской армии в Тарутинском лагере и ведения «малой войны», а также хода военных действий на главном направлении осенью 1812 г., в том числе Тарутинского сражения, битвы под Малоярославцем и боя под Медынью. В свою очередь, в рамках «гражданской» части, рассматривается участие калужской администрации, чиновников различных ведомств и представителей разных сословий в формировании регулярных частей и ополчения, организации производства боеприпасов, охране границ губернии, сборе пожертвований, выполнении повинностей военного времени, организации медицинского обеспечения русской армии и гражданского населения, содержании военнопленных, восстановлении разрушенного войной хозяйства и т. д.

Таким образом, изучение указанной темы представляется вполне актуальным как на региональном, так и на общероссийском уровне. В последнем случае это связано с тем, что затрагивается важный, поворотный этап войны, исследованию которого до сегодняшнего дня не уделялось должного внимания. Целью работы должно стать комплексное изучение проблемы участия Калужского края в Отечественной войне на «военном» и «гражданском» уровнях. При этом особое внимание следует обратить на решение всего комплекса задач, связанных с ведением боевых действий против войск Наполеона, поддержанием порядка в Калужской губернии и южных уездах Смоленской губернии и организацией выполнения повинностей военного времени.

Примечания

[1] См.: *Бессонов В. А.* Не считая шаромыжников: Численность военнопленных 1812 г. в России // Родина. — 2002. — № 8. — С. 55—59; *Попов А. И.* Великая армия в России: Погоня за миражем. — Самара, 2002. — С. 308—309.

[2] *Зельницкий Г. К.* Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии, или изображения достопамятных деяний, героических подвигов и отечественных пожертвований калужского дворянства и всех сословий сей губернии, почерпнутое из достоверных известий. — М., 1815. — С. I—II.

[3] М. И. Кутузов: Сборник документов. — Т. 4. — Ч. 2. — М., 1955. — С. 650—651.

[4] См.: *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. — М., 1962. — С.496; *Ульянов А. И.* Бой на реке Чернишне // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии. Проблемы изучения, источники, памятники. — Малоярославец, 1995. — С. 60.

[5] Даты приводятся по старому стилю.

[6] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. — Ч. 10. — СПб., 1900. — С. 82—83.

[7] *Бессонов В. А.* Тарутинское сражение. — М., 2008. — С. 64, 68.

[8] См.: *Поликарпов Н. П.* О сражении 22 сентября 1812 г. между селом Вороновым и рекою Чернишною: Доклад, читанный в кружке ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. 16 декабря 1910 г. — [М.], [1910].

[9] См,: 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. — М., 1991. — С. 12, 25, 35, 95, 198, 343; М. И. Кутузов Сборник документов. — Т. 4. — Ч. 1. — М., 1954. — С. 342; *Ульянов А. И.* Тарутинское сражение: Проблемы изучения // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Материалы научной конференции, посвященные 180-летию Малоярославецкого сражения. — Малоярославец, 1993. — С. 36—39; *Он же.* Спас-Купля // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. — М., 2004. — С. 672—673; *Подмазо А. А.* Большая Европейская война 1812—1815 гг. — М., 2003. — С. 52; *Вильсон. Р.-Т.* Дневник и письма 1812—1813. — СПб., 1995. — С.68, 266.

[11] *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 г. — Ч. 3. — СПб., 1840. — С. 115.

[12] См.: *Попов А. И.* Великая армия в России: Погоня за миражем. — С. 315.

[13] ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д. 411. Л. 382; М. И. Кутузов: Сборник документов. — Т. 4. — Ч. 1. — С.172.

[14] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 566. Л. 5.

[15] *Беннигсен Л. Л.* Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампании 1812 г. // Русская старина. — 1909. — № 11. — С. 361.

[16] *Голицын А. Б.* Записки о войне 1812 г. // *Военский К. А.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. — СПб., 1911. — С. 72.

[17] *Щербачев Ю. Н.* Еще письма, касающиеся Отечественной войны: Из бумаг П. Н. Каверина. — М., 1913. — С. 11.

[18] ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1047. Л. 101.

[19] См.: Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. — С. 322.

[20] См.: *Козлов Ф. И.* Извлечение из достоверных известий о составлении и действиях Калужского ополчения // *Зельницкий Г. К.* Описание происшествий 1812 года... — С. 131—133; *Булычов Н. И. А*рхивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калужское дворянское ополчение. — Калуга, 1910. — С. 27; *Ассонов В. И.* В тылу армии: Калужская губерния в 1812 г.: Обзор событий и сборник документов. — Калуга, 1912. — Обзор событий. — С. 15—16; *Глухарев Н. П., Цветков И. Ф.* Отечественная война 1812 года в пределах Калужской губернии // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. — Вып. 1. — Калуга, 1912. — С. 65—66.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***В. А. Иванов**, к. и. н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Ровно 150 лет нас отделяют от события, которое, по общему мнению современников и исследователей, стало рубежом, «поворотным пунктом», «переломом» в отечественной истории. Речь идет об отмене в 1861 г. одного из важнейших (если не важнейшего) социально-экономического института, оформившегося в XVI—XVII вв., — крепостного праве. Интерес к крестьянской реформе в разные эпохи приобретал особую остроту и политическую окраску. Современные дискуссии о стратегии модернизации страны в направлении гражданского общества и правового государства делают весьма актуальным обращение к историческому опыту Великой реформы как успешному примеру правовой модернизации традиционного типа, осуществленной по плану в соответствии с первоначальным замыслом и установленными сроками, а главное (что нетипично для России) — с сохранением социального консенсуса.

Одной из главных причин отмены крепостного права было вступление России в предреформенные десятилетия в полосу всеобщего кризиса. Возможности крепостного хозяйства как экономической системы были полностью исчерпаны. Помещичье хозяйство, основанное на подневольном, крепостном труде, все более приходило в упадок. Выражением обострявшегося социального конфликта в стране явился последовательный рост крестьянского антикрепостнического движения. Углублению кризиса феодализма способствовало поражение России в Крымской войне (1853—1856). Война раскрыла царизму глаза на невозможность и социальную опасность дальнейшего сохранения крепостничества.

История подготовки крестьянской реформы в масштабах страны достаточно хорошо известна. Напомню лишь некоторые факты. 30 марта 1856 г. Александр II в краткой речи перед представителями московского дворянства заявил о необходимости приступить к подготовке отмены крепостного права ввиду опасности его дальнейшего сохране-

3 Зак. 1053

ния, указав, что лучше его отменить «сверху, чем ждать, когда оно само будет отменено снизу». В январе 1857 г. был образован Секретный комитет под председательством императора для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян, составленный из бывших николаевских сановников. (В феврале следующего 1858 г. он был переименован в Главный комитет.) В 1857—1858 гг. последовали царские рескрипты российским генерал-губернаторам и губернаторам сорока шести губерний, в которых находились крепостные крестьяне, для учреждения губернских комитетов для подготовки местных проектов «улучшения быта помещичьих крестьян». Рескрипт калужскому губернатору графу Д. Н. Толстому был дан 24 июня 1858 г., а губернский комитет учрежден только 6 декабря, то есть к концу года, когда во многих губерниях страны подобные комитеты уже завершали свою работу. Столь позднее открытие губернского комитета убедительно свидетельствует о том, что калужские помещики в своем подавляющем большинстве были противниками отмены крепостного права. И это не случайно. В экономическом отношении Калужская губерния накануне крестьянской реформы представляла собой один из густонаселенных крепостнических районов Европейской России. В 1859 г. на ее территории, по данным А. Тройницкого, проживал 1 007 471 человек. Подавляющее большинство населения составляли крепостные крестьяне (61,8%). 94% всех крестьян принадлежали помещикам. Перед реформой помещики владели 77% всей земли. В среднем каждому помещику принадлежало 923,86 дес. Размер крестьянского надела на одну душу м. п. по губернии колебался от 2,25 до 23 дес. В среднем же крестьянский надел составлял 3,74 дес. До реформы преобладали оброчная (32,7%) и смешанная (36,4%) формы эксплуатации крестьян. За 1858—1860 гг. в губернии произошло 39 крестьянских выступлений, из которых пять были подавлены военной силой. Преобладающей формой борьбы крестьян был отказ от выполнения феодальных повинностей. В том, что волнения крестьян не достигли большого размаха, свою роль сыграли массовое отходничество и политика лавирования губернской администрации.

В состав Калужского губернского комитета вошло по два представителя от каждого из одиннадцати уездов губернии и два члена по назначению от правительства из местных помещиков. Это были разные по возрасту, образованию, имущественному цензу, профессиональным, личным, нравственным качествам, служебным заслугам, взглядам, наконец отношению к крепостному праву представители дворянского сословия, призванные верховной властью разработать проект освобождения крестьян. Среди них были и либерально настроенные помещики, одержимые идеей освобождения крестьян, и деятели умеренного крыла, решившие не противиться освободительной миссии самодержавной власти, и составлявшие большинство откровенные крепостники.

В процессе работы комитета образовалась либеральное, или прогрессивное, меньшинство в составе амнистированного декабриста П. Н. Свистунова (Лихвинский уезд), бывшего петрашевца Н. С. Кашкина (Козельский уезд), члена по назначению от правительства, А. В. Оболенского, А. А. Муромцева (Медынский уезд) и А. П. Племянникова (Лихвинский уезд). Первые двое достаточно хорошо известны своей деятельностью на ниве крестьянской эмансипации, трое других известны менее.

Андрей Васильевич Оболенский происходил из рода князей Оболенских. Он родился в 1824 г. в семье генерал-майора Василия Петровича Оболенского. Его дядя Александр Петрович Оболенский в 1825—1831 гг. служил губернатором в Калуге и оставил заметный след в истории Калужского края. Получив домашнее образование, Андрей Оболенский продолжил курс обучения в Училище правоведения, которое окончил в 1846 г. В 50-е годы служил по судебному ведомству в Рязани, Ярославле, Калуге. В 1856—1858 гг. исполнял должность калужского губернского прокурора, а в 1858—1861 гг. был председателем Калужской гражданской палаты. В качестве представителя от меньшинства Калужского губернского комитета Оболенский принимал участие в работе учрежденных при Главном комитете (февраль 1859 г.) Редакционных комиссий в Петербурге, где последовательно выступал за освобождение крестьян с землей. После отмены крепостного права являлся членом Калужского губернского по крестьянским делам присутствия. За труды на поприще организации крестьянского быта был награжден серебряной медалью и повышен в чине.

Фото 1. Либеральное меньшинство губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян.

Аркадий Алексеевич Муромцев родился в 1826 г. в семье крупнопоместных дворян Медынского уезда. В 1848 г. он блестяще (со степенью кандидата) окончил юридический факультет Московского университета и поступил на службу в 1-й департамент Московской палаты гражданского суда. С 1860 г. служил советником в Калужском губернском правлении. Он доводился дядей председателю I Государственной думы, выдающемуся юристу, профессору Московского университета С. А. Муромцеву. В период проведения крестьянской реформы Аркадий Муромцев служил мировым посредником в Медынском уезде, где находилось его родовое имение. Муромцев проявил себя и на литературном поприще: он автор воспоминаний о событиях 1861 г. в Калужской губернии. В Комитете он состоял членом комиссии по образованию сельских обществ и деятельно участвовал в оценочной комиссии.

Аркадий Петрович Племянников являлся крупным помещиком Лихвинского уезда. Получив образование в доме родителей, он начал службу чиновником в канцелярии Московского дворянского депутатского собрания в 1840 г. В 1842—1849 гг. находился на службе в Министерстве иностранных дел, а спустя шесть лет, после непродолжительной отставки, был избран дворянством в должность судьи Лихвинского уезда. В Комитете Племянников был членом комиссии о повинностях.

Наиболее яркими выразителями интересов консервативно настроенных калужских помещиков в комитете были мосальский депутат Д. И. Потулов и предводитель Тарусского дворянства, камер-юнкер двора Е. И. В. Д. А. Чертков.

Дмитрий Иванович Потулов (р. 1822) — сын генерал-майора Ивана Терентьевича Потулова, участника Отечественной войны 1812 г. По окончании Московского университета поступил на службу в Канцелярию московского губернатора (1843). В 1849 г. в составе гусарского полка генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского принимал участие в подавлении Венгерской революции 1849 г. Это был крупный земельный магнат, владелец свыше тысячи душ крепостных крестьян, в комитете придерживавшийся особого мнения. По словам либерального русского историка А. А. Корнилова, это был человек «очень умный», но отъявленный крепостник и крайний приверженец «самых своекорыстных и низменных дворянских стремлений…»

Дмитрий Александрович Чертков по окончании в 1841 г. Царскосельского лицея поступил на службу переводчиком в Московский архив Министерства иностранных дел. В 1856—1860 гг. служил тарусским уездным предводителем дворянства. В комитете Чертков доказывал, что устроение быта помещичьих крестьян может быть достигнуто без выделения им земельного надела. Он был приверженцем арендной системы ведения сельского хозяйства, основанной на добровольном соглашении между собственником земли — помещиком — и безземельным крестьянином. Чертков работал в Редакционных комиссиях в Петербурге, где отстаивал принцип безземельного освобождения крестьян.

Делопроизводителем комитета (январь—июль 1859 г.) был назначенный земским отделом МВД известный общественный деятель и литератор, впоследствии один из организаторов и руководителей «Земли и воли» **Н. А. Серно-Соловьевич**, а руководил его работой губернский предводитель дворянства отставной подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. **Федор Сергеевич Щукин**. Уже упоминавшийся историк А. А. Корнилов характеризовал этого деятеля как человека слабого и тщеславного, очень гордившегося своим положением и страстно желавшего сохранить его и на будущее время. Он «сам по себе, по-видимому, не был враждебен предстоящей реформе, — писал Корнилов, — но, руководясь постоянно одною идеею — поддержать и развить свою популярность среди дворян, он сильно поддался впоследствии влиянию того реакционного настроения, которое охватило помещиков перед дворянскими выборами 1860 года и в момент введения крестьянской реформы».

Фото 2. Федор Сергеевич Щукин. Е. Яновская. 1864. Холст, масло. КОКМ.

Калужский губернский комитет закончил свою работу 5 июля 1859 г. Итогом его деятельности можно считать выработку двух проектов. Проект крепостнического большинства комитета предусматривал выкуп крестьянами личной свободы, сохранение помещичьей собственности на землю и передачу крестьянам наделов в пользование при сохранении обязательных работ на помещика. Либеральное меньшинство в своем проекте настаивало на безвозмездном предоставлении крестьянам личной свободы и наделении их землей в размере 2,3 дес. на одну душу м. п. Для сравнения замечу, что например, тверские либералы во главе с У. М. Унковским (природно-экономические условия Тверской губернии во многом были схожи с Калужской), полагали недостаточным для крестьян надел в 4 дес. В Калужской губернии с учетом низкого плодородия почвы, крестьянин мог обеспечить себе нормальные условия существования лишь при наделе в 15—20 дес.

Чрезвычайно сложной обстановка в Калужской губернии была в период обнародования царских документов об отмене крепостного права, подписанных 19 февраля 1861 г., и в период проведения самой реформы. Драматизм ситуации состоял в том, что за отмену крепостного права стоял местный губернатор, либерал по убеждениям, обладавший основательными юридическими познаниями В. А. Арцимович (по оценке А. И. Герцена — «лучший губернатор России»), стремившийся реализовать реформу на законных основаниях. Заручившись поддержкой местной бюрократии и трезво оценивая сложившуюся в губернии расстановку сил, Арцимович как опытный администратор, разработал детальный план обнародования в губернии Манифеста и реализации «Положений 19 февраля 1861 года». Учитывая враждебное отношение калужского дворянства к реформе, он рас-

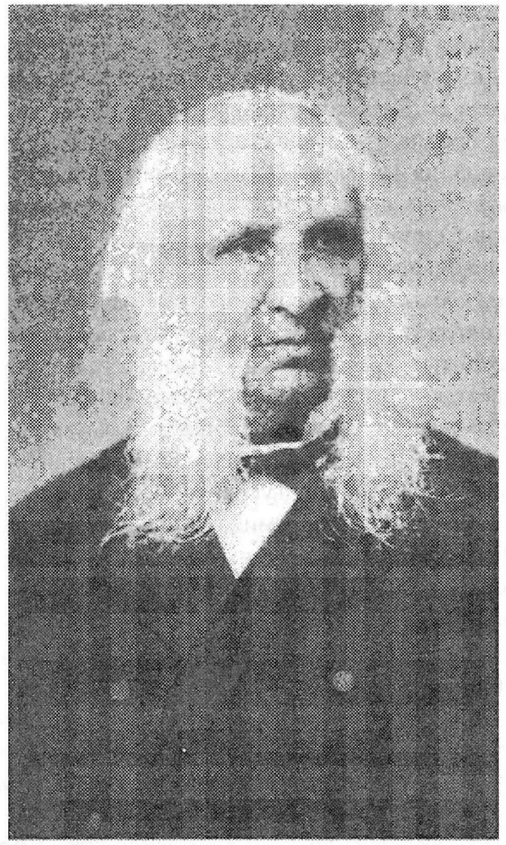


Фото 3. Виктор Антонович Арцимович, калужский губернатор (1858—1862).

порядился объявление «воли» провести одновременно по всей губернии. С этой целью ее территория была разделена на 167 небольших участков, и в каждый был направлен чиновник для чтения манифеста и раздачи «Положений». Все командированные в уезды чиновники были лично подобраны губернатором. При отборе кандидатов Арцимович обращал особое внимание не на социальную принадлежность, титулы и служебные звания, а на деловые и личные качества, а главное — на сочувствие реформе. Командированные чиновники из огромного законоположения должны были читать только 100 статей, отмеченных лично губернатором, в которых говорилось не только об основных обязанностях крестьян по отношению к помещику, но и о тех правах, которые давала им реформа. Каждому чиновнику выдавалась брошюра с правилами обнародования правительственных документов. Так, чиновникам разрешалось вручать крестьянам «Положения» лишь в присутствии помещиков или их представителей, и наоборот, чтобы, как вспоминал один из участников этого события, «крестьяне знали и видели, что им и помещикам объявляется и вручается один и тот же закон, что отныне будет жизнью их править эта "законная царская книга", а не произвол равного теперь перед ней барина их». Губернатор запретил комментирование статей и требовал держаться их буквального смысла. В противном случае неверное толкование закона могло вызвать у крестьян недоверие к лицам, его читавшим. При необходимости допускалось повторное чтение статей «Положений». Для придания законности данному мероприятию Арцимович распорядился, чтобы все чиновники при объявлении законодательных актов реформы обязательно были в мундирах. На это губернатор обратил особое внимание. «Важность самого события требовала, чтобы обнародование манифеста и законоположений, — писал он в одной из своих записок, — производилось через правительственные органы, публично и официально: только этим способом можно было показать освобожденным крестьянам, что вхождение их в новую жизнь совершается верховной волей и что правительственная власть… будет охранять новые права трудового землепашца…» Наконец, для обеспечения надлежащего порядка при обнародовании манифеста и чтении «Положений» губернатор распорядился прислать по городовому для каждого отъезжающего в уезд чиновника.

С помощью тщательно продуманной системы мер либеральный губернатор (справедливости ради заметим, что действия Арцимовича не выходили за рамки точного следования букве закона), опираясь на небольшую когорту искренних и убежденных сторонников реформы, объединенных пониманием предстоящих задач, рассчитывал не только ослабить крепостнические вожделения калужских помещиков, но и предотвратить крестьянские выступления, иначе говоря, обеспечить действительное исполнение манифеста и «Положений» в желаемом для законодателя направлении.

Калужское крестьянство, как и по стране в целом, встретило царский манифест с чувством глубокого разочарования. Первые выступления крестьян против крепостнического характера реформы начались еще в марте. Либеральный губернатор, обладая широким кругозором, умело, применяя гибкую тактику, старался мирным путем улаживать возни-

4 Зак. 1053

кавшие конфликты. Нередко он сам объезжал места волнений и точными ссылками на статьи закона и личным авторитетом ограничивал произвол помещичьей власти. Лишь в случаях открытых крестьянских выступлений губернатор отдавал приказы о вводе в имение военных команд под началом генерала Н. Казнакова, направленного в Калугу с чрезвычайными полномочиями, не возражал против применения арестов и розог. Так, по данным историка академика Н. М. Дружинина, на 1 января 1862 г. центральные органы власти зарегистрировали в губернии 79 массовых выступлений крестьян. В одиннадцати имениях волнения были подавлены военной силой.

Реализация реформы вызвала открытое недовольство реакционно настроенных помещиков. Подтверждением тому могут служить события, происшедшие в Жиздринском имении одного из крупнейших земельных магнатов и заводчиков России, отставного генерал-майора С. И. Мальцова. Владелец более 20 тыс. крепостных и нескольких заводов, на которых трудились приписанные к ним крестьяне, Мальцов был весьма колоритной фигурой, в которой психология крепостника уживалась с отдельными чертами, характерными для деятелей капиталистической эпохи. Он был возмущен появлением на территории принадлежавшего ему Людиновского завода представителя губернской администрации для ознакомления крепостных рабочих с текстом «Положений». Мальцов, всегда считавший себя самостоятельным и независимым хозяином в своих владениях, заявил о том, что он сам может прочесть и истолковать царский указ. Через несколько дней, когда группа рабочих, уже получивших известие об упразднении крепостного права, не позволила наказать розгами своего товарища, привыкший к общему раболепству генерал велел заковать в кандалы восьмерых мастеровых и отослал их в Калугу к генералу Н. Казнакову для отправки в Сибирь.

Узнав о грубейшем произволе Мальцова, Арцимович распорядился немедленно освободить арестованных, потребовав доставить их вместе с сопровождавшими и свидетелями для следствия в Калугу. Возглавляемое Арцимовичем губернское по крестьянским делам присутствие — самое либеральное присутствие в стране — постановило признать самовольные действия Мальцова незаконными. Прогрессивное меньшинство присутствия в составе Арцимовича, губернского прокурора П. Трузсона, декабриста Е. П. Свистунова и П. Н. Оболенского решило ходатайствовать перед центральными властями о высылке ярого крепостника на некоторое время из имения ввиду его явного противодействия претворению в жизнь нового закона. Получив сообщение из Главного комитета по крестьянскому делу о невозможности «удаления» Мальцова из имения, Арцимович написал министру внутренних дел П. А. Валуеву письмо, в котором объяснил, что все его распоряжения в отношении Мальцова не противоречат статьям действующего закона и одобрены губернским по крестьянским делам присутствием. Валуев, стоявший на защите интересов дворянского сословия, губернатору не ответил, однако дал ему личную аудиенцию. «Дело Мальцова» получило широкую огласку далеко за пределами губернии. За ним внимательно следили аристократические круги обеих столиц, высшая петербургская администрация, поскольку от его исхода зависела не только служебная карьера Арцимовича, но и судьба крестьянской реформы в Калужской губернии. В конце мая на свидании с Валуевым Арцимович снова подтвердил законность действий губернских властей в пресечении вопиющего беззакония Мальцова. Однако поддержки у министра не нашел. После беседы с министром Арцимович встретился с императором, доложил о принятых им мерах по претворению в жизнь новых законоположений, беспристрастно охарактеризовал поступок Мальцова. Получив полное одобрение своим действиям, губернатор возвратился в Калугу. Конфликт между Арцимовичем и крайним реакционером Мальцовым закончился победой губернатора.

Первое поражение калужских крепостников в лице их главного и влиятельного представителя Мальцова еще более усилило нападки на деятельность губернатора и его либерального окружения. Губернатора называли «крамольником», «изменником», даже «революционером», замышлявшим демократическую революцию и уничтожение русского дворянства. В этой накаленной обстановке министру внутренних дел удалось убедить императора в необходимости проведения тщательной ревизии деятельности администрации Арцимовича по реализации «Положений 19 февраля».

В августе 1861 г. с ревизией в Калугу прибыл сенатор А. Х. Каптер. Не являясь специалистом по аграрному вопросу, он внимательно ознакомился со всеми документами, отражающими ход крестьянской реформы, имел личные беседы с Арцимовичем и губернским предводителем Ф. С. Щукиным. Каптер, не выявив каких-либо нарушений со стороны губернатора и его сподвижников, дал положительную оценку деятельности Арцимовича. Более того, по итогам ревизии за труды в деле освобождения крестьян калужский губернатор был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

Ревизия Каптера не устранила острых разногласий между стоявшей на почве законности либеральной администрацией и крепостническим ядром поместного дворянства. Валуев, не видя иного пути выхода из сложившейся обстановки, настаивал на отзыве Арцимовича из Калуги. В противном случае, считал министр, порядок и спокойствие в губернии обеспечить будет невозможно. Император согласился с мнением министра. 10 декабря 1862 года Арцимович получил отставку, пожалован в тайные советники и назначен присутствовать в Сенат.

Экономическое содержание крестьянской реформы 1861 г. составляют два основных тесно связанных между собой вопроса. Это изменения в крестьянском землепользовании и изменение форм и объема повинностей бывших помещичьих крестьян в результате введения уставных грамот. Как выяснилось, в Калужской губернии у крестьян в результате реформы было отрезано 10,88% дореформенного надела. В среднем по стране размеры отрезков составили 20%, в некоторых губерниях они достигали 30—40% от прежде принадлежавшей крестьянам земли. Минимальная величина фактической отрезки в Калужской губернии равнялась 6—8% (Лихвинский, Козельский, Тарусский уезды), максимальная — 15% (Боровский, Мещовский). Как видим, величина отрезки была различной. Она зависела прежде всего от формы эксплуатации крестьян до 1861 г. и размера помещичьих имений.

За отведенный по уставным грамотам надел временнообязанные крестьяне платили помещику оброк либо отбывали барщину. Размер барщинной повинности сократился в два раза — со 140—150 дней в году до 70 дней. Величина оброка (в губернии за высший душевой надел был установлен девятирублевый годовой оброк) в среднем в девяти (из одиннадцати) уездах увеличилась на 10 коп. И лишь в двух уездах — Мосальском и Тарусском — оказалась ниже дореформенной соответственно на 17 и 23 коп.

Завершающим этапом крестьянской реформы являлся перевод крестьян на выкуп. Закон 19 февраля 1861 г., однако, не устанавливал окончательного срока перевода крестьян. Перевод временнообязанных крестьянин на выкуп мог быть произведен либо по их обоюдному соглашению с помещиком, либо по одностороннему требованию последнего. Сами крестьяне требовать перевода на выкуп права не имели. В Калужской губернии наибольшее число временнообязанных крестьян перешло на выкуп в первое десятилетие (1862—1871) — 60,2%. Во втором десятилетии (1872—1881) крестьянами-собственниками стало 29,7% крестьян. В конце 1881 г. на момент издания Положения, предусматривавшего обязательный перевод крестьян на выкуп, в губернии на временнообязанном положении числилось 10,1% крестьян, в масштабах страны — около 15%. Факт сохранения временнообязанного состояния свидетельствует о тяжести выкупной операции для крестьян, о нежелании помещиков предоставлять крестьянам в короткий срок возможность выкупить землю, а в конечном итоге о сохранении спустя двадцать лет после начала реализации законодательных актов реформы крепостнических отношений между крестьянином и помещиком.

Таким образом, отмена крепостного права в Калужской губернии была проведена по тому же сценарию, что и по всей стране — с сохранением максимальных выгод для помещиков. Особенностью процесса подготовки и проведения реформы в Калужской губернии следует признать наличие здесь острой борьбы не только между крестьянами и помещиками, но и внутри дворянского сословия, а также законные действия либеральной администрации во главе с губернатором В. А. Арцимовичем, который, по оценке Н. М. Дружинина, «противопоставлял интересам и требованиям крепостников освободительную миссию самодержавной власти (т. е., по существу, более дальновидную защиту общих интересов дворянского государства)».

Литература

Сахаров Н. Объявление «воли» в Калужской губернии (из материалов к биографии В. А. Арцимовича) // Русская мысль. — 1899. — № 9. — С. 1—33.

Сахаров Н. В. Дело генерала Мальцова // В. А. Арцимович: Воспоминания-характеристики. — СПб., 1904. — С. 466—518.

Герцен А. И. Валуев // Колокол. — 1861. — Л. 112. — 15 нояб. — С. 940.

Иванов В. А. Губернское чиновничество 50—60 гг. XIX в. в России (по материалам Московск. и Калужск. губ.): Историко-источниковедческие очерки. — Калуга, 1994.

Иванов В. А. Образцовый губернатор // Родина. — 2009. — № 6. — С. 101—102.

Иванов В. А. Деятели Калужского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян (1858—1859 гг.): Краткие персоналии // Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции, посвященной 625-летию г. Калуги. — Калуга, 1997. — С. 113—116.

Дружинин Н. М. Сенаторские ревизии 1860—1870-х годов (К вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Исторические записки. — Т. 79. — М., 1966. — С. 141, 142.

Корнилов А. А. Крестьянская реформа в Калужской губернии при Арцимовиче // В. А. Арцимович: Воспоминания-характеристики. — СПб., 1904. — Гл. IV.

Пронин В. И. К вопросу о капиталистической эволюции частновладельческих хозяйств в пореформенный период (по материалам Калужской губернии) // Вестник Моск. ун-та. — Сер. «История». — 1968. — №. 4.

Свиридова Т. А. «Калужский кружок» // Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. — Т. 2. — М., 1996. — С. 467.

Свиридова Т. А. Калужское земство.1865—1918: Очерки истории. — Калуга, 1996. — С. 18.

Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. — СПб., 1861. — С. 31, 49.

Харитонова Ю., Щербаков Д. Крестьянское движение в Калужской губернии в 1861—1917 гг. — Калуга, 1961. — Гл. I—III.

Харитонова Ю. В. Проведение крестьянской реформы 1861 года в Калужской губернии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. — М., 1972.

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ПОСЕЛЕНИЕ ЛУКЬЯНОВО 2 НА р. ОКЕ

***А. Н. Сорокин**, д. и. н., Институт археологии РАН;*
***А. С. Фролов**, Фонд содействия охране памятников «Археологическое наследие»*

В 2009—2010 гг. Окской экспедицией Института археологии РАН проводились разведочные работы в зоне отвода земли «Окская Слобода» на территории Серпуховского р-на Московской области (рис. 1).

Археологические исследования этого микрорегиона и близлежащих территорий проводятся с конца XIX в.

К сожалению, все обследования были по преимуществу линейными, то есть представляли собой маршруты вдоль Оки и русел ее притоков или по берегам немногочисленных старичных озер. Из-за этого остались неизученными значительные участки местности, особенно отстоящие от постоянных водотоков. Разведочные работы в 1990-е гг. из-за общего изменения экономической ситуации в стране вообще оказались в значительной степени свернутыми и перестали носить постоянный характер. Лишь с начала 2000-х гг. положение несколько улучшилось. Вот почему археологические обследования в пределах конкретных зон отвода земли весьма актуальны. Они дают возможность оценить современное состояние археологической изученности разных участков, провести «сквозную» проверку имеющихся данных и определить современное состояние уже известных памятников, а также осуществить поиск новых, пока неизвестных памятников археологии. Важно в этой связи отметить, что целенаправленное обследование зон землеотводов, все более активно ведущееся в последние годы, достаточно стабильно приводит к открытию новых, ранее неизвестных объектов археологического наследия.

Территория зоны отвода земли «Окская Слобода» находится на правом берегу р. Оки, в 1,0 км к востоку от с. Лукьяново, в 0,3 км к востоку от Никольской церкви села и в 250 м к северо-востоку от пос. Кирпичного завода. Речной берег в этом месте слабо террасирован и не имеет четких уступов. По существу скат плато и третьей террасы высотой около 60—70 м плавно переходит в уровень первой террасы, которая имеет высоту около 10—12 м над водой. Изучаемая зона отделяется от русла р. Оки шоссе «Подмоклово — Пущино», идущим параллельно руслу реки по кромке ее первой террасы.

Пойма, отделяющая сухой высокий берег от воды, отстоит всего на 200—500 м от уступа боровой террасы. Подобные участки являются местами стандартного расположения разновременных поселений, начиная от эпохи каменного века и вплоть до современности. Хотя данный факт совершенно не означает, что все без исключения аналогичные участки были заселены.

Ландшафт изучаемой территории имеет ясно выраженные признаки воздействия ледниковых вод, и, как показал зондаж отложений, плато и обе речных террасы сложены флювиогляциальными и моренными суглинками, содержащими большое количество известняковой крошки. Поверхность и склоны террас вплоть до настоящего времени распахивалась, они лишены древесной растительности и лишь по балкам и в прибрежной части покрыты кустами и смешанным лесом.

Натурные изыскания проводились путем визуального осмотра местности, установления маркерных признаков, сбора подъемного материала с археологических объектов и зондажа отложений, основываясь на современных, общепринятых методических приемах археологических разведок (см.: Положение…, 2007).

В результате установлено, что на большей части площади землеотвода существовал культурный слой позднего средневековья, нового и новейшего времени. Свидетельством тому служат заметная гумусированность суглинков верхних горизонтов и повсеместные находки фрагментов гончарной керамики XVII—XVIII вв., а также более поздней.

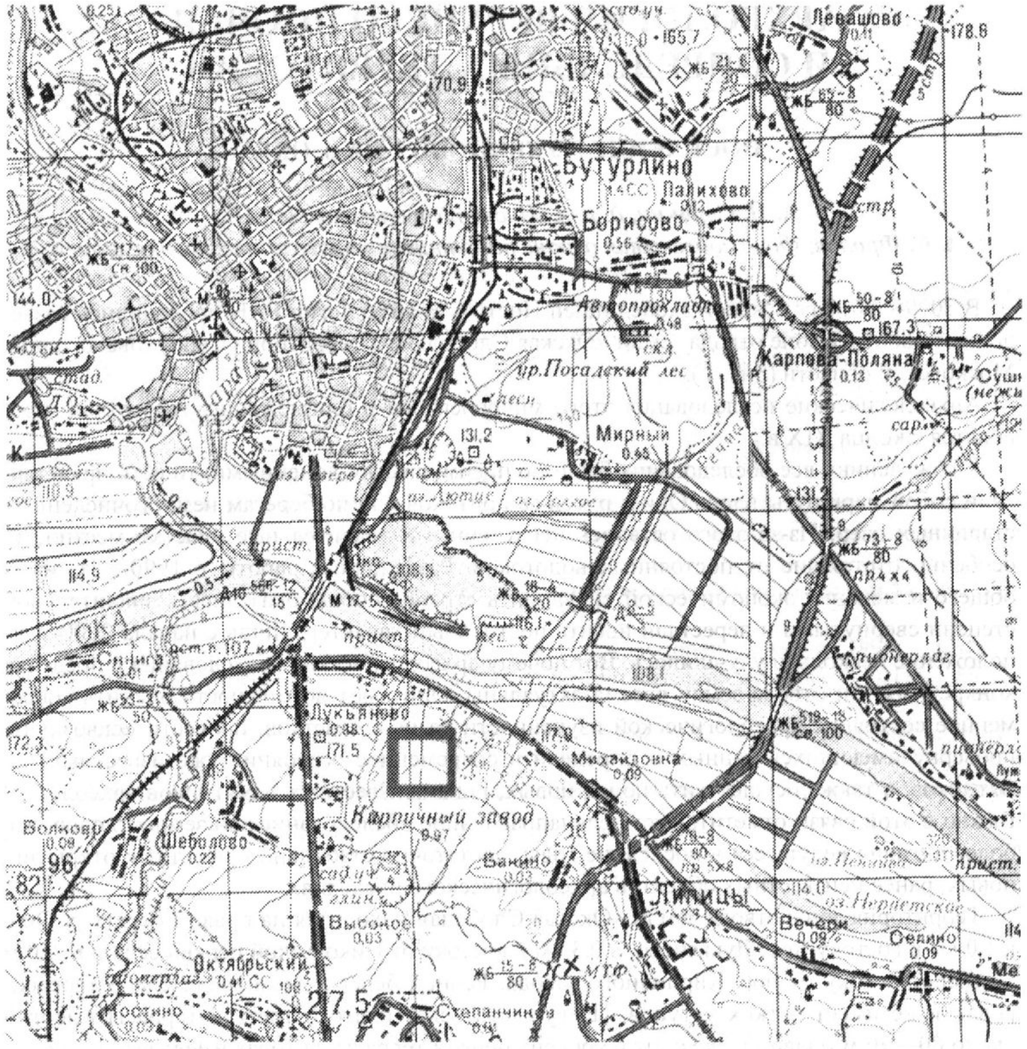


Рис. 1. Место проведения разведочных работы в зоне отвода земли «Окская Слобода» на территории Серпуховского р-на Московской области.

Культуросодержащие горизонты длительное время подвергались распашке. Нивелировка поверхности при разного рода хозяйственных работах привела к тому, что на большей части площади рассматриваемого участка культурный слой оказался в значительный мере уничтоженным или находится в переотложенном состоянии.

В результате обследования здесь зафиксировано два крупных селища — позднесредневековое Лукьяново 1 (в восточной части землеотвода) и Лукьяново 2. Помимо этого, по устному сообщению рабочих, в 2008 г. при закладке фундамента дома в юго-восточной части застраиваемого участка был найден бронзовый втульчатый наконечник копья. Подобная находка может свидетельствовать о наличии здесь могильника эпохи бронзового века.

Ареал селища Лукьяново 2 приурочен ко всей западной части землеотвода. Он очерчивается четко выраженным и интенсивно окрашенным культурным слоем, протянувшимся вдоль правого борта балки с безымянным ручьем на расстояние до 0,5 км с севера на юг и 200—250 м с запада на восток. В северной части памятник практически уничтожен складскими строениями, возведенными в 1970-е гг. Основные повреждения в центральной и южной частях памятника сопряжены с процессом современной застройки. Однако эти повреждения не носят глобального характера, и вне сооружений и подъездных дорог на всей территории селища Лукьяново 2 пока остаются весьма выразитель-

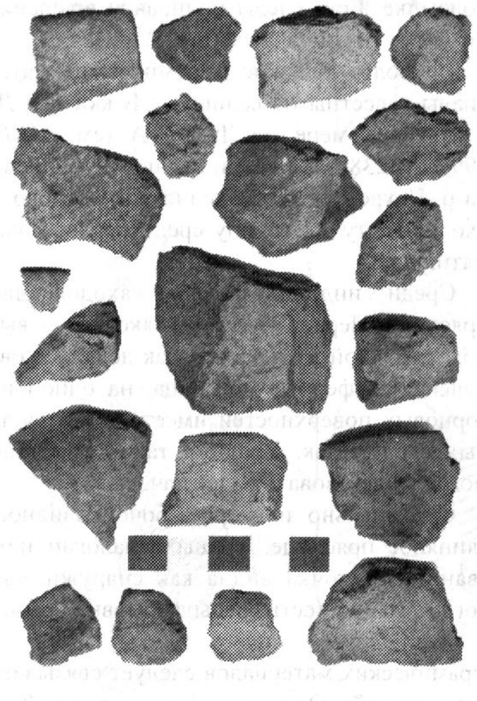


Рис. 2.

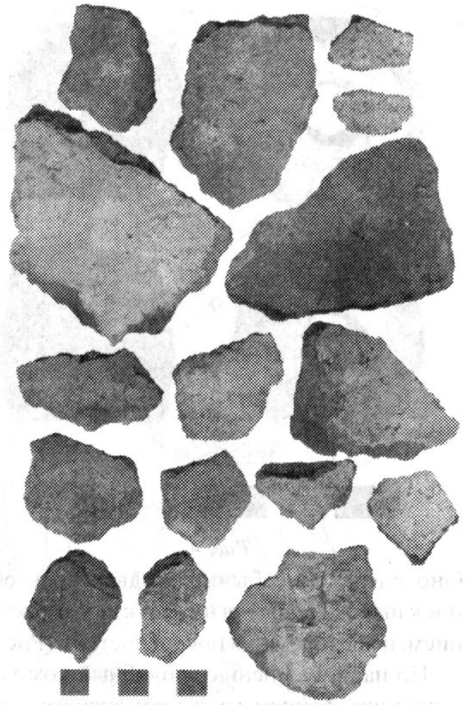


Рис. 3.

ные участки слоя, доступные для изучения и требующие производства охранных мероприятий.

Подъемный материал, относится главным образом к средневековью — IX—X и XII—XIII вв. Кроме того, здесь присутствуют кремневые изделия (отщепы, пластины), незначительное количество керамики эпохи поздней бронзы (бондарихинская культура?), а также обломки посуды позднего средневековья, нового и новейшего времени.

Непотревоженный культурный слой: однородный темно-серый гумусированный суглинок, с включениями древесных углей, прослеженный в ряде шурфов и зачисток, достигает мощности 0,3—0,4 м. Он содержит грубую лепную неорнаментированную керамику IX—X вв., обломки древнерусской круговой керамики XII—XIII вв. и мелкие фрагменты костей животных.

Лепная гладкостенная керамика может быть разделена на три группы по характеру примесей.

1. Серо- и коричневоглиняная, с крупными зернами дресвы, создающими бугристую, шероховатую поверхность (свыше 40 фрагментов). Такая поверхность — результат замывки подсыхающего сосуда без применения шпателя. Подобная керамика появляется в начале I тыс. н. э. и исчезает только с появлением гончарной посуды. Венчики отогнуты наружу и довольно высокие — около 3 см. Один, четко профилированный, округлен. Два других оформлены защипом или пальцевыми вдавлениями на наружный край венчика. Плечики выпуклые, уступ слабо выражен. Это характерно для конца I тыс. н. э. Два фрагмента придонной части толстостенны — более 15 мм.

Единственное донышко закраины не имеет. Сосуд формировался на дресвяной подсыпке.

2. Группа заглаженных сосудов (28 экз.). Они отличаются от груболепных очень ровной толщиной стенок, запесоченностью глины, гораздо меньшим количеством дресвы. Стенки умеренно толстые, придонный фрагмент толщиной до 12 мм. Местами видны следы заглаживания по подсохшему тесту.

3. Тонкостенная подлощеная серая и черная (12 экз.). Лощение только на наружной поверхности. Венчики имеют плоский срез по верху, плавный изгиб, без уступов, что представляет собой относительно поздний признак. Донышко формовалось на зольной

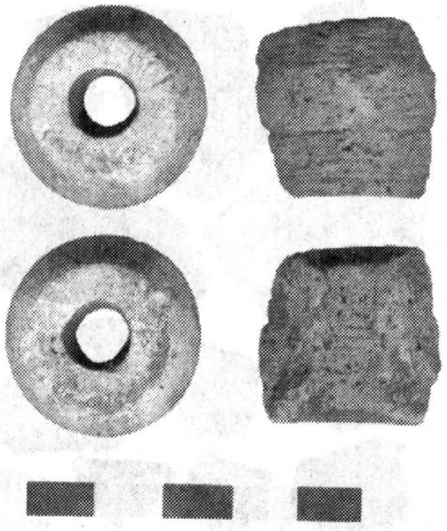


Рис. 4.

подсыпке. Есть следы подправки вращением — почти гончарным (рис. 2 и 3).

Наиболее близкие керамические материалы известны на селищах, Лужки Г и Д, в меньшей мере — Лужки А (см.: *АКР*, 1997. № 2388 в, е, ж.) и селища Чурилково на р. Пахре Вероятно, селище Лукьяново 2 входило в ту же группу средневековых памятников.

Среди индивидуальных находок два пряслица. Первое — известняковое — выполнено в той же технике, как делались овручские шиферные пряслица, на одной из торцовых поверхностей имеется пять счетных (?) нарезок. Вряд ли такое пряслице могло существовать ранее начала X в.

Оригинально и второе, бочонковидное, глиняное пряслице. Точных аналогий нет. Оно сделано необычно: подверглось обтачиванию. Расточка видна как снаружи, так и в канале. Торцы вогнутые, как у известнякового пряслица (есть следы формовки вращением, но без срезания поверхностей). (Рис. 4.)

По нашему мнению, подобный комплекс керамических материалов следует связывать с проникновением групп роменского населения в бассейн Оки уже в IX — начале X в. (см.: Григорьев, 2005. С. 122—142; Юшко, 2008. С. 105).

Немногочисленные фрагменты гончарной керамики с линейным и волнистым орнаментом маркируют существование здесь небольшого поселения в эпоху Древнерусского государства, когда эти земли входили в состав Великого княжества Черниговского.

Литература

Археологическая карта России. Московская область. — Ч. 4. — М., 1997.

Григорьев. А. В. Славянское население Оки и Дона. — Тула, 2005.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. — М., 2007.

Юшко А. А. Славяне в Подмосковье // Археология Подмосковья. — Вып. 4. — М., 2008.

ПОСЕЛЕНИЕ НЕКРАСОВО

***Б. В. Грудинкин**, н. с.,*

Калужский областной краеведческий музей

Поселение расположено в 1,1 км к северо-востоку от деревни на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Оки близ устья оврага. Поверхность памятника задернована. Площадь памятника около 100×40 м. Памятник был частично поврежден при прокладке водопровода. На разрушенном участке в 1991, 2000 гг. был собран большой подъемный материал (см.: Грудинкин, 1991. Л. 2—3; Грудинкин, 2000. Л. 3). В северной части памятника, в 1993 г., был заложен раскоп площадью 20 кв. м (см.: Грудинкин, 1993. Л. 1—3; Грудинкин, 1994. С. 58). Культурный слой — слабо окрашенная супесь серого цвета мощностью 30—44 см. Общее количество материала из раскопа и подъемного составляет 1 100 единиц. Основной материал отнесен к эпохе мезолита, поэтому вначале памятник получил статус стоянки под № 3.

Предметы первичного расщепления представлены нуклеусами: одноплощадочными, призматическим, торцевым, аморфными — 25. 20 нуклеусов из раскопа, 5 — из сборов.

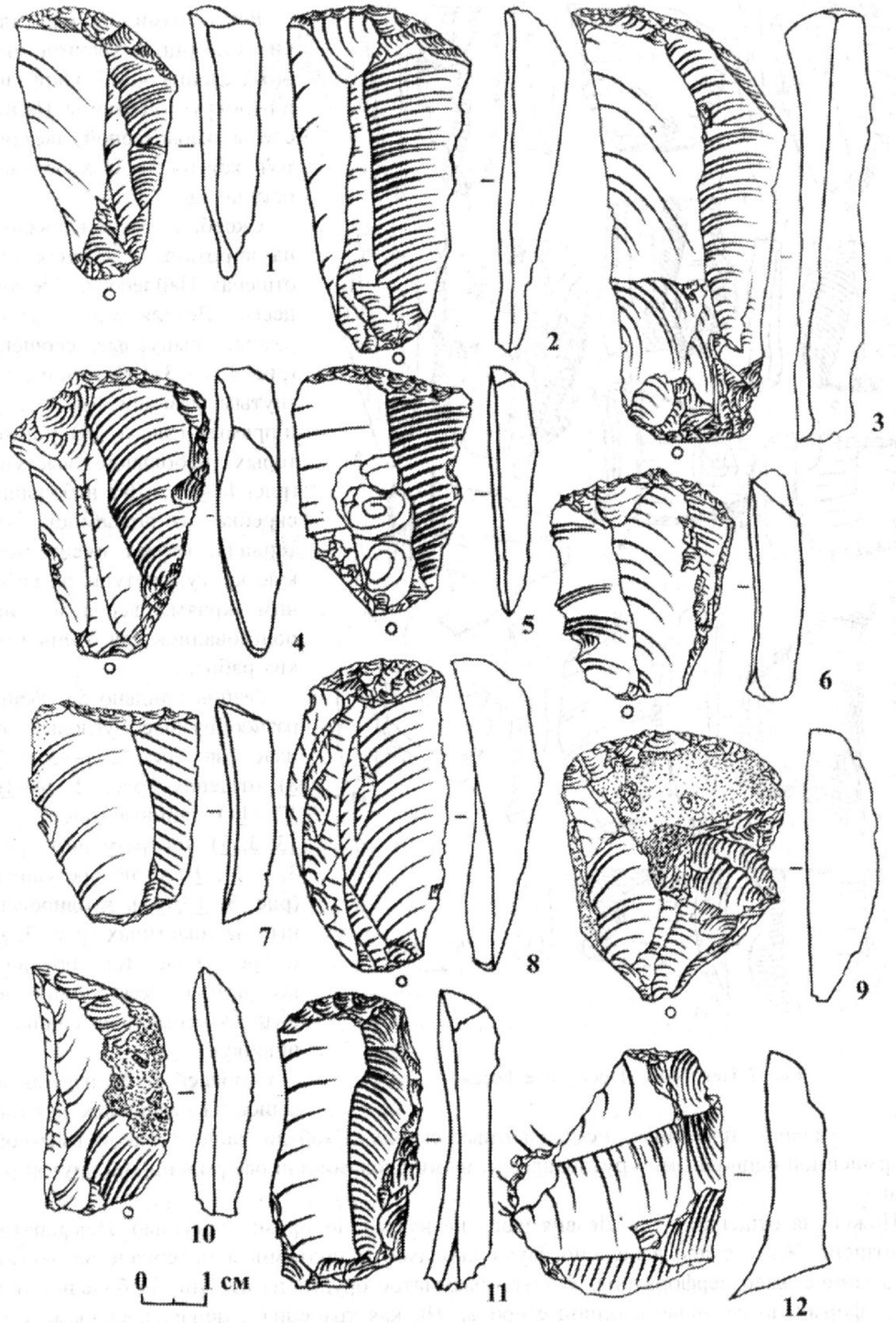


Рис. 1. Некрасово. Поселение. Скребки и комбинированные орудия.

Служили для получения в основном отщепов и меньше для пластин, если судить по негативам предыдущих сколов. Ударные площадки у всех скошены. Нуклевидных кусков кремня 10. Это части различных нуклеусов. Отщепов — отходов производства найдено 654. Два отщепа с ретушью. Один из них отретуширован с двух сторон плоской ретушью; вероятно, является заготовкой микролита. Сколы в основном реберчатые — 69. Технических пластин 95, в большинстве реберчатые. Чешуек из кремня 8. Вероятно, это отходы при изготовлении орудий.

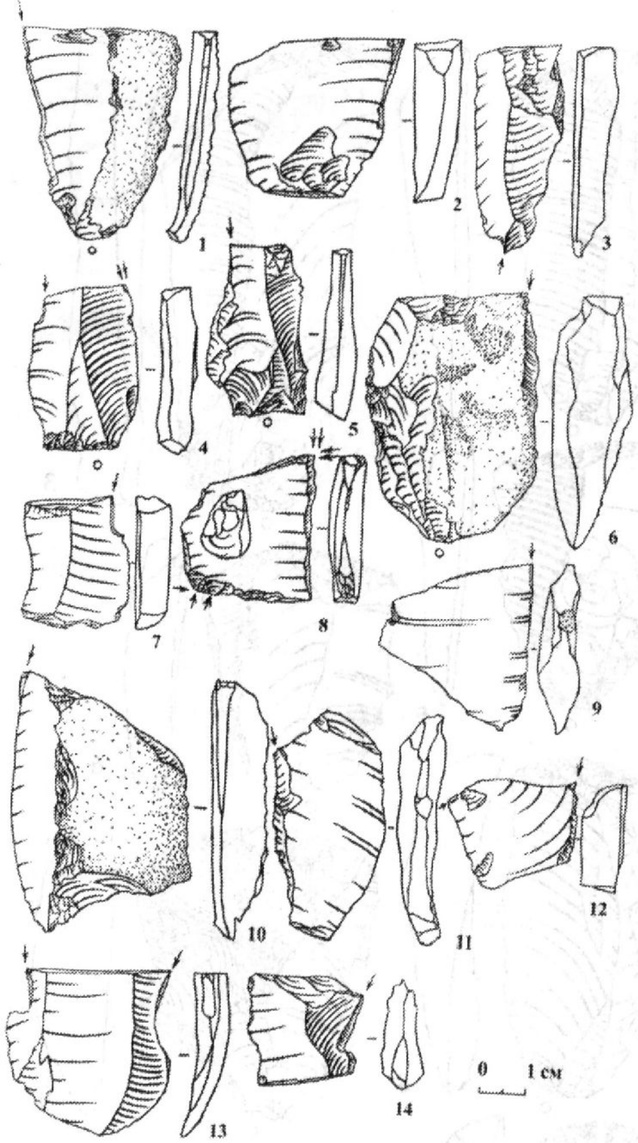


Рис. 2. Некрасово. Поселение. Резцы.

Ретушерами служили гальки из кварцита, гранита, диорита, сланца — 17. Округлой и подокруглой формы. На них следы характерной звездчатой забитости. Два обломка ретушеров.

Скребки изготавливались на коротких пластинах или отщепах. Найдено 36. Все концевые. Лезвия чаще дугообразные, выпуклые, скошены (рис. 1, 1—3). Но есть и с вогнутым лезвием (рис. 1, 7) и прямым (рис. 1, 10), у некоторых небольшие выступы (рис. 1, 4, 6). Два небольших скребка, из подъемного материала, имеют очень мелкую крутую ретушь по рабочим краям, вероятно, использовались для очень тонких работ.

Резцов найдено 53. Резцы разнообразные, угловые на пластинах (рис. 2, 1—5; 3, 7, 8) отщепах (рис. 2, 6—10, 12—14), двойные (рис. 2, 4—13; 3, 5), косоретушные (рис. 3, 1—4, 9), вогнуторетушные (рис. 3, 10, 11), дублированные на пластинах (рис. 3, 6) и срединные. Как правило, все резцы имеют одну режущую кромку, не слишком широкую.

Скобелей — 26, изготавливались на различных заготовках — отщепах, пластинах, нестандартных сколах. Скобели чаще с одной выемкой, оформленной одиночными крутонаправленными сколами или оформленными крутой ретушью.

Ножей на отщепах — 5. Лезвия чаще не имеют подправки ретушью. Перфоратор на отщепе. Жало слабо выделено двумя сколами. В подъемном материале встречены обломанное жало перфоратора, зубчато-выемчатое орудие на отщепе. Небольшое острие, оформлено ретушью с одной стороны. Низкая трапеция с непараллельными сторонами.

Наконечников стрел найдено 9 и 3 обломка наконечников. Шесть из них асимметричные, с боковой выемкой (рис. 4, 1—3, 5, 7). Пять наконечников найдено в раскопе, один в подъемном материале. Перо скошено ретушью и резцовым сколом (рис. 4, 3). Черешок выполнен крутой ретушью. Подобные наконечники типичны для иеневской культуры. Лишь один наконечник симметричен (рис. 4, 4). Наконечник с поперечным лезвием, это крупная трапеция с непараллельными сторонами (рис. 7, 6). Обломки наконечников также, если судить по оставшимся частям, были от асимметричных наконечников. Для изготовления наконечников использовались небольшие отщепы из серого, желтого полупрозрачного и коричневого кремня.

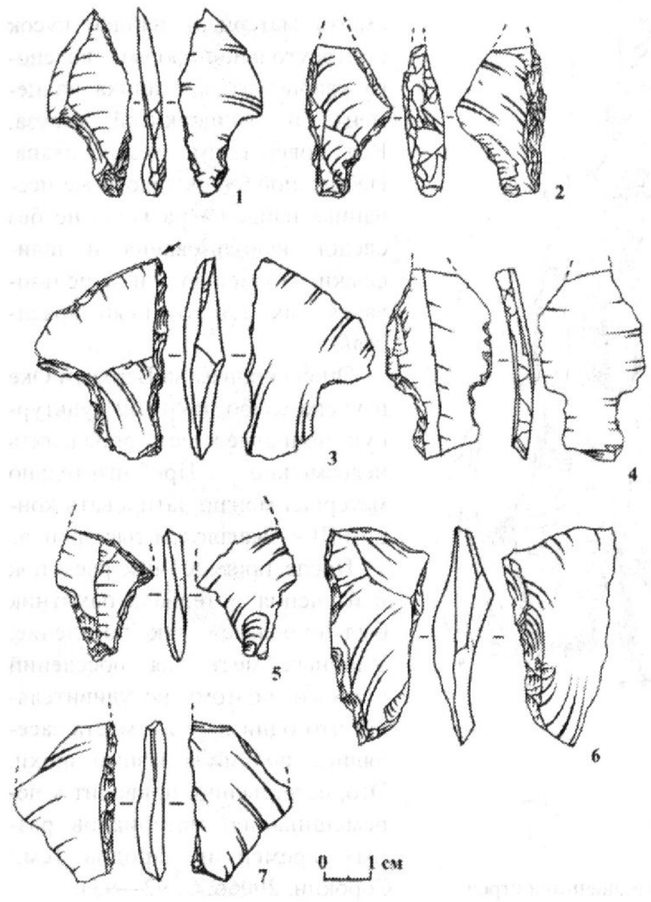


Рис. 2. Некрасово. Поселение. Резцы.

Комбинированных орудий немного — 12. Это в большинстве скобели-скребки (рис. 1, 12) и скребки-резцы (рис. 1, 3). Скобели-резцы на различных заготовках. Одно орудие выполняло три функции — скобеля, скребка и резчика. Еще одно орудие — это скобель-проколка на пластине.

В северной части раскопа обнаружены остатки кремнеобрабатывающей мастерской. Здесь было сконцентрировано большое количество расщепленного кремня в квадратах. Кремень однородный светло-серый с известняковой коркой. В подъемном материале найдена наковальня, что подтверждает обработку кремня на месте. Это крупная овальная конкреция кремня с характерной звездчатой забитостью. По краям она оббита широкими сколами, но на остальной поверхности сохранилась известняковая корка.

Орудийный инвентарь — скребки, резцы, скобели, ножи — предназначен для обработки добычи. Размеры стрел средние, годившиеся для забоя крупных и небольших животных. Л. В. Кольцов предполагает, что с такими наконечниками охотились на самок с молодняком (см.: Кольцов, 1985. С. 31). Учитывая эти малочисленные признаки, мы можем предположить, что стоянка существовала в конце весны и начале лета.

По представлениям А. Н. Сорокина, иеневская культура является финальнопалеолитической (см.: Сорокин, 2006а. С. 91). Длительность финального палеолита, по А. Н. Сорокину, от 13 500 до 10 300 л. н. (см.: Сорокин, 2006а. С. 89).

Остальной материал относится к эпохе бронзы. Это прежде всего фрагменты лепной керамики. Основная масса фрагментов керамики — мелкие, 49. Лишь два фрагмента имеют орнаментацию оттисками узкого гребенчатого штампа, поставленного горизонтальными линиями. Фрагмент прямого венчика с частью стенки и фрагмент стенки. У всех фрагментов в глиняном тесте примесь средней дресвы. Два куска глиняной обмазки с примесью песка.

Из кремневых орудий обнаружены только скребло, наконечник стрелы и скребок. Скребло разбито на две части, найденные в разных квадратах, изготовлено скребло на массивном отщепе фиолетово-бело-коричневого кремня. Лезвие выпуклое выполнено крутыми сколами.

Наконечник стрелы треугольно-черешковый, тщательно отретуширован. Скребок концевой-двойной на отщепе оба лезвия выпуклые и оформлены полукрутой ретушью. Наконечник и скребок из подъемного материала.

Ретушер очень тщательно изготовлен из светло-розового сланца с вкраплениями мелких альмандинов. Ретушер имеет геометрически правильную круглую форму, выполненную в технике оббивки. Вероятно, для этого использовалась круглая, плоская галька. Фрагмент кольца или грузила из фиолетово-розовой мелко-зернистой породы. Тщательно отшлифован. Камень с пришлифовкой из серо-зеленого мелкозернистого сланца. В подъ-

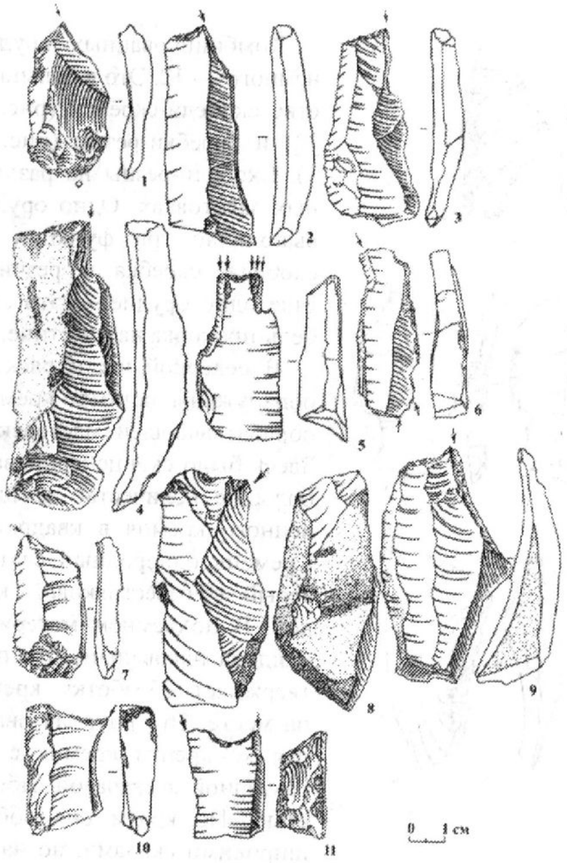


Рис. 4. Некрасовка. Поселение. Наконечники стрел.

емном материале найден кусок подтреугольной формы красного кварцевого песчаника на цементе из гидроокисей железа. Вся поверхность отшлифована. Небольшой кусок такого же песчаника найден в раскопе, но без следов использования и шлифовки. Возможно, он использовался как естественный краситель.

Эпоха бронзы на Верхней Оке изучена слабо, поэтому культурную принадлежность определить невозможно. Приблизительно материал можно датировать концом III — началом II тыс. до н. э.

После проведенных раскопок и изучения материала памятник был определен как поселение. Удобных мест для поселений немного, поэтому не удивительно, что одни и те же места заселялись людьми в разные эпохи. Это, естественно, приводит к перемешиванию материалов разных времен и народов (см.: Сорокин, 2006б. С. 92—93).

Литература и источники

Грудинкин Б. В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993 г. Р-1. № 17949.

Грудинкин Б. В. Работы Окско-Деснинской экспедиции // Археологические открытия 1993 года. — М., 1994.

Грудинкин Б. В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991 г. Р-1. № 16860.

Грудинкин Б. В. Отчет об археологических разведках в Калужской области в 2000 г.// Архив ИА РАН. 2000 г. Р-1. № 24586.

Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // Российская археология. — 2006а. — № 4.

Сорокин А. Н. К проблеме финального палеолита Центральной России // Российская археология. — 2006б. — № 2.

Кольцов Л. В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // Советская археология. — 1985. — № 3.

О ПРИСУТСТВИИ БУТОВСКОЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПОДЕСЕНЬЕ

***А. А. Чубур**, к. и. н., в. н. с., НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского*

Бутовская культура эпохи мезолита (9 500—8 500 л. н.) традиционно считается историко-культурным явлением, характерным для Волго-Окского междуречья, а также Среднего и отчасти Верхнего Поочья[1]. Однако в последние годы исследования в сопредельных территориях позволили несколько расширить ареал распространения этих памятников в Посожье (Дедня, Криничная, Коробчино, Попово, Рудня 1) на территории Беларуси[2]. Таким образом, возникла территориальная лакуна ареала бутовской культуры между Поочьем и Посожьем. А. Н. Сорокин не отмечает в Подесенье бутовских памятников, указывая при этом на культурное многообразие региона (песочноровские и студенокские, смячковские, кудлаевские стоянки)[3].

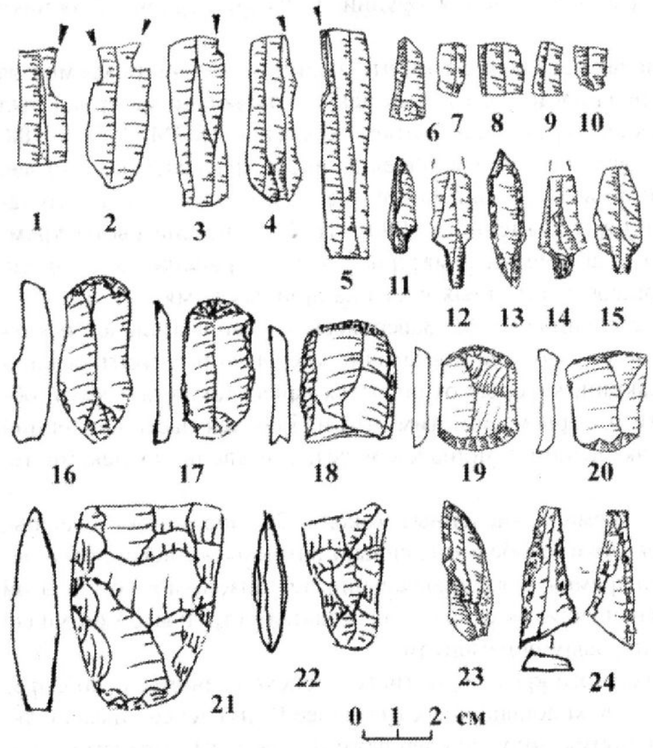


Рис. 1. Кремневый инвентарь нижнего слоя стоянки Черепеньки. 1—5 — резцы, 6—10 — вкладыши из сечения пластин, 11—15 — постсвидерские наконечники стрел, 16—20 — скребки, 21—22 — тесла, 23 — косое острие, 24 — перфоратор.

В свете пересмотра и уточнения данных по финальному палеолиту — мезолиту региона представляет интерес многослойная стоянка Черепеньки на южной окраине Брянска. Она была в середине 1950-х гг. раскопана начинающим археологом Брянского краеведческого музея Ф. М. Заверняевым при участии А. К. Амброза — в то время студента истфака МГУ. Стоянка была расположена на левом берегу р. Десны, на сниженном участке первой надпойменной террасы[4]. Сделанное Заверняевым описание разреза уточнено нами — в первую очередь в плане культурной атрибуции, поскольку мезолитический материал им ошибочно отнесен к раннему неолиту, что укоренилось в литературе:

1) гумусированный песок, книзу с рыжеватым оттенком (ожелезнение), содержащий древнерусские материалы, — мощность до 0,3 м;

2) буровато-коричневый с темным оттенком песок, в верхней половине его сосредоточены культурные остатки неолита и бронзового века — 0,15—0,3 м;

3) светло-коричневый песок, насыщенный частицами темно-синеватого перегноя (оглеенность?), содержал мезолитические культурные остатки, залегавшие непосредственно на слое 4 — 0,1—0,2 м;

4) серый эоловый песок — видимая мощность — 1 м.

Из публикации и скудных дневников и схем Ф. М. Заверняева ясно, что на площади 104 кв.м. в нижнем слое выявлены остатки нескольких углубленных в слой 4 объектов с черным, с синеватым оттенком (оглеенным?), заполнением и 2 кострищ. Круглая яма диаметром 2,5 м и глубиной до полуметра с рядом ямок по краям (от 10 до 18 см диаметром) и с темным пятном в центре диаметром 25 см (след центральной опоры?) может быть интерпретирована как жилище-полуземлянка наподобие чума. В 1,5 м от полуземлянки располагалась яма 1 диаметром 0,82 и глубиной 0,87 м. Кострища представляли собой черные зольные овальные в плане линзы размером 1,8×1,1 и 1,65×1,25 м, мощностью до 0,4 м. Яма 2 лежала к северо-западу от второго кострища. Ее диаметр — 1,35 м, глубина — 0,65 м. Ф. М. Заверняев отмечал, что кремневый инвентарь состоял почти исключительно из пластинок и орудий на пластинках. Керамического материала слой не содержал вовсе. Кремневый инвентарь, собранный в нижнем культурном слое, состоял из законченных орудий, нуклеусов и полученных с них хорошо ограненных пластинок

и микропластинок, служивших для изготовления орудий. Остатки первичной обивки отсутствовали.

Сложность анализа коллекции заключалась в том, что значительная часть кремня из раскопа относилась к позднему неолиту и бронзовому веку. Изначально материал был разделен по слоям, но в настоящее время коллекция Черепенек (БОМ 2671, 3588, 3819), хранящаяся в Брянском государственном объединенном краеведческом музее, оказалась смешанной — отчасти во время серии переездов музея, а в особенности затем во время введения новой системы хранения в 1990-х гг. Многие шифры на кремнях стерлись, став нечитаемыми. Фактически с материалом при хранении произошло то же, что происходит при натурации культурных слоев на дюнных памятниках. Однако краткое описание материала, сделанное Ф. М. Заверняевым, и внимательное изучение коллекции (всего 2 004 кремня) позволили достаточно уверенно разделить свален-ный в кучу инвентарь на три фракции, которые отличаются качеством и приемами обработки, сохранностью, а отчасти и сырьем. Заметим, что небольшая часть коллекции была непродуманно передана в экспозиции филиалов музея, где следы коллекции теряются.

К первой фракции относятся немногочисленные (около 70 предметов) отщепы, аморфные нуклеусы и изделия (скребки, скобель) из сильно патинированного, долго лежавшего на поверхности мелового кремня, связанные с ранним бронзовым веком. К этой же группе отнесены несколько наконечников стрел, обработанных струйчатой ретушью и небольшая часть керамики со шнуровым орнаментом.

Комплекс из плитчатого и желвачного кремня местного происхождения, с преобладанием аморфных (13) и с наличием двухплощадочных (не менее 9) нуклеусов параллельного и, реже, перпендикулярного снятия, многочисленными (более 550) отщепами и нестандартизированными пластинками и их фрагментами (более 320), а также орудиями на первых и вторых, может быть отнесен к развитому и позднему неолиту. Это материалы деснинской неолитической культуры, с которой связана и многочисленная характерная ромбоямочная керамика. К этому периоду относятся также ромбические и листовидные двусторонне обработанные наконечники стрел, копий и дротиков, скребки, резцы, долотовидные орудия, острия.

И, наконец, третий комплекс, составляющий примерно половину кремневой коллекции, определен нами как мезолитический, ему и посвящена данная предварительная публикация.

К сожалению, почти невозможно разделить по культурно-хронологическим фракциям чешуйки (212 экз.), хотя, безусловно, значительная часть их связана с нижним горизонтом. Непросто это сделать и с резцовыми отщепами (35 экз.). Большая их часть, судя по форме и массивности, относится к неолитическому горизонту.

Итак, в выделенном нами из коллекции мезолитическом комплексе нуклеусов параллельного снятия одноплощадочных, конических и призматических — 13 экз., в основном это остаточные формы. Вероятно, к данному комплексу относятся и 8 призматических двуплощадочных параллельного снятия (с противолежащими площадками) и 1 торцевого нуклеусов. Относятся к нижнему горизонту не менее 4 ребристых сколов (снятий карниза). Есть два основания одноплощадочных конических нуклеусов, полученных в результате брака (уклонившийся скол). Имеются два отбойника-ретушера из каменноугольного рыжего кремня и несколько фрагментов абразива-песчаника (упомянуты в публикации Ф. М. Заверняева).

По нашим подсчетам, хорошо ограненных пластинок и их крупных фрагментов в коллекции 253 экз. Часть из них несет на краях мелкофасеточную ретушь утилизации, 2 обожжены, 11 имеют регулярную приостряющую краевую ретушь (их можно назвать ножами), 1 имеет подтеску ударного бугорка. Меньшая часть пластин изготовлена из рыжего и серо-коричневого окского каменноугольного кремня, большая — из черного высококачественного мелового кремня. Высока микропластинчатость индустрии: микропластинок — 117 (1 обожжена). При этом в коллекции имеется еще 122 сечения пластинок и микропластинок, служивших вкладышами (8 обожжены). Трапеции и иные геометрические микролиты в коллекции отсутствуют.

Морфологически выраженные орудия представлены несколькими типами. Резцы: боковые на сломе заготовки — 17 (из них 3 двойных, по правому и левому краям на одном конце заготовки); двугранных — 3 (2 срединных и 1 угловой, для них использовались более массивные заготовки). Скребки концевые на пластинчатых заготовках представлены 14 экземплярами, 7 из которых имеют краевую ретушь по телу, еще 2 скребка — двойные. Имеются в коллекции 3 косых острия, 4 перфоратора с невыделенным рабочим концом (острия с притупленным краем). Есть 2 скобеля с дугообразными выемками. Ярким компонентом комплекса являются тесла трапециевидной формы с зауженным обушком (не менее 6 экземпляров). Значительна серия постсвидерских наконечников стрел иволистной (3 экз.) и черешковой (9 экз.) формы.

Бутовская культура, пишет А. Н. Сорокин, не обладает ни одним специфическим, присущим только ей типом орудий. Стандартный типологический набор бутовской культуры включает в себя такие массовые элементы, как: 1) скребки концевые, двойные, подокруглые; 2) боковые резцы на сломе заготовки; 3) ножи с приостряющей краевой ретушью; 4) вкладыши из фрагментированных пластин; 5) косые острия; 6) сверла с невыделенным рабочим концом; 7) скобели с дугообразными выемками; 8) постсвидерские наконечники стрел иволистной и черешковой форм; 9) микролиты с затупленным ретушью краем; 10) изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия. В ограниченном количестве встречаются ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, долота, скробачи. Взятый сам по себе, каждый из перечисленных А. Н. Сорокиным типов изделий может присутствовать в ряде мезолитических культур Восточной Европы, но только в ареале бутовской культуры они создают устойчивый, повторяющийся набор[5]. Именно этот типичный набор орудий и характерные приемы кремнеобработки (техника первичной обработки, основанная на утилизации нуклеусов параллельного снятия, предназначенных для получения пластин, во вторичной обработке — крутая затупливающая ретушь, резцовый скол, приостряющая и уплощивающая ретушь, двусторонняя обивка) мы наблюдаем в материалах нижнего слоя Черепенек. Это слой может быть уверенно отнесен к кругу памятников бутовской культуры, что закрывает территориальную лакуну в ареале бутовской культуры между бассейнами Сожа и Оки.

Наличие в инвентаре вещей из окского кремня является прямым свидетельством связи памятника с бассейном Оки и позволяет утверждать, что население, доставившее кремень на стоянку, является пришлым, но знакомым и с местной сырьевой базой. Можно гипотетически трактовать это как свидетельство сезонных миграций данной локальной группы охотников из Поочья на Десну и обратно. Кремень патины практически не имеет. Его захоронение произошло быстро, что может быть связано с наличием жилых построек. При этом отсутствие в инвентаре трапеций указывает на то, что памятник древнее 9 000 л. н. и относится к раннему этапу бутовской культуры[6].

Анализ инвентаря бутовской культуры привел А. Н. Сорокина к убедительному выводу о том, что наибольшее сходство у бутовской культуры прослеживается не со свидерской, а с местной рессетинской культурой конца позднего палеолита[7]. Пограничье Брянской и Калужской областей входит в ареал распространения рессетинских памятников.

Можно предполагать, что Черепеньки (нижний слой) не единственный бутовский памятник на Десне. Так, имеются бесспорные бутовские элементы (хорошо ограненные правильные пластины, резцы на сломе пластин, постсвидерский наконечник) в коллекции стоянки в устье Госомы, основная часть материалов которой отнесена нами и В. Н. Гурьяновым к Иеневской культуре[8]. Необходим не только полевой поиск новых памятников, но и вдумчивый анализ хранящихся в фондах музеев старых материалов разведок и раскопок.

Примечания

[1] См.: *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). — М., 1990.

[2] См.: *Колосов А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья // Матэрыалы по археалогii Беларусi. — Вып. 18. — Минск, 2010. — С. 77—89.

[3] См.: *Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья: Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. — М., 2002.

[4] См.: *Заверняев Ф. М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. — Вып. 67. — М., 1957. — С. 65—70.

[5] См.: *Сорокин А. Н.* Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Вып. 189: Каменный век. — М., 1987, — С. 41—46.

[6] См.: *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура. — С. 113—114.

[7] См.: *Сорокин А. Н.* Мезолит Жиздринского полесья. — С. 118—119.

[8] См.: *Чубур А. А., Гурьянов В. Н.* Новые данные об ареале Иеневской культуры // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. — Т. 1 — Тула, 2002, — С. 28—37.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВЕРХОВЬЯХ РЕК МОСКВЫ И ПРОТВЫ

***Б. Е. Янишевский**, к. и. н., Институт археологии РАН*

Верховья рек Москвы и Протвы, стекающих с одного и того же заболоченного склона Смоленской возвышенности, до сих пор мало подвергались археологическому обследованию, не говоря уже об археологических раскопках. В последние несколько лет Можайская экспедиция Института археологии РАН под руководством автора провела раскопки на трех памятниках археологии, где ранее не отмечались слои раннего железного века, —

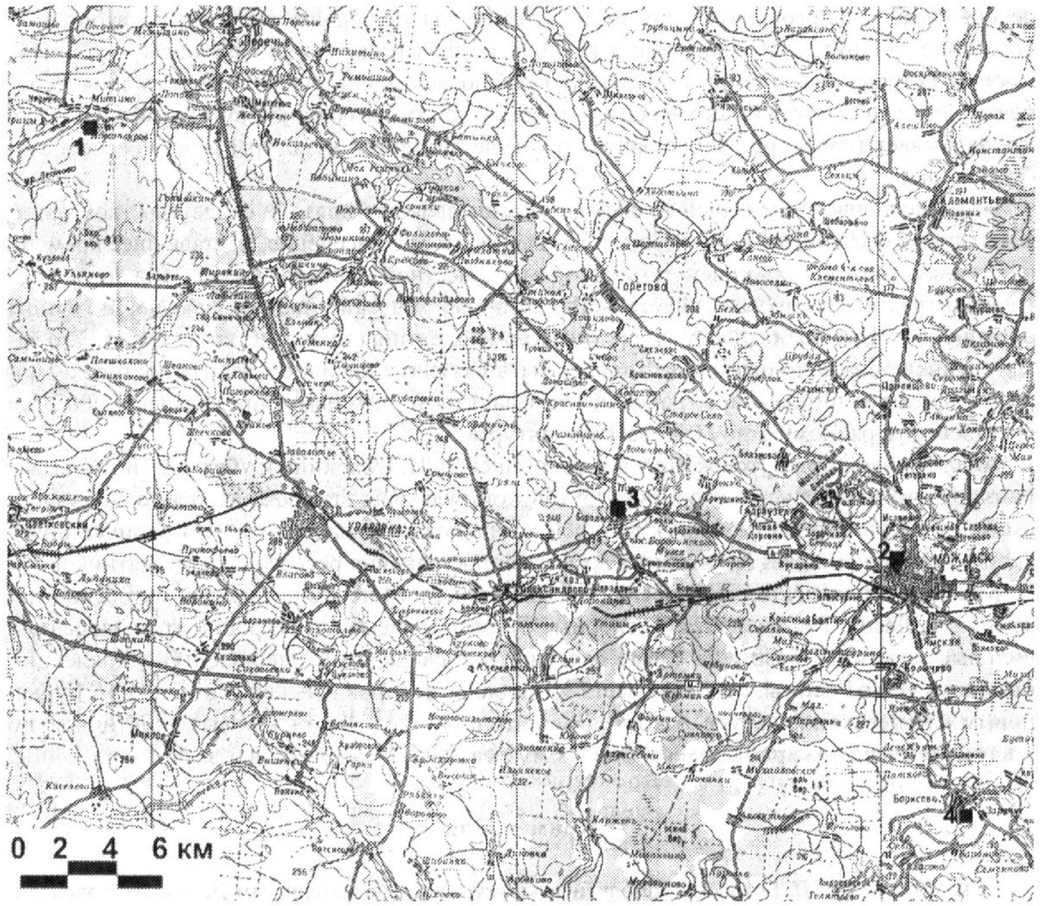


Рис. 1. Карта местности: 1 — Господский двор «Городок»; 2 — Можайский кремль; 3 — городище Бородино-2; городище Борисовское.

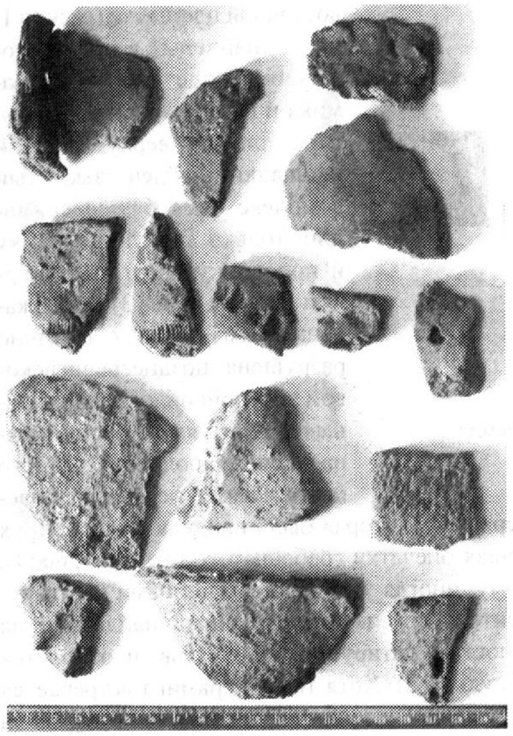


Рис. 2. Лепная керамика с селища «Господский двор «Городок».

в Можайском кремле, на городище Борисовское и селище Бородино-1. При раскопках достаточной площадью слои указанного времени были выявлены в культурном слое всех перечисленных памятников. Кроме того, в результате обследования верховьев Москвы-реки найдены материалы раннего железного века на селище «Господский двор "Городок"» у д. Новопокров (рис. 1). Все объекты культурного наследия, о которых пойдет речь в данной статье, расположены в Можайском районе Московской области.

Господский двор «Городок». Расположен в 0,5 км к западу от д. Новопокров на правом берегу р. Москвы. На этом месте на карте Московской губернии 1860 г. (так называемая «карта Шуберта») обозначена дворянская усадьба «Господский двор "Городок"». Памятник выявлен краеведом А. Лебедевым в 2006 г., обследован автором в 2009 г. Топографическая ситуация: покрытая лесом мысовая часть речной террасы, ограниченной с двух сторон оврагами. Валов или других укреплений ныне не прослеживается, поэтому памятник назван селищем. На площадке и обрыве к реке найдены погребения по обряду ингумации без вещей. Часть погребений найдена в осыпи. Датировать погребения можно по керамике и вещевому материалу (медные кресты) XVIII—XIX вв. Культурный слой на площадке в нетронутой части — до 0,7 м. В оползне с западной стороны площадки найдена «обратная стратиграфия»: керамика и предметы XIX в. залегают в нижней части культурного слоя, а в верхней — залегает керамика раннего железного века. Толщина культурного слоя в оползне — до 0,6 м, цвет черный. При зачистках оползня найдены фрагменты керамики как с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, так и гладкостенные (рис. 2). Последние орнаментированы овальными ямками, защипами, отпечатками «веревочки на палочке», вдавлениями на венчике. Верхние части сосудов относятся только к гладкостенной посуде. Судя по ним, гладкостенные сосуды имели «баночную» форму и венчики с легким отгибом. Таким образом, селище относится к двум периодам раннего железного века — концу I тыс. до н. э. (III—I вв.) — в это время использовались горшки с сетчатыми отпечатками — и «позднедьяковскому» (I—III вв. н. э.), когда были распространены гладкостенные «баночные» горшки.

Такая керамика была распространена в Москворечье, ближайший памятник — Троицкое городище на Можайском водохранилище, в 22 км ниже по реке от описываемого памятника. Вполне возможно, что валы и рвы были снивелированы в XIX в. при устройстве кладбища. В 1820-е гг. З. Я. Доленго-Ходаковский описывал в этом районе «городок у Остриц», с которым до сих пор ни один из известных объектов археологического наследия не ассоциировался.

Можайский кремль. Оползневой останец расположен на территории г. Можайска, на правом берегу речки Можайки, в двух километрах от ее впадения в р. Москву*. Топографическая ситуация: останец имеет сильный наклон к северу, перепад высот составляет 13 м. Лощиной, устье которой было запружено в XIV в., холм делится на две площадки. В 2005—2006 гг. на территории кремля были заложены четыре раскопа. В нижней части

* На этом и последующих памятниках исследования проводили совместно автор и И. И. Кондратьев.

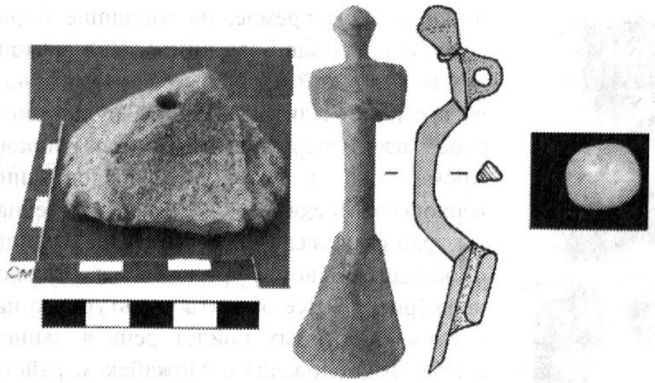


Рис. 3. Находки р. ж. в. из Можайского кремля и его посада.

восточной площадки (раскоп 1) были найдены в переотложенном виде лепная керамика и грузик «дьякова типа». В раскопе 4 наверху западной площадки найден закрытый комплекс (яма 5), содержавший только лепную керамику и половинку округлой янтарной бусины (рис. 3)[1]. К сожалению, яма 5 была частично разрушена позднесредневековой постройкой, однако оставшаяся часть ямы хорошо видна за счет заполнения черного цвета. Размер оставшейся части ямы 5 — 80×100 см, глубина — 0,6 м. Керамика, которая была найдена в яме 5, трех типов — гладкостенная, подлощеная и имеющая опечатки гребенчатого штампа (рис. 4). Гладкостенные горшки имели баночную форму, иногда украшались защипами и датируются I—III вв н. э., к этому же времени относится и грузик «дьякова типа», найденный на раскопе 1. Керамика с подлощеной поверхностью датируется IV—VI вв. и относится к древностям Верхнего Поочья (Мощинская культура). Хотя такая керамика встречается и на памятниках Москворечья. К этому же времени и культуре относится и керамика с ребром-уступом, также найденная в этой яме. К середине I тыс. н. э. относится найденная на посаде (напротив кремля, на левом берегу р. Можайки) бронзовая фибула, спрятанная местным жителем вместе с другим медным ломом в эпоху средневековья в погребе своего дома. Она относится к типу окских «фибул с кнопкой» и датируется V в. н. э., ближайшая в географическом плане находка такой же фибулы сделана на берегу Москвы-реки, в 50 км ниже по течению от Можайска[2]. Пользовался фибулой, несомненно, кто-то из жителей поселения на территории кремля. Находка этой фибулы свидетельствует о развитых торговых связях в Поочье середине I тыс. н. э.

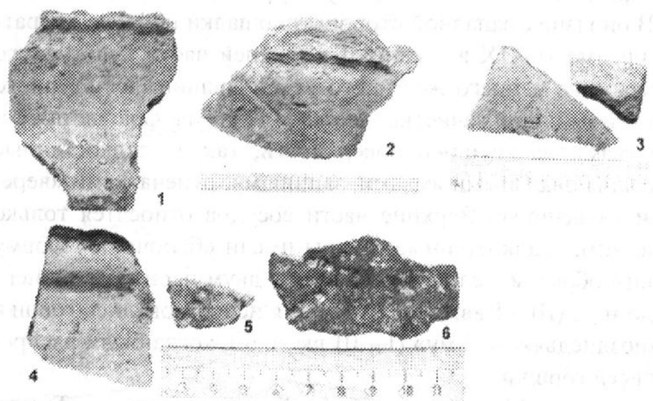


*Рис. 4. Л*епная керамика из Можайского кремля: 1, 2 — гладкостенная керамика баночных форм, орнаментированная защипами, 3 — подлощеная, 4 — фрагмент горшка с ребром; 5, 6 — фрагменты горшков, орнаментированных гребенчатым штампом.

Неожиданностью стала находка в Можайском кремле керамики с отпечатками гребенчатого штампа (VII—VI вв. до н. э.): в Верхнем Москворечье памятники с такой керамикой до сих пор были неизвестны. Можайский кремль стал самым западным из них. Ближайшие памятники, где найдена керамика с гребенчатым штампом, на восток (ниже по реке) от Можайска — городища «Связист» и Лучино-2[3] под Звенигородом, которые отстоят от Можайска на 55—60 км.

Городище Бородино-2. При исследованиях на средневековом и позднесредневековом селище Бородино-1, расположенном на территории с. Бородино, известного по событиям 1812 г., найдены остатки культурного слоя темно-серого цвета, содержавшего лепную керамику. Топографическая ситуация: мыс коренного левого берега реки Колочь (правый приток р. Москвы) и ее левого притока речки Воинки возвышается над левобережной

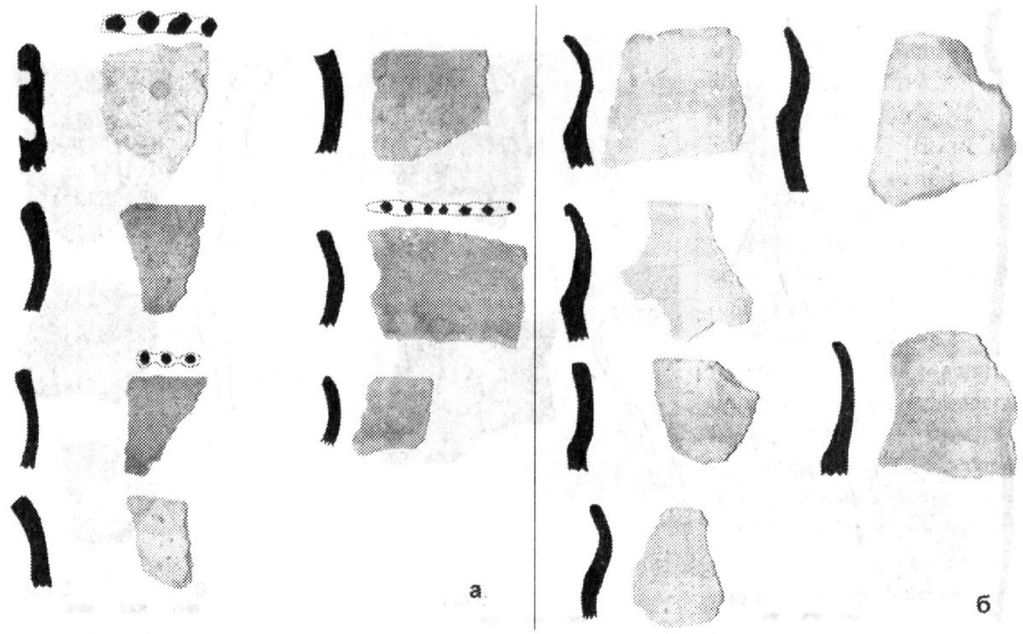


Рис. 5. Лепная керамика с городища Бородино-2: а — горшки баночных форм; б — горшки с ребром.

поймой последней на 10 м. По топографической ситуации памятник похож на городище, хотя укрепления не видны*. На этом мысу с первой четверти XVIII в. и до 1812 г. располагалась дворянская усадьба, затем — в XIX в. — парк Императорской резиденции. Произведенные за время существования усадьбы планировочные работы уничтожили культурный слой почти на всей площади мыса. Еще в раннем железном веке краевая часть склона была искусственно досыпана (материал подсыпки — культурный слой), за счет этого, а также возможного эскарпирования склон стал круче. Культурный слой сохранился только на самом краю мыса, его толщина — от 40 см до 1,2 м. Кроме культурного слоя на краю мыса, при археологических работах исследованы еще четыре ямы (участок 6, яма 38 и участок 11, ямы 84, 100 и 104). Яма 38 располагалась в средней части площадки мыса, размеры ямы — 1,9×1,32 м, глубина — 32 см от уровня материка, ориентировка по длине — север—юг. В центре ямы имеется круглое углубление диаметром 0,8 м. Вокруг большой ямы имелись круглые ямки диаметром от 12 до 28 см (две внутри ямы по углам, одна внутри в середине длинной стороны, одна снаружи), вероятно от столбов. Яма интерпретируется как хозяйственная, укрытая навесом с центральным столбом. Материал из ямы представлен только лепной гладкостенной керамикой (97 фрагментов). На участке 11 яма 84 имела размеры 1,2×1,6 м, глубина — до 40 см, заполнение — темно-серый суглинок. Эта яма сохранилась наполовину, форма дна корытообразная. В яме 84 найдены 8 фрагментов лепной керамики. Яма 100 была диаметром 30 см, яма 106 — 62 см. Обе последние ямы интерпретируются как столбовые, в них найдено по 6 фрагментов лепной керамики. Все различимые фрагменты керамики из ям на мысу относятся к гладкостенным сосудам баночной формы с отогнутым венчиком и датируются I—III вв. н. э.

Керамические фрагменты, найденные в культурном слое и ямах, делятся на две категории (рис. 5). Первая — фрагменты уже описанных выше гладкостенных горшков баночной формы, орнаментированные ямками и защипами на стенках и насечками (а также вдавлениями палочкой) по венчику. Такие сосуды были распространены в I—III вв. н. э. Вторая категория керамики — гладкостенные горшки с уступом на стенке в верхней части сосуда. Причем уступ не имеет ответной части изнутри сосуда, то есть это — декоративный элемент. Такая керамика в рассматриваемом микрорегионе уже описана в разделе

* Городище Бородинское первое (Горкинское) известно с 1920-х гг. ниже по реке Колочь.

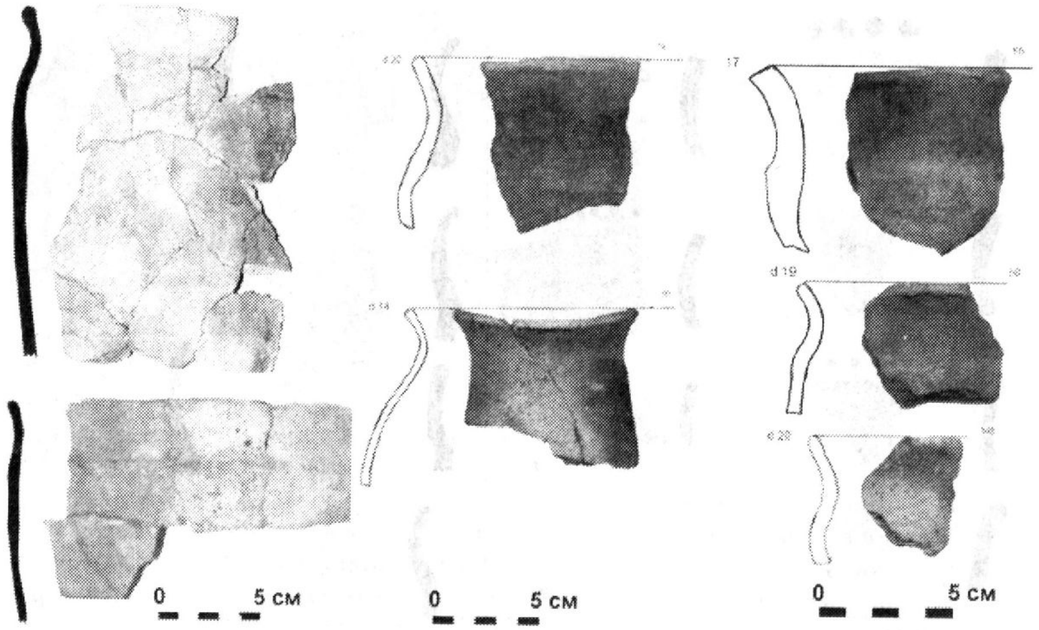


Рис. 6. Лепная керамика с городища Борисовское (левая колонка — горшки баночных форм, средняя колонка — подлощеная керамика, правая колонка — фрагменты горшков с ребром).

«Можайский кремль» и датируется V—VI вв. н. э. На селище найдены фрагмент железного серпа и керамическое пряслице.

Городище Борисовское. Городище также известно как «Борисов городок». История и датировка культурного слоя городища до работ автора 2009 г. не были точно определены. После обследования П. А. Раппопорта конца 1940-х годов[4], стало ясно, что именно на этом холме в конце XVI — начале XVII в. царем Борисом Годуновым был построен замок, разобранный в 30-е годы XIX в. В конце 1950-х гг. К. А. Смирнов провел разведку на этом городище. Им был найден фрагмент лепной керамики, в результате чего начало жизни на городище было отнесено к раннему железному веку. Других работ до 2009 г. на городище не производилось.

Топографическая ситуация: городище представляет собой холм округлой формы, приданной ему искусственно. Расположен этот археологический памятник на левом берегу р. Протвы (левого притока р. Оки) на восточной окраине села Борисово. От коренного берега реки он отделен двумя оврагами, соединенными в древности рвом.

В 2009 г. на северном краю городища был заложен раскоп размером 25×4 м[5], доведенный до материка почти на всей площади, кроме краевой части, о чем будет сказано ниже. Выяснена полная история городища. Кроме периода раннего железного века и XVI—XVII вв., культурный слой содержит пласт, датированный нами XII—XIV вв. Между каждым из напластований имелся временной перерыв. Культурный слой раннего железного века найден значительной толщины в краевой части городища, правда в перемещенном и перемешанном виде.

История городища вкратце такова: начало освоения холма (в то время, по-видимому, это был еще не холм, а мыс коренного берега) относится к первым векам н. э. Были ли в это время укрепления, неизвестно. Однако с напольной (западной) стороны площадки невооруженным глазом заметно возвышение, которое может быть остатками вала. Пока на этом месте раскопок не производилось, кроме того на этом самом возвышенном месте городища располагается братская могила времен Великой Отечественной войны. В период раннего железного века место городища было заселено вплоть до VI в. н. э., датировка основана на керамических материалах, рассматриваемых ниже. В конце XII в. (более ранних материалов древнерусского времени не обнаружено) городище вновь было заселено, уже носителями древнерусской культуры. Строительство первоначальных укреплений относится, по-видимому, уже ко времени Московского княжества, то есть к первой половине XIV в. Эти укрепления были перестроены во второй половине XIV в. При формировании укреплений первоначально был насыпан один вал вокруг площадки. Вероятно, в это же время овраги, ограничивавшие площадку с юга и севера, были соединены рвом, таким образом, рельеф городища получил нынешнюю конфигурацию. Укрепления XIV в. были построены на насыпном грунте, который для этого был взят на самой площадке. В результате были перемещены на края площадки напластования раннего железного века. Максимальная толщина перемещенного грунта равняется высоте площадки над уровнем оврага и составляет в исследованном месте 12 м. При раскопках было выяснено, что грунт насыпался на специальные вырезанные в склоне холма ступеньки, в плане повторяющие его форму. Две такие последовательные по высоте ступеньки исследованы в раскопе 2009 г. Вторая ступенька находилась на глубине около 5,5 м от верха культурного слоя. Поэтому раскоп, начиная со средней части, не был доведен до материка. Во время строительства крепости в конце XVI в. площадка была досыпана, как в ширину (стены крепости были поставлены на 3,5—4 м дальше от центра городища, чем древнерусские укрепления), так и в высоту — поверх слоя XII—XIV вв. было насыпано от 2 до 3 м желтого песка. После разрушения крепостных стен во второй половине XVII в. песок стал постепенно сыпаться, в первую очередь в сторону реки (на восток), где стена упала раньше других участков, в результате чего появился современный уклон площадки к востоку. Интересно, что в слое песка встречались прослойки глины, содержавшие керамику, как средневековую, так и раннего железного века. Откуда был взят песок — неизвестно.

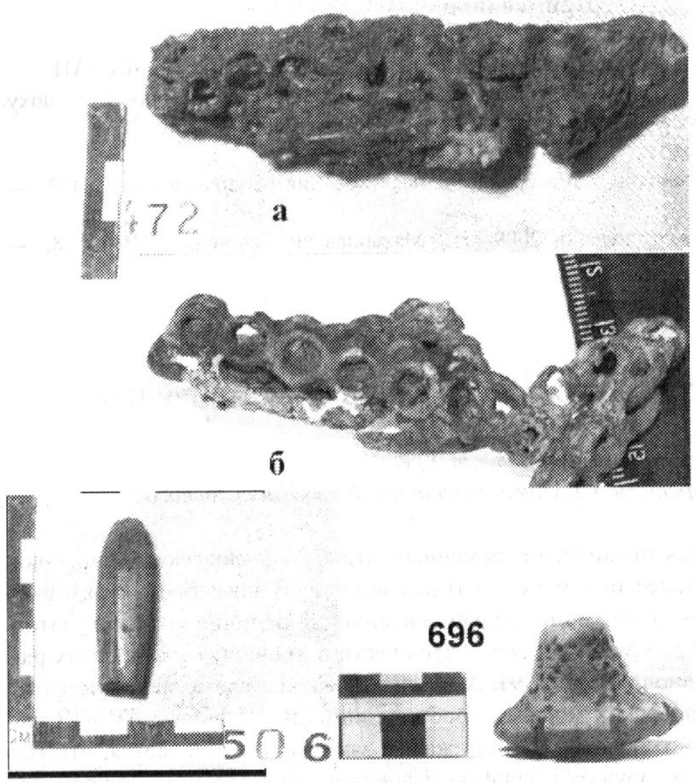


Рис. 7. Находки р. ж. в. из раскопок 2009 г. на городище Борисовское (472 — фрагмент цепочки медной с иглой: а — до расчистки, б — после расчистки; 506 — наконечник стрелы костяной; 696 — грузик дьякова типа).

Керамика раннего железного века из слоев на краях площадки относится к двум периодам, описанным уже выше в разделе «селище Бородино», — гладкостенная керамика баночных форм I—III вв. н. э. и керамика типа Мощинской культуры IV—VI вв. н. э. (рис. 6, 7).

Таким образом, при раскопках достаточной площадью на всех памятниках верхнего Москворечья и Попротовья выявлены слои I—III вв. н. э., на двух памятниках Верхней Москвы-реки выявлена сетчатая керамика конца I тыс. до н. э., а также на трех памятниках выявлены материалы IV—VI вв. н. э. Это расширяет ареалы Дьяковской, Позднедьяковской и Мощинской культур. Кроме того, расширен ареал памятников с керамикой, украшенной гребенчатым штампом, со Среднего Москворечья до Можайска.

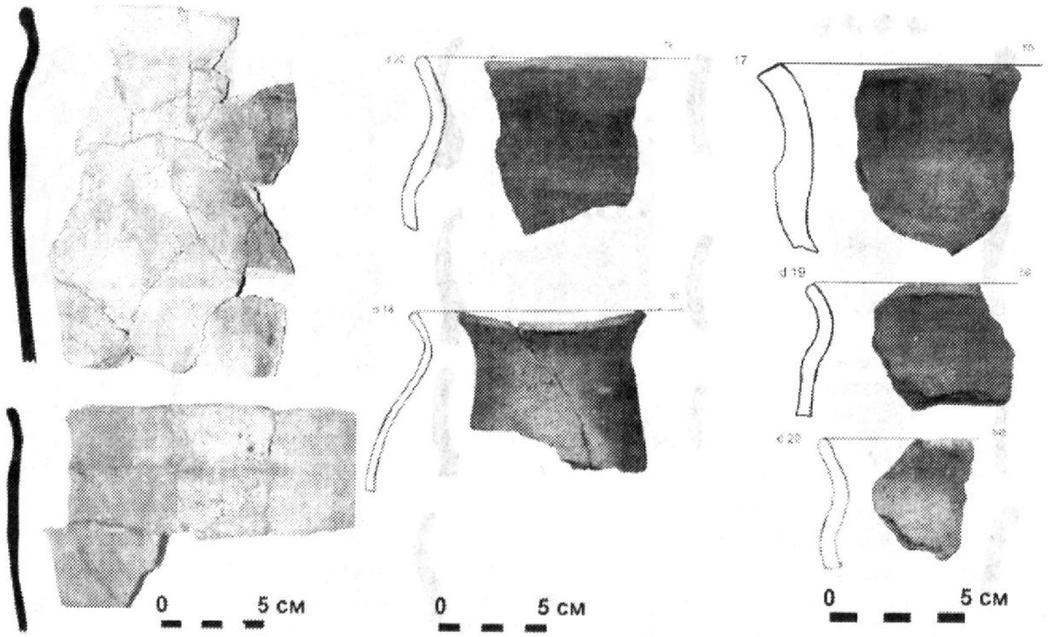


Рис. 6. Лепная керамика с городища Борисовское (левая колонка — горшки баночных форм, средняя колонка — подлощеная керамика, правая колонка — фрагменты горшков с ребром).

«Можайский кремль» и датируется V—VI вв. н. э. На селище найдены фрагмент железного серпа и керамическое пряслице.

Городище Борисовское. Городище также известно как «Борисов городок». История и датировка культурного слоя городища до работ автора 2009 г. не были точно определены. После обследования П. А. Раппопорта конца 1940-х годов[4], стало ясно, что именно на этом холме в конце XVI — начале XVII в. царем Борисом Годуновым был построен замок, разобранный в 30-е годы XIX в. В конце 1950-х гг. К. А. Смирнов провел разведку на этом городище. Им был найден фрагмент лепной керамики, в результате чего начало жизни на городище было отнесено к раннему железному веку. Других работ до 2009 г. на городище не производилось.

Топографическая ситуация: городище представляет собой холм округлой формы, приданной ему искусственно. Расположен этот археологический памятник на левом берегу р. Протвы (левого притока р. Оки) на восточной окраине села Борисово. От коренного берега реки он отделен двумя оврагами, соединенными в древности рвом.

В 2009 г. на северном краю городища был заложен раскоп размером 25×4 м[5], доведенный до материка почти на всей площади, кроме краевой части, о чем будет сказано ниже. Выяснена полная история городища. Кроме периода раннего железного века и XVI—XVII вв., культурный слой содержит пласт, датированный нами XII—XIV вв. Между каждым из напластований имелся временной перерыв. Культурный слой раннего железного века найден значительной толщины в краевой части городища, правда в перемещенном и перемешанном виде.

История городища вкратце такова: начало освоения холма (в то время, по-видимому, это был еще не холм, а мыс коренного берега) относится к первым векам н. э. Были ли в это время укрепления, неизвестно. Однако с напольной (западной) стороны площадки невооруженным глазом заметно возвышение, которое может быть остатками вала. Пока на этом месте раскопок не производилось, кроме того на этом самом возвышенном месте городища располагается братская могила времен Великой Отечественной войны. В период раннего железного века место городища было заселено вплоть до VI в. н. э., датировка основана на керамических материалах, рассматриваемых ниже. В конце XII в. (более ранних материалов древнерусского времени не обнаружено) городище вновь было заселено, уже носителями древнерусской культуры. Строительство первоначальных укреплений относится, по-видимому, уже ко времени Московского княжества, то есть к первой половине XIV в. Эти укрепления были перестроены во второй половине XIV в. При формировании укреплений первоначально был насыпан один вал вокруг площадки. Вероятно, в это же время овраги, ограничивавшие площадку с юга и севера, были соединены рвом, таким образом, рельеф городища получил нынешнюю конфигурацию. Укрепления XIV в. были построены на насыпном грунте, который для этого был взят на самой площадке. В результате были перемещены на края площадки напластования раннего железного века. Максимальная толщина перемещенного грунта равняется высоте площадки над уровнем оврага и составляет в исследованном месте 12 м. При раскопках было выяснено, что

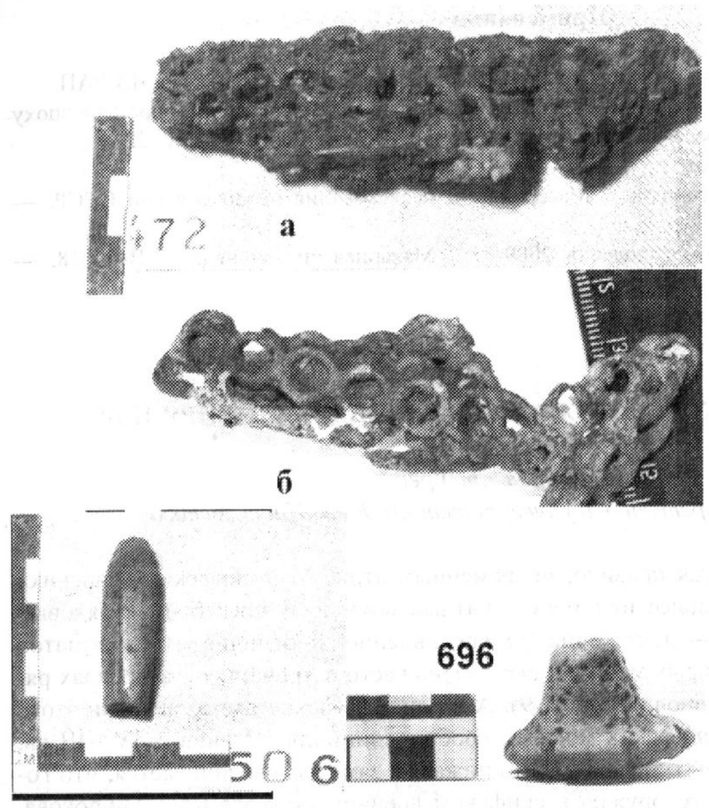


Рис. 7. Находки р. ж. в. из раскопок 2009 г. на городище Борисовское (472 — фрагмент цепочки медной с иглой: а — до расчистки, б — после расчистки; 506 — наконечник стрелы костяной; 696 — грузик дьякова типа).

грунт насыпался на специальные вырезанные в склоне холма ступеньки, в плане повторяющие его форму. Две такие последовательные по высоте ступеньки исследованы в раскопе 2009 г. Вторая ступенька находилась на глубине около 5,5 м от верха культурного слоя. Поэтому раскоп, начиная со средней части, не был доведен до материка. Во время строительства крепости в конце XVI в. площадка была досыпана, как в ширину (стены крепости были поставлены на 3,5—4 м дальше от центра городища, чем древнерусские укрепления), так и в высоту — поверх слоя XII—XIV вв. было насыпано от 2 до 3 м желтого песка. После разрушения крепостных стен во второй половине XVII в. песок стал постепенно сыпаться, в первую очередь в сторону реки (на восток), где стена упала раньше других участков, в результате чего появился современный уклон площадки к востоку. Интересно, что в слое песка встречались прослойки глины, содержавшие керамику, как средневековую, так и раннего железного века. Откуда был взят песок — неизвестно.

Керамика раннего железного века из слоев на краях площадки относится к двум периодам, описанным уже выше в разделе «селище Бородино», — гладкостенная керамика баночных форм I—III вв. н. э. и керамика типа Мощинской культуры IV—VI вв. н. э. (рис. 6, 7).

Таким образом, при раскопках достаточной площадью на всех памятниках верхнего Москворечья и Попротовья выявлены слои I—III вв. н. э., на двух памятниках Верхней Москвы-реки выявлена сетчатая керамика конца I тыс. до н. э., а также на трех памятниках выявлены материалы IV—VI вв. н. э. Это расширяет ареалы Дьяковской, Позднедьяковской и Мощинской культур. Кроме того, расширен ареал памятников с керамикой, украшенной гребенчатым штампом, со Среднего Москворечья до Можайска.

Примечания

[1] См.: *Янишевский Б. Е.* Отчет о раскопках в Можайском кремле в 2005 г. // Архив ИА РАН.

[2] См.: *Ахмедов И. Р.* Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и великого переселения народов. — Вып. 1. — Тула, 2008. — С. 13, 22

[3] См.: Сообщение Н. А. Кренке.

[4] *Раппопорт П. А.* Борисов городок // Материалы и исследования по археологии СССР. — Вып. № 44. — М., 1955.

[5] См.: Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Макариевские чтения. — Вып. 18. — Можайск, 2011.

НАХОДКА СКИФСКОГО КИНЖАЛА В ВЕРХОВЬЯХ р. НЕПРЯДВЫ

Е. В. Столяров, *ст. преп.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Меч и кинжал являются, как правило, непременным атрибутом скифских «царских» погребений или погребений более или менее знатных воинов. В погребениях рядовых воинов подобные находки — достаточно редкое явление, в отличие от савроматов Поволжья и Приуралья, у которых меч и кинжал очень часто встречается и в могилах рядовых общинников (см.: Смирнов, 1961. С. 9). А в раннескифское время находки этого вида вооружения в рядовых скифских могилах вообще единичны. И лишь к IV—III вв. до н. э. количество погребений с мечом и/или кинжалом заметно увеличивается, что говорит о возрастании роли этого оружия в скифском военном обиходе (см.: Милюкова, 1964. С. 46).

Кроме того, если брать во внимание находки только скифских кинжалов, то, как правило, они носят случайный характер, что очень ценно при находке экземпляров, относящихся к раннескифскому времени, для которого подобные экземпляры даже в погребениях — редкое явление. А ввиду того, что большая часть находок мечей и кинжалов из погребений имеет низкую сохранность (сохраняются только рукояти, форма которых и у мечей, и у кинжалов идентична, и сложно понять, к чему отнести находку), находка целого экземпляра является большой удачей и служит еще одним кирпичиком в фундамент понимания морфологии данного вида вооружения у скифов.

Такая случайная находка кинжала была сделана в верховьях р. Непрядвы (правый приток р. Дон). Когда, где и кем конкретно был найден кинжал неизвестно, местом же его хранения и экспонирования в настоящее время является школьный музей поселка Михайловский Куркинского района Тульской области (рис. 1)*.

Главными признаками для любого скифского кинжала**, и наш образец здесь не составляет какого-либо исключения, являются: все они железные, кованные, при этом клинок и стержень рукояти выкованы из единого куска металла; все они обязательно имеют перекрестье, обычно также железное, напускное и приваренное; навершие обычно также было железным наваренным сверху на стержень рукояти; большинство скифских кинжалов имеет двулезвийные клинки, треугольные, более или менее вытянутые или почти с параллельными лезвиями и коротким острием (см.: Милюкова, 1964. С. 46).

Найденный кинжал (рис. 1: *1), с*охранился полностью, за исключением перекрестья, что в принципе не удивительно, видимо, ввиду его крепления посредством приваривания, как у большинства экземпляров. Общая длина кинжала от навершия до острия — 23,75 см. Согласно классификации, разработанной Милюковой, данный образец относит-

* Информация о находке и фотографии кинжала были любезно предоставлены автору коллегами из отдела археологических исследований музея-заповедника «Куликово поле», за что автор выражает им огромную благодарность.

** Считается, как отмечала Милюкова, исходя из большего количества находок, что кинжалы имеют длину от 17 до 40 см, в то время как мечи — от 50 и до 70 см.

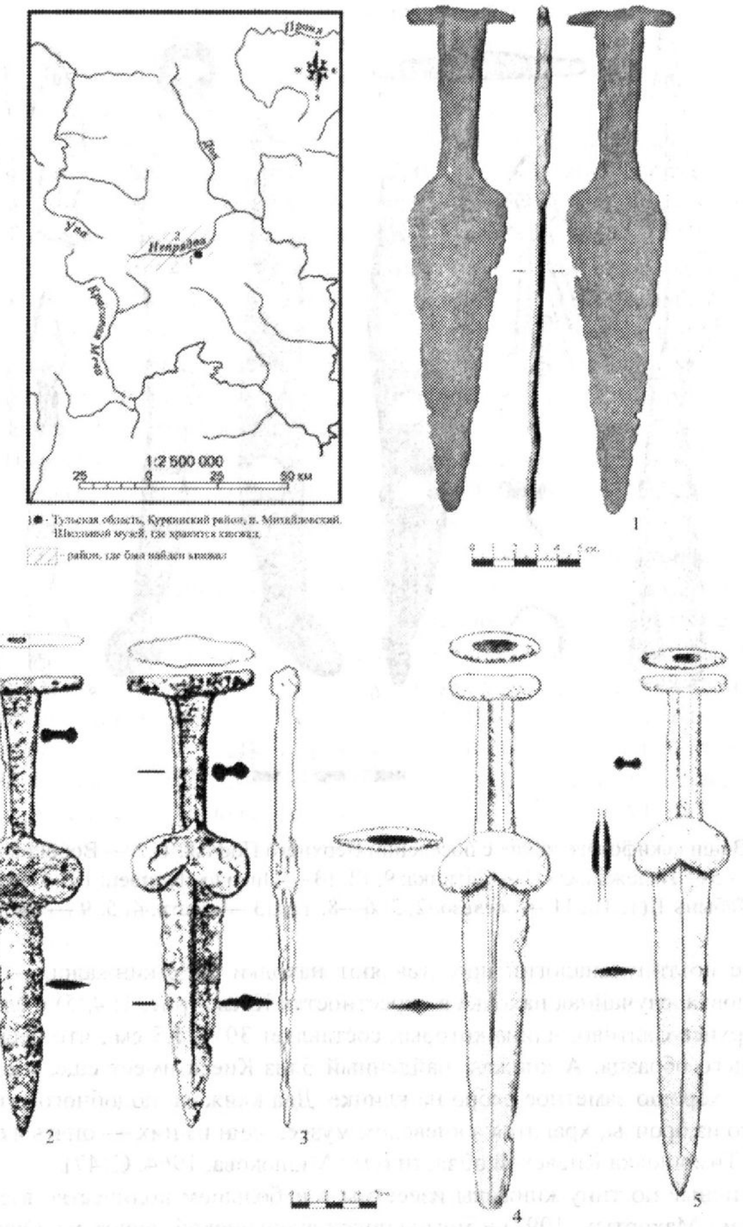


Рис. 1. Карта района находки кинжала с обозначением места его хранения в школьном музее п. Михайловский. 1. Скифский кинжал. Случайная находка в верховьях р. Непрядвы (правый приток р. Дон). 2—5. Аналогичные ему находки.

ся к отделу «кинжалы с прямым брусковидным или овальным навершием» (см.: Милюкова, 1964. С. 47).

Сказать к какому типу он относился внутри отдела, затруднительно ввиду того, что тип кинжала определяется формой его перекрестья, которое у нашего экземпляра утеряно. Но по совокупности признаков, вероятно, его можно отнести к типу 1 (по классификации Милюковой) — кинжал с прямым брусковидным навершием и почковидным перекрестьем (см.: Милюкова, 1964. С. 47): 1) прямое навершие в виде узкого бруска, в отличие от довольно широкого и сравнительно короткого бруска навершия кинжала типа 2 [мечи и кинжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (см.: Милюкова, 1964. С. 49)], в остальном схожего с типом 1; 2) рукоять разделена на три части так, что по краям образуются рельефные бортики; 3) клинок в виде несколько вытянутого треугольника; 4) разрез клинка имеет линзовидную форму (рис. 1: *1*).

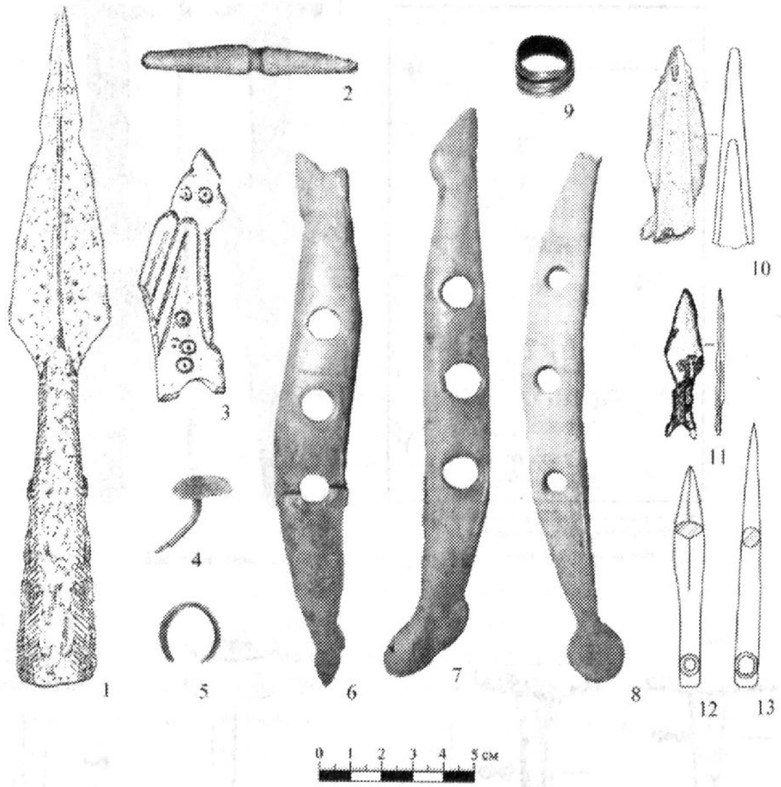


Рис. 2. Вещи «скифского типа» с поселений Верхнего Поочья: 1, 3 — Вороново; 2 — Свинухово, 4— 5 — Надежда; 6—8 — Сатинка; 9, 12, 13 — Николо-Ленивец; 10 — Черемисиново 1; 11 — Жабынь 1 (1, 10, 11 — железо, 2, 3, 6—8, 12, 13 — кость, 4, 5, 9 — цветной металл).

Близкие по типу аналогии представляют находки трех кинжалов — из кургана 77 у д. Куриловка, случайная находка в окрестностях Киева (рис. 1: *4, 5*) и случайная находка у с. Верхнее Салтово, длина которых составляет 30—31,5 см., что несколько больше, чем у нашего образца. А кинжал, найденный близ Киева имеет еще, в отличие от всех остальных, хорошо заметное ребро на клинке. Два кинжала подобного типа, изготовленных только из бронзы, хранятся в киевском музее, один из них — опять же случайная находка у с. Тимошовка Киевской области (см.: Милюкова, 1964. С. 47).

Аналогичные по типу кинжалы известны в небольшом количестве в разных районах Кавказа (см.: Махортых, 1992) и могильниках ананьинской культуры. Они представляют собой обычную находку к западу от Скифии, в Трансильвании и Венгрии (см.: Милюкова, 1964. С. 48). Так, с территории Румынии, из Сусени и Бурени, происходят находки двух кинжалов, очень схожих с нашей находкой (см.: Vulpe, 1990. P. 38—39; Taf. 6: *27—28*; рис. 1: *2, 3*) как по длине (23,3 и 24,9 см соответственно), так и по деталям отделки рукояти и навершия, что наиболее рельефно отражает кинжал из Сусени (см.: Vulpe, 1990. P. 38—39; Taf: 6, *27*; рис. 1: *2*), хотя он и имеет клинок не треугольной формы, а с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети клинка. В Венгрии известна находка кинжала близкого по длине (24,8 см.) и оформлению нашей находке (см.: Ginters, 1928. P. 30; Taf: 13, *a*).

Время бытования подобного «классического» типа скифских кинжалов, судя по курганным комплексам, можно определить VI в. до н. э. Однако появились они, вероятно, ранее — конец VII — начало VI в. до н. э. и были в употреблении весь VI в. до н. э., особенно его вторую половину (см.: Милюкова, 1964. С. 47).

Находка скифского кинжала обнаруживает следы присутствия представителей контактной скифоидной культуры практически на самой северной границе лесостепной зоны.

О культурных и иных видах контактов и влиянии скифской культуры на племена лесной зоны, в частности Верхнего Поочья, говорят и другие находки скифского облика. Так, с поселения Черемисиново 1 происходит двулопастной наконечник стрелы «скифского типа» листовидной формы с острым шипом и выступающей втулкой, которые в большей степени являются утерянными у данной находки (см.: Иванов, 2001. С. 18, рис. 2: *10*). Так как памятник датируется XIII—XVII вв., находка наконечника на поселении, по-видимому, является случайной. Аналогичная стрела была найдена С. А. Изюмовой в ходе раскопок городища у д. Сатинка (см.: Изюмова, 1967. С. 124, рис. 1: *5*). Подобные стрелы маркируют собой ранний этап в развитии скифских древностей, а именно конец VII — начало VI в. до н. э. (см.: Милюкова, 1989. С. 92, рис. 31: *4*).

С поселения Жабынь 1 (рис. 2: *11*) происходит железный наконечник стрелы треугольной формой пера и овально-уплощенным сечением (см.: Наумова, 1996. Рис. 30: *3*). Основание пера изогнутой линией переходит в плоский черешок, который заканчивается раздвоенным расширением: серповидный вырез или вырез в виде «ласточкина хвоста». Данный тип — подражание костяным и железным наконечникам стрел IV—III вв. до н. э., известным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме (см.: Дубынин, 1974. С. 220).

Среди предметов «скифского типа», происходящих из слоев раннего железного века поселений бассейна верхней Оки, необходимо отметить наконечник копья и фрагмент пластинчатого псалия с городища Вороново, датирующиеся VI в. до н. э. (см.: Никольская, 1964. С. 76—78. Рис. 28: *1, 2*; рис. 2: *1, 3*). По целой серии бронзовых вещей (скифского и ананьинского облика) и достаточно редких изделий из кости (трехдырчатых пластинчатых псалий (рис. 2: *6—8*) конец VII/VI — V в. до н. э. определяется как ранний период существования городища Сатинка (см.: Изюмова, 1967; Модин, Столяров, 2009).

Хорошими маркерами для слоя IV—III вв. до н. э. на городище Николо-Ленивец являются находки маленького бронзового колечка с заходящими концами скифского типа и бронзового спиралевидного колечка (см.: Никольская, 1957, табл. VI; рис. 2: *9*). Необходимо также отметить находки двух костяных стрел конической или пулевидной и трехгранно-цилиндрической формы (см.: Столяров, 2009. С. 162. Рис. 2: *1, 2*; рис. 2: *12, 13*). К. А. Смирнов усматривал в них подражание скифским образцам и датировал VIII—III вв. до н. э. (см.: Смирнов, 1974. С. 29).

Интересна находка колчанной застежки с городища Свинухово (см.: Никольская, 1953. Рис. 23: *6*; рис. 2: *2*). Колчанные застежки подобного типа характерны для скифской культуры в конце VII — начале VI в. до н. э. и были широко распространены в VI—V вв. до н. э. В IV—III вв. до н. э. они начинают исчезать в связи с появлением нового типа горитов. Идентичная застежка была найдена на Аргыжском городище ананьинской культуры, где она датируется, в целом для среднекамских памятников эпохи раннего железа, V—III вв. до н. э. (см.: Черных и др., 2002. С. 40. Рис. 48: *2*).

Серьга или височная подвеска с петлевидной изогнутой дужкой и округлым щитком в форме шляпки гриба и серьга, имеющая вид простого проволочного колечка (рис. 2: *4, 5*), известные в скифских древностях VI в. до н. э., вместе с двумя фрагментами бронзовых браслетов были найдены в заполнении большого наземного жилища городища Надежда. (см.: Петренко, 1989. С. 106).

Таким образом, большинство вышеперечисленных находок, вместе с достаточно редкой находкой кинжала, маркируют собой самый ранний период (конец VII — VI в. до н. э.) контактов лесостепных племен с населением лесных культур раннего железного века Восточной Европы.

Литература

Дубынин А. Ф. Щербинское городищ е// Дьяковская культура. — М., Наука, 1974.

Иванов Н. В. Отчет об разведочных археологических исследованиях в Чернском районе Тульской области в 2000 году //Архив ИА РАН. Р-1.

Изюмова С. А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // Советская археология. — 1967. — № 1..

Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. — Киев: Наукова Думка, 1992.

Милюкова А. И. Вооружение скифов. — М.: Наука, 1964.

Милюкова А. И. Скифская материальная культура // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1989.

Модин Р. Н., Столяров Е. В. Костяные псалии с Сатинского городища // Археология XXI века: Синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума, 8—9 апреля 2009 г. — Калуга, 2009.

Наумова Т. В. Отчет об археологических исследованиях в Белевском и Арсеньевском районах Тульской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Никольская Т. Н. Городище у д. Свинухово // КСИИМК. — Вып. XLIX. — 1953.

Никольская Т. Н. Альбом к отчету о раскопках г. Николо-Ленивец летом 1957 г.// Архив ИА РАН. Р-1. № 1448а.

Никольская Т. Н. Археологические раскопки в 1961—1962 гг. в Калужской области // КСИА. — Вып. 102. — 1964.

Петренко В. Г. Украшения и булавки // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1989.

Смирнов К. А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура. — М.: Наука, 1974.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МАИ. № 101. — М.: АН СССР, 1961.

Столяров Е. В. Костяные наконечники стрел с городищ Свинухово и Николо-Ленивец (по материалам из фондов КОКМ) // Природа и история Поугорья. — Вып. 5. — Калуга: Изд-во науч. лит. Н. Ф. Бочкаревой, 2009.

Черных Е. М., Ванчиков В. В., Шаталов В. А. Аргыжское городище на реке Вятке. — М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002.

Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. — Berlin, 1928.

Vulpe A. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. — München, 1990.

К ВОПРОСУ О НАЛИЧИИ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ НА ГОРОДИЩЕ «ЧЕРТОВО ГОРОДИЩЕ»

О. Л. Прошкин*, к. и. н., зав. сект.,,*
Калужский областной краеведческий музей

Городище в урочище «Чертово Городище» близ г. Сосенский Козельского района Калужской области в качестве объекта археологического наследия известно с 1987 г. Археологические исследования, проводившиеся на нем в 1990-х и 2000-х гг. позволили выявить слабовыраженный культурный слой, содержащий различные находки трех хронологических периодов — эпохи каменного века, III—V вв. и IX — начала X в. Основное число найденных предметов (96%) связано с последним периодом функционирования поселения.

В результате раскопок на площадке городища выявлены фрагменты каменных конструкций, ориентированных по линии северо-запад — юго-восток и сложенных из камней различной величины (от 5×7 см до 20×30 см и более). Внутри них были найдены различные предметы и фрагменты сосудов. Полная форма и размеры этих конструкций еще не установлены, так же как не установлено и их функциональное назначение. Не исключена их связь с отдельно стоящими камнями, которые, пока лишь предположительно, могли иметь культовое применение. Один из таких камней, находящийся в северо-западной части площадки городища, практически на самом мысу, был исследован еще в 1992 г. и условно отнесен к числу культовых. Результаты его исследования были опубликованы. (см.: Прошкин, Фролов, 1990; 1995). В процессе исследований городища в последующие годы были получены также не менее интересные результаты, на которых стоит остановиться подробнее.

Раскопы № 8 (2007 г.) и № 10 (2009 г.) были заложены вокруг одного из камней, расположенного в восточной, привальной, части площадки поселения, на расстоянии 77 м к юго-востоку от камня, исследованного в 1992 г. (см.: Прошкин, 2008; 2010). (Рис. 1.)

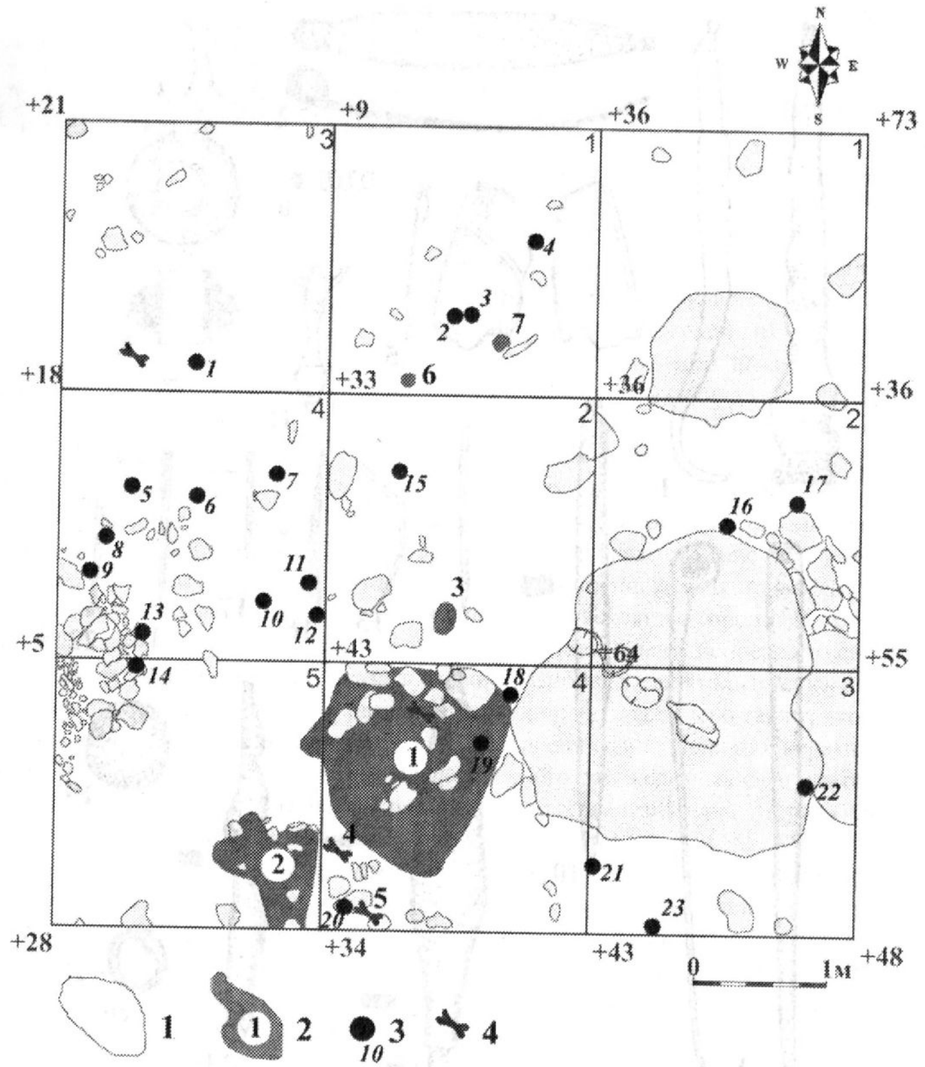


Рис. 1. Городище «Чертово Городище». Раскопы № 8 (2007 г.) и № 10 (2009 г.). Условные обозначения: 1 — камни; 2 — скопления керамики и костей; 3 — индивидуальные находки; 4 — скопления костей.

1 — скопление 1: фрагменты лепных сосудов (не < 3-х), кости и зубы животных (43 экз.); 2 — скопление 2: фрагменты лепных (не < 4-х) и круговых сосудов; 3 — скопление 3: фрагменты лепных сосудов (49 экз.); 4 — скопление 4: кости и зубы животных (27 экз.); 5 — скопление 5: кости и зубы животных (33 экз.); 6 — донце лепного сосуда № 1; 7 — донце лепного сосуда № 2.

Индивидуальные находки: 1 — резец (?) железный; 2 — крючок поясной железный; 3 — фрагмент привески бронзовой; 4 — отщеп кремневый; 5 — привеска бронзовая; 6 — бусина-пронизка стеклянная; 7 — предмет бронзовый; 8 — наконечник стрелы кремневый; 9 — крючок железный; 10 — инструмент железный; 11 — часть серьги серебряной; 12, 15—18, 22 — иглы железные; 13 — наконечник стрелы железный; 14, 21, 23 — фрагменты предметов железных; 19 — шарик каменный; 20 — кольцо железное.

Камень в плане имеет форму, близкую трапеции. Размеры камня по его основанию составляют около 160×120×210×190 см, а высота достигает 48 см. На его поверхности имеются четыре углубления овальной и близкой овалу формы, расположенные по линии северо-запад — юго-восток. Размеры их различные — от 22×19 см до 47×28 см. Глубина — от 6 см до 65 см. После выборки культурного слоя было установлено, что основание

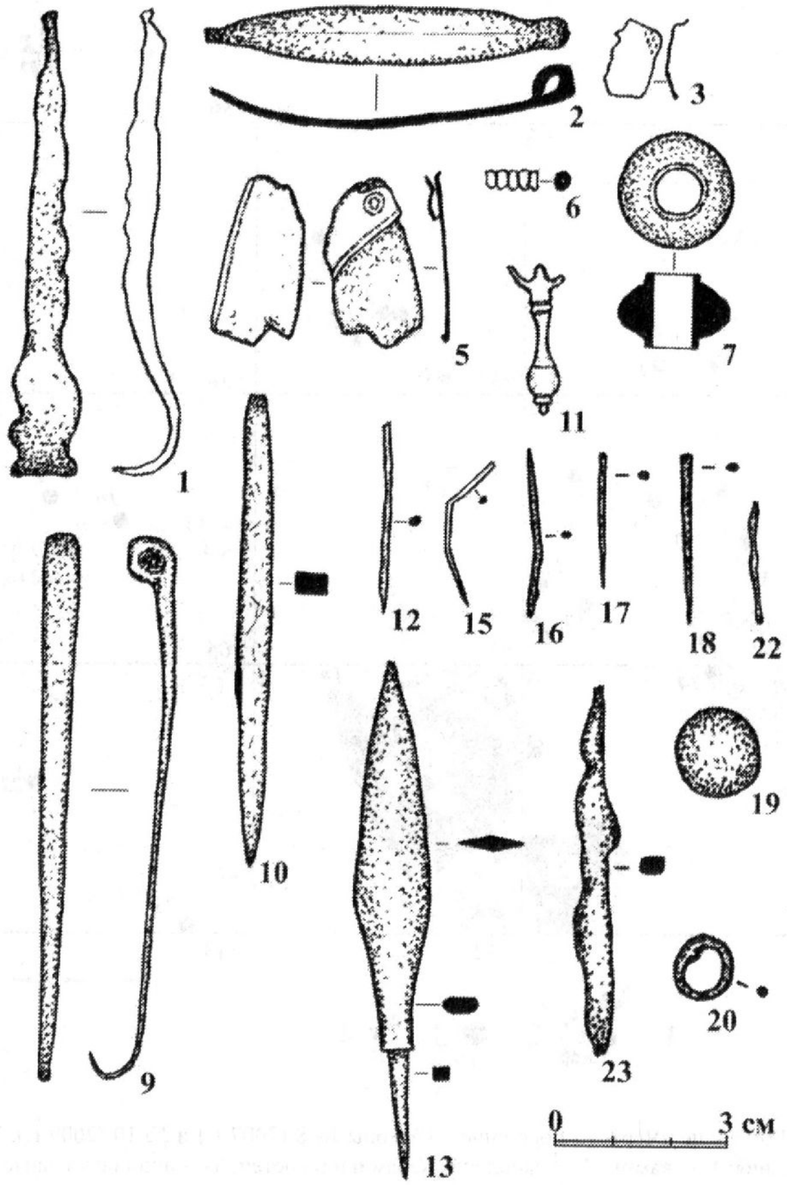


Рис. 2. Городище «Чертово Городище». Раскопы № 8 (2007 г.) и № 10 (2009 г.), индивидуальные находки. Нумерация и перечень находок соответствуют *рис. 1.*

камня лежит не просто на поверхности материка, а на подложенных под него мелких камнях песчаника размерами от 10×10 см до 32×20 см при толщине от 6 см до 10 см. То есть камень не является поверхностной частью материкового песчаникового останца (скалы), как камень с отверстиями, исследованный в 1992 г. В 50 см к северу от него находился еще один камень в виде плоской плиты, выделявшийся своей «необычной» постановкой (под наклоном около 30 градусов) и уходивший своим основанием в материк на глубину до 15 см. Его размеры составляли 85×105×86×68 см.

К камню с углублениями с северо-востока и юго-запада примыкают два скопления из камней песчаников и отдельных кремневых конкреций, располагаясь на поверхности материка или на незначительной подсыпке (толщина 2—3 см). Еще одно каменное скопление находится в 2-х м западнее. Размеры скоплений составляют от 1×0,6 м до 2×1,8 м. Состоят скопления из камней различных размеров — от 6×6 см до 40×33 см при толщине от 3 см до 20 см.

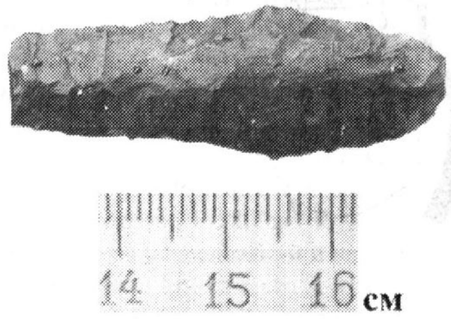


Рис. 3. Городище «Чертово Городище». Раскоп № 10 (2009 г.), кремневый наконечник стрелы.

Скопления камней, расположенные вокруг камня с отверстиями интересны тем, что в них были зафиксированы развалы нескольких лепных сосудов (не менее семи) и большое количество их отдельных фрагментов, а также скопления костей животных (101 экз.), в том числе кальцинированных (2 экз.).

Вокруг камня был сделан ряд находок. В раскопе № 7, у подошвы камня и рядом с ним, найдены железные: три фрагмента иголок и одна целая игла (рис. 2, *16—18, 22*), маленькое колечко (рис. 2, *20*), два неопределенных предмета (типа рис. 2, *23*), каменный шарик (рис. 2, *19*). В раскопе № 10 были найдены железные: резец (рис. 2: *1*), поясной крючок (рис. 2, *2*), две иглы (рис. 2, *12, 15*), предмет, похожий на шило (рис. 2, *10*), наконечник стрелы (рис. 2, *13*), крючок (рис. 2, *9*); бронзовые: часть неопределенного предмета (рис. 2, *7*) и фрагмент трапециевидной привески (рис. 2, *3*) и почти целая трапециевидная привеска (рис. 2, *5*), а также часть серебряной серьги (рис. 2, *11*), желтостеклянная пронизка (рис. 2, *6*) и кремневый наконечник стрелы (рис. 3). Все ли предметы имеют непосредственное отношение к данному камню и месту, сказать сложно. Наиболее вероятна связь камня с отверстиями и скоплений с керамикой и развалами сосудов. Не исключено также, что с камнем могут быть связаны находки предметов как пребывавших в скоплениях керамики и костей, так и найденных непосредственно возле него. Это три железных фрагмента иголок и одна целая железная игла, фрагменты неопределенных железных предметов (или одного предмета), маленькое железное колечко и каменный шарик.

Датирующим материалом в данном случае может служить только лепная керамика из отдельных скоплений возле камня. Представлена фрагментами, в основном толстостенных, серо- и коричневоглиняных сосудов с грубой и заглаженной поверхностью, как слабо обожженных, так и крепких, с примесью дресвы, шамота и органики в тесте (рис. 4, *5—10, 12—18*). Из общей массы лепной керамики, представленной сосудами роменского облика, выделяются фрагмент стенки чернолощеной миски с ребром и несколько мелких фрагментов стенок сосудов, также с чернолощеной, гладкой поверхностью (рис. 4, *11*). Кроме того, следует отметить и присутствие в скоплениях керамики четырех фрагментов стенок, вероятно, раннекругового, тонкостенного, коричневоглиняного сосуда с примесью мелкой дресвы (или крупного песка) в тесте.

Реконструируемые формы лепной посуды из скопления 1 представлены двумя горшками вытянутых пропорций (раскоп № 8, квадрат 4) типа I, подтипа 1 лепной посуды с городища «Чертово Городище». Один из них имеет «конусовидную» форму с узким дном и широким устьем (рис. 4, *2*). Горшки аналогичной формы и пропорций известны на ряде поселений донских славян конца I тыс. н. э. (см.: Винников, 1982. Рис. 3, *21—23*; 1995. Рис. 26, *6*). Фрагменты подобных сосудов найдены также и в культурном слое «Чертова Городища», а на верхней Оке — на поселении Ждамирово (см.: Прошкин, 2000. Рис. 16, рис. 108 и др.). Другой сосуд имеет баночную форму с «гусеничным» орнаментом на стенках (рис. 4, *4*). По пропорциям и морфологическим данным сближается с приземистыми и мисковидными сосудами из курганного могильника Западная на р. Оке (фонды ТОИАЛМ, коллекция № 4707/15, 16 и др.). Кроме того, на верхней Оке фрагменты аналогичных по профилировке и пропорциям сосудов найдены также на поселениях Ждамирово и Фатьяново 3 (см.: Прошкин, 2000. Рис. 16; фонды ТОИАЛМ, коллекция б/н, Екимов Ю. Г., 2003 г.). Горшки с аналогичной профилировкой характерны для роменских памятников IX—X вв. междуречья рек Десны и Ворсклы (см.: Приймак, 1997. Рис. 6 и др.).

Из скоплений 1 и 3 (раскоп 8, квадрат 4, раскоп 10, квадраты 2, 5) реконструируется еще один горшок вытянутой формы, достаточно архаического облика (рис. 4, *1*). Имеет

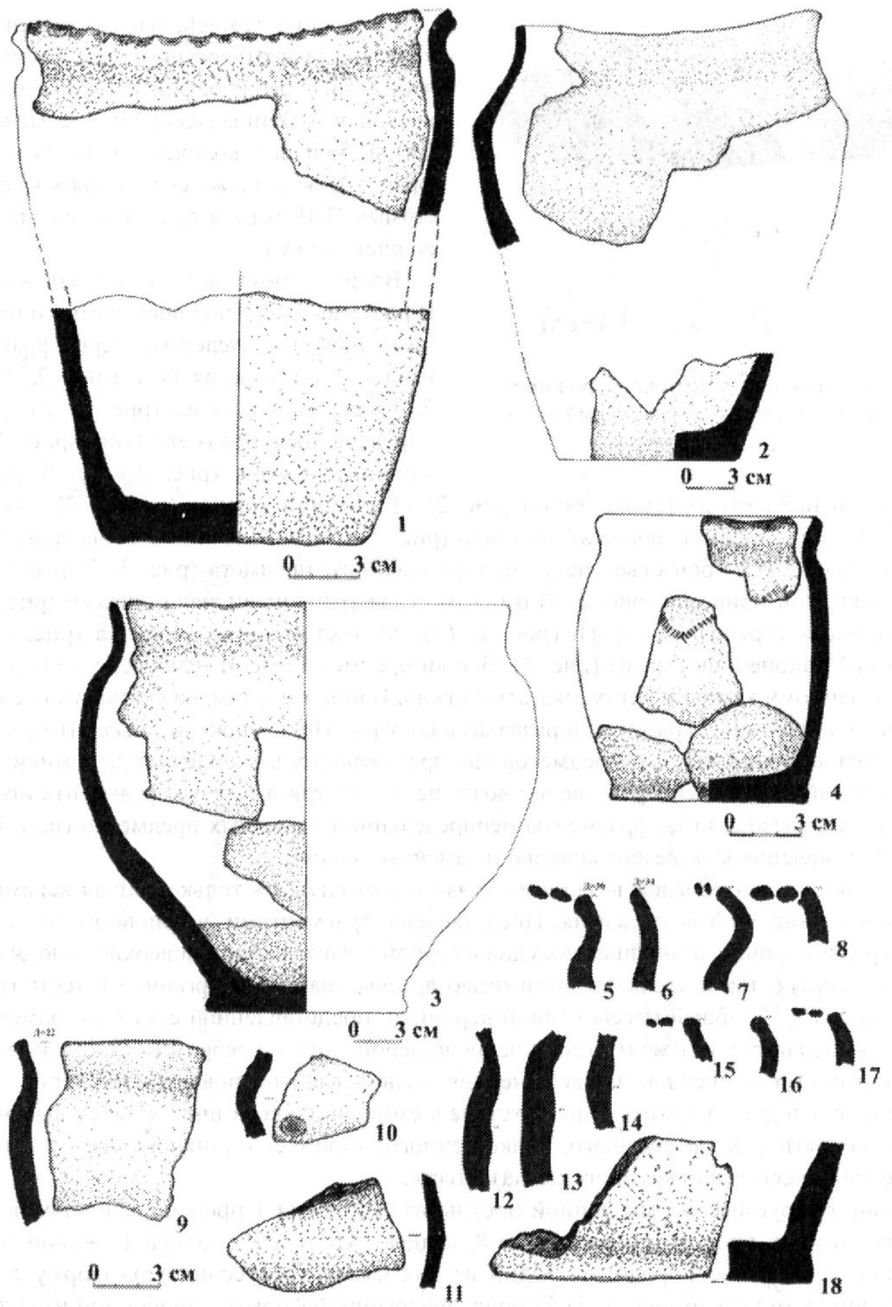


Рис. 4. Городище «Чертово Городище». Раскопы № 8 (2007 г.) и № 10 (2009 г.). Лепная посуда из скоплений.

банковидную форму. Тулово слабо сужается к дну. Наибольшее расширение находится в приустьевой части. При этом четко выражены короткая шейка и плечико. Фрагменты верхних частей сосудов (венчик, шейка, плечико и часть тулова) с аналогичным профилем на верхней Оке известны с поселения Ждамирово (подъемный материал) (см.: Прошкин, 2000. Рис. 16). Сосуды данной формы и пропорций известны с памятников лесной зоны Восточной Европы и датируются в широких хронологических рамках — от 3-й четверти до конца I тыс. н. э. (например, городище Еськи, поселение Юрьевская Горка, селище Сосновка и др.) (см.: Исланова, 1981. Рис. 3, *6*; 1995. С. 178—180, рис. 1, *12, 13*; Коваль, 2004. Рис. 6, *3* и др.).

Следует также отметить еще один лепной сосуд из развала 5 (раскоп 10, квадрат 5). Это хорошо профилированный горшок приземистой формы (тип I, подтип 2 лепных сосудов с городища «Чертово Городище») с широким устьем, выпуклым, округлым туловом и узким донцем (рис. 4, *3*). Близкие аналогии имеются как на самом «Чертовом Городище» (раскоп 3), так и на ряде других памятников верхней Оки (Лебедка, курган № 5, Супруты, городище и др.), а также на поселениях роменской культуры на ее основной территории (Новотроицкое и др.) (см.: Никольская, 1959. Рис. 29, *4*; Григорьев, 2009. Рис. 6; Ляпушкин, 1958. Рис. 19, *9* и др.).

Результаты исследований и внешний облик данного камня позволяют *пока лишь предположительно* отнести его к группе камней с различными углублениями, известных в Восточной Европе и имевших в древности культовое назначение (см.: Сикала, 1990. С. 150 и др.).

Не исключено, что скопления керамики и костей животных, обнаруженные непосредственно возле камня являются остатками тризн. Близкие аналогии им имеются на Дмитриевском могильнике салтово-маяцкой культуры, где «тризны представляют собой лежащие кучей кости животных и стоящие рядом с ними керамические сосуды» (Сарапулкин, 2005. С. 210).

О наличии культа камней у населения Верхнего Поочья вплоть до начала XX столетия имеется множество сведений, собранных В. М. Кашкаровым (см.: Кашкаров, 1903).

Литература

Винников А. З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э. // Советская археология. — 1982. — № 3.

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). — Воронеж, 1995.

Григорьев А. В. Постройка 4/XXVIII городища Супруты // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области. — Калуга. 2009.

Исланова И. В. Раскопки Бежицких курганов и городища Еськи // КСИА. — Вып. 164. — 1981.

Исланова И. В. Керамика селища Юрьевская Горка // Российская археология. — 1995. — № 2.

Кашкаров В. А. Очерк истории церкви в пределах нынешней Калужской епархии // Калужская старина. — Т. 3. — Калуга, 1903.

Коваль В. Ю. Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.) // Российская археология. — 2004. — № 1.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое // МИА. — № 74. — М.; Л., 1958.

Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. — № 72. — М., 1959.

Приймак В. В. Роменська культура в межиріччі Десни і Ворскли: Дискусійні питання, нові матеріали. — Полтава; Суми, 1997.

Прошкин О. Л. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской области. 1999 г. // Архив ИА. Р-1, № 23394. — 2000.

Прошкин О. Л. Отчет об археологических исследованиях: на объектах новостроек Калужской области, на городище «Чертово Городище» Козельского района и на городище 1 в г. Тарусе Калужской области. 2007 г. // Архив ИА. Р-1, временно б/н. — 2008.

Прошкин О. Л. Отчет об археологических исследованиях на объектах новостроек Калужской области и на городище «Чертово Городище» Козельского района Калужской области в 2009 г. // Архив ИА, Р-1, временно б/н. — 2010.

Прошкин О. Л, Фролов А. С. Древний культовый камень в урочище «Чертово городище» // Пятая краеведческая конференция Калужской области: Тезисы докладов. — Обнинск, 1990.

Прошкин О. Л., Фролов А. С. Камень с чашечными углублениями с «Чертова городища» под Козельском // Российская археология. — 1995. — № 1.

Сарапулкин В. А. Раскопки могильников салтово-маяцкой культуры в Белгородской области // Археологические открытия 2004 года. — М., 2005.

Сикала А.-Л. Верования финнов в древности // Финны в Европе. VI—XV века. — Вып. 2. — М., 1990.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КЛАД ИЗ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

***А. В. Григорьев**, н. с.,*
Государственный музей-заповедник «Куликово поле»

В ходе продолжающегося разграбления археологического наследия России тем или иным образом появляется информация о находках. Научная ценность этих предметов из-за варварских способов их добычи в значительной, а порой и в большей мере снижается. Однако любая информация об артефактах представляет несомненный интерес для специалистов.

В 2008 г. поступило сообщение о находке на севере Тульской области компактной группы вещей, вероятно, клада. Попытки связаться с находчиком и ознакомиться с материалом не увенчались успехом. В настоящее время клад, вероятно, продан и место его нахождения неизвестно. В нашем распоряжении имеется лишь один снимок, сделанный камерой мобильного телефона (рис. 1). Качество изображения крайне низкое.

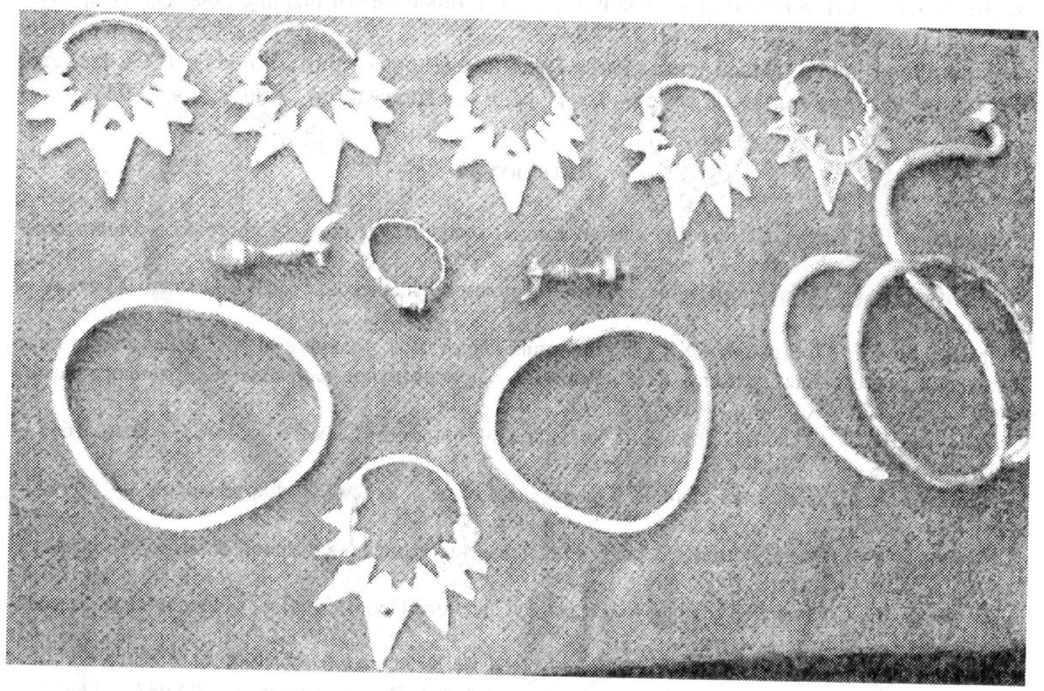


Рис. 1. Вещи, найденные на севере Тульской области: гривна (3 фрагм.), браслеты (2 экз.), лучевые височные кольца (6 экз.), серьги (2 фрагм.), перстень.

Судя по снимку и полученной информации, клад состоял из двенадцати целых и фрагментированных предметов. Все они выполнены из серебра.

Гривна сохранилась в виде трех фрагментов. Она была сделана из круглого в сечении дрота, возможно частично перевитого (качество снимка не позволяет говорить об этом с уверенностью). На одном конце она завершалась петлей, на другом — граненой головкой. Гривна была свернута в виде спирали в два с половиной оборота. Подобные свернутые гривны, так называемого «глазовского» типа, достаточно хорошо известны. Близкие украшения происходят из клада 1972 г. с городища у с. Супруты (см.: Изюмова, 1989. С. 210, 211. Рис. 2г], денежно-вещевых кладов из Ральсвека на о. Рюген (849 г.) (см.: Херрман, 1978. С. 193] и Добрина Витебской области (841/42 г.) (см.: Рябцевич, 1965. С. 124—128). Свернутые в браслет гривны имеются в материалах кладов, найденных в Шверинцбурге на Балтийском побережье Германии и на о. Эланд [см.: Zak, 1963. S. 29; Ryc. 20; Graham-Campbell, Kidd. 1980. P. 52. Ill. 20]. Подобное украшение присутствует в материалах Сарского городища [см.: Леонтьев, 1996. С. 164. Рис. 69, *1б*].

Два браслета сделаны из круглого дрота, прокованного к концам до прямоугольного сечения. Концы браслетов не замкнуты, слегка расширяющиеся. Подобные предметы известны в материалах роменской культуры на всем протяжении ее существования (см.: Григорьев, 2000. С. 134, 135).

Лучевые височные кольца (серьги) представлены шестью экземплярами (пять целых и одно сломанное). Все они относятся к одному типу. Более того, судя по повторяющемуся контуру лучей, можно предположить, что вещи были отлиты по одной модели. Качество литья хорошее, но наблюдаются последствия экономии металла в виде непролитых участков. Простой ложнозерненый орнамент нанесен лишь на внешнюю сторону. По периодизации ранних типов лучевых колец, предложенной автором, они относятся ко второму этапу развития этого типа украшений (см.: Григорьев, 2000. С. 130—132. Рис. 46; 2006а. С. 298—300). Наиболее близкие аналогии имеются в материалах Супрутского и Новотроицкого городищ, селища Гнездово, клада Алпатьево (см.: Григорьев, 2000. Рис. 46).

Серьги так называемого **«салтовского»** типа присутствуют в виде двух фрагментов. От обеих сохранилась нижняя часть, имитирующая подвеску. Украшения этой группы широко представлены на памятниках региона (см.: Григорьев, 2005. С. 93, 94).

Перстень, по причине неудачного ракурса снимка, не может быть с уверенностью отнесен к тому или иному типу. По имеющемуся изображению он может быть сопоставлен с салтовскими перстнями Дмитриевского могильника типа 4 с припаянным щитком (см.: Плетнева, 1989. С. 115. Рис. 61).

Несмотря на ограниченность данных о кладе, представляется возможным попытаться установить приблизительное место находки и дату его сокрытия. Помочь в этом могут не только сбивчивые указания находчика на север Тульской области, но и характер комплекса. Набор предметов и их облик необычайно близки составу кладов и материалам памятников указанного региона. Гривны «глазовского» типа отмечены в составе Алпатьевского, Железницкого и, возможно, Каширского кладов, а также в материалах Супрутского городища. В тех же комплексах присутствовали лучевые кольца и серьги «салтовского» типа. Дротовые браслеты с утолщенными концами известны в составе Железницкого клада и материалах Супрут, перстни «салтовских» типов — в Каширском кладе и на Супрутском городище.

Таким образом, можно говорить о небольшой, но яркой группе памятников, содержащих сходный и, по всей вероятности, синхронный материал. Они расположены по среднему течению р. Оки, от г. Каширы до г. Луховицы, а также в южном направлении по р. Осетр, вплоть до городища у с. Супруты. Вероятно, в этом условном треугольнике и был найден означенный клад.

Появление кладов, содержащих большое количество предметов, может являться отражением какого-то процесса, происходившего в регионе и имевшего вполне определенные временные рамки. Установить их можно на основании нумизматического материала. Все многочисленные монетные и денежно-вещевые клады, связанные с Окско-Донским участком Донского торгового пути, датируются в пределах IX в. — рубежа IX—X вв. (см.: Григорьев, 2006б. С. 181, 182). При этом клады, в которых изделия по весу драгоценного металла превосходили монетную составляющую, могут быть датированы несколько точнее.

К сожалению, из несохранившегося Каширского клада были определены лишь две монеты. Причем определены весьма приблизительно — Аббасиды VIII — начала IX в. (см.: Корзухина, 1954. С. 81]. В составе Алпатьевского клада было всего семь монет, причем все они имели по два отверстия, то есть являлись частями украшения. Предварительно они определены как аббасидские и датируются временем не ранее второй половины IX в. (см.: Пачкалов, 2010. С. 110). Наиболее точно может датироваться клад из Железниц, содержавший большое количество монет (258 шт.). Младшая из них относится к 877/78 гг. (см.: Корзухина, 1954. С. 81).

Многочисленный материал из слоя пожара Супрутского городища позволяет с высокой степенью надежности датировать его в пределах второго десятилетия X в. (см.: Григорьев, 2000. С. 133—139]. Схожесть материалов кладов и Супрутского городища —

12 Зак. 1053

абсолютная. Более того, есть все основания полагать, что семилучевые кольца из состава Железницкого клада и одно из колец Супрутского городища выполнены по одной модели.

Таким образом, вся группа перечисленных кладов, включая и описанный выше, может быть отнесена к рубежу IX—X вв. — началу X в. Учитывая, что в районах нахождения кладов не было зарегистрировано ни одного синхронного им памятника*, можно предположить, что движение серебра шло со стороны Супрутского городища. Интересно отметить, что значительная часть предметов в кладах представлена в виде металлического лома, а в материалах Супрут с конца IX в. отмечается большое число находок весов и гирек.

Вероятно, появление группы вещевых или преимущественно вещевых кладов явилось следствием каких-то серьезных экономических и/или политических изменений в регионе. Вместо транзитного монетного серебра, столь хорошо представленного в кладах на протяжении всего IX в., на рынок активно выходят местные серебряные изделия. Процесс этот был очень ограниченным во времени и непосредственно предшествовал ликвидации данного участка донского торгового пути.

Литература

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. — Тула, 2000.

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. — Тула, 2005.

Григорьев А. В. Об одном этапе развития лучевых височных колец // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы докладов. — Липецк, 2006а.

Григорьев А. В. Денежно-вещевые клады IX — начала X в. бассейна средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Тезисы докладов. — СПб., 2006б.

Изюмова С. А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. — М., 1989.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. — М.; Л., 1954.

Леонтьев А. Е. Археология Мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. — М., 1996.

Пачкалов А. В. Новые находки восточных монет на территории древнерусских княжеств // Русь и Восток в IX—XVI веках. — М., 2010.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.

Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. — Т. V. — М., 1965.

Херрман И. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. — М., 1978.

Graham-Campbell J., Kidd D. The Vikings. — London, 1980.

Żak J. "Importy" skandynawskie na ziemiach zachodnioslowianskich od IX do XI wieku. — Poznan, 1963.

ДВА ОБРАЗЦА СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ ИЗ ЛЮБУТСКА

***В. Г. Пуцко**, заслуженный работник культуры РФ, н. с.,*
Калужский областной художественный музей

Археологическое изучение средневекового Любутска в последние годы позволило ввести в научный оборот различные материалы, включая и произведения художественного ремесла, в том числе довольно раритетные, заслуживающие внимания исследователей[1]. Сегодня их перечень можно дополнить еще двумя — из находок 2010 г., любезно предоставленных для изучения осуществлявшим раскопки И. В. Болдиным, которому приношу искреннюю благодарность.

* Указанная территория достаточно хорошо изучена, и разведочные работы здесь не прекращаются.

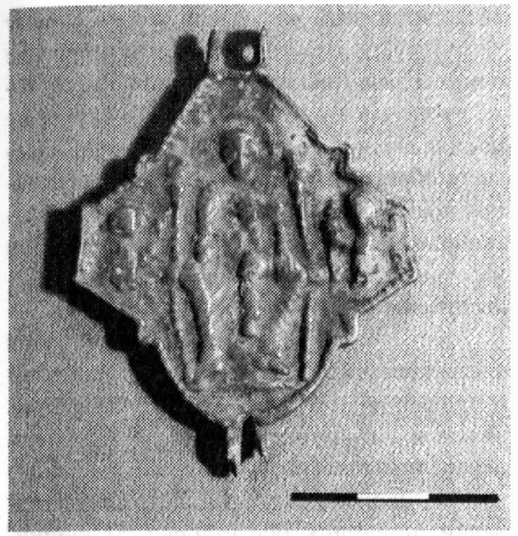


Рис. 1. Нижняя створка креста-энколпиона с изображением тронной Богоматери. XIII—XIV вв. Находка из Любутска.

Из этих описываемых здесь изделий одно определяется безошибочно: это нижняя створка бронзового креста-энколпиона, размером 6,4×4,1×0,5 см, квадрифолийного типа, украшенная рельефным изображением тронной Богоматери с архангелами по сторонам (рис. 1). Обрамление в форме тонкого высокого бортика. Двойные петли вверху и внизу предназначены для крепления шарниров, соединявших с лицевой, верхней, створкой, имевшей с оборотной стороны такое же небольшое углубление, окантованное тонким бортиком, как и с внешней, украшенной изображением Распятия с предстоящими. Покрытая патиной поверхность свидетельствует о длительном нахождении изделия в земле уже с частично обломанными петлями шарниров (по одной вверху и внизу). Как бы заплывший характер рельефа представленной композиции скорее указывает на копийность экземпляра, чем на его изношенность.

Происхождение меднолитых крестов-энколпионов в форме квадрифолия с рельефными изображениями Распятия и Богоматери Печерской связано с Киевом и относится ко времени не позднее второй четверти XIII в. Это подтверждается археологическими находками, но известны также и более поздние отливки различных иконографических вариантов, преимущественно датируемые XIV в.[2] К числу ранних относятся, в частности, экземпляры из раскопок Десятинной церкви в Киеве и Золотаревского городища (Пензенская область), где энколпион мог оказаться лишь до гибели последнего в 1237 г.[3] (рис. 2). В обоих случаях рельефные изображения тщательно моделированы, а золотаревская находка, кроме того, сохранила и незначительные следы позолоты. Створка из Любутска

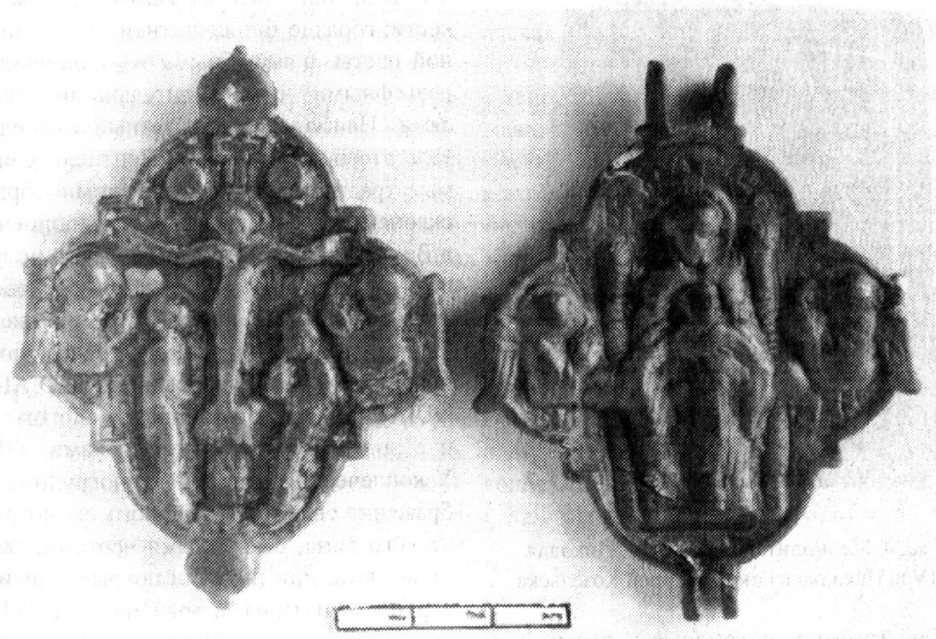


Рис. 2. Крест-энколпион квадрифолийного типа. Киев. Первая половина XIII в. Находка из Золотаревского городища.

Рис. 3. Меднолитая иконка свт. Николая. Византия. XIV в. Находка из Любутска.

восходит к этой же модели, но по своему характеру, по пластической характеристике ближе к экземпляру из раскопок Увека, тоже датируемому XIII в. В данном случае не исключена золотоордынская реплика киевского образца, что, однако, меньше оснований предположить по отношению к любутской находке, выполнение которой вряд ли надо выводить за хронологические пределы рубежа XIII—XIV вв.

Крест-энколпион в форме квадрифолия в его киевском варианте, не измененном поздними адаптациями, представлен сравнительно ограниченным числом экземпляров, большая часть которых коллекционного происхождения. Еще меньше изделий, имеющих обе створки. В сущности, материал остается в стадии накопления, и поэтому пока возможны лишь наблюдения, а не окончательные выводы. Любутский экземпляр важен для определения ареала распространения подобных изделий, сохраняющих свой качественный уровень.

Еще менее определенным представляется происхождение другой находки в Любутске — меднолитой иконки, размером 3,5×2,8×0,1 см, с погрудным рельефным изображением святителя Николая (рис. 3). В верхней части изделия довольно массивное ушкоглавие, характер которого не исключает, что имеем выполненное в технике литья воспроизведение готового образца, изготовленного в иной технике и из другого материала. Фактура поверхности, характер рельефа, однако, не позволяют утверждать, что оригинал был из камня, дерева или кости: гораздо ближе литики из стекловидной пасты, с подобными же колончатыми рельефными сопроводительными надписями. Наиболее авторитетный исследователь этого материала Г. Вентцель считаемые традиционно византийскими образцы склонен был определять как выполненные в Венеции[4]. Сравнительно недавно получили известность в литературе и московские археологические находки[5]. Описываемая иконка из Любутска имеет греческую сопроводительную надпись в форме О АГІОΣ NIЛАОΣ с пропущенным слогом КО и с эпиграфическими признаками XIV в. Узкоплечее, большеголовое погрудное изображение святителя обычного иконографического типа, с крупными чертами, заметными даже при наличии покрывающей поверхность патины, в традиции еще XIII в.

Рис. 4. Меднолитая иконка свт. Николая. XIV в. Находка из окрестностей Козельска.

Как известно, погрудные и поясные изображения святителя Николая широко представлены в русской средневековой каменной пластике малых форм[6]. Они в основном служат воспроизведением живописных оригиналов, преимущественно наиболее чтимых. При кажущейся однотипности нельзя не заметить разнообразия пропорций, форм и жестов.

Рис. 5. Меднолитая иконка свт. Николая. Византия. XII—XIII вв.

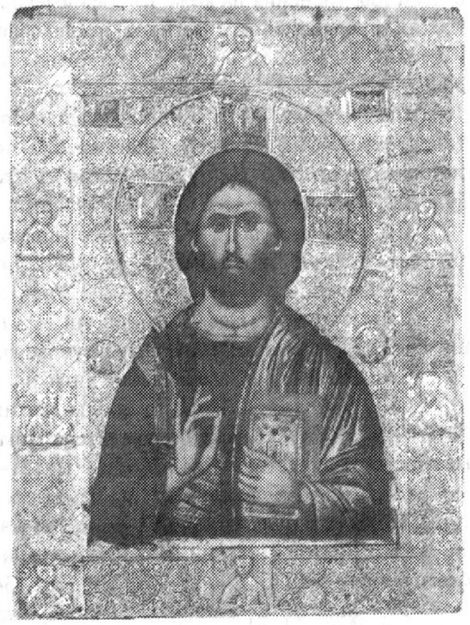


Рис. 6. Серебрянный оклад иконы Христа Пантократора. Константинополь XIV в. Афон, монастырь Ватопед.

Тем не менее указать ближайшую аналогию любутской находке среди представленных образцов затруднительно. Явно не принадлежит к их числу и меднолитая иконка святителя, датируемая XIV в., с подобной же колончатой рельефной сопроводительной надписью[7] (рис. 4). Здесь фигура воспринимается как более элегантная. Один из отливков этого образца отнесен в литературе даже к XIII в.[8] Проведенное сравнение не позволяет безоговорочно включить новую находку в круг русских изделий.

Общий характер иконки из Любутска, включая ее почти квадратную форму, рисунок, рельеф и особенности рельефной надписи, скорее заставляют соотнести ее с византийскими изделиями, такими как константинопольская меднолитая плакетка XIII—XIV вв. с изображением Богоматери Одигитрии[9]. Более близкие аналогии пока нам неизвестны. По крайней мере, к их числу трудно отнести явно более раннюю бронзовую плакетку (рис. 5) или иконку из свинцово-оловяного сплава, почти современную рассматриваемому изделию[10]. Еще меньше сходства с новгородскими металлическими образками конца XIII — начала XIV в.[11] Судя по «палеологовскому» повороту головы и пластическим свойствам рельефа, а также с учетом размеров, принципиальные аналогии приходится признать в миниатюрных чеканных рельефах металлических (преимущественно серебряных) окладов византийских икон XIV в.[12] Примером может служить ювелирное оформление иконы Христа Пантократора в монастыре Ватопед на Афоне (рис. 6).

Находка образца византийской металлопластики в этом регионе принадлежит к числу редких, но при том вовсе не беспрецедентных случаев. Можно вспомнить об изображении Богоматери на бронзовой иконке из Мельгунова, датированной XIII в.[13] Надо также учесть то обстоятельство, что, к сожалению, не все обнаруженные материалы становятся достоянием науки, многие попадают в разряд коллекционных, навсегда утрачивая информацию о своем происхождении. В результате нам сегодня известно немногое из того, о чем могли бы знать.

Примечания

[1] См.: *Болдин И. В., Массалитина Г. А., Пуцко В. Г., Хомутова О. Ю.* Летописный Любутск: письменные и археологические факты // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Вып. 5. — Калуга, 2004. — С. 10—27; *Пуцко В. Г.* Двусторонний

штамп для тиснения на коже из средневекового Любутска // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума, 8—9 апреля 2009 г. — Калуга, 2009. — С. 85—93.

[2] См.: *Івакін Г. Ю.* Енколпіон-квадрифолій з Києва // Археологія. — 1999. — № 2. — С. 144—150; *Гнутова С. В.* Древнерусские кресты-энколпионы с образом тронной Богоматери и их византийские прототипы // Древнерусская скульптура. — Вып. V: Запад—Россия—Восток: Диалог культур. — М., 2008. — С. 23—28, 195.

[3] См.: *Белорыбкин Г. Н.* Западное Поволжье в средние века. — Пенза, 2003. — С. 153. Рис. 79; *Он же.* 1237 год: Гибель города на Суре // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. — Рязань, 2004. — С. 291—292. Рис. 1: 12—13.

[4] См.: *Wentzel H.* Das Medaillon mit dem Hl. Theodor und die venezianischen Glaspasten in byzantinischen Stil // Festschrift für Erich Meyer sochzigsten Geburtstag. — Hamburg, 1959. — S. 50—67.

[5] См.: *Беляев Л. А.* Московские литики // Культура славян и Русь. — М., 1998. — С. 316—327.

[6] См.: *Пуцко В. Г.* Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII—XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. — М., 2007. — С. 121—131.

[7] См.: *Пуцко-Бочкарева М. Н.* Памятник русской металлопластики XIV в. // Памятники культуры: Новые открытия. — 1982. — Л., 1984. — С. 216—219.

[8] См.: Святой Николай Мирликийскнй в произведениях XII—XIX столетий из собрания Русского музея. — СПб., 2006. — С. 229. Кат. 134.

[9] См.: *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. — Vol. I. — Washington, 1962. — P. 55—56. Pl. XXXVIII. Cat. 63.

[10] См.: *Рябцева С. С. Чекану М. М.* Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции) // Русское время (Stratum plus). — № 5. 2005—2009. — СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. — С. 171. Рис. 2: 18.

[11] См.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV веков. — М., 1996. — С. 381—383. Кат. 103—107.

[12] См.: *Grabar A.* Les revètements en or et en argent des icones byzantines du Moyen Age. — Venise, 1975. — Pl. XIX—XXII, XXVII, XXXVI.

[13] См.: *Пуцко В. Г.* Бронзовая иконка Богоматери из Мельгунова // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. — Т. 2. — Тула, 2004. — С. 141—152.

РУССКАЯ МЕДНОЛИТАЯ ИКОНКА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО

***В. Г. Пуцко**, заслуженный работник культуры РФ, н. с.,*
Калужский областной художественный музей

Летом 2010 г. около деревни Ершовка, недалеко от известных археологам Горок и Силькова Перемышльского района Калужской области, обнаружена миниатюрная металлическая иконка округлой формы, по высоте не превышающая 2,0 см, а в диаметре — 1,5 см (рис. 1). Изделие отлито из медного сплава в односторонней литейной форме, дополнительно обработано резцом и частично позолочено. Большую часть плоскости лицевой стороны образка занимает окруженная нимбом с крестовидным делением голова Христа, ниже которой дугообразный, с широкой орнаментальной полосой край плата. Обрамление в виде узкого рельефного бортика; вверху — шириной около 0,5 см ушко для шнура. Эта деталь и позволяет определить находку как привеску-иконку.

На редкость описанного предмета указывает его отсутствие среди русских литых наперсных икон, а также складней с изображением Спаса Нерукотворного, известных исследователям[1]. Нет их и в числе разнообразных средневековых привесок-иконок с различными сюжетами[2]. Их изготовление прослеживается с XI по XV в. Предпочтение отдается круглой или овальной форме. Изображения иногда заметно схематизированы. Исключение составляют воспроизведения в медном литье каменной резьбы, как в калужской находке, датируемой XIV в.[3]

Рассматриваемое изделие как предает художественного ремесла заслуживает пристального внимания, по причине своей исключительности, обусловленной прежде всего

Рис. 1. Меднолитая подвеска-иконка с изображением Спаса Нерукотворного. Конец XV в. Калуга, Частное собрание.

особенностью иконографии. Изображения Спаса Нерукотворного весьма многочисленны, и, естественно, представлены разными иконографическими изводами. Меднолитой образок должен восходить к одному из них, представляя его пластическую реплику, возможно с некоторыми упрощениями.

Происхождение образа Спаса Нерукотворного, исторически связанного с Эдессой и перенесенного в 944 г. в Константинополь, освещено в специальной литературе[4]. Из Византии Нерукотворный образ Христа был усвоен искусством Древней Руси[5]. Оттуда же, как известно, привезен митрополитом Алексием во второй половине XIV в. греческий иконный список, ставший главной святыней московского Спасо-Андроникова монастыря[6]. Абрис головы здесь несколько иной, чем в более ранних произведениях, борода на конце не раздвоена, пряди длинных волос имеют волнистые очертания. Казалось бы, именно эту икону надо рассматривать как образец для мастера, выполнившего меднолитую привеску-иконку, о которой здесь идет речь. Конечно, необходимо принять во внимание, что при столь миниатюрном воспроизведении различные детали оригинала невозможно передать в полном соответствии с ним. Поэтому, может быть, не надо придавать решающее значение более широкому овалу лица и своеобразной моделировке прядей волос в виде круглых углублений, более уместных как декоративный элемент. Но борода раздвоена на конце, как и концы прядей волос, а это признаки более раннего иконографического типа, прослеживаемого в произведениях XII—XIV вв.[7]. На рубеже XV—XVI вв. он снова становится популярным, и, в частности, свидетельством этого можно признать его присутствие в выполненных в 1502—1503 гг. Дионисием фресках Рождественского собора Ферапонтова монастыря[8]. Стоит также обратить внимание на резкие расширения концов вписанного в нимб креста с традиционными греческими буквенными обозначениями, хорошо выделяющегося на золотом фоне. Это свойство сравнительно редких русских икон, таких как двусторонняя новгородская последней четверти XII в., ростовская рубежа XIII—XIV вв. (едва намечены), ряда икон третьей четверти — конца XIV в.[9] В поздних произведениях отмеченная деталь исчезает либо оказывается намеченной легким контуром[10].

Сколь ни желанным было бы представить рассматриваемую привеску-иконку как евлогию, непосредственно связанную с определенной прославленной иконой Спаса Нерукотворного, — от этого намерения приходится отказаться по вполне объективным причинам. Однако вынужденный отказ нельзя понимать как отрицание вполне вероятного факта, пока остающегося загадкой. Ведь это могла быть и несохранившаяся икона, когда-то вполне узнаваемая по уже отмеченным иконографическим особенностям, не встречающимся в других случаях. В том убеждает разнообразие известных икон, причем выполненных в течение лишь одного столетия. По-видимому, ремесленник все-таки вполне следовал своему живописному образцу, если только он не был ориентирован на совершенно иной иконографический источник.

Для ранней эпохи иконографии Спаса Нерукотворного, включая XII—XIII вв., характерно помещение Образа на плате как бы гладко растянутом в одной плоскости и часто украшенном бахромой, тогда как в XIV—XV веках в балканских росписях появляется новый тип Убруса, с ликом Христа на подвешенном плате, собранном в складки, с приподнятыми верхними углами, что известно уже со второй половины XIII в. При этом цен-

Рис. 2. Мартин Шонгауэр. Св. Вероника с Нерукотворным Образом. Последняя четверть XV в. Гравюра на дереве.

Рис. 3. Св. Вероника с Нерукотворным Спасом. Конец XV в. Каменный рельеф западного портала монастырской церкви в Баден-Бадене. Баден-Баден, Городское историческое собрание.

тральная часть плата образует овал, отделенный от боковых концов узкими перехватами[11]. Незначительная по размерам поверхность данной привески-иконки не позволяет заключить, натянут ли плат или собран по сторонам в складки, но при этом косвенно склоняет к последнему предположению благодаря округленному нижнему концу плата, украшенного широкой каймой. Подобное очертание могло появиться только при провисшей средней части ткани, верхние углы которой недалеко отстоят друг от друга.

Наряду с хранившимся в Константинополе до 1204 г. привезенным из Эдессы образом Спаса Нерукотворного (Мандилионом) на Западе в XIII в. становится известным и даже более популярным плат Вероники, уже при папе Гонории III (1216—1227) выставляемый для поклонения верующих, а с XIV в. прославленный знаменитыми гимнами[12]. По легенде, внесенной в «Книгу церковных законов» Джералда Уэлсского (ок. 1215), «другой образ в Риме называется по имени одной матроны Вероники, она взяла свой пеплум и прижала его к лицу Господа. Там остался отпечаток лица, как изображение Господа. Этот образ также содержится в чести, и никто не может его видеть, так как он находится будто бы за платами, которые перед ним висят. Некоторые говорят, что Вероника обозначает в игре слов также истинную икону»[13]. Первоначальный вид этого изображения распространялся в бесчисленных евлогиях, амулетах и списках. В женском монастыре Винхаузен обнаружены позади алтаря пробы серийной продукции, размером 7,8×4,2 см. На списках была надпись: «точная копия святого лика нашего Господа»[14]. С XIV в. «Вероника» включается в каталог орудий Страстей. Х. Бельтинг заключает: «Все серийные репродукции одинаково показывают “Веронику” как архаично простой фронтальный образ — голова и волосы. Выдержанная в темном тоне, она также выглядит на удивление похожей на изображение плата Авгаря, Нужно было его взять лишь как образец и перенести на плат, то есть еще раз употребить существующую идею, чтобы в итоге получить новую реликвию — причем не следует думать, что так объясняется ее фактическое возникновение»[15].

Рис. 4. Св. Вероника с Нерукотворным образом. Около 1475—1478 гг. Гравюра на дереве. Дрезден. Графический кабинет.

Рис. 5. Авгарев убрус. Около 1547 г. Гравюра на дереве. Сборник. Изд. Виченца Вуковича. Венеция, 1547.

Появляются также изображения легендарной Вероники, держащей плат в распростертых руках, подобно римским прелатам, призывая этим жестом к почитанию образа. История этого иконографического варианта начинается около 1400 года, когда «мастер св. Вероники», художник из Кёльна, выполнил свое произведение. Эта иконографическая схема позже тиражируется в немецкой гравюре, притом в различных вариантах, свидетельствующих о ее переосмыслении. Можно указать, в частности, на произведение Мартина Шонгауэра (ок. 1450 — 1491), отличающееся большой художественной выразительностью[16] (рис. 2). В конце XV в. оно послужило образцом для рельефа, в резьбе которого несколько иначе трактованы изображения (рис. 3). Неизвестный мастер из Аутсбурга, связанный с мастерской Ханса Бемлера, около 1475 г. выполнил гравюру на дереве с изображением св. Вероники, держащей плат с ликом Христа с терновым венком[18] (рис. 4). И совершенно иначе данная иконографическая схема была трактована в православной среде — как Авгаров убрус, судя по ксилографии из числа украсивших «Зборник», напечатанный Виченцем Вуковичем в Венеции в 1547 г[19]. Здесь изображен сам Христос, держащий перед собой плат с отпечатком своего лика (рис. 5).

Проявившийся в XV в. в западноевропейском искусстве интерес к подлинному облику Христа, как известно, нашел также иное свое выражение[20]. Это изображение лица в профиль, неприемлемое для православного иконописания. Неизвестны и примеры проникновения в него схемы, отличающей изображение св. Вероники с платом, композиционно оформившееся ко второй половине того же XV века, но реплики могли быть. Одной из них можно считать описываемую находку, художественная характеристика которой указывает на выполнение на рубеже XV—XVI вв., а отмеченная деталь плата определенно свидетельствует об иконографическом источнике. При современном представлении о русском художественном ремесле данного периода трудно изделие связать с продукцией определенной мастерской. Но можно высказать уверенность в том, что речь идет не о столичной продукции, в основном серийной и ориентированной на воспроизведение известных образцов. Не исключена и индивидуальная деятельность мастера-литейщика, выполнявшего конкретные заказы. Общий характер

привески-иконки в то же время делает маловероятным предположение о ее чужеземном происхождении.

Между тем местность, где обнаружена находка, до 1494 года входила в состав Великого княжества Литовского. В этом регионе преобладало православное население, но о его духовной культуре указанного времени почти ничего неизвестно. Произведения сакрального искусства XV—XVI вв. не сохранились, за исключением отдельных образцов металлопластики, обнаруженных главным образом в окрестностях Воротынска. Принципиально в тогдашних политических условиях в пределах Перемышльского княжества вполне возможно появление подобных ремесленных изделий, отражавших проникновение в русскую среду западных элементов. В этом плане публикуемую находку трудно переоценить, хотя она и воспринимается несколько изолированно от той среды, которой обязана своим возникновением. Ее уникальность, по крайней мере, оправдывает проявленный к ней интерес, а пластические достоинства обеспечивают место среди ремесленной продукции сложной эпохи, художественное наследие которой в основном остается малоизвестным.

Привеска-иконка с изображением Спаса Нерукотворного принадлежит к числу предметов личного благочестия, особенно трудных для изучения. Обычно они почти не упоминаются в исторических источниках, подвержены миграции, легко утрачиваются. Публикуемое изделие, по-видимому, было утеряно, причем довольно давно; поверхность рельефа обнаруживает признаки длительного пребывания в земле, сказавшиеся в окислении металла и в частичной утрате позолоты. Однако и в таком виде произведение способно рассказать больше, чем могло представиться на первый взгляд.

Примечания

[1] См.: Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. Л. М. Евсеева, А. М. Лидов, Н. Н. Чугреева. — М., 2006. — С. 384—395.

[2] См.: *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 191—194; *Она же.* Нательные иконки с изображением св. Георгия Ростово-Суздальской Руси (XI—XIII вв.) // Г. К. Вагнер — ученый, художник, человек. — М., 2006, — С. 241—251; *Она же.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — М., 1981. — С. 62—65; Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI—XV веков. — М., 1996. — С. 405—411.

[3] См.: *Пуцко В. Г.* О двух образцах русской металлопластики XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Вып. 4. — Тверь, 2002. — С. 304—307. Рис. 1: 2.

[4] См.: *Weitzmann K.* The Mandylion and Constantine Porphyrogen netos // Cahiers archèologiques. — Vol. XI. — Paris, 1960. — P. 163—184.

[5] См.: *Евсеева Л. М.* Спас Нерукотворный. Иконы XII—XVI вв. // Спас Нерукотворный в русской иконе. — С. 42—60.

[6] См. там же. — С. 61—81.

[7] См. там же. — Илл. 23, 24. Кат. № 1—9.

[8] См. там же. — С. 116—117. Кат. № 16—19.

[9] См. там же. — Кат. № 1, 3, 5—9.

[10] См. там же. — Кат. № 38, 39 (середина XVII в.).

[11] См.: *Грабар А. Н.* Нерукотворный Спас Ланского собора. — Прага, 1930. — С. 16.

[12] См,: *Белътинг Х.* Образ и культ: История образа до эпохи искусства. — М., 2002. — С. 250—251.

[13] См. там же. — С. 602—603.

[14] См. там же. — С. 251—252.

[15] См. там же. — С. 253.

[16] См.: Spätgotik am Oberrheim. Meisterwerke der Plastik und des Kunsthandwerks. 1450—1530. — Karlaruhe, 1970. — S. 318. Abb. 86. Kat. № 311. Разм. 8,8×6,0 см.

[17] См.: Ibidem. *S.* 146—147. Abb. 87. Kat. № 90. Рельеф западного портала церкви в Баден-Бадене. Разм. 76,5×57,0 см.

[18] См.: Stara nomačka grafika iz kolekoije Grafičkog kabineta u Drezdenu. — Beograd, 1967. — S. 31. Kat. № 5. Разм. 18,7×13,6 см.

[19] См.: *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига XV—XVII века. — Београд, 1958. — С. 210. Табл. LXVII:2.

[20] См,: *Медаковић Д.* Vera icona код срба // Зборник Светозара Радојчића. — Београд, 1969. — С. 173—178.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ г. КОЗЕЛЬСКА В 2010 г.

***И. В. Болдин**, к. и. н,, зав. отд., Калужский областной краеведческий музей;*
***Г. А. Массалитина**, к. и. н., в. н. с., Национальный парк «Угра»*

Древнерусский Козельск — волостной центр князей Черниговского дома — впервые упоминается в летописи под 1146 г. в связи с княжескими междоусобицами. Мировую славу и известность городу принесли события первой половины XIII в., связанные с походом на Русь хана Золотой Орды Батыя. В 1238 г. этот небольшой городок держал семинедельную оборону. Дорого стоило это городу: все его жители, включая грудных младенцев, по сведениям летописи, были перебиты, а сам он сожжен дотла.

В 1992 и 1997 гг. в центре современного Козельска проводились археологические раскопки по поиску местонахождения Козельска летописного[1]. Выбор места для проведения работ 1992 г. определялся, во-первых, традицией, прочно укоренившейся в краеведческой литературе еще с XIX в. Согласно ей, известные летописные события разворачивались в исторической части города, там, где впоследствии располагалась средневековая крепость[2]. Два участка некогда кольцевого земляного вала, на гребне которого она располагалась, сохраняются до сих пор. Во-вторых, при выборе места работ учитывались данные

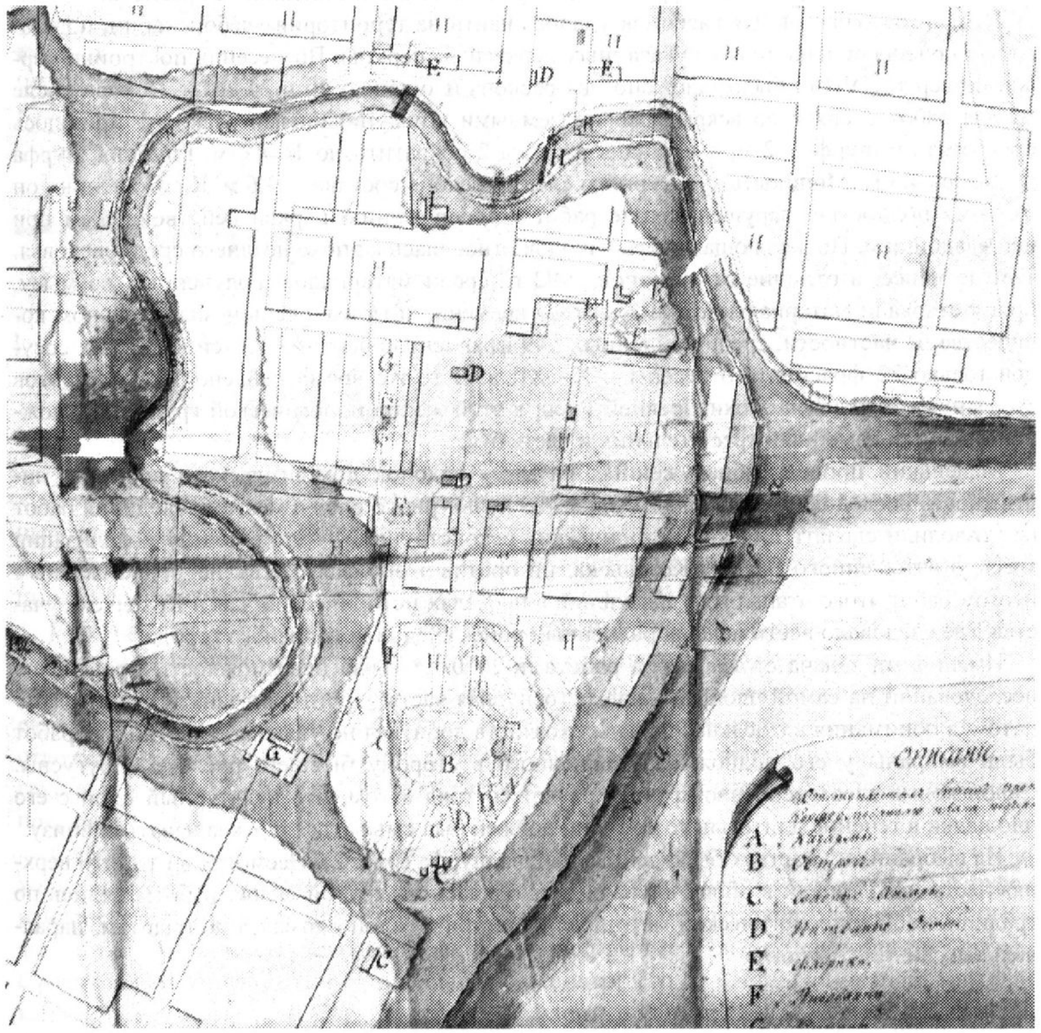


Рис. 1. План г. Козельска 1785 г. Стрелкой обозначен холм в устье р. Другусны.

археологического обследования исторической части города в 1950-х гг. и в 1975 г. московскими археологами (соответственно А. А. Медынцевой и Т. Н. Никольской), которые проводили сбор подъемного материала и заложили несколько шурфов. По их оценке, небольшое количество материалов эпохи Древней Руси, в частности в одном из шурфов, было зафиксировано.

Исходя из этого два раскопа в 1992 г. располагались внутри территории, окруженной валом, два других — за валом (Белевская Горка). На одном из сохранившихся участков вала была заложена археологическая траншея. Обширный материал, полученный в ходе работ, характеризовал позднесредневековый (XIV—XVI вв.) и последующие этапы существования города. Находок домонгольского времени (до 30-х гг. XIII в.) обнаружено не было[3]. Результатом работ 1992 г. стал вопрос о местонахождении города в домонгольскую эпоху.

Археологические работы 1997 г. проводились также в исторической части города, но на участке, гораздо более подходящем для поиска остатков древнерусского поселения: это холм на высоком мысу в древнем устье р. Другусны (рис. 1). С севера и юга от берегового плато его отделяют овраги; восточный склон круто обрывается в долину р. Жиздры. В настоящее время он находится в центрально-административной части современного города, плотно застроен хозяйственно-производственными и культовыми (две церкви) зданиями. Помимо топографии и целого ряда археологических критериев, в пользу перспективности работ здесь свидетельствовал и подъемный материал с огородов местных жителей, среди которого были фрагменты керамики XII в. и стеклянных браслетов.

Небольшой участок для раскопок удалось найти на территории хлебопекарни, под которую приспособлена одна из указанных церквей — церковь Вознесения постройки первой четверти XVII в. Было заложено два раскопа площадью 20 и 24 кв. м. Вскоре после начала работ в связи со вскрытыми подземными коммуникациями раскоп 1 пришлось превратить в шурф 2×2 м, а площадь раскопа 2 сократить до 16 кв. м. Глубина шурфа оказалась 4,5 м. Мощность культурного слоя в раскопе составила 3,6 м. К сожалению, он оказался полностью нарушен в ходе работ по сооружению церкви действовавшем при ней кладбищем. Подавляющая часть находок относилась к эпохе позднего средневековья. Тем не менее, в отличие от раскопов 1992 г., среди материалов, полученных на мысу, присутствовали материалы домонгольского времени, хотя и в очень незначительном количестве. В частности, среди найденных 549 фрагментов верхних частей круговых сосудов только 22 фрагмента отнесены к X—XII в. В то же время найдено 17 фрагментов стеклянных браслетов эпохи Древней Руси; к этой же хронологической группе, возможно, относятся каменный крест-тельник и часть бус.

Маленький процент обнаруженных на мысу находок домонгольского времени, ничтожность исследованной площади, характер культурного слоя в месте проведения работ не позволили сделать никаких исторических реконструкций — ни в пользу локализации здесь уничтоженного Батыем Козельска, ни против этого факта. Тем не менее главным итогом работ этого этапа было выявление в пределах исторической части Козельска участка, где следовало вести целенаправленный поиск следов летописного города.

Именно эта задача стояла перед работами 2010 г.* Из-за невозможности проведения исследований на самой площадке холма (основная часть территории занята хлебокомбинатом, а понимания владельцев частных хозяйств добиться не удалось) участки для работ были выбраны у его подножия, обращенного в сторону бывшего русла р. Другусны. Склон холма здесь особенно крутой; расчет состоял в том, что культурный слой с его площадки в течение длительного времени должен был смываться и откладываться внизу.

На выбранных участках были заложены два шурфа (рис. 2). Несмотря на то, что верхняя часть их площади в обоих случаях приходилась на крутой склон, работы велись по традиционной археологической методике: культурный слой снимался по пластам, параллельным линии горизонта.

---

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 10-01-59115 а/Ц).

Рис. 2. Фрагмент плана современного г. Козельска. Стрелками обозначены расположения шурфов 2010 г.

Все слои шурфа 1 (4×2 кв. м) содержали в основном современный материал, связанный с деятельностью хлебокомбината и строительством стадиона, близ которых он располагался. Среди 620 фрагментов бытовой глиняной посуды отмечены единичные образцы сосудов позднесредневекового времени, начиная с XIV в.

С точки зрения проблемы, на решение которой направлен проект, материал шурфа 2 (4×4 кв. м), в отличие от шурфа 1, представляет большой интерес. Он был заложен на том участке подножия холма, выше которого расположен частный сектор. Он также содержал разновременные изделия и их фрагменты (по XX в. включительно), залегающие в переотложенном состоянии. Среди них выделяется весьма представительная и выразительная группа находок XI—XIII вв. — фрагменты керамики и стеклянных браслетов, шиферное пряслице.

Стеклянные браслеты — характерное для Древней Руси женское украшение, их находки массово встречаются при раскопках городских поселений этой эпохи. В шурфе 2 найдено 11 фрагментов, представленных разными типами: гладкие и крученые, синего, фиолетового, желтого, зеленого цветов, полихромные. Такое разнообразие связано с различиями в технологии производства, требовавшего от мастеров большой квалификации. Напомним, в 1997 г., в шурфе 2, площадью также 16 кв. м, было найдено 17 фрагментов стеклянных браслетов, столь же типологически разнообразных. Такое значительное количество этих изделий на небольшой площади и многообразие приемов

изготовления говорят о развитом ремесле (если это местное производство) либо об интенсивном обмене; и то, и другое свидетельствует о городском характере исследуемого поселения.

Шиферное пряслице — не менее типичная и распространенная категория находок на поселениях, традиционно служащая хронологическим индикатором древнерусской эпохи.

Важнейшим источником для определения времени существования того или иного поселения служат фрагменты бытовой глиняной посуды. Всего в шурфе 2 было собрано 2 779 фрагментов керамики, среди которых выделяется очень представительная группа сосудов, в итоге анализа датированных XII—XIII вв. При анализе учитывались технологические особенности изготовления (состав и размеры примесей к глиняной массе, характер подсыпок под днища сосудов при их формовке на гончарном круге и др.), морфологические признаки (характер оформления верхней части сосудов), характер орнаментации внешней поверхности. В древнерусское время изготовление керамических сосудов в городских центрах отличалось по технологии от производства керамики, в сельской округе. В первую очередь это касалось выбора глины и минеральных добавок. Применение неожелезненных (беложгущихся) глин характерно для городского ремесла, в то время как ожелезненные (красные) глины широко применялись на селе.

Исследование технологических особенностей из шурфа 2 проводилось лабораторным способом для 43 фрагментов керамики древнерусского времени. Каждый отобранный образец раскалывался на две части. Одна из них нагревалась в муфельной печи до температуры 850 градусов в условиях окислительной среды. Другая часть дополнительной обработке не подвергалась. Анализ технологических особенностей выполнялся по свежим сколам образцов с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10.

В результате проведенного исследования было установлено, что все образцы распределяются по трем группам:

1-я группа: неожелезненная глина с добавкой песка (зерна 0,5—1 мм). К этой группе отнесено 34 образца;

2-я группа: неожелезненная глина с естественной примесью песка (зерна до 1 мм). К этой группе отнесено 4 образца;

3-я группа: ожелезненная запесоченная глина (песок с зернами до 0,5 мм) с добавкой дресвы (1—2 мм). К этой группе отнесено 5 образцов.

Лабораторное исследование образцов керамики показало, что, за небольшим исключением, посуда была изготовлена из неожелезненных глин с добавкой и естественной примесью песка. Применение неожелезненных глин в древнерусскую эпоху на территории Верхнего Поочья характерно для гончарных производств крупных населенных пунктов (например, город Серенск). Технологические признаки керамики Козельска свидетельствуют в пользу развитого гончарного производства в древнерусскую эпоху.

Таким образом, совокупное количество находок домонгольского времени на исследованной площади и их характер свидетельствуют о высокой степени развития ремесла и обмена, что характерно для городского поселения. Главный итог выполнения проекта — подтверждение гипотезы о местоположении древнего Козельска, вошедшего в историю России героической обороной против войска Батыя в 1238 г., на холме близ устья р. Другусны.

Примечания

[1] См.: *Массалитина Г. А., Нигматуллин Р. А.* Поиски местонахождения летописного Козельска // Деснинские древности. — Вып. II. — Брянск, 2002. — С. 165—167.

[2] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Введенской Оптиной пустыни. — М., 1847. — С. 144—145.

[3] См.: *Массалитина Г. А.* Оборонительные валы средневекового Козельска // Козельские чтения. — Вып. 5—6. — Калуга, 2005. — С. 3—7.

ДРЕВНИЙ ВЩИЖ. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

***Г. П. Поляков**, к. и. н., доц.,*
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

По В. Н. Татищеву, пятый сын Святослава Ярославича Черниговского Борис, убитый в борьбе с дядьями в 1078 г., носил титул Вщижского[1]. Но, по мнению Б. А. Рыбакова, Татищев «спутал» этого князя с «Борисом Вячеславичем, который действительно был убит на Нежатиной Ниве в бою с Изяславом и Всеволодом из-за Чернигова»[2]. Впервые упоминаемый под 1142 г. Всеволод Ольгович, ставший незадолго до того великим князем Киевским, решил обезопасить себя от недовольных им и воинственных родственников, которых он рассадил в уделы далеко друг от друга. Одному из его двоюродных братьев — Давыдовичей (Изяславу или Владимиру) достались Вщиж и Ормина[3]. Судя по тому, что в дальнейшем Вщиж принадлежал потомству Владимира Давыдовича, можно думать, что при этом разделе уделов именно Владимир и получил его. В 1156 г. Вщиж упоминается как местопребывание Святослава Владимировича, который остается во Вщиже до своей смерти. Здесь он женится на дочери Андрея Боголюбского Марии, здесь отсиживается от нападений, здесь же он умирает в 1167 г.

Под 1160 г. произошли события, тесно связанные с историей Вщижа. В ходе междоусобной войны двух княжеских группировок, описанной двумя летописцами противоположных лагерей, Вщиж осадил Святослав Ольгович, князь Черниговский. На выручку к осажденному во Вщиже племяннику поспешил Изяслав Давыдович. Одновременно Изяслав отправил гонцов к Андрею Боголюбскому, прося выдать дочь за Святослава Вщижского и помочь будущему зятю войсками. Помощь пришла из Ростова и Мурома. Ожидая ее, Святослав Вщижский долго оборонялся за стенами своего города. Когда сын Боголюбского Изяслав Андреевич с полками был уже недалеко от Вщижа и осаждавшие узнали об этом, осада была снята: «убояшеся, давшее ему (князю Вшижскому) мир, возворотишеся». После этого дочь Андрея Боголюбского Мария была выдана замуж за Святослава Владимировича. Свадьба состоялась во Вщиже. Другой летописец (князя Святослава Ольговича) перечисляет подробно всех союзников и вассалов этого князя, стоявших под стенами Вщижа. Войска восьми князей не смогли овладеть городом и пять недель простояли у его детинца и окольного города. Этот летописец, в отличие от первого, подчеркивает тяжелые для вщижского князя условия мира, по которым Святослав Вщижский был вынужден целовать крест Святославу Черниговскому: «яко имети его в отца место и во всей воли его ходити»[4]. Длительная упорная осада Вщижа хорошо подтверждается археологическими данными (раскопки 1948—1949 гг.): сгоревшие дома, стрелы в крышах, покойники, зарытые на дворах и улицах.

Вщижский князь умер в 1167 г., после чего выморочный удел стал вновь причиной усобицы, в результате которой во Вщиже вокняжается один из сыновей князя Святослава Всеволодовича Черниговского (вероятно, Олег). Вщиж исчезает со страниц летописей. «Мы можем догадываться и о том, — писал Б. А. Рыбаков, — что весной 1238 г. войска хана Батыя, шедшие из-под Смоленска на Козельск, не могли миновать городов Подесенья, о чем, возможно, свидетельствует наличие на Вщижском городище второго слоя пожарища с вещами 30-х гг. XIII в.»[5]

Происхождение названия города неясно. По мнению лингвистов, «возможно, агглютинация (слияние предлога со словом) — въ щиж, въ счижь. В таком случае, собственно топоосновой следует считать вычлеяемое щиж (счижь)»[6]. По мнению некоторых историков, «название города должно было произноситься в древности как Усчиж, так как летопись дает нам много примеров такой замены: Въсвят — Усвят, Въсох — Усох и т. п. Возможно, что имя города дано по ручью (ныне безымянному), у устья которого он расположен. Современное народное название тождественно летописному — Усьчиж»[7]. «…Название Вщижа, приводимое Тихановым в книге “Брянский говор”, — Овщиж (и Авщиж), Ущиж (1779 г.), Ущижы (запись в синодике Клетнянской обители, основанной в 1861 г.), Щиже (у Погодина)»[8]. Брянские краеведы склонны связывать «его имя… с возникновением крепости — защиты». Сам город в древности назывался «Устиж» от

слова «Усть-Чиж (в устье Чижа)[9]. Я. Д. Соколов приводит и цитату из книги П. Н. Якобия «Вятичи Орловской губернии»: «Что имя Вщижь не есть слово русское — в этом, конечно, не может быть сомнения. Мы имеем в Вятичской же земле слово Щиж, "кладезь, впадающий в Оптуху", приток (ныне Чижь): если принимать это слово как входящее в состав имени Вщиж, то для определительного слова остается только одна буква В. Но мы имеем в той же Вятичской земле ряд географических имен с окончанием иж или ыжь… Таким образом, на пермяцко-вотяцком языке Вщиж означает застроенную гору, служащую дозорным пунктом»[10].

Древнерусский археологический комплекс «Вщиж» состоит из городища, включающего в себя детинец и окольный город летописного Вщижа, а также примыкающего к городищу и расположенного на противоположной стороне западного оврага неукрепленного посада. Городище расположено на высоком (22 м от уровня р. Десны) мысу, образованном рекой и западным оврагом с протекающим по дну ручьем. По В. А. Восинскому, овраг и ручей назывались «Судок»[11]. Форма городища близка к равностороннему треугольнику, северная сторона которого длиной около 350 м омывается Десной, юго-западная, также около 350 м, проходит над впадающем в Десну ручьем. Восточная сторона (250 м) представляет собой вал и глубокий ров пред ним, шириной 18 м. Периметр городища превышает 900 м, а площадь — 3,8 га. Внутри городище разделено на две неравные части (западная — 1,2 га, восточная — 2,6 га) невысоким валом и рвом, что подвигло исследователей от Б. А. Рыбакова до А. В. Кашкина считать их детинцем и укрепленным посадом[12]. Наши обследования археологического комплекса в 80—90-х гг., работы коллег и публикация 2005 г. Google материалов фотосъемки комплекса из космоса позволили пересмотреть данную точку зрения. Оказалось, что территория, примыкающая к городищу с востока, также была укреплена рвом и, по-видимому, валом, впоследствии распаханным. Таким образом, планировка древнего Вщижа была классической, трехчастной — детинец (городище), окольный город (площадью свыше 10 га) неукрепленный посад (площадью свыше 3 га) на противоположном берегу Судка на месте урочищ «Прастица» и «Городец». Несмотря на то, что окольный город к первой трети XIII в. еще не был и наполовину заселен и застройка носила усадебный характер, количество дворов во Вщиже было не менее 600, а численность населения — не менее 2 500 человек.

Первое население появилось на городище в VIII—X вв. Роменский слой прослежен на стрелке мыса детинца, где сохранились остатки постройки (9,6×3,6 м) с большим количеством амулетов-оберегов: просверленные клыки хищных животных, позвонки бобра, камни с крестовидными знаками, костяной гребень и подвеска из арабской монеты-дирхема 896 г. Находки роменской керамики обнаружены также по берегам Десны и Судка.

К следующему периоду (XI — первая половина XII вв.) относится строительство небольшой крепости, занимавшей только треть будущего детинца. Возможно, Вщиж в это время был пограничной крепостью Черниговского великого княжества: неподалеку от него, на северо-западе проходила граница со Смоленской землей. Укрепления крепости представляли собой неглубокий ров и вал, основу которого составляли небольшие (1×3 м) городки. Среди находок из культурного слоя этого времени много материалов, идентичных вещам с окрестных сельских поселений. Присутствуют и предметы вооружения дружинников-всадников (обломок меча, посеребренная железная пряжка с золотым изображением бегущего оленя, костяные детали седла и т. д.).

К середине XII в. последовала перестройка и перепланировка сторожевой крепости. В это время втрое увеличивается площадь детинца, который с напольной стороны был укреплен двойным валом и глубоким, шириной в 18 м рвом. К этому времени относится и сооружение укреплений окольного города. Таким образом, Вщиж достигает максимальных размеров и изменяет свой статус, что хорошо согласуется с летописными данными о переезде во Вщиж князя Святослава Владимировича. Теперь он стольный город удельного княжества. В основании новых валов установлены крупные (3×5 м) городни из дуба. На стрелке мыса детинца был раскопан котлован шестиугольной башни, а к востоку от нее — остатки фундамента массивной восьми- или двенадцатиугольной многоярусной

башни-донжона. Вокруг последней застройка не прослежена, а среди находок — удила, стремена, шпоры, конская скребница и инструменты для очистки копыт. В юго-западной части детинца был исследован княжеский двухэтажный дом с теремом, крытый медными листами. Он был длиной в 14 м, сложный в плане с надстройкой в центре. Здесь обнаружены фрагменты стеклянной посуды, большие медные котлы, железная личина от шлема покрытая серебром и позолотой, стальной стилет, высококачественная керамическая посуда с клеймами. Для освящения дома применялись бронзовые осветительные приборы — паникадила.

Вдоль внутреннего детинца располагались рубленные из бревен дома — пятистенки, построенные почти вплотную друг к другу. Они прямоугольные (3—4×6 м) в плане и были покрыты, вероятно, соломой. Интересной особенностью этих домов было наличие в них огромных печей с кирпичными дымоходами, что не характерно для древнерусских построек этого времени. Набор вещей, обнаруженных в этих постройках, весьма скромен — это топоры, долота, бытовая утварь. Около них и на площади вокруг донжона обнаружены погребения в ямах, перекрытых слоем пожарища 1160 г., — останки жителей Вщижа, погибших в ходе пятинедельной осады города.

У внутреннего вала детинца проживали ремесленники. Здесь были исследованы кузница и гончарная мастерская с горном XIII в., в котором сохранилась обжигавшаяся там посуда. Больший интерес представляет находка штампа для колтов — инструмента мастера серебряных дел. По мнению Б. А. Рыбакова, в городе трудилось 15—20 гончаров, которые оставили на днищах изготовленной ими посуды свыше 200 различных клейм. Культурный слой древнего Вщижа содержал разнообразные предметы городского быта — ключи, жернова, замки, пряслица, браслеты, ножи, ножницы, керамику и другие многочисленные находки, часть из которых связана с пребыванием в городе дружины. Это орнаментированные костяные детали колчанов, зубчатая шестерня от «самострела коловоротного» (арбалета с шестереночным механизмом для натягивания его тетивы) и десятки наконечников стрел.

Из уникальных находок следует отметить бронзовый водолей конца XII — первой половины XIII в. в виде птицы с головой мужчины, отлитый в Нижней Саксонии, золотой перстень XII—XIII вв. и клык медведя (а не кабана, как отмечал Б. А. Рыбаков) с заклинательной синкретичной надписью «… Г(осподи)н помози рабу своему Фоме».

Несколько западнее центра детинца были раскопаны руины кирпичной церкви. Она представляла собой четырехстолпный трехапсидный храм (13×10 м). восточная пара столбов — квадратные, западные — круглые. На внутренних стенах столбам отвечали плоские лопатки. Наружные пилястры были сложнопрофилированными; они имели три прямоугольных уступа, скругленный уступ и тонкую полуколонку. Толщина стен церкви была около 1,2 м. В храм вели три портала. В центральной и северной апсидах отмечено наличие престолов, а в центральной — еще и остатков горнего места.

К церкви с трех сторон примыкали галереи — гульбище. С северной и южной сторон были обнаружены 12 колонн, — по-видимому, это были пилоны галерей.

Здание было сложено из кирпичей-плинф на растворе с примесью цемянки и углей. Кирпичи имели размер 4,5×18—21×26 см. Найдены также лекальные кирпичи разных типов и кирпичи с клеймами. Пол храма был вымощен кирпичами. В середине XIX в. на стенах, еще возвышавшихся над землей на два метра, сохранялись остатки фресковой живописи.

Раскопки руин храма начала в 1842 г. В. М. Зиновьева-Фомина. Они были продолжены в 1844 г. При раскопках были найдены предметы церковной утвари — «две ажурные арки — две стороны осмоугольного медного паникадила, коего формы доселе еще попадаются часто во многих церквах Греции и Афона и известных под именем хороса», лампада и два подсвечника. Две «арки» (56×72 см) хороса найдены в алтаре храма, хотя хорос висел в подкупольном квадрате (со стороной 2,74 м). В. Г. Пуцко датирует хорос временем около 1200 года, а автором считает «блестящего мастера (Константина. — *Г. П.*) из Константинополя, прибывшего вскоре после 1204 г. в Приднепровье»[13]. Бронзовый литой и медный с выемчатой эмалью подсвечники оказались синхронны датировке самого церковного сооружения (конец XII — начало XIII в.) и также были обнаружены при разборке

16 Зак. 1053

завала в алтаре в 1844 г. Бронзовый литой подсвечник северовестфальского происхождения датируется концом XII в. и был изготовлен около 1200 года в г. Миндене на Везере[14]. Второй подсвечник был покрыт темно-голубой эмалью, а «его лиможское происхождение, равно как и выполнение в первой четверти XIII в., является несомненным»[15]. Лампада — «византийского типа осветительный прибор» — также датируется рубежом XII—XIII вв. Кроме того, в ходе повторных раскопок остатков храма Б. А. Рыбаковым были обнаружены фрагменты медного колокола и медный крест. Обнаружены и медные образки, серебряный энколпион с изображением Распятия и много железных и свинцовых вещей.

По мнению А. С. Уварова, «план церкви во Вщиже схож с храмами в с. Кидекша близ Суздаля (Юрий Долгорукий) и церковью Покрова близ Боголюбова монастыря (Андрей Боголюбский, около 1166 г.). Все выстроены по одному плану… с небольшими различиями в размерах»[16]. По Б. А. Рыбакову, «…церковь близкая по плану к Покровской церкви на Нерли близ Владимира, а по профилированию пилястр к смоленским зданиям середины XIII в. Вскоре после постройки она была окружена гульбищем с кирпичной же аркой на 12 устоях; следы этих колонн были видимы еще в XIX в.»[17] На основании архитектурных форм и строительной техники Ю. С. Асеев (его поддержал и П. А. Раппопорт) убедительно датировал церковь во Вщиже концом XII — первой половиной XIII в.[18] Внешний облик храма был своеобразен. По-видимому, это башнеобразное, одноглавое, крестово-купольное здание было внешне похоже на знаменитый храм Покрова на Нерли, отличаясь от него большими размерами и наличием гульбища. При раскопках руин храма «найдено до 50, в разных местах, человеческих скелетов… а у наружной стены с левой стороны жертвенника, каменный склеп, по вскрытии коего оказалось, что и в нем тоже человеческий скелет, более же в этом склепе ничего не было. Отличие сего места и могилы от прочих могил… навели… на ту мысль, что могила эта ничья другая как… князя Святослава Владимировича… здесь скончавшегося… и погребенного во Вщиже в 1167 г.»

Судя по материалам раскопок 1840-х — 1940-х гг., ближайшие к храму жилища и сам храм вместе с десятками укрывшихся в нем жителей погибли в пожаре 1238 г. После взятия Вщижа монголами, разорения его и сожжения он как городское поселение вновь не возродился.

Археологические раскопки во Вщиже осуществляли В. М. Зиновьева (1842), В. М. Зиновьева-Фомина и М. М. Фомин (1844), С. А. Чуев (1901.), Н.Е. Евсеев (1907), Б. А. Рыбаков (1940, 1948 и 1949). В 1990-е 2000-е гг. во Вщиже археологические исследования производили Е. А. Шинаков, В. Н. Гурьянов, Г. П. Поляков и В. В. Миненко.

Примечания

[1] См.: *Татищев В. Н.* История Российская. — Т. 1. — С. 558.

[2] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. — М., 1953. — С. 103.

[3] См.: ПСРЛ. — Т. II. — М., 1962. — С. 312

[4] Там же. — Стб. 314.

[5] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — С. 104.

[6] *Нерознак В. П.* Наз вания древнерусских городов. — М., 1983. — С. 52.

[7] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — С. 100.

[8] *Восинский В. А.* Мои экскурсии во Вщиж // Брянский край. — Вып. III. — Брянск, 1928. — С. 88

[9] *Соколов Л. Д.* Седая брянская старина. — Брянск, 2000. — С. 521—522.

[10] Там же. — С. 522.

[11] См.: *Восинский В. А.* Мои экскурсии во Вщиж. — С. 89—93.

[12] См.: *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — С. 83.

[13] *Пуцко В. Г.* Вщижский бронзовой хорос // Деснинские древности. — Вып. II. — Брянск, 2002. — С. 130, 136

[14] См.: *Пуцко В. Г.* Подсвечники из Вщижа: западная средневековая церковная утварь в древнерусском храме // Деснинские древности. — Вып. V. — Брянск. — С. 116.

[15] Там же. — С. 119.

[16] РГИА. Ф. 797. Оп. 36, II. Отд. № 98. 10 окт. 1966 г.

[17] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. — С. 120.

[18] См.: *Асеев Ю. С.* Зодчество приднепровской Руси конца XII — первая половина XIII в.: Автореф. дис. … докт. наук — М., 1971. — С. 20; *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. САИ Е1—47. — М., 1982. — № 68.

О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ВЯТИЧЕЙ В ПОДЕСЕНЬЕ

***Е. А. Шинаков**, д. и. н., проф.,*
***С. Ю. Грачев**, асп.,*
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского.

Работа имеет скорее не историко-(этно-)географический характер, так как именно в широкой полосе густых лесов от левого притока р. Десны (р. Ветьмы) до Деснинско-Жиздринского междуречья, включая нижнее (брянское) течение Болвы в качестве центральной оси региона, имеется значительное количество еще, к счастью, не исследованных археологами, не разрушаемых «черными копателями» курганных групп. Эта полоса попадает как раз на приграничную зону «вятичей» и «кривичей», граница между которыми более-менее ясна, с одной стороны, и других «наследников» роменской культуры — «северян» и «радимичей» — с другой (рис. 1).

В итоге вынужденные (охранные) раскопки или, к сожалению, фиксация находок несанкционированных раскопок либо неправомочного хозяйственного разрушения этих, пока хорошо охраняемых лесами, курганов могут внести коррективы в этой сфере.

Оперируя же разной степени достоверности уже известными фактами, мы сталкиваемся прежде всего с вопросами типологии, ее корректности и «независимости» от априорно сделанных территориально-этнокультурных построений. В этом случае новые открытия ее не ломают, не переворачивают с ног на голову, а уточняют и дополняют.

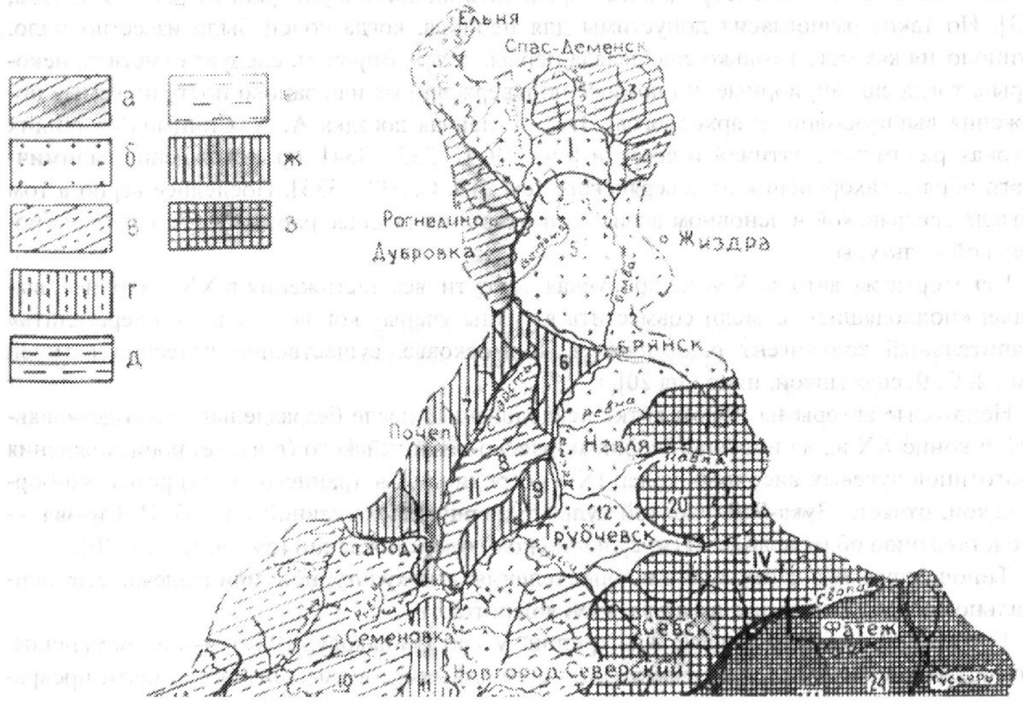


Рис. 1. Физико-географическая карта региона: а — лесные массивы на возвышенных участках; б — долинно-зандровые леса; в — предополье и предполесье; г — почвы — аналоги ополий; д, е — болотистые и солонцеватые почвы; ж — ополье; з — лесостепь.

Так происходит и с главным индикатором трех «потомков» роменской (а возможно, и борщевской) культуры («северян», «вятичей», «радимичей») XI—XII вв. — лучевыми и лопастными височными кольцами. Цепочка их развития и преемственности, созданная авторами в конце 1970-х гг. [см.: 18; 22] и дополненная уже в XXI в. для роменского периода А. Г. Григорьевым [см.: 8. Рис. 46; 6; 7], вполне «работает» и сейчас. Показательно, что не укладывающиеся в нее математически и составляющие в этом аспекте исключение так называемые «кольца деснинского» типа — единственные — серьезно «меняют» свою этническую атрибуцию в связи с новыми полевыми открытиями, причем у одних и тех же авторов (в том числе и данной статьи). Для тех же исследователей, мимо которых прошли типологические исследования конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. (здесь имеются в виду работы не только автора статьи, но и повлиявшие на него труды Г. Ф. Соловьевой, Т. В. Равдиной, В. П. Левашевой, Н. Г. Недошивиной), 90-х гг. XX в. (В. В. Богомольников, Е. А. Шинаков, А. К. Станюкович), начала XXI в. (А. В. Алексеев, А. В. Григорьев, В. Н. Гурьянов, Е. А. Шинаков, А. Г. Шпилев) [см.: 21], прямая противоположность точек зрения об этнокультурной атрибуции тех или иных типов височных колец, прежде всего богато украшенных семилучевых конца X — начала XII в. и так называемого «деснинского типа» перемещает границы ареалов (а то и сами ареалы) радимичей и вятичей (как в более «старых» дискуссиях радимичей и северян) на очень дальние расстояния (от Среднего Подесенья до Ближнего Подмосковья). При этом зачастую просто игнорируются ранее достигнутые с помощью статистико-комбинаторных методов результаты и авторы возвращаются чуть ли не к точкам зрения В. Н. Сизова и А. А. Спицына. Впрочем, и у первых исследователей височных колец этих типов не было единства.

В. Н. Сизов считал местом создания «семилепестных и семизубчатых колец» (по арабским образцам) «широкое» Подмосковье, откуда они распространяются на Запад [см.: 17. С. 187]. Семилучевые же кольца с ложной зернью (по нашей классификации 1980 г., группы IV), найденные на востоке Подмосковья, В. Н. Сизов относит к «чистой разновидности семилепестного кольца московского типа» [17. С. 183]. Как видим, ни о каких радимичах в этой связи даже не упоминается.

А. А. Спицын же «семилепестные» кольца считал исключительной принадлежностью радимичей, в связи с чем затруднился определить их восточную границу [см.: 19. С. 332, 333]. Но такие разногласия допустимы для периода, когда колец было известно мало, а типология как метод только еще делала первые шаги. Впрочем, следует отметить, некоторые, тогда еще априорные, но позднее подтвержденные или заново постулируемые положения вышеуказанных археологов. Это — главная догадка А. А. Спицына об общих истоках радимичей, вятичей и северян [см.: 19. С. 333—334], происхождение радимичского обряда захоронения от северянского [см.: 19. С. 332—333]. Последнее верно в том смысле северянской в основном атрибуции открытой позднее работы А. А. Спицына роменской культуры.

Некоторые же авторы XXI в., пропуская, по сути, все достижения в XX в. (точнее, выбирая «подходящие», сумели совместить взгляды ученых конца XIX в. — «переселить» значительный контингент радимичей в Подмосковье, существенно потеснив вятичей [см.: 2. С. 9, со ссылкой, напр., на 20].

Некоторые авторы на новом витке исследований, после безраздельно господствовавшей в конце XX в., да и сейчас теории моравско-византийского (в итоге) происхождения прототипов лучевых височных колец IX — середины X в. (раннего этапа) роменско-борщевской, отчасти Лука-Райковецкой культур, вернулись к главной идее В. И. Сизова — представлению об их арабском (мусульманском) происхождении [см.: 4. С. 17—20].

Типологически значимыми для определения этнокультурной принадлежности центрально-западной окраины земли вятичей являются:

1) семилучевые височные кольца группы V (по Шинакову, 1980) — построменские, или «северянские аристократические), но с нечеткими, расплывшимися и почти превратившимися в округлые лопасти и «городки» лучами и внутренними зубчиками;

2) кольца «деснинского типа»;

3) радимичские семилучевые (с зубчиками, без шариков), но с богатой орнаментацией (правда, скорее северянского, чем вятичского происхождения).

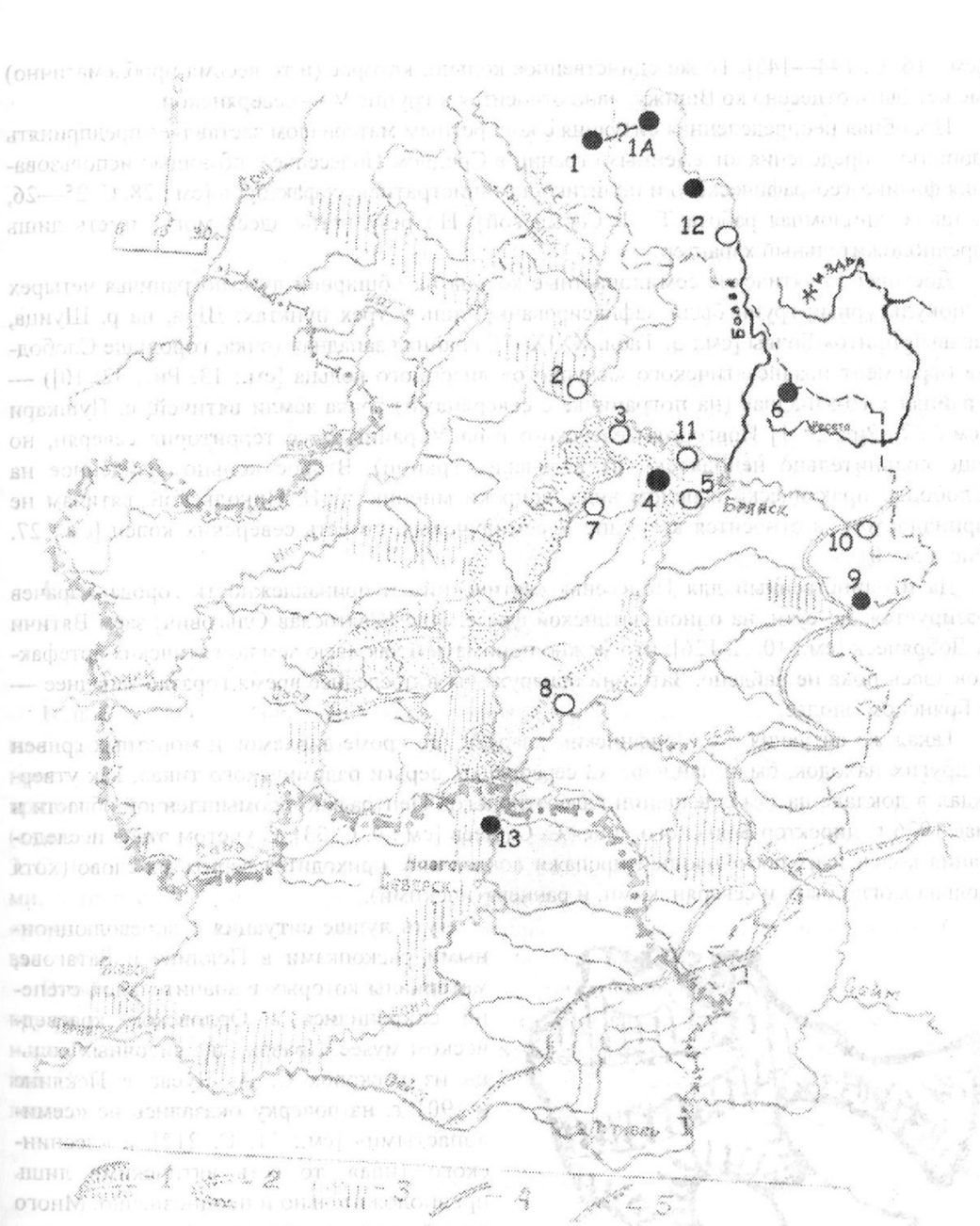


Рис. 2. Вятичско-кривичско-радимичско-северянское пограничье.
● — пункты, где достоверно найдены семилучевые височные кольца. Пункты, упомянутые в тексте статьи: 1 — Шуя (по В. В.Седову); 1А — Шуя (по Н. И. Булычеву); 2 — Пеклино; 3 — Вщиж; 4 — Опахань; 5 — Елисеевичи; 6 — Батагово; 7 — Малфа; 8 — Кветунь; 9 — Слободка; 10 — Карачев; 11 — Хотылево; 12 — Курганье; 13 — Пушкари.

Можно учитывать, но только в качестве дополнительного фактора, и другие категории украшений, встреченные не только у вятичей, но у последних — чаще остальных.

Главной проблемой среднедеснинской «межграничной зоны», где «скрещиваются» артефакты минимум четырех восточнославянских этнокультурных групп XI—XII вв. (см. рис. 2), является слабая сохранность материалов раскопок конца XIX — начала XX в., но особенно — 20-х гг. XX в. Так, при обилии раскопок во Вщиже и его ближайшем «контадо» их этническая принадлежность (радимичи, вятичи и северяне) все еще остается загадкой [подробнее см.: 14. С. 158; 25. С. 28]. Б. А. Рыбаков, ссылаясь, правда, на более ранние раскопки, относил вщижские курганы к «племени радимичей» [см.: 15. С. 15—17], В. В. Седов указывает на наличие здесь семилопастных височных колец

[см.: 16. С. 144—145]. То же единственное кольцо, которое (и то весьма проблематично) может быть отнесено ко Вщижу, явно относится к группе V — северянской.

Подобная неопределенная ситуация с конкретным материалом заставляет предпринять попытку определения «племенных» границ в Среднем Подесенье с помощью использования физико-географического и политико-административных факторов [см.: 28. С. 25—26, а также дипломная работа Т. Л. Сарычевой]. Но результаты здесь могут иметь лишь предположительный характер.

Достоверно вятичские семилопастные кольца на обширной дуге пограничья четырех этнокультурных групп были зафиксированы лишь в трех пунктах: Шуи, на р. Шуица, правый приток Болвы [см.: 5. Табл. XXIX: 7], крайняя западная точка; городище Слободка (фрагмент поздневятичского «ажурного» височного кольца [см.: 13. Рис. 32: 10]) — крайняя юго-западная (на пограничье с северянами) точка земли вятичей; с. Пушкари [см.: 27. Рис. 3: 1] Новгород-Северского р-на Украины (уже территория северян, но еще сравнительно неподалеку от вятичских границ). Второе кольцо, найденное на Слободке практически в целом виде, вопреки мнению Т. Н. Никольской, вятичам не принадлежит, а относится к группе V семилучевых, то есть северских колец [см.: 27. Рис. 65: 10].

Да и единственный для Подесенья «вятичский» и принадлежность города Карачев базируется, по сути, на одной латинской фразе: Иде [Святослав Ольгович] заем Вятичи и Добрянеск [см.: 10. Л. 126], что можно понимать и как «всю землю вятичских артефактов здесь пока не найдено. Зато они обнаружены в последнее время гораздо-западнее — в Брянском ополье.

Такая же ситуация и с Малфинским кладом, где кроме дирхемов и монетных гривен и других находок, были найдены «2 серебряных серьги радимичского типа», как утверждал в докладе на 1-м совещании палеоэтнологов Центрально-промышленной области в мае 1926 г. директор Брянского лицея С. С. Деев [см.: 9. С. 33]. С учетом этапа исследования колец и их последующей пропажи докладчику приходится верить на слово (хотя кольца могли быть и северянскими, и ранневятичскими).

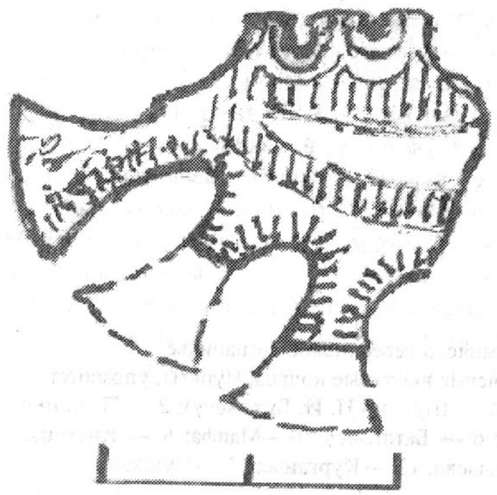


Рис. 3. Кольцо из Опахани.

Чуть лучше ситуация с дореволюционными раскопками в Пеклине и Батагове, материалы которых в значительной степени сохранились в Орловском краеведческом музее. Правда, два височных кольца из раскопок С. А. Чуева в Пеклине в 1901 г. на поверку оказались не «семилопастыми» [см.: 11. С. 212], а «деснинского типа», то есть вятичскими лишь предположительно и неоднозначно. Много вещей предположительно (по описаниям и грубым прорисям) разноплеменного происхождения, в том числе и вятических, было найдено при распашке группы и тогда (на рубеже XIX—XX вв.), и в советское время (конец 80-х — начало 90-х гг. XX в.), но получить хоть что-то из них не удалось [см.: 23. С. 27—29]. При собственных раскопках разрушенной насыпи из этноопределимых предметов был найден лишь фрагмент радимичской (?) двускатно-пластинчатой гривны с орнаментом «волчий зуб» [см.: 23].

В Батагове (сборы на месте разрушенных в 1908 г. при строительстве железной дороги двух курганов) присутствуют и чисто радимичское семилучевое кольцо, и северянское спиралевидное, и два — «деснинского типа» [см.: 27. С. 149].

Главный этнический «индикатор» вятичей — фрагмент семилучевого кольца — обнаружен одним из авторов (С. Ю. Грачевым) на поселении Опахань р. Гасома (рис. 3), решетчатый перстень — на селище-городище Хотылево-20 при раскопках 1999 г., привес-

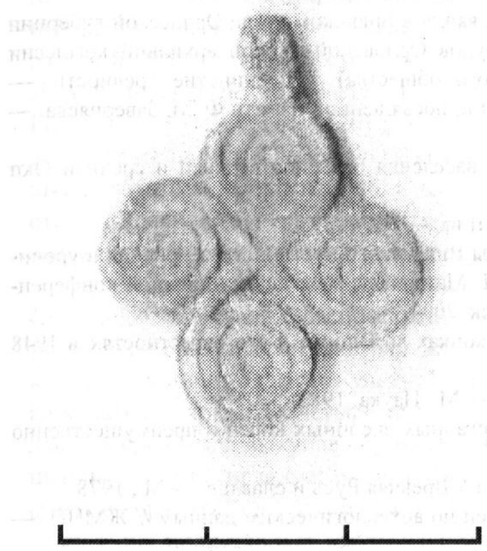


Рис. 4. Привеска из Елисеевичей.

ка, состоящая из четырех спиралей (Елисеевичи) (рис. 4), индицируемая в свое время Т. Н. Никольской как вятичская [см.: 13. Рис. 40: 1]. Есть такие же привески, правда «трехчленные», и в подмосковной части земли вятичей — в могильнике Хотяжи (Мышкино) под Звенигородом [см.: 1. Рис. 6: 5].

Если же принять ранневятичскую (или смешанную, вятичско-радимичскую) атрибуцию колец «деснинского типа» [см.: 7] (отказавшись от своей же старой, 1980 г., радимической их интерпретации), то вятичская «экспансия» гигантски расширяется на запад, за Десну, и не только в радимичские земли, где и так известно их свыше двадцати (тем более, есть данные, что фрагменты колец этого типа найдены и в Кветуни), и усиливает в этой же связи «подозрения» в вятичской (правда, «долевой») принадлежности и Пеклина, и Батагоева.

В любом случае, сейчас уже можно твердо говорить о вятическом участии в освоении плодородных земель Брянского ополья, наряду с радимичами и северянами. Другой вопрос — был ли это оторванный от основного массива их «земли» островок, отделенный кривичско-радимичскими низовьями Ветьмы или малообследованными низовьями Болвы (самая нижняя здесь группа, Курганье, принадлежит кривичам и словенам [см.: 11. С. 215; 3. С. 160], хотя выше по Болве кривичи все больше соседствуют и чередуются с вятичами, а то и словенами новгородскими). Или они имели какие-то еще не обнаруженные «коридоры» через еще неисследованные «лесные курганные группы» от верховьев Болвы — Сноготи или Жиздры — Рессеты (через низовья Болвы).

Впрочем, не исключено, что чересполосица «межплеменного» пограничья, так же как крупные иноплеменные анклавы (или отдельные поселения) внутри «чужой» земли, а то и вовсе наличие артефактов южных «племен» у северных пределов словенского расселения (Усолье-Купанское, Крева-Пекуновский и т. д.) — результат сознательной переселенческой политики киевских князей [см., напр.: 24. С. 122—129].

Литература

1. *Алексеев А. В.* Ранний древнерусский могильник у деревни Хотяжи // Звенигородская земля: история, археология, краеведение. — Звенигород, 2001.
2. *Алексеев А. В.* Группа древнерусских памятников у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2004.
3. Археологическая карта России: Калужская область. — М., 2006.
4. *Беляев Л. А.* К вопросу об исторических прототипах семилучевых височных колец // Славяне и их соседи: Межславянские взаимоотношения и связи: Средние века — раннее Новое время: Труды 18-й конференции памяти В. Т. Королюка. — М.: Изд-во РАН, 1999. С. 17—21.
5. *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела Волги и Днепра. — М., 1899.
6. *Григорьев А. В.* Об одном этапе развития лучевых височных колец // Археологическое изучение Центральной России: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П, Левенка. — Липецк, 2006
7. *Григорьев А. В.* Об этнической принадлежности височных колец «Деснинского типа» // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2005.
8. *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале IX века по археологическим данным // Труды Тульской археологической экспедиции. — Вып. 2. — Тула, 2000.
9. *Зайцев В. В., Шинаков Е. А.* Денежно-вещевой клад у с. Малфа // Слав'яно-Руські старожитності Північного Лівобережжя. — Чернігів, 1995. — С.33—35.

10. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — Т. 2. — М.: Восточная литература, 1962.

11. *Краснощекова С. Д.* Археологические исследования в Брянском уезде Орловской губернии в конце XIX — начале XX в. (по материалам Трудов Орловской ученой архивной комиссии и Орловского церковного историко-археологического общества) // Деснинские древности. — Вып. III: Материалы межгосударственной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск, 2004.

12. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX—XIII вв. — М., 1981.

13. *Никольская Т. Н.* Городище Слободка XII—XIII вв. — М., 1987.

14. *Поляков Г. П., Миненко В. В.* Каменные кресты Вщижского курганного некрополя в урочище «Кальница» // Деснинские древности. — Вып. III: Материалы межгосударственной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск, 2004.

15. *Рыбаков Б. А.* Отчет об археологических раскопках во Вщиже и его окрестностях в 1948 и 1949 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1680.

16. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.: Наука, 1982.

17. *Сизов В. И.* О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т. н. московского типа // АИЗ. — 1895. — № 6.

18. *Соловьева Г. Ф.* Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. — М., 1978.

19. *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. — 1899. — Вып. VIII.

20. *Станюкович А. К.* Ранние этапы славянского заселения Подмосковья // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. — М., 1985.

21. *Шинаков Е. А.* А. А. Спицын и вопрос о расселении славянских племен на современном этапе изучения // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. А. Спицына / Под ред. Е. Н. Носова, И. Л. Тихонова. — СПб., 2008.

22. *Шинаков Е. А.* Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. — 1980. — № 3. — С. 110—127.

23. *Шинаков Е. А.* Курганная группа у с. Пеклино // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1993. — С. 27—29.

24. *Шинаков Е. А.* Переселенческая политика киевских князей в контексте государствогенеза // Исследование по русской истории и культуре: Сб. статей к 70-летию профессора И. Я. Фроянова. — М., 2006.

25. *Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н.* Древнерусские курганы Брянского ополья // Деснинские древности. — Вып. IV: Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья» памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск, 2006.

26. *Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н.* Межплеменное пограничье в Брянском подесенье: современное состояние вопроса // Stratum plus: культурная антропология и археология. — № 5. 2005—2009. — СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. — С. 576—588.

27. *Шинаков Е. А., Гурьянов В. Н., Миненко В. В.* Радимичи и вятичи на Десне // Гістарычна-археалагічны зборнік. — № 13. — Мінск, 1998.

28. *Шинаков Е. А., Сарычева Т. Л.* Кривичско-вятическо-радимичское пограничье // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. — Калуга, 1993.

ЖЕЛЕЗНАЯ ИГЛА С КОЛЬЦОМ В БРОНЗОВОМ ФУТЛЯРЕ

***В. Н. Гурьянов**, нач. отд.,*
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

Среди многочисленных вещей и предметов быта древнерусского времени, происходящих с территории Восточной Европы, выделяется категория находок, до сих пор не получившая в археологической науке ни четкого названия, ни однозначной интерпретации. Речь идет о стержнях-иглах длиной от 10 до 30 см и сечением 0,5—1 см, имеющих острый рабочий конец и головку, в которую продето кольцо. Эти предметы, находки которых известны еще с конца XIX в., до сих пор не имеют единого наименования в археологической литературе. Наиболее часто их именуют «иглы с кольцами». Нет также единого мнения и о назначении этих предметов. Их интерпретируют как однозубые вилки, писала, шило и т. д. и т. п. Хотя иглы с кольцами публикуются довольно часто, специальных работ, посвященных этой категории находок, немного. Это статья польского исследователя Я. Жака о находках игл с кольцами в Польше (см.: Żak, 1960. S. 407—442), статья Л. А. Голубевой по материалам находок игл с кольцами на территории Древней Руси (см.: Голубева, 1971. С. 114—126) и последняя по времени опубликования работа киевской исследовательницы О. Вергун, в которой критически проанализированы и две предыдущие работы (см.: Вергун, 2006. С. 27—32). Исследовательница констатирует, что «существует целый ряд неразрешенных вопросов, касающихся происхождения, бытования, эволюции и функционального назначения железных игл с кольцами» (Вергун, 2006. С. 31).

Количество находок игл с кольцами в Восточной Европе достаточно велико. В последние годы в связи с распространением моды на поиск древностей с применением металлодетекторов сделан еще ряд находок этих предметов, которые оседают в частных коллекциях и не поддаются учету. К примеру, в собрании одного известного мне «черного копателя» хранится четыре таких предмета. В текущем году одним из брянских коллекционеров была выкуплена у находчика и передана мне для исследования и последующей публикации игла с кольцом в футляре цветного металла. Необычность находки и заставила обратиться к данной теме.

Изделие представляет собой железный стержень длиной 15 см, сечение у основания головки — 0,8 см, головка круглая размером 1,7×1,5 см. Кольцо железное, диаметром 3 см. По типологии Л. А. Голубевой, изделие можно отнести к типу 1 — «гладкие неорнаментированные иглы с круглыми массивными головками» (Голубева, 1971. С. 114, 119. Рис. 2, *1*). Впрочем, считаю необходимым отметить, что предложенная Л. А. Голубевой типология подверглась справедливой критике в работе О. Вергун (см.: Вергун, 2006. С. 28).

Игла помещена в футляр из цветного металла, вероятнее всего из латуни. Футляр представляет собой пластину подтреугольной в плане формы, которая как бы «обернута» вокруг иглы, образуя что-то похожее на ножны ножа. Края скреплены пятью заклепками — три в нижней части, одна в средней и одна в верхней. Заклепочные отверстия диаметром 1,5—2 мм, в трех из них сохранились остатки заклепок. По краям футляра пробито по восемь отверстий диаметром 4 мм, часть из них расположена непосредственно на краях футляра, выходя частично за пределы пластины. Три нижних отверстия соосны друг другу, пять остальных отверстий по двум краям футляра расположены по отношению друг к другу зигзагообразно. Это позволяет предположить, что через отверстия был пропущен кожаный или веревочный шнур, выполнявший функцию как дополнительного крепежа двух краев пластины, так и декора. В верхней части футляра находится отверстие овальной формы размером 5×7 мм, соосное в двух краях пластины, которое, видимо, служило для подвешивания футляра к поясу.

Футляр достаточно богато декорирован точечным пуансонным орнаментом. Два ряда точек идут по верхнему краю футляра, двойной ряд точек окаймляет каждое из восьми отверстий по краям футляра. Тулово футляра, то есть та часть, в которой собственно и расположена игла, украшено косыми двойными рядами точек (справа — налево, сверху — вниз), которые идут до уровня нижнего из восьми отверстий. Эти косые ряды с двух сторон ограничены вертикальными рядами точек. В нижней части футляра прослеживаются следы инструмента типа плоскогубцев, которым сжимались края пластины при изготовлении футляра.

Находки железных игл с кольцами в деревянных, кожаных и железных футлярах нередки (см.: Голубева, 1971. С. 125), однако находку иглы в бронзовом футляре Л. А. Голубева отмечает лишь одну, на территории Польши (см.: Голубева, 1971. С. 125. Прим. 20). Это, особенно с учетом того обстоятельства, что на территории Южной Руси находки железных игл с кольцами сравнительно немногочисленны (см.: Вергун, 2006. С. 29), позволяет считать рассматриваемое изделие редким или даже уникальным.

Иглы с кольцами группы I, по Л. А.Голубевой, на Руси появляются в погребениях конца IX — начала XI в. и бытуют до XIII в. Большинство железных игл из погребений IX—XI вв. являлось принадлежностью мужских дружинных захоронений (см.: Вергун, 2006. С. 29). По мнению Я. Жака, железные иглы с кольцами ведут свое происхождение от бронзовых игл с кольцами, широко распространенных в Скандинавии и Северной Европе

IX—XI вв. (см.: Žak, 1960; Голубева, 1971. С. 123). Рассматривая вопрос о назначении и использовании железных игл с кольцами, О. Вергун делает достаточно обоснованный вывод о том, что данные предметы были порождением дружинной культуры и являлись полифункциональным предметом (см.: Вергун, 2006. С. 31). Я вполне разделяю эту точку зрения.

Что касается обстоятельств и места находки, то их в полной мере выяснить не удалось. По сведениям передавшего мне находку коллекционера, со слов находчика, предмет был найден на современной административной границе Унечского и Стародубского районов Брянской области неподалеку от поселка Бёрновичи Стародубского района. Археологический контекст находки неизвестен. В самих Бёрновичах и их ближайшей округе археологические памятники эпохи Древней Руси пока не выявлены. Однако находка предмета дружинного круга древностей в этом районе не представляется чем-то исключительным. Бёрновичи находятся в северной части Стародубского ополья — одного из микрорегионов Древней Руси, освоенного русами уже в начале X в. Дружинные древности здесь хорошо изучены, доказано и наличие дружинного «становища» у с. Левенка (примерно в 10—11 км к югу от Бёрнович) (см.: Гурьянов, Шинаков. С. 125). Центр ополья — город Стародуб — входил в состав «Русской земли» в узком смысле слова, по устоявшемуся в науке мнению, уже в IX в. (см.: Насонов, 2002. С. 33).

Таким образом, находка достаточно выразительного предмета дружинной культуры на территории Стародубского ополья лишний раз свидетельствует о дружинном присутствии в данном микрорегионе в IX—XI вв. Сам рассматриваемый предмет мог быть утерян его владельцем во время одной из экспедиций по покорению радимичей. Бёрновичи находятся как раз на полпути от Стародуба к радимичской границе. Возможно, дополнительное обследование округи Бёрнович позволит выявить памятники древнерусского времени, с которыми, несомненно, и связан рассмотренный артефакт.

Литература

Вергун О. Железные иглы с кольцами на территории Восточной Европы (постановка вопроса) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX—XI ст. // Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів — Шестовиця, 20—23 липня 2006 р.). — Чернігів: Сіверянська думка, 2006. — С. 27—32.

Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами // Советская археология. — 1971. — № 4. — С. 114—126.

Гурьянов В. Н., Шинаков Е. А. Стародубское ополье в IX—XII вв. // Археологія. — 1998. — № 2. — С. 121—130.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. — СПб.: Наука, 2002.

Žak J. O pochodzeniu "szpil" pierścieniowatich na ziemiach polskich // Slavia Antiqua. — Vol. VII. — Warszawa; Poznan, 1960. — S. 407—442.

ВОРОТЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XV в. И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВОРОТЫНСКА «СТАРОГО» И «НОВОГО» В 1499 г.

***Р. А. Беспалов**, Избирательная комиссия Тульской области, г. Белёв*

Вопрос о месте расположения города Воротынска до конца XV в. уже не раз поднимался в историографии. Главным образом это связано со сложностью трактовки сведений Вологодско-Пермской летописи, которая сообщает о том, что в 1480 г. татары хана Большой Орды Ахмата разорили «два Воротынска, старои да новои»[1]. Перед исследователями встала задача отыскать не один, а два города конца XV в. В работах предшественников была выдвинута гипотеза о существовании «старого» города и его переносе на «новое» место. При этом было принято считать, что термин «старый город» обозначает древний Воротынск, известный из южнорусского летописания с 1155 г.[2] Под термином же «новый город» стали подразумевать Воротынск, известный из письменных памятни-

Рис. 1. Верхнее Поочье в конце XV в.

ков с рубежа XIV—XV вв.[3] Археологами было предложено несколько локализаций. Это городище Воротынцево на реке Зуше, городище Воротынск на реке Выссе и городище вблизи воротынского Спасского монастыря на устье реки Угры[4]. Однако поиски не привели к однозначному выводу и остаются актуальными, в частности в связи с новыми раскопками Г. А. Массалитиной на территории Национального парка «Угра»*.

Для решения этой задачи прежде всего необходимо иметь аутентичные исходные данные. При этом следует учитывать, что летописи относятся к категории сложных повествовательных памятников. Их сведения по истории Верхнего Поочья ненадежны. Это связано с удаленностью региона от центров летописания, а также с тем, что зачастую летописцы составляли свои записи или перерабатывали прежние спустя много лет после произошедших событий. Поэтому летописные тексты требуют тщательного исследования с учетом исторического контекста, соответствующего времени их создания.

В большинстве источников город Воротынск упоминается в единственном числе. О месте его расположения известно по сведениям первой четверти XVI в. В посольских книгах дипломатических сношений Москвы с Крымом перечислены станы на проходившей здесь дороге: «семой въ Колузе, а осмой въ Воротынску, а девятой въ Серенску»[5]. То есть Воротынск находился где-то посередине на пути между Калугой и Серенском.

* Выражаю искреннюю благодарность Г. А. Массалитиной за привлечение моего внимания к задаче локализации Воротынска «старого» и «нового» по письменным памятникам.

Более конкретный ориентир, но уже по водному маршруту дает С. Герберштейн: «княжество Воротынское (Worotin) носит одно имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги, недалеко от берега Оки»[6]. Немецкая миля составляла около 7,4—7,8 км[7]. То есть, по сведениям С. Герберштейна, Воротынск отстоял от Калуги приблизительно на 22—23 км, что соответствует городу на реке Выссе.

Прежде чем перейти к событиям конца XV в., кратко остановимся на истории Воротынска в составе Новосильско-Одоевского княжества. В конце XIV в. он записан в «Списке городов дальних и ближних» среди городов «литовских»[8]. По мнению А. В. Шекова, это может объясняться политической ориентацией владельца Воротынска, если таковым был зять великого князя литовского Ольгерда — князь Иоанн Новосильский, который, вероятно, умер до начала XV в.[9] Затем Воротынск видим у потомков князя Романа Семеновича Новосильского, которые до 1427 г. были союзниками Москвы. 4 июля 1406 г. великий князь литовский Витовт писал верховному маршалу Немецкого ордена: «мы даем Вам знать, что в день отправления этого письма к нам пришло известие, что герцог Лугвень и другие наши воеводы с войсками напали на крепость нашего врага, называемую Воротынск (Wrotinsko). И после этого в ближайшее воскресенье взяли ее и сожгли»[10]. Взятие литовскими войсками Воротынска отмечено и в Тверской летописи: «Литва же, въступль же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынескь взяша …»[11] Здесь проявляется обычное свойство письменных памятников, внешних по отношению к Верхнему Поочью: новосильский город Воротынск отнесен к «городам литовским» или к «стране Московской» на основании политической ориентации его владельцев. Но сохранились и другие оценки принадлежности новосильских городов. Например, Пахомий Логофет (с московской стороны) называл владения белёвского князя «чужой страной»[12]. Наиболее надежные в этом смысле источники — правовые акты описывают Новосильско-Одоевскую землю в качестве субъекта межгосударственных отношений. До конца XV в. она не входила в состав иных государственных образований. Так, в московско-рязанском договоре 1402 г. великий князь московский заявлял, что новосильский князь с ним «один человек», то есть внешний союзник[13]. Как заметил М. М. Кром, позже известные новосильско-литовские договоры, видимо, согласно их статусу, были размещены в пятой книге записей Литовской метрики (памятник конца XVI в.) среди внешнеполитических договоров Великого княжества Литовского с Новгородом, Псковом, молдавскими воеводами, великими князьями московскими и тверскими[14]. Также С. В. Полехов обратил мое внимание на то, что еще в 1487 г. литовско-новосильские договоры хранились в архиве Великого княжества Литовского наряду, например, с литовско-тверскими грамотами[15].

Незадолго до 14 августа 1427 г. между Витовтом с одной стороны и великим князем Юрием Романовичем Новосильским и Одоевским — с другой был заключен договор. На стороне последнего выступали двое сыновей — князья Иван и Семен Юрьевичи, — а также воротынские племянники — князья Василий и Федор Львовичи. На встрече с Витовтом присутствовала вдова князя Льва Романовича — княгиня Воротынская[16]. С заключением договора князья новосильского дома по отношению к великому князю литовскому приобретали статус «служилых князей». Смысл этого статуса заключался в том, что они обязались служить великому князю литовскому за вознаграждение, которое могло выражаться, видимо, как в денежной форме, так и в наделении служилых князей административными должностями и землями, которые приносили бы им доход. С приобретенных в Литве земельных «пожалований» служилый князь в качестве налога должен был платить в литовскую казну «полетнее» (ежегодную дань). В исконную Новосильскую землю великий князь литовский обязался не вступаться. Первый новосильско-литовский договор предусматривал возможность его продления после смены власти в Литве или в Новосильско-Одоевском княжестве. С 1432 г. договоры удельных воротынских и удельных одоевских князей с Литвой стали заключаться независимо друг от друга «по Витовтову докончанию»[17].

Сохранился договор князя Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским (впоследствии также и королем польским) Казимиром от 20 февраля 1442 г.[18] В середине XV в. на литовской службе князь Федор Львович получил город Козельск в наместничество; а также — в вотчину несколько волостей, расположенных далеко на запад

от Воротынска[19]. Со временем приобретенная воротынскими князьями вотчина значительно расширилась. Она прочно удерживала их на службе великому князю литовскому. В период с 1448 по 1455 г. «литовскими» приобретениями князя Федора Воротынского стали: город Перемышль, а также волости «Краишина, по обе стороне Высы реки» и «Логинескъ»[20]. Центр волости Крайшино находился в устье реки Угры в 8,5 км к северу от Воротынска. В начале XIX в. это село «Спаское Крайшино то ж». Центр волости Лагинска находился в 8,5 км к юго-востоку от Воротынска. В начале XIX в. это «Лагинская пустошь» недалеко от села Желохово[21]. Расположение «литовских» приобретений воротынских князей показывает, что город Воротынск еще в начале XV в. был новосильским форпостом на северо-западе Новосильско-Одоевского княжества. Исконная новосильская территория здесь была небольшой и занимала далеко не весь бассейн реки Выссы. Поэтому область для поиска Воротынска «старого» и «нового» тут очень ограничена.

Перейдем к рассмотрению событий 1480 г., связанных с Воротынском. К этому времени действия великого князя московского Ивана III спровоцировали ссору с его родными братьями — князьями Андреем (старшим) и Борисом. Внутренние московские разногласия усугублялись обострением московско-литовских и московско-ордынских отношений. Воспользовавшись усобицами московских князей, король Казимир IV направил послов к хану Большой Орды Ахмату «и советъ учиниша приити на великого князя, царю отъ себе полемъ, а королю отъ себе»[22]. Для обороны своих рубежей московские войска выдвинулись на берег Оки к Серпухову и Коломне. Услышав об их расположении, хан Ахмат решил обойти их со стороны р. Угры: «Царь же Ахмат поиде со всеми своими силами мимо Мченескъ и Любутескъ и Одоевъ, и пришед ста у Воротыньска, ожидая к себе королевы помощи»[23]. Почему же он направился именно в район Угры, и почему летописи заостряют свое внимание на Воротынске? Согласно Ростовскому владычному своду, «знахаре ведяху его ко Оугре реце на броды»[24]. Очевидно люди, которые «знали» дорогу и вели татар на Угру, были местными. Позже московская сторона назвала имя одного из проводников татар — это «Сова Карповъ»[25]. Литовская метрика с 1486 по 1498 г. упоминает некоего «Ивашку» по прозвищу «Сова», причем до 1495 г. его род занятий не определен[26]. Вероятно, это тот самый «Иван Карпович», который в начале 1490-х гг. был боярином князя Семена Воротынского[27], а в 1480 г., возможно, служил его отцу — князю Федору Львовичу. Так становится понятной связь хана Ахмата с Воротынском: поход татар поддерживался князьями новосильского дома в рамках литовско-ордынских соглашений. Однако основные силы Казимира IV на помощь Ахмату не приходили: «король самъ к нему не поиде, ни силы своея не посла, поне же бо быша ему свои усобици», поскольку «тогда бо воева Минли Гирей царь крымскыи королеву землю Подольскую, служа великому князю (Ивану III. — *Р. Б.*)»[28]. Кроме того, великий князь московский тайно послал на ладьях по Волге в Большую Орду свои войска[29]. Вскоре Ивану III удалось примириться со своими братьями Андреем (старшим) и Борисом, а также получить от них солидное подкрепление. Ахмат же, не дождавшись помощи от Казимира IV, отступил от Угры и пошел «по Литовъскои земле по королеве державе, воюя его землю за его измену»[30]. В Устюжских летописях отмечено, что он «Воротынеск и иные городы, села и волости, много поимал и в полон поведе безчисленное множество»[31].

При описании «Угорщины» текст Вологодско-Пермской летописи с 1480 по 1538 г. не находит себе аналогов в других летописных сводах, восходящих к официальному великокняжескому летописанию 1480—1481 гг.[32] Он передает совершенно особые сведения о разорении ханом Ахматом Верхнего Поочья: «а градов литовских пленил: Мченескъ, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротынска, старои да новои, два Залидовы, старои да новои, Опаков, Серенескъ, Мезыскъ, Козелескъ. А всех градов плени 12, милостью божьею не взя, а волости все плени и полон вывел. А прочь царь пошол от Угры в четверг, канун Михайлову дни»[33]. Лондонский список Вологодско-Пермской летописи доведен до 1499 г. По мнению Я. С. Лурье, именно в этом году был составлен ее уникальный рассказ о стоянии на Угре[34]. Его гипотезу можно подкрепить следующими аргументами. В 1480 г. канун Михайлова дня 7 ноября был не в четверг, а во вторник. На четверг он приходился в 1482, 1493 и 1499(!) гг. Также обратим внимание на то, что в рассказе упомянут не только город Опаков, но и «Опаково городище» (бывший город)[35]. Однако еще в начале

1490-х гг. Опаков был хорошо укрепленным городом. В 1493 г. он был сожжен московскими войсками[36]. По сведениям его владельца Ивана Сопеги, к 1497 г. от Опакова оставались только городище и посад[37]. Как видим, составитель Вологодско-Пермской летописи спроецировал реалии 1499 г. на девятнадцать лет назад. То есть описал историю с точки зрения собственных представлений. Это несколько снижает ценность его рассказа об «Угорщине», поскольку в таком случае нет полной уверенности в разорении татарами всех перечисленных городов. Но в то же время его повествование дает новые сведения по истории Верхнего Поочья самого конца XV в. При рассмотрении вопроса о локализации «старого» и «нового» Воротынска, а также «старого» и «нового» Залидова этот вывод имеет большое значение.

С 1480 по 1499 г. геополитическая ситуация в верховьях Оки кардинально изменилась. После отступления татар многие князья новосильского дома еще продолжали верно служить Казимиру IV. Возможно, в качестве компенсации за татарское разорение князь Федор Львович Воротынский получил от короля в вотчину город Лучин[38]. В 1482 г. Иван III вновь добился военной помощи от хана Менгли-Гирея, направленной против Литвы. В сентябре этого года крымские войска внезапно напали на Киев, сожгли его и разорили еще одиннадцать порубежных городов[39]. В этой связи воротынские князья вместе с одоевскими родичами в составе крупного литовского войска ходили оборонять Киевскую землю от нашествия крымских татар[40]. К осени 1482 г. князь Федор Львович скончался. Пребывая в Киевской земле, его потомки внесли его имя в синодик Киево-Печерского монастыря[41]. 5 апреля 1483 г. они заключили с Казимиром IV новый договор о своей службе Литве[42]. Но в 1487 г. на московскую службу перешел князь Иван Михайлович Воротынский (Перемышльский)[43]. В 1489 г. за ним последовал его дядя князь Дмитрий Федорович[44], а в 1492 г. — и князь Семен Федорович[45]. После заключения московско-литовского договора о мире 1494 г. воротынские князья потеряли значительную часть прежних литовских «пожалований», сохранив за собой лишь окрестности Воротынска с Лагинском и Крайшиным, а также Перемышль и Козельск с их волостями. Новая московско-литовская политическая граница прошла между Залидовом и Воротынском, которые стали пограничными городами вплоть до 1500 гг.[46]

В работах предшественников не учитывалось, что в XV—XVII вв. терминология «город старой» — «город новой» была широко распространена и имела отношение к фортификации. Например, в летописях читаем, что в мае 1563 г. царь Иван IV «поехал в Оболенескъ, в Колугу, в Перемышль, в Одоев старои, а из Одоева в Белев, в Козелескъ, в Воротынескъ»[47]. Этот объезд был связан с обустройством Засечного рубежа. Если был «Одоев старои», значит, строился и «новои». В описи городов 1677/78 (7186) г. встречаются следующие записи: «Городъ Белевъ рубленой новой <…> Острогъ, что приделанъ къ новому городу, а въ нем 7 башень не дорублены». «Городъ Брянескъ рубленой новой <…> да вновь зачато делать рубленой же городъ и стоячей острогъ и земляной валъ къ старому жъ рубленому городу». «Городъ Колуга почетъ делать новой, Ильинская да Покровская проезжие башни, да глухая башня на Покровской стене, да две стены, а по мере Ильинской стены облажено нового города делать и съ башнею 72 сажени, да Покровской стены облажено 157 сажень, итого по мере нового и старого города 840 сажень»[48]. Под «старым городом» понималась старая крепость, к которой пристраивался «новый город». В дальнейшем населенный пункт не менял своего названия, и, например, Калуга оставалась той же Калугой. Не случайно во всех известных памятниках XV—XVI вв., кроме Вологодско-Пермской летописи, упомянут только один город Воротынск[49].

Таким образом, письменные источники ничего не сообщают о переносе городов Залидова и Воротынска на новые места, как это ранее представлялось ряду исследователей. Напротив, становится очевидным, что в Вологодско-Пермской летописи под 1480 г. зафиксировано укрепление московско-литовской границы накануне 1499 г. Это происходило как с литовской стороны, где строилась новая крепость Залидова, так и с московской стороны, где к старой воротынской крепости, очевидно, пристраивалась новая крепость. В этой связи примечательны наличие двух укрепленных площадок у городища Залидова, а также обнаружение глубокого засыпанного рва внутри городища Воротынска, которое ранее считалось остатками единой крепости[50].

Примечания

[1] ПСРЛ. — Т. 26. — М.; Л., 1959. — С. 273.

[2] Первое свидетельство о существовании города Воротынска сохранилось в Ипатьевской летописи под 1155 (6663) г. (см. там же. — Т. 2. — СПб., 1908. — Стб. 479; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. — М., 1963. — С. 142).

[3] См.: *Никольская Т. Н.* Воротынск // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 126; *Фролов И. К.* Изучение археологической структуры микрорегиона // Археологические памятники Европейской части РСФСР. — М., 1985. — С. 35; *Прошкин О. Л.* Археологические исследования летописного Воротынска в 1993 году // Древний Воротынск и его окрестности. — Калуга, 1995. — С. 32—35; *Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. — Т. 2. — Тула, 2004. — С. 125—126.

[4] См.: Археологическая карта России: Орловская область. — М, 1992. — С. 61. — № 175, 176; Археологическая карта России: Калужская область. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006. — С. 194—195. — № 556/411 (23); С. 73—75. — № 91/31 (28).

[5] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. — Т. I (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // СИРИО. — Т. 41. — СПб., 1884. — С. 441.

[6] *Герберштейн С.* Записки о Московии. — М., 1988. — С. 140.

[7] См.: *Noback C., Noback F.* Vollständiges Taschenbuch der Münz-, Maass- und Gewichts-Verhältnisse. — T. 1. — Leipzig, 1851. — S. 114.

[8] См.: ПСРЛ. — Т. 3. — М.; Л., 1950. — С. 475—77; «Список городов дальних и ближних» сохранился в рукописи середины XV в. и в более поздних. Его составление М. Н. Тихомиров датировал 1387—1392 гг.; Е. П. Наумов отнес его к 1394—1397 гг.; по мнению же В. Л. Янина, «Список городов» первоначально был составлен в 1375—1381 гг., а затем до 1440-х гг. временами подвергался частичной корректировке (см.: *Тихомиров М. Н.* Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. — Т. 40. — М., 1952. — С. 216—218; *Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973. — М., 1974. — С. 154—157; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. — М., 1998. — С. 61—70).

[9] См.: *Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов… — С. 125—126; Памятники древнерусского канонического права. — Ч. 1 (Памятники XI—XV вв.) // Русская историческая библиотека. — Т. 6. — СПб., 1880. — Прил. № 24. — Стб. 135—140; № 25. — Стб. 145—148.

[10] Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376-1430 / Collectus opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. — T. 6. — Crakoviae, 1882 (далее — CEV). — № 369. — S. 150. Перевод уточнен С. В. Полеховым. Письмо датировано: «am suntage noch Petri et Pauli» — «в воскресенье после [дня апостолов] Петра и Павла». Не имеет года. День памяти апостолов Петра и Павла — 29 июня. В издании А. Прохаски письмо отнесено к 3 июля 1407 г.; следует датировать 4 июля 1406 г. — тем годом, когда согласно Тверской летописи был взят Воротынск.

[11] ПСРЛ. — Т. 15. — М., 2000. — Стб. 472.

[12] Житие Кирилла Белозерского / Под ред. А. С. Герда. — СПб., 2000. — С. 45.

[13] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). — № 19. — С. 53. О термине «один человек» см.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. — Кн. 2. — М., 2003. — Стб. 617—618. Та же формула использована в письме великого князя литовского Витовта от 1 января 1425 г.: «герцог Одоева — человек великого князя Московии» (CEV. — № 1181. — S. 688; *Беспалов Р. А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. — Вып. 4. — Тула, 2009. — С. 207).

[14] См.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины XVI в. — М., 1995. — С. 38—39; Lietuvos metrika. — Kniga Nr. 5 (1427-1506). — Vilnius, 1993 (далее — LM. — Kn. 5). — P. 244—259.

[15] См.: См.: *Rowell S. C.* Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440-1481 metais // Lietuvos valstybė XII-XVIII a. — Vilnius, 1997. — P. 72.

[16] См.: CEV. — № 1298. — S. 778—780. См. также: *Беспалов Р. А.* Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. — Вып. 3. — Тула, 2008. — С. 256—259.

[17] Подробнее см.: *Беспалов Р. А.* К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. — Вып. 12. — Брянск, 2010. — С. 26—37.

[18] См.: LM. — Kn. 5. — № 130. — P. 247—248; ДДГ. — № 39. — С. 117—118.

[19] См.: LM. — Kn. 5. — № 131. — P. 248; ДДГ. — № 49. — С. 149 [Lietuvos metrika. — Kniga Nr. 3 (1440-1498). — Vilnius, 1998 (далее — LM. Kn. 3). — P. 37; Литовская метрика. — Отд. 1. — Ч. 1: Книги записей. — Т. 1 // РИБ. — Т. 27. — СПб., 1910. — Стб. 48.

[20] Дата устанавливается на основании сличения списка приобретений 1448 г. со списком подтвердительной грамоты о прежних приобретениях 1455 г. (см.: LM. — Kn. 3. — P. 39; РИБ. — Т. 27. — Стб. 52—53).

[21] Волости Крайшино и Лагинеск были локализованы Е. Г. Зельницкой на основании сведений писцовых книг XVII в. (см.: *Зельницкая Е. Г.* Исследование исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 27. — Кн. 75. — С. 79—85).

[22] ПСРЛ. — Т. 18. — М., 2007. — С. 267.

[23] Там же. — Т. 25. — М.; Л., 1949. — С. 328.

[24] Там же. — Т. 24. — Пг., 1921. — С. 199.

[25] СИРИО. — Т. 35. — СПб., 1892. — С. 518.

[26] См.: Lietuvos Metrika. — Knyga Nr. 4 (1479-1491): Užrašymų knyga 4. — Vilnius, 2004. № 1.3, 16.4. — P. 30, 58; РИБ. — Т. 27. — Стб. 617—621; Lietuvos metrika. — Kniga Nr. 6 (1494-1506): Užrašymų knyga 6. — Vilnius, 2007 (далее — LM. — Kn. 6). № 589. P. 341—342.

[27] См.: СИРИО. — Т. 35. — СПб., 1892. — № 19. — С. 84. Неизвестно, чтобы Иван Карпович перешел на службу Москве вместе с князем Семеном Воротынским. Некоторые воротынские слуги остались на литовской службе. В 1495 г. он вел тяжбу с одним из бывших мценско-любутских наместников, а под 1498 г. — назван господарским дворянином.

[28] ПСРЛ. — Т. 25. — М.; Л., 1949. — С. 326—328.

[29] Эти сведения сохранились в поздних памятниках — «Разряде великаго князя московскаго Ивана Васильевича всея России» и в Казанской истории (см.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенскаго. — М., 1853. — С. 15; ПСРЛ. — Т. 19. — СПб., 1903. — Стб. 7—8, 202); но союз Ивана III, Менгли-Гирея и Нур-Довлата против Ахмата действительно оговаривался еще в московском посольстве в Крым в апреле 1480 г. (см.: СИРИО. — Т. 41. — СПб., 1884. — С. 17—18).

[30] ПСРЛ. — Т. 25. — С. 328.

[31] Там же. — Т. 37. — Л., 1982. — С. 49, 95.

[32] См. там же. — Т. 26. — С. 3—7. См. также: *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV—XV вв. — М., 1984. — С. 283—313.

[33] ПСРЛ. — Т. 26. — С. 273, 366.

[34] См.: *Лурье Я. С.* Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2. — Ч. 2: Л—Я. — Л., 1989. — С. 119—120; *Лурье Я. С.* Повести о стоянии на Угре // Там же. — С. 204—208.

[35] ПСРЛ. — Т. 28. — М.; Л., 1963. — С. 266.

[36] См. там же. — Т. 6. — Вып. 2. — М., 2001. — Стб. 335; Т. 28. — С. 158, 323.

[37] См.: LM. — Kn. 6. — № 243. — P. 168.

[38] См.: СИРИО. — Т. 35. — СПб., 1892. — С. 136.

[39] См.: ПСРЛ. — Т. 25. — С. 330; Т. 5. — СПб., 1851. С. 41. О датировке этих событий см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). — М., 1952. — С. 196—198.

[40] См.: *Каманин И.* [*М.*] Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. — Вып. 2. — Киев, 1916. — С. 6.

[41] См.: Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. — Киев, 1892. — Кн. 6. — Приложение. — С. 31.

[42] См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. — СПб., 1846. — № 80. — С. 100—101.

[43] См.: СИРИО. — Т. 35. — С. 3—5.

[44] См. там же. — С. 39—40.

[45] См. там же. — С. 81, 84—85.

[46] См.: LM. — Kn. 5. — № 78.2. — P. 134—135; ДДГ. — № 83. — С. 330.

[47] ПСРЛ. — Т. 29. — М., 2009. — С. 320; Т. 13. — М., 2000. — С. 366.

[48] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 9. — СПб., 1875. — № 106. — С. 243, 250, 253.

[49] См., напр., упоминание о городе Воротынске в духовной грамоте Ивана III под 1504 г. (см.: ДДГ. — № 89. — С. 355); в Судебнике 1497 г. (см.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 1. — СПб., 1841. — № 105. — С. 151—152); в посольских книгах дипломатических сношений Москвы с Литвой (см.: СИРИО. — Т. 35. — С. 39, 48, 137, 152) и Крымом (см.: СИРИО. — Т. 41. — СПб., 1884. — С. 212, 441—442, 497, 511); в Разрядных книгах (см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. — М., 1966. — С. 161); в духовной грамоте князя Михаила Ивановича Воротынского (см.: *Беликов В. Ю., Колычева Е. И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. — Вып. 2. — М., 1992. — С. 111); в летописях о нападении крымских татар на Воротынск (см.: ПСРЛ. — Т. 13. — С. 5, 15; Т. 14. — М., 2000. — С. 48).

[50] См.: Археологическая карта России: Калужская область. — С. 113—114. — № 257; С. 194—195. — № 556.

ПРОБЛЕМА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ВОРОТЫНСКА

Г. А. Массалитина, *к. и. н., в. н. с.,*
Национальный парк «Угра»

Одна из проблем исторической географии верхнеокского региона связана с локализацией Воротынска, хорошо известного по источникам XIV—XVII вв. Для домонгольского периода он упоминается лишь однажды как один из древнейших городов Черниговского княжества в связи с княжескими неурядицами: Святослав Ольгович, желая наказать своего племянника Святослава Всеволодовича — «занеже бе его отступилъ», отнимает у него города Карачев и Воротынск[1]. Причем в тексте Ипатьевской летописи нет указания на местонахождение города, нет вообще никаких географических ориентиров.

До середины XX в. никаких проблем с локализацией Воротынска не существовало. На окраине с. Воротынск Перемышльского района Калужской области есть хорошо известное городище. Начиная с Н. М. Карамзина историки и краеведы отождествляли его с остатками летописного города 1155 г. Историческая преемственность казалась очевидной, специальных доказательств не требующей.

Проблема возникла, когда за дело взялись археологи. Впервые тень сомнения зародилась у П. А. Раппопорта, который в 1955 г. исследовал западный оборонительный вал Воротынского городища и заложил на его площадке два шурфа. Не обнаружив материалов древнерусского времени, он предположил, что в XII в. Воротынск находился в другом месте. В качестве вероятного местонахождения города П. А. Раппопорт указал расположенное неподалеку городище Спас-Городок, вал которого он также прорезал и в котором материалы XII—XIII вв. представлены весомо. Перенос, по мнению исследователя, мог быть связан с возросшим военным значением города как пограничного пункта между Русью и Литвой[2].

Дальше к сомневающемуся П. А. Раппопорту присоединилась Т. Н. Никольская, исследовавшая в 1975 г. 168 кв. м на площадке городища. Верхний слой памятника датирован ею концом XIV — началом XVI в. Но в оценке возможности переноса города Т. Н. Никольская более осторожна: упомянув о точке зрения П. А. Раппопорта, сама она не решилась отказаться от общепринятой локализации. Сославшись на небольшой объем работ, она предположила, что на площади ее раскопа культурный слой домонгольского времени мог быть уничтожен, и высказала надежду, что в ходе дальнейших исследований он может обнаружиться на какой-нибудь другой части поселения[3]. На этом замечании стоит остановиться подробнее.

Площадь и конфигурация Воротынского городища едва ли позволяют предполагать, что планиграфически его слой может содержать разновременный материал. Автором ста-

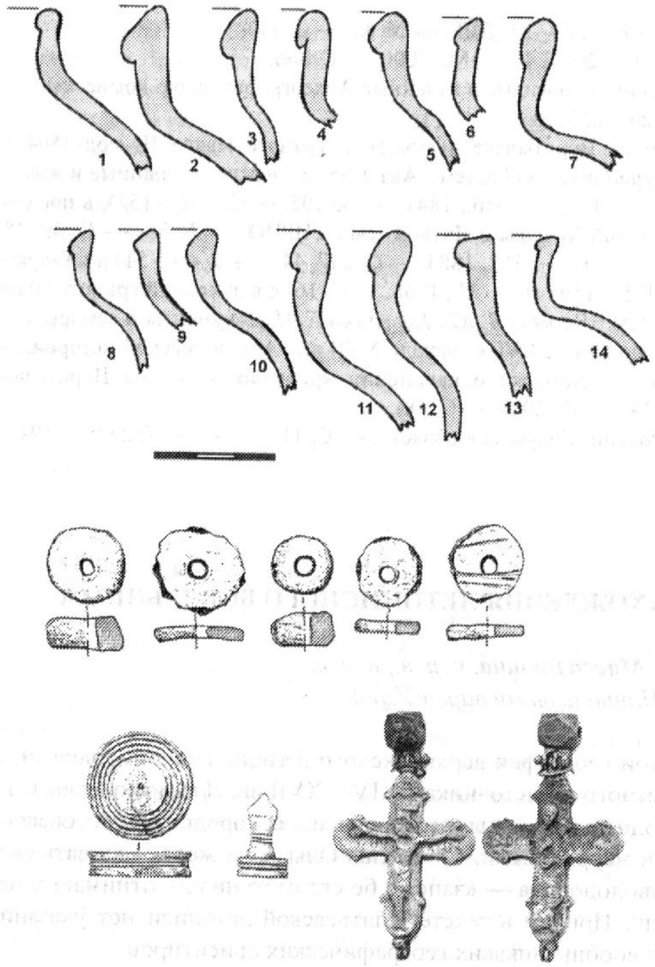


Рис. 1. Находки из верхней части культурного слоя городища Воротынск.

тьи археологические раскопки на памятнике проводились неоднократно, начиная с 1995 г. В итоге вскрыто еще около 400 кв. м. По совокупности найденного материала верхний слой в широких пределах датируется XIV—XVII вв., но по многотысячной коллекции керамики основная его часть относится ко второй половине XV — XVI в.[4]. Кроме того, здесь важно, какие именно участки поселения были обследованы.

Городище разрушено действовавшим в 1960-е гг. карьером; особенно сильно пострадали северный и южный края площадки и лицевой склон западного вала. В связи с этим работы автора статьи имели охранный характер: раскопы закладывались вдоль осыпающихся склонов мыса. Площадка поселения узкая и вытянутая, западная его половина вдоль краев исследована почти вся. Материалы эпохи Древней Руси на вскрытой площади отсутствовали. В шурфе П. А. Раппопорта, заложенном в восточной части памятника, они также не были выявлены. Таким образом, рассчитывать на то, что участок с таковыми на городище может обнаружиться, едва ли стоит.

Вплоть до последнего времени важным моментом в размышлениях на тему о местоположении древнерусского Воротынска, в том числе для автора данной статьи[5], служило сообщение летописных рассказов о разорении ханом Большой Орды Ахматом в 1480 г. «старого» и «нового» Воротынска[6]. Оно как будто бы подтверждало предположение об имевшем место переносе города и указывало на существование в конце XV в. двух Воротынсков. Но, как убедительно показал Р. А. Беспалов, анализируя тексты исторических документов, в XV—XVII вв. терминология «город старой» — «город новой» была широко распространена и имела отношение не к географии, а к фортификации[7]. Из приведенных им отрывков хорошо видно, что под «старым» и «новым» городом имеются в виду рубленые деревянные крепостные стены. Тем не менее в связи с новым прочтением указанных терминов большой интерес представляют итоги раскопок на участках, расположенных в непосредственной близости от западного оборонительного вала городища Воротынск.

Площадка городища, особенно западная ее часть, имеет очень неровную поверхность; она сплошь покрыта рытвинами и ямами разной конфигурации, преимущественно обширными и глубокими. Здесь имеются лишь отдельные плоские «останцы».

В раскопе 1996 г., вытянутом вдоль южного края площадки, близ южной оконечности западного вала был выявлен обширный ров. При ширине поперечника 20 м он занимал почти всю площадь раскопа. Глубина не определена в связи с внезапным прекращением

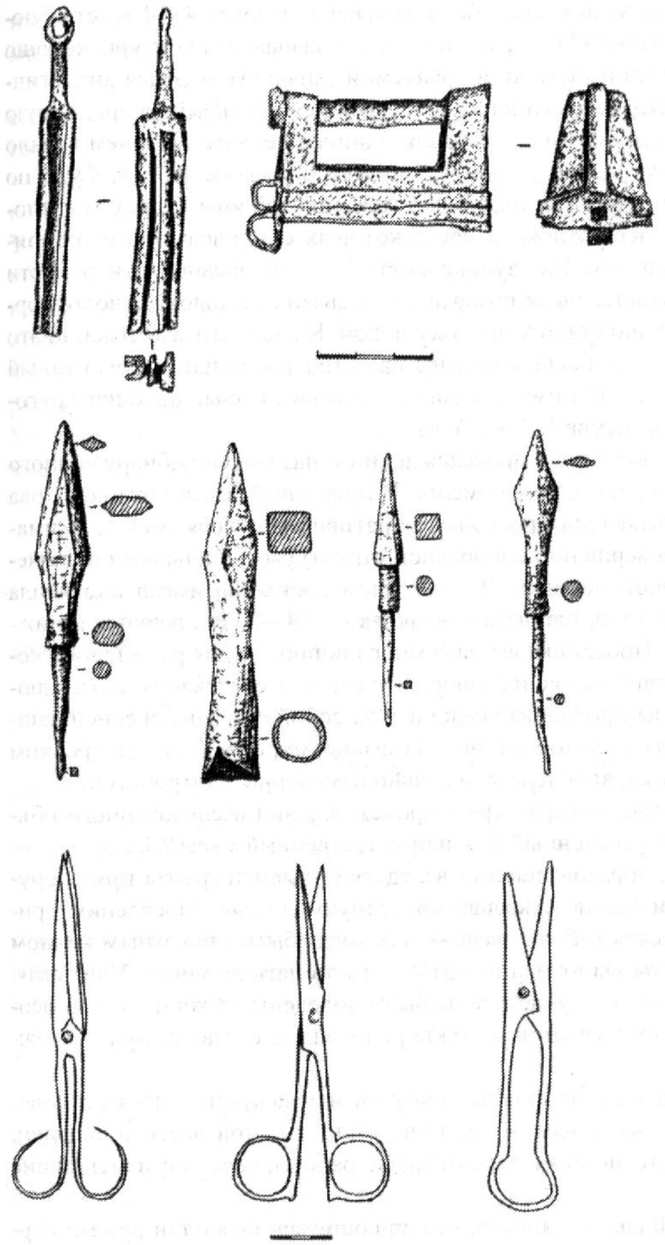


Рис. 1. Железные изделия из верхней части культурного слоя городища Воротынск.

работ, но не менее 3 м от современной дневной поверхности. Восточный борт рва округлой формы с ровной поверхностью; западный борт проследить не удалось, так как стенка раскопа в этом месте почти точно совпала с краем обширной ямы (еще одного рва?), впущенной в котлован рва. Она имела диаметр около 6 м, глубина от уровня фиксации составила 2,3 м, от дневной поверхности — 3,5 м. Стоит подчеркнуть, что ров был тщательно засыпан, дневная поверхность на месте закладки раскопа оказалась — редкое исключение для Воротынского городища — почти идеально ровной. Основной объем котлована рва, судя по характеру вмещающего грунта, был засыпан за очень короткое время, «в один присест». Засыпка была почти стерильной, с единичными находками круговой керамики, имела тонкослоистый характер, сочетая в себе прослойки очень плотной серо-зелено-коричневой глины. Нет сомнений, что этот гигантский объем засыпного грунта был откуда-то специально принесен: на мысу, сложенном чистым желтым суглинком (это хорошо видно в стенках бывшего карьера), такого нет. В качестве своеобразной «финальной шпатлевки» для планировки поверхности засыпанного рва был использован культурный слой с площадки поселения. В частности, нижний слой памятника с материалами мощинской культуры средневековые строители смогли переместить таким образом, что он производил впечатление залегающего *in situ*. Над этим перемещенным мощинским горизонтом, после работ по планировке, успел образоваться ненарушенный слой с материалами XV—XVI вв. Подобный характер слоя, с мощинской «начинкой» между двумя позднесредневековыми «коржами», до того момента, пока не прояснилась ситуация, вызвал полное недоумение.

Впущенная в котлован рва обширная яма, разрушившая его западный борт, была заполнена рыхлым грунтом с множеством фрагментов керамики XIV—XVI вв.

На противоположном (от вскрытого рва) краю площадки городища, близ северной оконечности западного вала, имеется обширная глубокая западина. Естественным образом напрашивался вопрос — не является ли она продолжением и частью выявленного

рва. Для проверки этого предположения здесь была заложена траншея 4×14 м, стыкующаяся с раскопом Т. Н. Никольской 1975 г. (раскоп не был засыпан, его контуры хорошо читаются). Характер верхних слоев и засыпки исследуемой западины оказался аналогичным обнаруженным во рву на южной части площадки. Траншея пришлась на срединную часть котлована рва; ни один из его бортов на площадь траншеи не попал. Причем начало ската восточного борта явно находилось у западной стенки в раскопе 1975 г. Судя по всему, Т. Н. Никольской он был принят за край некой материковой ямы. Этому мог способствовать характер верхних слоев котлована, среди которых есть идентичные материковому или предматериковому грунту. На глубине около 3,5 м от дневной поверхности края раскопа 1975 г. работы в траншее были прекращены в связи с выходом на водоупорный горизонт. На этом уровне ее дно стало заливаться водой. К слову сказать, именно это позволило сохраниться дереву: здесь были выявлены два ствола и мощный деревянный брус, залегающие поперек траншеи. С ними связаны немногочисленные находки круговой керамики, в том числе венчик сосуда XIV—XV вв.

Прежде чем высказать предположение о происхождении и назначении обнаруженного рва, необходимо остановиться еще на одном моменте. В придонной части котлована рва (южный край городища) была выявлена прослойка, обратившая на себя особое внимание, — серого цвета супесь (?) совершенно однородной структуры с обильными включениями мелких угольков без единой находки. В подсохшем состоянии имела вид пепла с золой. На всем протяжении его толщина была одинакова — 18—20 см; верхняя и нижняя границы — ровные и резкие. Прослойка вызвала много вопросов, для разрешения которых были выполнены палеоботанические и палинологические исследования. По заключению палинологов, обнаруженная прослойка представляла собой горизонт древней пашни. Специфика же ее простирания, в соответствии с их выводами, определялась древним естественным микрорельефом мыса, впоследствии сильно измененным антропогенно[8].

В связи с вышесказанным вопрос о характере и происхождении исследованного объекта усложняется: что это — искусственный ров или естественный овраг? Если ров — каково его назначение? Для рва, образовавшегося вследствие выемки грунта при сооружении вала, он слишком широк и сильно сокращал «полезную площадь» поселения, причем в самой широкой части площадки. Если овраг — как тогда быть с пахотным клином на его дне? Характер и результаты выполненных работ ответа дать не могут. Учитывая, что раскопки котлована ни на одном из участков не были доведены до конца и, что особенно важно, не удалось исследовать участок контакта ров—вал, все выводы будут преждевременными.

Тем не менее, имеем ли мы дело с природным оврагом или искусственным котлованом, впоследствии тщательно засыпанным, — понятно одно: на этой части площадки, вблизи вала, проводились какие-то мощные строительные работы, серьезно изменившие естественный рельеф мыса.

П. А. Раппопорт, прорезавший вал, установил, что он сооружен не в один прием: первоначально невысокая насыпь впоследствии надстраивалась. Возведен вал, по его данным, на культурном слое. Найденную в нем керамику в тексте отчета, написанного сразу по окончании работ, П. А. Раппопорт датировал XV—XVI вв.[9] Но в вышедших затем публикациях без всяких объяснений эту же керамику отнес к периоду XIII—XIV вв.[10]. Подобная датировка сильно противоречила данным, полученным в ходе всех последующих лет работ. Почти не было сомнений в том, что речь идет об интерпретации материала. К сожалению, сама керамика из его раскопок не сохранилась. Для разрешения сомнений автором статьи была заложена еще одна траншея на валу, вплотную примыкающая к стенке траншеи П. А. Раппопорта (от нее до сих пор сохраняется выемка в насыпи). Тонкий горизонт культурного слоя под насыпью содержал в основном лепную керамику и единичные мелкие фрагменты стенок круговой посуды, по характеристикам глиняной массы явно старше XIII в. Многочисленные фрагменты из насыпи вала, обнаруженные в траншее, в целом оказались синхронны керамике с площадки поселения и датированы XV—XVI вв.[11]

Таким образом, какие-то очень серьезные строительные работы, связанные в том числе с переделкой вала, происходили в XV—XVI вв. Сообщение источников о «старом» и «новом» Воротынске относится к этому же времени. Вполне возможно, что между этими фактами есть какая-то связь.

Что касается древнерусского Воротынска, в связи со всем вышесказанным проблема его местонахождения сохраняется в прежней своей постановке: а) где ставить точку на географической карте; б) имел ли место перенос города.

В литературе по этому поводу высказывались две точки зрения. По одной из них, его возможными остатками, как уже говорилось, признается городище Спас-Городок в устье Угры, по другой — комплекс археологических памятников у с. Воротынцево Орловской области[12]. Оба предположения умозрительны, высказаны археологами и основаны на довольно произвольных допущениях типа: поселения расположены неподалеку друг от друга; на Воротынском городище древнерусского слоя нет, в Спас-Городке есть; поблизости от Воротынска другого памятника с древнерусским слоем нет; на удельный период русской истории оба поселения находились во владениях князей Воротынских и т. д. Убедительных аргументов «против» такого предположения нет, так же как нет и аргументов «за», основанных на данных исторических источников.

Примечания

[1] См.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — Т. II. — СПб., 1908. — Стб. 479.

[2] См.: *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. // МИА. — № 105. — 1961. — С. 124—125

[3] См.: *Никольская Т. Н.* Воротынск // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 118—128.

[4] См.: *Болдин И. В.* Круговая керамика городища Воротынск // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. — Рязань, 2004. — С. 239—246.

[5] См.: *Массалитина Г. А.* Два Воротынска (к проблеме локализации летописного Воротынска) // Археология Юго-Востока Руси. — Елец, 2006. — С. 156—159.

[6] См.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — Т. XXVI. — М., 1959. — С. 273.

[7] См.: *Беспалов Р. А.* Воротынское княжество в XV в. и локализация Воротынска «старого» и «нового» в 1499 г. // Наст. изд. — С. 70—77.

[8] См.: *Массалитина Г. А., Болдин И. В., Модин И. Н., Спиридонова Е. А.* Археологическое исследование микроструктуры региона: Поселенческий комплекс в окрестностях села Воротынск Перемышльского района Калужской области // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Вып. 1. — Калуга, 2000. — С. 9—27.

[9] См.: *Раппопорт П. А.* Отчет о работе Подмосковного отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. 1955. С. 9

[10] См.: *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. — С. 124—125; *Он же.* Укрепления раннемосковских городищ // КСИА. — № 77. — 1958. — С. 16.

[11] См.: *Массалитина Г. А., Болдин И. В.* Археологические работы на валу городища Воротынск в 2004 г. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII—XIV вв. — Тула, 2005. — С. 97—102.

[12] См.: *Фролов И. К.* Изучение археологической структуры микрорегиона // Археологические памятники Европейской части РСФСР. — М., 1985. — С. 29—34.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦЕ «PO UHRU» В XV в.

***Р. А. Беспалов**, Избирательная комиссия Тульской области, г. Белёв*

Вопрос о московско-литовской границе в районе реки Угры в XV в. неоднократно затрагивался в исторической литературе. В последние годы эта тема стала предметом исследования В. Н. Темушева[1]. Первоначально, следуя историографии, он считал, что граница по реке Угре сложилась в начале XV в.[2] В частности, хроника Быховца относит ее закрепление ко времени окончания московско-литовской войны 1406—1408 гг.[3] Но затем на основании анализа посольских книг московско-литовских дипломатических сношений ученый пришел к очень важному выводу о том, что до войны 1486—1493 гг. правобережным литовским городам Залидову, Бышковичам и Опакову принадлежали волости

Рис. 1. Верхнее Поочье в конце XV в.

на левобережье р. Угры — Городенка, Гостижа, Вежки, Нерожа и другие. То есть владения Великого княжества Литовского явно переходили на левую сторону Угры[4]. В своем новом исследовании, опубликованном в двух статьях 2009—2010 гг., В. Н. Темушев отметил, что в начале XV в. московско-литовская граница «по Угру» «все-таки могла быть обозначена, хоть и условно». По его мнению, именно в начале XV в. на правобережье в городках от Дмитров(ц)а до устья Угры была создана система литовских укреплений, а левобережье представляло собой буферную полосу незанятых земель. Реальная же московско-литовская граница по Угре не имела большой протяженности и составляла небольшой отрезок в устье реки. Далее литовская сторона освоила не занятое ранее левобережье Угры. И лишь после 1494 г. на короткий период времени часть Угры от устья до Дмитровской земли действительно стала обозначать московско-литовскую границу[5].

В работах предшественников для датировки возникновения границы «по Угру» зачастую использовалась простая совокупность сведений источников. При этом отсутствовал источниковедческий анализ. Десятилетиями складывался прочный стереотип, отказаться от которого совсем непросто. В. Н. Темушев обнаружил принципиально новые обстоятельства, которые заставляют посмотреть на проблему границы в районе реки Угры с иной точки зрения. Но теперь в источниках выявились существенные расхождения. Дело в том, что хроника Быховца (памятник XVI в.) говорит о реальной московско-литовской границе «ро Uhru» уже в начале XV в. Для выяснения причины этого противо-

речия рассмотрим известные сведения письменных памятников в хронологическом порядке их появления на свет и по возможности попытаемся установить обстоятельства их возникновения.

В памятниках, возникших до конца XV в. река Угра ни разу(!) не упомянута в качестве границы. Например, польский хронист Я. Длугош (ум. 1480) при описании московско-литовской войны под 1406 и 1408 гг. о такой границе не сообщал[6]. Накануне войны 1486—1493 гг. территория по обе стороны Угры, за исключением небольшого участка левобережья в ее устье, принадлежала Великому княжеству Литовскому. Впервые московский проект границы «по Угру» явно сложился в начале 1493 г. В это время московские войска заняли обширную литовскую территорию в Поугорье[7]. Значительная ее часть была передана князю Семену Воротынскому, перешедшему на московскую службу. В том числе он получил от Ивана III: Залидов, Бышковичи и Опаков с их волостями, но только «по Угру»[8]. Левобережная часть их волостей отошла к Медыни. Вскоре по московско-литовскому договору о мире от 7 февраля 1494 г. Залидов, Бышковичи и Опаков были возвращены Великому княжеству Литовскому, но тоже не полностью, а лишь «по Угру»[9]. Так была установлена новая московско-литовская граница, а выражение «по Угру» стало юридически зафиксированным определением. В актах Великого княжества Литовского стали встречаться упоминания о территории, которая отошла к Москве «за Вгру»[10]. Затем война 1500—1503 гг. отодвинула литовское присутствие от Угры далеко на юго-запад. Поугорский участок московско-литовской границы 1494 г. стал границей внутренних московских уделов[11]. Однако литовская сторона считала создавшееся положение несправедливым и надеялась, что в будущем занятая Москвой территория вновь вернется к Литве, а юридически согласованная граница «по Угру» будет восстановлена. 2 апреля 1503 г. между Москвой и Литвой было установлено перемирие сроком на шесть лет. Предполагалось, что до заключения договора о мире Поугорье временно сохранится за Москвой[12]. Все перечисленные факты зафиксированы в актовых материалах, освещающих события как с московской, так и с литовской стороны. Поэтому их достоверность не вызывает сомнений и имеет приоритет перед сведениями летописей и хроник.

Не ранее 1508 г. в Великом княжестве Литовском появилась хроника (отражена в хронике Быховца)[13], которая провозгласила идею о возникновении границы «ро Uhru» еще в глубокой древности — в начале XV в.[14] В ней были искажены причины начала войны 1406—1408 гг.[15] и особо изложены обстоятельства заключения мира. Свидетелем установления московско-литовской границы «ро Uhru» в 1408 г. назван некто пан Андрей Немир — основатель рода Немировичей. По легенде его прозвище якобы произошло от слов «не мир» и характеризует его как противника политических уступок Москве без борьбы. По этому поводу он полемизировал даже с великим князем литовским: «ne jest prawy mir, hde kroworolitia meży hospodary ne było». В этих словах явно оспаривается «правота» (законность) московско-литовского договора о мире. Через рукопись они стали достоянием общественности, вероятно, разделявшей это мнение. Однако описанная ситуация плохо согласуется с положением дел в начале XV в., поскольку договор о мире 1408 г. был очень прочным. При жизни Витовта и Василия I он не нарушался.

Иная ситуация сложилась накануне создания хроники Быховца. В XV в. русские земли Великого княжества Литовского закреплялись под властью великих литовских князей ярлыками ханов Золотой Орды, а после ее распада — ярлыками крымских ханов[16]. Когда же в результате войны 1500—1503 гг. значительная часть литовской территории была захвачена Москвой, то Менгли-Гирей передал Ивану III ярлык на эти земли[17]. Однако вскоре московско-крымские отношения расстроились, вследствие чего ярлыком от 2 июля 1507 г. Менгли-Гирей возвратил Великому княжеству Литовскому право на владение прежними землями[18]. Формально это давало литовской стороне основания для того, чтобы вернуться к договору 1494 г., в котором, между прочим, имелось соглашение о границе «по Угру». При заключении договора о мире с Москвой от 8 октября 1508 г. Сигизмунду I пришлось отказаться от этих притязаний. Так бассейн реки Угры был сохранен в составе Великого княжества Московского[19]. Но при этом ярлык Менгли-Гирея 1507 г., видимо, не утратил своей юридической силы, что создавало предпосылки для оспаривания условий московско-литовского договора 1508 г.

Граница «по Угру» просуществовала совсем недолго: юридически — с 1494 до 1503 или до 1508 г., а фактически — лишь до 1500 г. Однако ее нарушение в виде мощной экспансии Московского государства на юго-запад, а также ее неокончательный правовой статус в период с 1503 по 1508 г. вызвали большой резонанс в западном обществе. Например, в 1517 и 1526 гг. Москву посетил С. Герберштейн, выполнявший роль посредника на новых переговорах о мире между московской и литовской сторонами. Он все еще вспоминал, что река Угра «некогда отделяла Литву от Московии»[20].

Часть населения Великого княжества Литовского была не согласна с политическими уступками Сигизмунда I Москве и, видимо, настаивала на продолжении вооруженной борьбы за свои прежние земли. Так, в 1512 г. черкасский «державец» Андрей Немиров(ич) посылал царевичу Ахмат-Гирею «поминки» в качестве награды за нападение крымских татар на московские «украины» — Белёв, Одоев, Воротынск и Алексин. Во время набега московские воеводы были вынуждены организовать оборону на левобережье реки Угры[21].

Каждый исторический памятник отражает признаки того времени, когда он был создан. В данном случае реальный персонаж начала XVI в. Андрей Немиров(ич) оказывается не только потомком пана Немира, действительно жившего в конце XIV — начале XV в.[22], но и литературным прообразом пана Андрея Немира, упомянутого в хронике Быховца при описании событий 1408 г. Анахронизм хроники выявляется и в образе его действий, и в юридическом определении конца XV в. «po Uhru», которое было спроецировано на эпоху Витовта и Василия I.

Предложенный порядок исследования письменных памятников выявил, что идея о столетнем существовании границы «по Угру» достоверно оформилась лишь в начале XVI в. на территории Великого княжества Литовского и распространялась в том числе через повествовательные сочинения — хроники. Протограф хроники Быховца первоначально был написан на русском языке кириллицей, но затем переложен на польскую транскрипцию. Во второй половине XVI в. некая «литовская хроника», схожая с хроникой Быховца, использовалась польским историком М. Стрыйковским. Потом в XVIII в. те же сведения о московско-литовской войне 1406—1408 гг. из сочинения М. Стрыйковского попали в хронику Литовскую и Жмоитскую. В этих памятниках идея о древности московско-литовской границы «по Угру» была отражена в полной мере[23]. В историографии многие исследователи проводили по Угре московско-литовскую границу по состоянию на начало XV в. Это было возможно до тех пор, пока в письменных памятниках не обнаружилось противоречие. Его разрешение достигается путем изучения истории возникновения и бытования текста в совокупности с изучением политической истории Верхнего Поочья. Стоит надеяться, что в будущем заблуждение о границе «по Угру» в начале XV в., в которое нас вводит хроника Быховца, будет развеяно.

Примечания

[1] Несколько статей В. Н. Темушева по этой теме были опубликованы в 2004—2010 гг. См.: *Темушев В. Н.* Река Угра — вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. — Ставрополь, 20 мая 2004 г. — Ставрополь, 2004. — С. 305—317; *Темушев В. Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России. — Тула, 2006. — С. 96—97; *Темушев В. Н.* Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. — Вып. 2. — Минск, 2009. — С. 44—120; Темушев В. Н. Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: Навук. зб. — Вып. 5 / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [и инш.]. — Минск: БДУ, 2010. — С. 208—224; По заверению автора, последняя статья была сдана в печать под заголовком: «Угра — река пограничная? Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в.», но в публикации заголовок был искажен. Также см. публикации его карт Верхнего Поочья, в том числе к исследованиям других авторов: *Цемушаў В. М.* Вярхоўскія княствы // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. — Т. 1: Абаленскі—Кадэнцыя. — Минск, 2005. — С. 477; *Темушев В. Н.* Верховские княжества в конце XIII — первой трети XVI в. Карта / К статье: *Кузьмин А. В.* Верховские княжества // Большая российская энциклопедия. — Т. 5: Великий князь — Восходящий узел орбиты. — М., 2006. — С. 198;

Темушев В. Н. Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. — Вып. 2. — Т. 2. — Тула, 2007. — С. 262; *Темушев В. Н.* Верховские княжества во второй половине XV — первой трети XVI в. Карта / К книге: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — М., 2010. — После с. 48. На карте в настоящей статье система рек выполнена В. Н. Темушевым, остальное наполнение — автором статьи Р. А. Беспаловым.

[2] См.: *Темушев В. Н.* Река Угра — вековой страж московско-литовской границы. — С. 308—309.

[3] См.: ПСРЛ. — Т. 32. — М., 1975. — С. 149—150.

[4] См.: *Темушев В. Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. — С. 96—97; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. — Т. I. (С 1487 по 1533 год) // СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 118, 122.

[5] См.: *Темушев В. Н.* Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. — С. 83—85; *Темушев В. Н.* Проблема реконструкции московско-литовской границы в XV в. — С. 218—219.

[6] См.: Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. — T. III. — Kraków, 1868. — S. 532, 536—537. Затем другие хронисты XVI в., Б. Ваповский, М. Бельский и М. Кромер, в этой части лишь пересказывали историю Я. Длугоша и тоже не писали о границе «по Угру» (см.: Dzieje korony Polskéj i wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego / Perzeklad Mikolaja Malinowskiego. — T. 1. — Wilno, 1847. — S. 173—176; Kronika Marcina Bielskiego. — T. 1. — Sanok, 1856. — S. 507; Kronika Marcina Kromera. Zeszyt pierwszy i drugi. — Sanok, 1857. — S. 766—767). В русских летописях самое раннее свидетельство о московско-литовском противостоянии на Угре 1408 г. сохранилось в Летописном своде 1479 г. в составе Московского свода конца XV в. В нем тоже ничего не говорится о границе «по Угру» (см.: ПСРЛ. — Т. 25. — М.; Л., 1949. — С. 237—238).

[7] См.: ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — М., 2001. — Стб. 334—336; Разрядная книга 1475—1598 гг. / Под. ред. В. И. Буганова. — М., 1966. — С. 22—23; СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 104.

[8] См.: СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 136; В посольских книгах московско-литовских дипломатических сношений не указано имя «великого князя», который пожаловал князю Семену Воротынскому перечисленные волости. Решающим аргументом для решения этого вопроса является то, что документ был составлен московским делопроизводителем. В тех случаях, когда он не называл имя великого князя, то имел в виду своего правителя — Ивана III. Когда же имелся в виду великий князь литовский Александр, его имя всегда оговаривалось.

[9] См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). — № 83. — С. 330; СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 125—126, 130; ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 340; Т. 20. — М., 2005. — С. 360; Т. 12. — М., 2000. — С. 238; Т. 8. — М., 2001. — С. 227.

[10] См.: Литовская метрика. — Отд. 1. — Ч. 1: Книги записей. — Т. 1 // Русская историческая библиотека. — Т. 27. — СПб., 1910. — Стб. 565—566, 649—650; Lietuvos metrika. — Kniga Nr. 6 (1494-1506): Užrašymų knyga 6 / Parengė Algirdas Baliulis. — Vilnius, 2007. — № 229. — P. 160—161.

[11] См.: ДДГ. — № 89. — С. 355, 360.

[12] См.: СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 398—403, 405—406.

[13] В рукописи хроники Быховца был утрачен конец. Она обрывалась на событиях 1506 г., но из описания событий 1499 г. следует, что в оригинале еще освещалось восстание Михаила Глинского 1508 г. По подсчетам Н. Н. Улащика, в конце было утрачено около четырех листов (см.: ПСРЛ. — Т. 32. — С. 8—9; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. — М., 1985. — С. 69—70).

[14] См.: ПСРЛ. — Т. 32. — С. 149—150.

[15] В хронике Быховца причины начала крупной войны объясняются мелочным грабежом: москвитины под Путивлем ограбили литовских людей, взяли с них двух бобров, кадь меду, две секиры и три кафтана. Витовт требовал от своего зятя Василия I удовлетворения, а не получив его — объявил войну (см.: ПСРЛ. — Т. 32. — С. 149—150). Более надежные источники объясняют начало войны политической борьбой князя Юрия Смоленского в Новгороде и Пскове, направленной против Витовта. В итоге в противоборство были втянуты Литва, Москва, а также привлечены немцы, поляки, жмудь (с литовской стороны), татары и тверичи (с московской стороны). (См.: *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. — T. 1. — Wilno, 1860. — № 824. — S. 348—349; № 850. — S. 354; ПСРЛ. — Т. 25. — С. 233—234; Т. 15. — М., 2000. — Стб. 471—472.)

[16] См.: *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. — СПб., 1835. — С. 93—94. — Прил. — С. 10—13; *Gołębiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. — T. 3: Dzieje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. — Warszawa, 1848. — S. 230—233.

[17] См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. — Т. II: 1508—1521 гг. // СИРИО. — Т. 95. — СПб., 1895. — С. 154.

[18] См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. 2. — СПб., 1848. — № 6. — С. 4—5.

[19] См.: Lietuvos metrika. — Knyga Nr. 8 (1499-1514): Užrašymų knyga 8 / Parengė Algirdas Baliulis, Romualdas Firkovičius, Darius Antanavičius. — Vilnius, 1995. — P. 125—128.

[20] См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; Науч. комм.: А. В. Назаренко, А. Л. Хорошкевич, С. В. Думин, М. А. Усманов. — М., 1988. С. 142.

[21] См.: СИРИО. — Т. 35. — 1892. — С. 522—523; ПСРЛ. — Т. 6. — Вып. 2. — Стб. 394; Разрядная книга 1475—1598 гг. — С. 45—47.

[22] Согласно хронике Быховца, «Андрей Немир» получил свое прозвище именно на Угре, что не соответствует действительности. В белорусско-литовских летописях, восходящих к протографу середины XV в., пан Немир упомянут уже под 1393 г.; а далее — в хронике Яна Длугоша под 1413 г. Причем в этих источниках он не назван Андреем (см.: ПСРЛ. — Т. 35. — М., 1980. — С. 67, 75, 139, 160, 187, 208, 229; *Барбашев А.* [*И.*] Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). — СПб., 1885. — С. 146—148; Jana Długosza kanonika krakowskiego Diejów polskich / Perzeklad Karoła Mecherzyńskiego. — T. IV. — Kraków, 1869. — S. 145).

[23] См.: Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. — T. 2. — Warszawa, 1846. — S. 122—124; ПСРЛ. — Т. 32. — С. 4—5, 77—78.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНОВ ВЕРХНЕЙ ДЕСНЫ И СОЖА ПО ДАННЫМ КРАНИОЛОГИИ*

***Д. В. Пежемский**, к. б. н., с. н. с., **М. А. Шмытов**, инженер,*
НИИ и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

В предыдущей статье авторы попытались описать имеющийся палеоантропологический материал с территории Калужской области и провели его предварительный сравнительный анализ (см.: Пежемский, Шмытов, 2009). В основу анализа была положена *не «племенная» атрибуция* древнерусских курганных могильников, основанная на археологических и летописных данных, а исключительно *принадлежность памятника к той или иной речной системе* и локализация его в конкретном микрорегионе. В первую очередь наше внимание привлекли краниологические выборки, происходящие из курганных могильников, расположенных относительно близко, но относящиеся к разным речным системам — Окскому и Деснинскому бассейнам. Несмотря на то, что курганные могильники верхних течений данных рек дали пока очень немногочисленные краниологические материалы, нам удалось показать существенные отличия в строении черепа древнерусского населения, проживавшего в бассейне Десны (летописные кривичи) и в бассейне Верхней Оки (летописные вятичи), то есть найти «антропологическую границу» между ними *без привлечения данных археологии*. Чрезвычайно важно, что наши выводы не противоречат современным представлениям об «археологической границе» между кривичами и вятичами на данной территории (см.: Гурьянов, 2001).

В настоящей работе мы планируем, используя бóльший по количеству и географическому охвату материал, рассмотреть краниологические особенности «курганного» населения другой части восточнославянского ареала, сопредельной той, что была рассмотрена ранее. Наше внимание будет сконцентрировано на территории двух значимых водных артерий Днепровского Левобережья — Десны (точнее ее верховьев) и Сожа (по течению рек Остер и Ипуть).

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Калужской области (проект № 11-06-97506-р-центр-а).

Подходы и методы. Изучение восточных славян в краниологическом отношении проводится с середины XIX в. и тесно связано с именами А. П. Богданова, В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и Т. И. Алексеевой, которыми опубликован ряд фундаментальных работ об их антропологическом разнообразии и генезисе. Несмотря на хорошую исследованность известного на данный момент ископаемого скелетного материала, далеко не все аспекты палеоантропологии восточных славян изучены достаточно полно. Так, например, средневековое население Среднерусской возвышенности, зоны во многом пограничной, изучено в меньшей степени, чем, например, население Приднепровской низменности или Смоленско-Московской возвышенности. Простор для дальнейших исследований этой проблематики обусловлен также появлением новых ископаемых выборок, совершенствованием методической базы и изменением научных парадигм — как в палеоантропологии, так и в славяно-русской археологии.

Несколько слов о смене парадигм в палеоантропологии. В предыдущих работах нам уже приходилось обращать внимание на принципы генерализации палеоантропологического материала, которые практиковались предшественниками (см.: Степанова, Пежемский, Жукова, 2009; Пежемский, Шмытов, 2009). Уже к 1930-м гг. сложилась устойчивая традиция рассматривать краниологические серии восточных славян, скомпонованные по современному административно-территориальному делению или по археологическим культурам и летописным «племенам». Данные принципы генерализации мы называем административно-территориальным и историко-археологическим. Безусловно, определенная генерализация всегда будет необходима в силу плохой сохранности и недостаточной изученности отдельных могильников, однако существует и другой путь обобщения данных о древнем населении. В отечественной палеоантропологии давно и успешно применяется иной, с нашей точки зрения более адекватный, принцип генерализации — естественно-географический, применявшийся, к сожалению, к совершенно другим материалам (см.: Козинцев, 1977; Рыкушина, 1980). Важно отметить, что естественно-географический принцип генерализации материала и картографический метод палеоантропологического исследования, близкие по смыслу, являются все же разными методическими операциями. Суть естественно-географического принципа генерализации ископаемого материала состоит в том, что, оставаясь в рамках определенных историко-культурных (зачастую — исключительно археологических) реалий, палеоантрополог формирует выборки, руководствуясь в первую очередь естественно-географическими данными (гидрографическими, орографическими, почвоведческими, климатологическими и др.).

Такой принцип работы позволяет систематически и обоснованно применять в палеоантропологии популяционный подход. Крайне важным здесь является опора на понятие *палеопопуляция*, разработанное В. П. Алексеевым и М. Б. Медниковой (см.: Алексеев, 1989; Медникова, 1995. С. 9—14). Во многом соглашаясь с ними, мы, однако, понимаем под палеопопуляцией не группу лиц, погребенных в одном могильнике, а структуру нескольких локальных выборок ископаемого населения, реконструированную по географическим критериям — местоположению каждой выборки в определенном поречье, по прямому расстоянию между ними, по длине речного пути (хорошо известно, что в древности именно водный путь был наиболее проходимым). Особенность данного подхода состоит в правильном определении границ конкретного микрорегиона (поречья) и отнесении к нему памятника, давшего палеоантропологический материал.

Вооружившись естественно-географическим принципом генерализации материала, мы предлагаем рассматривать краниологические данные на нескольких уровнях:

— локальной выборки = отдельного археологического памятника (если позволяет численность);

— системы ближайших памятников = «куста поселений»;

— отдельного микрорегиона (поречья).

И только в последнюю очередь материал предлагается рассматривать на самом высоком уровне генерализации, который в основном ранее и применялся к данным по восточным славянам:

— по «племенным» территориям;

— по историческим «землям».

Таблица 1. **Краниологические материалы НИИ и Музея антропологии МГУ, использованные в работе**

Названия памятников	Инв. №№ НИИ и МА МГУ	Автор раскопок, год	Данные АКР
Шуя, Доброселье, Трашковичи, Брянский у. Орловской губ. (ныне — Куйбышевский р-н Калужской обл.)	1687, 1689—1691, 1694—1696, 1698—1699	Н. И. Булычёв, 1899 Ю. Г. Гендуне, 1899	АКР. Калужская область. 2006. С. 157
Гневково, Шумячский р-н Смоленской обл.	11499—11465	В. В. Седов, 1960	АКР. Смоленская область. 1997. Ч. 2. С. 189
Коханы, Рославльский р-н Смоленской обл.	1483—1489, 1491—1493, 1496, 1501—1506; 1397—1399	Н.И. Булычёв, 1889; В.И. Сизов, 1890-1891	АКР. Смоленская область, 1997. Ч. 2. С. 119
Волочок, Дорогобужский р-н Смоленской обл.	1371—1377, 1379, 1381, 1383	А. А. Спицын, 1892	В АКР не найдены
Труханово, Дорогобужский р-н Смоленской обл.	1472—1475	В. М. Чебышев, 1879	В АКР не найдены
Староселье, Дорогобужский р-н Смоленской обл.	1478	Н. Е. Бранденбург, 1889	АКР. Смоленская область. 1997. Ч. 2. С. 40
Желанья? Угранский р-н Смоленской обл.	1479	Н. Г. Керцелли, 1875	В АКР не найдены
Зубово, Починковский р-н Смоленской обл.	1401, 1402	В. И. Сизов, 1890—1891	В АКР не найдены
Ведерники, Рославльский р-н Смоленской обл.	1403, 1404		АКР. Смоленская область. 1997. Ч. 2. С. 111
Литвиновка, Рославльский р-н Смоленской обл.	1406, 1407		В АКР не найдены
Доброносичи, Ершичский р-н Смоленской обл.	1384—1387, 1389		АКР. Смоленская область, 1997, ч. 2, с. 52
Блинные кучи, Ершичский р-н Смоленской обл.	1390—1392		АКР. Смоленская область. 1997. Ч. 2. С. 50
р. Ипуть, Новозыбковский у. Минской губ. (ныне – Суражский р-н Брянской обл.)	1954—1972	П. М. Еременко, 1899—1904	В АКР не найдены

В данной статье нами будут рассмотрены только два уровня — локальный и микрорегиональный, — что обусловлено составом и сохранностью имеющегося в нашем распоряжении материала.

В практической части исследования мы придерживались традиционных методов обработки краниологического материала (см.: Алексеев, Дебец, 1964). Все рассмотренные черепа, в основном добытые раскопками XIX в., заново измерены авторами. В работе применены также методы одномерной и многомерной статистики в пакетах программ Microsoft Exel 2007 и Statistica 8.0.

Материалами для данного исследования послужили черепа, найденные в курганах Калужской, Смоленской и Брянской областей и ныне хранящиеся в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ (см.: Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986). Калужская и Брянская области представлены небольшим количеством материала, основная его часть добыта в ходе раскопок курганных могильников XI—XIII вв. в смежных районах Смоленской области (см. табл. 1). К сожалению, далеко не все памятники, археологически изучавшиеся в XIX в., удалось локализовать на современной археологической карте, однако этот аспект работы постоянно находится в фокусе нашего внимания. Кроме того, в исследование были включены черепа из курганного могильника Слобода (Шумячский район Смоленской области), которые ранее не были изучены и пока специально не введены в научный оборот. Стоит также оговориться, что в силу крайней малочисленности женских черепов к морфологическому анализу они пока не привлекались.

Таблица 2. **Краниометрическая характеристика некоторых локальных выборок бассейнов верхней Десны и Сожа. Мужские черепа**

№ по Р. Мартину	Название признака	Волочок		Коханы			Гневково			р. Ипуть	
		n	X	n	X	S	n	X	S	n	X
1.	Продольный диаметр	5	187,2	9	181,6	3,7	8	183,7	7,1	6	183,1
8.	Поперечный диаметр	3	135,5	7	135,4	3,4	4	135,0	—	6	134,3
8/1.	Черепной указатель	3	73,4	7	74,1	1,8	4	74,2	—	6	73,5
17.	Высотный диаметр	3	134,0	8	130,9	5,9	7	136,7	5,9	6	139,8
17/1.	Высотно-прод. указ.	3	70,5	7	71,8	2,7	7	75,1	4,6	6	76,4
17/8.	Высотно-попер. указ.	—	—	5	96,6	—	4	103,2	—	6	104,2
5.	Длина основ. черепа	3	104,7	8	100,6	2,9	7	103,3	2,2	6	103,2
20.	Ушная высота	—	—	8	111,6	4,1	6	113,2	—	4	116,0
20/1.	Высотно-прод. указ.	—	—	7	61,4	1,3	6	62,6	—	4	63,1
20/8.	Высотно-попер. указ.	—	—	5	84,1	2,2	3	85,2	—	4	84,7
9.	Наим. ширина лба	3	99,2	9	94,0	8,3	4	93,5	—	6	95,8
10.	Наиб. ширина лба	2	122,5	5	120,6	—	4	117,0	—	6	117,2
11.	Ушная ширина	—	—	6	123,0	—	3	118,0	—	5	121,0
12.	Ширина затылка	4	112,3	9	110,6	4,7	7	109,8	5,5	5	107,1
40.	Длина основания лица	2	99,6	6	97,4	—	5	97,7	—	3	101,3
45.	Скуловой диаметр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48.	Верхняя высота лица	2	70,8	8	65,4	4,5	6	66,6	—	3	69,0
43.	Верхняя ширина лица	—	—	3	109,0	—	2	104,5	—	3	105,0
46.	Средняя ширина лица	—	—	3	91,7	—	4	91,0	—	2	97,6
55.	Высота носа	2	51,0	8	47,9	3,4	6	49,6	—	3	50,5
54.	Ширина носа	—	—	6	24,8	—	5	22,9	—	3	24,4
54/55.	Носовой указатель	—	—	6	52,6	—	5	45,9	—	3	48,6
51.	Ширина орбиты от mf	—	—	7	42,2	2,6	7	41,2	2,3	2	41,8
52.	Высота орбиты	—	—	7	32,0	2,7	6	31,0	—	3	30,8
52/51.	Орбитный указатель	—	—	7	76,1	7,6	6	75,5	—	2	75,7
MC.	Максиллофронт. шир.	3	22,2	9	20,8	2,6	7	21,1	2,9	3	22,3
MS.	Максиллофронт. выс.	3	9,1	9	8,4	1,6	7	7,8	2,4	3	7,5
SC.	Симотическая ширина	4	13,3	9	9,1	2,2	7	8,8	3,0	4	9,5
SS.	Симотическая высота	4	5,0	9	4,8	1,3	7	3,6	1,2	4	4,3
SS/SC.	Симотический указ.	4	39,3	9	53,2	10,9	7	42,5	13,2	4	45,5
77.	Назомалярный угол	—	—	3	141,0	—	3	137,5	—	3	140,3
∠Zm'	Зигомаксиллярн. угол	—	—	3	126,4	—	3	120,2	—	2	128,4

Если говорить об историко-археологическом фоне, то территория, с которой происходят краниологические материалы, привлеченные к данной работе, относится к крайнему юго-востоку «земли кривичей» и коренному ареалу радимичей, то есть к кривичско-радимичскому пограничью (см.: Третьяков; Рыбаков; Седов, 1982, 1999). В этом отношении будет чрезвычайно любопытно провести сравнительный краниологический анализ данных материалов без учета археологической атрибуции курганных могильников.

Локальный уровень палеоантропологического исследования позволяет на данном этапе внимательно рассмотреть морфологические особенности четырех краниологиче-

ских выборок — совсем малочисленную группу из Волочка (верховья Днепра), группу из Кохан (Верхнее Подесенье) и две выборки из бассейна Сожа — курганы по р. Ипуть и р. Остер (Гневково). Строго говоря, выборка черепов из курганов по р. Ипуть, которые раскапывались П. М. Еременко в 1899—1904 гг., не является локальной выборкой, а скорее должна рассматриваться как система выборок. Однако на данном этапе нам не удалось подразделить ее на отдельные выборки, поэтому пока она рассматривается как единое целое (см. табл. 2).

Коханы, курганный могильник, расположенный на правом берегу р. Шуица (правый приток р. Снопот). Черепа из Кохан долихокранны, продольный диаметр характеризуется средней величиной, поперечный — малой. Свод низкий, лоб среднеширокий. Лицо низкое, широкое в верхней части и узкое на уровне скул. Горизонтальная профилировка лица выражена хорошо, назомалярный угол характеризуется средней величиной, в нижней части профилировка сильнее — зигомаксиллярный угол относится к категории малых. Орбиты среднеширокие и низкие, как по абсолютным размерам, так и по указателю. Нос низкий и среднеширокий, по пропорциям — широкий. Переносье среднеширокое, значительно развито в высоту. Показатели дисперсии в данной выборке по большинству признаков выше нормы, исключение составляют продольный и поперечный диаметры.

Гневково, курганный могильник, расположенный на правом берегу р. Остер (левый приток Сожа). Черепа из Гневково также долихокранны, продольный диаметр характеризуется средней величиной, поперечный — малой. Свод черепа высокий. Лоб среднеширокий. Лицо низкое, широкое в верхней части и узкое на уровне скул. Горизонтальная профилировка лица очень хорошо выражена, назомалярный угол малый, зигомаксиллярный — очень малый, лицо выражено клиногнатно. Орбиты среднеширокие и очень низкие по абсолютному значению, по указателю — низкие. Нос низкий и узкий, по пропорциям лепторинный. Переносье развито средне, симотические высота и ширина, а также симотический указатель характеризуются средними значениями. В серии отмечены повышенные значения показателей дисперсии.

Курганы на р. Ипуть. Черепа из курганов на р. Ипуть (Суражский район Брянской области) долихокранны, продольный диаметр характеризуется средней величиной, поперечный — малой. Свод черепа высокий. Лоб среднеширокий. Лицо средней высоты и ширины на уровне скул, в верхней части широкое. Горизонтальная профилировка выражена хорошо, назомалярный угол средний, зигомаксиллярный — малый. Нос низкий и узкий, по указателю лепторинный. Орбиты среднеширокие и очень низкие, по указателю низкие. Переносье среднеширокое и высокое, средних пропорций.

Волочок, курганный могильник, расположенный в поречье р. Осьмы (в истоках Днепра). Черепа из Волочка долихокранны, характеризуются большим продольным диаметром, малым поперечным и средневысоким сводом. Лоб и затылок широкие. Лицо и нос средневысокие. Переносье развито очень значительно — симотические ширина и высота относятся к категории очень больших величин. К большому сожалению, рассматриваемая выборка малочисленна и в отношении сохранности оставляет желать лучшего, однако даже на основании этих скудных данных можно предположить, что здесь представлен крайне специфический краниологический комплекс, отличный от всех, описанных выше. Не исключено, что серией из Волочка представлен какой-то более древний, субстратный краниологический вариант.

Как видим, все выборки выраженно долихокранны, однако между ними имеются морфологические отличия. Так, мужчины из Волочка отличаются самой длинной мозговой коробкой, абсолютно широким лбом и, вероятно, самым высоким лицом с очень широким и очень высоким, крайне развитым переносьем. Мужчины из Кохан характеризуются сравнительно короткой и самой низкой мозговой капсулой, самым низким лицом, среднешироким носом и самым высоким переносьем. Выборка из Гневкова обладает самым узким носовым отверстием и не столь развитым переносьем; кроме того, это серия обладает самым клиногнатным лицом на уровне скул. В заданном масштабе население бассейна р. Ипуть отличается самой узкой и очень высокой мозговой капсулой, вероятно, самым широким лицом на уровне скул и низкими орбитами. Стоит отметить, что выборки из Посожья сходны между собой по важнейшим морфологическим признакам: обе они

Таблица 3. **Значения парного *t*-критерия Стьюдента для некоторых локальных выборок**

№ по Р. Мартину	Название признака	Коханы — Ипуть	Коханы — Гневково	Ипуть — Гневково
1.	Продольный диаметр	0,48	0,78	0,56
8.	Поперечный диаметр	0,49	0,12	0,71
17.	Высотный диаметр	**2,69***	1,90	1,01
5.	Длина основания черепа	1,47	1,55	0,71
9.	Наименьшая ширина лба	0,26	0,30	0,86
11.	Ушная ширина	0,88	—	1,00
40.	Длина основания черепа	1,38	0,42	—
48.	Высота лица	1,21	0,63	0,99
43.	Верхняя ширина лица	1,26	—	—
46.	Средняя ширина лица	—	—	—
55.	Высота носа	0,63	—	—
54.	Ширина носа	0,35	—	—
51.	Ширина орбиты	—	0,73	—

* При $p < 0,05$.

обладают большой высотой свода черепа, наибольшая ширина лба у них относится к категории средних величин, они характеризуются узким носом и переносьем средних пропорций.

Для того чтобы определить меру и статистическую достоверность этих отличий, мы провели сопоставление данных выборок попарно, с помощью *t*-критерия Стьюдента (с поправкой на малую численность наблюдений). К сожалению, по этой же причине — из-за малой численности — у нас нет возможности проверить достоверность отличий выборки из Волочка, на данном этапе мы принимаем их реальность в качестве гипотезы. В остальном проведенный анализ позволяет утверждать, что отличия между изученными выборками статистически недостоверны. Единственным важным исключением являются мужчины из Кохан и мужчины из бассейна р. Ипуть, достоверно отличающиеся по высотному диаметру черепа (см. табл. 3). Прочие отмеченные особенности следует рассматривать как тенденции морфологической дифференциации в данном регионе, которые, безусловно, потребуют проверки в дальнейшем — на других уровнях генерализации и при поступлении новых краниологических материалов.

Микрорегиональный уровень позволяет сформировать выборки большей численности и провести полноценный сравнительный анализ краниологических особенностей древнерусского населения двух поречий — верховьев Десны и Сожа. На этом уровне генерализации материала в работу вошли все выборки, ранее не рассматривавшиеся из-за их малой численности (см. табл. 1). В историко-археологическом отношении две эти серии черепов должны примерно соответствовать кривичам и радимичам.

Объединение материала произведено следующим образом. К выборке из Кохан (поречье р. Снопот) были добавлены черепа из Шуи, Доброселья, Трашковичей, Ведерников, Волочка, Блинных куч и единичные черепа из курганов бассейна Верхней Десны. Краниологическая выборка из Посожья объединила в себе черепа из Гневкова, Слободы и других памятников по р. Ипуть (см. табл. 4).

Черепа из бассейна Верхней Десны ($n = 31$) долихокранны и в среднем характеризуются большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб среднеширокий. Лицо низкое и среднеширокое, узкое на уровне скул. В горизонтальной плоскости лицо хорошо профилировано — углы горизонтальной профилировки малые. Нос низкий среднеширокий. Орбиты среднеширокие и низкие. Переносье развито значительно. Значения показателей дисперсии в основном в норме за одним исключением — повышенной изменчивостью характеризуется высотный диаметр черепа.

Таблица 4. **Краниометрическая характеристика населения бассейнов Десны и Сожа. Мужчины**

№ по Р. Мартину	Название признака	Бассейн Десны			Бассейн Сожа		
		n	X	S	n	X	S
1.	Продольный диаметр	31	185,2	5,5	25	183,9	6,0
8.	Поперечный диаметр	24	135,8	4,9	22	134,5	4,0
8/1.	Черепной указатель	24	73,5	3,3	21	73,1	3,5
17.	Высотный диаметр	23	134,9	6,8	26	137,0	5,0
17/1.	Высотно-прод. указатель	22	72,7	3,2	24	74,7	3,8
17/8.	Высотно-попер. указатель	17	99,9	5,2	22	102,2	3,9
5.	Длина основания черепа	24	102,5	4,1	26	102,8	3,5
20.	Ушная высота	19	112,6	4,5	22	112,5	4,0
20/1.	Высотно-прод. указатель	18	61,0	2,6	21	61,5	2,9
20/8.	Высотно-попер. указатель	15	83,7	3,7	18	83,8	2,7
9.	Наименьшая ширина лба	29	96,3	5,5	23	94,2	4,0
10.	Наибольшая ширина лба	20	119,5	4,1	22	115,1	4,6
11.	Ушная ширина	20	123,8	4,1	19	120,7	3,9
12.	Ширина затылка	29	111,7	4,1	25	108,3	4,8
40.	Длина основания лица	15	98,5	4,0	15	98,9	3,5
45.	Скуловой диаметр	6	136,1	7,5	3	126,7	—
48.	Верхняя высота лица	20	67,6	4,7	18	66,7	4,3
43.	Верхняя ширина лица	13	106,2	5,1	17	102,1	3,2
46.	Средняя ширина лица	10	94,4	7,5	10	93,1	3,9
55.	Высота носа	20	49,3	2,9	20	49,1	2,5
54.	Ширина носа	16	25,2	2,1	19	24,8	1,8
54/55.	Носовой указатель	15	50,8	5,0	19	50,9	9,2
51.	Ширина орбиты от mf	19	42,4	2,2	19	40,7	1,8
52.	Высота орбиты	18	32,3	2,1	20	31,3	2,4
52/51.	Орбитный указатель	18	75,9	5,5	22	77,0	5,9
MC.	Максиллофронт. ширина	23	20,9	2,6	13	21,8	2,3
MS.	Максиллофронт. высота	23	8,1	1,6	13	7,6	1,8
SC.	Симотическая ширина	26	9,8	2,3	22	9,2	1,9
SS.	Симотическая высота	26	4,6	1,0	22	4,3	1,0
SS/SC	Симотический указатель	26	49,5	14,6	22	47,3	10,4
77.	Назомалярный угол	13	138,5	3,3	17	138,0	2,4
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	9	126,8	4,0	9	123,2	4,3

Черепа из бассейна Сожа ($n = 25$) также долихокранны, однако характеризуются средним продольным, малым поперечным и большим высотным диаметрами. Лоб среднеширокий. Лицо низкое, узкое, в горизонтальной плоскости резко профилировано. Нос низкий, среднеширокий. Орбиты узкие и низкие. Переносье среднеширокое, высокое. Значения показателей дисперсии не превышают стандартных значений.

Нетрудно подметить, что мужское население Посожья заметно отличается от мужского населения Верхнего Подесенья. В первую очередь меньшим размером мозговой капсулы в горизонтальной плоскости, более высоким сводом черепа, более узким лбом, более узким и низким лицом, более низкими орбитами. Описанные отличия подвергнуты нами проверке на статистическую достоверность при помощи *t*-критерия Стьюдента. Выяснилось, что большинство из них не достигает уровня статистической значимости. Достоверными следует признать лишь морфологические отличия в широтных показателях. Многие поперечные размеры черепа мужчин из Посожья достоверно меньше таковых у мужчин из Подесенья — это наибольшая ширина лба, ушная ширина, ширина затылка, ширина орбиты. На самом высоком уровне значимости (при $p > 0{,}001$) зафиксированы отличия в верхней ширине лица и зигомаксиллярном угле: выборка из Посожья обладает более узким и клиногнатным на уровне скул лицом. К этим признакам стоит добавить высотный диаметр мозговой капсулы, который имеет в выборке из Посожья большее абсолютное значение, не достигающее, впрочем, уровня достоверного отличия. Будучи отнесен к продольному диаметру, он вплотную приближается к границе достоверных отличий. Все эти факты позволяют утверждать, что население Верхнего Подесенья и Посожья, несмотря на единую морфологическую основу, все же достоверно отличается одно от другого. Данный результат крайне важен для уточнения палеоантропологической карты гораздо более обширного региона. Дело в том, что, по результатам предыдущих исследований, рассматриваемая здесь территория входит в зону распространения единого «долихокефального среднелицего» краниологического варианта, распространенного от верховьев Немана и левых притоков Западной Двины до верховьев Оки и бассейна Северского Донца (см.: Алексеева, 1973. С. 66—67). По нашим результатам этот сюжет должен быть существенно уточнен. Используя статистические разработки Т. И. Алексеевой, необходимо признать, что население Верховьев Десны принадлежит к так называемому «долихокефальному *относительно* широколицему» краниологическому типу, который характерен также для волынян и полоцких кривичей. Что касается населения Посожья, то оно, судя по всему, действительно относится к «долихокефальному среднелицему» типу по Т. И. Алексеевой (см. там же. С. 67. Табл. 20).

Таблица 5. **Значения канонических переменных для выбранного набора признаков**

Название признака	КВ I	КВ II
1. Продольный диаметр	0,300	—0,041
8. Поперечный диаметр	—1,128	—0,214
17. Высотный диаметр	0,404	0,114
48. Верхняя высота лица	—2,160	—0,238
43. Верхняя ширина лица	0,411	—0,140
55. Высота носа	0,305	0,412
54. Ширина носа	—0,769	—0,561
51. Ширина орбиты	—0,147	—0,920
52. Высота орбиты	2,300	—0,086
% объясняемой изменчивости	89,7	10,3

Далее, наиболее полно сохранившиеся черепа были подвергнуты нами каноническому дискриминантному анализу для выяснения основных направлений морфологической дифференциации на индивидуальном уровне. К сожалению, сохранность краниологического материала не позволила оперировать выборкой достаточной численности. В анализ вошло всего шесть черепов из верховьев Десны, семь черепов из Посожья, к которым для контраста были присоединены три черепа из бассейна р. Угры. Состав признаков и значения канонических переменных для каждого из них приведены в табл. 5.

Первый канонический вектор (далее — КВ I) отделяет черепа с большим продольным диаметром, малым поперечным, большим высотным, с низким и широким лицом, узким носом и относительно высокой орбитой от черепов с противоположными значениями признаков, фиксируя на статистическом уровне два краниологических комплекса. Как видим, этот вектор краниологической дифференциации отделяет черепа из бассейна Угры от черепов из Подесенья (рис. 1). КВ II демонстрирует иное направление дифференциации — отделяет черепа с высоким носом и узкой орбитой, происходящие из Посожья. По КВ I данная выборка демонстрирует промежуточное положение.

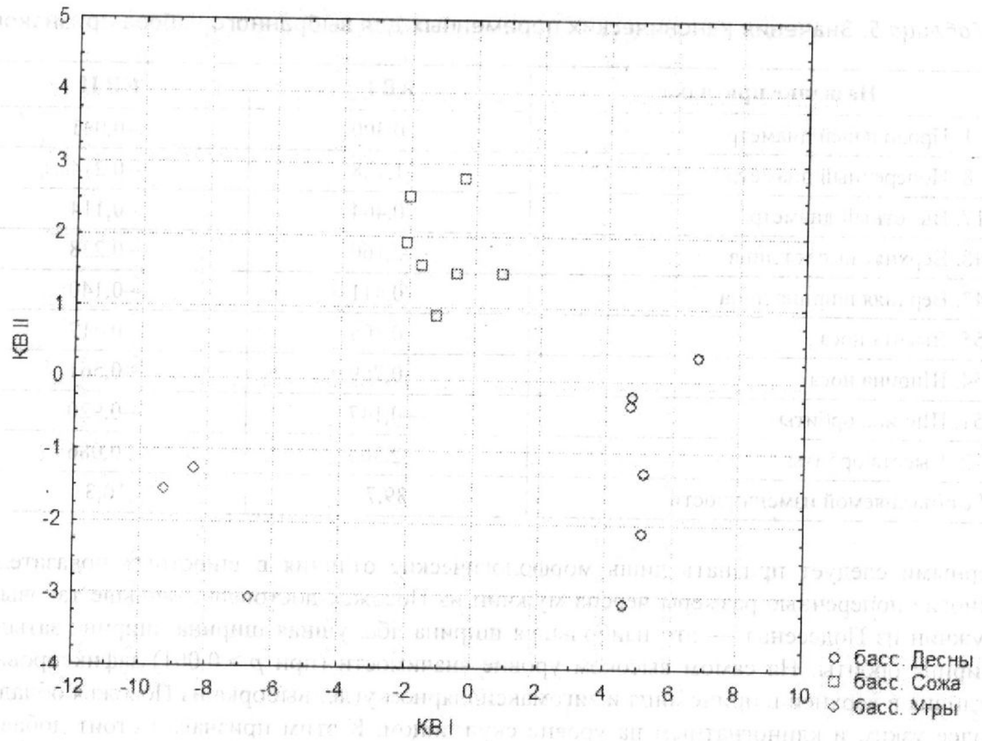


Рис. 1. Распределение мужских черепов из бассейнов Десны, Сожа и Угры в пространстве канонических векторов.

В заключение проведем сопоставление полученных краниометрических данных по верховьям Десны и Посожью с имеющимися в литературе данными по смоленским кривичам и радимичам (см.: Алексеева. С. 287—288, 301—302).

Население Верхней Десны, как и следовало ожидать, демонстрирует большое морфологическое сходство со «смоленскими кривичами». Различия между ними, которые могут быть отмечены (например, более широкая мозговая капсула и более широкое на верхнем уровне лицо у первых, ультрадолихокрания у вторых), не достигают уровня статистической значимости (см. табл. 6). Однако стоит отметить достоверное отличие между ними по высотно-продольному указателю черепа (смоленские кривичи обладают относительно более высоким сводом) и по ширине лица, если бы численность по этому признаку была достаточной. Бóльшая широколицесть деснинцев бросается в глаза, однако реальность этого наблюдения требует дополнительных доказательств.

Характерные краниологические особенности населения Верхней Десны, в определенном направлении отличающие его от большей части смоленских кривичей, необходимо каким-то образом объяснить. На данном этапе исследования очень аккуратно выскажем гипотезу о том, что эти особенности сформировались под влиянием верхнеднепровского краниологического варианта *типа Волочок* — более длинноголового, обладающего более широкой мозговой капсулой и, возможно, более широким лицом, со значительно развитым переносьем. Как писалось выше, этот краниологический тип вполне может претендовать на статус субстратного, оставленного, например, раннесредневековыми популяциями балтского происхождения, присутствие которых здесь фиксируется данными археологии.

Обратимся к сравнению краниометрических данных по «радимичам» с данными, полученными нами по населению Посожья (см. табл. 7). Не трудно заметить, что отличий, в первую очередь статистически достоверных, в данном случае больше. Отметим более широкую мозговую капсулу и высокое лицо у «радимичей», не исключено, что при ином способе компоновки краниологических серий (по археологическим критериям!) происходит механическое включение в выборку более широкоголовых и высоколицых индивидов из Верхнего Подесенья. Кроме того, достоверные отличия выявлены по симотическому указателю: по нашим данным, население Посожья обладало более широким и не столь

Таблица 6. **Сравнительная краниометрическая характеристика смоленских кривичей и населения Верхней Десны**

№ по Март.	Название признака	*t*-кр.	Бассейн Десны			Кривичи смоленские (по Алексеевой)		
			n	X	S	n	X	S
1.	Продольный диаметр	0,37	31	185,2	5,5	43	184,7	5,8
8.	Поперечный диаметр	1,84	24	135,8	4,9	43	133,1	6,2
8/1.	Черепной указатель	1,92	24	73,5	3,3	39	71,7	3,8
17.	Высотный диаметр	0,19	23	134,9	6,8	38	134,6	5,6
17/1.	Высотно-прод. указатель	**2,86***	22	72,7	3,2	34	75,2	3,2
9.	Наименьшая ширина лба	0,61	29	96,3	5,5	41	95,6	4,1
45.	Скуловой диаметр	—	6	136,1	7,5	21	132,2	6,3
48.	Верхняя высота лица	0,38	20	67,6	4,7	29	68,1	4,4
43.	Верхняя ширина лица	1,73**	13	106,2	5,1	27	103,3	4,9
46.	Средняя ширина лица	0,09**	10	94,4	7,5	16	94,2	4,4
55.	Высота носа	0,56	20	49,3	2,9	30	49,8	3,2
54.	Ширина носа	0,29**	16	25,2	2,1	30	25,0	2,3
54/55.	Носовой указатель	0,44**	15	50,8	5,0	30	50,0	6,0
51.	Ширина орбиты от mf	0,30**	19	42,4	2,2	26	42,6	2,2
52.	Высота орбиты	0,49**	18	32,3	2,1	28	32,0	2,0
52/51.	Орбитный указатель	0,40**	18	75,9	5,5	26	75,3	4,4
SC.	Симотическая ширина	1,20	26	9,8	2,3	31	9,1	2,1
SS.	Симотическая высота	1,43	26	4,6	1,0	32	4,2	1,1
SS/SC	Симотический указатель	0,56	26	49,5	14,6	32	47,6	11,3
77.	Назомалярный угол	0,06**	13	138,5	3,3	26	138,4	5,8
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	—	9	126,8	4,0	14	126,9	4,9

* При $p > 0,01$.

** Результат содержит большую ошибку из-за малой численности наблюдений.

высоким переносьем. Существенное различие между рассматриваемыми сериями, отмеченное по скуловому диаметру, пока не стоит принимать во внимание из-за скудной численности наблюдений.

Выводы

1. Население Верхнего Подесенья и Посожья сформировалось, судя по всему, на единой антропологической основе, для которой была характерна долихокрания, среднешироkое или даже узкое, очень хорошо профилированное лицо и значительно развитое переносье

2. Разница между населением Верхнего Подесенья и Посожья в краниологическом отношении фиксируются отчетливо, что можно связать с присутствием здесь как минимум двух групп населения — кривичей в Подесенье и радимичей в бассейне Сожа; на основании рассмотренных материалов можно утверждать, что отличия этих племенных групп могут быть найдены и без учета историко-археологических реалий.

3. Существенный вклад в морфологическую изменчивость черепа на территории Верхнего Подесенья и Посожья играл высотный диаметр свода (Март. 17).

4. В верховьях Днепра (поречье р. Осьма) зафиксирован специфический, более длинноголовый краниологический вариант, обладающий более широкой мозговой капсулой и, возможно, более широким лицом, со значительно развитым переносьем (возможно субстратный, условно названный нами *тип Волочок*), особенности которого, вероятно, и определяют отличия населения Верхнего Подесенья от населения большей части кривичского ареала.

Таблица 7. **Сравнительная краниометрическая характеристика радимичей и населения Посожья**

№ по Р. Мартину	Название признака	*t*-критерий	Бассейн Сожа			Радимичи (по Т. И. Алексеевой)		
			n	X	S	n	X	S
1.	Продольный диаметр	1,44	25	183,9	6,0	37	186,3	6,7
8.	Поперечный диаметр	**2,47***	22	134,5	4,0	36	137,3	4,3
8/1.	Черепной указатель	0,43	21	73,1	3,5	35	73,5	3,3
17.	Высотный диаметр	0,69	26	137,0	5,0	35	136,1	5,1
17/1.	Высотно-прод. указатель	2,08	24	74,7	3,8	34	72,9	2,8
9.	Наименьшая ширина лба	0,09	23	94,2	4,0	37	94,1	4,1
45.	Скуловой диаметр	—	3	126,7	—	16	131,7	5,1
48.	Верхняя высота лица	**1,91**	18	66,7	4,3	27	69,1	4,0
43.	Верхняя ширина лица	0,51**	17	102,1	3,2	15	101,5	3,4
46.	Средняя ширина лица	—	10	93,1	3,9	8	90,8	5,6
55.	Высота носа	1,65	20	49,1	2,5	29	50,3	2,5
54.	Ширина носа	1,63**	19	24,8	1,8	28	25,7	1,9
54/55.	Носовой указатель	0,00	19	50,9	9,2	28	50,9	4,6
51.	Ширина орбиты от mf	1,60	19	40,7	1,8	31	41,6	2,0
52.	Высота орбиты	0,67	20	31,3	2,4	32	31,7	1,9
52/51.	Орбитный указатель	1,08**	22	77,0	5,9	15	79,1	5,7
SC.	Симотическая ширина	1,19**	22	9,2	1,9	15	8,5	1,5
SS.	Симотическая высота	1,19**	22	4,3	1,0	15	4,7	1,0
SS/SC	Симотический указатель	**2,64***	22	47,3	10,4	15	55,7	8,0
77.	Назомалярный угол	0,38**	17	138,0	2,4	17	137,5	4,9
∠Zm'	Зигомаксиллярный угол	—	9	123,2	4,3	7	124,6	6,3

* При $p > 0{,}01$.

** Результат содержит большую ошибку из-за малой численности наблюдений.

5. Полученные данные существенно дополняют и уточняют картину антропологической дифференциации средневековых восточных славян и позволяют утверждать, что «долихокефальный среднелицый» краниологический тип, выделенный и широко локализованный Т. И. Алексеевой (от верховьев Немана до бассейна Северского Донца), не был единственным на рассмотренной территории; существенную роль здесь играл и «долихокефальный относительно широколицый» краниологический вариант, свойственный и населению верховьев Десны.

Литература

Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. — М., 1989. — С. 63—90.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. — М., 1964.

Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. — М., 1973.

Алексеева Т. И., Ефимова С. Г., Эренбург Р. Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. — М., 1986.

Гурьянов В. Н. О юго-восточной границе смоленских кривичей в бассейне р. Десны // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции. — Ч. I. — Калуга, 2001. — С. 42—46.

Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. — Л., 1977.

Медникова М. Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. — М., 1995.

Пежемский Д. В., Шмытов М. А. Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Калужской области // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований — приоритетное направление археологического изучения Калужской области. — Калуга, 2009. — С. 21—31.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982.

Рыкушина Г. В. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху // Палеоантропология Сибири. — М., 1980. — С. 47—63.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М., 1982.

Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. — М., 1999.

Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестн. Тверск. гос. ун-та. — Сер. «История». — 2009.— Вып. 1 (12). — С. 90—107.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — М., 1953.

ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ ОКИ*

***Д. В. Пежемский**, к. б. н., с. н. с.,*
НИИ и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Посвящаю светлой памяти
Арсена Леонидовича Пурунджана

Развитие остеологии человека наполнено парадоксами, которые до сих пор напрямую влияют на характер и качество работ в этой области. Так, можно утверждать, что интерес к изучению костей посткраниального скелета существовал с эпохи античности, однако методическая база остеологических исследований разрабатывалась медленно и несистемно, особенно если сравнивать этот процесс с работами по изучению черепа. Реконструктивные задачи остеологии были сформулированы европейскими учеными очень рано — на рубеже XVIII и XIX вв., однако стройной методологии восстановления особенностей телосложения по трубчатым костям скелета нет и поныне. В конце XIX в., когда антропология располагала не только солидным запасом данных по краниологии, но и несколькими краниометрическими системами, знания об изменчивости скелетной системы и методах ее изучения лишь начинали накапливаться (см.: Алексеев, 1966). Эмпирические данные по остеометрии конкретных палеоантропологических выборок появились в России еще в 1860-е гг., однако вплоть до 1970-х гг. отечественные антропологи уделяли этим данным очень мало внимания.

Первая в истории российской науки антропологическая монография — исследование Анатолия Петровича Богданова (1834—1896) «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии», — которая будет интересовать нас в данной работе особо, уже содержала остеометрические данные (см.: Богданов, 1867). В рамках общей характеристики ископаемого населения бассейна Верхней Оки А. П. Богданов останавливается и на вопросе о длине тела, измеренной, правда, *in situ* в ходе раскопок курганов (все недостатки этого метода им четко осознавались). В самом начале работы он писал: «Кроме величины размеров различных частей черепа, я брал также и размеры некоторых костей конечностей с целью, которая уяснится далее в общем обзоре роста» (там же. С. 20).

Проблемы. Вслед за А. П. Богдановым сбору и изучению костей посткраниального скелета уделяли внимание и его последователи, однако столь счастливо начавшаяся тра-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09-06-00271а — «Эпохальная изменчивость строения скелета у населения Северной Евразии. Сравнительное популяционное морфометрическое исследование» (рук. И. В. Перевозчиков, Е. Л. Воронцова).

диция быстро угасла. Позднее, характеризуя данный период развития отечественной антропологии, Г. Ф. Дебец укажет на причины, приведшие к сокращению работ по данной проблематике. Он полагал, что это было обусловлено не только чрезвычайным пристрастием исследователей к краниологическому материалу, но и «неясностью значения» остеометрических признаков (см.: Дебец, 1948. С. 33). Поэтому вплоть до середины XX в. кости посткраниального скелета почти не изучались, а чаще всего сразу перезахоранивались. Об этом же писал в свое время и А. П. Богданов: «Хотя до настоящего времени в большинстве случаев (если почти не всегда) при раскопках и ограничивались только сохранением одного черепа, оставляя без внимания остальные части остова, но мы всегда считали это за недостаток…» (Богданов. С. 144, 148). История палеоантропологии насчитывала уже сто лет, а проблема сбора исходного остеологического материала стояла с прежней остротой. Вот что писал об этом Г. Ф. Дебец: «Костные остатки человека, находимые при археологических раскопках, изучаются антропологами главным образом в отношении их расовой принадлежности. Основным объектом исследования при этом является череп. Поэтому трудности транспортировки и хранения других костей скелета приобретают в глазах археологов особенно важное значение. Если черепа большей частью и не оставляют теперь на месте раскопок и не всегда выбрасывают потом из музеев (хотя и такие случаи, к сожалению, еще не редки), то по отношению к остальным костям скелета грабительские приемы составляют, скорее, правило» (Дебец, 1962. С. 5). Судя по всему, это был немаловажный фактор замедленного развития морфологии посткраниального скелета и палеосоматологии, однако не единственный. Думается, что немаловажной причиной угасания интереса к посткраниальному скелету со стороны исследователей было также отсутствие единой остеометрической методики (А. П. Богданову, например, пришлось изобретать ее самому).

Современная остеометрическая методика появилась в самом начале XX в.: в 1902 г. ее вариант был опубликован Э. Г. Ландау, российским ученым из Юрьевского университета, а в 1914 г. полновесная методика была приведена в известном компендиуме швейцарского антрополога Рудольфа Ма́ртина. В 1925 г. появилась русскоязычная версия этой методики, опубликованная М. П. Грязновым, однако все эти инновации не произвели должного эффекта — исследований по морфологии костей скелета стало немногим больше. Заслуга возобновления широких остеологических исследований в России принадлежит Г. Ф. Дебецу, это произошло в 1930-е гг. Однако вплоть до 1970-х гг. остеологические данные рассматривались как второстепенные по отношению к черепу. По этой причине даже если они и приводились в палеоантропологической работе, то почти не комментировались и в сравнительных анализах не использовались (работы В. В. Гинзбурга, М. С. Акимовой, Т. С. Кондукторовой и др.). Со второй половины 1960-х гг., после публикации «Остеометрии» В. П. Алексеева, начали появляться палеоантропологические исследования, где данные остеологии носили не только фактографический, но и аналитический характер (работы Н. Н. Мамоновой, М. С. Великановой, С. И. Круц, А. Б. Радзюн и др.). С конца 1980-х гг. начался новый этап развития остеологии, яркими признаками которого являются экологизация проблематики и постоянные методические поиски (работы В. Н. Федосовой, А. Г. Тихонова, Д. И. Ражева и др.). За последние два десятилетия ситуация с остеологическими исследованиями в России заметно изменилась. Они существенно актуализировались. Происходит быстрое накопление данных о нормах морфологической изменчивости скелета в целом, его сегментов и отдельных костей. Палеоантропология, и в частности остеология, приобрела черты гораздо более биологической науки, нежели это было еще совсем недавно. Однако сейчас, как и прежде, особенно остро стоит проблема остеологического изучения конкретных ископаемых выборок, их качественной публикации, проведения сравнительного морфологического анализа — как остеометрических признаков, так и реконструируемых признаков телосложения.

Итак, уточним состав актуальных проблем остеологии ископаемых популяций, которые и хотелось бы решить в ходе изучения средневекового населения Верхней Оки, в первую очередь — древнерусского:

1) малочисленность остеологического материала или полное его отсутствие по некоторым регионам. Применительно к населению Верхнего Поочья XI—XIII вв. это выражается в том, что курганы в настоящее время изучаются значительно реже, чем ранее, а сохранность органических материалов в них, в том числе костей человека, за последние полтора столетия стала значительно более плохой, в связи с чем поступление нового материала практически прекратилось;

2) недостаточная разработанность методики палеосоматологических реконструкций;

3) слабая изученность признаков телосложения и физического развития в различных выборках древнего населения, что затрудняет сравнительные морфологические исследования.

Материалы. Основой для настоящего исследования стали остеометрические материалы, собранные и опубликованные в разное время А. П. Богдановым, В. Г. Штефко, Т. А. Трофимовой и В. Н. Федосовой (анализируются только мужские выборки, приводятся данные по правой стороне скелета).

Побуждением к работе послужили остеометрические данные по вятичам Верхней Оки, опубликованные В. Н. Федосовой (см.: Федосова, 1993. С. 156—159]. Особенности телосложения средневекового славянского населения данной территории были проанализированы ею в сравнительном аспекте (сопоставлялись с данными по городскому населению Старой Рязани) и самостоятельно описаны очень кратко. В. Н. Федосова отметила, что длинные кости данной группы вятичей характеризуются значительными продольными размерами (см. там же. С. 145). В ходе большой остеологической работы, проведенной недавно автором этих строк, появилась возможность по-новому взглянуть на данный материал (было рассмотрено более 300 выборок из самых разных регионов Евразии). С моей точки зрения, длинные кости вятичей, опубликованные В. Н. Федосовой, характеризуются не просто значительными, а исключительными продольными размерами. Реконструкция длины тела и особенностей телосложения по собственной методике позволила обнаружить, что население Верхнего Поочья «курганной» поры выделяется очень большими размерами тела и дистальным типом ростовых процессов. Столь необычный результат, плохо соотносящийся с другими данными, не мог не привлечь внимания.

Данные по вятичам, полученные В. Н. Федосовой, рассматривались мною как наиболее надежные в силу того, что кости были изучены относительно недавно и по современной методике. Главный их недостаток — малая численность, на самом деле не позволяющая делать обоснованные выводы, — не казался очень существенным.

После обнаружения столь примечательного факта, как макросомия верхнеокских вятичей, появился соблазн объяснить ее влиянием посмертного отбора. Проблема посмертного отбора в свое время рассматривалась Г. Ф. Дебецем, который допускал, что более крупные и массивные кости сохраняются намного чаще, чем кости грацильные и средних размеров (см.: Дебец, 1948. С. 304). «Выбывание» из выборки последних должно приводить к увеличению средних величин признаков. Можно было предположить, что ко времени исследования В. Н. Федосовой в Музее антропологии МГУ сохранилось небольшое количество особенно крупных костей вятичей.

Для того чтобы как-то оценить эти данные, было решено обратиться к «старому», давно забытому остеометрическому материалу, опубликованному А. П. Богдановым в уже упомянутой монографии 1867 г. Непосредственное обращение к этим костям невозможно, по большей части они утрачены. Хорошо сохранилась лишь краниологическая часть коллекций А. П. Богданова (см.: Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986).

Из публикации 1867 г. удалось почерпнуть индивидуальные измерительные данные по наибольшим размерам длинных костей, добытых в ходе раскопок курганов Московского, Звенигородского, Рузского, Верейского, Подольского, Коломенского и Богородского уездов бывшей Московской губернии, всего — из четырнадцати курганных могильников (см.: Богданов, 1867). Все эти материалы были обработаны мною при помощи современных статистических методов в программе Microsoft Excel, в результате чего удалось получить морфометрическую характеристику довольно представительной выборки из шестидесяти двух мужчин (см.. табл. 1). Таким образом, устранилась главная сложность работы — крайняя малочисленность данных. Итак, сопоставим данные!

Первое, что бросается в глаза, — резкие отличия в абсолютных размерах длинных костей двух групп вятичей (группа, охарактеризованная по материалам А. П. Богданова, обо

Таблица 1. **Морфометрическая характеристика длинных костей вятичей Верхней Оки**

Признак, № по Р. Мартину	По материалам А. П. Богданова (1867)			По В. Н. Федосовой (1993)		
	n	X	S	n	X	S
Плечевые кости						
H1. Наибольшая длина	50	322,2	20,0	9	347,8	23,5
H2. Общая длина	—	—	—	8	334,4	15,7
Лучевые кости						
R1. Наибольшая длина	39	239,4	15,0	5	258,8	8,8
Локтевые кости						
U1. Наибольшая длина	26	259,4	20,2	3	274,0	—
Бедренные кости						
F1. Наибольшая длина	62	450,1	20,6	14	470,3	25,6
F2. Длина в ест. положении	23*	442,8*	20,5*	14	468,0	25,7
Большие берцовые кости						
T1. Общая длина	—	—	—	11	393,0	20,6
T1a. Наибольшая длина	59	361,8	20,3	11	399,4	22,0
Малые берцовые кости						
f1. Наибольшая длина	21	340,9	27,3	—	—	-

* По данным В. Г. Штефко и В. С. Шугаева (1936).

значена как «вятичи 1», группа, опубликованная В. Н. Федосовой, — «вятичи 2»). Естественно было усомниться в адекватности цифрового материала, полученного А. П. Богдановым в середине XIX в., когда современной остеометрической методики просто не было. Однако Анатолий Петрович подробно описывает способы измерения, которыми он пользовался, и никаких существенных отличий этих способов от современных обнаружить не удается. Несмотря на это, оставалась большая вероятность методических расхождений и в силу того, что кости измерялись в вертикальном положении, и потому что использовались иные инструменты, не говоря уже о точности измерения, которая составила 0,5 см.

К счастью, длинные кости из вятичских курганов, раскопанных А. П. Богдановым, хранились в Музее антропологии МГУ и в 1930-е годы привлекли внимание Владимира Германовича Штефко (1893—1945). В интереснейшей работе, написанной совместно с В. С. Шугаевым и опубликованной на немецком языке, им были приведены результаты подробных измерений бедренных костей вятичей и позднесредневековых насельников Москвы [см.: Stefko, Schugaiew. S. 51]. В этот период кости изучались уже по методике Р. Мартина, использующейся и ныне, что позволило верифицировать цифровые данные А. П. Богданова. В распоряжении В. Г. Штефко был материал значительно меньшей численности — всего 23 бедренные кости (однако это почти в два раза больше, чем оказалось затем у В. Н. Федосовой). Наибольшая длина бедренной кости в среднем равнялась 446,5 мм (S = 19,2) против 450,1 мм по данным А. П. Богданова. Длина бедренной кости в естественном положении — 442,8 мм (S = 20,5). Судя по абсолютной длине бедренной кости, полученной В. Г. Штефко, вятичи первой группы должны были обладать меньшей длиной тела (более низким ростом), однако применение парного критерия Стьюдента эти сомнения рассеивает: отмеченные отличия статистически недостоверны ($t_{st} = 0,73$).

Таким образом, удалось показать, что данные А. П. Богданова очень хорошо конгруируют с данными В. Г. Штефко и, как более многочисленные, должны вызывать большее доверие. Тем не менее оставался актуальным вопрос: как объяснить их существенные

Таблица 2. **Морфометрическая характеристика длинных костей позднесредневекового населения Подмосковья. Никольское, мужчины** (по материалам Т. А. Трофимовой)

Признак, № по Р. Мартину	Правые			Левые		
	n	X	S	n	X	S
H1. Наибольшая длина плечевой кости	35	327,2	16,3	33	320,8	21,4
R1. Наибольшая длина лучевой кости	28	243,9	11,9	26	243,3	12,8
U1. Наибольшая длина локтевой кости	21	260,2	14,6	21	260,7	12,4
F1. Наибольшая длина бедренной кости	46	448,3	22,1	53	447,5	22,6
F2. Длина в естественном положении	44	444,7	20,9	51	442,8	22,2
T1. Общая длина большой берцовой кости	42	355,7	17,6	49	357,3	18,6
F1+T1. Остеологическая длина ноги	38	802,0	3,6	42	805,6	4,0
Указатели пропорций						
Интермембральный указатель I	19	71,3	1,7	15	69,6	1,9
R1:H1. Лучеплечевой указатель	21	74,5	2,8	16	75,0	2,6
T1:F2. Берцовобедренный указатель	37	80,0	2,1	41	80,4	3,2
H1:F2. Плечебедренный указатель	27	73,6	2,0	28	71,8	4,4
R1:T1. Лучеберцовый указатель	23	68,1	2,0	22	67,6	2,6

различия с данными В. Н. Федосовой? Видимо, они не могут быть объяснены методическими расхождениями.

Обратившись к составу материала, который использовала В. Н. Федосова, обнаружим, что его подавляющее большинство добыто раскопками более позднего времени — это десять курганных могильников, изучавшихся в 1920-е — 1940-е гг. (см.: Федосова, 1993. С 155]. Все-таки посмертный отбор? Необязательно! Дело в том, что большинство остеологических материалов, составивших вторую группу вятичей, происходит из курганов, расположенных в других микрорегионах, в основном — в Домодедовском и отчасти Можайском районах Московской области, из «богдановского» списка здесь присутствует только Звенигород [см.: Алексеева, Ефимова, Эренбург]. Представляется, что детальный разбор состава этого материала лучше всего провести в отдельной работе.

Для того чтобы попытаться выявить эпохальную динамику в строении тела средневекового населения Верхней Оки, необходимо было обратиться к остеологическим материалам иного, более позднего, времени. Хронологическому критерию и критерию хорошей численности удовлетворяет выборка из кладбища XV—XVI вв. у с. Никольского, раскопанного под Москвой Г. Ф. Дебецем и Т. А. Трофимовой в 1934 г. (см.: Трофимова, 1941; Дебец, 1948. С. 238—239; Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986. С. 124—125]. Данные палеоантропологические материалы были измерены и частично опубликованы Т. А. Трофимовой (краниология и результаты реконструкции длины тела, остеологические данные так и остались неопубликованными). Остеометрические бланки Т. А. Трофи-

26 Зак. 1053

мовой, с 1930-х годов хранившиеся в архиве отдела краниологии и остеологии Музея антропологии МГУ, были использованы мною для создания полной электронной базы данных и расчета необходимых статистических параметров (см. табл. 2)*.

Методы. Подход к остеологическому материалу, при котором ставится исследовательская задача восстановить ***конкретные характеристики «живого» тела***, имеет давние традиции и устойчивую практику применения. Однако, на мой взгляд, существует возможность подойти к остеологическим реконструкциям по-иному. Суть нового подхода заключается не в реконструкции соматологических характеристик, а в оценке абсолютных и относительных размеров ***собственно скелетной системы*** или ее отделов. Для реализации данного подхода было необходимо решить три основных технических задачи — изучить размах внутри- и межгрупповой изменчивости остеометрических признаков, предложить новые остеометрические признаки, которые бы позволили подробно и комплексно описывать телосложение в терминах остеологии, и разработать систему качественной оценки как традиционных, так и вновь предложенных остеометрических признаков. Недавно автором данной работы эти задачи в той или иной степени были решены [см.: Пежемский]. В результате появилась возможность применять новый подход и предложенные методы к конкретным палеоантропологическим выборкам и, в частности, к материалам по средневековому населению Верхнего Поочья.

Для характеристики физического развития обычно применяется целый ряд признаков, однако упор делается на три тотальных размера тела — длину (рост), массу (вес) и обхват груди. В палеоантропологии (на скелетном материале) непосредственное изучение этих признаков невозможно. Длину и массу тела приходится реконструировать с большей или меньшей погрешностью, а методов реконструкции окружности грудной клетки вообще не существует.

Процедура реконструкции длины тела по костям скелета имеет столь давнюю традицию и методические ее аспекты так давно не обсуждались в отечественной литературе, что постепенно у исследователей начало складываться впечатление об относительной ее простоте. Более того, в последнее время стали появляться палеоантропологические публикации, где реконструированная длина тела безответственно называется «прижизненной длиной тела» или даже «прижизненным ростом» (см., например, работы С. Б. Боруцкой). Представляется, что на данном этапе, с учетом всех сложностей, стоит ограничиться лишь реконструированной длиной тела и некоторыми остеометрическими признаками, характеризующими продольный рост скелета. Не вдаваясь здесь в подробное изложение самой методики работы, обратимся к некоторым ее аспектам, важным для настоящего исследования.

Необходимость введения в научный оборот генерализованного параметра, который бы описывал по данным остеологии тотальные размеры тела, был легко определим и не зависел от линейных пропорций, была осознана давно. По-своему решил эту задачу Г. Ф. Дебец, предложивший такой признак, как «условный показатель объема скелета» (УПОС). Показатель выражается в *куб. дм* и рассчитывается на основе продольных размеров и периметров плечевой, бедренной и большой берцовой костей. При всей удачности этой находки, необходимо признать, что данный признак имеет небольшой недостаток: он не учитывает размеров предплечья. Кроме того, при плохой сохранности или неполноте исследовательской программы он также не может быть рассчитан. Кроме прочего, нормы варьирования этого признака до сих пор не установлены и оценка эмпирических его значений затруднена. Судя по всему, именно поэтому он так и не вошел в широкую практику палеоантропологической работы.

Автором данной работы были предложены два новых *условных показателя величины скелета* (УПВС), практически идентичных, но взаимозаменяемых, на случай специфики имеющихся данных. Они рассчитываются как простые суммы наибольших длин плечевой, лучевой, бедренной костей и полной длины большой берцовой (УПВС 1) или наибольших длин плечевой и лучевой костей, длины в естественном положении бедренной

* Выражаю глубокую признательность и благодарность сотруднику НИИ и Музея антропологии МГУ О. С. Лебедевой за помощь в создании базы данных.

кости и полной длины большой берцовой (УПВС 2). Здесь стоит воспользоваться только одним из них (УПВС 1).

Остеометрическими признаками, важными для характеристики особенностей телосложения, необходимо признать и *остеологические длины верхней и нижней конечностей*. В данной работе они охарактеризованы как суммы наибольших длин плечевой и лучевой кости (H1+R1, остеологическая длина руки, ОДР) и наибольшей длины бедренной кости и полной длины большой берцовой (F1+T1, остеологическая длина ноги, ОДН).

Продольные пропорции конечностей традиционно описываются одним интермембральным и четырьмя интерсегментальными указателями — лучеплечевым, берцовобедренным, плечебедренным и лучеберцовым [см.: Алексеев. С. 214]. Все они рассчитываются по наибольшим длинам плечевой (H1) и лучевой (R1) костей, полной длине большой берцовой (T1) и длине бедренной кости *в естественном положении* (F2). При наличии в публикациях или архивных данных других признаков расчет становится невозможным. Именно этот случай и представляют собой материалы, имеющиеся по древнерусскому населению Верхней Оки — по первой группе вятичей у нас нет ни полной длины большой берцовой кости, ни длины бедренной в естественном положении.

Необходимость морфологической характеристики телосложения с точки зрения продольных пропорций не требует дополнительного обоснования, поэтому так важно иметь в исследовательском арсенале варианты их описания для случаев, когда оно невозможно или затруднено. Количество причин, по которым применение традиционных, хорошо всем знакомых указателей невозможно, не так мало. Кроме случаев плохой сохранности, можно назвать следующие:

— неполнота исследовательской остеометрической программы, когда, например, отсутствует длина бедренной кости в естественном положении;

— путаница с продольными признаками, взятыми на большой берцовой кости, когда совершенно неясно, какие именно размеры взяты на этой кости, или прозрачная ситуация, когда все ясно, но измерена не полная ее длина, а наибольшая (T1a) или медиальная (T1b);

— недопустимо малая численность одного из классов костей при относительно приемлемой (заметно большей) численности других, особенно это касается лучевой кости, которая в среднем сохраняется значительно хуже остальных, особенно по сравнению со своим синергетиком — локтевой костью.

Все эти причины побудили меня к разработке новых указателей продольных пропорций, которые бы так же хорошо описывали их, как и традиционные. В этом направлении исследование было сконцентрировано на трех моментах — возможности заменить длину бедренной кости *в естественном положении* на *наибольшую ее длину* (F2 на F1), взаимозаменяемости берцовых костей (замена T1 на f1), взаимозаменяемости локтевой и лучевой костей (R1 на U1). Эти моменты и определяют конкретный набор новых признаков (указателей), описанных ниже. Названия новых указателей пропорций даны в традиционной манере, близким по морфологическому смыслу признакам присваивались номера (римскими цифрами).

Итак, кроме традиционного интермембрального указателя (I), следуя выбранной логике исследования, могут быть рассчитаны дополнительные интермембральные соотношения — в данном случае это интермембральные указатели VI (H1+R1):(F1+f1) и VIII (H1+U1):(F1+f1). Интерсегментальные пропорции могут быть охарактеризованы при помощи плечебедренного II (H1:F1), лучеберцового II (R1:f1) и берцово-бедренного IV (f1:F1) указателей.

В ходе палеоантропологического исследования зачастую необходимо охарактеризовать пропорции по данным других авторов, в публикациях которых не содержатся индивидуальные данные. Встает проблема описания индексов пропорций, вычисленных *по средним величинам* продольных размеров длинных костей. У любого исследователя всегда остается сомнение в правомочности этой арифметической операции. Для сравнения величин, полученных по индивидуальным данным, и величин, вычисленных по средним, был проведен анализ изменчивости нескольких указателей в десяти контрастных остеологических сериях. Абсолютная разница между величинами указателей, посчитанных

Таблица 3. **Сравнительная характеристика указателей продольных пропорций у средневекового населения бассейна Верхней Оки. Мужчины**

Название указателя	Вятичи 1	Вятичи 2	Никольское
Интермембральный указатель I	—	70,5	71,3
Интермембральный указатель VI	71,0	—	—
Интермембральный указатель VIII	73,5	—	—
Лучеплечевой указатель I	74,3	74,4	74,5
Берцовобедренный указатель I	—	84,0	80,0
Берцовобедренный указатель IV	75,7	—	—
Плечебедренный указатель I	—	74,3	73,6
Плечебедренный указатель II	71,6	74,0	73,0
Лучеберцовый указатель I	—	65,9	68,1
Лучеберцовый указатель II	70,2	—	—
H1+R1. Остеологическая длина руки 1	561,6	606,6	571,1
H1+U1. Остеологическая длина руки 2	581,6	—	—
F1+f1. Остеологическая длина ноги 2	791,0	—	—

двумя разными способами, оказалась ничтожной. В большинстве случаев она не превышает ошибки средней. Следовательно, можно пользоваться величинами указателя, вычисленного по средним величинам, без какого либо стеснения, что проделано и в данной работе (см. табл. 3).

Результаты и их обсуждение. Для начала вернемся к вопросу о существенных различиях в размерах тела вятичей по данным А. П. Богданова (группа 1) и данным В. Н. Федосовой (группа 2). Представленный морфометрический материал не позволяет в этом усомниться (см. табл. 1). Так, например, различия между ними по длине бедренной кости достоверны на самом высоком уровне значимости (t_{st} = 3,17, при p = 0,001) при том, что вятичи первой группы статистически не отличимы от позднесредневековых жителей Никольского *ни по одному продольному остеометрическому признаку* (значение *t*-критерия варьирует от 0,18 до 1,35). Этот крайне примечательный факт свидетельствует о том, что позднесредневековое население Подмосковья, судя по всему, напрямую восходит к древнерусскому населению этого же региона (см. табл. 2).

Продольные размеры длинных костей вятичей первой группы относятся к категории средних, за исключением несколько укороченных костей предплечья и голени. Что касается второй группы вятичей, то, наоборот, все продольные размеры длинных костей характеризуются очень большими величинами.

Реконструированная длина тела (L_{rec})*. Длина тела была рассчитана по пятнадцати различным формулам для наибольшей длины бедренной кости (см.: Пежемский, 2011). Для первой группы вятичей получены результаты, варьирующие от 166,1 до 170,0 см. В среднем — 167,9 см, то есть популяция была среднерослой. Для второй группы вятичей получены существенно иные данные. От формулы к формуле длина тела здесь варьирует от 170,9 см до 176,1 см, в среднем — 172,8 см, что является очень большой величиной для данной территории. Поразительное сходство с вятичами первой группы демонстрирует позднесредневековое население Никольского. Результаты реконструкции длины тела в выборке из Никольского варьируют от 165,6 см до 169,5 см, в среднем — 167,5 см, что идентично данным по длине тела вятичей первой группы.

Условный показатель величины скелета 1. Межгрупповая вариация УПВС 1 укладывается в пределы от 1 258 до 1 492 мм и в среднем характеризуется величиной в 1 375 мм (S_{cp} = 43,6; данные получены по средним величинам авторской мировой сводки из 210 остеологических выборок). Минимальные значения УПВС 1 характерны для одной из групп современных японцев о. Хонсю (Кинай) и неолитического населения Японии (Цукумо), эскимосов Ипиутака, Уэлена и Эквена. Максимальными значениями УПВС 1 обладают представители афанасьевской энеолитической культуры Горного Алтая (по абсолютным размерам это самая макросомная популяция из всех представленных в нашей базе данных), неолитическое население Днепровского Надпорожья (Вольный порог), представители культур бронзового века Среднего Поволжья и Минусы (Баланово, Черновая). В данный круг древних популяций неолита и бронзового века, представленных массивным и макросомным населением, органично вписывается выборка вятичей бассейна Верхней Оки (группа 2)! Собственно говоря, это тот самый факт, который и подтолкнул меня к проведению данного исследования.

Остеологическая длина руки (H1+R1). В первой группе вятичей ОДР 1 малых размеров, а во второй — обладает запредельно большой величиной. Если рассчитать ОДР 2 (H1+U1), то у вятичей первой группы этот признак будет характеризоваться средней величиной. В серии из Никольского длина руки также относится к категории средних (см. табл. 3).

Остеологическая длина ноги (F1+T1). Межгрупповая вариация F1+T1 укладывается в пределы от 740 до 888 мм и в среднем характеризуется величиной в 806 мм (S_{cp} = 27,3; данные получены по 234 выборкам). Минимальные значения F1+T1 характерны для уже известных выборок эскимосов Ипиутака (самая коротконогая из зафиксированных по данному признаку популяций), японцев Киная, средневековых волжских булгар (Азметьево) и тобольских татар (Островной). Максимальными значениями остеологической длины ноги в данной версии также обладают афанасьевцы Горного Алтая, неолитическое население Среднего Поднепровья (Вольный порог), окуневцы Минусы (Черновая), представители балановской культуры Среднего Поволжья и культуры Ноа (Старые Бедражи). И вновь к этому кругу древних, не сказать архаичных, популяций относятся вятичи Верхней Оки из второй группы!

Интермембральный указатель I (H1+R1):(F2+T1). Межгрупповая вариация укладывается в пределы от 68,1 до 73,7 и в среднем характеризуется величиной в 70,8 (S_{cp} = 1,2; данные получены по 133 выборкам). Вятичи второй группы показывают среднее значение признака, а серия из Никольского обладает несколько более длинной рукой (в относительном значении).

Интермембральные указатели VI (H1+R1):(F1+f1) и VIII (H1+U1):(F1+f1) показывают гармоничное соотношение длин верхней и нижней конечности у вятичей первой группы.

Берцовобедренный указатель I (T1:F2). Межгрупповая вариация укладывается в пределы от 78,0 до 85,8 и в среднем характеризуется величиной в 81,7 (S_{cp} = 1,6; данные получены по 197 выборкам). Судя по этому признаку, вятичи второй группы обладали значительно более длинной голенью, нежели жители Никольского и вятичи первой группы.

Берцовобедренный II указатель (T1:F1). Межгрупповая вариация укладывается в пределы от 76,8 до 85,2 и в среднем характеризуется величиной в 81,0 (S_{cp} = 1,7; данные получены по 234 выборкам). Данный признак позволяет наглядно продемонстрировать относительно очень малую длину голени в первой группе вятичей.

Лучеплечевой указатель (R1:H1). Межгрупповая вариация укладывается в пределы от 71,6 до 80,7 и в среднем характеризуется величиной в 76,0 (S_{cp} = 1,6; данные получены по 227 выборкам). Соотношение плеча и предплечья является очень стабильным признаком у изучаемого средневекового населения — все три рассматриваемые выборки очень близки между собой по данному признаку.

Плечебедренный указатель I (H1:F2). Межгрупповая вариация указателя укладывается в пределы от 70,4 до 76,1 и в среднем характеризуется величиной в 73,1 (S_{cp} = 1,3; данные получены по 151 выборке). Вятичи второй группы обладали несколько более длинным плечом. Судя по плечебедренному II указателю, вятичи первой группы отличались очень короткой плечевой костью.

* Еще раз подчеркну неправомочность именования данного признака «прижизненной длиной тела».

Лучеберцовый указатель I (R1:T1). Межгрупповая вариация указателя укладывается в пределы от 64,4 до 72,1 и в среднем характеризуется величиной в 68,0 ($S_{ср}$ = 1,6; данные получены по 232 выборкам). По данному признаку вторая группа вятичей отличается особенно длинной голенью, а жители Никольского, наоборот, — коротким дистальным сегментом нижней конечности.

В целом первая группа вятичей предстает как мезоморфная, обладающая средней длиной тела (около 168 см) и средней длиной ноги, с абсолютно и относительно короткой голенью; соотношение длин рук и ног достаточно гармоничное, соотношение плеча и предплечья также свидетельствует об укороченном дистальном сегменте. Эти морфологические черты *полностью воспроизводит* позднесредневековая выборка из Никольского. Вторая группа вятичей отличается очень большими размерами тела (около 173 см), абсолютно длинными руками и ногами, гармонично соотнесенными друг с другом, и очень длинной голенью (как абсолютно, так и относительно). В части продольных пропорций, увязанных с длиной голени, вятичи второй группы, с одной стороны, и вятичи первой группы вместе с позднесредневековым населением Никольского, с другой, показывают диаметрально противоположные морфологические типы. Трудно представить себе, что действие посмертного отбора столь избирательно и способно сформировать разные, достоверно отличающиеся по пропорциям, выборки ископаемого населения! Стоит предположить, что найденные отличия двух групп древнерусского населения имели под собой реальную популяционную основу, характер которой еще предстоит выяснить.

Выводы

1. Анализ особенностей скелетной конституции, и в первую очередь реконструкция длины тела по данным бедренной кости, показал, что древнерусское население Верхней Оки XI—XIII вв. было представлено как минимум двумя антропологическими пластами. С одной стороны — высокорослым населением с длиной тела более 172 см, с другой — среднерослым населением, для которого была характерна длина тела в 167—168 см.

2. Для рассмотрения процессов эпохальной трансформации физического типа были рассмотрены разновременные остеологические серии Верхнего Поочья; привлечены данные по древнерусскому населению «курганной» поры — XI—XIII вв. — и позднесредневековая выборка XV—XVI вв. из Никольского. Выявлено, что длина тела и особенности телосложения позднесредневекового населения, жившего под Москвой, полностью соответствовали среднерослому, мезоморфному морфологическому варианту XI—XIII вв.

3. Предполагается не только эпохальная преемственность мезоморфного средневекового населения в одних микрорегионах, но и исчезновение массивных высокорослых групп в других микрорегионах Верхней Оки в течение XIV—XVI вв.

Литература

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1966.

Алексеева Т. И., Ефимова С. Г., Эренбург Р. Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. — М., 1986.

Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // Известия ОЛЕ. — Т. IV. — Вып. I. — М., 1867.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ: Новая серия. — Т. IV. — М.; Л., 1948.

Дебец Г. Ф. О физическом развитии и конституциональных типах древних народов СССР // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. — М.: ИА—ИЭ АН СССР, 1962. — С. 5—7.

Пежемский Д. В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дис. … канд. биол. наук. — М., 2011.

Трофимова Т. А. Черепа из Никольского кладбища (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Ученые записки МГУ. — Вып. LXIII. — М., 1941. — С. 197—235.

Федосова В. Н. О различиях в строении костей конечностей средневекового городского и сельского населения // Антропология и история культуры (по материалам коллекций НИИ и Музея антропологии МГУ). — М., 1993. — С. 144—173.

Stefko W. H., Schugaiew W. S. Die Entwicklung der Ostslaven nach osteologischem Material des 10. bis 18. Jahrhunderts // Archiv für Anthropologie, N.F. — 1936. — Bd. XXII. — Heft 1/2. — S. 44—55.

РАЗНОЯЗЫЧНЫЕ НАЗВАНИЯ ДЛЯ ОДНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА В БЕЛЁВСКОМ КРАЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

***Е. Р. Барбашов**, Белёвский Дом детского творчества*

Археологический сезон 2010 г. принес сенсационную новость. В Белёвском районе Тульской области на поселении Каменка (Фатьяново-III) в «роменском» жилище, под развалом печи каменки найдены обломки двух глиняных горшков мощинского и роменского типов (Ю. Г. Екимов, 2010). Таким образом, была доказана культурно-историческая связь древних балтов и ранних славян на Белёвской земле. Здесь интересно и то, что на ряде селищ совместно с мощинской присутствует керамика волынцевской и роменской археологических культур.

На данной территории в определенный период существовало два разных этноязыковых комплекса (балтийский и славянский). Балтийский элемент предшествовал здесь славянскому, который внедрялся в уже готовую гидронимическую номенклатуру, занимая свободные места и, частично трансформируя, «осваивал» уже имевшиеся названия.

Балтийские названия закрепляются как за крупными, так и за малыми реками, тогда как славянские — только за малыми. Ни одна средняя и большая река не объясняется у нас и на смежной территории из славянских языков. В семантическом плане (для балтов) особенно часто в бассейне Оки встречаются названия, связанные с характеристикой гидронима или местности, в которой он находится[1].

Сосуществование балтов и славян на рассматриваемой территории носило мирный и длительный характер. Балтийское население не отступило отсюда после прихода славян и осталось на своих местах. Резкой смены традиций не произошло, и это позволило балтийскому этническому элементу сохранить самое главное — язык. Без этого условия сохранение массы балтийских гидронимов, в частности относящихся и к очень маленьким объектам, было бы совершенно невозможно. Более того, на данной территории возникает очень редкое топонимическое явление — сохранение у одного водного объекта древнего (балтийского) и более позднего (славянского) названий, зафиксированное устно либо письменными источниками. Названия эти сохранились до нашего времени. Этот факт подтверждает вывод о длительном совместном проживании балтов и славян. Разберем подробно некоторые из них.

Бóбрик (Мéда), река, левый приток Оки. Раннее упоминание в начале XVI в., вдоль этой реки прошла Бобриковская засека, получившая от нее название. Славянское название Бобрик свидетельствует о множестве обитавших в ней бобров, которые очень дорого ценились в Древней Руси. В период феодализации на таких реках возникали «бобровые гоны», участки, где разводили бобров.

Бобрик протекает среди черноземных ополий, но вокруг него находился лес. Лес дал и древнее название реке, где балтийская корневая основа *med-* «лес», то есть лесная река[2] Эта субстратная основа оформлена суффикс-флексией *-а*. Древнее название отразилось в названии балтского городища Омéда и оврага Замéдеский[3]. На реке есть ряд селищ с материалом мощинской и роменской культур [Уткино-III, IV; Бобрики-II (ТОИАЛМ)]*. На сопредельной территории находится другой аналогичный балтийский гидроним Медынь, оформленный праславянским формантом -ЫНЬ (Медынский район, Калужская область).

Средняя Вы́рка (Истúк), река, левый приток Оки. Раннее упоминание в 1370 г. как волости Вырка[4]. Славянское название реки Вырки, в источниках XVI—XVII вв. — Выра, происходит от географического термина *выръ* «омут», «водоворот», то есть омутистая река[5]. Наибольшее количество омутов на реке находится около древнего Вырска, центра одноименной волости и стана. В Белёвском крае названия рек, в том числе и древние, дублируются топонимами в верховьях этих рек как названия лесов или местности (река Вóлкуша — лес Вóлкуш). То же мы видим и у реки Вырки. В ее верховьях находится

* Подъемный материал с открытых автором селищ находится в Тульском областном историко-архитектурном и литературном музее (ТОИАЛМ).

село Истик и древний погост Истицкий. В 1615 г.: «За дьяком за Федором Степановым в поместье, что было преж сего в поместье за Федором Толочановым, пол-деревни Истика, на р. на Истице…» В 1632 г.: «За стольником В. Государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руссии за Иваном Дементьевым сыном Образцова в поместье… пол-деревни Истика, на р. на Истике…» «Погост Истицкий на р. на Выре, на погосте на Государеве земле церковь Успения Пресвятыя Богородицы…»[6] Как мы видим, в первом случае река, дав название поселению, получила уменьшительную форму названия, оформленную формантом -ИЦА, во втором — сохранено изначальное название реки Вырки — Истик.

Названия с балтийской основой на *ист* распространены в Белёвском крае: Ист*а́*, Ист*и́*чка, Ист*и́*ца, Ист*и́*к. Восходят они к индоевропейскому *-eis*, *-ois*, *-ais* «быстро двигаться» (течь), то есть быстротекущая река. Данная топооснова оформлена балтийским уменьшительным суффиксом *-ik*. Этот гидроним является балтийским архаизмом, заимствованным балтами у древнеевропейского населения[7]. В верхнем и среднем течении река быстрая, имеет множество каменистых перекатов. В среднем течении Вырки находится урочище Борзы́нка, здесь она принимает правый приток — реку Борзынку. Название из древнерусского *бързина* «быстрина», «стремнина», «поток»[8]. На реке находится ряд поселений с мощинским и роменским материалами [Вырск; Староселье-II, III (ТОИАЛМ)]. Разноязычное название носит и нижний левый приток Средней Вырки — Городенка.

Городе́нка (Журáвна), река, левый приток реки Средней Вырки. Раннее упоминание в 1613 году: «Лесу непашенного меж Поль и по заполью и по верхом смежно с пустошью с Токаревою, да с пустошью Мариниою по Журавне 4 десятины». В 1636 г.: «Да сена ж на р. на Городне от Токаревскаго рубежа под их полем 10 копен». В 1616 г.: «Пустошь, что была деревня Маринина, на р. на Городенке…»[9]. Жители деревень Новослободские Хутора, Зимницы и Овсянниково называют эту речку Журавна, ее же нижнее течение, от деревни Зимницы — Городенка.

Гидроним Журавна происходит из балтийских языков, лтш. *žura, žure* — «грязь», «грязная вода»[10]. Он был оформлен балтийским гидронимическим формантом -ВА, при славянизации получил дополнительный формант -НА. Истоки Журавны (Городенки) находятся в обширном родниковом болоте — мочажине — в Слободенской засеке. В данном случае название реки соответствует географическим особенностям, поэтому оно и закрепилось в этом месте. В устье Городенки находится городище балтов, от которого река получила название (ТОИАЛМ, КОКМ). А в 1,5 км от реки находится древнее поселение Твердь — Вырск, где мощинской культуре соответствует роменская. Только в Белёвском районе находятся четыре гидронима с корневой основой *журав.* Два из них, болота, находятся в районе села Сныхово; еще одно болото в районе с. Кализна; и ручей Журáвый — левый приток реки Бобрик. Фактически рядом с этими природными объектами находятся поселения балтов и славян мощинской и роменской культур [Сныхово-V; Монастырский-I; Уткино-IV, VI (ТОИАЛМ)].

Малая Вы́рка (Люде́мка), река, левый приток Оки. В документах XVI—XVII вв. упоминается как река Вы́ра. В 1620 г.: «За Афанасьем Осиповым сыном Прончищевым в поместье, что ему дано из дворцовых сел жеребей слободы Завырския, на р. на Выре…»[11]. Этот гидроним, как и предыдущий объясняется из славянских языков.

В районе древнейшего села Староселье Умрихина (Умрышенки) участок реки Вырки называется Людемка. Это название распространяется между деревнями Передель и Ганьшино. Оно зафиксировано на карте к «Экономическим примечаниям» Лихвинского уезда и в отчете В. А. Городцова (1895)[12]. Название гидронима можно отнести к специфически балтийским явлениям. Здесь лексико-семантические образования с «земледельческим» значением, в основе которых лежит и.-е. *lēid* «оставлять»; ср. лит. *lydimas* «лесная вырубка», *lydyti* «корчевать, вырубать лес»; и прилагательное *lyda, lydas* «пустой», «голый» (ср. аналогичное в русском: *пустой — пустошь*). Лтш. *lidyms* — «раскорчеванный лес», «подсека»[13]. Продвигаясь вверх по притокам от основной магистрали Оки, племена восточных балтов на отвоеванных у леса территориях основывали новые поселения. Так возник древний поселок балтов Людема, при славянизации ставший Старосельем. В районе данного поселения и участка реки Вырки (Людемки) находятся два селища с мощинским

и роменским материалами [Пахинские Выселки-I, Карцово-I (ТОИАЛМ)]. Аналогичные древние поселок и река Людема находятся в Перемышльском районе Калужской области.

Дунáй (Исáйка), ручей, левый приток реки Вырки, проходит через деревню Какурино. Раннее упоминание в 1613 г.: «…из дворцовых сел, деревня Какуринская на р. на Исайке…»[14]. Под таким названием упоминается и на карте к «Экономическим примечаниям» Белёвского уезда в 1792 г. Жители деревень Какурино и Давыдово называют этот ручей Дунай, а жители села Ильино — Исайка. Название ручья является балтийским, где *isa* — «короткая». Этот гидроним оформлен славянским деминутивным суффиксом -К(А). Аналогичный ручей Исáй находится в Белёвском районе и является правым притоком реки Малой Мизгéи.

Название ручья Дунай демонстрирует пример нечастого перехода собственного имени реки Дунай в нарицательный термин. В устье Дуная (Исайки) находился древний волостной центр село Благовещенское, сейчас это место известно под своим древним названием Дунай-городок. С этого поселения собран обширный подъемный материал, в том числе мощинской и роменской культур [Ильино-I (ТОИАЛМ)]. Аналогичный ручей Дунай является притоком второго порядка реки Песочни (деревня Побуж, Козельский район).

Свинáя (Дубро́ва), ручей, левый приток р. Сетухи, проходит через деревни Кащеево и Полевая (Свиная). Раннее упоминание в 1616 г.: «За жильцем, за Алексеем Андреевым сыном Комынина в поместье, что ему дано из дворцовых сел деревня Коробановская, Свиная тож, на реке на Свинке»[15]. Не вдаваясь в подробности славянской этимологии данного гидронима, следует отметить, что он не мог произойти оттого, что в нем любили купаться домашние свиньи или дикие кабаны, так как они это делают везде и это не является поводом для названия реки. На этом небольшом ручье находятся два крупных селища балтов и славян с мощинским, волынцевским и роменским материалами [Кащеево-I, Болтёнки-I (ТОИАЛМ)]. Поэтому здесь наименее убедительна версия о происхождении названия гидронима из языка балтов, лтш. *svins* — «загрязненный»[16], так как Свиная имеет балтийское название Дубрава, а это на одном языке невозможно.

Дуброва (Дубрава), возможное дославянское название р. Свиная. В 1624 г. деревня, находящаяся на Свиной, называется Дубрава Кощеева. Немногим ранее и позже этого времени она же упоминается сокращенно «Доброкощеевская». В 1568 г.: «…да отхожей дубровы Доброкощеевской четыре десятины…» В данном случае две дубравы не входят в один семантический ряд, это слова-омофоны. Славянская дуброва — дубовый лес. Балтийская Дубрава — от лит. *dubrãvas* «яма», «лощина», «пойменная долина»[17]. В верхнем течении Свиная (Дубрава) имеет обычное строение берегов, от деревни Кащеево долина сужается, а берега становятся выше и к устью достигают максимальной высоты — при относительно узкой и сухой долине ручья. Здесь балтийское название прекрасно вписывается в ландшафт. Здесь же и другой ручей с балтийской этимологией — Вонинец, левый приток Свиной. Фактически рядом есть аналогии: «Деревня Свиная Тутова Слободка на речке на отвершку на Свином»[18]. Деревня также названа Свиная и принадлежала она Тутову, как и деревня Дубрава названа по реке Дубрава и тоже принадлежала Кащееву.

Люти́мка (Литúвка), река, левый приток Оки. Раннее упоминание в 1568 г.: «Деревня Ходыкинская на речке на Лютивле и на речке Волкуше…»[19]. В 1619 и 1630 гг. упоминается уже как Лютимка: «Треть села Дуракова, на р. на Лютимке…»[20] Гидроним с -ЛЬ суффиксацией мог быть образован от ойконима Лютимль, а он от личного имени основателя поселения Люта (Лютима). В данном случае имеет место взаимозамена согласных -М и -В, широко практикующаяся в нашем крае. На реке находится поселение балтов и славян с мощинским и роменским материалами [Ходыкино-I, III (ТОИАЛМ)].

Название гидронима Литивка может происходить от балтийской основы *lietinis* «дождевой»; *liūtas* «довольно дождливая»[21]. Согласные -М, -В, -Н у нас взаимозаменяемые. В восточнославянской топонимии существует ряд названий на -ЛЬ, в их числе ойконимы и образованные от них гидронимы, произошедшие не от личных имен. Причем в этой группе значительно число субстратных (балтийских) названий[22]. Есть вероятность, что при расселении славян старшина рода Лют (Лютим) поселился на реке Литива (Литивль). В этом случае имя балтийского гидронима Литивль заменяется славянским Лютимль и сохраняется до наших дней в окрестностях этого древнего поселка.

28 Зак. 1053

Малая Девóша (Бáйдин), ручей, крупный правый приток реки Девоши — левого притока реки Веженки. Название ручья Малая Девоша в письменных источниках не упоминается, потому что ручей на всем протяжении течет в лесу. Здесь налицо славянская модель антонимов *большой — малый*, которая более характерна для позднего времени. Название гидронима — теонима Девоша балтийского происхождения и означает «божественная»[23].

Название ручья Малая Девоша (Байдин) отражено в названии леса Байдёный, который находится в верховьях и среднем течении этого ручья. С балтийским суффиксом *-ун* имеется интересная, хотя и небольшая группа гидронимов, этимологически связанная с нечистой силой: *baidas-* «привидение», «призрак», к *baidyti(s)* «пугать(ся)», «страшить(ся), «место, где много привидений». Ср. ручей Байдин, левый приток Оки, ниже устья реки Зуши. Важно, что речь здесь идет об оврагах, об этимологической связи этого вида гидронимов с болотом. А болото как обычное местопребывание чертей и всякой нечисти — представление достаточно распространенное в литовской и славянской литературе. Здесь отчетливо выступает связь между значениями «овраг» и «болото». Они этимологически связаны с балтийскими апеллятивами означающими «топь», «болото», «низкое сырое место»[24]. Малая Девоша вытекает из болота Омшáрина Лядá. Таким образом, название крупного притока Девоши — Байдин(а) может являться балтийским антонимом этой реке *божественная — не божественная*. В двух километрах от реки Девоши находится селище древних балтов и ранних славян с материалами мощинского и роменского времени [Кураково-I (ТОИАЛМ)], а в устье Девоши, в деревне Сергеевке, над святыми источниками находится селище древних балтов [Сергеевка-I (ТОИАЛМ)].

Сныховское (Жупéть), озеро-старица. Находится в пойме правого берега Оки, напротив села Сныхово, от которого получило современную форму названия. Является самым крупным озером в Белёвском районе. Раннее упоминание в 1584 г.: «От Лихвинского рубежа по Оке реке на гору по левой стороне озерко Сварливое, озерко Святое, озерко Сныховское, озерко Вязовое…»[25] Под таким названием оно известно в Белёвском районе. Однако старожилы села Сныхово называют свое озеро Жупеть. Гидроним оформлен балтийским формантом -ЕТЬ, уже к X в. вышедшему из употребления (устная информация Р. А. Агеевой). Ср. соседние реки: Кипеть, Черепеть, Снежеть, Вытебеть и др. Название возможно из балтийских языков — *žibute; žibeti* «блестеть»[26]. Озеро вполне могло получить такое название, так как находится в широкой пойме. От села Сныхово с высокого берега водная гладь озера постоянно блестит на солнце, которое восходит за озером и большую часть светового дня отражается в его водах. В этом селе, а также на берегах озера Жупеть находятся селища мощинской и роменской культур (ТОИАЛМ). На топографических картах это озеро ошибочно названо Жýпель, это название соседнего маленького озера.

Кроме вышеперечисленных гидронимов в непосредственной близости от г. Белёва (в радиусе 5 км) находятся другие речки и ручьи, носящие балтийские названия: Белевá, Вéженка, Большой, Средний и Нижний Сестри́ки, Исти́ца, Бóсланка, Вонинéц, Вóлкуша, Сéтуха, Челмéнка и др.[27] Эти гидронимы, как и продолжение этого списка, дают наглядное и, можно сказать, достаточное для этого этапа исследований представление о балтийском ландшафте округи г. Белёва. Вместе с тем они, кажется, позволяют специально говорить о сильном балтийском фоне в зоне радиусом в 10—15 км вокруг этого города. Не исключено, что позже, в период сильно продвинувшейся славянизации Белёва и его окрестностей, балтийский элемент проявил особую устойчивость в этой зоне.

Чрезвычайно интересно и, несомненно, весьма показательно то обстоятельство, что на территории вокруг Белёва малые речки и ручьи носят балтийские названия, что известным образом даже нарушает отчасти правило, согласно которому малые водные объекты носят обычно славянские названия. Отсюда следует, что в районе Белёва жило древнее население, передавшее восточнославянским племенам свои или еще более древние названия водных объектов. Перед нами очень важное явление, указывающее на непрерывность устной традиции в передаче древних названий рек и озер Белёвского края. Они могли сохраниться только при условии существования постоянных поселений на их берегах, при передаче этих названий из уст в уста, иначе, при лакуне, реки остались бы

безымянными или получили бы названия от новых пришельцев. Здесь крайне важно и то обстоятельство, что все вышеперечисленное имеет логическое археологическое подтверждение даже по подъемному материалу, широко представленному с этой территории в ТОИАЛМ (Тула) и частично в КОКМ (Калуга).

Дославянские древности Белёвского края должны объясняться непосредственно именно из языка древних балтов, выступавшего как субстрат по отношению к потоку славянской колонизации этой территории носителями волынцевской и роменской археологических культур.

Литература

[1] См.: *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. — Вып. XVI. — М., 2004. — С. 100.

[2] См.: *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. — Т. II. — М., 1999. — С. 41.

[3] См.: Карта совхоза «Заря», Госагропром РСФСР, институт Центргипрозем, Тульский филиал. Инв. № 207-8 от 03.08.1988.

[4] См.: *Абакулов В. И.* Страницы истории села Вейно Козельского уезда //Козельские чтения. — Вып. 5—6. — Калуга, 2005. — С. 21; *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика: Собрание древних памятников об истории Белёва и Белёвского уезда. — Т. II: Описание Вырского стана. — М., 1858.

[5] См.: *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. — Т. I. — М., 1999. — С. 140.

[6] *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика. — Т. II. — С. 239, 240.

[7] См.: *Барбашов Е. Р.* Древнебалтская гидронимия Белёвского края и археологические данные // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Вып. XII. — Калуга, 2008. — С. 97.

[8] См.: *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. — Т. I. — С. 100.

[9] *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика. — Т. II. — С. 237, 252, 255, 276.

[10] См.: *Агеева Р. А.* Гидронимия русского северо-запада как источник культурно-исторической информации. — М., 2004. — С. 190; *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. — М., 2000. — С. 95—96.

[11] *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика. — Т. II. — С. 83.

[12] См.: Описание города Лихвина и его уезда со всеми лежащими в них дачами, в чьем они владении, какое число мужеска пола душ и сколько мерою земель, со внесением экономических примечаний // Описания и алфавиты к Калужскому атласу. — Ч. 1: Генеральный план Лихвинского уезда, часть I. — СПб., 1782; *Городцов В. А.* Материалы для Археологической карты долины и берегов р. Оки (1895 г.) // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. — Т. I. — М., 1902. — Карта Белёвского уезда.

[13] См.: *Куркина Л. В.* Славянские термины подсечного земледелия на индоевропейском фоне // Балто-славянские исследования. 1998—1999. — Вып. XIV. — М., 2000. — С. 11.

[14] *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика. — Т. II. — С. 182.

[15] Там же. — С. 177.

[16] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. — Т. III. — М., 1987.— С. 578.

[17] См.: *Поспелов Е. М.* Топонимический словарь Московской области. — М., 2000. — С. 86.

[18] *Антонов А. В.* Выпись из писцовых книг 1568/1569 гг. на земли в округе Белёва // Белёвские чтения. — Вып. II. — М. 2002. — С. 37.

[19] Там же. — С. 36.

[20] *Елагин Н.* Белёвская вивлиофика. — Т. II. — С. 137.

[21] См.: *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки. — С. 97, 98.

[22] См.: *Агеева Р. А.* Гидронимия русского северо-запада как источник культурно-исторической информации. — С. 176.

[23] См.: *Барбашов Е. Р.* Древнебалтская гидронимия Белёвского края и археологические данные. — С. 95.

[24] См.: *Откупщиков Ю. В.* Древняя гидронимия в бассейне Оки. — С. 92.

[25] *Маштафаров А. В.* Акты XVI в. Спасо-Преображенского монастыря г. Белёва из собрания РГАДА // Белёвские чтения. — Вып. II. — М., 2002. — С. 57.

[26] См.: *Завьялова М. В.* Модель мира в литовских и русских заговорах «от змеи» (сопоставительный анализ) // Балто-славянские исследования. 1998—1999. — Вып. XIV. — М., 2000. — С. 206.

[27] См.: *Барбашов Е. Р.* Древнебалтская гидронимия Белёвского края и археологические данные. — С. 92—98.

НАХОДКИ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ГОЧЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

***Г. Ю. Стародубцев**, к. и. н., дир.,*
Курский государственный областной музей археологии

Данная работа посвящена серебряным и медным монетам Золотой Орды*, обнаруженным на Гочевском археологическом комплексе (Курская область, Беловский район) в 2000-е гг. При этом необходимо отметить, что это первые нумизматические находки XIII—XIV вв. в Гочеве.

Комплекс средневековых археологических памятников расположен в 1,8 км к северо-северо-востоку от с. Гочево, на правобережной террасе р. Псёл. Он состоит из городища 1 («Крутой курган») и городища 2 («Царский Дворец»), примыкающего к ним селища 1 (посада), а также курганного и грунтового могильников. Все памятники комплекса взаимосвязаны и отражают этапы развития одного поселения в период с конца X в. по рубеж XIV—XV вв. Составляющие комплекс элементы указывают на наличие в этом месте древнерусского города XI—XIV вв.

Среди находок на поселении при сборе подъемного материала зафиксированы один данг и три пула. В 2002 г. сотрудниками Древнерусской экспедиции Курского государственного областного музея археологии был зафиксирован серебряный данг (см.: Стародубцев, 2002. Л. 14. Рис. 64, *1*). Вес монеты (КМА 151/19/2) — 1,35 г. На ее аверсе частично стертая строчная надпись «Султан справедливый//Тохтамыш хан//?//»; на реверсе в фигурной рамке четко виден год чеканки ٨٠٨٧, что читается как «887 год Хиджры» (рис. 1, *1*). Но, вероятно, год отчеканен не совсем правильно — первая цифра, скорее всего, перевернута. Такие перепутанные числа встречаются среди золотоордынских монет (см.: Френ, 1832. С. 23. № 186). Можно предположить, что правильный год чеканки ٧٨٧٠ — «787 год Хиджры», что соответствует 1385/1386 гг. от Рождества Христова.

В 2004 г. были найдены три медных пула (см.: Стародубцев, Зорин, 2004. Л. 11. Рис. 146, *1—3*).

Пул № 1 (КМА 169/50/43), вес — 1,12 г. На аверсе — в квадратной рамке, разделенной горизонтальной линией, стертая арабская надпись в две строки; на реверсе — зверь с изогнутым хвостом [как считают некоторые исследователи — барс (см.: Гончаров, 2004. С. 17)], идущий вправо, над его спиной восходящий диск солнца, имеющий две окружности, с треугольными лучами (рис. 1, *2*). По мнению В. П. Лебедева данная монета является подражанием пулу, чеканившемуся в Сарае в 737 г. х. (см.: Лебедев, Зорин, 1996. Табл. 3, *14*).

Пул № 2 (КМА 169/50/42), вес — 0,62 г. На аверсе — полностью стертая арабская надпись; на реверсе — зверь с изогнутым хвостом, идущий вправо, над его спиной восходящий диск солнца, имеющий две окружности с треугольными лучами (рис. 1, *3*). Скорее всего, и эта монета является подражанием сарайскому пулу 737 г. х., но так как сторона с легендой полностью стерта, нельзя исключать, что это «родной» пул Сарая.

Пул № 3 (КМА 169/50/41), вес — 1,62 г. На аверсе — обрезанная арабская надпись в две строки «чекан//изображение верхней части второй строки»; реверс: фрагмент очень грубого изображения двуглавого орла. Монета является подражанием пулу Сарая ал-Джадид 740-х гг. х.

В 2007 г. в Курский государственный областной музей археологии В. П. Лебедевым было передано изображение подражания дангу, обнаруженного на поселении весной 2004 г. и опубликованного Ю. В. Клочковым (см.: Клочков, 2007. С. 81. Рис. 45). Монета (вес — 0,37 г) потерта, обломана, на ее поверхности наблюдается отслоение металла (рис. 1, *5, 6*).

По мнению В. П. Лебедева, аверс является подражанием дангу Мухаммада, Ю. В. Клочков считает, что найденная монета является подражанием дангу Тохтамыша. Оба исследователя одинаково читают первую из трех строк «Султан справедливый», однако

* Автор выражает признательность В. П. Лебедеву за неоценимую помощь в определении монет.

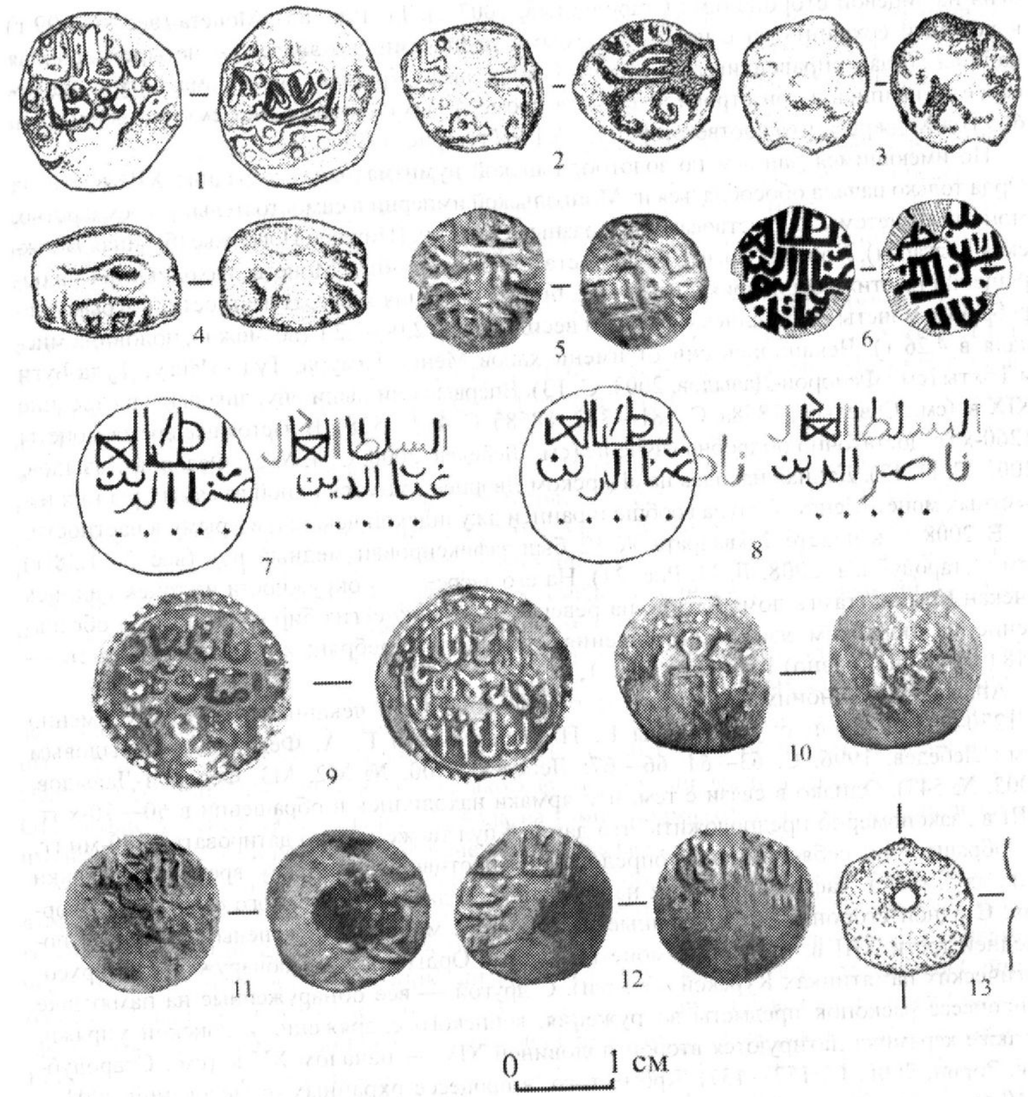


Рис. 1. Монеты Золотой Орды Гочевского археологического комплекса: *1* — данг (Тохтамыш, 1385/1386 гг.); *2* — пул (Сарай ал-Джадид); *3* — пул (Сарай ал-Джадид?); *4* — пул; *5* — подражание дангу Мухаммада (?) [Тохтамыша (?)]; *6* — прорисовка подражания дангу Мухаммада (?) [Тохтамыша (?)]; *7, 8* — варианты прочтения надписей на подражании дангу Мухаммада (?) [Тохтамыша (?)]; *9* — ярмак (Менгу-Тимур, Крым, 1266/1267 гг.); *10* — пул (Крым, 1270-е гг.); *11* — данг (Тохтамыш, Сарай ал-Джадид, 1380/1381 гг.); *12* — данг [Тохтамыш (?), Азак]; *13* — округлая пластинка с отверстием (*1, 5—6, 9, 11, 12* — серебро; *2—4, 10, 13* — медь).

при прочтении лакаба на второй строке В. П. Лебедев читает «Гийас ад-Дин» (рис. 1, *7*), а Ю. В. Клочков — «Насир ад-Дин» (рис. 1, *8*). На монетах Мухаммада помещалась только один лакаб — Гийас ад-Дин, а на монетах Токтамыша чаще вообще не было лакаба, но иногда помещался один из трех разных лакабов — чаще Насир ад-Дин, реже Джелаль ад-Дин или тот же Гийас-ад-Дин. Таким образом, в принципе возможны оба прочтения.

Однако при этом на реверсе читается слово «расул», являющееся фрагментом символа веры, что на подлинных монетах Мухаммада не встречается. Вполне вероятно, что у данного подражания прототипами для лицевой и оборотной сторон были разные монеты.

Среди находок во время раскопок на городище «Царский Дворец» зафиксированы один ярмак, два данга, один пул и один монетовидный кружек. В 2007 г. в пласте 2 квадрата М 5 был обнаружен редкий тип серебряного джучидского ярмака, имеющий следы

огня на лицевой стороне (см.: Стародубцев, 2007. Л. 11. Рис. 65). Монета (вес — 1,99 г) в хорошей сохранности с четко читаемыми надписями: на аверсе — четырехстрочная надпись «Каан справедливы-//й Менгу-Тимур//чекан Крыма//(тамга дома Бату)»; на реверсе — надпись в три строки «Нет бога кроме Аллаха//единого, нет ему сотовари-//ща. 665 год Хиджры», что соответствует 1266/1267 гг. (рис. 1, *9*).

По имеющимся данным по золотоордынской нумизматике, в середине XIII в., когда Орда только начала обособляться из Монгольской империи в самостоятельное государство, монетные системы, существовавшие в разных ее частях [Нижнее Поволжье (бывшая Волжская Болгария), Хорезм, Крым], были достаточно автономны. Монеты, находившиеся в обращении на этих территориях, имели различные названия и вес. В частности, в Крыму серебряные монеты назывались «ярмак» и весили около 2,0—2,2 г (возможно, половина мискаля в 4,26 г). Чеканились они от имени ханов Менгу-Тимура, Туда-Менгу, Тула-Буги и Тохты (см.: Федоров-Давыдов, 2003. С. 13). Впервые они были опубликованы в середине XIX в. (см.: Савельев, 1858а. С. 181—342; 1858б. С. 468—528). В настоящее время монеты 1260-х гг. достаточно подробно изучены (см.: Лебедев, 2000. С. 4. № с2; Федоров-Давыдов, 2003. С. 11, 13). Данная находка на «Царском Дворце» является одной из самых ранних известных монет Менгу-Тимура вообще и ранней джучидской чеканки в Крыму в частности.

В 2008 г. в пласте 2 квадрата Ж 12 был зафиксирован медный пул (вес — 1,38 г) (см.: Стародубцев, 2008. Л. 13. Рис. 24). На его аверсе — в окружности из точек надпись «чекан Крыма//(тамга дома Бату)»; на реверсе — «Кырк//сёгиз бир яр-//маку» — обозначение на тюркском языке соотношения стоимости серебряных и медных монет — «48 (этих монет равно) 1 ярмаку» (рис. 1, *10*).

Аналогичные анонимные монеты с тамгой дома Бату чеканились в Крыму именно с 1270-х гг. и были опубликованы В. П. Лебедевым и Г. А. Федоровым-Давыдовым (см.: Лебедев, 1996. С. 63—64, 66—67; Лебедев, 2000. № М2, М3; Федоров-Давыдов, 2003. № 543). Однако в связи с тем, что ярмаки находились в обращении в 60—70-х гг. XIII в., закономерно предположить, что данный пул также можно датировать 1270-ми гг.

Обращает на себя внимание определенное противоречие между временем чеканки этих двух монет, зафиксированных на памятнике, и датировкой самого «Царского Дворца». С одной стороны, обе найденные на городище монеты отчеканены в Крыму в последней трети XIII в. (подобные монеты Золотой Орды впервые обнаружены на археологических памятниках Курской области). С другой — все обнаруженные на памятнике в процессе раскопок предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи, а также керамика датируются второй половиной XIV — началом XV в. (см.: Стародубцев, Зорин, 2008. С. 152—157). Кроме того, в процессе охранных исследований 2004—2010 гг. установлено, что «Царский Дворец» существовал достаточно узкий временной период. На основании имеющихся данных постройку крепости замкового типа, вероятно, нужно датировать серединой — второй половиной 1360-х гг., когда данная территория, после победы Ольгерда над татарами у Синих Вод в 1362 г., перешла под юрисдикцию Великого княжества Литовского.

Находки монет второй половины XIII в. на городище, скорее всего, связаны с событиями конца XIV в., а точнее, с походом Витовта зимой 1397—1398 гг. вниз по Днепру и захватом, в результате этого похода, значительной территории, включая части побережья Черного моря. Вполне возможно, что среди его участников были и дружинники, которые могли привезти крымские монеты в качестве военного трофея в замок юго-восточного порубежья Великого княжества Литовского на берегу р. Псёл.

В 2009 г. при зачистке бровки в квадрате Б' 15 также на уровне пласта 2 найдена медная округлая пластинка с отверстием (см.: Стародубцев, 2009. Л. 29. Рис. 175, *12*). Ее вес составляет 0,72 г (рис. 1, *13*). По мнению Н. М. Фомичева, «наличие таких монетовидных пластинок… может свидетельствовать о том, что при недостатке в обращении меди такие пластинки использовались в качестве денег, вероятно, с меньшей покупательной способностью» (см.: Фомичев, 2006. С. 217).

При расчистке сгоревшей постройки 5 в 2010 г. в слое золы обнаружены два серебряных данга, имеющие следы значительной потертости в результате продолжительного хождения. Кроме того, на реверсе данга № 1 заметны следы огня.

Данг № 1, вес — 1,17 г. На аверсе — трехстрочная надпись, от которой сохранилась только первая строка «Султан справедливый», на реверсе — частично стертая надпись «чекан Сарая ал-Джадид // 782» (рис. 1, *11*). Судя по дате это данг Тохтамыша, отчеканенный в 1380/1381 гг. от Рождества Христова.

Данг № 2, вес — 1,46 г. На аверсе — от трехстрочной надписи сохранилась первая и окончания второй и третьей строк «Султан // … хан // … его правление», на реверсе — частично стертая строчная надпись «… // города Азак // году …» (рис. 1, *12*). К сожалению, на монете не сохранились ни имя хана, ни дата. Однако по весу и внешнему оформлению это тоже данг Тохтамыша.

В связи обнаруженными на памятнике в процессе раскопок датирующими предметами можно предположить, что гибель городища «Царский Дворец» наиболее вероятно связана с событиями, последовавшими за разгромом литовско-русской армии Витовта и татар Тохтамыша объединенными силами Тимур-Кутлуга и Едигея 12 августа 1399 г. в битве на Ворскле. Преследуя остатки армии Витовта, отряды победителей рассеялись по всем землям литовско-русского порубежья, грабя города и селения [«… поиде царь Темир-Кутлуй х Киеву и взя с него 3 000 рублев литовских сребром, а силу свою всю роспусти воевати земли литовские, и ходиша рати татарские, воючи даже до Великаго Лучскаго, и много городов попленища и стран воеваша…» (Пискаревский летописец, 1978. Л. 421)]. Несомненно, среди этих разоренных земель находился и Курский край. Возможно, именно тогда был взят штурмом и сожжен замок на р. Псёл.

О том, что это произошло в теплое время года, свидетельствуют остатки глинобитной печи, обнаруженные в 2005 г. при исследовании одной из сгоревших клетей. Она находилась в юго-западном углу постройки, была сооружена на ступеньке из материковой глины и, судя по форме задней стенки, вплотную примыкала к бревенчатой стене клети. Свод ее был обрушен при пожаре, однако хорошо сохранился под со следами ремонта. Отсутствие углей, а также следов прокала на глине подмазки позволяет предположить, что на момент гибели постройки печь не использовалась.

Не исключено также, что гибель крепости могла произойти в ходе военных действий второй четверти XV в. Именно на этот период (1432—1437) приходится борьба северского князя Свидригайло за власть в Великом княжестве Литовском, осложненная соперничеством татарских ханов — союзника литовцев Улу-Мухаммеда и его противника Сейид-Ахмеда. В частности, известно, что в 1433 г. татары, которых привел на помощь Свидригайлу воевода Ивашко Монивидович, разорили Киевщину и Северскую землю, а весной 1436 г. военные действия между войсками Свидригайло и Сигизмунда I велись в районе верхней Оки и на северо-востоке Северской земли (см.: Гудавичюс, 2005. С. 280—290; Флоря, 2001. С. 180).

Еще одна вспышка военной активности в регионе относится к событиям мятежа князя Михаила Сигизмундовича, который летом 1449 г. при помощи союзных татар захватил Стародуб, Новгород-Северский, Брянск и «ряд других замков» на Северской земле (см.: Гудавичюс, 2005. С. 310; Флоря, 2001. С. 187).

Вне зависимости от того, какое из вышеперечисленных событий послужило поводом для уничтожения крепости, время ее гибели укладывается в рамки конца XIV — второй четверти XV в. Новые нумизматические находки позволят более точно определить верхнюю дату существования данного археологического объекта.

Литература

Гончаров Е. Ю. Медные монеты Сарая ал-Джадид // Древности Поволжья и других регионов: Сб. статей. — Вып. V: Нумизматический сборник. — Т. 4. — М., 2004.

Гудавичюс Э. История Литвы. — Т. I: С древнейших времен до 1569 года. — М., 2005.

Клочков Ю. В. Материалы к топографии находок двухсторонних подражаний серебряным монетам Золотой Орды (2000—2006 гг.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. — Вып. 2. — М., 2007.

Лебедев В. П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (середина XIII — начало XV вв.) // Вестн. Одесск. музея нумизматики. № 2. — Одесса, 2000.

Лебедев В. П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода: Ярмаки Крыма — «серебро законное для обращения» // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. — Ч. 4. — М., 1996.

Лебедев В. П., Зорин А. В. Денежное обращение Курской земли в золотоордынское время // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 6. — Донецк, 2008.

Петров П. Н., Беляев В. А. К вопросу о персонализации тамг на монетах чагатайского улуса // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII—XV веков. — М., 2005.

Пискаревский летописец // ПСРЛ. — Т. 34. — М., 1978.

Савельев П. С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Восточного отделения Императорского археологического общества. — Т. XII. — Вып. 2, — М., 1858а.

Савельев П. С. Неизданные джучидские монеты из разных собраний // Труды Восточного отделения Императорского археологического Общества. — Ч. III, — М., 1858б.

Стародубцев Г. Ю. Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне: Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931—2000). — М., 2006.

Стародубцев Г. Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2007 г. // НА КГОМА. I-149.

Стародубцев Г. Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2008 г. // НА КГОМА. I -150.

Стародубцев Г. Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2009 г. // НА КГОМА. I-156; I-157.

Стародубцев Г. Ю. Отчет об охранных раскопках курганного могильника около с. Гочево Беловского района и разведочных работах около д. Духовец Курского района Курской области в 2002 г. // НА КГОМА. I-11; I-12.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Находки предметов вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. — Курск, 2008.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2004 г. // НА КГОМА. I-128; I-129.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Отчет об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2005 г. // НА КГОМА. I-137; I-138.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. — М., 2003.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430—1460) // Славяне и их соседи. — Вып. 10: Славяне и кочевой мир. — М., 2001.

Фомичев Н. М. Попытки датировки анонимных ордынских пулов на основе статистики находок монет (по данным археологических раскопок одного из объектов Азака) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. — Вып. 22, — Азов, 2006. — С. 208—231.

Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухамедданских династий. — СПб., 1832.

ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНСКОГО ОГОЛОВЬЯ У ПЛЕМЕН ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (I тыс. до н. э.)

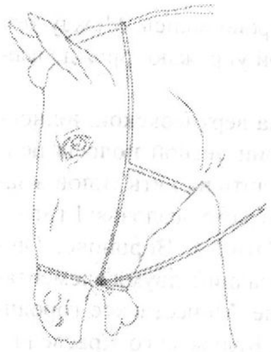
***Р. Н. Модин**, ст. лаб.,*
Институт археологии РАН;
***Е. В. Столяров**, ст. преп.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

Вопрос о развитии верховой езды у лесных племен Восточно-Европейской части России в раннем железном веке в отечественной науке освещался мало. Можно лишь выделить работы К. А. Смирнова, посвященные развитию верховой езды у племен городецкой, ананьинской и дьяковской культур (см.: 5, 6, 7). В отношении же юхновской, верхнеокской и днепродвинской культур подобные исследования не проводились. Между тем с памятников этих культур известны находки, связанные с конской упряжью, прежде всего это костяные либо роговые псалии.

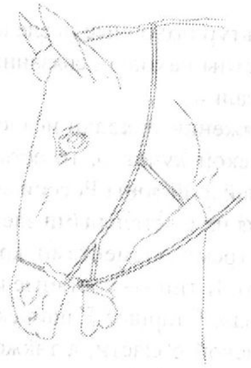
Имеющиеся в нашем распоряжении находки псалиев из ареала верхнеокской, юхновской, днепродвинской и дьяковской культур, то есть с территории лесной полосы центральной части Восточно-Европейской зоны России можно разделить на пять типов в зависимости от способа соединения их с остальными элементами конского оголовья: I тип — костяные и роговые псалии с тремя элементами креплении (Сатинка, Вороново, Ош-Панда, Холмец, Кудеяров Бугор); II тип — костяные и роговые псалии с двумя элементами крепления (городище «Макча», Старшее Каширское городище, Моисеевское городище, селище Сосновка 4 Московской области, а также псалий из Калужского Краеведческого музея); III тип — псалии типа «Графская гора» (по названию памятника, на котором был найден один из предметов), изготавливавшиеся из рога и имеющие в середине два перпендикулярных друг другу отверстия (городище Графская гора и Корчевское); IV тип — однодырчатые костяные псалии (городище Лабище и Юхновского городище); V тип — псалии типа «Старшее Каширское городище», имеющие, как и псалии III типа, два перпендикулярных отверстия в центре и еще одно — ближе к краю (Старшее Каширское городище и городище Лбище). Более подробно эти находки и их типология рассмотрены нами в отдельной статье, поэтому останавливаться на этом аспекте не будем (см.: 9). Здесь мы попытаемся представить систему уздечного оголовья с данными типами псалиев. При этом будем основываться, во-первых, на аналогиях, представляющих собой предметы схожие с нашими, а также на произведениях изобразительного искусства, изображающих всадников, происходящих с хронологически близких памятников других культур и территорий, где верховая езда была хорошо развита и имела большое значение; во-вторых, на общих принципах и приемах управления верховым конем, дошедших до настоящего времени практически без изменений. Сразу стоит оговориться, что предложенный вариант может быть представлен только в качестве эмпирического предположения, не претендующего на абсолютную объективность и точность ввиду отсутствия находок полных уздечных комплектов и их элементов *in situ*, как это происходит на синхронных памятниках скифского времени. Приемы управления верховым конем, свойственные племенам лесной зоны, безусловно, заимствовались ими у своих более южных соседей — племен позднебронзового, предскифского и скифского времени лесостепи и степи, в жизни которых верховая езда имела большое значение. Приемы эти заимствовались лесными племенами в сильно упрощенном виде и, судя по всему, не претерпевали изменений на протяжении долгого времени.

Все вышеописанные псалии у племен юхновской, верхнеокской, днепро-двинской культур, скорее всего, могли использоваться либо с мягкими, либо с жесткими удилами (за исключением псалиев II типа), изготовленными из плохо сохраняющихся материалов (дерево, кость). Вряд ли эти псалии могли использоваться с металлическими удилами; по крайней мере, на памятниках этих культур последние не найдены. Однако металлические удила встречаются на памятниках дьяковской, ананьинской, городецкой культур раннего железного века. Не будем останавливаться на этих находках подробно, так как они рассмотрены в статье К. А. Смирнова (см.: 5). Отметим лишь, что они представляют собой железные и бронзовые предметы, распространенные на памятниках скифского времени в VII—III вв. до н. э. (стремявидные, двукольчатые, петельчатые удила), что лишний раз свидетельствует о заимствовании лесными-лесостепными племенами приемов верховой езды у своих более южных соседей. Это подтверждается многочисленными аналогиями нашим псалиям на памятниках этих культур.

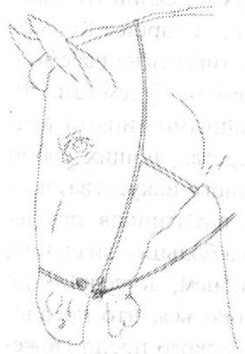
Псалии III и IV типов представляют на наш взгляд наиболее архаический тип уздечного оголовья. Реконструкция узды с псалиями III типа представлена К. А. Смирновым (см.: 7. С. 184. Рис. 2), поэтому подробно на ней останавливаться не будем. Конструкция узды с псалиями IV типа сходна с уздой с псалиями III типа. Мягкие удила пропускались в отверстие псалия, завязывались в петлю, к которой крепился повод. Нащечный ремень в данном случае не делился, крепился в псалиях IV типа, судя по всему, либо непосредственно к удилам, либо привязывался к самому псалию (рис. 1, *1*). Для более прочной фик-



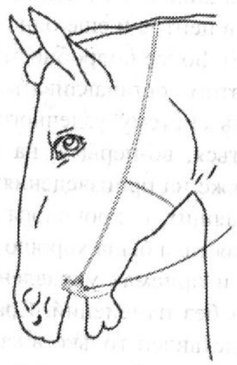
1



2



3



4

Рис. 1. Вариант реконструкции конского оголовья у племен лесной полосы Восточно-Европейской части России в раннем железном веке (I тыс. до н. э.): 1 — с псалиями IV типа (Лбище); 2 — с псалиями I типа (Сатинка); 3 — с псалиями II типа (Сосновка), 4 — с псалиями V типа (Старшее Каширское гор.).

сации удил и псалиев мог использоваться подгубный и наносный ремень, который, скорее всего, привязывался к удилам в том месте, где они пропускались в отверстие псалия. Такой способ конструкции уздечного оголовья является наиболее архаичным и восходит еще к эпохе бронзы. Например, на одном из рельефов Рамсеса II (1290—1223 до н. э.) из Абу-Симбела, воспроизводящем битву при Кадеше (см.: 2. С. 273. Рис. 134, *4*), изображен всадник на лошади, взнузданной по схеме, похожей на представленную нами. Продолжает подобная узда встречаться и в раннем железном веке, что мы можем увидеть, например, на одном из ассирийских рельефов IX в. до н. э., изображающем сцену угона пленных (см.: 1. С. 152. Рис. 31). К середине I тыс. до н. э. относится этрусская ваза, на которой изображены киммерийские воины, лошади которых имеют похожую на нашу узду (см.: 2. С. 111. Рис. 52, *4*).

В узде с псалиями I, II и V типов применялся уже раздвоенный нащечный ремень. Конструкция узды с этими псалиями похожа, имея лишь небольшие отличия в способе крепления псалиев и удил, обусловленных конструктивными особенностями самих псалиев. В узде с псалиями I типа (рис. 1, *2*) концы мягких удил также пропускались в среднее отверстие, завязывались в петлю, к которой крепился повод. Нащечный ремень двоился, и его концы привязывались к крайним отверстиям. Не совсем понятна схема оголовья с псалиями II типа, что подтверждается находками узды в конских погребениях *in situ*, а также изображениями скифских всадников на различных предметах изобразительного искусства (например, на гребне из кургана Солоха). У скифо-сибирских племен эти псалии вставлялись во внешнее окончание металлических удил, а нащечный ремень двоился и концы его крепились к элементам крепления псалия. В нашем случае металлических удил не было; следовательно, можно предположить, что псалий помещался в петлю, образованную концом мягких удил, иными словами, мягкие удила просто привязывались к псалиям между отверстиями, а концы раздвоенного нащечного ремня крепились к отверстиям псалия (рис. 1, *3*). Конструктивные особенности псалиев V типа, так же как и псалиев III типа, заключаются в перпендикулярном расположении отверстий. Отличие состоит в наличии у псалиев V типа двух, а не одного отверстий для нащечного ремня, что свидетельствует о его раздвоении. Реконструкция узды с этим типом псалиев также представлена К. А. Смирновым (см.: 6), однако нам она видится несколько иной.

Мягкие удила, как и в остальных случаях (за исключением псалиев II типа), пропускались в центральное отверстие, нащечный ремень двоился, и концы его пропускались в отверстия, перпендикулярные тому, в который пропускались концы удил (рис. 1, *4*). По способу крепления этот псалий, судя по всему, аналогичен псалиям типов III и IV, выделенных К. Ф. Смирновым для эпохи поздней бронзы Поволжско-Уральских степей (см.: 8), а также относящимся к эпохе поздней бронзы находкам с городища Воинская Гребля на р. Сула и урочища Скельки в нижнем Поднепровье (см.: 3. С. 93. рис. 7, *3, 4*). Эти псалии относятся к самому концу эпохи бронзы и к самому началу гальштатской эпохи (см.: 8. С. 64). Встречаются подобные псалии и на других территориях. Роговые псалии с перпендикулярно расположенными отверстиями встречены на памятниках кобанской культуры, в слое X—VII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения, на Змейском поселении (см.: 4. С. 28). Применение раздвоенного нащечного ремня встречается еще в эпоху бронзу. Так, узду с раздвоенным нащечным ремнем можно увидеть на изображении военной сцены времени Аменхотепа III (XV в. до н. э.) (см.: 8. С. 53. Рис. 4). Хронологически ближе к нашим находкам изображения рельефах Ашшурбанипала (668—629 до н. э.) из Ниневии со сценами охоты (см.: 8. С. 58. Рис. 7, *1*), узда коня там похожа на реконструируемую нами для псалиев I и II типов: концы раздвоенного нащечного ремня, прикрепленные к концам псалиев роговидной формы, повод, привязанный либо к удилам, либо к псалиям по центру. Тоже самое можно наблюдать на более ранних стенных росписях дворца Тиль Барсипа (см.: 2. С. 213. Рис. 104). Под вопросом остается применение в случае с нашими псалиями наносного и подгубного ремня. На большинстве рассмотренных изображений виден только наносный ремень, крепившийся к нащечному в месте раздвоения последнего, а подгубного либо нет, либо он не виден. Такой ремень есть на изображении времени Аменхотепа III, где подгубный и наносный ремни крепились в месте соединения удил и псалиям, такую же картину можно увидеть на ассирийских и древневавилонских изображениях конца II тыс. до н. э. [см.: 8. С. 52]. К. Ф. Смирнов предположил, что на Переднем Востоке этот ремень являлся пережитком древнейшего способа взнуздывания коня [см.: 8. С. 52]. У племен Восточно-Европейской части России подгубный и наносный ремень вполне мог использоваться, если учесть их отставание в деле освоения верховой езды, а также использование мягких удил, для более прочной фиксации которых этот ремень мог использоваться. В таком ремне, скорее всего, не было необходимости при узде с псалиями V типа, так как там функцию более прочной фиксации удил выполнял один из концов нащечного ремня, пропускавшийся в отверстие, перпендикулярное тому, в которое пропускались концы мягких удил. Помимо наносного и подгубного ремней в узде использовался подщечный или налобный ремень, либо оба этих ремня вместе, изображение которых наблюдается практически на всех рассмотренных изображениях.

Литература

1. *Дьяконов И. М.* Предистория армянского народа. — Ереван, 1968.
2. *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. — М., 2001.
3. *Ильинская В. А.* Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // Советская археология. — 1963. — № 2.
4. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. — Вып. В2-5. — М., 1982.
5. *Смирнов К. А.* Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур // Российская археология. — 1998. — № 3.
6. *Смирнов К. А.* Костяной псалий со Старшего Каширского городища // Советская археология. — 1988. — № 2.
7. *Смирнов К. А.* Роговой псалий с городища «Графская Гора» // Советская археология. — 1972. — № 2.
8. *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // Советская археология. — 1961. — № 1.
9. Тверская земля и сопредельные территории в древности: Материалы семинара. — Тверь, 2011.

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ТРУД Н. П. ЛИХАЧЕВА «РАЗРЯДНЫЕ ДЬЯКИ XVI ВЕКА» И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИКАЗНОЙ БЮРОКРАТИИ

А. Ю. Савосичев, к. и. н., доц., Орловский государственный университет

В российской историографии достаточно работ, посвященных дьякам и подьячим. В то же время можно найти сравнительно немного трудов, где одной из отдельных задач исследования было бы определение социального происхождения и статуса служилой бюрократии. Одним из таких трудов стала фундаментальная книга Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века», вышедшая из печати в 1888 г.

Одной из задач исследования было определено «провести мысль о том, что все видные дьяки XVI века происходили из служилого слоя»[1]. Задача эта была блестяще решена[2]. Влияние труда Лихачева на всю последующую историографию трудно переоценить. Не будет преувеличением сказать, что его работа стала своего рода «альфой и омегой» для всех исследователей, кто хотя бы в какой-то мере касался вопроса о социальной природе дьячества XVI в.

Пожалуй, единственным, кто высказал определенный скепсис по отношению к выводам Н. П. Лихачева, был Н. Н. Оглоблин: «Исследование г. Лихачева сообщает отрывочные и неполные биографические данные только о некоторых дьяках. Однако г. Лихачев решается утверждать, "что огромное большинство приказных дьяков XVI века несомненно дети боярские, повышенные в дьячество" (с. 549). Путь будет пока (то есть, пока не появятся обстоятельные биографии всех дьяков) и так…»[3] То есть, по мнению Н. Н. Оглоблина, выводы Н. П. Лихачева основаны на анализе лишь небольшой части биографических данных о дьяках, что порождает сомнения в адекватности самих выводов. Это только одно и притом не главное обстоятельство. Главное, что было причиной скепсиса Н. Н. Оглоблина, состоит в том, что его выводы о социальном происхождении служилой бюрократии XVII в. существенным образом разошлись с заключениями Н. П. Лихачева о дьяках XVI столетия. «Но ведь XVII век не каменными стенами отделен от своего предшественника»[4]. Н. Н. Оглоблин пришел к выводу, что столичное дьячество в XVII в. комплектовалось в основном из подьячих, а корпус подьячих московских приказов формировался в меньшей степени из подьяческих же детей, а в большей — из подьячих провинциальных, переведенных в Москву из уездных учреждений[5]. Последние же рекрутировались в основном из «простого всенародства» — пушкарей, площадных и губных дьячков, посадских, духовенства, казаков; стрелецких, казачьих и солдатских детей; гулящих людей (дети служилых и тяглых людей, не попавшие в службу и тягло)[6]. Получается очень простой силлогизм: раз дьяки происходили в основном из московских и провинциальных подьячих, а подьячие, в свою очередь, были выходцами из «простого всенародства», то и сами дьяки в итоге рекрутировались из «демократических» слоев населения.

Насколько справедливы замечания Н. Н. Оглоблина Н. П. Лихачеву, если рассуждать непредвзято? Справедливы. Судя по именному указателю к «Разрядным дьякам XVI века», в книге Н. П. Лихачева приведены сведения о 419 дьяках и подьячих. Из этого списка сразу следует исключить восемь фамилий: это те случаи, когда под разными вариантами своего прозвания упоминается один и тот же человек. Из оставшихся 411 имен 99 содержатся только в приложении, которое представляет собой публикацию документов. Таким образом, у Н. П. Лихачева в исследовательской части его труда обнаруживаются разнообразные биографические сведения о 312 дьяках и подьячих. При этом социальное происхождение определено у шестидесяти. Последняя величина примерная, ибо не везде Н. П. Лихачев прямо и недвусмысленно указывает на интересующее нас обстоятельство. Часто встречаются косвенные указания: приводятся необходимые данные, а вывод как бы

предоставляется сделать самому читателю. Автор этих строк, старался выявить и учесть все такие указания, даже самые смутные. 60 из 312 — это около 19%. Получается, что выводы, полученные при обработке пятой части всего материала, распространены на оставшиеся четыре пятых. Это одно обстоятельство. Второе заключается в том, что перечень дьяков, имеющийся у Н. П. Лихачева, как и полагал Н. Н. Оглоблин, не полон. Автором этих строк выявлено 1 560 дьяков и подьячих XV—XVI вв. против 312 в анализируемой работе. У Н. П. Лихачева упоминаются 39 дьяков Ивана III, социальное происхождение определено у семи. В то же время на сегодняшний день известно 62 дьяка, чья служебная карьера приходилась на 1462—1505 гг. 7 из 62 — это только 11 %. Дьяков Василия III у нашего автора 51 (социальное происхождение определено у 13), Ивана Грозного — 173 (39). Нам известно дьяков, состоявших на великокняжеской службе в 1505—1533 гг., 92; в 1533—1584 гг. — 340. 13 из 92 — это 14%, 39 из 340 — около 11,5%.

Думается, что сомнения Н. Н. Оглоблина в окончательности выводов Н. П. Лихачева о социальном происхождении дьяков XVI в. вполне обоснованны. Впрочем, на всю последующую историографию проблемы соображения Н. Н. Оглоблина никакого влияния не оказали. Во-первых, по всей видимости, благодаря непререкаемому научному авторитету Н. П. Лихачева. Во-вторых, наверное, в силу капитальной фундированности труда «Разрядные дьяки XVI века». Спорить с автором можно было, только заново изучив тот же колоссальный объем источников. Притом такой труд имел серьезные шансы остаться бесплодным, приведя к тем же выводам, к которым уже пришел Н. П. Лихачев.

Безусловная заслуга Н. П. Лихачева в том, что он разработал методологию проблемы, выработав способы определения социального происхождения дьяков. Во-первых, исследователь обратил внимание на очевидные случаи, когда социальное происхождение дьяков определяется на основании бесспорных антропонимических и биографических данных: при общей относительной редкости фамилии имя потенциального отца совпадает с отчеством потенциального сына. При этом совпадают и сферы их деятельности[7].

Во-вторых, Н. П. Лихачев учел ситуации менее очевидные: фамилия дьяка совпадает со служилой фамилией, принадлежность которой к дворянству твердо установлена. При этом генеалогия фамилии не приводится и место дьяка в такой генеалогии не определяется[8]. Естественно, что данный метод продуктивен, когда исследователь имеет дело с более или менее редкой фамилией, все носители которой точно или с высокой долей вероятности принадлежали к одному роду.

В-третьих, автором приведен ряд прямых указаний источников на происхождение дьяков из определенных дворянских или недворянских родов[9]. Такие указания были обнаружены Н. П. Лихачевым в родословных книгах и росписях, писцовых и посольских книгах, актовых и делопроизводственных материалах, Тысячной книге.

В-четвертых, в некоторых случаях социальное происхождение дьяков определено на основании данных о его родственных связях с известной служилой фамилией[10].

В-пятых, иногда приказной деятель служил дворянскую службу до пожалования в дьяки[11].

Если обобщить данные о методологической стороне труда Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века», то можно выделить несколько обстоятельств. С одной стороны, автор пошел как бы по пути наименьшего сопротивления. Нетрудно заметить, что его выводы о социальном происхождении дьяков базируются на наиболее очевидных основаниях: твердых антропонимических данных и прямых указаниях источников. Именно таким образом классифицированы как выходцы из дворянства 70% всех дьяков, чье социальное происхождение определено у Н. П. Лихачева. У читателя может сложиться впечатление, что применительно и к тем дьякам, чья биография специально не исследована у Н. П. Лихачева, проблема решается столь же легко. В действительности, по нашим подсчетам, на основании твердых антропонимических данных и прямых указаний источников можно определить социальное происхождение только примерно 40% дьяков и подьячих. В остальных случаях приходится прибегать к более трудоемким методам, не дающим столь очевидного результата.

31 Зак. 1053

С другой стороны, Н. П. Лихачев определил лишь сословное происхождение дьяков, что только половина дела. Для построения полного социального портрета дьяков XVI в. необходимо определить их отношение к земле — главному средству производства феодального общества. Приведенные у Н. П. Лихачева данные о вотчинах и поместьях дьяков представляют собой, по сути, случайную подборку и никак не обобщены. Впрочем, это замечание следует адресовать не лично Н. П. Лихачеву, а всей исторической науке второй половины XIX в., которая в принципе мало места уделяла сюжетам подобного рода.

Ну и, наконец, наверное, последнее. Из 312 дьяков и подьячих, чьи биографии приведены Н. П. Лихачевым, собственно дьяков 269. Подьячих, так и не ставших дьяками, только 43. При этом социальное происхождение определено лишь у троих[12]. Что опять возвращает нас к мнению Н. Н. Оглоблина о том, что выводы Н. П. Лихачева нуждаются в уточнении.

Произведенный нами критический разбор «Разрядных дьяков XVI века» показывает, что, казалось бы, полностью решенная проблема социального происхождения дьяков и подьячих нуждается в новом рассмотрении. С учетом накопившихся более чем за столетие после Н. П. Лихачева просопографических данных о представителях приказной бюрократии. Выработанные методологические подходы должны быть последовательно, а не выборочно как у Н. П. Лихачева, применены ко всей совокупности анализируемого материала.

Примечания

[1] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. — М.; СПб., 2007. — С. XII.

[2] См. там же. — С. 135, 137.

[3] *Оглоблин Н. Н.* Происхождение провинциальных подьячих в XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1894. — Ч. 295. — С. 119.

[4] Там же. — С. 118.

[5] См. там же. — С. 121, 122.

[6] См. там же. — С. 122—123, 135—136, 141, 146, 150, 223, 235—236.

[7] Двадцать восемь случаев. Это в основном сыновья дьяков: Григорий Захарович Гнильевский, с одной стороны, Василий и Яков Григорьевичи Гнильевские — с другой; Федор Васильевич Курицын, Афанасий и Иван Федоровичи Курицыны; Елизар Суков и Василий Елизарович Суков; Елизар Иванович Циплятев и Иван Елизарович Циплятев; Тимофей Григорьевич Клобуков, Иван Тимофеевич Клобуков и Григорий Иванович Клобуков; Афанасий Иванович Курцев и Никита Афанасьевич Курцев; Никита Васильевич Мясного и Андрей Никитич Мясного; Митрофан Федорович Карачаров, с одной стороны, Иван Бакака, Иван Чудин и Третьяк Митрофановичи Карачаровы — с другой; Иван Тимофеевич Бухарин и Иван Ишук Иванович Бухарин; Яков Андреевич Витовтов, Григорий и Евдоким Яковлевичи Витовтовы; Данила Федорович Вылузга и Елизарий Данилович Вылузгин; Юрий Семенович Дубровский и Казарин Юрьевич Дубровский; Федор Михайлович Мишурин, с одной стороны, Алексей и Семен Федоровичи Мишурины — с другой; Никита Губа Семенович Моклоков и Федор Постник Никитич Губин Моклоков; Иван Григорьевич Свиязев и Захарий Иванович Свиязев; Игнатий Тимофеевич Сафонов и Денис Игнатьевич Сафонов; Иван Иванович Сукин и Борис Иванович Сукин; Петр Алексеевич Третьяков Лошаков и Третьяк Лошаков; Алексей Григорьевич Щекин и Борис Алексеевич Щекин; Яков Семенович Щелкалов, с одной стороны, Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы — с другой.

[8] Двенадцать случаев: Сапун Аврамов, Яков Андреевич Витовтов, Сыдавной Васильевич Зиновьев, Федор Михайлович Мишурин, Дружина Петелин; Алексей Полуектов, Матвей Третьяк Михайлович Раков; Юрий Сидоров; Дмитрий Тимофеевич Скрипицын; Василий Борисович Тетерин; Нечай Федоров; Андрей Васильевич Шерефединов.

[9] Четырнадцать случаев. Из дворян: Никита Васильевич Беклемишев; Владимир Елизарович Гусев; Афанасий Игнатьевич Демьянов, Федор Борисович Еремеев; Григорий Дмитриевич Загряжский; Терентий Григорьевич и Федор Федорович Лихачевы, Леонтий Лодыженский; Данила Киприанович Мамырев, Иван Филиппович Стрешнев, Иван Дмитриевич Ципля и Елизар Иванович Циплятев, Федор Низовцев Языков. Из купечества: Степан Михайлович Соловецкий.

[10] Василий Осипович Янов и Третьяк Долматов.

[11] Никита Губа Семенович Моклоков, Сарыч Никитич Линев; Суморок и Меньшик Путятины.

[12] Алексей Федорович Мишурин; Василией Елизарович Суков и Федор Низовцев Языков.

ПЛЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ЕВРЕИ В КАЛУГЕ В 1655 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА)

Д. З. Фельдман, к. и. н., гл. спец.,
Российский государственный архив древних актов

В ходе длительной Русско-польской войны 1654—1667 гг. в России оказалось значительное число пленных, среди которых находились и польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских религиозных общин[1]. Находившиеся здесь евреи представляли собой корпорацию с особым юридическим статусом и традиционным образом жизни. Отношения польской иудейской общины с различными государственными органами и шляхтой строились на сложной и запутанной системе соглашений, определявших права и обязанности евреев и создававших легальную базу их хозяйственной и общинной деятельности. Местные иудеи пользовались свободой вероисповедания и правом создания автономных общин, им разрешалось заниматься экономической деятельностью, а также селиться в большинстве регионов страны. Война нарушила их сложившийся уклад в политических, юридических и экономических рамках Речи Посполитой, а ряд евреев оказался в русском плену.

Процесс укоренения последних в новой стране имел вполне определенную специфику: практически все осевшие во внутренней России евреи были вынуждены креститься, поскольку проживание иноверцев-иудеев здесь со времен царя Ивана Грозного было строжайше запрещено. Некоторые из них воспользовались сложившейся ситуацией и, приняв православие, постепенно растворились в окружающем населении[2]. Крещение для евреев означало получение ими свободы и весьма обширных льгот вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. Впрочем, имеются документальные свидетельства того, что и в этот период в Великороссию приезжали польские евреи, исполнявшие поручения королевского двора и казны[3].

В фонде Разрядного приказа, в документах Приказного, Севского и Белгородского столов, отложились три дела, касающиеся по сути одного и того же вопроса — об отсылке пленных литовцев и евреев из Брянска в Казань в 1655 г. Эти материалы позволяют с высокой степенью точности проследить организационные вопросы операции, маршрут передвижения пленников, трудности, с которыми они столкнулись в пути, а также их количество, имена и семейное положение. Судя по сохранившимся документам, в течение года были переправлены две такие группы, взятые в плен в разное время. Указанные дела включают в себя наказные памяти из Разрядного приказа воеводам промежуточных городов, в которых останавливались пленники, отписки воевод в приказ о выполнении государева указа или невозможности выполнить его по тем или иным причинам, а также некоторые другие документы, относящиеся к этой операции.

Как известно, в военную кампанию лета и осени 1654 г. русские и украинские войска освободили обширную территорию западнорусских и белорусских земель, расположенную по левому берегу Днепра и по Западной Двине, в том числе Смоленск, Витебск, Полоцк и Могилев. Все эти земли были довольно густо заселены евреями. В наказных памятях из Разряда, отправленных воеводам, упоминается государев указ, по которому им было велено «литовских людей и жидов, которые взяты в языцех и которые в городех в осаде сидели и с государевыми ратными людми бились, з женами и з детми, и с челядю, и со всею их рухлядю» сослать из Брянска в Калугу, из Калуги — в Переславль-Рязанский, из Переславля-Рязанского — в Нижний Новгород, а из Нижнего — в Казань.

Организацию отсылки в Поволжье евреев и литовцев, взятых в плен в 1654 и 1655 гг. «на боех и в посылках в розных», царь Алексей Михайлович поручает думному дьяку Л. Д. Лопухину. Это поручение содержится в наказной памяти, отправленной в Приказ Казанского дворца 31 января 1655 г.[4] Здесь же впервые сформулирован принцип дальнейших действий по отношению к их вероисповедному состоянию: «А по государеву указу в Казани жидом велено говорить, чтоб они крестились; и которые из них крестятца, и тем указал государь быти в посацких людех, а которые креститца не похотят, и тех велено послать быть в яме»[5]. Таким образом, как видим, целью московской политики

по отношению к иудеям было их крещение с последующим причислением к казанскому посадскому населению и предоставлением соответствующих прав и льгот; отказ же от крещения влек за собой отдачу в тяжелую ямскую службу.

Первым остановочным пунктом для пленников на русской территории был Брянск. Местный воевода кн. Ф. Ф. Волконский сообщил в Разрядный приказ, что 6 марта 1655 г. получил грамоту, по которой ему следовало евреев и литовцев, присланных в Брянск, отослать дальше, в Калугу, «с отставными дворяны и з детми боярскими, с кем пригоже, и с провожатыми» на ямских подводах. Воевода должен был выдать пленным «кормец, чем им быть сытим», из местных таможенных доходов. Волконский отчитался о выполнении указа: уже на следующий день после получения указа (7 марта) он послал пленников в Калугу, выделив им из брянских доходов «кормец». При этом отставному сыну боярскому И. М. Козловскому воевода приказал, чтобы тот с провожатыми вез пленных «з болшою крепостью, и сторожа б у них была крепкая, чтоб из них в дороге и на станех нихто не ушол, и дурна какова над ними и над собою не учинили»[6]. К своей отписке воевода приложил «Роспись жидов, что из Рославля прислал стольник и воевода И. М. Толочанов». В этом списке фигурируют 17 еврейских семей — родители с детьми числом от трех до одиннадцати человек, одна бездетная пара, а также несколько одиноких женщин и вдов[7]. Интересно, что две семьи ехали в сопровождении «челядников», что говорит об их зажиточности. Общее же количество еврейских пленных составило по документу 88 человек. Кроме того, в списке указано трое «тюремных сидельцев», жителей Смоленска и Рославля. Судя по всему, указанные лица были взяты в плен в начале 1655 г.

Пожалуй, наибольшее количество материалов об отправке пленных литовцев и евреев в Поволжье связано с Калугой. Уже 30 января 1655 г. в Вязьме была составлена наказная память калужскому воеводе Б. И. Камынину, в которой последнему поручалось царским указом принять отправленных из Брянска пленных, «а по весне тех литовских людей и жидов всех велено сослать в Казань по Оке водою»; троих заключенных следовало отправить в Астрахань для стрелецкой службы, о чем был послан соответствующий указ казанским и астраханским боярам и воеводам. Камынин должен был принять пленных по росписи, пересмотреть, допросить, переписать и отправить их дальше в Переславль-Рязанский на ямских подводах с отставными дворянами, детьми боярскими и другими сопровождающими лицами, выделив им «кормец». При этом «посылщикам и провожатым» было приказано, чтобы они везли пленных с большой «крепостью» и надлежащей охраной, пресекая попытки побега со стороны захваченных людей[8]. Воевода должен был сообщить в Разряд, какого числа, с кем и сколько семей пленников он отправил по маршруту в следующий пункт назначения. Буквально на следующий день (31 января) из Вязьмы в адрес калужского воеводы направляется еще одна наказная память, в которой содержалась новая информация. Во-первых, стало известно, что пленные были посланы из полков боярина кн. А. Н. Трубецкого «с товарыщи», находившихся в Шклове. Как мы знаем, в конце лета 1654 г. русское войско разгромило под Шкловом десятитысячную литовскую армию гетмана Я. Радзивилла, а юго-западное крыло русских войск под командованием воеводы Трубецкого, наступая из района Брянска, заняло Рославль, Мстиславль, Шклов и другие населенные пункты. Во-вторых, литовцы и евреи обратились к царю с просьбой, «чтоб их ис Колуги до весны в Казань не посылать»[9].

Примерно в это же время (в конце января) Б. И. Камынин отослал в Разрядный приказ весьма пространный доклад, отражающий результаты проделанной работы в ходе операции по переправке иностранцев, взятых в плен в Шклове, а также ситуацию в Калуге в связи с военной обстановкой в стране. Судя по воеводской отписке, в город прибыла уже другая группа пленных, состоящая из двух поляков и большого количества шкловских евреев (их список отсутствует). Еще 1 ноября 1654 г. А. Н. Трубецкой проинформировал калужского воеводу о том, что отправил к нему в сопровождении З. Дурново и И. Полонского польского драгунского поручика с братом и «шкловских жидов з женами и з детми». Дорога оказалась весьма нелегкой. В Калугу приехал сначала один Полонский, сообщив воеводе, что Дурново остался с евреями в дворцовой Деминской волости Серпейского уезда, поскольку многие «жиды и жены их, и дети больны, а иныя и померли, да и лошеди… многия у жидов попадоли». 5 декабря воевода встретился в приказной избе с обоими сопровождающими пленных лицами, которые сообщили, что часть «еврейской» группы прибыла в город, но «иныя остались на заде, для того что лошедми опали, а нанять де им подвод нечим, идут пеши». Как видим, далеко не всегда евреи в пути от западной границы России в Поволжье передвигались на телегах — зачастую приходилось идти пешком, что приводило к болезням и смерти людей. Вскоре Полонский и Дурново покинули Калугу, не дождавшись отставших евреев и не вручив Камынину их именной росписи (составленной при отправке из Шклова князем Трубецким), по которой их должно было быть «сто восмь семей да три вдовы». В результате по прибытии в город остальных евреев воевода велел их всех разместить по дворам, а затем «пересмотреть налицо» и «переписать на роспись». Смотр показал, что прибывшая в Калугу группа насчитывает «жидов з детми и з зятеми» всего 131 человек. Учитывая тот факт, что еврейские семьи были далеко не малочисленными (стоит взглянуть на приведенную выше роспись другой группы), можно констатировать значительную убыль пленников во время длительного и тяжелого пути по российской территории, а особенно в зимнее время. В 1654 г. Калугу постигло «моровое поветрие», истребившее почти половину жителей — 1 386 человек. В связи с этим Камынин в своем докладе сообщил, что из-за прошедшей эпидемии дальнейшее передвижение евреев без сопровождающих лиц стало невозможным: отставленные от государевой службы дворяне и дети боярские, находившиеся «для береженья и присмотру» у застав, покинули город и жили «по деревням»; озвученный же воеводой царский указ они не выполнили — в город не вернулись и подвод не дали. К тому же во время эпидемии умерли многие ямщики Калужского яма и стрельцы, которых осталось 92 человека («и те многия лежат больны, а жены и дети у многих померли»); последние вынуждены стоять на карауле на заставах, у приказной избы и тюрьмы, поскольку приставы и сторожа умерли, а «охочих людей» на эти должности нет. Наконец, воевода доложил царю о прибытии в Калугу 7 января 1655 г. государева окольничего Б. М. Хитрово, к которому шкловские евреи обратились с челобитной на имя царя, чтобы он «их пожаловал для их бедности: ис Колуги в Казань до весны посылать не велел». Окольничий послал это челобитье в столицу с калужским стрельцом, а воеводе указал евреев пока не отсылать и ожидать государева решения[10]. И оно не заставило себя долго ждать. Уже 20 января в Разряде был зафиксирован указ Алексея Михайловича «о жидах» (в виде пометы на воеводской отписке): пересмотреть и послать их в Переславль-Рязанский, а затем в Казань (при этом ни слова об отсрочке до весны); в Переславле их записать в ям, а в Казани предложить им принять православие: которые крестятся, тех записать «в торговые люди», а которые откажутся — тем «быть в яме», то есть в ямской службе[11].

Спустя некоторое время, во второй половине февраля 1655 г., Б. И. Камынин доложил Алексею Михайловичу (отпиской в Разрядный приказ, принятой 5 марта) о получении 15 февраля государевой грамоты, в которой содержалось повторное требование «пересмотреть налицо» всех евреев с женами и детьми, присланных из полков А. Н. Трубецкого, переписать их, а перед дальнейшей отправкой допросить — не задержали ли кого и не отдали ли их кому «посылщики» дворяне Дурново и Полонский. (Евреи подтвердили, что «дворяне у себя их никово не задержали и никому никово не отдали».) Прежде всего калужский воевода сообщил, что еще 20 января отписал царю об отсутствии в городе подходящих лиц, способных быть провожатыми для группы евреев, направленной по указу в Казань. Затем он фактически повторил все тезисы, которые содержались в его первом ответе: о проведении смотра пленных и их количестве, о запустении почти всех ямщицких дворов и смерти многих стрельцов из-за морового поветрия. К сказанному Камынин добавил, что кроме того 35 стрельцов по указу «велено взяти к Москве на годовую службу», а оставшиеся стоят на карауле у городских ворот и приказной избы, «да беспрестани в посылках с твоими государевыми грамотами в ближние и в далние городы и для твоих государевых дел» в Калужский, Медынский, Перемышльский, Воротынский и Оболенский уезды, а также стоят все лето «на заставах по перевозам для твоих государевых изменников». В связи с этим провожатые и ямские подводы для отправки пленных евреев по дальнейшему маршруту в Калуге отсутствуют[12].

5 марта 1655 г. в Разряде была получена еще одна отписка калужского воеводы Камынина, касающаяся уже другой, меньшей численностью, группы пленных евреев и литовцев, оправленной в Калугу из Брянска вместе с тремя вышеупомянутыми «тюремными сидельцами» позднее. Воевода сообщил, что получил государеву грамоту от 15 февраля с приказом принять пленников по росписи и послать их дальше, в Переславль-Рязанский. Одновременно он заметил, что в грамоте отсутствует директива о том, «многим ли… литве и жидом дать корм, и по чему дать человеку корму, и ис каких доходов дати». Поэтому местные таможенный и кружечного двора головы денежные суммы из таможенных и кабацких доходов без грамот из Приказа Большого прихода или Новой четверти выделить на расходы не могут. В заключение воевода вновь обратил внимание на большое количество в городе «старых, увечных и больных» стрельцов, на их отправку в Москву для годовой службы и командировки в различные города с царскими грамотами и для «государевых дел» в уезды, а также на вынужденное исполнение ими караульных обязанностей в отсутствие приказных сторожей и приставов. Резюмируя сказанное, Камынин попросил Алексея Михайловича прислать указ, чтобы ему от государя «в опале не быть»[13]. И в начале марта в Разрядном приказе фиксируется следующее постановление: «Отписать в Колугу, которые жиды ныне в Колуге и которых пришлют изо Брянска (здесь как раз имеются в виду обе вышеуказанные «еврейские» группы. — *Д. З.*), и тех всех жидов и литовских людей полою водою в Казань на судех всяких чинов людей, которые суды пойдут ис Колуги и вниз. А послати тех жидов до Нижнево с сыном боярским, да для провожаня послать ис Колуги до Нижнево дватцеть человек стрелцов. А кормец в дорогу дати на месец болшим семьям по алтыну денег, а малым семьям — по грошу на день. И память о том послать в Болшой приход»[14].

Уже через день (7 марта) в Приказ Большого прихода направляется наказная память. В ней от имени Алексея Михайловича указывалось: «взятых полских и литовских людей и жидов» 121 человек (как сказано выше, согласно смотру в Калуге, их насчитывалось 131) надлежало послать в Казань «по весне по первой полой воде»; выделить им «на корм» из местных таможенных доходов «семьянистым» по шести денег, а одиноким по четыре деньги человеку на день; приказу было поручено отправить калужскому таможенному голове государеву грамоту о выделении кормовых денег на содержание пленников[15]. В тот же день калужскому воеводе Б. И. Камынину из Разряда также была отправлена наказная память о порядке отправки в Нижний Новгород через Переславль-Рязанский пленных литовцев и евреев, а также заключенных, присланных из Брянска. Речь здесь шла об обеих группах пленных евреев и литовцев, присланных соответственно воеводой кн. А. Н. Трубецким «с товарыщи» 108 семьях с тремя вдовами (число которых по дороге в Калугу сильно сократилось) и брянским воеводой кн. Ф. Ф. Волконским 92 человеках с тремя «тюремными сидельцами» (в его росписи их было зафиксировано 88). В памяти повторялось указание об отправке пленных с наступлением весны и началом половодья на судах «колужан посадцких и всяких чинов людей», которые пойдут «на низ» до Нижнего в сопровождении «доброго» дворянина или сына боярского, а также двадцати калужских стрельцов. «Посылщикам и провожатым» предписывалось тщательно охранять людей в пути, пресекая попытки нападения на караван пленных или их побега. В Нижнем Новгороде ссыльных следовало передать по росписи местному воеводе И. Ф. Бутурлину и дьяку С. Черному с распиской об их доставке и принятии. Сам же калужский воевода обязывался отчитаться о проделанной работе, сообщив в Москву количество отправленных еврейских и литовских семей, имена сопровождающих лиц и время отправки[16].

Итак, разрядная документация середины XVII в. показывает, что обе группы белорусских евреев, взятых в плен в конце 1654 — начале 1655 г., по указу царя направлялись в Казань, — поволжский регион находился довольно далеко от западных границ России, и иноверцы, по идее, должны были полностью прервать любые возможные связи со своими бывшими соотечественниками и смешаться с окружающим населением. В зимнее время пленники на ямских подводах и пешим путем достигли Калуги, где, согласно царскому распоряжению, задержались до весны и начала половодья, когда уже можно было

продолжать движение на судах, реквизированных у местных жителей, по воде, то есть по рекам Оке и Волге. Причем проведению операции препятствовавшая в это время эпидемия чумы, унесшей жизни многих стрельцов, «служилых» казаков, ямщиков и других жителей, привлеченных к пересылке пленных иноземцев. Таким образом, Калуга стала временным пристанищем для пленных иноземцев, которых ждала новая жизнь в Московском государстве.

Примечания

[1] См.: *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. — Т. 1. — Л., 1925. — С. 22—29; *Weinryb D.* The Jews of Poland. — Philadelphia, 1973. — P. 3—5.

[2] См.: *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. — Т. 1. — С. 10.

[3] Подробнее об этом см.: *Гессен Ю.* Триста лет назад: Евреи в Московском государстве до и после Смуты // Восход (СПб.) — 1913. — № 9. — С. 34—38; *Он же.* Евреи в Московском государстве в XV—XVII вв. // Еврейская старина (СПб.). — 1915. — Вып. I (январь—март). — С. 1—19; Вып. II (апрель—июнь). — С. 153—173.

[4] См.: РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. Стб. 158. Л. 543—543 об.

[5] См. там же. Л. 543.

[6] Там же. Столбцы Приказного стола. Стб. 288. Л. 331.

[7] См. там же. Л. 332.

[8] См. там же. Столбцы Севского стола. Стб. 158. Л. 525.

[9] Там же. Л. 542.

[10] См. там же. Л. 538—541.

[11] См. там же. Л. 538 об.

[12] См. там же. Столбцы Белгородского стола. Стб. 382. Л. 3—4.

[13] Там же. Л. 1—2.

[14] Там же. Л. 1 об.

[15] См. там же. Л. 5.

[16] См. там же. Л. 6—7.

ДВОРЯНЕ ХРАПОВИЦКИЕ В МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ УЕЗДЕ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Е. А. Назарян**, к. и. н., зав. каф.,*
Московский финансово-юридический университет (Калужский филиал)

Род дворян Храповицких, как свидетельствует польский гербовник, известен с XVI в. и принадлежал гербу Гоздава (Gozdawa)[1]. В Царстве Польском каждый герб носил свое название и употреблялся иногда множеством разных фамилий. Так, к гербу Гоздава (Gozdawa) принадлежали Вязьмитиновы, Васильевы, Глебовы, Деденевы, Захаровы, Лодыженские и др.[2] В. В. Руммель и В. В. Голубцов, авторы «Родословного сборника русских дворянских фамилий», считают Храповицких «старинной белорусской фамилией» и сообщают, что «от этого рода отделились две ветви, владевшие поместьями в Смоленском воеводстве и после покорения Смоленска оставшиеся в русском подданстве и принявшие православие»[3]. Род дворян Храповицких в XVIII в. был внесен в 6-ю часть родословной книги Смоленской губернии.

В Калужской губернии, а точнее, в Малоярославецком уезде Храповицкие появляются в середине XIX века. Так, согласно ревизским сказкам (9 ревизии от 23 июня 1850 г.) «Варвара Александровна Храповицкая жена гвардии поручика владела в Калужском уезде деревнями Самаровой и Михайловкой по наследству от отца, капитана Александра Михайловича Белкина»[4]. Варвара — дочка владельца усадьбы в Дольском. Позднее имение в с. Дольском также, видимо, по наследству, перешло к Варваре Александровне от отца. Ее мужем был сын смоленского помещика Николая Ивановича Храповицкого Иван Николаевич Храповицкий[5].

Сведения об Иване Николаевиче сохранились в РГИА: «По метрическим книгам Смоленской Преображенской церкви 1821 г. января 26… у полковника Николая Ивановича Храповицкого с женою его Елизаветою Андреевною, родился законно прижитый сын Иоанн, крещен 27 числа восприемники помещик Роман Николаев Семичев, да полковница Марья Юрьева Храповицкая»[6]. В службу Иван Храповицкий вступил «по увольнению из Пажеского Его Императорского Величества корпуса, юнкером в Чугуевский уланский полк 1839 г., марта 18, эстандарт-юнкером того же года сентября 2-го, в том же году произведен в корнеты, 1840 г. января тридцать первого дня, имея от роду 18 лет, переведен в Кирасирский полк…, назначен адъютантом к вице-директору Инспекторского департамента Военного министерства генерал-майору Кривопишину… Переведен в Кавалергардский полк Ея Величества корнетом 1845 г. апреля 15, с оставлением при инспекторском департаменте Военного Министерства, поручиком 1845 г. июля 12… Уволен в бессрочный отпуск с зачислением в запасный Гвардейский эскадрон № 4 по Московской губернии 1846 г. марта 22, в походах и делах противу неприятеля не был»[7].

Следует отметить, что Иван Храповицкий имел весьма приличное образование. В выписке из послужного списка указывается: «российской грамоте, читать и писать умеет, закон Божий, географию, статистику, историю, математику, механику, физику, химию, военные науки и языки французский и немецкий знает»[8].

В 1847 г. Иван Храповицкий вступил во владение имением, оставшимся после смерти отца его Николая Ивановича Храповицкого и находившимся в Смоленской губернии в Духовщинском уезде[9]. Но семья не уехала из Калужской губернии; видимо, проживала в Калуге, в принадлежащем Варваре Александровне доме. Дом № 181 располагался во 2-й части 1-го квартала и оценивался в 4 180 руб.[10] Скорее всего, вся семья Храповицких была весьма просвещенной и образованной. Так, «Калужские губернские ведомости» в одной из статей описывали кабинет для чтения и библиотеку Варвары Александровны Храповицкой[11]. В 1856 г в семье Храповицких родился сын Александр. «В метрических города Калуги Никитской церкви книгах, лейб-гвардии Кавалергардского ее Величества полка отставного поручика Ивана Николаева Храповицкого и законной жены его Варвары Александровны, обоих православных, сын Александр рожденным записан 1856 года мая 2, крещенный 5-го числа, восприемниками были губернский предводитель дворянства отставной флота капитан-лейтенант Семен Яковлевич Унковский и дочь его девица Евдокия Семеновна Унковская»[12]. Также известно, что у Храповицких было четыре дочери — Екатерина, Пелагея, Елизавета и София[13].

В 1861 г. отставной поручик Лейб-гвардии Кавалергардского полка Иван Николаевич Храповицкий умер от водяной болезни. Был похоронен 7 октября ректором Калужской семинарии на погосте близ Богоявленской церкви Лаврентьевского монастыря[14].

Имением Дольским владеют наследники Варвары Храповицкой[15]. Среди них корнет Александр Иванович Храповицкий. К 1898 г. имение в с. Дольском входит в число крупнейших имений Калужской губернии, стоимостью не ниже 50 000 руб. Размер земли составляет 1 000 десятин.

Александр Иванович Храповицкий «воспитывался в Тверском кавалерийском юнкерском училище. В службу вступил юнкером в 3 военное Александровское училище в 1876 г. Выписан из младшего класса училища по собственному желанию унтерофицером в 1-й гусарский ныне 3 драгунский Сумской полк, с обязательством… прослужить полтора года. Командирован в Тверское кавалерийское юнкерское училище для прохождения курса наук в 1877 г. По окончанию училища по 2 разряду произведен в портупей-юнкера. Высочайшим приказом в 1878 г. произведен в корнеты, зачислен в запас армейской кавалерии и исключен из списков полка»[16]. В двадцать четыре года Александр Храповицкий венчался первым браком с дочерью майора армейской кавалерии Владимира Даксергорфа девицею Ольгою Владимировною. Венчание проходило в Успенской церкви села Дольского[17]. У них было три дочери — Варвара, Екатерина, Пелагея[18].

С 1893 по 1903 г. Александр был уездным предводителем дворянства[19]. Как предводитель дворянства Александр Иванович принимал наиактивнейшее участие в решении вопроса о прохождении Московско-Киево-Воронежской железной дороги по окраине Малоярославца. В 1895 г. жители Малоярославца обратились с просьбой к Калужскому

губернскому Правительству и Малоярославецкой земской управе, чтобы железная дорога прошла через Малоярославец. Инициатива исходила от Собрания уполномоченных города, городского старосты Д. В. Емельянова и директора городского общественного банка Т. В. Чирикова. И земская уездная управа, и уездный предводитель дворянства А. И. Храповицкий идею поддержали. И направили письмо Калужскому губернатору Н. Д. Голицыну, в котором дали характеристику промышленно-торговому состоянию города и обосновали необходимость прохождения железной дороги через Малоярославец. Калужское губернское правительство и даже министр внутренних дел тайный советник С. Ю. Витте отнеслись к ходатайству малоярославчан одобрительно. А. И. Храповицкий как представитель города присутствовал на заседании Особой правительственной комиссии по проведению железной дороги, где и было принято решение о прохождении дороги через Малоярославец[20].

У Храповицких были очень сложные отношения с крестьянами села Дольского. Как сообщал пристав 2-го стана, «между крестьянами с. Дольское и гг. Храповицкими существует недоразумение по следующему поводу: около двадцати лет тому назад в имении Храповицких недалеко от усадьбы на границе с наделом крестьян существовал пруд, с течением времени уничтожившийся. Обнажившеюся от воды почвою того пруда целиком пользовались Храповицкие и отдавали ее крестьянам за работы по имению. В настоящем году Храповицкие предполагают этот участок из-под пруда отдать для сенокоса крестьянам деревни Бобровки. Крестьяне же села Дольского настаивают, что половина пруда, как примыкающая к их наделу вообще по уставной грамоте принадлежит им, крестьянам. Поэтому они, в виду предполагаемой сдачи бобровским крестьянам всего участка из-под пруда, волнуются и угрожают выйти в свое время на покос. Не смотря ни на что»[21]. Крестьяне с документами явились к земскому начальнику 2-го участка и пытались решить вопрос законным порядком.

По сведениям, собранным приставом 2-го стана, Храповицкие «ведут себя с крестьянами вызывающе и вместо того, чтобы поговорить, как следует с ними, они распускают среди крестьян слух, что в случае чего по первому их требованию вышлют полк солдат. Причины такого поведения Храповицких заключаются не в спорном участке земли, а главным образом в их злобе на крестьян за то, что значительная их часть из всего прихода церкви села Дольского стремится уволить Храповицкого из церковных старост, для чего они подают жалобы на него в местную консисторию и Преосвященному епископу Калужскому. По жалобам этим уже производилось ранее и в настоящее время производится Благочинным 1 Малоярославецкого округа духовное следствие»[22].

Однако Епископ Калужский и Боровский ответил полиции, что «о дворянине Александре Ивановиче Храповицком, занимающем должность старосты Успенской церкви села Дольского Малоярославецкого уезда, никакого духовного следствия не производилось и не производится, а было лишь негласное дознание по двум заявлениям некоторых прихожан означенной церкви о том, что г. Храповицкий состоит несостоятельным должником, почему он в 1903 г. не мог совершить нотариального акта в конторе Калужского нотариуса Фомичева. Дознанием обнаружено, что г. Храповицкий состоял в числе несостоятельных должников, о чем имеется публикация в Сенатских объявлениях за 1890 г. (разряд 6, ст. 14789), но дело о его несостоятельности прекращено, как напечатано в тех же объявлениях за 1897 г. (разряд 6, ст. 184). Помянутое дознание было назначено епархиальным начальством для разрешения вопроса, может ли г. Храповицкий быть утвержденным старостою на следующее трехлетие, так как в силу §7 (пункт 5) Высочайше утвержденной 12 июля 1890 г инструкции церковным старостам, несостоятельные должники не могут занимать должность церковного старосты»[23].

В конце концов крестьяне села Дольского и Ольга Владимировна Храповицкая заключили между собой соглашение о сдаче пруда за 100 руб. для покоса и пастбища[24].

Александр Иванович Храповицкий был личностью очень деятельной, видимо, имел авантюрный склад характера. Так, в 1911 г., когда полицейское управление собирало списки потомков участников Отечественной войны 1812 г., А. И. Храповицкий, тогда уже статский советник, заявил, что «его дед Николай Иванович Храповицкий командовал Лейб-гвардии Измайловским полком и принимал участие в Бородинском сражении»[25],

33 Зак. 1053

что и было зафиксировано Малоярославецким уездным исправником. Хотя, как хорошо известно, Лейб-гвардии Измайловским полком на Бородинском поле командовал Матвей Евграфович Храповицкий. За Бородинское дело М. Е. Храповицкий был произведен в генерал-майоры со старшинством с 26 августа 1812 г. (на двадцать седьмом году жизни)[26].

Как удалось выяснить, дед А. И. Храповицкого Николай Иванович Храповицкий в 1815 г. был поручиком, а в 1812 г. — подпоручиком Лейб-гвардии Семеновского полка[27]. Действительно был участником Отечественной войны 1812 года, но командовать полком никак не мог. Вряд ли внук не знал об этом. М. Е. Храповицкий приходился Н. И. Храповицкому лишь троюродным братом[28].

Тем не менее в августе 1912 г. А. И. Храповицкий поехал на Бородинское поле на юбилейные торжества в память Отечественной войны 1812 г. Сохранился рапорт Малоярославецкого уездного исправника, в котором тот дает характеристику выезжающим в Москву потомкам участников Отечественной войны 1812 г.: «поведения и нравственных качеств хороших, в политическом отношении благонадежны, под судом и следствием не состоят и не состояли, ни к каким политическим партиям не принадлежат»[29]. Впоследствии информация об А. И. Храповицком как о внуке героя Бородинского сражения, командовавшего Лейб-гвардии Измайловским полком, прочно вошла в краеведческую литературу[30].

Храповицкие общались со многими своими соседями — Унковскими, Гончаровыми, Толстыми. Илья Львович Толстой один из флигелей своей усадьбы отдал под земскую школу, в которой обучались девочки и мальчики из соседних деревень. Учительницей в этой школе была Мария Николаевна Щепетова. Детская начальная школа была и в имении Храповицких[31]. М. Н. Щепетова вместе с графиней Софьей Николаевной Толстой устраивали в Дубровской и соседних школах чтения с туманными картинками. А волшебный фонарь для показа давала О. А. Храповицкая[32]. Туманные картинки изображали лики святых и виды городов и местностей, картины эти взяты были из детской начальной школы Малоярославецкого уезда, при имении гг. Храповицких[33].

Дочь Храповицких Варвара вышла замуж за Бориса Дмитриевича Гончарова. Борис Дмитриевич с августа 1905 г. был уездным предводителем дворянства по Малоярославецкому уезду[34]. Семейная пара Гончаровых стала последней, из владевших имением в Дольском.

Примечания

[1] См.: Гербовник дворянских родов Царства Польского. — Варшава: Тип. Оргельбранда, 1853. — Ч. 2. — С. 57.

[2] См. там же. — Ч. I — С. IV.

[3] *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. — Т. II. — СПб., 1887. — С. 601.

[4] ГАКО. Ф.86. Оп. 3. Д. 358. Л. 135.

[5] Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г., и перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 г. / Издал Н. Булычов. — Калуга, 1908. — С. 261.

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 3041. Л. 54

[7] Там же. Л. 33.

[8] Там же

[9] См. там же Л. 50.

[10] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп.2. Д. 1334. Л.92

[11] Кабинет для чтения и библиотека Храповицкой // Калужские губернские ведомости. — 1864, 14 марта. — № 11.

[12] РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 3041. Л. 36, 36 об.

[13] См.: Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу… — С. 261.

[14] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 213. Л. 243 об., 245.

[15] См. там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 264. Л 18 об.

[16] Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2439. Л. 2, 2 об.

[17] См. там же. Л. 8.

[18] См.: Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу… — С. 261.

[19] См. там же. — С. LII.

[20] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13; Оп. 4. Д. 214.

[21] ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 837. Л. 1, 1 об.

[22] Там же.

[23] Там же Л. 8, 8 об.

[24] См. там же. Л. 3.

[25] Там же. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1609. Л.60.

[26] См.: Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. — Т. 21: Фабер — Цявловский. — СПб., 1901. — С. 422; Военный энциклопедический лексикон. — Т. XIII. — СПб., 1857. — С. 504; Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. — Т. 5. — СПб., 1848—1849. — С. 1—11; Военная галерея 1812 года. — СПб., 1812. — С. 257—258; Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XIX вв. — Т. VII. — М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова: Российский архив, 1996. — С. 600, 601; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. — М., 2004. — С. 765.

[27] См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 3041. Л. 49 об.

[28] У Дементия сыновья Яков и Юрий. У Юрия сын Иван, у Якова сын Евграф. У Евграфа сын Матвей, у Ивана сын Николай. То есть сыну Николая — Ивану — Матвей Евграфович приходился лишь четвероюродным дедом.

[29] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1609. Л. 316.

[30] См.: *Халаев В. Н.* Калужане — участники в Отечественной войне. — Калуга, 1912. — С. 8.

[31] См.: ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 744. Л. 30.

[32] См. там же. Ф. 784. Оп. 1. Д. 88.

[33] См. там же. Ф. 823. Оп. 1. Д. 744. Л. 30.

[34] См.: Калужская губерния: Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу… — С. LII.

ВКЛАД КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ В РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.*

***А. Г. Лебедев**, к. и. н., доц., **А. В. Штепа**, к. и. н., доц.,*
Институт социальных отношений,
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Со времени принятия христианства на Руси Русская Православная Церковь (РПЦ) с ее широкой благотворительной деятельностью являлась одним из наиболее важных инструментов поддержания социальной стабильности в государстве. При этом особая ответственность возлагалась на монастыри, обладавшие, в силу многочисленных пожертвований вкладчиков и занятий активной хозяйственной деятельностью, реальными экономическими предпосылками к благотворительности. Не являлись исключением и церковные институты и учреждения, располагавшиеся на территории Калужского края. Один из примеров древности «нищелюбия» со стороны церкви прослеживается из названия расположенного вблизи древнего Козельска широко известного в России монастыря Оптина Пустынь, полное название которого — Оптина Макарьевская Пустынь. Заслуживает интереса факт заботы Русской Православной Церкви о представителях воинского сословия в Калужском крае на протяжении всего исследуемого периода вплоть до установления Советской власти и даже в первые годы ее существования. В Оптиной пустыни, как и в монастырях по всей России, содержались отставные офицеры и солдаты, больные и увечные воины до 1764 года; затем, когда правительство Екатерины II взяло курс на резкое сокращение количества монастырей и частичную конфискацию их имущества, монастыри были освобождены от повинности содержания отставников, последние были определены в особые инвалидные команды, имевшиеся в тридцати одном гарнизонном

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области в рамках научно-исследовательского проекта «Социальное попечение и благотворительность в Калужской губернии во второй половине XVIII — начале XX века», проект № 11-11-40022а/Ц.

городе России. В число таких городов попал Козельск, куда, вероятнее всего, были переведены отставники из близлежащего монастыря — Оптиной пустыни.

О том, что церковная благотворительность на Калужской земле имеет вековые традиции, свидетельствует факт существования еще при отце Петра I, царе Алексее Михайловиче, в XVII веке богадельни при Воскресенской церкви в Калуге, являющейся самым древним из благотворительных заведений города. На Воскресенской улице сохранилось здание старейшего из калужских благотворительных, или, как их раньше именовали, богоугодных, заведений. Этот факт находит свое подтверждение в историческом очерке о благотворительных учреждениях города Калуги, опубликованном в Памятной книжке Калужской губернии в 1896 г., где сказано, что первым благотворительным заведением в Калуге была богадельня на 60 престарелых солдаток, основанная в 1772 году Калужским приказом общественного призрения при Воскресенской церкви. Этот факт свидетельствует о продолжении политики Петра I в отношении первостепенного призрения не имевших средств существования военных чинов и членов их семей. (Здесь автором очерка допущена неточность, так как приказы общественного призрения стали создаваться в Российской империи с 1776 г. на основании «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» от 7 ноября 1775 г.). Д. И. Малинин в своем «Историческом путеводителе по Калуге и главнейшим центрам губернии» утверждал, что богадельня на 12 человек на Воскресенской улице существовала уже в 1687 г. Призреваемые здесь люди получали денежное царское жалование по 1 руб. на человека, а на хлеб — деньгами от таможенных доходов[1]. Это обстоятельство позволяет сделать предположение, что данная богадельня, возможно возникшая как приходская, впоследствии вошла в систему образованного в 1670 году при царе Алексее Михайловиче Приказа строения богаделен, что позволило ее обитателям получить государственное обеспечение. Однако самая первая из упоминаемых в письменных источниках богаделен Калужского края возникла значительно раньше, в начале XVII века, сразу после Смутного времени, в Боровске, где это благотворительное учреждение располагалось в не использовавшейся по назначению Успенской, что «на гноище», церкви. Не исключено, что именно этим примером руководствовался великий преобразователь Земли Русской Петр I, когда при создании системы государственного призрения превратил ряд монастырей в богадельни. Боровская же земля была ему знакома, так как он приезжал туда в имение своей матери. Практика создания различных благотворительных учреждений при церквях и монастырях была продолжена в Калуге и губернии в последующие годы.

В 1830 г., сразу после возведения по инициативе отставного полковника П. С. Чебышева храма, послужившего основой для будущего Крестовоздвиженского монастыря, при нем епископом Калужским, преосвященным Николаем, была учреждена богадельня «приют» для больных и обездоленных священнослужителей. На эти цели преосвященный пожертвовал билет в 2 117 руб. серебром и построил деревянный флигель для призреваемых. Его преемник, епископ Григорий, в 1854 г. соорудил для них двухэтажный каменный дом[2]. О бедных духовного звания заботились и другие калужские епископы, даже те из них, кто уезжал в другие епархии[3]. Так, в 1840 г., во время начинавшегося в губернии голода, для вдов и сирот духовного звания 1 300 руб. ассигнациями прислал Киевский митрополит Филарет, возглавлявший Калужскую епархию с 1819 по 1826 г. «В пользу разных мест Калужской епархии» прислал 4 499 руб. 27 коп. серебром уроженец Калуги, Митрополит Санкт-Петербургский Серафим. Из этой суммы Калужскому попечительству о бедных духовного звания было выделено 857 руб. 14 коп., а 1 714 руб. 28 коп. израсходовано на бедных учеников Калужской семинарии. В 1853 г. в Калужское попечительство о бедных духовного звания прислал билет в 1 000 руб. серебром Высокопреосвященнейший Никанор, возглавлявший Калужскую епархию до 1834 г. В 1848 г. в Боровске московским купцом Протопоповым, сыном священника, была выстроена каменная богадельня на 12 человек женщин духовного звания при Преображенской на взгорье церкви. Богадельня была обеспечена вкладом в 12 тыс. руб. Сама церковь являлась одной из богатейших в городе. Еще раньше, в 1840 г., московский купец И. В. Волков построил при храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы в селе Роще под Боровском богадельню.

Русская Православная церковь с самого начала своего существования заботилась и о медицинском обслуживании своих прихожан. Можно с уверенностью утверждать, что первые больницы на Калужской земле появились при монастырях: так, в 1670 г. в Боровском Пафнутьевом монастыре была построена церковь Ильи Пророка с больничными палатами. Больницы имелись в Оптиной и Тихоновой пустынях, женской обители во имя иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» в селе Князь Иваново. В Шамординском монастыре существовали больница на 60 коек и корпус для неизлечимых больных.

Зачастую через представителей церкви осуществляли свою благотворительную деятельность многие жертвователи. Так, вышедшие из г. Мосальска известные в России своим богатством, а затем и меценатством Мамонтовы с 1854 г. ежемесячно высылали по 75 руб. серебром для раздачи бедным г. Мосальска. Через десять лет, с 1864 года, эта сумма была сокращена до 50 руб. серебром. Первого числа каждого месяца в соборном храме протоиерей раздавал после литургии пособие бедным, число которых достигало 100—150 человек. Эти люди набирались в основном из числа местных жителей, которые в молодости занимались отхожим промыслом, а к старости ездить уже никуда не могли и оставались без средств к существованию. В аналогичном положении оказывались обитатели так называемой Солдатской слободы, которые после окончания службы также бедствовали и искали средства пропитания. Вначале Мамонтовы выделяли на их нужды разовые пожертвования, а затем перешли на вышеуказанную систему оказания им благотворительной помощи.

Исходя из важности благотворительно-попечительской деятельности, руководство Калужской епархии выделяло особую статью расходов на помощь различным благотворительным обществам — обществу Красного Креста, обществу помощи при кораблекрушениях, Миссионерскому обществу и т. д.

Сбор пожертвований обычно осуществлялся по церквям Епархии, а распределяла их консистория. Кроме того, выделялись пособия для нуждающихся, о чем имелись отметки в книге прихода и расхода денежных средств консистории, причем эта статья расходов — «выдача пособий по прошениям» — присутствовала почти ежемесячно.

Особого внимания заслуживает деятельность РПЦ по распространению просвещения в народе, в том числе в сельской местности, а также среди наиболее обездоленной части детворы — детей-сирот. Начиная со времени образования в XVIII в. Калужской епархии духовенство не отставало от светских властей на поприще обучения молодого поколения, в том числе и из среды лишившихся родителей. В 1776 г. при Лаврентьевском монастыре была открыта Духовная семинария, на содержание которой Екатерина II выделяла по 300 руб. в год. Из этой суммы содержалось девять неимущих семинаристов. В семинарии производилось обучение латинскому языку, грамматике и нотному пению. В дальнейшем к содержанию беднейших воспитанников семинарии и училищ подключились отдельные представители руководства Калужской епархии. Так Преосвященный Филарет, епископ Калужский и Боровский, жертвовал на эти цели по 200—500 руб. Однако ректор семинарии архимандрит Иона, известный своим покровительством сиротам, не довольствуясь этим, добился в начале XIX в. открытия в семинарии казенного кошта для «бедных и сирых» воспитанников. Духовная семинария пользовалась и в дальнейшем поддержкой со стороны высокопоставленных представителей Русской Православной Церкви, в том числе своих бывших выпускников. Так И. Л. Янышев, духовник Николая II и всей царской семьи, ректор Петербургской духовной Академии, окончивший в свое время Калужскую семинарию, подарил семинарии богатую библиотеку и учредил так называемую «Янышевскую» стипендию.

В Калуге на средства духовенства развивалось женское просвещение. В 1879 г. на деньги Епархиального управления в Калуге было открыто Епархиальное женское училище. Деньги на создание церкви при училище пожертвовал владелец пароходства купец 1-й гильдии И. К. Ципулин. И уже в следующем, 1880 г., создается «Общество вспомоществования нуждающимся девицам духовного происхождения Калужской епархии, обучающимся в Калужском женском епархиальном училище». Отчеты о работе общества неоднократно помещались в местной прессе.

34 Зак. 1053

Вначале в училище было три класса, в которых обучались 133 ученицы. Однако оно постоянно расширялось, и в 1906 г. оно уже было двухштатным семиклассным. Ввиду постоянного расширения количества учащихся было куплено новое здание и возведена пристройка к старому. За двадцать пять лет училище окончила 1 061 девушка. При училище имелось общежитие, которое было постоянно переполненным. В 1904 г. в нем проживало 350 человек, 149 из них получали стипендии из благотворительных средств духовенства. В училище было много сирот. Калужское духовенство на воспитание и обучение 125 девочек-сирот в училище выделило в 1904 г. 14 тыс. руб. При училище были открыты церковь и больница. В 1911 году в училище было 562 ученицы, а содержание его стоило более 86 тыс. руб.[4]

Продолжало распространяться начальное образование на селе стараниями Русской Православной Церкви. В 1898 г. в селе Сашкино Тарусского уезда на средства уже упоминавшегося протопресвитера и духовника царской семьи Иоанна Леонтьевича Янышева, родившегося в данном селе, была открыта двухклассная начальная школа с библиотекой. Он же пожертвовал 100 руб. «Обществу вспомоществования нуждающимся Мещовского духовного училища»[5]. В октябре 1906 г. состоялось освящение церковно-приходской школы в селе Кирсаново-Пятница Мосальского уезда, построенной «стараниями» священника Смирнова.

Одним из результатов активного участия церкви в деле просвещения стало появление выдающихся педагогов из среды духовенства.

Традиции активного участия священнослужителей в распространении начального образования в Калужской губернии имели глубокие корни. Отдельные представители духовенства сумели в своей педагогической и организаторской деятельности подняться до такого высокого уровня, что к их трудам в этой области проявила интерес вся передовая общественность. Речь идет о педагогическом эксперименте, осуществленном в Козельске дьяконом Федором Васильевичем Вырским и его дочерью. Опираясь на достижения передовой педагогической мысли, Вырские широко использовали в своей работе методики Ланкастера, Я. А. Коменского, И. Г. Песталоцци, К. Д. Ушинского и др. Дети бедных и многосемейных родителей обучались бесплатно, и лишь немногие платили по 25—30 коп. в месяц.

Посетивший школу член общего присутствия хозяйственного управления при Святейшем Синоде А. Д. Ушинский — брат выдающегося педагога К. Д. Ушинского, — высоко ее оценил, дал некоторые практические советы и прислал в ее адрес много книг духовного содержания, а также учебных пособий для сирот и детей бедных родителей. Позже, по ходатайству А. Д. Ушинского и владыки Калужского и Боровского Григория, Святейший Синод своим постановлением от 21 августа 1861 г. наградил Ф. В. Вырского золотой медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». Владыка Григорий прислал ему из своих средств 200 руб., а дочери Александре — 150 руб. за ее заслуги в области педагогической деятельности. Кроме того, губернатор, владыка Григорий, предводитель Козельского дворянства не раз отстаивали в различных инстанциях право на существование школы Вырских[6].

Деятельность школы, а затем училища Вырских, возникавшие у его создателей материальные затруднения и меры по их устранению неоднократно освещались на страницах «Калужских губернских ведомостей»[7].

По своей инициативе представители духовенства Калужской епархии принимали участие и в иных акциях по оказанию помощи детям-сиротам. В Калужской губернии воспитывались дети-сироты из Москвы. Московский воспитательный дом им. Анатолия Демидова раздавал своих питомцев на вскармливание и воспитание в шесть соседних губерний, по преимуществу они размещались в пограничных с Московской северных уездах Калужской губернии. В основном их брало бедное население, так как с 1890 г. кормилицам платили в месяц по 9 руб. за вскармливание в первый год и по 6 руб. — во второй. Дом заботился о своих питомцах и в последующем. Он обучал их за свой счет в специальных и земских школах, а ремесленную подготовку они получали в городах. Московский воспитательный дом выдавал 160 стипендий для своих питомцев, обучавшихся в семинариях, школах садоводства, фельдшерских и др. Они лечились за счет средств дома в земских и городских больницах. За их воспитанием и обучением следили специальные надзиратели. В 1903—1904 гг. от попечительского общества при Московском воспитательном доме в Калужскую губернию в уезды, где было особенно много питомцев Московского воспитательного дома (в Калужской губернии их было свыше двух тысяч), откомандировали специально посланца от Ведомства императрицы Марии, для устройства попечительства над детьми из Московского Императорского воспитательного дома. При деятельном участии предводителя дворянства Малоярославецкого уезда В. П. Обнинского такое попечительство было открыто в уездном центре. В надзоре пожелали принять участие 60 лиц; наряду с помещиками и учителями, среди них были и священники. Однако духовенство, наряду с осуществлением надзора, приняло участие и в обучении воспитанников. В селе Юрьеве этого уезда была открыта школа для питомцев Московского воспитательного дома, а при Боголюбской церкви этого села — приходская библиотека, которой могли пользоваться учащиеся и преподаватели школы.

Благодаря активности попечительств плата за содержание этих детей в Калужской губернии постоянно возрастала с 1 руб. в месяц в 1869 г. до 4 руб. в 1905 г. и 10 руб. в месяц в 1917 г. Как следствие этого, по данным на 1912 г. Калужская губерния выделялась самым низким в Российской империи уровнем смертности среди опекавшихся подкидышей, составлявшим в то время 6%. В большинстве губерний этот показатель был 10—15%, в Уфимской и Владимирской губерниях — соответственно 47 и 54,5%[8].

Неослабное внимание поддержке воспитания и обучения детей-сирот полностью оправдало себя, создавая предпосылки для их становления на путь созидательного труда, не давая им пополнять ряды социально опасных групп населения, являвшихся основной питательной средой для возбуждения в периоды социальной напряженности.

Значение деятельности Русской Православной Церкви в том числе благотворительной, по поддержанию внутренней безопасности государства особенно возрастало в кризисные периоды русской истории, например во время военных конфликтов, голода и т. д.

Примечания

[1] См.: *Малинин Д. И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга, 1992. — С. 129, 264.

[2] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1865. — С. 27.

[3] См.: Калужская энциклопедия. — 2-е изд. — Калуга, 2005. — С. 442.

[4] См.: *Малинин Д. И.* Калуга. — С. 136.

[5] См.: *Кандидов А. В.* Село Сашкино Ферзиковского уезда // Калуга в шести веках: Материалы 4-й городской конференции. — Калуга, 2003. — С. 261.

[6] См.: *Вощенкова Н. С., Гусев А. А., Писаренко И. С.* Церковь и государство: Калужская Епархия в синодальный период развития Русской Православной Церкви. — Калуга, 2000. — С. 131—137.

[7] См.: Калужские губернские ведомости. — 1860, 16 июля. — № 29; 1861, 28 янв. — № 4; 6 февр. — № 5; 21 окт. — № 42.

[8] См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 115. Л. 381, 382; Трудовая помощь. — 1914. — № 4. — С. 385, 386, 388, 391.

ПОТОМСТВЕННЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН г. КАЛУГИ, КУПЕЦ 1-й ГИЛЬДИИ АФАНАСИЙ АКИМОВИЧ ГОРБУНОВ

***Н. И. Кожевникова**, краевед, г. Калуга*

Цель данной работы и родословных разведок, проведенных мною в фондах Государственного архива Калужской области — увековечить память об одном из потомственных почетных граждан г. Калуги — Афанасии Акимовиче Горбунове, узнать о его родословии, ближайшем окружении, о его многогранной деятельности на благо родного города; вернуть из небытия несправедливо забытые имена калужан из далекого прошлого; воссоздать одну из ветвей генеалогического древа калужских Горбуновых.

Впервые фамилия Горбуновых встречается в калужских переписных книгах с начала XVII столетия. В 1617 г. фамилия «Горбунов» встречается один раз, Горбуновы проживали в одном дворе[1].

В XVIII в. выделяются Агафон Иванович Горбунов (1721—1793), купец, общественный деятель, и его сыновья, купцы 2-й гильдии — Иван Агафонович [1748—1794; жена — Аксинья Григорьевна (1753—1787), дочь Мария была замужем за купцом Дмитрием Подкованцевым]; Петр Агафонович [1767—?; жена — Феодосия Ильинична Лобова (1765—?), сыновья — Иван, Павел]; Борис Агафонович [1752—?; жена — Анна Осиповна Постникова (1759—?), их дочь — Авдотья (1782—?)]. Дочь Афимья Агафоновна (1761—?) была замужем за купцом Андреем Ивановичем Борисовым, сыном Ивана Ивановича; их сын — Павел (1785—?)[2].

В 1816 г. в Калуге было 467 купеческих дворов, из которых в четырех проживали семейства купцов 3-й гильдии Горбуновых — Михаила Ивановича, Петра Ивановича, Семена Ивановича, Семена Леонтьевича[3].

В XIX в. фамилию калужских Горбуновых прославил Афанасий Акимович, которому было присвоено звание «потомственный почетный гражданин г. Калуги» в 1859 г.[4] Он обладал сильным характером, был крупным предпринимателем, купцом-лесопромышленником, общественным деятелем, благотворителем. Платил огромные налоги на недвижимость; в частности, владел несколькими домами в 1-й и 2-й частях г. Калуги (в том числе, на улице Рыбной, № 43) ценою 21 500 рублей (1895)[5]. Афанасия Акимовича Горбунова современник назвал «выдающимся гражданином» г. Калуги.

Афанасий Акимович Горбунов родился 6 января 1810 г. в г. Калуге в купеческой семье. Его родители — Горбуновы Аким Семенович и Анисья Дмитриевна (урожденная Лукошкина). Восприемниками при его крещении в Богоявленской церкви были Лаврентий Дмитриевич Лукошкин и мещанская вдова Прасковья Ивановна.

А. А. Горбунов был женат на Марии Ивановне Вереитиновой, дочери купца-кожевника Ивана Семеновича и Аграфены Ивановны (Астаховой). Венчание состоялось 11 февраля 1840 г. в церкви Георгия за верхом. Поручителями были купец Аким Акимович Горбунов, купец Василий Степанович Теренин, воротынский купец Егор Андреевич Матосев, мать ее, вдова, купчиха Агриппина Ивановна Вереитинова, купец Владимир Иванович Дехтерев, купеческий сын Петр Абрамович Дехтерев. Дети А. А. и М. И. Горбуновых — Павла (24.05.1843—?). Николай (30.09.1847—?). Анна Шляпина (17.02.1850—?). Мария Борисова (27.02.1851—?). Антонина Чекушкина (2.06.1852—?). Ольга (5.06.1853—?). Афанасий (1.07.1854—?)[6].

А. А. Горбунов — общественный деятель. С 1853 по 1856 г. он служил бургомистром Калужского городского магистрата. С 1861 г. до последних дней своей жизни — директором Калужского губернского тюремного комитета. С 1862 г. состоял несменяемым гласным Калужской городской думы. 28 декабря 1884 г. «по званию директора комитета за усердие по службе он Всемилостивейше был награжден золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте».

А. А. Горбунов — благотворитель.

«Среди его пожертвований обращает на себя особое внимание сооружение им, совместно с недавно почившим, тоже именитым гражданином, Василием Васильевичем Терениным, на свои средства в г. Калуге на берегу реки Оки, на месте древней разрушившейся от времени Покровской церкви, нового каменного храма — в ознаменование правления Промысла Божия, чудесно сохранившего драгоценную жизнь Всего Августейшего семейства с благополучно царствующим ныне Государем Императором Николаем Александровичем во время страшного крушения Императорского поезда 17 октября 1888 г. на железнодорожной станции Борки. За сделанное А. А. пожертвование на построение этой церкви и за устройство им на свои средства обширного деревянного дома для помещения ея причта он Всемилостивейшее пожалован был в 13 день февраля текущего года золотой медалью для ношения на шее на Аннинской ленте. Кроме того, А. А. в последние годы его жизни был одним из крупных жертвователей на реставрацию в г. Козельске Вознесенской церкви. Благодаря материальному пособию А. А. Горбунова в овраге у Каменного моста сооружена красивая каменная часовня на месте у колодца "Здоровца", с пре-

красною водою, где издревле находится чтимый обывателями ничем прежде не прикрытый образ Николая Чудотворца.

При ежегодном же построении городским общественным управлением на прибыли Малютинского банка домов для бедных жителей почивший всегда делал большие скидки со стоимости материалов, покупавшихся на его паровом лесопильном заводе и лесной пристани. В значительной степени А.А. содействовал материальной помощью в устройстве в Калуге работного дома»[7].

Сохранился документ о награждении купцов Теренина* и Горбунова за устройство Покровской церкви под горой в г. Калуге[8]

А. А. Горбунов — купец-промышленник 1-й гильдии. Владел лесной пристанью, лесопильными заводами в г. Калуге, в с. Огори Жиздринского уезда. Известно, что для целей телефонного сообщения отпускал сосновый лес для столбов, по 1 руб. 50 коп. за столб, на крупную сумму[9].

«Даже такие несчастия, как преждевременная смерть сыновей, и такие материальные потери, как неполучение страхового вознаграждения в 50 000 рублей за сгоревший его лесопильный завод в г. Калуге, возобновить страхование которого следовало накануне пожара, или неполучение с некоего К. строителя Ряжско-Вяземской железной дороги по векселю долга в 50 000 рублей, или гибель приготовленного им под Калугой для сплава огромного количества леса, унесенного необыкновенным и ранним разливом реки — не могли ослабить его энергичной деятельности».

Афанасий Акимович Горбунов умер 3 июля 1896 г. «Обряд отпевания покойного в Георгия-Заверховской церкви 6 июля совершал ректор Калужской Духовной Семинарии протоиерей о. Д. Е. Лужецкий… Помимо родственников… до могилы на городском Пятницком кладбище следовали должностные лица: городской голова И. К. Ципулин, гласные городской управы: Д. В. Тимченко и В. В. Астреев, гласные думы во главе с действительным статским советником В. И. Станкевичем»[10]. Своими делами Афанасий Акимович Горбунов оставил добрый след в истории родного города.

Приложение

Роспись калужского рода Горбуновых

Первое поколение

1. **ГОРБУНОВ Семен Леонтьевич** (1742—11.01.1812), калужский купец, проживал с семьей в Благовещенской слободе.

Жена — Прасковья Ивановна, урожденная N.[11]

Второе поколение

2/1. **ГОРБУНОВ Аким Семенович** (1765—15.09.1821), 3-й гильдии купец. Торговал красными товарами. Умер от скорбута. Отпет в Богоявленской церкви.

Среди архивных сведений, касающихся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии, содержится следующая информация: «В Калужскую градскую думу, калужского полицмейстера сообщение от 24 августа 1812 г. О покупке холста. "По приказанию его превосходительства г-на тайного советника сенатора Калужского гражданского губернатора и кавалера Павла Никитича куплено мною у калужского купца Филиппа Масленникова для действующих западных армий на бинты и прочее холста 5 407,1/4 аршин за каждый аршин по 30 копеек, всего на 1 622 р. 17 к. и на обертку отправленной корпии 47,1/4 арш. По 18 коп на 8 р. 55 к., а всего на 1 630 руб. 72,1/2 коп., да у купца Акима Горбунова для того же взято тесьмы и булавок по поданному в думу счету 72 руб., которые деньги и благоволит Калужская градская дума заплатить. Кроме того, торгующие

* Теренин Василий Васильевич (29.10.1831—2.12.1895) — купец 1-й гильдии (жена — Любовь Ефимовна Астреева). Теренин Николай Васильевич (10.03.1859—17.08.1931, Санкт-Петербург) — купец 1-й гильдии (жена — Мария Акимовна Масленникова) за свои «труды и благотворительную обязанность по Благотворительному Обществу» в октябре 1898 г. был удостоен звания потомственного Почетного гражданина г. Калуги.

в городе Калуге холстом дали сие сведение, что последняя цена холсту за аршин: солдатскому рубашечному 28 к. а потоне 30 к., но чтоб набрать 20-т. Аршин холст в холст невозможно, а выйдет неровность, иная холстина тоне, другая ровнее и белизной не одинаковы, и по объявлению от нас думы сей имеемого холста у нас не продадим, а представим в город Калугу. Цена: первый сорт 37 коп., 2-й сорт — 30 коп., и 3-й — 22 коп."»*[12]

Жена 1 — Анисья Дмитриевна Лукошкина (1770—27.04.1813). Умерла от водяной болезни. Родители — Дмитрий Иванович Лукошкин (1862—?) и Мария Ивановна, урожденная Кирпичникова [1765—?; ее родители — Иван Григорьевич Кирпичников и Аксинья Ивановна, урожденная Грехова].

Жена 2 — Мария Васильевна Чудина (1782/88—26.01.1849), дочь Василия Яковлевича (1744—?) и Марфы Сидоровны (Кашиной; 1752—?)[13]. Венчание — 8 июня 1813 г. в Богоявленской церкви. Поручители: по жениху — Иван Иванович Афончиков, Лаврентий Дмитриевич Лукошкин; по невесте — Иван Лаврентьевич Переплетчиков, купец Иван Петрович Хлебников, купеческая жена Ксения Афанасьевна Алпатова. Отпета в Богоявленской церкви.

Третье поколение

3/2/1. **ГОРБУНОВ Аким Акимович** (1801—25.04.1841), купец, купеческий старшина г. Калуги (1827)[14]. Отпет в Богоявленской церкви. В 1848 г. Калужской Палатой Гражданского Суда было утверждено духовное завещание А. А. Горбунова, «которым предоставил он из доставшегося ему с братьями каменного двухэтажного дома, с флигелем и лавками, следуемую ему из оного часть дочерям своим девицам: Любови, Екатерине и Марье и денежного капитала каждой по 2 285 рублей 30 коп., равно и жене Евдокии Ивановой, все движимое имущество и денег 3 143 рубля 30 коп., коему имению и капиталу цена по совести объявлена 11 203 рубля 93 с четвертью коп. серебром»[15].

Жена — Евдокия Ивановна ?Бокова (1806—20.04.1853). Отпета в Богоявленской церкви.

4/2/1. **ГОРБУНОВ Иван Акимович** (1805—?), 1-й гильдии купец.

Жена — Мария Андреевна Новикова, дочь 1-й гильдии купца Андрея Ивановича Новикова. Венчание — 13 ноября 1827 г. в Богоявленской церкви. Сын? — Владимир [жена — Павла Ивановна; дочь — Софья (18.18.1891—?), крещена в Благовещенской церкви].

5/2/1. **ГОРБУНОВ Афанасий Акимович** (6.01.1810—3.07.1896), купец 1-й гильдии.

Жена — Мария Ивановна Вереитинова (1822—8.09.1895), дочь купца-кожевника Ивана Семеновича (1779—1831) и Аграфены Ивановны (Астаховой) (1793—?). Венчание — 11 февраля 1840 г. в церкви Георгия за верхом. Поручители — купец Аким Акимович Горбунов, купец Василий Степанович Теренин, Воротынский купец Егор Андреевич Матосев, мать его, вдова, купчиха Агриппина Ивановна Вереитинова, купец Владимир Иванович Дехтерев, купеческий сын Петр Абрамович Дехтерев. Отпета в церкви Георгия за верхом**[16].

---

* Филипп Тимофеевич Масленников был женат на Екатерине Ивановне Жильцовой (венчание — 31 октября 1810 г. в церкви Георгия за верхом). Его брат, Иван Тимофеевич Масленников — на Дарье Ефимовне Дружининой, дочери Ефима Никитича (венчание — 20 мая 1813 г. в церкви Георгия за верхом).

** Дети И. С. и А. И. Вереитиновых — Фекла Макарова [1809—?; венчание — 29 октября 1825 г. в Одигитриевской церкви; поручители — Федор Макаров, купеческий сын Петр Нефедъевич Беляев, купец Иван Иванович Хлебников, купец Иван Семенович Вереитинов, Николай Савич Пастухов; муж — Николай Филиппович Макаров, купец, гласный городской думы г. Калуги (1849)][17]; Анна Тишкова [1813—?; муж — Петр Абрамович Тишков (1804—?); венчание — 16 февраля 1831 г. в Крестовоздвиженской церкви на Воробьевке];. Иван {1818—?), купец-кожевник [жена 1 — Любовь Владимировна Дехтерева (8.11.1820—27.01.1851); венчание — в 1848 г.; отпета в церкви Покрова под горой; жена 2 — Мария Васильевна Фалеева (1834—?), дочь Василия Ивановича; венчание — 28 мая 1851года в церкви Рождества Христова]. Прасковья Хохлова [1820—?; муж — Тимофей Петрович Хохлов; венчание — 14 февраля 1837 г.]; Мария Горбунова [1822—8.09.1895; муж: — Афанасий Акимович Горбунов (6.01.1810— 07.1896)]; ?Сергей.

6/2/1. **РАКИТИНА** (Горбунова) **Александра Акимовна** (1810—7.12.1845). Умерла от простуды. Отпета в Спасопреображенской церкви на Глубоком.

Муж — Григорий Иванович Ракитин, купец.

7/2/1. **МЕДЫНЦЕВА** (Горбунова) **Анна Акимовна** (1811 — после 1869).

Муж — Алексей Иванович Большой Медынцев (1800—?).

8/2/1. **ТОРУБАЕВА** (Горбунова) **Мария Иоакимовна** (20.06.1812—?). Восприемники при крещении в Богоявленской церкви — Петр Лаврентьевич Лукошкин и посадская жена Ирина Полиевктова.

Муж — Лаврентий Иванович Торубаев (1809—17.04.1839). Венчание — 4 ферваля 1834 г.

9/2/2. **МАСЛЕННИКОВА** (Горбунова) **Елизавета Иоакимовна** (1816—?)[18].

Муж (2-м браком) — Иван Иоакимович Большой Масленников (1799—?), купец. Венчание — 21 мая 1835 г. в Архангельской церкви. Его первая жена — Александра Андреевна Чистоклетова (1804 — до 1837). Венчание — 24 октября 1822 г. в Архангельской церкви.

Четвертое поколение

11/3. **КУЛЕШОВА** (Горбунова) **Евдокия Иоакимовна** (?—?).

Муж — Илья Козьмич Кулешов (1793—30.05.1841), купеческий сын, отпет в Воскресенской церкви. Дети — Павел (19.06.1836—?; восприемники при крещении в Воскресенской церкви — купеческий сын Филипп Козьмич Кулешов и купеческая жена Мария Андреевна Горбунова); Николай (6.10.1837—?).

12/3. **МАСЛЕННИКОВА** (Горбунова) **Любовь Иоакимовна** (15.09.1827—30.03.1909). Восприемники при крещении в Богоявленской церкви — купеческий сын Николай Иванович Боков и мещанская жена Александра Акимовна Ракитина.

Муж — Павел Сергеевич Масленников (1821—?). Венчание — 17 мая 1845 г. в единоверческой Сошественской церкви.

Отпета в Единоверческой Сошественской церкви.

13/3. **ГЛИНКОВА** (Горбунова) **Екатерина Иоакимовна** (5.11.1828—?).

Муж — Алексей Михайлович Глинков (1825—?), серпейский мещанин. Венчание — 14 января 1851 г. в Богоявленской церкви. Дочь — Софья (26.07.1856—?).

14/3. **ВИНОГРАДОВА** (Горбунова) **Мария Иоакимовна** (1.03.1830—?). Крещена в Богоявленской церкви.

Муж — Николай Иванович Виноградов (1820—?), московский купец. Венчание — 25 мая 1848 г. в Христорождественской церкви.

15/4. **ГОРБУНОВА Раиса Ивановна** (25.05.1830—?).

16/4. **ГОРБУНОВА Елизавета Ивановна** (3.01.1834—26.08.1834).

17/4. **ГОРБУНОВ Афанасий Иванович** (8.02.1840—?).

Жена — Мария Афанасьевна.

18/4. **ГОРБУНОВ Николай Иванович** (10.02.1845—?).

19/4. **ГОРБУНОВА Капитолина Ивановна** (29.06.1847—?).

20/4. **ГОРБУНОВА Мария Ивановна** (31.05.1845—?).

21/4. **ГОРБУНОВА Ольга Ивановна** (31.05.1845—?).

22/5. **ДОМАНОВА** (Горбунова) **Павла Афанасьевна** (24.05.1843—?). Крещена в Богоявленской церкви. Восприемники — Николай Филиппович Макаров, вдовы Евдокии Ивановны Горбуновой дочь Любовь.

Муж — Нил Алексеевич Доманов (1836—?), мосальский купец. Венчание — 9 февраля 1864 г. в церкви Георгия за верхом.

23/5. **ГОРБУНОВ Петр Афанасьевич** (1845 — ум.).

24/5. **ГОРБУНОВА Аполлинария Афанасьевна** (21.12.1845 — ум.). Крещена в Богоявленской церкви.

25/5. **ГОРБУНОВ Николай Афанасьевич** (30.09.1847 — после 1872). Крещен в Богоявленской церкви.

26/5. **ГОРБУНОВА Зиновия Афанасьевна** (1848 — ум.). Крещена в Богоявленской церкви. Восприемники — купец Матвей Семенович Протопопов, купеческого сына Павла Сергеевича Масленникова жена Любовь Акимовна.

27/5. **ШЛЯПИНА** (Горбунова) **Анна Афанасьевна** (17.02.1850—?). Крещена в церкви Георгия за верхом.

Муж — Павел Яковлевич Шляпин (1845—?). Венчание — 22 января 1871 г. в Мироносицкой церкви. Дети — Анатолий (14.02.1872—?; восприемники — потомственный почетный гражданин Афанасий Акимович Горбунов и перемышльская мещанская вдова Мария Филипповна Алтынникова); Афанасий (2.05.1873—?); Таисия (30.09.1875—?).

28/5. **БОРИСОВА** (Горбунова) **Мария Афанасьевна** (27.02.1851—?). Крещена в церкви Георгия за верхом. Восприемники — купец Николай Филиппович Макаров и купеческого сына Павла Сергеевича Масленникова жена Любовь Акимовна.

Муж — Николай Алексеевич Борисов (1851—?), купеческий сын. Венчание — 27 октября 1872 г. Дочь — Анна (7.12.1873 — ?). Крещена в Мироносицкой церкви.

29/5. **ЧЕКУШКИНА** (Горбунова) **Антонина Афанасьевна** (2.06.1852—?). Крещена в церкви Георгия за верхом.

Муж — Павел Михайлович Чекушкин (1842—?), мосальский 2-й гильдии купец. Венчание — 17 февраля 1872 г. в церкви Георгия за верхом. Поручители — ельнинский купец Иван Михайлов, мосальский 1-й гильдии купец Николай Алексеевич Доманов, 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Афанасий Акимович Горбунов, 1-й гильдии купеческий сын, потомственный почетный гражданин Николай Афанасьевич Горбунов.

30/5. **ГОРБУНОВА Ольга Афанасьевна** (5.06.1853—?). Крещена в церкви Георгия за верхом. Восприемники — Алексей Михайлович Глинков, Елизавета Николаевна Макарова, дочь купца Николая Филипповича.

31/5. **ГОРБУНОВ Афанасий Афанасьевич** (1.07.1854—?)*. Восприемники при крещении в церкви Георгия за верхом — купца Ивана Ивановича Вереитинова жена Мария Васильевна.

32/5. **ГОРБУНОВ Сергей Афанасьевич** (?—?).

Жена — Ольга Никитична N. Сын — Виктор (9.03.1891—?). Восприемники при крещении в церкви Георгия за верхом — орловский гражданин Иван Васильевич Грибанов и купца Ивана Ивановича Вереитинова жена Мария Васильевна.

33/7. **МЕДЫНЦЕВА Олимпиада Алексеевна** (1837—?).

34/7. **МЕДЫНЦЕВ Николай Алексеевич** (1838—?).

35/7. **МЕДЫНЦЕВ Козьма Алексеевич** (18.10.1845—?). Крещен в единоверческой Сошественской церкви.

36/7. **МЕДЫНЦЕВА Мария Алексеевна** (1850—?).

37/8. **ТОРУБАЕВА Елизавета Лаврентьевна** (14.03.1835—?). Восприемники — купец Аким Акимович Горбунов, Петра Леонтьевича Мешкова жена Александра Ивановна.

38/8. **ТОРУБАЕВ Михаил Лаврентьевич** (23.06.1836—?). Восприемники — купец Аким Акимович Горбунов, купца Григория Ивановича Ракитина жена Александра Акимовна.

39/9. **МАСЛЕННИКОВ Иван Иванович** (25.05.1840—?). Восприемники при крещении в Архангельской церкви — Осип Акимович Масленников и Акима Акимовича Горбунова жена Евдокия Ивановна.

40/9. **МАСЛЕННИКОВ Василий Иванович** (25.04.1842—?). Крещен в Архангельской церкви[19].

---

* Кирилл Афанасьевич Горбунов — гласный Калужской городской думы в 1914 г.

Выражаю благодарность за помощь, оказанную в процессе работы над данной темой, сотрудникам Государственного архива Калужской области.

Примечания

[1] См.: *Симпсон П. Ф.* Калужские книги 1617 г. Письма и дозору Ив. Кузьм. Бегичева и подьячего Игната Пчелина // Известия Калужской ученой архивной комиссии. — Калуга, 1891.

[2] См.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 1375 об., 220 об. Ревизские сказки по г. Калуге 1795 г.

[3] См. там же. Д. 146. Ревизские сказки о купцах г. Калуги 1816 г.

[4] См. там же. — Ф. 49. Оп. 1. Д. 622. Л. 482. Ходатайство о вступлении Горбунова А. А. в потомственное почетное гражданство (30 июня 1859 г.).

[5] См.: Лица, имеющие право на участие в выборах по Калужскому уезду на 1895—1898 гг. // Калужские губернские ведомости. — 1895, 18 мая. — № 54.

[6] См.: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 810. Семейные списки 1869 г.

[7] Памяти А. А. Горбунова: Некролог купца и благотворителя // Калужские губернские ведомости. — 1896, 11 июля.

[8] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2093. Переписка о награждении купцов Теренина [В. В] и Горбунова [А. А.] за устройство Покровской церкви под горой в г. Калуге. 1893 г.

[9] См.: www. golubitsky.kaluga.ru

[10] Памяти А. А. Горбунова.

[11] См.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 39. Ревизские сказки по г. Калуге 1783 г.

[12] *Булычов Н. И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии. (Калужское Дворянское Ополчение). — Калуга: Губернская типолитография, 1910. — С. 10.

[13] См.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 49. Л. 1324. Ревизские сказки по г. Калуге 1795 г.

[14] См. там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 115. Журнал Калужской городской думы.

[15] Калужские губернские ведомости. — 1848. — № 8.

[16] См.: ГАКО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 810. Семейные списки по г. Калуге 1869 г.

[17] См. там же. Д. 407. Журнал Калужской городской думы.

[18] См. там же. Ф. 86. Оп. 3, 146, № 57. Ревизские сказки о купцах г. Калуги 1816 г.

[19] При составлении росписи рода Горбуновых использованы следующие документы: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 22. Метрическая книга церквей г. Калуги 1810 г.; Д. 24. Метрическая книга церквей г. Калуги 1811 г.; Д. 27. Метрическая книга церквей г. Калуги 1812 г.; Д..28. Метрическая книга церквей г. Калуги 1813 г.; Д. 35. Метрическая книга церквей г. Калуги 1820 г.; Д. 39. Метрическая книга церквей г. Калуги 1821 г.; Д. 40. Метрическая книга церквей г. Калуги 1822 г.; Д. 47. Метрическая книга церквей г. Калуги 1827 г.; Д. 48. Метрическая книга церквей г. Калуги 1828 г.; Д. 50. Метрическая книга церквей г. Калуги 1829 г.; Д. 52. Метрическая книга церквей г. Калуги 1830 г.; Д. 58. Метрическая книга церквей г. Калуги 1831 г.; Д. 68. Метрическая книга церквей г. Калуги 1834 г.; Д. 70. Метрическая книга церквей г. Калуги 1835 г.; Д. 73. Метрическая книга церквей г. Калуги 1836 г.; Д. 75. Метрическая книга церквей г. Калуги 1837 г.; Д. 88. Метрическая книга церквей г. Калуги 1839 г.; Д. 91. Метрическая книга церквей г. Калуги 1840 г.; Д. 97. Метрическая книга церквей г. Калуги 1841 г.; Д. 100. Метрическая книга церквей г. Калуги 1842 г.; Д. 104. Метрическая книга церквей г. Калуги 1843 г.; Д. 113. Метрическая книга церквей г. Калуги 1845 г.; Д. 128. Метрическая книга церквей г. Калуги 1847 г.; Д. 135. Метрическая книга церквей г. Калуги 1848 г.; Д. 136. Метрическая книга Христорождественской церкви 1848—1855 гг.; Д. 145. Метрическая книга церквей г. Калуги 1849 г.; Д. 153. Метрическая книга церквей г. Калуги 1850 г.; Д. 163. Метрическая книга церквей г. Калуги 1851 г.; Д. 172. Метрическая книга церквей г. Калуги 1852 г.; Д. 178. Метрическая книга церквей г. Калуги 1853 г.; Д. 185. Метрическая книга церквей г. Калуги 1854 г.; Д. 195. Метрическая книга церквей г. Калуги 1856 г.; Д. 209. Метрическая книга церквей г. Калуги 1860 г.; Д. 213. Метрическая книга церквей г. Калуги 1861 г.; Д. 217. Метрическая книга церквей г. Калуги 1862 г.; Д. 225. Метрическая книга церквей г. Калуги 1864 г.; Д. 234. Метрическая книга церквей г. Калуги 1865 г.; Д. 241. Метрическая книга церквей г. Калуги 1866 г.; Д. 248. Метрическая книга церквей г. Калуги 1867 г.; Д. 262. Метрическая книга церквей г. Калуги 1869 г.; Д. 270. Метрическая книга церквей г. Калуги 1870 г.; Оп. 6. Д. 652. Метрическая книга церквей г. Калуги 1871 г.; Д. 653. Метрическая книга церквей г. Калуги 1872 г.; Д. 654. Метрическая книга церквей г. Калуги 1873 г.; Оп. 4. Д. 279. Метрическая книга церквей г. Калуги 1875 г.; Д. 295. Метрическая книга церквей г. Калуги 1891 г.; Д. 299. Метрическая книга церквей г. Калуги 1895 г.; Д. 300. Метрическая книга церквей г. Калуги 1896 г.; Д. 539. Метрическая книга церквей г. Калуги 1909 г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯНОВЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***Г. И. Роянова**, заслуженный работник культуры РФ, н. с.,*
Калужский областной краеведческий музей

Родословная Сергея Николаевича Янова (1749—?), статского советника, Предводителя дворянства Калужской губернии (1795—1798), подтвержденная документами Государственного архива Калужской области и исследованиями П. Н. Петрова (1827—1891), историка, генеалога XIX в., свидетельствует, о том, что «от внука князя Юрия, осмого сына великого князя Владимира Мономаха, князя Константина Всеволодича… произошли роды Ростовших князей.. Яновы»[1]. По мнению Н. П. Петрова, Яновы в XVI в. по неизвестным причинам утратили княжеский титул и числились уже дворянами. Филипп Кириллович Янов участвовал в военном походе в 1522 г. и нес городовые службы. Имя Федора Янова упоминается в «Книге Записной» 1687 г. с сообщениями за 1572—1687 гг. о поставке городов и острогов в Сибири. Федор Янов был послан вместе с князем Лукой Осиповичем Щербатовым в Тюмень, чтобы помогать ему в воеводстве. О деятельности Янова рассказывается в «Истории Сибири», составленной Г. Ф. Миллером, руководителем большой экспедиции по Сибири. Грамотой от 30 января 1600 г. Тюменскому голове Федору Янову предписывалось строить острог на реке Туре между Верхотурьем и Тобольском на важной дороге, обеспечивающей «официальные сношения Москвы с Зауральем»[2]. «…Как придешь в Епанчин юрт, и учнеши ставить острог и как пашенные люди учнут пашню пахать и ты б жил с великим бережением, и сторожже бы у тебя крепкие, и про нагайских людей и про сырянцев проведывал, чтобы нагайские люди, пришед без весно, на кого дурны не учинили»[3]. Таким образом, Ф. Янов, прибывший вместе с пятьюдесятью служилыми людьми, на место, где когда-то находился Епанчив юрт татарского мурзы, основал г. Туринск. Из Казани правительство перевело 55 семей крестьян и 6 семей ямщиков и дало Указ Янову путем вербовки в северорусских уездах Европейской части страны и сибирских городах расширять число ямщиков до пятидесяти и крестьянских семей до ста. «Уже весной 1600 г. под Туринском существовала “государственная пашня”, появились собственные посевы крестьян, ямщиков и служилых людей»[4]. Важной деятельностью переселенцев из Центральной России было распространение в Сибири христианства. В главной Сибирской летописи, составленной архиепископским дьяконом Саввой Есеповым в 1636 г., многократно повторялась мысль о божественной миссии россиян. «Оттоли же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломски гром огласи, наипаче же во многих местах поставивши гради и святыя божия церкви и монастыри создашася…»[5] В истории г. Туринска известен факт, что после построения острога и ямской слободы была в 1601 г. (по некоторым данным — в 1604 г.) поставлена церковь, при которой в 1624 г. возник мужской монастырь[6].

Вернувшись из Сибири Яновы, соблюдая православные традиции, избрали местом своего христианского поклонения и благотворительности Троице-Сергиев монастырь. В марте 1611 г. Федор Осипович Янов «дал вклад спорок-бархат винидицкой золотной по цене за 50 рублев»[7]. Патриарший боярин Василий Федорович Янов, сын Федора Янова, в 1641 году «дал вклад в дом живоначальной Троицы за себя и жену и детей своих перед чудотворцеву Сергиеву раку лампаду серебряную весом 15 фунтов». По венцу надпись «Лета 7149 году при державе государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца»[8]. Под ней запись о том, что вклад делал Василий Федорович Янов. Заказ текста на лампаде был не случайным. При выборе на всероссийский престол государя царя Великого князя Михаила Федоровича Федор Осипович Янов документ «с прочими подписал»[9]. От него он получил с детьми Жалованную грамоту, подтверждавшую дачу каждому недвижимого имущества во Владимирских и Калужских землях. К Яновым отошли сельцо Соболевка в Серпейском и село Хордово с деревнями Брешевой Мещовском уездах, которыми они владели на протяжении нескольких столетий. У Василия Федоровича Янова были сыновья Иван, Егор, Федор, Алешия (Алексей); последний имел

сына Василия, который при Петре I, в 1716 году, был пожалован в прапорщики за ратную службу в артиллерии[10]. У него среди детей мужского пола были сыновья Иван и Николай. В описании к Атласу Калужского наместничества (часть 2, книга V) в конце XVIII в. за Николаем Васильевичем сыном и вдовой Анной Михайловой дочерью Яновых числилось сельцо Соболевка, которое стояло по левой стороне реки Ресы, а «дачею с правой стороны оной и реки Добужа, дом господский деревянный при нем сад регулярный с плодовитыми деревьями, земля иловато пещаная, хлеб и покосы средственны, лес строевой, крестьяне на оброке». Николай Васильевич 1 июля 1763 года был удостоен чина «примьер майора за оказанную на службе нашей ревности и прилежности»[11]. Данный документ имеет подпись Екатерины II.

По документам ГАКО, исследованным В. И. Абакуловым, сотрудником фондов Калужского областного краеведческого музея, в конце XVIII в. в селе. Хордово «тщанием помещика Николая Васильевича Янова бала построена церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы. Церковь каменная с колокольней. Престолов три: в настоящей во имя Знамения Пресвятыя Богородицы, в трапезной правый во имя Св. Архистратига Михаила, левый во имя Преп. Сергия Радонежского Чуд.»[12]

В семье Яновых почитание Святого Преподобного Сергия Радонежского имело особое значение. Являясь на протяжении нескольких столетий вкладчиками Троице-Сергиевой Лавры, предшествующие поколения Яновых были похоронены на территории монастыря. Об этом свидетельствуют найденные надгробия Федора Янова, его жены, детей, датируемые XVII—XVIII вв.[13]

Николай Васильевич Янов дает одному из своих сыновей имя Сергей. По всей вероятности Сергей Николаевич родился осенью 1749 г., ко дню празднования Св. Сергия Радонежского[14]. Богатая родословная Сергея Янова, дворянского происхождения, давала ему возможность в 1762 г. быть зачисленным в число сорока пажей при императорском

Органы власти и управления губерний, уездов и городов во второй пол. XVIII в.

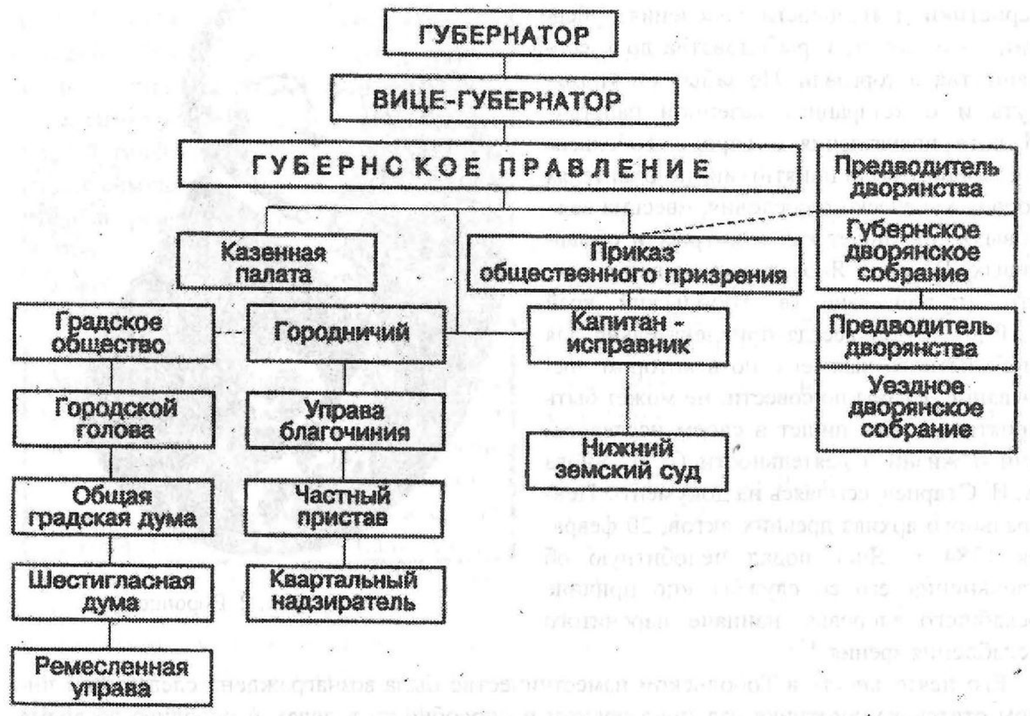


Рис. 1. Органы власти и управления губерний, уездов и городов во второй половине XVIII в.

Рис. 2. Генерал-аншеф Е. П. Кашкин.

дворце. После обучения практическая деятельность пажей сводилась к дежурствам в Зимнем дворце при особах императорской фамилии. В 1766 г. среди двенадцати молодых дворян, по решению Екатерины II направленных на обучение в Лейпцигский университет, были шесть придворных пажей, в том числе А. Н. Радищев и С. Н. Янов. По окончании университета Янов десять лет находился на дипломатической службе заграницей. Он вернулся в Россию в 1782 г. и по Указу Екатерины II почти три года служил в Тобольске директором экономии Казенной палаты под началом Тобольского наместника Евгения Петровича Кашкина. Деятельность С. Н. Янова нашла отражение в «Родословных разведках», составленных Н. Н. Кашкиным. Е. П. Кашкин отправил осенью 1782 г. коллежского советника С. Н. Янова с отчетом об открытии наместничества к Императрице в Санкт-Петербург. Донесение вызвало милостивый рескрипт Екатерины II от 15 октября 1782 г. о принятии ею с удовольствием его «при сем случае труда и признания обитателей тамошних к попечениям о благе их»[15]. По просьбе князя А. Р. Воронцова С. Н. Янов, находясь на службе в Тобольске, составил «Описание Тобольского наместничества», которое по ошибке долгое время приписывалось А. Н. Радищеву и вошло в его собрание сочинений. Работа Янова небольшая по своему объему, но содержит яркие характеристики деятельности населения губернии — от охоты и рыболовства до хлебопашества и торговли. Не забыл он упомянуть и о «стараниях казенной палаты». И хотя впечатления о городе Тобольске в основном были приятными, но о жителях города купеческого сословия, «весьма вежливых», он пишет как о хитрых и обманчивых. В конце Янов делает вывод о том, что «путешествие (в Тобольский край Г. Р.), …будет всегда привлекательно для любопытного человека, но в котором пребывание, говоря по совести, не может быть приятно»[16]. Как пишет в своем исследовании о жизни и деятельности С. Н. Янова А. И. Старцев, ссылаясь на документы Центрального архива древних актов, 20 февраля 1784 г. Янов подал челобитную об увольнении его со службы «по причине ослабшего здоровья, наипаче нарочитого ослабления зрения»[17].

Рис. 3. Граф А. Р. Воронцов.

Его деятельность в Тобольском наместничестве была вознаграждена следующим чином статского советника «за прилежности и способности в делах и особливо во время объезду государственных селений и осмотру казенного винокуренного завода, хозяйственных распоряжений и замечаний»[18].

Рис. 3. Здание Тобольского наместничества. Фото 2010 г.

Утверждение А. И. Старцева о том, что С. Н. Янов «более на государственную службу не возвращался», опровергается документами Государственного архива Калужской области. По документам становится известно, что С. Н. Янов на протяжении 80—90-х гг. XVIII столетия избирался сначала Предводителем дворянства Мещовского уезда, а затем в декабре 1794 г. был избран на должность Предводителя дворянства Калужской губернии и вступил в должность 8 января 1795 г.[19] Должность Предводителя дворянства была регламентирована Императорским Законом «Учреждения для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г. Со вступлением в силу «Грамоты на права, вольности и преимущество благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. Предводитель дворянства избирался губернским депутатским собранием сроком на три года. Все три года, с января 1795 по январь 1798 г., С. Н. Янов достойно выполнял возложенные на него законом обязанности. Протоколы заседаний депутатского собрания[20] свидетельствуют о том, что его деятельность вновь была связан с пребыванием на должности наместника, теперь уже Тульского и Калужского, Евгения Петровича Кашкина. Она была направлена на выполнение государственных распоряжений, например по рекрутским наборам, по внесению дворян в дворянскую родословную книгу, по учреждению почтовых станций по уездам губернии, по построению в уездах дорог и мостов. Так, в одном из документов архива хранится относящееся к 1797 г. письмо от действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера князя Алексея Борисовича Куракина к Янову с просьбой срочно приехать в Калугу, «дабы тем скорее привести во исполнение помянутое Высочайшее повеление Императорского Величества»: речь шла о решении вопроса о контроле над строительством казарм и конюшен в губернии при расквартировании гусарских полков. С. Н. Янов производил разбирательства жалоб, возникавших между дворянами и крепостными крестьянами. В документах ГАКО содержится «Рапорт Калужского губернского прокурора князя С. С. Львова генерал- прокурору князю А. Б. Куракину о подаче крестьянами с Новоселок Мещовской округи в земский суд коллективной жалобы на истязания и разорение их помещиком Н. Ф. Чебышовым 19 января 1797 г.

37 Зак. 1053

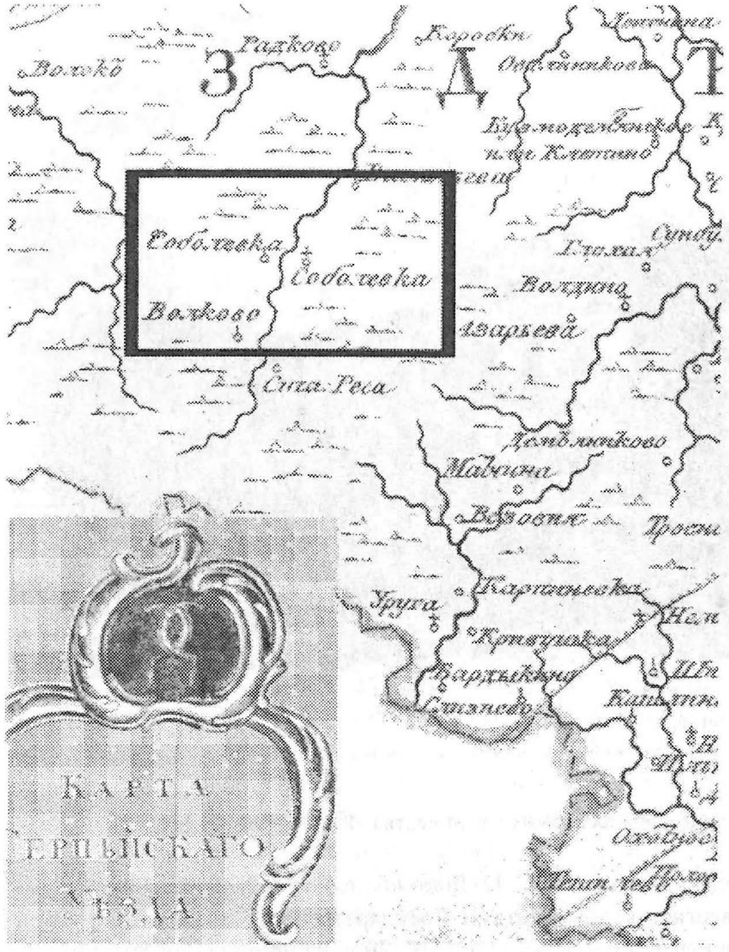


Рис. 4. Село Соболёвка Серпейского уезда Калужской губернии. Фрагмент карты.

Разбирательство было поручено С. Н. Янову как «г-ну губернаторскому предводителю статскому советнику», «чтоб он прибыв в г. Мещовск, приглася уездного предводителя и почтейнейших из дворянства Мещовской округи, вызвал к себе силою того указа оного Чебышова и, показав ему сии острожные орудия, внушил бы о должности истинно благородного человека его обязанности в повиновении законам самодержцев всероссийских, внушающих кротость и милосердие к подчиненным, воспрещающим всякую жестокость и тиранство»[21]. В г. Калуге в 1797 г. С. Н. Янов вместе с губернским архитектором Иваном Денисовичем Ясныгиным обследовал учреждения Приказа общественного призрения.

По окончании срока службы в должности Предводителя дворянства С. Н. Янов вновь поселился в с. Соболевке Мещовского уезда. Проведенные в 2008—2011 гг. исследования не дали данных о прямых наследниках С. Н. Янова. По сведениям на 1795 г., С. Н. Янов был холост. Но известно, что по линии его брата Петра сын Алексей, как и дед, и отец, продолжал нести военную службу. Согласно Аттестату от 12 августа 1812 г., Алексей Петрович Янов служил штабс-капитаном в лейб-гвардии драгунском полку. Был в действующей армии 6 октября под Тарутином, 12 октября под Малоярославцем. Участвовал в заграничных походах. За храбрость и благоразумие был удостоен чина подполковника.

Дети Алексея Петровича продолжали жить в с. Соболевке Мешовского уезда (ныне Сухиничского района). Так, в 1834 г. Яновы владели в Соболевке ста сорока четырьмя душами крепостных крестьян, а в Хордове — восьмьюдесятью пятью. Кроме того, во владении Яновых были крестьяне д. Спицыно Мещовского уезда Калужской губернии. Надворный советник Сергей Федорович Янов унаследовал у своего отца Федора Алексеевича 110 душ крепостных крестьян, в том числе 36 человек в д. Спицыно. Осенью 1837 г. его сын лейб-гвардии прапорщик Федор Сергеевич Янов подписал документы «о твердом намерении отпустить в звание свободных хлебопашцев всех, находящихся в своем крепостном его владении дворовых людей и крестьян, состоящих в разных губерниях, в том числе и Калужской Мещовском уезде...»[22]. Подполковник Куприянов, Предводитель дворянства Владимирской губернии, в своем письме выразил мнение о «необходимости содействия помещику Янову в столь благонамеренного предложения его в исполнении»[23].

Сын Алексея Петровича Янова Николай Алексеевич родился 8 ноября 1816 г. Он был участником Крымской кампании 1853—1856 гг. Был награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 2-й степени с короною, Св. Станислава 2-й степени с короною и в послужном списке числился как отставной артиллерии генерал-майор, калужский дворянин. Позже он с семьей покинул Калужскую губернию и жил в Киеве.

Выявленные материалы позволили познакомиться с деятельностью представителей семьи Яновых, дворян Калужской губернии, оценить их роль в истории России и Калужского края за период XVI—XIX вв.

Примечания

[1] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 102. Л. 1, 70—74; *Петров П. Н.* История русского дворянства. — СПб., 1886.

[2] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — 2-е изд. — Т. 1. — М., 1999. — С. 383.

[3] Сибирская летопись // ПСРЛ. — Т. 4. — М., 1987.

[4] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. — Т. 1. — С. 384.

[5] Цит. по: *Покровский Н. Н.* Русская православная церковь // Сибирская заимка: Электронный журнал. — 2001. — № 6.

[6] См.: *Новоселов А. И., Смирных А. И.* Туринск. — Свердловск, 1990.

[7] Вкладная книга Троице- Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 7

[8] Там же

[9] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 102. Л. 70.

[10] Там же. Д. 1612. Л. 3.

[11] См. там же. Л. 3 об.

[12] Там же. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2208. С. 614.

[13] См.: *Бушуев А. Е.* Надгробия Яновых Троице-Сергиева монастыря // Сергиево-Посадский музей-заповедник: Сб. — М., 1995. — С. 2

[14] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 102. С. 74.

[15] *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. — Т. 2. — СПб., 1912. — С. 374.

[16] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. — Т. 3. — М.; Л., 1952. — С. 142.

[17] *Старцев А. И.* Радищев: годы испытания. — М., 1990. — С. 164—165. (РГАДА. Ф. 246. Кн. 703, Л. 187).

[18] ГАКО. Ф. 66. Оп. 1 Д. 109.

[19] См.: РГАДА. Ф. 246. Кн. 703. Л. 189.

[20] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

[21] Калужский край. — Кн. 1. — Калуга, 1976. — С. 161—162

[22] ГАКО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 971. Л. 5.

[23] Там же.

ФОРМИРОВАНИЕ ОПОЛЧЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1855 г.

***Д. А. Хохлов**, студ.,*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Темой настоящей статьи является формирование Калужского государственного подвижного ополчения в 1855 г. В данной работе будут рассмотрены нормативные акты, регламентировавшие процесс создания ополчения, и организационные механизмы, действовавшие в Калужской губернии. В работе используются две группы источников. В первую входят материалы, дающие представление об общегосударственных принципах формирования ополчения. 29 января (все даты по ст. стилю) 1855 г. был опубликован Высочайший манифест о сформировании «Государственного подвижного ополчения». Тогда же вышли Положения к манифесту. Наряду с ними, будут также источником для нашей работы приказы различных министерств и департаментов, хранящиеся в Государственном архиве Калужской области (ГАКО).

Вторую группу источников составляют материалы, относящиеся напрямую к Калужской губернии. Они представляют собой документы, хранящиеся в двух фондах ГАКО: фонде начальника ополчения губернии (ф. 5) и фонде губернского комитета ополчения (ф. 348). Более подробная характеристика фондов содержится в моей статье, которая публикуется в материалах городской конференции.

Итак, история Государственного подвижного ополчения начинается 29 января 1855 г., когда был опубликован Высочайший Манифест о сформировании «Государственного подвижного ополчения». В тот же день появился еще один Высочайший указ, в котором говорилось «о немедленном привидении его в исполнение по губерниям С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Тверской, Смоленской и Курской, а по губерниям Московской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Ярославской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской и Пензенской, по случаю предстоявшего рекрутского набора, с 1 апреля 1855 г.»[1] Тогда же опубликовано и «Положение о Государственном Подвижном Ополчении», состоящее из 97 параграфов.

Текст Манифеста был обращен ко всем сословиям. Однако реальный охват ополчения определен параграфом 5 Положения. Служба в ополчении распространялась на все податные сословия, за исключением купцов. Не подлежали призыву колонисты, освобожденные специальным Высочайшим указом от любых воинских повинностей, и евреи[2]. Однако 25 апреля 1855 г. ограничение для купцов было снято по многочисленным прошениям представителей этого сословия[3]. Также Положение устанавливало норму набора в 23 человека с тысячи ревизских душ[4]. За разные вопросы формирования отвечали преимущественно Военное министерство и Министерство внутренних дел. В частности, Военное министерство определяло нумерацию дружин.

На местах ответственными органами были губернские и уездные комитеты ополчения. К функциям комитетов относились составление списков ратников по сословиям и закупка необходимых предметов снаряжения, не полученных из казны или от отдатчиков. Во главе комитетов стояли обычно губернаторы и предводители дворянства. В Калужской губернии председателем губернского комитета был гражданский губернатор Булгаков. Все комитеты Калужской губернии были составлены из дворян по результатам выборов, проведенных в феврале 1855 г.[5] Примерно в то же время на экстренном съезде губернского дворянства прошли выборы начальника ополчения и офицеров дружин. Императорским приказом от 20 марта 1855 г. был утвержден в качестве начальника ополчения сенатор, генерал-лейтенант граф Алексей Петрович Толстой. Тем же приказом утверждались командиры и офицеры всех дружин Калужского ополчения[6]. Были сформированы одиннадцать дружин, которые возглавляли следующие офицеры:

1) майор князь Несвицкий — Калужская № 70 дружина;
2) генерал-лейтенант от артиллерии Астрецов — Козельская № 71 дружина;
3) подполковник Тимченко — Перемышльская № 72 дружина;
4) полковник Обнинский — Малоярславецкая № 73 дружина;
5) майор Янов — Лихвинская № 74 дружина;
6) майор Камынин — Мещовская № 75 дружина;
7) подполковник Суходольский — Мосальская № 76 дружина;
8) майор Борисов — Жиздринская № 77 дружина;
9) майор Ларионов — Медынская № 78 дружина;
10) действительный статский советник Миллер — Тарусская № 79 дружина;
11) капитан князь Кочубей — учебная стрелковая команда.

Изначально, по параграфу 27 Положения, офицерские должности могли замещать только офицеры, никогда не бывшие под судом. Однако по императорскому указу от 30 марта было разрешено избирать дворян, бывших ранее под судом, дела которых были закрыты, а взыскания незначительны. Также разрешалось принимать дворян, не записанных в родовые книги губернии и не живших в ней, но имевших на ее территории имущество[7]. Таким образом, губернский комитет ополчения играл важную роль в его формировании. Для выполнения возложенных на него функций комитету полагалось иметь наличные средства. Касса комитета формировалась на основе добровольных пожертвований и не имела государственного финансирования. По параграфу 35 «подписка для добровольных

пожертвований открывалась в собраниях дворянства или по предложениям Начальника губернии в городских думах и ратушах»[8]. Например, известно, что для вооружения учебной стрелковой команды на пожертвования дворян на Сестрорецком и Ижевском заводах были заказаны 700 штуцеров[9]. Наряду с дворянскими пожертвованиями есть также сведения о монастырских вкладах. Так, в приказе подполковника Обнинского от 18 июня говорится о пожертвовании Малоярославецким монастырем «некоторой суммы» и крестов для ратников дружины»[10]. Теперь рассмотрим, какими вопросами ведал комитет на деле. В одном из журналов заседаний губернского комитета приводится обсуждение вопросов о выделении средств на закупку сукна, постройку обоза и проч.[11] Также большое значение комитета проявляется, например, в выделении средств на выдачу жалованья ратникам и прочего денежного довольствия. Количество денег на дружину рассчитывалось исходя из нормы: старший урядник — 4 руб. 5 коп., младший урядник — 2 руб. 80 коп., прочие ратники и нестроевые — 2 руб. 70 коп. Также на приварок и улучшение пищи полагалось 50 коп. в месяц[12].

Также во исполнение параграфа 15 Положения Калужский уездный комитет занимался составлением списков ратников и их распределением. В первую очередь, исходя из нормы в 23 человека с 1 000 ревизских душ, составлялась раскладка по численности и количеству дружин. По губернии планировалось набрать 10 160 человек, что и было выполнено. Параграф 44 Положения выдвигает ряд требований к ратникам. Они должны быть не моложе двадцати и не старше сорока пяти лет, ростом не менее двух аршин двух вершков, не иметь тяжелых болезней, грыж, калечеств и проч. Прием осуществлялся в присутствии уездного предводителя, начальника дружины и уездного лекаря. Основная проблема в этом деле заключалась в неравномерности наборов в разных уездах. Так, где-то фиксировались недоимки. В то же время в других уездах было набрано больше, чем необходимо для формирования дружины. Вследствие этого обязанностью комитета было перераспределить ратников так, чтобы дружины из «недоимочных» уездов насчитывали необходимое количество ратников. Для этого формировались таблицы, показывавшие, сколько человек находится на определенном сборном пункте. Затем формировались партии для отправки в нужную дружину. Партии стремились формировать из односельчан. Далее следовало найти необходимое количество подвод, что иногда становилось серьезной проблемой. Мы часто встречаем упоминания о том, что «есть лошади, но не подкованы, телег с фурами не имеется». Начальник ополчения губернии был вынужден предложить использовать «обывательские подводы». В результате перемещаемые ратники надолго задерживались на пунктах сбора, и их нужно было кормить. Доходило до того, например, что командир Жиздринской дружины был вынужден выдавать для перемещаемых, находившихся в Жиздре, провиант, предназначенный для своей собственной дружины[13]. Таким образом, можем сделать вывод о том, что в ведении комитета находились все финансовые вопросы и вопросы набора и распределения ратников.

По Положению штатная численность дружины составляла 1 089 человек. Офицеров было 19 человек. В их число входили сам начальник дружины, 4 капитана или штабкапитана, 6 поручиков, причем одни из них — дружинный адъютант, офицер, совмещавший должности казначея и квартирмейстера, 8 подпоручиков и прапорщиков. Строевых ратников насчитывалось 1 018 человек: 6 старших урядников, в том числе знаменщик и его ассистент, 74 младших урядника, 920 ратников, по 9 барабанщиков и горнистов. Также полагалось иметь 51 нестроевого: дружинного врача, 4 писарей, фельдшера, 2 оружейников, 4 ложников, 2 кузнецов, 2 плотников, 15 ездовых, 21 денщика. В обозе должно было быть 4 патронных ящика, 11 повозок, 33 лошади.

Важным звеном системы формирования ополчения являлся начальник ополчения губернии. На дворянском собрании выбиралось два кандидата, которые представлялись императору. Назначался начальник ополчения Высочайшим приказом по ополчению[14]. Приказом от 20 марта начальником калужского ополчения был назначен А. П. Толстой. По статусу начальник губернского ополчения соответствовал командиру дивизии. Рассмотрим на конкретных примерах, какие организационные функции он выполнял. Начальник ополчения контролировал обучение ратников и подготовку ополчения к походу. К нему стекались все рапорты и отчеты из дружин ополчения, касавшиеся любых

вопросов формирования. Например, в обязанности начальника ополчения входили вопросы, связанные с обмундированием ратников. В одном из циркуляров канцелярии ополчения Толстому приходилось даже отдавать распоряжения о выдаче музыкантам и нижним чинам нарукавных нашивок[15]. Ему адресовались все распоряжения Военного министерства. При формировании дружин особое внимание начальник ополчения обращал на комплектование младшего командного состава, а также музыкантов. В ведение начальника ополчения губернии входили все вопросы, связанные с боеготовностью дружин. Также он отвечал за координацию действий с частями регулярной армии.

По Положению командиры расквартированных в губернии частей должны были помогать в формировании ополчения. Они должны были оказывать содействие в обучении музыкантов, кузнецов и прочих мастеров-нестроевых, которые по Положению должны были находиться в составе каждой дружины. Пока известно о сотрудничестве Калужского ополчения только с несколькими частями регулярной армии. Речь идет в первую очередь о запасных частях. Например, при решении широкого круга вопросов фигурирует Калужский Внутренний батальон, которым командовал подполковник Бабкин. Также документально установлено взаимодействие со 2-м учебно-карабинерным полком, располагавшимся в Москве. Так, в мае из состава этого полка в Калужское ополчение были отправлены 10 барабанщиков и 10 горнистов для обучения музыкантов из ополченцев.

Так на данный момент выглядит история формирования Калужского губернского подвижного ополчения времен Крымской войны. История калужского ополчения до сих пор является малоизученной страницей прошлого. Для создания ясной картины история ополчения необходимо дальнейшее изучение с привлечением архивных документов и других всевозможных источников.

Примечания

[1] *Герцик В. Ц.* Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии: 1855—1856 гг. — Владимир, 1900. — С. 31.
[2] См. там же.
[3] См.: ГАКО. Ф. 5. Оп. 1. № 3.
[4] См.: *Герцик В. Ц.* Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии: 1855—1856 гг. — С. 3.
[5] См. там же. — С. 34.
[6] См.: ГАКО. Ф. 348. Оп. 1. № 5.
[7] См. там же. Ф. 5. Оп. 1. № 4.
[8] *Герцик В. Ц.* Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии: 1855—1856 гг. — С. 35.
[9] См.: ГАКО. Ф. 348. Оп. 1. № 16.
[10] Там же. № 3.
[11] См. там же. Ф. 5. Оп. 1. № 29.
[12] См. там же. № 3.
[13] См. там же. № 18.
[14] См.: *Герцик В. Ц.* Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии: 1855—1856 гг. — С. 34.
[15] См.: ГАКО. Ф. 348. Оп. 1. № 16а.

АРСЕНАЛЫ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II

В. А. Бобков, *к. и. н., доц.,*
Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

«Арсенал» в переводе с французского языка — «предприятие для изготовления, ремонта и хранения оружия и боеприпасов». В результате реформ Д. А. Милютина и введения окружной системы арсеналы реформировали. Среди предприятий оборонного значения к середине XIX в. выпуском артиллерии занимались специализированные предприятия. Данные заводы — Брянский, Киевский и Санкт-Петербургский — назывались арсеналами военного ведомства России, в отличие от оружейных, пороховых и других предприятий того же ведомства.

В первой половине XIX в. военное ведомство эпизодически обращалось к проблемам, существовавшим на арсеналах военного ведомства России. Результатом явилась слабость российской артиллерии в Крымской войне. Дело начинает меняться с приходом на пост военного министра Милютина.

«По частям артиллерийской и инженерной существовало тогда в министерстве крайняя неудобная двойственность» (4. С. 28). Помимо департамента артиллерии, существовал независимый даже от военного министра штаб генерал-фельдцейхмейстера, возглавляемый великим князем, правою рукой у которого был фактически управляющий штабом генерал-адъютант А. А. Баранцов. В результате штаб и департамент постоянно враждовали.

Вся артиллерия находилась в переходном состоянии. Нуждалась в перевооружении полевая артиллерия. Но «делались только опыты нарезки двенадцатифунтовых пушек. При тогдашних технических средствах наших заводов и арсеналов и при ограниченном размере ежегодно отпускаемых сумм не было возможности в короткий срок изготовить все количество нарезных орудий, потребных для вооружения нашей полевой армии с надлежащим запасом» (4. С. 282).

В крепостной артиллерии ситуация была еще хуже. В Санкт-Петербургском арсенале только приступили к нарезке пробных двенадцати- и двадцатичетырехфунтовых медных и чугунных пушек для прибалтийских крепостей. По измененным чертежам пушки изготовлялись на Санкт-Петербургском и Брянском арсеналах. Но эти орудия выдерживали стрельбу только при слабом заряде. Была понятна необходимость перехода к стальным орудиям, в связи с чем «образован был особый комитет из артиллеристов и моряков, под председательством бывшего министра народного просвещения графа Путятина, для изысканий средств к развитию у нас сталелитейного отдела» (4. С. 283).

Впервые на уровне военного министерства в рамках вопроса устройства технических заведений, к которым относили и арсеналы, поднимается вопрос о замене обязательного труда вольным. Всеподданнейший доклад от 15 января 1862 г. коснулся всех сторон военного дела. Как пишет Д. А. Милютин, «Его Величество неотлагательно приступил к чтению его и по прочтении каждой отдельной статьи возвращал мне со своими отметками, вполне одобрительными» (3. С. 24).

Важность преобразований по артиллерийской части была очевидной. Из десяти частей доклада, хотя и «не были читаны в Совете отделы, имевшие характер более специальный; а именно: 1-й о строевом состоянии и образовании войск; 6-й, 7-й и 8-й о военно-врачебной части, артиллерийской и инженерской» (4. С. 311], последние три получили больше всего отметок Государя. А по вопросу о слиянии Артиллерийского департамента и штаба генерал-фельдцейхмейстера была на поле отметка Государя: «надеюсь и я».

В преобразовании технических заведений было предложено провести ряд мер. В частности: 1) отказаться от труда мастеровых, комплектующихся «из не знающих мастерства рекрут, от обязательного труда, не вознаграждаемого за дельную платою, нельзя требовать должного совершенства» (7. Л. 85 об.); 2) «ввести новое устройство, заимствованное из Прусских и частью Французских» технических заведений; 3) «освободить заведения и от… хранения запасов материалов и готовых изделий, которые можно передать в ведение крепостной артиллерии» (7. Л. 86—87 об.) и др.

Положения, высказанные Милютиным в докладе от 15 января 1862 г., начинают претворять в жизнь. «В конце декабря 1862 г. по Высочайшему повелению императора Александра II приказом военного министра России № 375 на базе артиллерийского департамента и штаба генерал-фельдцейхмейстера было сформировано Главное артиллерийское управление» (9. С. 12). Именно ГАУ теперь занималось всеми вопросами благоустройства ружейных и пороховых заводов, арсеналов, парков, лабораторий, ракетного и капсюльного заведения. Централизация артиллерийского управления становится той базой, на основе которой идут развитие артиллерийского производства и совершенствование артиллерийских систем в России второй половины XIX в.

Российской армии были необходимы новые нарезные орудия, но в 1863 г. только приступили к нарезке двенадцатифунтовых батарейных орудий, так как в этом году окончательно утвердили системы нарезов и изготовили необходимые для работ нарезательные станки. Поэтому к 1 января были приготовлены 24 двенадцатифунтовые пушки. Причем приготовили их при Санкт-Петербургском арсенале, так как Брянский все еще не был переоборудован. Санкт-Петербургский арсенал был усилен механическими средствами, поэтому «приготовление в нем нарезных орудий производится безостановочно». Помимо этого, в 1863 г. решили, что «в непродолжительном времени откроется нарезка орудий в Киеве, Брянске и Николаевске, необходимые для этого мастерские уже устроены и нужные для работ механизмы доставлены из-за границы». Помимо этих трех пунктов, нарезку орудий предполагалось открыть в Новогеоргиевске и Брест-Литовске. Но устройство нарезательных мастерских в этих двух пунктах было приостановлено, а приготовленные для них нарезательные станки оставлены временно в Санкт-Петербургском арсенале для усиления средств этого арсенала.

В 1863 г. обозначился интерес к производству артиллерии на местных арсеналах. Ни один арсенал не был обойден вниманием. Для Санкт-Петербургского заказаны девять нарезных станков разных размеров для нарезки чугунных, медных и стальных орудий. Паровая машина в 12 сил взамен пришедшей в негодность, сверлильный и токарный станки и опока для отливки двадцатичетырехфунтовых осадных пушек. Для усиления рабочих средств нанимают 126 человек вольных мастеровых, вследствие чего работы производились в две смены, днем и ночью.

Был усилен Киевский арсенал, а Брянский, «пришедший в совершенную ветхость и не имеющий того устройства, в который приведены Петербургский и Киевский арсеналы, назначено перестроить и снабдить силовыми и паровыми машинами, станками для сверления, обточки и нарезки орудий и другими механическими двигателями по примеру Санкт-Петербургского и Киевского арсенала». Эту перестройку планировалось произвести в 1864—1866 гг. Необходимо было довести техническое состояние Брянского и Петербургского арсеналов до таких размеров, чтобы оба заведения не только могли в короткое время снабдить полевую, осадную и крепостную артиллерию потребным количеством медных орудий, заряжавшихся с казенной части, но и выполнили бы на случай войны самые усиленные требования вооружения (см.: 6. С. 181).

Переустроенный Брянский арсенал мог приступить к изготовлению орудий от начала до конца. До этого арсеналу приходилось складировать орудия, так как не имелось станков для окончательной отделки. Присутствовали и другие сложности, в частности для вооружения осадной артиллерии в 1862 г. было предложено переделать в нарезные несколько двадцатичетырехфунтовых пушек из имеющихся запасов. В 1863 г. Санкт-Петербургскому и Брянскому арсеналам предписали изготовить 50 осадных двадцатичетырехфунтовых орудий и нарезать их по разветвляющейся системе. Санкт-Петербургский арсенал выполнил наряд, так как его снабдили нарезательными станками, и изготовил в 1863 г. 14 орудий. Брянский арсенал не имел необходимого оборудования и «ограничился… только отливкою орудий и подготовлением их к окончательной отделке» (7. Л. 137). В 1866 г. указанных проблем уже не было.

Штат местных арсеналов Киевского и Брянского, утвержденный Д. А. Милютиным 13 августа 1866 г. включил в себя, помимо командира арсенала, и двух помощников. Штаб-офицер по искусственной части занимался технической стороной производства. Штаб-офицер по хозяйственной части занимался заготовлением, заведовал имуществом, строительными работами и т. д.

В ситуации активизации военного производства и необходимости для армии России новых артиллерийских систем в 1864—1866гг. переустраивают Брянский арсенал: снабжают новыми машинами, «почти все здания кроме литейного корпуса и кузницы были сломаны и выстроены вновь» (2. С. 36 об. — 37). В частности, ветхие строения, занимаемые «колесною и чеканною мастерскими, канцеляриею штаб-офицера по искусственной части и магазинами» (1. Л. 3 об.), сломали до основания и построили новые. По примеру Санкт-Петербургского арсенала в Брянском устроили особое здание для канцелярии и архива. Руководство строительными работами по перестройке Брянского арсенала осуществлял инженер полковник Де Витте. Всего на возведение зданий, приспособление паровых двигателей и расширение круга действия мастерских потребовалось 200 629 руб. $66^{3}/_{4}$ коп. (см.: 1. Л. 12).

Ввиду того, что Брянский арсенал в 1866 г. был снабжен средствами «для окончательной отделки до 200 орудий да и в Петербургской новой мастерской имеются все способы для отделки в год 300 орудий, приготовляемых вчерне на горных заводах, то с окончанием… работ» по Санкт-Петербургскому «арсеналу, артиллерия наша получит возможность иметь ежегодно около 1 000 орудий разных калибров и средства технических заведений придут в полное соответствие с потребностями полевой, осадной и крепостной артиллерии».

Арсеналы военного ведомства России оставались собственностью государства, и был развеян миф о том, что вольный труд при казенном управлении дело немыслимое и более вредное для казны, чем обязательный. Вначале вольный труд появляется на самом крупном, Санкт-Петербургском, арсенале (8. С. 195). В конце 1866 г. в Санкт-Петербургском арсенале началась уже отливка нарезных четырехфунтовых пушек, заряжающихся с казенной части, на которых главным образом основывалось все будущее вооружение нашей полевой артиллерии с использованием вольного труда. «Для удовлетворения потребности, не терпевшей отлагательства, приходилось, вместе с вольным трудом, предпринимать усиленные работы на несколько смен, днем и ночью» (5. С. 810).

К 1870 г., когда окончательно решено было перейти к вольнонаемному труду, в Киевском и Брянском местных арсеналах, в Санкт-Петербургском арсенале «в общем составе мастеровых оставалось еще до 150 казенных нижних чинов, которые были сведены в одну команду, перешедшую в ведение штаб-офицера по хозяйственной части. Затем их стали постепенно, небольшими партиями увольнять в запас или бессрочный отпуск» (см.: 8. С. 499).

После реконструкции в 1870 г. Санкт-Петербургского арсенала (переустройства литейной, установления новых паровых двигателей мощностью 204 л. с.), а также Брянского, силовое хозяйство которого состояло из четырех паровых машин общей мощностью 110 л. с., и Киевского, где также были произведены работы, установлены три новых двигателя и два локомобиля общей мощностью 93 л. с., местные арсеналы были подготовлены к перевооружению армии новыми образцами артиллерийских систем. Перевооружение продолжалось до появления новых стальных орудий.

После появления стальной артиллерии арсеналы военного ведомства России переориентировали с производства стволов орудий, на вспомогательное производство. К примеру, уже на 1883 г. был сделан заказ Обуховскому заводу на поставку трехсот легких пушек, а местные арсеналы получили «наряд на изготовление соответственного количества остальных предметов». Планировалось закончить перевооружение резервной артиллерии в 1884 г., но фактически его окончили в 1884—1885 гг., перевооружали горные, а в 1887—1890 гг. запасные батареи.

Арсеналы военного ведомства России выполнили свою историческую миссию. Усиленные новым кадровым составом, переоснащенные технически и реформированные практически во всех отношениях в начале военных преобразований Александра II арсеналы выполняли все необходимые задачи по перевооружению армии России различными образцами артиллерии. Тем не менее развитие артиллерии не остановилось, с чем пришлось считаться и местным арсеналам. Арсеналы военного ведомства России были основаны еще в XVIII в. и к концу следующего столетия не могли быть модернизированы для производства стальной артиллерии. Следствием стала их полная переориентация на изготовление лафетов, зарядных ящиков и т. д.

Литература

1. Архив ВИМА и ВС. Ф. 6. Оп. 73/8. Д. 140.
2. ГАБО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 575.
3. *Захарова Л. Г.* Д. А. Милютин — военный министр и реформатор // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века. — М., 2003.

4. *Милютин Д. А.* Воспоминания: 1860—1862 гг. — М. 1999.
5. О деятельности С.-Петербургского арсенала и особой орудийной мастерской // Артиллерийский журнал. — 1868. — № 9.
6. Об освещении Петербургской орудийной мастерской // Артиллерийский журнал. — 1869. — № 1.
7. ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. № 15.
8. *Родзевич В. М.* Историческое описание С.-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712—1912). — СПб., 1914.
9. *Свертилов Н. И.* Земная канцелярия «бога войны» // Военно-исторический журнал. — 2002. — № 10.

ЗЕМСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРАШЕВЦА Н. С. КАШКИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛОВ КАЛУЖСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ)*

***В. А. Иванов**, к. и. н., доц., **К. А. Столярова**, студ.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Николай Сергеевич Кашкин (1829—1914), происходил из старинного дворянского рода, который восходит ко второй половине XV в. Его прадед — Е. П. Кашкин — служил выборгским губернатором, пермским и тобольским, ярославским и вологодским, тульским и калужским генерал-губернатором. Отец — С. Н. Кашкин — являлся членом Северного общества декабристов. По окончании в 1847 г. Александровского лицея в Петербурге в чине титулярного советника Н. С. Кашкин начал служебную деятельность чиновником в Департаменте общих дел Министерства юстиции, с мая 1848 г. служил младшим помощником столоначальника в Азиатском департаменте. Под влиянием сослуживцев — братьев И. М. и К. М. Дебу — увлекся идеями французского утопического социализма Ш. Фурье. С октября 1848 г. сблизился с членами кружка В. М. Буташевича-Петрашевского (братья Д. Д. и Н. Д. Ахшарумовы, А. В. Ханыков, Е. С. Есаков и др.). Был обвинен в участии в деле петрашевцев, лишен дворянского достоинства и приговорен к смертной казни, но после помилования был сослан в Кавказский корпус рядовым. В 1856 г. Кашкин был помилован. В 1857 г. ему было возвращено дворянство. В 1858 г. он оставляет служебное поприще и подпоручиком возвращается на постоянное место жительство в родовое имение отца — с. Нижние Прыски Козельского уезда Калужской губернии.

В период подготовки отмены крепостного права Кашкин участвовал в работе Калужского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян (1858—1859), входил в состав его либерального меньшинства. Он один из пяти авторов проекта освобождения крестьян, подготовленного меньшинством комитета и земского проекта калужского дворянства (1863). В последнем проекте предлагалось организовать хозяйственную жизнь в губернии на принципе выборности от всех сословий. В 1865 г. Кашкин избирается земским гласным по Козельскому и Мещовскому уездам и губернским гласным. Являясь активным земским деятелем, он одновременно служил предводителем дворянства Козельского уезда (1866—1869), состоял вначале членом (с 1870 г.), а затем товарищем председателя (1874—1908) Калужского окружного суда, председателем съезда сельских хозяев в Козельском уезде (1866—1872). В 1908 г. действительный статский советник Кашкин вышел в отставку с назначением членом консультации при Министерстве юстиции. Почти полувековое служение земству закончилось для восьмидесятитрехлетнего Кашкина в декабре 1912 г., когда он «ввиду преклонного возраста и частых недомоганий», попросил губернское земское собрание сложить с него исполнение возложенных обязанностей[1].

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-11-40021 а/Ц).

Многолетняя и многогранная земская деятельность Кашкина до сих пор не была предметом всестороннего и обстоятельного рассмотрения. В историко-краеведческой литературе мы находим лишь общие положительные оценки его земской службы[2]. Не ставя, естественно, перед собой задачи в рамках ограниченного объема статьи целиком восполнить этот пробел, авторы предпринимают попытку, опираясь на статистически обработанный опубликованный материал — журналы очередных и чрезвычайных заседаний Калужского губернского земского собрания — дать краткий обзор инициатив и предложений Кашкина по широкому кругу вопросов, составлявших компетенцию земства за весь период его продолжительной службы в качестве земского гласного с 1865 по 1912 г., что позволит получить объективное представление о нем как о земском деятеле губернского масштаба и оценить информационный потенциал привлекаемого источника для изучения его деятельности на земском поприще.

Журналы заседаний губернских земских собраний аккумулируют разные по происхождению и характеру материалы (доклады управы, комиссий, записки, предложения, списки гласных, справки, прошения, сметы, акты, ведомости, отчеты, циркуляры МВД, распоряжения губернатора, предложения гласных и т. д.), которые подчас, несмотря на их неполноту и фрагментарность, что объясняется цензурным вмешательством и субъективизмом в отборе материала, позволяют с достаточной степенью полноты воссоздать картину деятельности земских собраний и дать оценку работе отдельных земских деятелей губернского звена.

Достижение поставленной в статье цели потребовало выявления журналов заседаний (очередных и чрезвычайных) Калужского земства за весь период службы в нем Кашкина. Эти материалы выявлялись в фондах Калужской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского и библиотеке Калужского областного краеведческого музея*. В общей сложности в названных региональных книгохранилищах учтено 66 журналов заседаний очередных и чрезвычайных губернских земских собраний (неразысканными, в частности, оказались журналы очередных заседаний 1876, 1881, 1883, 1890 и 1910 гг.). Из них в четырнадцати (очередные собрания 1866, 1869, 1872, 1875, 1879 гг.; чрезвычайные — 1869, 1871, 1903, 1904, 1906, 1908, 1911 гг.) сведений о Кашкине, по причине его отсутствия на заседаниях, не имеется. На заседаниях 18—20 мая, 10—11 сентября 1882 г., 19 января 1885 г., 24—31 января 1891 г., 13 марта 1901 г. гласный Кашкин не выступал. Корпус собранных журналов (по нашим расчетам, он составляет свыше 80% их общего числа) можно признать вполне удовлетворительным для статистической характеристики земской деятельности Кашкина.

Формализовав и статистически обработав содержащиеся в выявленных журналах заседаний губернских земских собраний сведения, мы получили таблицу, дающую наглядное представление о предложениях, внесенных гласным Кашкиным, затрагивающих деятельность Калужского губернского земства (см. табл. 1). Цифры таблицы показывают, что согласно учтенным материалам, за весь период работы гласным губернского земства Кашкиным было внесено 91 предложение. Из этого числа было принято губернскими собраниями 81 (89%). Иначе говоря, соотношение принятых и отклоненных земством инициатив Кашкина составляет 7,3:1. Наибольшее число предложений приходится на первое десятилетие работы земства — 32, или 1/3. Центральными вопросами, поставленными Кашкиным на обсуждение губернских земских собраний, были те, что касались: финансовой деятельности — 22 (раскладка денежного сбора должна распределяться между уездами по их платежеспособности — 1868 г.; при взимании налогов надо учитывать степень плодородия земли и уровень развития торговых и промышленных заведений — 1871 г.; средства, ассигнуемые на земские больницы в уездах, следует распределять равномерно — 1878 г.; необходимо выделить денежные суммы на составление обзора деятельности Калужского земства за первое двадцатипятилетие — 1890 г. и др.); состояния народного образования — 16 (предоставление воспитанникам реальной гимназии прав воспитанников классической — 1868 г.; поддержка уездных стипендиатов, поступавших

* Выявление журналов заседаний Калужского губернского земского собрания в фондах названных библиотек проведено К. А. Столяровой.

Таблица 1. **Предложения, внесенные гласным Н. С. Кашкиным на заседаниях Калужского губернского земского собрания**[3]

№ п/п	Дела, подлежащие ведению земских учреждений	Десятилетия					Количество учтенных предложений	Из них собранием	
		1865–1875	1876–1885	1886–1895	1896–1905	1906–1911		принято	отклонено
1	Устройство и содержание путей сообщения (зданий, дорог, переправ, мостов)	3	2	2	2	—	9	9	—
2	Назначение, раскладка, взимание и расходование денежных сборов	12	3	4	2	1	22	20	2
3	Земское управление, представительство, компетенция	6	—	1	—	—	7	6	1
4	Благотворительность	1	—	1	—	2	4	4	—
5	Обеспечение народного продовольствия	1	—	1	1	—	3	3	—
6	Охрана частных лесов	1	—	—	—	—	1	1	—
7	Попечение о народном образовании	6	1	—	6	3	16	15	1
8	Меры противопожарной безопасности	1	—	1	—	—	2	2	—
9	Народное здравие	1	2	—	4	—	7	5	2
10	Учреждение дошкольных воспитательных заведений	—	—	—	—	2	2	2	—
11	Развитие статистической и ветеринарной служб	—	1	1	1	—	3	3	—
12	Развитие сельского хозяйства и промыслов	—	1	—	3	3	7	6	1
13	Взаимное земское страхование имущества	—	—	6	1	—	7	4	3
14	Создание земского органа печати	—	—	—	—	1	1	1	—
	Итого	32	10	17	20	12	91	81	10

в губернские учебные заведения — 1874 г.; направление двух учителей от каждого уезда в Москву на политехническую выставку педагогических чтений — 1872 г.; создание земского склада учебных пособий и школьных принадлежностей — 1895 г.; открытие земских школ в сельской местности по образцу школы в с. Нижние Прыски — 1896 г.; оказание помощи общежитию при женской гимназии — 1907 г. — и Калужскому учительскому обществу — 1910 г. и др.); путей сообщения — 9 (принять участок Московско-Варшавского шоссе протяженностью 20 верст под надзор Калужской губернии — 1872 г.; перевод губернских дорожных сооружений на губернские повинности должен быть последовательным — 1878 г.; постройка железной дороги от Брянска до Москвы (через Жиздру и Калугу) способствовала бы увеличению заработков местного населения — 1891 г.; расчистка зимнего пути по шоссейным дорогам должна быть отнесена к земским

расходам — 1893 г. и др.). Из данных таблицы видно, что от Кашкина исходили также предложения относительно вопросов земского представительства (предлагал не ограничивать круг кандидатов, подлежащих избранию в земство, допуская по доверенности в этот орган и лиц женского пола, — 1865 г.); введения института пожертвования и попечительства по отношению к нищим (1865 г.); получения бесплатной медицинской помощи в губернской больнице для жителей всех уездов за счет средств земства (1872 г.); равномерного распределения денежных сумм на содержание в уездах земских больниц (1879 г.); развития фермерства (1880 г.); коневодства (1903 г.); пчеловодства (1907 г.); страхования скота (1887 г.); использования продовольственного капитала (1891 г.); управления делами взаимного земского страхования (1887, 1888, 1892, 1895, 1896 гг. и др.); создания дошкольных воспитательных заведений (ясель) при школах, где есть для этого учителя (1900 г.); оказания агрономической помощи сельскому хозяйству; открытия фельдшерской школы при губернской больнице (1902 г.); изучения промыслов (1903 г.) и т. д.

Таким образом, вышеприведенный полученный в результате анализа журналов заседаний Калужского губернского земства репрезентативный статистический материал позволяет вполне объективно оценить степень активности Кашкина как земского деятеля, а следовательно, может служить хорошим подспорьем для глубокого изучения его всесторонней деятельности на этом поприще.

Примечания

[1] См.: Журналы XLVIII очередного Калужского губернского земского собрания 8—18 декабря 1912 г. — Калуга, 1912. — С. 20.

[2] См.: *Свиридова Т. А.* Калужское земство. 1865—1918: Очерки истории. — Калуга, 1996. Автор упоминает выявленный ею в фондах ГАКО анонимный очерк о земской деятельности Н. С. Кашкина, возможно, принадлежащий перу его сына — Н. Н. Кашкина (см. там же. — С. 10). Однако, ввиду того, что поисковые данные этого документа в книге не приведены, его не удалось использовать при написании данной статьи.

[3] Таблица составлена по: Журналы очередных — 1865, 1867—1868, 1870—1874, 1877—1878, 1880, 1884, 1886—1889, 1892—1900, 1902—1905, 1907, 1909, 1911, 1912 гг. (Калуга, 1865, 1867, 1869, 1871—1873, 1875, 1877, 1879—1880, 1885—1890, 1893—1901, 1903—1905, 1908, 1912—1913) — и чрезвычайных — 1—3 июля 1871 г., 10—12 июля 1874 г., 25—27 мая 1880 г., 15—17 мая, 15, 16 августа 1881 г., 1—2 августа 1891 г. 21—23 марта 1905 г., 7—16 февраля 1909 г. (Калуга, 1872, 1874, 1881, 1882,1884, 1891, 1905, 1909) калужских губернских земских собраний.

ИСТОРИЯ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ ОЗЕРСКОМ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО УЕЗДА*

***В. И. Абакулов**, н. с., Калужский областной краеведческий музей;*
***Н. А. Саратовцева**, преподаватель, Подборская СОШ Козельского района*

История Успенского храма в селе Озерском Перемышльского уезда насчитывает не одно столетие. Об этой церкви и ее причте подробных публикаций не было. Помимо авторов данной работы, из исследователей этой темы можно назвать лишь Л. И. Филинову и А. Б. Будкевича[1]. Первая посвятила истории Успенской церкви несколько страниц в своей книге о козельских храмах, а второй в той или иной степени касался той же темы, исследуя в своей книге историю купеческого рода Цыплаковых.

Село Озерское имеет древнюю историю. Упоминается уже в XV в. Оно находится на левом берегу речки Озерчанки при дороге из Перемышля в Козельск, в 17 км от последнего. Ныне слилось с населенным пунктом Подборки и входит в Козельский район

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-11-40018 а/Ц).

Калужской области. В XVII—XIX вв. зачастую название села писалось как Озерск. В XVII в. Озерск входил в Перемышльскую засеку, которая называлась также Озерской. Дозор 7185 (1677/78) года отмечает: «с полевой стороны засеки проехать никоторыми делы немочно, потому что пришли болота и заломы и леса большие»[2]. На протяжении XVII—XVIII столетий в Перемышльском уезде выделялся Озерской стан[3].

Храм в селе Озерском упоминается уже в середине XVII в. в документах Сарайской и Крутицкой епархии. Возможно, он был здесь и ранее, так как населенный пункт был большим, — возможно, даже небольшим городком, в XV столетии принадлежавшим какое-то время князю Федору Львовичу Воротынскому и его детям, а затем князю Ивану Михайловичу Воротынскому (Перемышльскому). О тех временах в наши дни напоминает большое городище, которое сохранилось близ села Озерского на левом берегу речки Озерчанки. К сожалению, оно разрушается песчаным карьером и стараниями «черных» археологов.

Церковь в селе Озерском в середине XVII столетия была во имя Иоанна Богослова. В указанном селе сохранился памятник этого периода, который свидетельствует о том, что храм здесь уже действительно был и при нем располагался погост. В центре современного села Озерского при прокладке автодороги дождями размыло почву и обнажился край надгробной плиты из известняка. Надгробный памятник и само погребение изучал археолог И. В. Болдин[4]. Надпись на плите говорит о том, что здесь был похоронен Семен Павлович Давыдов, скончавшийся 20 ноября 1663 г.* Ныне плита находится возле дороги, ведущей к церкви от шоссе Перемышль-Козельск, под сооруженным навесом.

Возможно, в Озерском под найденной плитой был похоронен воевода г. Козельска в 7155 (1646) г. серпьянин Семен Павлович Давыдов[5]. «И 155 году, декабря в 11 день, на князь Богданово место (Матвеевича. — *В. А., Н. С.*) Мещерского, отпущон в Козелеск серпьянин Семен Павлов сын Давыдов. Наказ и грамота даны за приписью дьяка Григория Ларионова»[6]. Почему С. П. Давыдов нашел в Озерском свой последний приют, неизвестно. Возможно, он владел этим селом или его частью. Или же жил в населенном пункте, входившем в приход церкви села Озерского.

В 1674—1675 гг. в Иоанно-Богословской церкви проводили богослужения три священника — Тит, Федот и Гавриил. Они платили полоняничных денег по 10 денег каждый[7]. Полоняничные деньги — это подворная, а не посошная подать, назначенная на выкуп пленных у татар и турок. Еще в царствование Михаила Федоровича она собиралась временно по особому распоряжению правительства. Потом она стала постоянной и по Уложению 1649 г. собиралась ежегодно «со всяких людей», как тяглых, так и нетяглых, но не в одинаковом размере с людей разных состояний: посадские обыватели и церковные крестьяне платили со двора по 8 денег, крестьяне дворцовые, черные и помещичьи — вдвое меньше, а стрельцы, казаки и прочие служилые люди низших чинов — только по 2 деньги. Эту подать собирал заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ.

20 января 1677 г. по указу и грамоте митрополита Сарского и Подонского Варсунофия со священников села Озерского Тита и Федота, а также с диакона и двух бобылей (всего с пяти дворов) также были взяты полоняничные деньги. В декабре следующего, 1678, года также были собраны полоняничные деньги с причта церкви Иоанна Богослова села Озерска с дворов священников Федота, Тита и Григория по 8 денег с каждого. В 1680—1681 гг. те же священники также заплатили этой подати по 10 денег с каждого[8].

На 1692—1693 гг. церковь в селе Озерске Озерского стана Перемышльского уезда уже именовалась Успенской (возможно, она была перестроена и главным престолом в храме стал престол во имя Успения Божией Матери). В это время ее священниками были Федор и Симеон Титович, сын ранее бывшего здесь же священника, о котором упоминалось выше. Симеон Титович стал священником Успенской церкви в 1689 или 1690 г. Через год он овдовел. В 1696—1698 гг. при этом же храме священниками были Григорий Гаврилов, Прокопий Титов и Василий[9].

* Все даты до 1918 г. приводятся по старому стилю.

До 1708 г. в Успенской церкви была особо чествуемая икона Знамения Пресвятой Богородицы. Для усиления средств Белевской Жабынской пустыни (была в Тульской губернии в семи верстах от Белева, ныне входит в Белевский район Тульской области) игумен Тихон (1710—1722) исходатайствовал у митрополита Сарского и Подонского Иллариона перенести в эту обитель чудотворный образ из села Озерского. Перенесение это породило тяжбу между монастырем и причтом села Озерска. Преемник Иллариона митрополит Феодосий по ходатайству того же Тихона окончательно утвердил икону за монастырем своею грамотою от 15 мая 1711 г.: «ибо такому чудотворному образу достойно быть в монастыре общего жития монашеского, а не в приходской церкви: понеже попы и причетники церковные подаяние и имение похищают себе, которое от благочестивых христиан приносится в дар самому Богу, и в честь Божией Матери, и во украшение церкви Божией, и во всякие церковные нужныя потребы; в чем они попы с причетники корысть себе получали, и церкви Божией обиду чинили, и во оном они смертно грешили». Образ этот медный, складной, меры в один вершок (44,45 мм); около самого образа рамка серебряная, позолоченная; образ был помещен в серебряном со створами позолоченном киоте. Икона эта предположительно русского литейного дела XVI в.[10]

Как сообщают клировые ведомости, каменная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы была построена в Озерском местным помещиком бригадиром Иваном Федоровичем Языковым в 1750 г.[11] Документ, хранящийся в Государственном архиве Калужской области, уточняет дату возведения нового храма. Согласно ему, бригадир Языков в 1754 г. подал епископу Крутицкому Иллариону, который в 1754—1758 гг. временно управлял Московской епархией, прошение о возведении в селе Озерском новой церкви из приготовленного им материала. Там же указывалось, что старая деревянная церковь к тому времени пришла в ветхость, что грозило опасностью для служащего в ней причта и прихожан. Указом от 21 марта 1754 г. такая постройка Языкову была разрешена. Новая церковь имела главный престол в честь Успения Пресвятой Богородицы и два придела — в честь евангелиста Иоанна Богослова слева и во имя Николая Чудотворца по правую сторону. Главный престол имел размеры 6 аршин в высоту (4,3 м), 8 аршин в длину (5,7 м), 1 аршин 4 вершка в ширину (0,89 м)[12]. Священником здесь в это время был Иоаким Герасимов, которого в 1757 г. сменил его сын Иоанн[13].

На начало 1780-х гг. при Успенской церкви была писцовая церковная земля, принадлежавшая священно- и церковнослужителям этого села, в количестве 32 дес. 714 кв. саж., которая располагалась на правом берегу речки Озерчанки[14]. Селом в это время владела вдова (как минимум с 1766 г.) бригадира Анна Яковлевна Языкова[15]. Священником Успенской церкви в селе Озерском в 1793 г. был Петр Степанов, переведенный сюда из села Бакатова Перемышльского уезда[16]. В 1797 г. при рассматриваемой нами Успенской церкви священником был уже Андрей Алексеев[17].

Участник Заграничных походов русской армии, служивший во 2-м Тульском Конно-казачьем полку, с которым принимал участие в осаде Данцига в 1813 г., Николай Александрович Хитрово, возвратившись с войны, прожил три года со своей семьей в имении родителей в сельце Фединском Белевского уезда Тульской губернии. До 1815 (?) г. умер дед Н. А. Хитрово Александр Никитич Киреевский. Его дочь, мать Николая Александровича, надворная советница Ольга Александровна Хитрово, согласно документам Государственного архива Калужской области, в 1815 г. владела селом Озерским с деревнями Перемышльского уезда, доставшимися ей после покойного родителя. Дохода имение приносило 1 500 руб. в год[18]. В 1816 г. Н. А. Хитрово с семьей перебрался в перемышльское село Озерское[19].

В Озерском у помещика Н. А. Хитрово 30 октября 1816 г. родился сын Александр, 27 июня 1818 г. — дочь Варвара. 24 декабря 1818 г. умерла его трехлетняя дочь Мария. 20 мая 1820 г. родилась еще одна дочь, которую назвали опять Марией. 10 октября 1822 г. у Н. А. Хитрово родилась следующая дочь, Елизавета, которая, к сожалению, умерла 19 ноября того же года[20]. Все дети Хитрово были крещены в приходской Успенской церкви.

Согласно клировой ведомости, причт Успенской церкви в селе Озерском в 1824 г. состоял из первого священника Иосифа Феоктистова, второго священника Ивана Федорова,

диакона Сергея Михайлова, первого дьячка Гавриила Захарова, второго дьячка Федора Акимова и двух пономарей — Никиты Лукьянова и Иосифа Никитина[21]. К 1836 г. мы видим уже другой состав причта этого храма: священниками были Иван Федоров и Петр Андреев, диаконом — Дионисий Васильев, дьячками — Федор Устинов и Гавриил Захаров, пономарями оставались Никита Лукьянов и Иосиф Никитин[22].

Во время обозрения церквей Перемышльского и Лихвинского уездов в 1850 г. епископ Калужский и Боровский Николай отметил, что «села Озерска диакон и пономарь Якунин — катехизис плохо знают, а пономарь Соколов — нотное пение»[23].

Надпись на сохранившемся возле Успенской церкви мраморном надгробии сообщает, что здесь был похоронен помещик сельца Подборок Василий Николаевич Писарев, скончавшийся 15 августа 1855 г. (в феврале 1889 г. здесь же погребена его супруга Евдокия Петровна). В том же 1855 г. в Успенской церкви в приделе Св. Николая был погребен помещик села Озерского Никита Кузьмич Омельяненко, скончавшийся 10 сентября указанного года. Он был тайным советником, калужским губернатором (1816—1825), калужским губернским предводителем дворянства (1836—1842)[24].

В 1862 г. в селе Озерском в доме священника его сын, студент Калужской духовной семинарии, Николай Преображенский безвозмездно обучал грамоте 50 мальчиков. 7 апреля 1864 г. он по прошению был уволен из духовного звания[25].

В 1865 г. Калужской духовной консисторией было разрешено учредить попечительство при Успенской церкви села Озерского[26]. Калужское духовное попечительство в 1870 г. выплачивало призреваемым из села Озерского вдове диакона Екатерине Спасской шестидесяти одного года с дочерью Александрой 12 руб. 75 коп., вдове священника Пелагее Преображенской пятидесяти четырех лет с дочерью 10 руб. 20 коп. Из больничной суммы выплачивалось пособие тяжело болевшему сыну священника того же села Ивану Соколову в размере 20 руб.[27]

Во второй половине XIX — начале XX в. Озерским владели Цыплаковы. Они же делали пожертвования в Успенскую церковь. Потомственный почетный гражданин Дмитрий Иванович Цыплаков, церковный староста этого храма, в 1881 г. получил благословение Святейшего Синода с выдачею грамоты[28]. Он же в 1885 г. пожертвовал в свою приходскую церковь плащаницу и купель, стоящие 200 руб.[29] В следующем году Д. И. Цыплаков пожертвовал гробницу для плащаницы, полное священническое и диаконское облачение и облачения на два престола и на два жертвенника, всего на 350 руб.[30] В 1888 г. он пожертвовал в Успенскую церковь картину «Снятие Господа со креста» стоимостью в 65 руб. Также на его средства в церковной ограде был построен сарай для церковных дров[31]. В следующем году Цыплаков пожертвовал в пользу причта две пятипроцентные облигации второго восточного займа по 100 руб. каждая[32]. Д. И. Цыплаков в 1901 и 1902 гг. пожертвовал на благоукрашение храма в селе Озерском 800 руб., сени и плащаницы Божией Матери стоимостью 350 руб.[33]

В 1893—1895 гг. Д. И. Цыплаков состоял действительным членом Калужского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества. В том же обществе состояли Анна Ивановна и Алипий Иванович Цыплаковы[34].

Среди других жертвователей в Успенскую церковь села Озерского можно назвать крестьянина деревни Шамординой Петра Ломаева, санкт-петербургского купца Андрея Вологодина, вдову санкт-петербургского купца Евдокию Кожевникову, товарища обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, обер-прокурора Синода Константина Петровича Победоносцева, Кронштадтского протоиерея Иоанна Ильича Сергиева и др.

О деятельности существовавшего с 1893 г. при церкви села Озерского Свято-Никольского братства писала Л. И. Филинова[35]. В 1915 г. в селе была земская школа, в которой обучались 37 мальчиков и 64 девочки. В Озерском в это время было 46 домов, в них проживали 139 мужчин и 165 женщин. Священником Успенской церкви был Иоанн Николаевич Малиновский, диаконом — Петр Афанасьевич Орлов, псаломщиком — Дмитрий Васильевич Протопопов. Приход этого храма состоял из следующих селений Озерской волости: села Озерского, деревень Подборок, Запрудной, Нелюбовки, Васильевской, Каменки, Шамординой, Кулешовки, Фефиловки, Рудной, пустошей Орлинской и Смагиной (на которых также располагались дома крестьян)[36].

Храм в Озерском был закрыт в 1922 г. К сожалению, до наших дней он не сохранился. Он был взорван в 1941 г. Понадобился кирпич для строительства дороги. Использовать его не удалось, так как при взрыве здание Успенской церкви развалилось на огромные блоки, которые были непригодны для строительства. В 1996 г. жители сел Подборки, Озерское и ближних деревень выступили с инициативой строительства нового храма на месте разрушенного. В 1998 г. на остатках фундамента центрального алтаря был заложен фундамент деревянного Успенского храма. В мае 2000 г. он был возведен.

В данной работе на основании проанализированных источников была представлена история Успенской церкви в селе Озерском на протяжении XVII — начала XXI в. Местные помещики оказывали всяческое содействие поддержанию храма, выступали жертвователями денег и вещей на его нужды. Церковь оказывала большое влияние на нравственный и культурный облик местных прихожан. Отрадно, что после тяжелых испытаний советского времени Успенский храм вновь несет своим прихожанам свет православной веры.

Примечания

[1] См.: *Филинова Л. И.* Сельские храмы земли Козельской. — Калуга, 2009. — С. 246—252; *Будкевич А. Б.* Цыплаковы: Забытые страницы Калужского края. — Тернополь, 2010. — С. 82—97.

[2] Цит. по: *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. — М., 1916. — С. 34—35.

[3] См.: ГАКО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 84. Л. 12; Ф. 221. Оп. 1. Д. 113. Л. 226; Ф. 221. Оп. 1. Д. 231. Л. 28.

[4] См.: *Болдин И. В.* Погребение сер. XVII в. в селе Подборки // Козельские чтения. — Вып. 1—2. — Козельск; Калуга, 1998. — С. 17—18.

[5] См.: *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным актам. — СПб., 1902. — С. 105.

[6] См.: Русская историческая библиотека: Записные книги Московского стола 1636—1663 гг. — Т. X. — СПб., 1886. — С. 305.

[7] См.: *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. — Вып. 2 (Росписи полоняничных денег 1675—1682 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). — Кн. 3. — М., 1896. — С. 14.

[8] См. там же. — С. 16, 18, 19.

[9] См. там же. — С. 19—20.

[10] См.: *Рошефор Н. И.* Опись церковных памятников Калужской губернии. — СПб., 1882. — С. 330; Приходы и церкви Тульской епархии: Извлечение из церковно-приходских летописей. — Тула, 2010. — С. 412—413.

[11] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 318.

[12] См. там же. Ф. 262. Оп. 1. Д. 320. Л. 1—3.

[13] См. там же. Оп. 2. Д. 369. Л. 1, 2.

[14] См.: Описания и алфавиты к Калужскому атласу. — Ч. II. — СПб., 1782. — С. 60—61.

[15] См.: ГАКО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 51. Л. 23.

[16] См. там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 703. Л. 1—4.

[17] См. там же. Д. 881. Л. 2 об.

[18] См. там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 302. Л. 652.

[19] См.: Родословная книга рода Хитрово. — СПб., 1866. — С. 231—238.

[20] См. там же. — С. 252—254, 264—266.

[21] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 133. Л. 11 об.

[22] См. там же. Д. 179. Л. 15 об.

[23] Калужские епархиальные ведомости. — 1899, 15 сент. — № 17. — Ч. неоф. — С. 447.

[24] См.: Река времен: Русский Провинциальный некрополь. — Кн. 4. — М., 1996. — С. 302; Калужские губернаторы. — Калуга, 2001. — С. 64.

[25] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1862, 31 марта. — № 6. — Ч. оф. — С. 44; 1864, 15 апр. — № 7. — Ч. оф. — С. 44.

[26] См. там же. — 1865, 15 марта. — № 5. — Ч. оф. — С. 34.

[27] См. там же. — 1871, 15 апр. — № 7. — Ч. оф. — С. 161.

[28] См. там же. — 1881, 15 янв. — № 1. — Ч. оф. — С. 12.

[29] См. там же. — 1885, 15 янв. — № 1. — Ч. оф. — С. 5.

[30] См. там же. — 1886, 15 янв. — № 1. — Ч. оф. — С. 8.
[31] См. там же. — 1888, 15 февр. — № 3. — Ч. оф. — С. 39—40.
[32] См. там же. — 1889, 15 февр. — № 3. — Ч. оф. — С. 30.
[33] См. там же. — 1901, 15 апр. — № 6—7. — Ч. оф. — С. 77; 1902, 28 февр. — № 4. — Ч. оф. — С. 44.
[34] См. там же. — 1894, 31 марта. — № 6. — Ч. оф. — С. 84; 1895, 15 апр — № 7. — Ч. оф. — С. 139.
[35] См.: *Филинова Л. И.* Сельские храмы земли Козельской. — С. 247—249.
[36] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2205. Л. 319—326.

ПОГОСТ ПРИ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА СПАС-СУХОДРОВА МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОГО УЕЗДА*

***А. С. Жердева**, менеджер, журнал «Жить хорошо», г. Калуга;*
***А. А. Павлишак**, менеджер, ТД «Комфорт», г. Калуга;*
***С. А. Новиков**, зав. отд., Калужский областной краеведческий музей*

В настоящее время на территории Малоярославецкого района находится большое количество кладбищ разного времени и разной сохранности. Некоторые из них практически прекратили свое существование, другие древние кладбища интенсивно поглощаются современными захоронениями, третьи исчезают или уже исчезли. Однако старые кладбища представляют огромный интерес для изучения как краеведческих, так и исторических вопросов, связанных с историей данного региона. До сих пор неизвестны ни точное количество этих кладбищ, ни количество старых захоронений, ни имена людей, которые там погребены.

Историческая информация, которую они хранят, весьма важна для изучения истории населенных пунктов Калужского края, судеб людей, проживавших здесь и оставивших заметный след в истории данного региона и России в целом. Необходимо составить полный список этих кладбищ, нанести их на карту района, описать древние захоронения, выявить по архивным данным сведения о захороненных на территории бывшего Малоярославецкого уезда лицах.

Процесс обследования всей территории, где располагаются кладбища указанного района, — это своеобразный мониторинг, в ходе которого появляется возможность произвести общую оценку состояния могил и надгробий XVIII — начала XX в. — выявить сохранность могил, техническое состояние надгробных памятников, а также дать описание сохранившихся надгробий указанного периода и вырезанных на них эпитафий.

Всплеск интереса ученых к историческому наследию некрополей приходится на конец XX и начало XXI в. В настоящее время эффективная исследовательская и методическая работа по описанию провинциальных некрополей идет во Владимирской, Воронежской, Ярославской и Тульской областях. В Калужском регионе исследовательский интерес в отношении некрополей был направлен в сторону монастырских кладбищ[1].

В 2009 г. в Калуге вышел сборник статей «Калужский некрополь». В основу издания легли материалы областной научно-практической конференции, посвященной изучению истории калужского некрополя. Исследователи вновь вернулись к описанию Пятницкого кладбища в Калуге, некрополей Лаврентьева, Крестовского, Воротынского Спасского монастырей, Оптиной пустыни, захоронений на Боровском записном старообрядческом кладбище и некрополя семьи Кашкиных в селе Нижние Прыски Козельского района[2].

К великому сожалению, незаслуженно забытыми остались кладбища, располагавшиеся не в губернском городе Калуге и при некоторых монастырях, а в уездах Калужской губернии, в частности в Малоярославецком. До сих пор отсутствуют серьезные научные

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-11-40019 а/Ц).

Рис. 1. Преображенская церковь в д. Спас-Суходреве. Фото В. Ф. Мальцева, 1975.

исследования, посвященные истории малоярославецких кладбищ, сохранившихся в них старых надгробий, и информация о людях, похороненных здесь в дореволюционный период. Печатных работ по малоярославецким кладбищам нет, поэтому данная работа необходима для серьезного изучения поставленной проблемы.

Одним из таких погостов является древний Спасский, насчитывающий не одно столетие. Ныне на этом месте существует кладбище, расположенное возле действующей Преображенской церкви в деревне Спас-Суходрев Малоярославецкого района Калужской области (до 1917 г. это было село Спас-Суходрово Малоярославецкого уезда) (рис. 1). Здесь сохранился целый ряд дореволюционных надгробий, часть из которых ухожена и находится на местах упокоения погребенных, часть повалена, и эпитафии на них прочитать не представляется возможным. Об этом кладбище мы и расскажем.

Церковь Преображения Господня, что на Суходрове, с прилежащим к нему погостом существует как минимум с XVII столетия. По книгам письма и дозора Тимофея Потапова 1619—1620 гг. на причте этой церкви было положено дани «2 алтына 3 деньги, десятильничных гривна». По новому дозору 1653—1654 г. дани взималось 1 рубль 12 алтын 4 деньги. 23 июня 1716 г. на место ушедшего от этого храма на другое место службы священника Григория Власова был определен священник Стефан Максимов из села Шапкина Верейского уезда вотчины стольника князя Ивана Осиповича Щербатова[3].

В «Описаниях и алфавитах к Калужскому атласу» на 1770-е — 1780-е гг. здесь значатся погост и писцовая церковная земля церкви Спаса Преображения Господня. Стояли при погосте лишь дома причта, которому принадлежало 55 дес. 2137 саж. земли. Церковь была деревянная[4].

Каменовой церковь в село Спас-Суходрове была перестроена прихожанами в 1871 г. Она имела три престола — главный холодный во имя Преображения Господня, придельные теплые правый во имя Рождества Пресвятой Богородицы и левый во имя Св. Великомученика Никиты. При вновь возведенной церкви стали хоронить уважаемых людей, которые делали вклады и всячески поддерживали свой приходской храм, о чем будет сказано ниже. При этом на старом погосте стояла деревянная, крытая железом, устроенная на алтарном месте бывшей деревянной церкви часовня. В клировых ведомостях за 1915 г. она значится приписанной к Преображенской церкви рассматриваемого нами села, и богослужения в ней не совершалось[5].

Приход упоминаемой церкви состоял из следующих населенных пунктов: село Спас-Суходрово, где было три дома, в котором проживали семнадцать человек, а также ряд деревень — Ивановская, Ожогина, Степечево, Воробьево, Гончаровка, Ноздрино, Алешково, Караськово, Вороново, Киреевская, Исаково, Голофтеевская, Козлово, Староселье, Харамоново. Всего в приходе было 450 домов, в которых проживали 1 402 мужчины и 1 492 женщины[6].

На современном кладбище возле Преображенской церкви можно выделить около двух десятков надгробий, относящихся к XIX — началу XX в. Часть из них стоит в оградах на своих первоначальных местах, часть повалена. Два надгробия стоят отдельно от других, и по типу это обелиск на пьедестале. Первый надгробный памятник выполнен из розового гранита. Завершением надгробия был крест, но он сбит и от него осталось отверстие. Памятник имеет надпись, выполненную в семь строк: «Подъ симъ камнемъ погребено тело // раба Божія // храма строителя // Феодора Самойловича // Труханова // скончавшагося 27 іюля 1885 года // житія его было 80 летъ».

По ходатайству калужского епархиального начальства 4 июля 1880 г. Всемилостивейше была пожалована золотая медаль для ношения на груди на Станиславской ленте церковному старосте Преображенской церкви села Спас-Суходрова Малоярославецкого уезда мещанину Федору Труханову «за усердно-полезную службу в должности церковных старост и значительные пожертвования»[7].

Второе надгробие выполнено из черного гранита. Завершением надгробия также был крест, но он сбит и от него остался лишь железный штырь, на котором он был укреплен. Памятник имеет надпись, выполненную в пять строк: «Господи, приими духъ ея съ миромъ // Маланія Федотьевна // Рощина // родилась 26 декабря 1819 г. // скончалась 5 іюля 1906 г.»

Представители этой крестьянской фамилии на протяжении целого ряда лет также делали пожертвования на нужды Преображенской церкви. Так, в ноябре 1874 г. была объявлена благодарность от епархиального начальства крестьянам деревни Киреевской Ивану Кириковичу и Григорию Ивановичу Рощиным «за украшение храма села Спас-Суходрова»[8]. В 1877 г. упоминаемый Григорий Иванович Рощин вновь получил благодарность от калужского епархиального начальства с выдачею похвального листа «за пожертвование им в разное время в церковь села Спас-Суходрова вещей на 1 250 руб.»[9], что по тем временам составляло весьма значительную сумму. Не отставали от него и другие прихожане этой церкви. В том же году они пожертвовали на колокол 3 366 руб. 50 коп. В 1882 году Г. И. Рощину было преподано благословение Святейшего Синода с выдачею установленной грамоты[10].

Три надгробия, выполненные из розового и серого гранита, находятся за одной старой кованой решеткой. Все они по типу — саркофаг с завершением в виде «крышки гроба». Стоят на известняковых подставках. Одно из них имеет хорошо читаемую надпись, выполненную в четыре строки: «Наталія Лукинична // Строгонова // скончалась 5 февраля 1911 года // житія ея было 63 г. 5 мес. и 10 д.» (рис. 2). Надобно предполагать, что и остальные надгробия, находящиеся рядом, принадлежат семейству Строгоновых.

Рис. 2. Надгробие Н. Л. Строгоновой. Фото С. А. Новикова, 2006.

Еще одно надгробие, такого же типа, как и предыдущие, выполнено из розового гранита и стоит отдельно также за старой кованой железной решеткой. Имеет надписи, выполненные в шесть строк: «Подъ симъ камнемъ погребенъ рабъ божій // Гавриіл Семеновичъ // Строгоновъ // родился въ 1829 году 19 марта // скончался въ 1893 году 19 мая въ 9 ч. утра // житія его было 63 года и 2 месяца». (Надо отметить, что либо мастер, либо тот, кто заказывал этот памятник, ошибся, так как Г. С. Строгонов прожил не 63, а 64 года.)

Крестьянская фамилия Строгоновых из деревни Гончаровки и сельца Михеева Малоярославецкого уезда, надгробия представителей которой сохранились на кладбище возле Преображенской церкви, также была жертвователями в этот храм. В 1892 г. было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства крестьянину деревни Гончаровки Гавриилу Строгонову за пожертвование в свою приходскую церковь вещей на сумму 550 руб., с выдачею установленного свидетельства[11].

Его вдова Мария Строгонова в 1894 г. также получила Архипастырское благословение за пожертвование в церковь села Спас-Суходрова билета Калужского Отделения Государственного Банка № 43006 на сумму 100 руб. на вечное время в пользу причта и вещей на сумму 800 руб.[12] Ей же весной 1901 г. была объявлена благодарность епархиального начальства «за пожертвование в церковь села Березовки Малоярославецкого уезда 100 руб. за поминовение ее при жизни о здравии, а по смерти об упокоении»[13]. Крестьянин сельца Михеева Дмитрий Андреевич Строгонов получил одобрение епархиального начальства за пожертвование в Преображенскую церковь села Спас-Суходрова вещей на сумму 100 руб.[14] Все это говорит как о зажиточности этой крестьянской фамилии, так и о ее приверженности православной вере.

Вызывает интерес находящаяся на описываемом кладбище надгробная табличка, изготовленная из медного сплава, прикрученная винтами к железному кресту, Надпись на ней, выполненная в одиннадцать строк, гласит: «От любящих родителей // здесь // погребено тело отроковицы // Анастасіи Григорьевны // Суховой. // Родил. 1906 г 18 сент умерл. 1923 г 5 авг // житія ея было 17 лет. // Спи, Дитя // наше родное. // Вечный сон твой // Бог хранит».

На погосте находится еще один надгробный памятник, по типу — обелиск на пьедестале. Он выполнен из розового гранита. Завершением надгробия был крест, но он сбит и от него осталось отверстие. Памятник имеет надпись, выполненную в четыре строки: «Филиппъ Матвеевичъ // Горбачевъ // родился 17 сентября 1822 г. // скончался 23 марта 1894 г.»

Поваленные надгробия также имеют ряд надписей, которые можно прочесть. Одна из них вырезана на памятнике из серо-розового гранта и имеет текст в пять строк: «Здесь погребено тело // супруги его рабы Божій // Ольги Кузминишны // сконч. 6 дикабря 1879 года. // житія ея было 61 годъ». Другое поваленное надгробие из серо-розового гранита имеет эпитафию, выполненную в семь строк: «Марфа Григорьевна // Галкина // родилась 1878 года // августа 29 дня // умерла 1891 года // ноября 19 дня // отъ братьевъ и сестеръ». Другой надгробный памятник из серого гранита в своей эпитафии оставил информацию о нескольких погребенных на этом кладбище представителей семейства Галкиных. Надпись в семь строк гласит: «Флоръ Наумовъ // 70 летъ умеръ 1870 г. 5 июня (?) // Ирина Флоровна // 64 летъ умерла 1869 г. 18 февраля // Мавра Никитична // 68 лет умерла 1868 г. 20 сентября // Галкины».

Как и упомянутые выше крестьянские семьи Рощиных и Строгоновых, Галкины из деревни Голофтеевой также делали посильные вклады в свою приходскую церковь. В декабре 1889 г. была объявлена Высочайшая благодарность среди других жертвователей и прихожанам Преображенской церкви села Спас-Суходрова Петру и Семену Галкиным за пожертвование ими в память события 17 октября 1888 г., когда произошло спасение императора Александра III и его семьи во время крушения царского поезда при станции Борки Курско-Харьково-Азовской железной дороги. Галкины пожертвовали в свою приходскую церковь икону с ликами святых, празднуемых 17 октября и тех святых, имена которых носили «Члены Августейшего Семейства», в серебряной позолоченной ризе и в позолоченном киоте с лампадою стоимостью 200 руб.[15]

42 Зак. 1053

Тем же Петру и Семену Галкиным в мае 1891 г. было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства за пожертвование в церковь села Спас-Суходрова вещей на сумму 150 руб.[16] Летом следующего года Галкины получили вновь благословение епископа за очередное пожертвование в Преображенскую церковь деньгами 170 руб. и вещами на сумму 100 руб.[17] Большое пожертвование вещами на сумму 800 руб. в ту же церковь Галкины сделали летом 1895 г.[18]

Несколько особняком стоит на кладбище Спас-Суходрова надгробие из черного мрамора, имевшее своим завершением лежащий большой крест, который ныне отбит, так что уцелела лишь его нижняя часть. Памятник имеет большую эпитафию, выполненную в одиннадцать строк: «Блаженіи чистіи сердцемъ // яко тіи Бога узрят // Дорогому отзывчевому // человеку любимому мужу // и отцу отъ признательныхъ // жены и детей. // Здесь покоится прахъ раба Божія // Иосифа Николаевича // Николаева // сконч. 24 января 1915 г. на 67 г. жизни // Господи пріими духъ его съ миромъ».

Как мы видим, результатом нашей работы стали описание выявленных на кладбище при Преображенской церкви в деревне Спас-Суходрев Малоярославецкого района надгробий XIX — начала XX в. и попытка по эпитафиям и данным из «Калужских епархиальных ведомостей» установить фамилии погребенных здесь и их благотворительность в отношении своего приходского храма и его причта. Так как ряд надгробий повален, то пока не представляется возможным выявить имена тех, кто также нашел свой последний приют на погосте возле этого храма. Среди других жертвователей на нужды Преображенской церкви были крестьянин деревни Ивановской Петр Степанович Гальцов, который за значительные пожертвования на устройство в селе Спас-Суходрове каменного храма и за особое попечение о сем храме 11 августа 1878 года был награжден золотой медалью для ношения на груди на Станиславской ленте,[19] жена полковника Мария Александровна Берг, помещица Анна Челищева и другие.

Примечания

[1] См.: *Чулкова Н.* Оптинский некрополь. «Поименованных — 485 могил...» (По материалам ЦГАЛИ) // Оптина пустынь. — Вып. 1. — СПб., 1996; *Массалитина Г. А., Болдин И. В., Бессонова Т. Ф.* Комплекс белокаменных надгробий XVI—XVII вв. Воротынского Спасо-Преображенского монастыря: Материалы к своду надгробных памятников средневековой Руси // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Вып. 4. — Калуга, 2003. — С. 26—49; *Болдин И. В., Массалитина Г. А., Бессонова Т. Ф.* Белокаменные надгробия XV — начала XVIII в. Пафнутьев-Боровского монастыря: Материалы к своду надгробных памятников Средневековой Руси // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Вып. 8. — Калуга, 2007. — С. 130—150 и др.

[2] См.: Калужский некрополь. — Калуга, 2009.

[3] См.: Малоярославецкой десятины жилыя данныя церкви 7136 (1628) — 1746 гг. Письма и дозора Тимофея Потапова 128 г. // Калужская старина. — Т. 5.— Калуга, 1910. — С. 5.

[4] См.: Описания и алфавиты к Калужскому атласу. — Ч. I. — СПб., 1782. — С. 50.

[5] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 2201. Л. 237.

[6] См. там же. Л. 244.

[7] Калужские епархиальные ведомости. — 1880, 31 окт. — № 20. — Ч. оф. — С. 157.

[8] Там же. — 1874, 15 нояб. — № 21. — Ч. оф. — С. 177.

[9] Там же. — 1877, 15 июля. — № 13. — Ч. оф. — С. 161.

[10] См. там же. — 1882, 31 окт. — № 20. — Ч. оф. — С. 279.

[11] См. там же. — 1892, 31 июля. — № 14. — Ч. оф. — С. 152.

[12] См. там же. — 1894, 15 янв. — № 1. — Ч. оф. — С. 3.

[13] Там же. — 1901, 30 апр. — № 8. — Ч. оф. — С. 129.

[14] См. там же. — 1902, 31 июля. — № 14. — Ч. оф. — С. 258.

[15] См. там же. — 1889, 31 дек. — № 24. — Ч. оф. — С. 387—388.

[16] См. там же. — 1891, 16 мая. — № 9. — Ч. оф. — С. 180.

[17] См. там же. — 1892, 31 июля. — № 14. — Ч. оф. — С. 152.

[18] См. там же. — 1895, 15 июня. — № 11. — Ч. оф. — С. 185.

[19] См. там же. — 1878, 15 окт. — № 19. — Ч. оф. — С. 209.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ О. К. ГОНЧАРОВОЙ

***Е. В. Метальникова**, краевед, член комиссии по канонизации Калужской епархии, член Русского географического общества, председатель краеведческого клуба при музее г. Кондрово.*

Ольга Карловна Гончарова заслуженно может быть названа одной из лучших продолжательниц дворянских традиций благотворительности. О. К. Гончарова, урожденная Шлиппе[1], до замужества вместе с родителями была вписана в третью часть дворянской родословной книги Московской губернии. В качестве дворянки Гончаровой Ольга Карловна по прошению от 10 апреля 1880 г., поданному ее мужем Дмитрием Дмитриевичем Гончаровым-старшим, была внесена в третью часть дворянской родословной книги Калужской губернии[2].

Она оставила яркий след и добрую память о себе участием в благотворительной деятельности, в первую очередь направленной на строительство и благоукрашение православных храмов, открытие и финансирование библиотек-читален, училища, членством и активным участием в различных благотворительных обществах.

В статье «Калужские благотворители» в «Калужских епархиальных ведомостях» автор писал: «В христианской любви к ближнему, конечно, ничего не может быть выше и незабвенней общественной благотворительности, почему-то, всегда приходящей к нам только по духовным завещаниям»[3]. Нужно отметить, что Ольга Карловна выполняла евангельские заповеди при жизни, постоянно участвуя в разных видах частной благотворительной деятельности. Основные пожертвования были сделаны ею в 90-е годы XIX в., в достаточно зрелые годы.

В первую очередь следует напомнить о ее помощи православным храмам. Спасо-Преображенская церковь в с. Полотняный Завод, построенная тщанием А. А. Гончарова[4], не оставалась без пожертвований Ольги Карловны. В этом храме были крещены ее дети[5]. Многочисленные свидетельства позволяют нам судить о том, что забота ее о поддержании этого Дома Божьего в благолепии оценивалась по достоинству не только причтом и прихожанами храма, но и епархиальным начальством. Свидетельством этого следует считать многочисленные публикации в местной православной печати о благодеяниях О. К. Гончаровой.

На страницах «Калужских епархиальных ведомостей» сообщалось о том, какое удовлетворение высказывалось даже Архипастырем при посещении храма в Полотняном Заводе. Его Преосвященство Преосвященнейший Виталий по достоинству оценил состояние Спасо-Преображенского храма: «...Он достаточно благоукрашен, видна в нем чистота, и имеется изобилие утвари церковной»[6]. Не случайно высокого гостя встречала именно госпожа Гончарова с семейством.

Первые из известных пожертвований О. К. Гончаровой предназначались именно Спасо-Преображенской церкви[7]. Эта помощь была крайне необходима, так как в этот период производился дорогостоящий ремонт храма. Помещице Гончаровой за пожертвование 200 руб. было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства[8].

В дальнейшем благодеяния Ольги Карловны этой церкви продолжались. Самое щедрое пожертвование было произведено ею в 1894 г., когда она подарила в ризницу храма в с. Полотняный Завод, как об этом писалось в местной православной печати, «различных вещей на сумму 515 рублей»[9].

Но не только родовому храму семьи Гончаровых предназначались пожертвования полотняно-заводской помещицы. Многочисленные щедрые жертвы Ольги Карловны Гончаровой направлялись и другому Дому Божьему — храму во имя Покрова Пресвятой Богородицы с. Покрова при Угре. Строительство нового каменного здания шло не так быстро, как хотелось бы клиру и жителям этого прихода. Неоднократно строительные работы приостанавливались из-за недостатка средств. Сохранились воспоминания священника Лебедева, в которых он откровенно рассказывает обо всех трудностях, возникавших с закладки и до освящения первых приделов (с 1887 по 1905 г.), с благодарностью называя всех щедрых благотворителей[10].

К ним принадлежала, как уже указывалось, и Ольга Карловна Гончарова. В 1892 г. за пожертвование 110 руб. на строительство этого храма ей было преподано Архипастырское благословение Его Преосвященства[11]. О следующем пожертвовании в 1893 г. настоятель храма пишет так: «…Еще могу указать, что на наш храм пожертвовала до 200 рублей… владелица писчебумажной фабрики в Полотняном Заводе Ольга Карловна Гончарова — … лютеранка». В 1899 г. землевладелице с. Полотняный Завод Ольге Гончаровой объявляется одобрение Епархиального начальства за пожертвование 100 руб. на построение в с. Покрова при Угре нового храма[12].

Ольге Карловне не суждено было увидеть окончание строительства этой церкви, так как это произошло уже в 1918 г.[13]

В числе жертвователей названного храма был и протоиерей кронштадтского Андреевского собора отец Иоанн Ильич Сергиев. В списке благотворителей Воскресенского храма с. Кременки имя благотворителя из далекого Кронштадта и дворянки Гончаровой из Полотняного Завода опять стоят рядом. После опубликования воззвания о сборе средств на построение нового храма вместо сгоревшего[14] они откликнулись в числе первых, кто внес пожертвования. Об этом сообщалось в рапорте за № 366 от 8 июня 1893 г., который адресовал епархиальному начальству благочинный священник Петр Малинин: «Поступили следующие пожертвования: от кронштадтского протоиерея Иоанна Сергиева 100 рублей, Ольги Гончаровой 100 рублей…»[15]

По этому поводу было объявлено Архипастырское благословение Его Преосвященства «Кронштадтскому о. протоиерею Сергиеву и г-же Гончаровой». Краткий обзор помощи дворянки Гончаровой на благо сельских православных церквей свидетельствует о том, что она не была храамоздательницей. Но общие суммы, пожертвованные ею Спасо-Преображенскому с. Полотняный Завод, Воскресенскому с. Кременки и Покровскому с. Покрова при Угре храмам Медынского уезда, говорят сами за себя. К сожалению, ни один из этих Домов Божьих не сохранился.

Без внимания и благодеяний О. К. Гончаровой не осталось и двухклассное образцовое училище в с. Полотняный Завод. В рапорте уездного исправника указывалось: «Пожертвования делала госпожа Гончарова на устройство здания для училища»[16]. В 1896 г. она же позаботилась о переустройстве этого училища. Ольга Карловна состояла почетной блюстительницей полотняно-заводского училища.

Наличие училища и качественное обучение в нем играло большую роль в образовании и просвещении жителей Полотняного Завода. Статистические данные свидетельствуют о высоком уровне грамотности рабочих фабрик Гончаровых. В 1898 г. из 320 рабочих было 56% грамотных (181 человек, из них мужчин — 133, женщин — 48.). Соответственно грамотность мужского персонала составляла 84%[17]. Для сравнения — на рогожной фабрике Прохорова в Полотняном Заводе грамотные составляли только 5% от общего числа рабочих; а на предприятиях Говарда — 41%[18].

Не следует забывать о том, что наличие школ, училищ, библиотек имело большое значение для борьбы с расколом, для укрепления в православной вере и верноподданнических чувствах. Не случайно, а по заслугам почетная блюстительница двухклассного образцового училища в Полотняном Заводе О. К. Гончарова была представлена к золотой медали «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте[19].

Помимо уже перечисленных благодеяний, Ольга Карловна внесла 250 руб. в Петербургский Комитет грамотности в 1894 г.[20] 12 ноября этого же года полотняно-заводская благотворительница обращается с прошением по поводу разрешения ей открыть в с. Полотняный Завод бесплатную библиотеку-читальню. В прошении она указывала: «…Покупка книг и дальнейшее существование читальни обеспечивается мною: как ежегодным взносом 150 рублей, так и помещением с отоплением и освещением». При этом прилагался проект устава, где указывалось, что библиотека-читальня предоставляет всем жителям Полотняного Завода и окружающих селений бесплатное пользование книгами для чтения. В параграфе 15 этого устава предусматривалась для посетителей особая книга, куда записываются пожелания по выписке новых книг[21].

Инициатива Ольги Карловны по открытию библиотеки-читальни в Полотняном Заводе была поддержана Императорским Вольным Экономическим обществом и Председателем Комитета грамотности. Об этом из Санкт-Петербурга было направлено письмо на имя Калужского губернатора Николая Дмитриевича Голицына, в котором указывалось: «Имея в виду громадное значение народных читален в деле умственного и нравственного подъема населения и убежден, что Ваше Сиятельство присоединит к ходатайству госпожи Гончаровой свой голос, голос лица, призванного к попечению о распространении грамотности и полезных знаний среди населения»[22].

Во исполнение предписания Его Сиятельства Господина Калужского Губернатора от 28 января 1895 г. за № 305 О. К. Гончарова получила 2 февраля 1895 г. свидетельство за № 304 на содержание бесплатной библиотеки-читальни в Полотняном Заводе[23]. Торжественное открытие библиотеки прошло 25 сентября 1895 г. Священником Демидовым были проведены освящение здания и окропление святой водой шкафов с книгами. Как и батюшка, так и инспектор народных училищ В. В. Рождественский в своей речи об открытии первой в губернии библиотеки-читальни подчеркивал важность происходящего: «Вот новый открывается источник для просвещения народа, вот опять простирается щедрая материнская рука достоуважаемой Ольги Карловны Гончаровой, обильно дающая духовную пищу алчущим и жаждущим ея»[24].

В дальнейшем полотняно-заводская радетельница о народном просвещении обращалась по поводу того, чтобы библиотеке было присвоено имя А. С. Пушкина. В ответе из Главного Управления по делам печати от 8 февраля 1896 года за № 971 сообщались требования по внесению капитала для выполнения указанных целей[25]. Хотя библиотека так и не была названа именем великого поэта, но в ней всячески заботились об увековечивании его имени как на юбилейных торжествах, так и повседневно.

В начале 1896 г. в связи с очередным прошением Ольги Карловны обсуждался вопрос о разрешении проведения народных чтений с туманными картинами в помещении библиотеки-читальни, находящейся в деревянном одноэтажном доме в центре Полотняного Завода, принадлежащем О. К. Гончаровой. По этому поводу Калужский губернатор написал: «Препятствий с моей стороны не встречается»[26].

4 декабря 1897 г. жена кандидата Московского Императорского Университета О. К. Гончарова вновь обращается к «Его Превосходительству Господину Начальнику Калужской Губернии»[27]. Она пишет: «Желая открыть в с. Полотняный Завод в помещении мною учрежденной бесплатной народной библиотеки-читальни книжную лавку, имею честь просить о выдаче мне законного дозволения на содержание оного заведения, в котором ответственным лицом будет состоять сын мой Димитрий Димитриевич Гончаров». Свидетельство, разрешающее указанную деятельность, было подписано А. А. Офросимовым и под расписку выдано просителям[28].

Полотняно-заводская библиотека-читальня играла важную роль в просвещении различных слоев сельского населения. Тем более что до ее открытия в этих краях существовали только две небольшие библиотеки при церквях — в с. Полотняный Завод[29] и в с. Карамышеве[30]. С открытием полотняно-заводской библиотеки у жителей этого села и ближайших населенных мест появилась возможность знакомиться с русской классикой, новинками литературы.

Последнее упоминание о том, что библиотека-читальня принадлежала Ольге Карловне, содержится в «Памятной книжке» на 1900 г.: «В с. Полотняный Завод библиотека-читальня принадлежит О. К. Гончаровой»[31]. В дальнейшем это учреждение принадлежало потомкам Ольги Карловны и продолжало служить целям народного просвещения. Известно, что в этот период в библиотеке было свыше 7 000 выдачей книг[32]. Но и в эти годы на брошюре «Правила Полотняно-Заводской библиотеки-читальни, учрежденной О. К. Гончаровой»[33] по-прежнему значилось имя ее создательницы[34].

Второй библиотекой-читальней, которая связана с благотворительной деятельностью О. К. Гончаровой, являлась библиотека в г. Калуге на ул. Тиличеевской. Ольга Карловна не принадлежала к числу учредителей[35], но именно она предоставила помещение, обеспечивала отопление и освещение[36]. Вклад и помощь Ольги Карловны Обществу Калужской бесплатной библиотеки-читальни был настолько значимым, что только она и епископ Макарий стали первыми пожизненными членами этого общества[37].

Православная местная периодическая печать благосклонно отнеслась к открытию названной библиотеки-читальни. Под рубрикой «Местные известия» было напечатано сообщение о ее открытии 2 ноября 1897 г. в помещении, которое было отведено О. К. Гончаровой в ее доме. Далее читатель узнавал, что «пред открытием читальни местным причтом Георгиевской церкви отслужен был молебен»[38]. Служил молебен отец Иоанн Остроглазов. Его напутственное слово членам-учредителям Калужской народной бесплатной читальни тоже было помещено на страницах «Калужских епархиальных ведомостей»[39]. В «Стихотворении на открытие народной читальни в г. Калуге 1897 года ноября 2 дня» говорилось:

К просвещенью новый путь открылся,
Радуйся Калуга — древний град,
Дом для чтенья книг явился.
Краше он роскошнейших палат[40].

Так в стихотворных строках под псевдонимом Е. М. епископ Макарий охарактеризовал условия, созданные благодаря щедрой благотворительнице

О. К. Гончарова состояла членом многих благотворительных обществ, находившихся в г. Калуге, — попечительства общества о Работном доме[41], общества для пособий нуждающимся учащимся в Калужских средних учебных заведениях[42], церковного Братства церкви Георгия за верхом[43], Губернского Комитета Попечительного общества о тюрьмах (она состояла директрисой Женского Тюремного Отделения)[44], Калужского Общества Помощи Бедным[45]. Участие Ольги Карловны в работе этих организаций тоже сопровождалось пожертвованиями и посильным участием.

Преждевременный и трагический уход из жизни Ольги Карловны Гончаровой прервал ее деятельность на ниве благотворительности, но деятельность эта стала примером для ее потомков.

Примечания

[1] См.: *Колесников В. А.* Земля родная. — Калуга: Гриф, 2008. — С. 14.
[2] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Ед. хр. 1554. Л. 1.
[3] Калужские епархиальные ведомости. — 1897. — № 16. — Ч. неоф. — С. 463.
[4] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2036. Л. 238.
[5] См. там же. Ф. 66. Оп. 2. Ед. хр. 2240. Л. 15.
[6] Калужские епархиальные ведомости — 1891. — № 15. — Прибавления. — С. 496.
[7] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1892. — № 4. — Ч. офиц. — С. 35.
[8] См. там же.
[9] Там же. — 1894. — № 22. — Ч. офиц. — С. 396.
[10] См. там же. — 1905. — № 15. — С. 156.
[11] См. там же. — 1892. — № 16. — Ч. офиц. — С. 183.
[12] См. там же. — 1899. — № 5. — Ч. офиц. — С. 45.
[13] См.: ГАКО. Ф. 1267. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 2.
[14] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1893. — № 7. — С. 102.
[15] Там же. — 1893. — № 13. — Ч. офиц. — С. 195.
[16] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 317. Л. 4 об.
[17] См. там же. Оп. 9. Ед. хр. 264. Л. 78.
[18] См. там же. Л. 87.
[19] См. там же. Л. 1 об. № 2.
[20] См. там же. Ед. хр. 101. Л. 1.
[21] См. там же. Л. 2, 2 об.
[22] Там же. Л. 6.
[23] См. там же. Л. 12, 13.
[24] Калужские епархиальные ведомости. — 1896. — № 1. — Ч. неоф. — С. 11.
[25] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 9. Ед. хр. 101. Л. 22.
[26] Там же. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 6.
[27] См. там же. Ед. хр. 257. Л. 1.
[28] См. там же. Л. 6, 7.
[29] См. там же. Ф. 33. оп. 3. Ед. хр. 1747. Л. 103.

[30] См.: *Метальникова Е.* Молитвами хранимый. — Калуга: Фридгельм, 2010. — С. 143.
[31] Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1900 г. — С. 138.
[32] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 2141. Л. 20.
[33] См. там же. Оп. 9. Ед. хр. 101. Л. 158.
[34] См.: Правила Полотняно-Заводской бесплатной библиотеки-читальни, учрежденной О. К. Гончаровой. — Калуга: Тип. Е. Г. Архангельской, 1903.
[35] См.: ГАКО. Ф. 62. Оп. 7. Ед. хр. 425. Л. 1.
[36] См. там же. Л. 74.
[37] См.: Отчет Общества Калужской бесплатной народной библиотеки-читальни за 1897 г. (год первый). — Калуга: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898. — С. 42. — № 63.
[38] Калужские епархиальные ведомости. — 1897. — № 21. — Ч. неоф. — С. 605.
[39] См. там же. — С. 622—624.
[40] См. там же. — № 23. — Ч. неоф. — С. 704
[41] См.: Отчет Попечительного общества о работном доме в г. Калуге за 1898 г. — Калуга: Тип. Губернского Правления, 1899. — С. 12. — № 38.
[42] См.: Отчет Общества для пособий нуждающимся учащимся средних учебных заведений за 18 год существования. — Калуга: Тип. Земской Управы, 1899. — С. 1. — № 7.
[43] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1897. — № 24. — Ч. неоф. — С. 761. — № 28.
[44] См.: Памятная книжка и Адрес-календарь Калужской губернии на 1899 г. — С. 9.
[45] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1897. — № 18. — Ч. неоф. — С. 521.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОЙ СОСЛОВНОЙ КОРПОРАЦИИ И ИЗМЕНЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА КАЛУЖСКОЙ, ТУЛЬСКОЙ, ОРЛОВСКОЙ, РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРА РОССИИ В 50—90-е гг. XIX в.

А. В. Штепа, *к. и. н., доц.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Православное приходское духовенство в России прошло долгий и нелегкий путь к оформлению сословия как своего рода духовной сословной корпорации. Для Древней Руси было характерно выборное начало членов приходского клира, которое со временем вытеснялось практикой наследственного замещения мест. Историки, как светские, так и церковные, не могут точно установить момент произошедшей смены, но уже в XVI в. наследственность мест на приходе становится достаточно привычным и распространенным явлением. Объективно в этом были заинтересованы несколько сторон: государство, вотчинники, помещики и сами общинники пытались мешать уходу в духовенство служилых людей и тяглого населения. В XVI—XVII вв. в России священнослужителями большей частью значились лица духовного происхождения, в том числе и вышедшие из причетников. Даже на Украине, где духовное звание оставалось открытым и выборы прихожан действовали на протяжении всего XVIII в., постепенно развивалась наследственность священно-церковнослужительских должностей. Так что с полной уверенностью можно утверждать, что наследственность духовного служения сложилась и окрепла задолго до Петра I. К такому выводу пришел один из известных исследователей истории православного приходского духовенства П. В. Знаменский[1].

На протяжении всего XVIII в. была ярко выражена тенденция превращения духовенства в замкнутое сословие. Современный историк А. И. Конюченко отмечает, что регулирование численности лиц, имевших право относиться к духовному сословию, прочно забрало в свои руки государство. Количественное увеличение сословия вследствие естественного прироста опережало потребности государства и церкви в количественном росте священно-церковнослужителей, поскольку число новых церквей и приходов росло медленнее. Поэтому государство время от времени принимало меры, направленные на избавление от лишних лиц в составе духовенства, облегчая выход из сословия и одновременно с этим сокращая его[2].

Необходимо обратить внимание на то, что двойственность правового положения сословия перетекла и во вторую половину столетия и даже в XIX в., на протяжении которых тучи над головой сословия то сгущались, то развеивались. Угроза висевших над духовным сословием постоянных разборов, отправлявших лишних людей в солдаты или податное состояние, казалось, исчезла при Екатерине II, когда им было разрешено самим избирать «род жизни». Но при Павле вновь последовали разборы[3]. С другой стороны, при нем более рельефно, чем ранее, обозначилось намерение поднять духовенство до уровня привилегированного сословия: на духовных лиц стали распространяться государственные награды и отмена телесных наказаний[4]. В царствование Александра I «добровольное избрание рода жизни» вернули, но затем был проведен разбор церковнослужителей и неграмотных безместных детей духовенства старше шести лет. В 1820 г. церковнослужители и дети духовенства, изъятые из своего сословия, были освобождены от крепостных владельцев и получили окончательно права свободного избрания рода занятий[5].

Создается впечатление, что правительство было намерено поднять социальный статус духовного сословия, но при этом пыталось уменьшить его удельный вес и отправить к социальным низам страту церковнослужителей. Но сделать это не удалось.

В целом же можно говорить о стабилизации при императоре Александре правового статуса духовного сословия. Указ 1801 г. привел в действие распоряжение Павла от 1796 г. об освобождении священнослужителей от телесного наказания по суду, остававшееся доселе без исполнения. В 1808 г. оно было распространено на членов их семей. Указом 1804 г. священнослужителям было дано право покупать незаселенную землю, а в 1821 г. было разрешено владеть крепостными тем, кто имел права дворянства родового (потомственного) или приобретенного по орденам[6]. До отмены крепостного права, несмотря на формальный запрет, некоторые духовные лица из приходского духовенства заводили крепостных. Помещик продавал им своих людей, которые продолжали по ревизским сказкам числиться за прежним хозяином, давая при этом слово не забирать крепостных назад. Иногда составляли контракт, по которому помещик отдавал людей в услужение[7], соблюдая таким образом все необходимые формальности на пути обхода закона[8].

Но окрики в адрес части духовного сословия, пребывающего в неопределенности и праздношатании, продолжались и впредь. Например, в 1829 г. вновь вышло предостерегающее распоряжение, чтобы «безместные» церковнослужители и дети духовенства, не получившие образования, сами подавали прошения для «избрания рода жизни», в противном случае по истечении указанного срока с ними уже поступали как с бродягами.

Произошедшая в 1860-е гг. расконсервация сословия не отразилась существенным образом, как на общем числе духовенства, так и на количестве отдельных его категорий, поскольку главным фактором оставалось количество мест на приходах. Гораздо более серьезное влияние оказали в этом направлении указы 1869 и 1885 гг. Первый из них сокращал количество причтов, второй — разрешал епархиальным архиереям восстанавливать их.

Главное значение в епархиальном строении имела степень разветвленности системы церковных приходов, являющихся низовой, начальной церковно-административной единицей. В прямой зависимости от количества церквей и приходов стояла возможность религиозно-нравственного влияния духовенства на население.

Известно, что наибольшее число церквей к середине XIX в. имели наиболее древние епархии Западной и Левобережной Украины, Белоруссии, Центрального района Великороссии (Московская, Владимирская) и ее Северо-Запада (Новгородская, Санкт-Петербургская, Эстляндская и Финляндская). К 1890 г. ситуация нисколько не изменилась[9].

Согласно сложившейся к концу XIX в. практике, самостоятельный приход мог быть открыт при трех условиях: наличие храма, источники содержания причта, необходимое количество населения. Если в приходе насчитывалось менее 700 душ мужского пола, то штат приходской церкви состоял из священника и псаломщика, если более, — добавлялся дьякон. Количественные характеристики приходов регионов и составляющих их епархий показаны в табл. 1.

Таблица 1. **Количественный состав приходов (1890)**[10]

Регион и составляющие его епархии	**Величина среднестатистического прихода,** *человек*
Центральный	1 503
Московская	1 322
Владимирская	1 466
Тверская	1 852
Калужская	1 891
Центрально-черноземный	2 123
Рязанская	2 025
Тульская	1 690
Орловская	2 110

В целом по России самыми малочисленными были приходы в епархиях Грузинского экзархата — 948 человек на среднестатистический приход — и Северного района — 1 289. В, Центральном районе — 1 503. Среди центральных выделялись по численности приходов Калужская и Тверская епархии (1 891 и 1 852 человека на приход соответственно). Следует уточнить, что, согласно дореволюционному районированию, Тульская, Орловская и Рязанская губернии, а соответственно и одноименные епархии относились к Центрально-черноземному району. И именно в этих епархиях Европейской части России отмечаются высокие среднестатистические показатели количества прихожан в приходе, порой, даже более 2 тыс. человек.

В то же время не стоит забывать, что небольшая численность прихода говорит в первую очередь о степени развитости основной церковной структуры, что повышало эффективность религиозно-нравственного воздействия на прихожан со стороны духовенства. Но, беря во внимание этот показатель, следует учитывать еще и данные о количестве, составе и плотности населения, среди которых первостепенное значение имеет последняя характеристика. Северные и дальневосточные губернии, например, отличались, по сравнению с более обжитыми районами, незначительным количеством жителей и своими пространствами, следовательно, плотность населения в них была низкой. А это означает, что приходские храмы отстояли от отдельных населенных пунктов на значительное расстояние. Поэтому тот факт, что приходы были небольшими по численности, не должен вводить в заблуждение при попытке определить степень эффективности воздействия церкви на прихожан. Не имея по объективным причинам возможности часто посещать храм, прихожане вынужденно черствели в религиозном отношении. А для духовенства, и белого и черного, служба в таких епархиях была сопряжена с частыми и дальними разъездами, что в тяжелых климатических условиях представляло прямую опасность для здоровья и жизни.

С 1850 по 1868 г. численность всех категорий белого духовенства была подвержена незначительным колебаниям. Число протоиереев за данный период снизилось с 1 558 до 1 198 (на 23,1%), священников — увеличилась с 34 935 до 38 852 человек (на 11,2 %), дьяконов — с 13 704 до 14 965 (на 9,2%), причетников — с 63 655 до 66 159 (на 3,9%). В целом общее количество духовенства возросло со 113 852 до 121 172, или на 6,4%, в то время как численность православной паствы стала больше на 15,7%. Таким образом, прирост православного населения в 1850—1858 гг. опередил увеличение белого духовенства примерно в 2,5 раза.

Движимое стремлением добиться улучшения материальных условий духовенства, правительство создало Комиссию по делам православного духовенства. Общий смысл ее работы свелся к уменьшению числа приходов, чтобы за счет упраздненных — приписанных — церквей увеличить доходы положенного по новым штатам духовенства. В итоге, рассмотрев представленные губернскими присутствиями проекты, Комиссия подготовила

44 Зак. 1053

Таблица 2. **Предполагаемое сокращение духовенства по заключению Комиссии по делам православного духовенства**[11]

Епархия	Численность духовенства по старым штатам, *человек*	Доля уменьшения по новым штатам, %
Владимирская	3 420	38,8
Калужская	1 981	36,1
Курская	3 877	45,0
Рязанская	3 159	64,9
Тамбовская	3 991	81,6

заключение о сокращении приходов, повлекшее за собой снижение численности духовенства. Данные по некоторым отдельным епархиям отражены в табл. 2.

Как видно, в некоторых центральных и некоторых епархиях Центрального Черноземья (Тамбовская епархия) процент сокращения предполагался просто нереальный. Планировалось сократить более 81% штатных единиц священно- и церковнослужителей. Что касается Калужской епархии, то число клириков в ней по штатному расписанию должно было быть уменьшено более чем на треть. В целом по стране общее число духовенства начало снижаться сразу уже с 1869 г., и к 1884 г. достигло максимума падения численности, сократившись почти на 24%. При том, что число священников сократилось на 3,7% (с 38 852 до 37 412 человек), причетников на 32,1% (с 66 159 до 44 890), дьяконов чуть ли не в два раза — на 44,6% (с 14 965 до 8 294), число протоиереев даже возросло на 35,3% (с 1 198 до 1 621). 1884 г. стал последним в графике снижения численности трех категорий и общего количества духовенства.

С выходом в 1885 г. нового закона, разрешавшего восстанавливать упраздненные ранее причты, динамика приобрела обратную тенденцию. С 1884 по 1913 г. количество протоиереев возросло с 1 621 до 3 043 человек — в 1,9 раз, священников — с 37 412 до 47 403 — в 1,3 раза, дьяконов — с 8 294 до 14 868 — в 1,8 раза, число причетников изменилось незначительно — с 44 890 до 45 656 человек.

В целом же изменения категорий и общей численности духовенства за вторую половину XIX — начало XX в. показывает табл. 3.

Таблица 3. **Изменение численности духовенства (1850–1913)**[12]

Категории духовенства	1850	1913	Соотношение, %
Протоиереи	1 558	3 043	195,3
Священники	34 935	47 403	140,0
Дьяконы	13 704	14 868	108,5
Причетники	63 655	45 656	71,0
Всего духовенства	113 852	110 970	97,5

Из данных таблицы видно, что наибольшее увеличение — почти в два раза — отмечено в отношении протоиереев, численность священников увеличилась на 40%, число дьяконов возросло незначительно, а самая многочисленная группа белого духовенства на 1850 г., причетники, сократилась на 29%. Данные количественные изменения в отдельных группах белого духовенства повлекли за собой общее снижение его численности на 2,5%.

Существенно изменилось соотношение числа дьяконов с количеством священников вследствие поисков путей улучшения экономического положения духовенства за счет сокращения числа приходов. Главной жертвой на этом пути стали дьяконы. Их количество сократилось с 16 024 в 1840 г. до 13 704 в 1850 г., то есть на 2 320 человек за десятилетие. Если в 1840 г. на 100 священников их приходилось в среднем по стране 45,

то в 1913 г. — 31, а рекордно низким этот показатель был в 1884 г., составляя 22 на 100. После указа 1885 г., признававшего целесообразность увеличения дьяконских мест с тем, чтобы занимающие их взяли на себя значительную часть нагрузки в церковно-приходских школах, число дьяконов стало возрастать. В целом за 1850—1913 гг. количество дьяконов выросло в 1,08 раза (с 13 704 до 14 868 человек)[13].

Наиболее стабильно высоким количество дьяконов было в епархиях Центрально-черноземного района (Тамбовская, Орловская, Воронежская, Курская, Рязанская) и Центрального (Московская, Костромская, Тверская).

К началу XX в. значительное увеличение института дьяконов привело к тому, что многие из них находились на причетнических местах, особенно в городах. Заметим, что вопрос о численности духовного сословия и степени его эффективного служения неотделим от выяснения вопроса о численности православной паствы и о взаимоотношениях между клириками и пасомыми. Исследование данной темы будет продолжено.

Примечания

[1] См.: *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. — Казань, 1873. — С. 1—17.

[2] См.: *Конюченко А. И.* Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. … д-ра ист. наук. — Челябинск, 2006. — С. 79.

[3] См.: *Знаменский П. В.* Чтения из истории Русской церкви за время царствования Александра I. — Казань, 1885. — С. 92.

[4] См.: *Знаменский И. П.* Положение духовенства... — С. 183.

[5] См.: *Знаменский П. В.* Чтения из истории Русской церкви за время царствования Александра I.. — С. 92—93.

[6] См. там же. — С. 96, 100.

[7] См.: *Ростиславов Д. И.* Записки // Русская старина. — 1880. — № 3. — С. 554 —555.

[8] См.: *Конюченко А. И.* Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX в. — С. 79.

[9] См. там же. — С. 75.

[10] Составлено по: Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. — СПб., 1897. — С. 26; *Конюченко А. И.* Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX в. — С. 76—77.

[11] Подсчитано по: РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд.1. Д. 24. Л. 170—182; *Конюченко А. И.* Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX в. — С. 80—81.

[12] Таблица приведена по: *Конюченко А. И.* Православное духовенство во второй половине XIX — начале XX в. — С. 83.

[13] См. там же. — С. 86.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ДОМ В БОРОВСКОМ ТЮРЕМНОМ ЗАМКЕ

***Н. П. Лошкарева**, н. с., Боровский историко-краеведческий музей — филиал Калужского областного краеведческого музея*

В г. Боровске на ул. Берникова сохранился уникальный исторический и архитектурный комплекс — Тюремный замок (дома № 62, 64, 66). Это редкий пример казенного тюремного комплекса второй половины XIX в.; он построен в формах позднего классицизма. Несмотря на это, история Боровского тюремного замка и его «обитателей» не привлекала серьезного внимания исследователей. Лишь в 1993 г. научным сотрудником Боровского историко-краеведческого музея В. В. Бубликовым было проведено обследование сохранившихся построек и записаны воспоминания их жителей. Документальный материал при этом использован не был, да и цель таковая не преследовалась[1]. Автор данного сообщения делает первую попытку изучения этого уникального комплекса на основе архивных документов, желая таким образом привлечь к нему и к его «обитателям» своего дотошного исследователя.

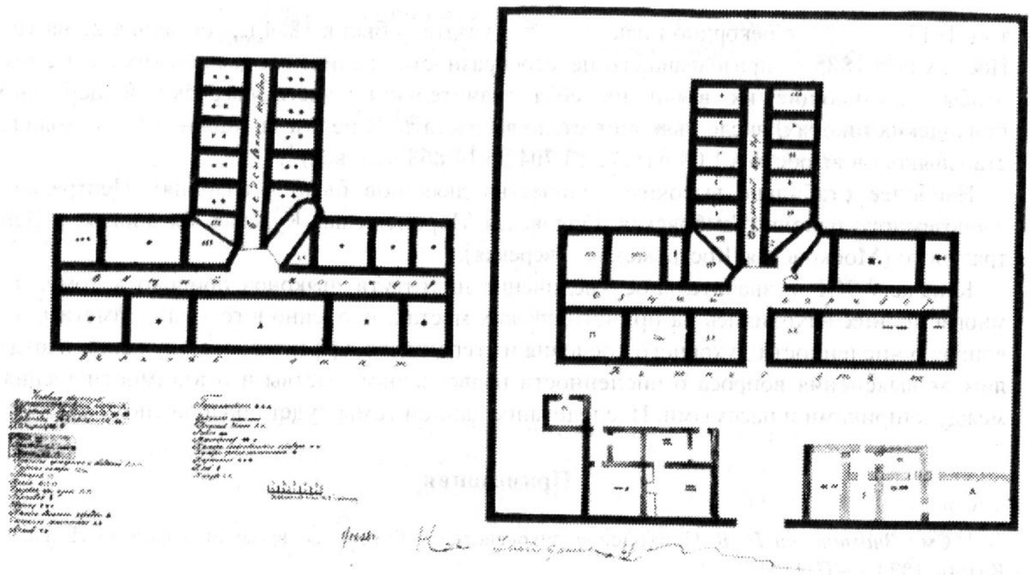


Рис. 1. План Боровского тюремного замка.

Итак, Боровский тюремный замок возвели в 1866 г. взамен тюремного острога, стоявшего в центре на Городище. Вызвано это было неудовлетворительным состоянием старого здания, которое к тому же не вписывалось в общий план благоустройства города. Новое место для Тюремного замка отвели на самой окраине Боровска. Первоначальная его стоимость составляла 36 000 рублей. Рассчитан он был на 63 уголовных заключенных и имел статус исполнительного[2].

Тюремный замок состоял из главного двухэтажного, выполненного в форме буквы «Т», и двух небольших одноэтажных корпусов, окруженных четырехметровой кирпичной стеной (рис. 1). В основу внутренней планировки главного корпуса была положена коридорная система с двусторонним расположением камер по сторонам коридоров в каждом крыле. На каждом этаже три сводчатых коридора (ширина — 2,5 м, высота — около 4 м, толщина стен — от 80 до 100 см) сходились к центральному округлому залу, также перекрытому сводом. Из центрального зала первого этажа начиналась лестница на второй этаж, а со второго — на чердак. В коридорах царил вечный мрак. Камеры отапливались с помощью печей, выходивших в коридор. Освещению их способствовал в основном дневной свет: почти в каждой камере находилось по одному окну[3].

На втором этаже в центре располагалась тюремная церковь (в честь какого праздника или святого, неизвестно). Освятили ее 3 февраля 1914 г. Деньги на устройство храма были даны представителями синодальной и старообрядческой церквей[4]. Иконостас обустраивал личный почетный гражданин церковный староста храма Успения Пресвятой Богородицы с. Нижнего Боровского уезда Иван Давыдович Зуев[5]. Служба в храме обычно проходила в церковные праздники.

В подвальных помещениях, как гласят местные легенды, находились дознавательные комнаты, пыточные и место казни.

Попасть на территорию Тюремного замка можно было через арочные ворота, ограниченные с внутренней стороны упомянутыми выше одноэтажными корпусами. В одном находилась баня, в другом — служебное помещение для надзирателей. Рядом с территорией замка было кладбище[6].

Советская власть имела свой взгляд на тюрьмы и заключенных. Видимо, поэтому Боровский тюремный замок стал именоваться Боровским уездным исправительно-трудовым домом (Уитдомом) при губернском управлении местами заключения НКВД СССР. Сохранился план этого Уитдома по данным на 1 сентября 1928 г.[7] Благодаря ему можно сделать следующее описание.

Как и Тюремный замок, его продолжала окружать стена*. Попасть на территорию Уитдома можно было все через тот же центральный вход. Направо от него во внутреннем дворе располагалось одноэтажное строение (очевидно, бывшее помещение для надзирателей), состоявшее из квартиры начальника Уитдома, его кабинета, канцелярии и административного корпуса, имевшего отдельный выход во двор. Объем административного корпуса составлял 390,15 куб. м.

Налево от центрального входа располагался другой одноэтажный корпус, где по-прежнему находились баня и прачечная. Объем их составлял 573,07 куб. м. На углу прачечной размещалась конюшня.

Объем главного корпуса составлял 2 026,48 куб. м[8]. На первом этаже его вдоль общего коридора располагались комната дежурного и свиданий, рабочая камера, пекарня, кухня и кладовая при ней, ламповая, уборная, мастерская, Красный уголок, лавка, цейхгауз. Вдоль одиночного коридора — карцер, уборная, сапожная мастерская, архив, парикмахерская и семь камер.

На втором этаже вдоль общего коридора располагались клуб, карцер, уборная, камера для карантина и восемь камер для срочно заключенных. Вдоль следственного коридора — уборная и десять камер.

Заключенных доставляли сюда по маршруту № 70: сначала под конвоем I-го Конвойного полка по железной дороге в вагонах их везли до г. Малоярославца[9], затем под охраной боровской милиции этапировали от Малоярославца до Боровска пешим трактом**. Соответственно, из Боровска тем же маршрутом их отправляли обратно.

Данное обстоятельство послужило причиной, побудившей инспектора мест заключения от Калужской губернии тов. Нисинова обратиться 1 августа 1928 г. (№ 939) в Главное управление местами заключения[10]. Он, в частности, констатировал, что «отправка заключенных по этапу из Боровского Уитдома находится в неудовлетворительном положении», так как Боровск находится в 35 верстах от Малоярославца, боровская милиция не имеет достаточно штата и средств на оплату командировочных — командировка длится 2—3 дня, вследствие чего заключенных не всегда возможно этапировать. При этом он указал, что в 14 верстах от Боровска, есть ст. Балабаново, на которой вагон с заключенными не останавливается, а движется дальше до ст. Малоярославец. Нисинов предложил «возбудить ходатайство пред начальником конвойной стражи Республики о внесении изменений в маршрутное расписание этапных поездов с тем, чтобы вагон заключенных принимал этап из Боровска на ст. Балабаново». Судя по последовавшим 4 сентября 1928 г. (№ 5559) начальнику штаба 1-й отдельной бригады ВКС г. Москвы, начальнику Административно-Пенитенциарного отдела Главумзака, а 21 сентября 1928 г. (№ 5-581) — отделу милиции Калужского губернского административного отдела Губисполкома начальнику Боровской волмилиции и Губинспекции мест заключения распоряжениям[11], вопрос был решен положительно.

Заключенные, содержавшиеся в Уитдоме, находились на разных исправительных работах. Каждый рабочий день шел в зачет и оплачивался в соответствии с существовавшими тогда ИТК и инструкциями. При этом необходимо было учитывать, физический это или умственный труд, квалифицированный или неквалифицированный, проявляли заключенные трудолюбие или нет, являлся продуктивным их вид деятельности или нет? Но самое главное, на что обращалось внимание — насколько социально опасен был тот или иной заключенный, так как зачет рабочих дней, помимо поощрения за продуктивную и полезную работу, преследовал более важную цель — «возможность приблизить конец меры социальной защиты для неопасных и исправившихся преступников»[12].

Уитдом еще недолго располагался в Боровском тюремном замке. Известно, что уже в 30-х гг. XX в. ввиду нехватки жилья сюда стали селить ударников производства ткацкой фабрики «Красный Октябрь» (бывшая Полежаевская), а здание Тюремного замка пе-

* Скорее всего, план Уитдома был составлен по более раннему плану Тюремного замка.

** Боровск в это время в качестве одного из волостных центров входил в состав Малоярославецкого уезда.

реименовали в «Дом ударника». С течением времени кирпичную стену, окружавшую замок, разобрали[13].

При этом необходимо отметить, что использование Тюремного замка под жилье не привело к полному уничтожению его как исторического и архитектурного комплекса. Сохранилось главное здание, два одноэтажных, арочные ворота и даже тюремное кладбище. Фактически нетронутыми остались подвальные помещения, да и жилые претерпели не столь серьезные изменения. Своим интерьером они до сих пор продолжают напоминать об их былом назначении.

Примечания

[1] См.: *Бубликов В. В.* Акт осмотра Тюремного замка в 1993 г. // Архив Боровского музея. — № 53; *Бубликов В. В.* Была тюрьма, стал «Дом ударника» // Боровские известия. — 1996, 25 июля. — № 85.

[2] См.: РГИА. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 516. Л. 1. Фотография Тюремного замка в г. Боровске 1912 г.

[3] См.: *Бубликов В. В.* Акт осмотра Тюремного замка в 1993 г.

[4] См.: Церковь. — 1914. — № 9. — С. 221.

[5] См.: *Лошкарева Н. П.* Почетные граждане Боровского уезда в начале XX в. // Боровск: страницы истории. — № 1. — Боровск, 1999. — С. 5.

[6] См.: *Бубликов В. В.* Акт осмотра Тюремного замка в 1993 г.

[7] См.: ГАКО. Ф. Р. 486. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

[8] См. там же. Л. 88.

[9] См. там же. Л. 130.

[10] См. там же. Л. 113, 113 об.

[11] См. там же. Л. 120, 130.

[12] Там же. Л. 96, 97.

[13] См.: *Бубликов В. В.* Акт осмотра Тюремного замка в 1993 г.; *Бубликов В. В.* Была тюрьма, стал «Дом ударника».

ОТ БРЯНСКА ДО ПЕСОЧНИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН МАЛЬЦОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

***В. В. Жуков**, внешт. н. с., Кировский историко-краеведческий музей*

Огромный мальцовский промышленный район имел колоссальные сырьевые и топливные ресурсы для всех своих производств на протяжении нескольких десятилетий, а изготовленные на многочисленных заводах разных отраслей производства товары в основном сплавлялись по рекам на баржах и плотах, значительная часть изделий подвозилась к пристаням на гужевом транспорте. Уже с 1850-х гг. С. И. Мальцов имел в ряде крупных городов империи свои торговые конторы и универсальные склады с магазинами при них, и все эти пункты (Петербург, Рига, Орел, Москва, Нижний Новгород, Киев, Екатеринослав и др.,) были связаны с округом водными путями. Однако с началом производства на мальцовских заводах паровозов и подвижного состава для русских железных дорог, а также другого ассортимента крупных и тяжелых изделий старые способы перевозок по сухопутным дорогам (в основном грунтовым) и водными путями перестали удовлетворять самого Мальцова, а также многочисленных его помощников по работе в округе. Поэтому вскоре после учреждения Мальцовского промышленно-торгового товарищества (март 1875 г.) в округе начинается строительство целой сети своих узкоколейных железных дорог и многочисленных подъездных путей к самим производствам…

14 апреля 1876 г. состоялось общее собрание пайщиков Мальцовского промышленно-торгового товарищества, на котором было принято решение о сооружении узкоколейной железной дороги между заводами. Из-за недостатка средств приступить к осуществлению этого проекта некоторое время не удавалось. Однако этот период окончательно утвердил руководство Товарищества в необходимости постройки собственной железной дороги,

столь необходимой для дальнейшего развития производства и социальной сферы промышленного округа.

Строительство первого участка Мальцовской узкоколейной железной дороги было начато в июне, а 1 октября 1877 г. по ней уже началось движение поездов. Первый поезд на станцию Людиново прибыл 21 ноября. Инициатор и организатор строительства этой дороги, владелец промышленного округа Сергей Иванович Мальцов (1809—1893) выбрал для нее колею 914 мм (3 фута). Строилась дорога силами местных крестьян и мастеровых. Ширина полотна была установлена в 10 футов, радиус кривых на перегонах — в 50 саженей, на станциях — 20 саженей. Рельсы первоначально применялись весом 5—6 фунтов, так называемого Мальцовского типа, позднее стали укладывать рельсы весом 10 фунтов в погонном футе. Частично применялись старогодные рельсы с магистральных железных дорог. Уклоны проектировались в 0,025, однако позднее оказалось, что на дороге имеются уклоны и в 0,028. Протяженность мостов составила 1 300 метров, из них почти одна тысяча приходилась на мост через Болву в районе Куявы. Сторожевые дома и казармы для ремонтных рабочих строились по мере надобности вдоль полотна железной дороги. Были оборудованы 42 переезда, из которых восемь охраняемых. Станционные здания были построены преимущественно из дерева, в них, помимо традиционных служб, размещались колодцы для воды с ручными насосами, а на чердаках — емкости для ее хранения и подачи на паровозы. На крупнейших станциях дороги — в Радице и Дятькове — построили двухэтажные здания вокзалов. В Людинове построили железнодорожные мастерские для ремонта подвижного состава дороги, а в Радице, Дятькове, Шахте и Песочне — паровозные депо.

Для обслуживания поездов Людиновский завод построил двух-, а затем и трехосные танк-паровозы, весом первые — 8, а вторые — 13,5 т с полной нагрузкой воды и топлива. В качестве топлива для паровозов применялись дрова. Для работы с поездами на участках с тяжелым профилем пути Людиновский завод в 1882 г. построил четырехосный танк-паровоз, так и оставшийся на дороге в единственном экземпляре (позднее он получил серию А).

Из-за тяжелого профиля пути длина и вес товарных поездов на дороге были ограничены. Так, двухосные паровозы водили поезда, состоявшие из восьми, а трехосные паровозы — из одиннадцати груженых вагонов. Последние на площадках были способны водить поезда из двадцати вагонов. Всего на дороге числилось двадцать восемь паровозов.

Имелись вагоны пятнадцати типов для перевозки различных грузов, причем изначально были построены специализированные вагоны для перевозки длинномерных грузов, котлов, дров, руды и т. п. Товарные вагоны имелись двух-, трех- и четырехосные, максимальной грузоподъемностью 600 пудов и тарой 120—200 пудов. На предприятиях округа в дополнение к этим применялись вагоны для собственных нужд, нередко строившиеся силами самих предприятий.

Пассажирских вагонов на дороге имелось 54 штуки, двух типов — двух- и трехосные. Первые вмещали 12 пассажиров, вторые — 27; делились они на вагоны 1-го, 2-го, 3-го классов, вагоны-микст (совмещенные разных классов) и служебные. Вагонами 1-го класса на дороге считались вагоны 2-го класса с более изящной отделкой внутри и снаружи и иногда имевшие две внутренних перегородки с дверками. В некоторых вагонах 3-го класса устраивались специальные отделения для перевозки почты. Багаж перевозился в специализированных багажных вагонах. Все пассажирские вагоны отапливались чугунными печами и освещались свечными фонарями. Для поездок по железной дороге владельца заводов был построен специальный, изящно, но без роскоши отделанный вагон салонного типа.

Первоначально пассажирское движение осуществлялось на всех участках Мальцовской железной дороги. Кроме этого, от Радицы до Людинова курсировал почтовый поезд. Однако в период кризиса 1880-х гг. большинство поездов было отменено, и пассажирское движение сохранялось только на участке Радица—Людиново.

Скорость движения поездов на главной магистральной линии составляла: товарных — 10 верст в час, пассажирских — 15 верст в час, экстренных — 30 верст в час.

Строительство дороги обошлось в среднем в 9,5 тыс. руб. за версту. Уже в 1883 г. дорога перевозила не менее 7,5 млн. пудов грузов и 83,5 тыс. пассажиров в год. При этом выручка на версту составляла 2 218 руб., а расходы на эксплуатацию — 955 руб., то есть чистая прибыль — 13% на строительный капитал. Издержки эксплуатации составляли всего 43% от валового сбора, в то время как на сети ширококолейных железных дорог Российской империи — 70%.

Подготовку кадров Сергей Иванович Мальцов организовал в Людиновском училище. Мальчики, успешно окончившие курс обучения и прошедшие практику на паровозах в должности смазчиков и кочегаров, назначались машинистами. Там же готовили и дорожных мастеров. Телеграфистов для дороги обучала дочь Сергея Ивановича Капитолина Сергеевна. Наиболее способные из них стали работать начальниками станций или, как приказал их называть Мальцов, — «смотрителями станций». Все проезжавшие в этот период по дороге отмечали необычную молодость работавших на ней людей. Именно эти юноши и девушки, подготовленные еще при жизни С. И. Мальцова, и составили костяк специалистов, работавших на ней до середины двадцатых годов XX в.

Формирование сети Мальцовских железных дорог в основном завершилось в 1882 г. Позднее в основном строились лесовозные, заводские и подъездные пути.

Недолгий застой, случившийся с дорогой в годы кризиса, закончился с переходом предприятий бывшего Мальцовского промышленно-торгового товарищества (МПТТ) в состав вновь образованного Акционерного Общества Мальцовских заводов (АОМЗ). С первых же заседаний Правление Общества много внимания уделяет вопросам организации работы и технической модернизации дороги. Проводятся работы по смягчению профиля пути, причем для проектных работ, пожалуй, впервые за время существования дороги привлекаются специалисты со стороны. Производятся капитальный ремонт существующих и строительство новых станционных зданий, водокачек, помещений для ремонта подвижного состава, телеграфных и телефонных линий, ведется реконструкция заводских подъездных путей.

В начале XX в. уделяется большое внимание строительству лесовозных ветвей, только на 1 января 1901 г. на реконструкцию дороги и строительство новых линий выделено 285 тыс. рублей. Строятся Знеберская и Старская лесовозные линии.

Происходит резкий рост объемов перевозок заводских и частных грузов, так в 1900/1901 операционном году дорога перевезла 27 млн. пудов грузов. Растет прибыль, получаемая Акционерным Обществом от эксплуатации собственной дороги. В график движения возвращаются ранее отмененные и назначаются новые поезда. Для перевозки рабочих Людиновского и построенного вблизи деревни Боровка Жиздринского уезда Калужской губернии цементного завода дорогой вводятся в эксплуатацию так называемые рабочие поезда. Количество пассажиров, перевозимых в этих поездах, было значительным. Так, в 1905 г. дорога перевезла 124 851 пассажира, из них 22 247 пассажиров были рабочими указанных выше заводов.

В это время на дороге в ежедневном обращении почтово-пассажирский поезд, товарно-почтово-пассажирский поезд, четыре товарно-пассажирских поезда, десятки товарных, дровяных, балластных и других поездов. В праздничные дни, как правило, назначались дополнительные пассажирские поезда.

Революционные события 1905 г. не обошли стороной и Мальцовскую железную дорогу. Забастовка на ней была непродолжительной — всего три дня, с 21 по 23 ноября, — да и требования бастующих были чисто экономическими. Заметим, что все они были руководством дороги полностью удовлетворены.

С целью снижения эксплуатационных расходов и повышения безопасности движения поездов разрабатывается проект и строится более короткий и имеющий пологие уклоны участок железной дороги от станции Стеклянная до цементного завода, через Орловские Дворики, взамен участка Стеклянная — Доманово — Боровка. Открытие движения на этом участке состоялось 9 ноября 1910 г. При реализации этого проекта широко применялись новые материалы. Так, здания возводили из бетонных кирпичей, трубы как малого, так и большого сечения, изготовлялись из бетона. Для удобства и безопасности пассажиров построили пассажирскую платформу с бетонной

стенкой и возвели железный пешеходный мост над путями узкоколейки на станции Цементный.

Последним магистральным участком дороги была линия, построенная в 1911 г. и соединившая станцию Ивот с Бытошью.

Водокачки, ранее располагавшиеся в станционных зданиях, стали размещать в специально построенных помещениях. Там, где это было возможно, использовали водопроводную сеть близлежащих заводов. Так сделали, например, в Цементном и Песочне.

Построенная к 1916 г. от разъезда Бабка новая короткая ветвь, соединившая Мальцовскую железную дорогу со станцией Чернец Московско-Киево-Воронежской железной дороги, оказалась мало востребованной и вскоре была разобрана.

Разрабатывался проект переноса железнодорожных мастерских из Людинова в Дятьково, реализация которого началась уже при советской власти.

Производилась замена подвижного состава. Уже в 1900—1901 гг. были заказаны на Коломенском заводе четыре паровоза типа 0-4-0 с трехосными тендерами, получившие на дороге серию Г. В 1905 г. два паровоза были заказаны Берлинскому заводу Борзига. Эти паровозы с осевой формулой 2-4-0 со сцепным весом 22, 88 тонн и силой тяги 4 147 кг получили серию Д и № 54 и 55. К сожалению, паровозы Борзига оказались неудачными, что в дальнейшем подтолкнуло руководство дороги к мысли заказывать новые мощные паровозы отечественным заводам. Уже в июле 1911 г. с Коломенского завода поступили первые два паровоза серии Е, начавшие работу с товарными поездами весом более 8 000 пудов на участках, еще имевших подъемы 0,027. Удачные, надежные в эксплуатации, мощные паровозы этого типа стали основными магистральными паровозами на дороге на все оставшиеся годы. Всего на дорогу поступило одиннадцать паровозов серии Е.

Модернизируется вагонный парк: начинают эксплуатироваться крытые вагоны серии Н, грузоподъемность которых достигает 900 пудов. Часть старых вагонов, имевших деревянные рамы, при ремонте модернизируется, на них устанавливают новые, теперь уже железные, рамы. Это несколько повышает их грузоподъемность и продляет срок службы.

Постоянная нехватка пассажирских вагонов заставляет использовать в рабочих поездах и в качестве вагонов третьего класса крытые товарные вагоны. Полностью обеспечить потребности дороги в пассажирских вагонах так и не удалось за весь период существования дороги.

Руководство АОМЗ понимало все проблемы, связанные с несоответствием колеи дороги колее железных дорог Российской империи. Поэтому уже в начале XX в. предлагаются различные проекты решения этой проблемы. Так, при строительстве «обходного участка» Стеклянная — Орловские Дворики — Цементный инженер С. В. Кербедз предложил этот участок строить сразу на две ширины колеи, одновременно проложив третий рельс на участке от Радицы до Стеклянной. Этот проект позволял доставку грузов для цементного завода и отправку готовой продукции производить по нормальной колее железных дорог империи, в то же время на оставшейся узкоколейной части дороги продолжалось бы движение узкоколейных поездов. Из-за технической сложности и дороговизны предложение это не поддержали, однако сама идея была использована позднее, во время перешивки участка Брянск—Дятьково на широкую колею.

Одновременно возник проект ширококолейной линии из Людинова к станции Жиздра Московско-Киевско-Воронежской железной дороги. Реализация проекта предполагалась в 1911 г. Однако из-за нехватки средств к его реализации так и не приступили.

Начинается электрификация дороги. Для распилки дров в крупнейших депо дороги на станциях Дятьково и Радица устанавливают электрические пилы. На этих же станциях устроили электрическое освещение во внутренних помещениях, помещениях дежурных по станциям, багажных отделениях, а также в кабинетах заведующих службами и на квартире Управляющего дорогой.

Для оказания помощи работникам Мальцовской железной дороги в случае болезни, по случаю родов, а также смерти была создана больничная касса, устав которой утвержден 6 марта 1914 года.

Мировая война, революция 1917 г. многое изменили в жизни Мальцовской железной дороги. Произошло резкое падение объемов перевозки грузов, связано это было с прекращением работы большинства предприятий нашего края. На некоторое время дорога вошла в состав вновь образованного Народного Комиссариата Путей Сообщения. К сожалению, это наименее изученный период истории дороги. Известно лишь, что в это время наблюдался резкий рост перевозки пассажиров по дороге. Связано это было с появлением в годы Первой Мировой войны явления, названного «мешочничеством». Ставшее особенно массовым в 1917—1922 гг. мешочничество, как ни странно, позволило Мальцовской дороге выжить в первые годы советской власти. Большое количество людей ехало по узкоколейке за продовольствием: одни с целью прокормить семью, и среди этой части огромное количество мастеровых с бывших Мальцовских заводов, другие — с целью наживы. При этом количество пассажиров, перевезенных дорогой в довоенном 1913 г. (180 223 человек) выросло до 302 189 в 1921/22 г. Следует отметить, что количество перевезенных рабочих Людиновского и цементного заводов за тот же период упало со 100 000 до 84 000 человек. Для осуществления возросшего объема перевозок пассажиров парк пассажирских вагонов увеличили с 44 до 103. Вероятнее всего, использовали переоборудованные товарные вагоны серии МП, проходившие по отчетности как пассажирские.

Перевозки же грузов для собственных предприятий и частных грузов с 70 млн. пудов в 1913 году упали в 1921/22 г. до 15 млн. пудов, почти в пять раз, что свидетельствует о резком падении объемов производства на заводах округа.

В это нелегкое время начинается реализация проекта строительства железной дороги Людиново—Жиздра. Странное это было строительство: назначен его руководитель, бывший начальник Мальцовской железной дороги инженер И. К. Росницкий, мобилизованы на эту стройку люди, выделены денежные средства и продовольствие, а вот следов деятельности по строительству дороги обнаружить пока не удалось. Известно лишь, что по заключению экономической секции Брянской губернской плановой комиссии от 19 октября 1925 г. данное строительство было признано нецелесообразным и прекращено.

За годы безвременья количество паровозов на дороге с 33 сократилось до 26, к тому же состояние оставшихся было далеким от совершенства. А вот число работавших в 1921/22 г. на дороге людей выросло по сравнению с 1913 г. более чем в два раза. Следует отметить, что уже в следующем, 1923, году число работавших на дороге сократилось: рабочих — почти до довоенного уровня, а вот служащих — незначительно. Возможно, сокращение это связано с возвращением дороги в состав Треста «Государственные Мальцовские заводы» 17 июля 1921 г.

Наследство Тресту досталось незавидное. Путь в ужасном состоянии, паровозный и вагонный парк требовал серьезного обновления. При этом возникла необходимость в перевозке все возрастающего количества грузов восстанавливающихся предприятий Треста. Начало работы крупнейших предприятий потребовало обеспечить перевозку рабочих из окрестных деревень, количество пассажиров рабочих поездов при этом выросло всего лишь за один год почти в два раза. Частично функции рабочих поездов выполняли в этот период товарно-пассажирские поезда. Их нередкие в то время опоздания приводили к нарушениям работы заводов. Однако руководство дороги зачастую отделывалось лишь отписками, объясняя опоздания поездов объективной реальностью времени. Это при том, что, к примеру, на Людиновский завод ежедневно по железной дороге на работу приезжало до 1 500 человек.

Возобновилось строительство спроектированных ранее линий. Для выхода продукции Людиновского завода к ближайшей станции широкой колеи продлили Шахтинскую линию до станции Палики Московско-Киево-Воронежской железной дороги. По ней стал курсировать пассажирский поезд № 25/26 Людиново—Палики. Однако линия от станции Шахты до станции Палики действовала недолго. Движение по ней 1 апреля 1925 г. было прекращено, путь разобран. Одновременно с этим участком прекратил свое существование и участок от станции Шахты до станции Котовичи. Это было связано с прекращением добычи сырья в этом районе и переходом предприятий Треста на снабжение привозным сырьем. С этого времени на участке Людиново—Котовичи обращались

в основном «трудовые поезда», доставлявшие жителей окрестных деревень на работу в Людиново.

В эти же годы резко возрастают перевозки по дороге лесных грузов, прежде всего дров. Так, из 2 603 вагонов, перевезенных дорогой в ноябре 1921 г., 2 152 вагона были с различными видами лесных материалов (дрова, пиловочный материал, сутунка). Для перевозки этих материалов в условиях нехватки специального подвижного состава, так называемых дровяных троликов, используют даже крытые вагоны. К новым лесосекам сооружаются временные подъездные пути, в том числе с более узкой колеей, чем колея дороги, — 600 мм.

Производится реконструкция искусственных сооружений. Для замены малых мостов используются старогодные поворотные круги, приобретенные у железных дорог нормальной колеи. Их укладывают взамен изношенных мостовых ферм. На водокачках вместо ручных насосов устанавливают паровые. Начинается переход от отопления паровозов дровами на угольное отопление. Предпринимаются попытки сделать беспрерывным движение поездов через Желынку, которое ранее постоянно прекращалось во время весеннего половодья.

Паровозный парк дороги на 9 сентября 1922 г. состоял из 28 паровозов, из них один паровоз серии А, 10 паровозов серии Б, 4 паровоза серии Г, 2 паровоза серии Д и 11 паровозов серии Е. Из них 13 паровозов числились больными, один подлежал исключению и один находился в командировке на Западной железной дороге. По расчетам руководства дороги, для обеспечения все возраставших перевозок грузов и пассажиров дороге требовалось не менее десяти новых мощных паровозов. Однако из-за нехватки средств заказ постоянно откладывался, и только в 1925 г. были заказаны два паровоза типа 63, которые Коломенским заводом были выпущены для колеи 750 мм и по требованию Мальцовской железной дороги переделаны на колею 914 мм. На дороге они получили серию Е и № 12 и №13.

Более сложным было состояние вагонного парка. На дороге к этому времени осталось 89 пассажирских и приспособленных для пассажирских перевозок товарных вагонов. Почти все они были сильно изношены и требовали замены, либо серьезного ремонта. В 1920 г. Радицкому заводу дали заказ на семь четырехосных пассажирских вагонов. Построили их в 1921—1922 гг. Однако это не улучшило положение.

Для перевозки грузов на дороге числилось 559 вагонов, из них больных 150 вагонов, или 27%.

В декабре 1924 г. комиссия в составе Управляющего дорогой В. М.В иноградова, бухгалтера дороги Ф. П. Разрезова, представителей Учкпрофсожа П. А. Чижикова и Н. П. Волкова и представителя Главного Управления Треста «Государственные Мальцовские заводы» А. Д. Каменева произвела проверку и переоценку имущества дороги. Согласно акту комиссии, средний процент износа имущества дороги составлял 54%, а по некоторым пунктам и 74—82%. Положение было более чем серьезное.

Наиболее приемлемым было решение о строительстве на территории округа широколейной железной дороги с последующей передачей ее в состав Народного Комиссариата Путей Сообщения. Большинство специалистов и руководителей дороги было за такое решение проблемы. Однако неожиданное противодействие оно вызвало у начальника дороги В. И. Капустянского, которого поддержал Председатель Правления Треста Конюхов. Высказанные ими доводы не были достаточно серьезными, и победила точка зрения сторонников строительства ширококолейных железнодорожных путей. Это строительство было начато в августе 1925 г., и с этого момента длина Мальцовской железной дороги постоянно сокращалась. К моменту сдачи в эксплуатацию железной дороги Вязьма—Брянск, частью которой стал перешитый участок Брянск—Дятьково, от Мальцовской железной дороги остались сеть узкоколейных железных дорог от станции Дятьково до Стари, Бытоши и лесовозные ветви от станций Стайная, Волынь и Старь, а также линия Людиново—Котовичи. Мальцовская (Урицкая) железная дорога как часть Треста Государственных Мальцовских заводов прекратила свое существование.

В период перешивки участка Брянск—Дятьково проводится работа по переносу железнодорожных мастерских из Людинова на станцию Дятьково. Работы начались в авгу-

сте—сентябре 1925 г. и постоянно откладывались, поэтому к моменту окончания строительства мастерские стали обслуживать только локомотивы и вагоны, работавшие на оставшихся от Мальцовской железной дороги узкоколейных участках от Дятькова до Бытоши и Стари.

Около полувека продолжалась история «мальцовской узкоколейки», бывшей не только необходимой транспортной артерией межгубернского сообщения, перевозившей без остановки на день или даже на час миллионы пудов грузов всех пользователей (а не только произведенные на заводах товары), огромное количество пассажиров и выполнявшей все прочие функции транспортного сообщения, но и решавшей еще ряд социальных задач — образовательных, демографических, экологических и др. И не удивительно, что в 1920—1930-х гг. узкоколейка была заменена на широкую колею и продолжила историю железнодорожного транспорта на территориях бывшего Мальцовского округа.

Источники и литература

1. Отчеты Мальцовского промышленно-торгового товарищества с 14 сентября 1875 по 1 апреля 1883 года. — Ялта, 1890.
2. *Цубербиллер А.* Мальцовские железные дороги: их сооружение и настоящее положение // Экономический журнал. — 1891. — № 11/12. — С. 45—58.
3. *Гронский П. Е.* Промысловые дороги. — СПб., 1884.
4. *Малинин Д. И.* Неизданные рукописи. — Калуга: Золотая аллея, 2010. — С. 158.
5. ГАБО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 268. Л. 6.
6. ГАБО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 180. Л. 57—59, 72.
7. ГАБО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 134. Л. 55—57.
8. ГАБО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 179. Л. 119—121.
9. ГАБО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 197. Д. 204.
10. ГАБО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 300. Л. 9.
11. ГАБО. Ф. 287 Оп. 1. Д. 741. Л. 7, 8.
12. ГАБО. Ф. 287. Оп. 1, Д. 1039. Л. 119—121.
13. ГАБО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 1252.

УКАЗ 9 НОЯБРЯ 1906 г. И ВОПРОСЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАДЕЛЬНОЙ ЗЕМЛИ В ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ: ИЗ ИСТОРИИ СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***В. В. Панасюк**, ст. преп.,*
Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К. А. Тимирязева

9 ноября 1906 г. император Николай II подписал указ, носивший весьма туманное название «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», ставший правовым фундаментом новой аграрной реформы царского правительства. Содержание нормативного акта представляло резкий контраст его более чем скромному названию. Каждый крестьянин домохозяин, владевший надельной землей, мог во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части согласно последнему переделу. Наиболее разработанной была та часть указа, которая определяла порядок укрепления чересполосных наделов (статья 6). Свои требования крестьяне должны были передавать сельскому старосте, а затем они рассматривались на сходе. Сельское общество по приговору, который постановлялся простым большинством голосов, обязано было в течение одного месяца после подачи заявления о выделе вынести решение. Законодательным актом определялись и порядки разрешения споров, связанных с укреплением земли, обжалования общественных приговоров и постановлений земских начальников, на которых лежала обязанность рассмотрения споров и исполнение заявлений о выделе земли в случае, если общество уклонялось от вынесения приговора (статьи 7—9)[1].

Образованию хуторов и отрубов в этом акте уделялось мало внимания. Но это был лишь первый этап реализации нового курса аграрной политики. Отвод участков выделенцам назывался укреплением земли в собственность, а сами выделившиеся крестьяне — укрепленцами. До закона о землеустройстве от 29 мая 1911 г. укрепить землю в собственность можно было только после выхода из общины на основе собственного заявления[2].

Юридически действием этого документа охватывалось только надельное землевладение крестьян. По данным земельной переписи 1905 г., в Калужской губернии насчитывалось 99,6% крестьянских хозяйств на общинном праве. Таким образом, новый закон имел самое непосредственное отношение ко всему крестьянскому населению губернии[3]. Основное назначение этого нормативного акта — пробудить в крестьянской среде частнособственнические инстинкты, дать толчок разрушению общины, дестабилизировать ее. В оценке этого указа «Калужские губернские ведомости» оптимистично заявляли: «Свободный выход из общины и укрепление земли в личную собственность, давая широкий простор частной предприимчивости и самодеятельности, сейчас же скажутся на формах крестьянского землепользования, севооборота и удобрения земли»[4]. Собственность крестьян после укрепления земли становилась личной собственностью главы двора, тогда как ранее надел принадлежал двору.

Первые данные о результатах укрепления наделов в собственность в Калужской губернии были связаны с требованием МВД предоставить результаты для открывавшегося в Санкт-Петербурге в конце октября 1907 г. съезда непременных членов губернских присутствий. Основной целью собрания было обсуждение вопросов применения в стране указа 9 ноября 1906 г. Из материалов уездных съездов земских начальников Калужской губернии известно, что на 1 августа 1907 г. было заявлено всего 133 требований об укреплении надельной земли в собственность. По этим требованиям состоялось 79 общественных приговоров и 10 постановлений земских начальников, из которых 37 приговоров и одно постановление получили утверждение уездного съезда. Исполненными в натуре оказались 13 сельских приговоров Жиздринского уезда[5].

По мнению земских начальников, такие низкие результаты были обусловлены объективными и субъективными причинами: во-первых, это незнакомство крестьян с указом 9 ноября 1906 г.; во-вторых, нежелание укреплять чересполосные наделы; в-третьих, отсутствие опыта и практики ведения хуторского хозяйства; в-четвертых, опасность возможного давления на укрепленцев со стороны общинников; и наконец, в-пятых, инертность крестьян и привычка жить общиной[6].

Как указывал П. А. Столыпин в своем письме калужскому губернатору А. А. Офросимову, «столь незначительное количество утвержденных приговоров свидетельствует о том, что важность скорейшего удовлетворения ходатайств крестьян об укреплении участков земли в личную собственность в недостаточной мере усвоена подведомственными губернатору крестьянскими учреждениями»[7]. В свою очередь местная администрация объясняла очевидные затруднения по проведению реформы тем, что неурожай 1906—1907 гг. и отсутствие заработков по причине забастовок в 1905 г. вызвали высокий уровень отхожих промыслов в 1907 г. Почти все мужское население ушло на заработки. Оставшиеся немногие домохозяева не желали укреплять чересполосные владения и боялись это делать в отсутствии большинства селян[8]. По подсчетам губернского комитета, в этом году 201 808 крестьян занимались отхожим промыслом[9].

Это объяснение явно не удовлетворяло министра внутренних дел, который писал калужскому губернатору о том, что «столь ничтожное число заявлений о применении указа 9 ноября не может быть объяснено исключительно тем, что население Калужской губернии, занимаясь отхожими промыслами, мало интересуется землей. В других промышленных губерниях земледелие также не составляет главного занятия населения, однако во многих из них укрепление общественной земли в личную собственность отдельных домохозяев шло более успешно»[10]. По мнению П. А. Столыпина, малоуспешность применения указа 9 ноября 1906 г. в Калужской губернии объясняется тем, что губернские центральные учреждения, как и некоторые из представителей высшей губернской администрации, недостаточно ясно усвоили себе смысл и первостепенное значение этого указа и не приняли достаточно энергичных мер к широкому осуществлению его в жизнь[11].

47 Зак. 1053

Тем не менее министр внутренних дел в телеграмме от 29 июля 1907 г., адресованной калужскому губернатору, выражал надежду, что, несмотря на очень низкие первоначальные результаты по укреплению надельной земли, губернская администрация «приложит все усердие и заботы к успешному проведению жизнь имеющего первостепенное государственное значение Высочайшего Указа 9 ноября 1906 г.»[12]

Как результат уже во второй половине 1907 г. деятельность калужской администрации по проведению реформы активизировалась. Под председательством губернатора в августе 1907 г. было образовано особое совещание должностных лиц губернии «в целях объединения их действий, для выяснения возникших на практике недоразумений и более точной и правильной постановки землеустроительного дела»[13]. Большую работу проделывали чиновники, ответственные за проведение реформы. По поручению губернатора в декабре 1907 — январе 1908 г. статский советник А. М. Крюков для крестьян Боровского уезда организовал несколько чтений о сущности нового закона. В рапорте, адресованном главе губернской администрации, он положительно оценил итоги таких встреч: «…беседы эти дали уже ожидаемые результаты и многие отдельные крестьяне-домохозяева начали дело о выделе лиц из общины и укреплении в личную собственность надельной земли»[14]. Но не обходилось и без административного нажима. В секретном циркуляре губернатора земским начальникам было сделано предупреждение, что их пассивное отношение в деятельности по укреплению надельной земли в собственность может стать прямым основанием для снятия с занимаемой должности. Документ засвидетельствовал возможность применения начальником губернии административно-силового воздействия на подчиненных лиц для достижения поставленных задач[15]. За период с 1 августа по 1 октября 1907 г. в уездные съезды поступило 29 новых ходатайств, по которым было составлено 15 приговоров и 2 постановления земских начальников, были уже исполнены в натуре несколько приговоров и постановлений в Мосальском, Калужском и Мещовском уездах[16]. Таким образом, география применения указа стала охватывать новые уезды губернии.

Динамика укрепления земли в личную собственность хорошо прослеживается на примере Калужской губернии. К маю 1908 г. число домохозяев, укрепивших землю, увеличилось до 2 385 на площади 17 536 дес. В Центрально-промышленном районе по количеству хозяйств, укрепивших землю, и размерам укрепленной надельной земли Калужская губерния немного уступала Смоленской, где их число было 2 544 и в собственности которых было 23 484 дес., но опережала остальные регионы. В Тверской губернии землю в личную собственность к этому времени укрепили 1 364 домохозяина, в Ярославской — 816 домохозяйств, во Владимирской — 390, в Московской — 303[17]. К 1 августа 1908 г. в губернии количество домохозяев, за которыми укрепление земли уже состоялось, увеличилось с 2 385 до 4 102. Налицо был заметный рост числа крестьян, уже фактически укрепивших свою землю и превративших ее в частную собственность. Особенно заметно увеличение площади укрепленной земли всего за три месяца (май—июль 1908 г.), когда ее масштабы выросли на 91,5%. Средний размер укрепленной земли составил 7,1 дес. на одного домохозяина. Подавляющее большинство укрепленных участков надельной земли находилось в чересполосном положении, выделы к одним местам были очень редкими случаями — за восемью домохозяевами зарегистрировано 10 дес.[18]

Какие социальные группы крестьян были заинтересованы в укреплении общинной земли? В отечественной историографии сложилась точка зрения, согласно которой земельные наделы укрепляли три группы хозяйств: беднейшие — с целью продажи и переселения на банковские земли и в Сибирь, средние — для улучшения землепользования и зажиточные — для закрепления земли, то есть предпринимательства[19].

Мотивов укреплять надельные земли в личную собственность у крестьян Калужской губернии было несколько. Землю укрепляли те, кто собирался ее в дальнейшем продать. Это были старики, вдовы или те, кто уже давно порвал связи с общиной. Некоторые из таких крестьян уехали когда-то в город на заработок, но так и не вернулись обратно. Другие переселились в Сибирь. Таким людям больше не нужна была надельная земля, и они укрепляли ее в собственность с целью дальнейшей продажи. Правда, для калужских переселенцев это обстоятельство не играло существенной роли. Например, по данным Челябинского и Сызранского пунктов регистрации переселенцев за 1907—1911 гг., количество безземельных крестьян, переселившихся из губернии и продавших свои наделы, составило 14,4%. По этому показателю Калужская губерния занимала 59 место из 69 регионов страны[20]. Для средних и зажиточных крестьян имелись веские причины для укрепления надельной земли: во-первых, это «утверждение неотчуждаемого права на землю и вложенный в землю капитал — удобрение», то есть если почва была более удобренной, унавоженной; во-вторых, для тех, которые обладали выморочными наделами, справедливо опасаясь, что при следующем общественном переделе на наличные души они потеряют излишки земли, потому что за излишки приходилось платить в два раза меньше рыночных цен на землю[21]. Некоторые состоятельные крестьяне стремились при удобном случае иметь в одном участке вместе укрепленную и купчую землю. Летом 1909 г. в Мещовском уезде были зарегистрированы такие единичные случаи, когда «домохозяева стремились к округлению своих владений путем прирезки надельной земли к купчей». Так, в Писковской волости два крестьянина укрепили 10 душевых наделов к 8 дес. купчей земли и один домохозяин Гостьинской волости укрепил 3 надела к 20 дес. купчей земли[22].

К концу 1909 г. укрепление земли в частную собственность имело хорошо прослеживаемую закономерность, неравномерно распределяясь в масштабе региона. Уезды, где укрепление шло более успешно, находились в южной части губернии (Жиздринский — 9 256 дес., Козельский — 18 229 дес., Лихвинский — 50 625 дес., Мосальский — 31 648 дес. и Мещовский — 17 322 дес.). И наоборот, уезды с плохими результатами — в северной части губернии (Боровский — 2 093 дес., Малоярославецкий — 1 794 дес. и Тарусский — 3 575 дес.). Среди факторов, влияющих на сложившуюся в губернии географию, можно выделить два. Во-первых, южные уезды более многодворные, чем северные. Во-вторых, северные уезды находились ближе к Москве как крупному центру притяжения широких масс крестьян-отходников[23]. В результате за три с лишним года действия указа 9 ноября 1906 г. 12,6% от всей площади общинного землевладения (по земельной переписи 1905 г.) перешло в крестьянскую личную собственность, что в абсолютных цифрах составило 174 989 дес.

Одним из самых распространенных видов укрепления надельной земли в частную собственность, часто встречавшимся в Калужской губернии, был переход целых сельских обществ к подворно-наследственному землевладению без какого-либо улучшения землепользования. В. В. Ордынский, исследовавший летом 1909 г. процесс надельного землеустройства в центральных областях России, отмечал, что в Калужской губернии на этом основании «укрепили свою землю в единоличную собственность сплошь все селения 5 волостей Лихвинского уезда»[24]. Сплошное, в рамках общины, укрепление земли за отдельными домохозяевами фактически приводило к образованию беспередельных общин, которые владели землей «по едокам». Община теряла свою важнейшую функцию — земельно-передельную. По данным обследования 1910 г., 2/3 селений региона (или 88,4%) оказались уже де-факто перешедшими к подворно-наследственному владению землей. Сравнительный анализ ситуации в двадцати шести губерниях с преобладанием великорусского населения показал, что именно здесь, в Калужской губернии, был зафиксирован самый высокий процент беспередельных общин в стране[25]. В. Г. Тюкавкин, ссылаясь на сведения о количестве таких общин по стране, полагал, что «столыпинская аграрная реформа была подготовлена отказом многих общин от переделов. Если учесть, что государство освободило общину от фискальной обязанности, отменив круговую поруку, то значит, что община во многих местах не выполняла главные свои функции»[26].

Итак, укрепление надельной земли в личную собственность было лишь начальным этапом в проведении реформы. По замыслу авторов это создавало предпосылки для достижения ее конечных целей[27]. Однако само по себе укрепление земли в личную собственность в хозяйственном плане не давало «выделенцам» серьезных преимуществ, ставя общину зачастую в тупиковую ситуацию. С одной стороны, если «укрепленцы» не переходили на хутора или отруба, для них сохранялись все недостатки общинного землевладения (чересполосица, дальноземелье, зависимость от общинного севооборота и совместного пользования угодьями и т. п.); с другой стороны, становились затруднительными и даже невозможными переделы, возникали сложности с выгоном скота и пр. Насущной проблемой становилось землеустройство укрепленных наделов.

Примечания

[1] См.: Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по 1 июня 1908 г.). — СПб., 1908. — С. 687—689.

[2] См.: *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — М., 2001. — С. 191.

[3] См.: Статистика землевладения 1905 г. — Вып. VI: Калужская губерния. — СПб., 1906. — С. 10.

[4] Калужские губернские ведомости. — 1906, 18 нояб. — № 129. — С. 1.

[5] См.: ГАКО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 9913. Л. 9, 10, 12—14, 16, 18, 21—25.

[6] См. там же. Л. 9 об, 13, 21 об, 22, 23 об, 24 об.

[7] Там же. Д. 9900. Л. 104.

[8] См. там же. Л. 110.

[9] См.: Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1909 год. — Калуга, 1909. — С. 175.

[10] ГАКО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 9900. Л. 102.

[11] См. там же. Л. 102.

[12] Там же. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1351. Л. 6 об.

[13] Сельский вестник. — 1907, 8 авг. — № 171. — С. 4.

[14] ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1351. Л. 3—4 об, 17.

[15] См. там же. Л. 8.

[16] См. там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 9913. Л. 30—32, 34 об — 37 об., 39, 39 об.

[17] См.: *Зырянов Н. П.* Крестьянская община Европейской России 1907—1914 гг. — М., 1992. — С. 98.

[18] См.: Калужские губернские ведомости. — 1908, 11 сент. — № 95. — С. 4; Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1908, 14 сент. — № 37. — С. 685.

[19] См.: *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. — М., 1963. — С. 208.

[20] См.: Земельное обеспечение крестьян, переселившихся в течение последнего пятилетия (с 1907 по 1911 г.) за Урал и ликвидация ими земли на родине // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. — 1912, 23 сент. — № 39. — С. 916.

[21] См.: Статистическое описание Калужской губернии: Мещовский уезд. — Т. VI. — Вып. II: Текст. — Калуга, 1912. — С. 129.

[22] См. там же. — С. 128.

[23] См.: *Фомин А. А.* Землеустроительные аспекты сельского расселения центральной России в первой трети XX столетия. — Калуга, 1998. — С. 15—16.

[24] *Ордынский В. В.* Очерки современного положения землеустройства в Европейской России // Сельское хозяйство и лесоводство. — 1910, июнь. — Т. 223. — С. 353—354.

[25] См.: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / Отв ред. А. П. Корелин. — СПб., 1995. — С. 67—68.

[26] *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. — С. 174.

[27] См.: Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. — М., 2003. — С. 89.

ПОРТ-АРТУРСКИЙ КОМИТЕТ И КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ (1905—1906 гг.)

***А. В. Ковалев**, к. и. н., ст. преп.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Рассмотрение данной темы, в частности на материалах калужского архива, позволяет приблизиться к решению нескольких задач. Во-первых, расширить наши сведения об отношении населения российской провинции к русско-японской войне 1904—1905 гг. Во-вторых, больше узнать об уроженцах Калужской губернии, участвовавших в героической обороне Порт-Артура.

Отважное сопротивление осажденного порт-артурского гарнизона продолжалось с апреля по декабрь 1904 г.[1] Многие защитники погибли от ран или болезней, остальные после капитуляции попали в плен и по окончании войны вернулись домой. Несмотря на сдачу крепости, порт-артурцы заслуженно считались в России героями.

Вскоре после падения Порт-Артура в Санкт-Петербурге был образован Порт-Артурский комитет. Августейшей покровительницей комитета была государыня императрица-мать Мария Федоровна. Почетной председательницей стала принцесса Е. М. Ольденбургская, а помощницей председательницы — графиня Н. Ф. Карлова[2]. Таким образом, комитет представлял высшие слои тогдашней столицы. Сведения о хронологических рамках работы комитета в научных изданиях различны: по одним данным, комитет действовал с февраля 1905 г. по 31 марта 1906 г.[3], по другим — с начала 1905 г. по 1 февраля 1907 г.[4] Наиболее поздняя переписка по делам комитета, содержащаяся в калужском архиве, относится к августу 1906 г.[5]

Цель комитета заключалась в помощи семьям порт-артурцев. По всем губерниям в феврале 1905 г. было разослано объявление комитета. Губернские власти призывались помочь в сборе денег и сведений о наиболее нуждающихся семьях защитников крепости. В последующем предполагалось распространить покровительство комитета на всех русских пленных в Японии[6].

Можно увидеть, как инициатива петербургского комитета была принята в провинции. Калужский губернатор А. А. Офросимов пообещал комитету свою поддержку. Материал о комитете вскоре опубликовали в «Калужских губернских ведомостях». Соответствующий циркуляр был разослан предводителям дворянства, полицмейстеру и уездным исправникам, — правда, только к лету 1905 г.[7] В течение 1905—1906 гг. из уездов тянулись сообщения о собранных средствах и семьях участников обороны. Такая медлительность может объясняться непростым положением в губернии, что было связано с началом в России революции 1905—1907 гг.[8]

Результат сбора средств был весьма скромным. Хотя кое-кто из уездных исправников сообщил о распространении подписных листов комитета, документально зафиксировано пожертвование лишь 25 руб. 95 коп. Всего в источниках отмечено 32 жертвователя, все они жители г. Козельска. Сумма взносов колебалась от 20 коп. до 2 руб., которые пожертвовал городской голова А. П. Соловьев[9]. Если и были другие пожертвования, общий итог едва ли намного перекрывал указанную сумму.

Очевидно, что по сравнению с интересом населения к военным событиям, выказанным в первые месяцы войны, в 1905 г. налицо падение внимания населения к войне и уменьшение доверия к «посредникам» в сборе средств. Это было связано и с усталостью от войны, и с началом революционных событий, которые в сознании людей отодвинули Манчжурию на второй план.

Эти данные, как кажется, согласуются с информацией о количестве средств, собранных Порт-Артурским комитетом в общероссийском масштабе. Всего капитал комитета составил 529 тыс. руб., что не так уж и много в масштабах России, если учесть, что 200 тыс. руб. выделил лично Николай II и еще 50 тыс. руб. — императрица Мария Федоровна[10]. В целом население империи с 1905 г. не слишком торопилось жертвовать деньги на то, что связано с русско-японской войной.

Сведения о наиболее нуждающихся семьях порт-артурцев в Калужской губернии также были собраны. Не вполне определенным оказался сам термин «наиболее нуждающиеся»: степень бедности предстояло выяснить самим местным властям. В некоторых рапортах встречаются фразы, как кажется, курьезные с точки зрения современного языка: калужский полицмейстер Е. И. Трояновский сообщил, что в Калуге наиболее нуждающихся семей порт-артурцев нет. Некоторые чиновники на всякий случай приводили сведения о материальном положении семей порт-артурцев. Например, у матроса Ф. В. Теленкова оказались жена, ребенок, пожилая мать, сестра, жена и трое детей брата, также служившего тогда в Манчжурии, а из имущества — лишь дом и корова[11].

На основании рапортов с мест можно составить список порт-артурцев, чьи семьи считались наиболее нуждающимися в помощи (см. табл. 1). Здесь 39 воинов, причем в сухопутной армии служили 10, на флоте — 12. Место службы значительной части (17) документами не определено. Скорее всего, необходима и дополнительная проверка места службы нескольких калужских порт-артурцев, бывших, по данным источников, на знаменитых кораблях (например, на миноносце «Стерегущий»). В списке есть представители шести уездов: уроженцев Тарусского уезда — 16, Мосальского — 10, Лихвинского — 6,

Таблица 1. **Участники обороны Порт-Артура из Калужской губернии, семьи которых были признаны наиболее нуждающимися в помощи Порт-Артурского комитета**[14]

№ п/п	Ф. И. О.	Сведения о происхождении	Дополнительные сведения
1	Аксенов Семен Семенович	из мещан, г. Сухиничи, Козельский уезд	нет сведений
2	Алешин Дмитрий	из крестьян, сельцо Клюксихи, Козельский уезд	нет сведений
3	Ананьев Иван Феофилович	Козельский уезд	нижний чин 5-го Восточно-Сибирского полка; вероятно, погиб или пропал без вести
4	Безценнов Ермил Тимофеевич	из крестьян, д. Тимашево, Высокиничская волость, Тарусский уезд	матрос 11-й роты Квантунского флотского экипажа
5	Блинов Егор Акимович	из крестьян, д. Каширино, Жерелевская волость, Мосальский уезд	нет сведений
6	Горшков Козьма Никитович	из крестьян, д. Малистово, Понизовская волость, Мосальский уезд	нет сведений
7	Гришин Тимофей Трофимович	из крестьян, д. Кареевские Выселки, Троицкая волость, Тарусский уезд	машинист на судне «Ангара»; после сдачи крепости в плену
8	Грушин Максим Федорович	из крестьян, с. Бор, Высокиничская волость, Тарусский уезд	матрос; возможно, на крейсере «Паллада»
9	Демидов Егор Иванович	из крестьян, д. Большие Внегощи, Морозовская волость, Мосальский уезд	нет сведений
10	Захаров Иван Захарович	из крестьянин, с. Красное, Богимовская волость, Тарусский уезд	возможно, был защитником Порт-Артура; попал в плен
11	Зулин Дементий Прокофьевич	из крестьян, д. Арефьево, Троицкая волость, Тарусский уезд	после сдачи крепости в плену
12	Игнатов Яков Терентьевич	из крестьян, сельцо Верхнее Лопатино, Заворовская волость, Тарусский уезд	после сдачи крепости в плену
13	Казаков Алексей Васильевич	из крестьян, с. Князищево, Князищевская волость, Лихвинский уезд	рядовой сухопутной армии
14	Карпылов Николай Алексеевич	из крестьян, д. Пашино, Бортниковская волость, Тарусский уезд	унтер-офицер Квантунской саперной роты (призван в 1904 г. из запаса); после сдачи крепости в плену
15	Кискин Егор Трофимович	из крестьян, д. Бортник, Бортниковская волость Тарусский уезд	матрос на судне «Ангара»; после сдачи крепости в плену
16	Кондратьев Иван Осипович	из крестьян, д. Шмарово, Васильевская волость, Лихвинский уезд	рядовой сухопутной армии
17	Кудинов Федор Федосеевич	из крестьян, с. Волковское, Исканская волость, Тарусский уезд	нижний чин сухопутной армии (призван в 1903 г.)
18	Кузнецов Максим Васильевич	из крестьян, д. Кошелевка, Богдановская волость, Лихвинский уезд	ефрейтор сухопутной армии
19	Лобов Иван Сергеевич	из крестьян, с. Китаево, Богимовская волость, Тарусский уезд	матрос 1-й роты Квантунского флотского экипажа; вероятно, пропал без вести
20	Лыков Евстафий Иванович	из крестьян, с. Фролово, Слядненская волость, Калужский уезд	матрос на броненосце «Петропавловск»; погиб в 1904 г.

№ п/п	Ф. И. О.	Сведения о происхождении	Дополнительные сведения
21	Любцов Марк Григорьевич	из крестьян, д. Образцовка, Лубинская волость, Мосальский уезд	нет сведений
22	Малыкин Емельян Ильич	из крестьян, д. Нижняя Вязовна, Высокиничская волость, Тарусский уезд	нижний чин сухопутной армии
23	Малюшкин Андрей Николаевич	из крестьян, д. Беляево, Богдановская волость, Лихвинский уезд	рядовой сухопутной армии
24	Махов Андрей Ефимович	из крестьян, д. Замковка, Ильинская волость, Боровский уезд	нижний чин крепостной артиллерии (до войны в Варшаве); видимо, пропал без вести
25	Никитин Тимофей Ильич	из крестьян, с. Губино, Козельский уезд	нет сведений
26	Панков Петр Федорович	из крестьян, Добросельская волость, Мосальский уезд	нет сведений
27	Пучков Петр Филиппович	из крестьян, с. Титово, Титовская волость, Лихвинский уезд	рядовой сухопутной армии
28	Сафонов Никита Артемьевич	из крестьян, д. Проход, Жерелевская волость, Мосальский уезд	нет сведений
29	Сашников Федор Владимирович	из крестьян, с. Высокиничи, Высокиничская волость, Тарусский уезд	матрос, возможно на миноносце «Сильный»
30	Смирнов Иван Петрович	из крестьян, д. Курьяново, Морозовская волость, Мосальский уезд	нет сведений
31	Соколов Степан Иванович	из крестьян, д. Нижняя Вязовна, Тарусский уезд	матрос; возможно на миноносце «Стерегущий»
32	Стреленский Владимир Евдокимович	Козельский уезд	нет сведений
33	Теленков Федор Васильевич	из крестьян, с. Черепеть, Рождественская волость, Лихвинский уезд	машинист 1-й статьи 6-го флотского экипажа
34	Титов Федор Егорович	из крестьян, с. Ивановское, Белянинская волость, Тарусский уезд	матрос 19-го флотского экипажа на броненосце «Пересвет»; вернулся после войны
35	Трошинков Семен Козьмич	из крестьян, д. Бель, Жерелевская волость, Мосальский уезд	нет сведений
36	Фотиев Трофим Демидович	из крестьян, д. Хаустово, Парфеновская волость, Мосальский уезд	нет сведений
37	Фролов Яков Карпович	из крестьян, д. Гурьево, Кареевская волость, Тарусский уезд	матрос 19-го флотского экипажа; после сдачи крепости в плену, освобожден по болезни, дома с 22 июня 1905 г.
38	Чемадуров Егор Иванович	из крестьян, сельцо Жуково, Солопенская волость, Тарусский уезд	матрос (призван в 1903 г.), в Порт-Артуре добровольно; после сдачи крепости в плену
39	Щербаков Константин Калинович	из крестьян, Снопотская волость, Мосальский уезд	нет сведений

Козельского — 5, Калужского — 1, Боровского — 1. Большинство, видимо, попало в плен, а затем вернулось домой. Стоит подчеркнуть, что список не является исчерпывающим. Это лишь те порт-артурцы, помощь которым считалась наиболее актуальной. Список можно и нужно расширить за счет других калужан — участников героической обороны.

Относительно помощи, которая была оказана семьям порт-артурцев, можно лишь сделать некоторые предположения: в источниках нет указаний на какую-либо поддержку конкретным лицам. Предположительно, комитет мог оказать ту помощь, которая была обещана в объявлении: единовременные пособия, помощь в устройстве детей в учебные заведения, выделение средств на лечение, ускорение получения причитающейся пенсии, передача сведений, снабжение находящихся в плену[12]. В научной литературе встречается и информация о том, что некоторым порт-артурцам давались разрешение и помощь для переселения на пустующие земли в Сибири[13].

Итак, столь знаменитое событие, как оборона Порт-Артура, коснулось и далекой провинции. Уроженцы Калужской земли принимали участие в этом героическом противостоянии 1904 г. Вместе с тем видно, что уже в следующем, 1905, году интерес населения к Порт-Артуру и в целом к войне заметно снизился. Эти реалии оказались вытеснены на второй план революционными событиями 1905—1907 гг., которые в тот момент казались многим более важными, чем судьбы героев далекой войны.

Примечания

[1] См.: *Шацилло В. К., Шацилло Л. А.* Русско-японская война 1904—1905 гг.: Факты. Документы. — М.: Мол. гвардия, 2004. — С. 229, 235.

[2] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 1, 4.

[3] См.: *Марьин Д.* Сибирские Порт-Артуры // Родина. — 2006. — № 12. — С. 73.

[4] См.: *Смирнова Е. А.* Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904—1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): Дис. … канд. ист. наук. — Кострома, 2006. — С. 172.

[5] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 43.

[6] См. там же. Л. 4.

[7] См. там же. Л. 2, 3, 5—9, 13, 14, 17, 18, 20, 21.

[8] См.: *Малинин Д. И.* Очерки по истории революции 1905—1906 гг. в Калужской губернии // Малинин Д. И. Неизданные рукописи. — Калуга: Золотая аллея, 2010. — С. 130—235.

[9] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 25, 27, 29—31.

[10] См.: *Смирнова Е. А.* Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904—1905 гг. — С. 172.

[11] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 28, 41.

[12] См. там же. Л. 4.

[13] См.: *Марьин Д.* Сибирские Порт-Артуры. — С. 73.

[14] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 23, 33—35, 39—41, 43.

КАЛУЖАНЕ — ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917/18 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА

***В. П. Пушков**, к. и. н., с. н. с.,*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных — то и знай!
Н. А. Некрасов.

Настоящий доклад является продолжением масштабного проекта по исследованию источников формирования интеллектуального потенциала дореволюционной России, первые результаты которого были доложены нами в Калуге в 2000 г.[1] В ходе дальнейших

изысканий был обнаружен уникальный массовый источник («Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академ. году»), который позволяет рассмотреть данный вопрос на материале года великих перемен[2]. Документ содержит фамилии, имена и отчества первокурсников, даты их рождения, сведения о сословной принадлежности, вероисповедании и оконченном среднем учебном заведении. По этим данным была составлена база данных, которая представляет собой электронную таблицу в формате MS-Excel, включающую в себя 12 полей и передающую всю информацию источника.

В 1917/18 академическом году новобранцами Московского университета стало около 2 500 человек, причем впервые было принято 156 женщин. Несмотря на военно-революционное время, доля москвичей на первом курсе составила не более 1/3 (820 человек). Принципиально важно, что и в этот тяжелый год Московский университет в полной мере сохранил свой всероссийский характер и ведущую роль в подготовке кадров отечественной интеллектуальной элиты. Об этом убедительно свидетельствует очень широкая география первокурсников, которые съехались из восьмидесяти губерний и областей страны (всего их было 89, для части студентов место получения среднего образования не указано). Были представлены все экономико-географические районы и учебные округа. О широте и многообразии «корневой системы» отечественного интеллектуального потенциала свидетельствуют 212 населенных пунктов, взрастивших достойную Московского университета талантливую молодежь. Показательно, что за сорок предшествующих лет таковых источников отмечено лишь 202.

46 калужских первокурсников (см. Приложение) занимают весьма высокое 11-е место, уступая лишь самим москвичам (860 человек), большинству из одиннадцати составивших Московский учебный округ губерний (среди которых главенствовали 163 владимирца) и выходцам из оккупированной Польши (115 человек). Для сравнения отметим, что за предыдущее сорокалетие (1877—1916) 545 калужан стали выпускниками Московского университета (13-й ранг). О кардинальных изменениях научных приоритетов нового революционного поколения талантливой калужской молодежи на фоне долговременного эволюторного тренда свидетельствуют следующие наблюдения. В военное время произошла «смена вех» — резкое смещение акцентов с медицинских и юридических дисциплин в пользу фундаментальных и прикладных наук. А именно, удельный вес юридического факультета снизился более чем в четыре раза — с 35,2% до 9% (4 первокурсника), а медицинского — почти в три раза — с 36,3% до 13% (6 новобранцев). Зато абсолютное большинство первокурсников (24 человека, или 52%) выбрало физико-математический факультет (10 человек на естественном и 14 — на математическом отделении). Но если тяга к естественным и фундаментальным наукам (физика, химия, математика, механика) в условиях военного времени вполне ожидаема, то впечатляет более чем троекратное возрастание доли интереса к историко-филологическому факультету — с 8,4% до 26% (12 первокурсников).

Если по части интереса к фундаментальным наукам и юриспруденции калужские абитуриенты практически не отличались от всего нового набора 1917/18 академического года в 2 388 человек (соответственно 53,0 и 9,7 %), то своеобразие их научных приоритетов состоит именно в повышенном интересе к гуманитарным наукам в ущерб медицине (валовые доли по ним — соответственно 17,5 и 22,8%). Некоторые первокурсники вскоре после зачисления меняли свои академические интересы. Так, Елизавета Молчанова 16 сентября 1917 г. перевелась на юридический факультет, но уже 22 сентября вернулась на медицинский, другой медик, Гр. Покровский, 3 октября 1917 г. перешел на историко-филологический факультет, а И. Дудин 10 октября 1917 г. сменил естественное отделение физико-математического факультета на естественное. По каким-то причинам некоторые первокурсники покидали стены университета, но вскоре возвращались. Например, Мих. Масленников 23 января 1918 г. «по прошению» был принят обратно на естественное отделение физмата. Отдельные лица зачислялись на учебу «без права зачета» (видимо, в качестве вольнослушателей — Вл. Секретарев). 13 калужан были приняты «по свидетельству» — то есть на основании документов, которые выдавались специальными комиссиями Московского Учебного округа по результатам испытаний «за полный гимназический курс» тем абитуриентам, которые не имели классического гимназического обра-

49 Зак. 1053

зования (бывшие семинаристы, реалисты и воспитанники других типов средней школы), получившим домашнее образование, а также гимназистам, поступавшим в университеты по прошествии более чем двух лет после получения аттестата. Шесть человек было уволено «по прошению» (5, 19 сентября и 3 октября 1917 г.).

Одна из основных особенностей калужских первокурсников состояла в том, что абсолютное их большинство (25 человек из 46, или 54,3%) было представлено бывшими воспитанниками губернской Духовной семинарии (думается, именно это обстоятельство и обусловило высокий интерес калужан к гуманитарным дисциплинам: семинаристы знали древние языки, хотя до Февральской революции они традиционно ориентировались на медицинский факультет). Почти каждый четвертый (12 человек) имел законченное гимназическое образование. Это десять молодых людей из губернской Николаевской мужской гимназии и две девушки — Варвара Качановская из частной женской гимназии М. Н. Шалаевой и Елизавета Молчанова — золотая медалистка из калужской женской министерской гимназии. Кроме нее, золотые медали имели гимназисты Б. Апаров и С. Бадылькес, а серебряную — Гр. Покровский. Каждый пятый (девять человек) был зачислен в университет по окончании реальных училищ (пять — государственного и четыре — частного Ф. М. Шахмаганова). Отметим отсутствие среди абитуриентов жителей уездных городов, но они могли учиться и в названных средних школах.

По своему сословному происхождению калужские первокурсники представляли все основные слои общества, среди них однозначно лидировал 21 выходец из духовного сословия. Это 12 «сыновей священника», четыре «сына псаломщика», три «сына дьякона», один «сын протоирея» и даже один настоящий «священник». Весьма характерно, что 18 из 21 университетского новобранца духовного звания имели семинарское образование. Втрое меньше (по шесть человек) были представлены мещанство (все «сыновья мещан», но среди них могли быть и выходцы из рабочих семей) и купечество (трое «сыновей личного почетного гражданина», по одному «сыну купца» и «личного почетного гражданина», а также один «почетный гражданин»). Также поровну (по четыре человека обнаружилось выходцев из семей чиновников и дворянства, которые назвали себя: «сыновьями чиновников» и «дочерью коллежского секретаря», а из дворян оказалось два «сына дворянина», а также по одному «дворянину» и «потомственному дворянину». Из военного сословия вышли «сын полковника» и «дочь подполковника». Интеллигенция и крестьянство были представлены в единственном числе — «сыном смотрителя духовных учебных заведений» и «сыном крестьянина». Обращаем внимание на отсутствие среди калужан громких дворянских фамилий и титулованных особ. По вероисповеданию все калужские первокурсники оказались православными (за исключением одного иудея С. Бадылькеса).

Интересен возрастной состав калужских абитуриентов. Лишь 10 из них поступили в университет сразу после окончания средних учебных заведений (1899 г. рождения), а самой молодой оказалась поступившая на юрфак восемнадцатилетняя В. Качановская. Остальные же 36 человек были заметно взрослее (особенно бывшие семинаристы), что свидетельствует об их давней мечте о высшем университетском образовании, что было для них весьма затруднительно до демократизации высшей школы в результате Февральской революции. Самым же возрастным новобранцем был поступивший на историко-филологический факультет тридцатидвухлетний действующий священник Ив. Вас. Грознов, имевший семинарское образование, а 27 лет было зачисленному на математическое отделение физмата имевшему предварительное гимназическое образование «сыну крестьянина» Степ. Фад. Мацкевичу.

Среди 46 человек встретилось несколько однофамильцев (по два человека) — Виноградовы, Мочановы и Чистяковы (скорее всего, двоюродные братья). Родными же братьями оказались лишь поступившие на математическое отделение бывшие семинаристы «сыновья мещан» Иван и Петр Дудины (соответственно 1895 и 1898 гг. рождения). О церковно-семинарских корнях многих абитуриентов говорит большинство их фамилий типа Архангельский, Воскресенский, Георгиевский, Знаменский, Никольский, Покровский, Тихомиров, Успенский и др. Представляет интерес набор из 21 личного имени калужских первокурсников. Как правило, до 1917 г. среди университетских новобранцев на уровне отдельных губерний чаще других встречались имена Николай и Александр, что

можно было интерпретировать как проявление некой имперской ментальности их родителей. Однако калужане не вписываются в эту общую картину, поскольку среди них больше всего было семь Владимиров, лишь за которыми шли шесть Николаев, а Александров оказалось только двое. Самое же распространенное в народе имя Иван стояло лишь на третьем месте (четыре человека). Кроме того, по три первокурсника имели имена Сергей, Василий и Дмитрий и по два — Борис, Григорий, Михаил и Петр (остальные 10 имен имели лишь по одному носителю). Набор калужских отчеств оказался равным числу имен (21), среди них лидировали Васильевичи, Ивановичи и Николаевичи (соответственно 7, 6 и 5 человек), за которыми шли Александровичи и Григорьевичи (по три студента), а также Алексеевичи, Дмитриевичи и Михайловичи (по два первокурсника). И абсолютное число отчеств (12) имело лишь по одному носителю.

Первому студенческому набору революционного времени предстояла трудная жизнь, но хочется думать, что некоторым из них все же удалось получить высшее образование, сохранить традиции Московского университета и передать их своим детям и внукам.

Примечания

[1] См.: *Пушков В. П., Гришина З. В., Завьялов С. М., Пушков Л. В.* Московский университет и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (К постановке проблемы) // Культура российской провинции: век XX — XIX веку. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 23—26 мая 2000 г. — Калуга, 2000. — С. 110—124. См. также: *Пушков В. П., Пушков Л. В., Завьялов С. М.* Профессионально-географический состав выпускников Московского университета (1877—1916 гг.) // История Московского университета: Материалы V научных чтений памяти профессора А. В. Муравьева. — М., 2004. — С. 222—235.

[2] См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312.

Приложение

Список уроженцев Калужской губернии — первокурсников Московского университета 1917/18 академического года

Фамилия	Имя	Отчество	Сословное происхождение	Факультет, отделение	Дата рождения	Оконченное учебное заведение
Азбукин	Сергей	Николаевич	сын чин.	физм.-е.	05.09.1892	дух. сем.
Апаров	Борис	Петрович	сын диак.	мед.	17.11.1899	Никол. гимн.
Архангельский	Николай	Андреевич	сын мещ.	физм.-е.	23.06.1896	дух сем.
Бадылькес	Соломон	Иоселевич	сын личн. поч. гр.	мед.	01.10.1898	Никол. гимн.
Брызгалов	Александр	Сергеевич	сын личн. поч. гр.	физм.-м.	08.10.1898	Никол. гимн.
Ватопедский	Константин	Николаевич	сын свящ.	мед.	26.01.1898	дух. сем.
Виноградов	Владимир	Витальевич	поч. гр.	юрид.	20.07.1896	дух. сем.
Виноградов	Иоаким	Геннадиевич	сын свящ.	физм.-е.	07.09.1896	дух. сем.
Воинов	Владимир	Федорович	сын свящ.	физм.-м.	02.02.1897	гимн.
Волнянский	Николай	Григорьевич	сын двор.	физм.-м.	05.10.1899	реал. уч. Ф. М. Шахмаганова
Волоков	Николай	Михайлович	сын куп.	физм.-м.	18.04.1899	реал. уч. Ф. М. Шахмаганова
Воскресенский	Василий	Иванович	сын свящ.	истф.	07.03.1897	дух. сем.
Георгиевский	Петр	Иванович	сын протоиерея	физм.-е.	29.06.1897	дух. сем.

Фамилия	Имя	Отчество	Сословное происхождение	Факультет, отделение	Дата рождения	Оконченное учебное заведение
Грознов	Иван	Васильевич	свящ.	истф.	07.06.1885	дух. сем.
Дудин	Иван	Васильевич	сын мещ.	физм.-м.	02.08.1895	дух. сем.
Дудин	Петр	Васильевич	сын мещ.	физм.-м.	24.06.1898	дух. сем.
Журавлев (Журалев?)	Дмитрий	Григорьевич	сын псалом.	юрид.	08.10.1895	дух. сем.
Знаменский	Михаил	Николаевич	двор.	физм.-е.	10.09.1898	гимн.
Качановская	Варвара	Борисовна	дочь подполк.	юрид.	23.06.1900	гимн. М. Н. Шалаевой
Комаров	Сергей	Алексеевич	пот. двор.	физм.-е.	24.09.1898	гимн.
Кондратьев	Павел	Иванович	сын полков.	физм.-м.	05.04.1899	реал. уч.
Костромин	Василий	Ильич	сын мещ.	физм.-е.	16.07.1898	реал. уч. Ф. М. Шахманова
Масленников	Михаил	Николаевич	сын мещ.	физм.-е.	10.12.1897	реал. уч.
Мастеров	Николай	Александрович	сын свящ.	истф.	28.04.1896	дух. сем.
Мацкевич	Степан	Фаддеевич	сын крест.	физм.-м.	01.01.1890	Никол. гимн.
Молчанов	Дмитрий	Дмитриевич	сын свящ.	физм.-е.	11.05.1897	дух. сем.
Молчанова	Елизавета	Аполлоновна	дочь колл. секр.	Мед.	02.01.1899	гимн.
Никольский	Григорий	Алексеевич	сын свящ	истф	22.01.1895	дух. сем.
Пичаевский	Георгий	Александрович	сын чин.	физм.-м.	25.05.1899	Никол. гимн.
Покровский	Григорий	Александрович	сын свящ.	мед.	30.01.1899	Никол. гимн.
Птушкин	Дмитрий	Павлович	сын псалом.	юрид.	10.02.1897	дух. сем.
Рыльский	Владимир	Иванович	сын дьяк.	физм.-м.	11.07.1896	дух. сем.
Секретарев	Владимир	Васильевич		физм.-м.	23.11.1894	реал. уч.
Смирнов	Борис	Петрович	сын свящ.	физм.-м.	16.05.1899	дух. сем.
Соколов	Владимир	Дмитриевич	сын чин.	истф.	11.06.1895	дух. сем.
Соловьев	Владимир	Петрович	сын свящ.	истф.	06.02.1898	дух. сем.
Страхов	Владимир	Николаевич	сын дьяк.	истф.	15.07.1897	дух. сем.
Тихомиров	Тихон	Васильевич	сын смотрителя духовных училищ	физм.-е.	28.07.1897	дух. сем.
Успенский	Иван	Иванович	сын свящ.	мед.	29.07.1898	дух. сем.
Цветков	Николай	Васильевич	сын личн. поч. гр.	истф.	10.09.1897	гимн.
Ципулин	Иван	Иванович	сын. пот. поч. гр.	физм.-м.	30.04.1894	реал. уч.
Чистяков	Сергей	Петрович	сын псалом.	истф.	02.09.1895	дух. сем.
Чистяков	Федор	Викторович	сын свящ.	истф.	27.01.1896	дух. сем.
Шемаев	Александр	Михайлович	сын мещ.	физм.-м.	04.08.1899	реал. уч. Ф. М. Шахманова
Шульц	Николай	Григорьевич	сын двор.	истф.	09.03.1899	реал. уч.
Шумилин	Василий	Васильевич	сын псалом.	истф.	11.02.1897	дух. сем.

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ТАРУССКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***М. Ю. Вещев**, отличник народного просвещения,*
КБ «Совинком»

Моя работа посвящена проблеме массового дезертирства в годы Гражданской войны на примере Тарусского уезда Калужской губернии. Эта тема не нашла своего отражения в краеведческой литературе. В исследовании использованы документы фондов Калужского архива — Губкома РКП(б) (П-1), Тарусского Укома РКП(б) (П-31), Губвоенкома (Р-85) и Троицкого Волостного исполнительного комитета (Р-270). Дезертир — военнослужащий, оставивший свою часть, покинувший поле боя или пост, а также лицо, принявшее присягу и не прибывшее на призывной пункт по повестке. Во время Гражданской войны понятие «дезертир» толковалось расширенно и охватывало все формы уклонения от военной службы — самовольное оставление военнослужащим своей части, неявку граждан на призывные пункты по повестке о мобилизации.

В советский период истории дезертирство появилось во второй половине 1918 г. В мае ВЦИК издает Постановление «О переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян»[1]. По всей стране создавалась сеть военкомиссариатов. «Организация Волостных Военкомиссариатов в волостях Буриновской, Белянинской и Богимовской прошла с большими затруднениям и препятствием со стороны населения, — сообщал Военный комиссар Тарусского уезда Н. Н. Шевяков — Агитатор тов. Пчелкин (в Богимовской волости. — *М. В.*) подвергся оскорбительным действиям и аресту… Выступление ликвидировано прибывшим отрядом с Петровского завода… Арестовано 7 человек… Организации таковых сильно мешало бессознательное отношение населения, боязнь мобилизаций, так как устали воевать, боязнь, что содержание Волостных военкоматов ляжет на население»[2]. Первым делом военкоматы, и тоже с трудом, начали учет мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Из отчета Тарусского военкома за период с 1 по 15 августа 1918 г.: «Учет населения идет медленно из-за препятствий, встреченных на местах»[3].

Когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн. человек волна уклонения от службы по стране приняла катастрофический характер. С октября 1918 г. по апрель 1919 г. на призывные пункты не явилось 25% от общего числа подлежащих призыву. В целом за годы Гражданской войны 75% дезертиров — это граждане, уклоняющиеся от явки по призыву[4]. Для борьбы с этим видом дезертирства периодически проводились проверочные сборы мужского населения. Председателям сельсоветов под личную роспись было разослано распоряжение Губвоенкома Евстафьева от 16 января 1919 г.: «Немедленно провести тщательную проверку лиц мужского населения проживающих в районе вашего селения и проверить отношение к отбыванию воинской повинности»[5]. Во время осенней проверки в Тарусском уезде «с целью полного искоренения дезертирства» на сборные пункты пришли не все. В каждую волость разослан приказ Ревкома от 20 октября 1919 г.: «Все граждане мужского пола от 18 до 40 лет, почему-то не явившиеся на Мышигский пункт 14—17 октября к проверочному сбору, обязаны явиться в Тарусу 3 ноября… После чего ко всем уклоняющимся от явки на сбор будут применяться меры наказания, как к злостным дезертирам и предателям Соц. Отечества по всей строгости военного времени вплоть до расстрела… Наряду с уклоняющимся от явки привлекать к строгой ответственности, а именно: конфискации всего имущества, заключение в концлагеря, принудительные работы и вплоть до расстрела семейства дезертиров, должностных лиц Волисполкома и с/с, граждан, укрывающих дезертиров»[6]. Несмотря на угрозу наказания, в ноябре «по уезду числится 407 дезертиров и 391 уклоняющихся от переучета»[7]. Были случаи, когда на время проверок мужчины прятались по лесам, и их разыскивают не только власти, но и родственники, как М. И. Замарова из д. Романовка, сын которой был «взят из Тарусы 3 ноября на испытание в Калугу, и слуха нет»[8].

Вторая группа дезертиров — это мобилизованные, но не явившиеся в указанный срок для отправки в части войск. Из отчета Губвоенкома за период с 10 по 25 мая 1919 г.: «Мобилизация проходит заметно слабо… По призыву середняков и беднейшего кресть-

янства, согласно Декрета от 25 апреля, по имеющимся сведениям, не более 300. Например, по Мосальскому уезду нет ни одного. В Жиздринском уезде мобилизованные разбежались». В Тарусском уезде «в назначенный день… должно явиться до 250 человек. Налицо явилось 37 (14,8%. — *М. В.*), и большинство из них требовало комиссию по переосвидетельствованию. А некоторые,… пользуясь послаблением надзорного, удирали обратно и больше не появлялись»[9]. Среди «удравших» были и члены РКП(б). Из Калуги пришло предписание «немедленно задержать и арестовать члена Сашкинской волостной организации Константина Велигоцкого, мобилизованного на Восточный фронт и в данный момент находящегося в волости»[10]. Еще раньше, по сообщению тов. Филина, отказались ехать на фронт члены Троицкой волостной ячейки РКП(б): «По мобилизации 50% коммунистов прошло 4 человека, из них один на фронте, а остальные не известно где дезертирствуют»[11]. В сложное положение попали возвращающиеся из плена солдаты Старой армии, которые теперь должны были идти в Красную Армию, так как «не явившиеся будут считаться как дезертиры и будут приняты все меры вплоть до расстрела и конфискации имущества. Семьи их будут лишены всех положенных пайковых пособий», — читаем в приказе Тарусского военкома[12]. В списке мобилизованных и не явившихся при отправке 28 декабря 1918 г. по Троицкой волости более десятка фамилий. По каждому случаю председатели сельсоветов получали предписания. «Немедленно доставить в Исполком гр. Ф. Т. Фоломешина, укрывающегося от военной службы. За укрывательство и неисполнение сего будет наложен арест на председателя комбеда». Председатель комбеда д. Гамильдон, осмотрев дом, отвечал, что «его нет — он выбыл в Москву»[13].

Третью группу составляют дезертиры в полном смысле этого понятия — лица, совершившие побег после приема на военную службу (18—20%), побег из войсковых частей (5—7%). 24 января 1919 г. Председатель Троицкого ВИК дает ответ на запрос командира Казанского полка о розыске беглого Николая Веденина: «Кр-ц Веденин холост, родственников на родине в д. Арефьево не имеет, и где они проживают, не известно». Председатель лукавит, так как на обороте извещения о розыске председатель сельсовета записал, что «родственников в д. Арефьево нет. Его сестра Авдотья Веденеева проживает в с. Гостешево»[14]. Он это сделал потому, что родственникам дезертиров грозила конфискация имущества.

Часто с предписанием найти красноармейца из части приходило требование взыскать денежные суммы за военное обмундирование. В мае 1919 г. командир 20-го стрелкового полка Свечников на типографском бланке, где рукою вписаны фамилия, село и сумма, что говорит о массовом заполнении таких требований, сообщает в Троицкий ВИК: «Самовольно отлучившийся из полка кр-ц Сергей Дроздов, происходящий из гр. с. Остров, унес с собой казенные вещи, указанные в прилагаемом при сем списке. Прошу об отобрании от Сергея Дроздова или родственников его казенных вещей, или взыскании с него стоимости в сумме 1501 руб. 53 коп.» На обороте Председатель ВИК Лукашин отвечает, что «Дроздов на родину не прибывал и по отзыву родных находится в рядах К. А. Что касается представленного им иска об уплате за унесенные вещи денег — то родные от уплаты отказались». Командир полка был возмущен таким ответом и предупреждает ВИК, что «будет сообщено в губернский военный комиссариат о вашем бездействии на предмет предания суду Ревтрибунала, ибо всякий раз Волисполком не принимает каких-либо мер о розыске дезертиров и приведение в исполнение сношения воинских частей, умывает руки, чем способствует развитию побегов красноармейцев, тормозит в деле успеха победы революции. Надо всеми силами стремиться, не покладая рук, к общему благу, а не саботажничать». Удалось установить, что красноармеец С. Дроздов вернулся в часть, в сентябре 1919 г. был в команде разведчиков и пропал без вести в бою под Царицыным 4 октября[15].

9 мая 1919 г. Тарусский Военком Шевяков дает указание Троицкому ВИК прекратить выдачу пособия родственникам красноармейца С. Алпаткина из д. Кременки, который «самовольно отлучился из части, унося с собой предметы вещевого довольствия». С. Алпаткин так и не вернулся в часть, и в списке на лишение родственников красноармейцев продовольственного пайка в августе 1919 г. он не один — 62 человека по волости[16].

Таблица 1. **Число дезертиров в Тарусском уезде Калужской губернии в августе — первой половине октября 1919 года**

	Добровольно явилось	Задержано	Всего
За август	88	169	257
За сентябрь	47	439	486
За первую половину октября	—	47	47
Всего отправлено в части войск в августе — первой половине октября из них: — первый раз — второй раз	135	655	1 107 984 123

Общее количество дезертиров в Калужской губернии не установлено. Иногда один и тот же человек покидал часть не один раз. Так, Матвей Одинцов из д. Арефьево был дезертиром в 1919 г., отправлен в части войск 22 июля, потом вновь стал дезертиром и в январе 1921 г. отправлен в штрафную роту[17]. В отчетах есть отрывочные данные по дням и в ряде случаев за месяц. «23 июля по губернии добровольно явилось 5, задержано 19, из них 2 слабовольных и 17 злостных. Дезертировало из частей войск 121 (в пять раз больше. — *М. В.*)», а «24 июля по губернии добровольно явилось 53, задержано 20 злостных. Всего 73. Дезертировало из частей войск — 36 (в два раза меньше. — *М. В.*)»[18] Как видим два дня не похожи друг на друга.

Общая цифра дезертиров в начале лета 1919 г. по губернии, по сообщению Губкомиссариата от 10 июня, составила около 20 000 человек. Более точные данные приведены в докладе Губвоенкома Салтыкова на сентябрьском пленуме Губкома РКП(б): «К 25 июля — 28 066 дезертиров, к 10 августа — 24 092»[19]. Что касается Тарусского уезда, то за период с 25 июня по 20 августа (два месяца) отправлено в части войск всего 64 человека, и это тогда, когда по спискам военкомата только в июле по уезду прекратили выплаты пособия семьям 432 дезертиров[20]. Реально могло быть еще больше, потому что «за семьями, в которых один из сыновей дезертир, а другой честный красноармеец, сохраняются все виды помощи и пособия, установленные семьям красноармейцев»[21]. Ситуация меняется к лучшему с назначением нового руководителя Уездкомдезертира — тов. Родионова. Из его доклада мы узнаем, что «к 1 августа дезертиров по уезду 1 057»[22].

В ноябре по уезду было 407 дезертиров и 391 уклоняющийся от переучета. 20 декабря 1919 г. в Калугу из Тарусы доставили 68 дезертиров[23].

Можно назвать несколько причин дезертирства. Дезертиры, в большинстве крестьяне, оправдывались плохим снабжением армии и необходимостью помочь дома по хозяйству. К причинам дезертирства можно отнести продолжительность воины, сопровождающейся небывалой разрухой и голодом, а также территориальный принцип комплектования армии, при котором самовольная отлучка к семье иногда приравнивалась к дезертирству. Из отчета (июнь 1919 г.) Тарусского Укома РКП(б): «Обширный голод уезда, обострение отношения населения к Советам и постепенное извлечение лучших товарищей с мест ослабили работу в деревне. И теперь, подводя итоги работы по мобилизации, с сожалением приходиться отмечать, что те огромные массы, из которых мы должны систематически черпать силы, пополняя свои ряды, в трудную минуту не только не поддержали нас, но явно враждебно к нам относятся»[24]. В документах Уисполкома и Губкома РКП(б) встречается признание слабой работы органов власти в борьбе с дезертирами. В протоколе заседания губернской милиции от 1 октября 1919 г. отмечалось, что «милиция в некоторых

уездах совершенно не идет навстречу в борьбе с дезертирством… В Калужском и Боровском уездах отмечены случаи укрывательства дезертиров милицией и распития с ними самогонки»[25]. «Халатное и даже преступное отношение волостных и в большинстве с/с, — читаем в докладе Тарусского Уезкомдезертира от 16 октября 1919 г. — Совершенная бездеятельность земотделов и организованных при них комиссий оказания помощи семьям красноармейцев. Плохое снабжение, несвоевременная выплата денежного пайка». Таковы те обстоятельства, которые мешают полному искоренению дезертирства[26].

Руководство страны объявило дезертиров врагами народа и перешло к решительным действиям. В отпечатанных массовым тиражом листовках, в многочисленных приказах и распоряжениях разного уровня власти обращалось внимание на то, что пойманные дезертиры несут различные наказания вплоть до расстрела. За семь месяцев 1919 г. по стране было осуждено 95 тыс. злостных дезертиров, из которых больше половины были направлены в штрафные роты, 5 934 приговорены к лишению свободы, а 612 расстреляны. Реввоенсовет Республики издал особый приказ, освобождавший от наказания дезертиров, которые добровольно явились в течение двух недель[27]. В документах встречаются факты добровольной явки дезертиров по Калужской губернии. Так, добровольно явилось за август — начало октября 1919 г. по Тарусскому уезду 135 человек, а за семь дней (с 27 июня по 4 июля 1919 г.) по губернии 725 дезертиров[28]. В масштабах страны в армию добровольно вернулось около 900 тыс. дезертиров.

Для борьбы с дезертирством на местах были созданы специальные отряды. В Тарусском уезде впервые вопрос о создании отряда по ловле дезертиров обсуждался 8 мая 1919 г. Тогда было принято решение «назначить в отряд от Петровской организации 5 человек, Высокиничской 2, Заворовской 2, Солопенской 1»[29]. Осенью 1919 г. команда состояла из двадцати человек. В работе отряда были успехи и неудачи. В мае отряд пришел в с. Почаево Белянинской волости. Поп этого села Смирнов пришел на свадьбу в соседнее село Кобелево, где было много дезертиров, предупредил их, и те разбежались[30]. 6 июня два красноармейца получили от милиционера Кулакова в с. Высокиничи трех дезертиров для сопровождения в г. Тарусу. Недалеко от села на них напали дезертиры. Из объяснительной И. Гаврилова начальнику отряда Орочко: «Человек 11 окружили меня с криками сдавай оружие! Идя на уступку, я поднял руки вверх. В первую очередь бандиты меня обезоружили… Потом послышался свист, на который из лесу выбегало все больше и больше злоумышленников. В это время один из бандитов ударил меня по щеке и сказал: "Больше не гоняй дезертиров, не лови"»[31]. Были и удачные дни. Родионов сообщает, что в сентябре отряды по 6—8 человек, «переходя из одного селения в другое выловили около 500 человек. Жалоб со стороны населения на действия отрядов нет»[32]. По Тарусскому уезду я жалоб не встретил, а по губернии они встречаются. Были случаи незаконной конфискации продуктов у населения и применения насильственных мер воздействия, как в Жерелевской волости Мосальского уезда. В Лихвинском уезде «отряд для ловли дезертиров… позволил себе избивать население плетьми, неправильно арестовывать граждан… Плетью и кулаком, — читаем в протоколе совещания губернской милиции, — невозможно убедить несознательных сынов пролетарства, что дезертирство есть преступление против Революции»[33]. Отряды по поимке дезертиров сыграли важную роль. За полтора года по стране было задержано 837 тыс. дезертиров, в том числе 100 тыс. «злостных»[34].

Широко распространенными формами борьбы с дезертирством были сообщение на родину и, как следствие, лишение семьи продовольственного пайка, других форм помощи и даже иски о денежном взыскании. Виновные в укрывательстве подвергались заключению на срок до пяти лет с обязательными принудительными работами, предусматривалась и конфискация имущества. В Тарусском уезде были случаи конфискации имущества. Так, Ревком требует от отрядов списки семей дезертиров, у которых конфисковали коров, передав их во временное пользование семьям красноармейцев. В книге нарядов по Троицкой волости заявки на подводы для отвоза конфискованных вещей дезертиров мне встретились вплоть до мая 1921 г.[35]

С каждым днем набирала оборот агитационная работа среди населения. Газеты, листовки, митинги! В ряде протоколов митингов и собраний встречаются резолюции с приветствием Красной Армии, «гоняющей «паразитов». Этого требовал Губком РКП(б), который «рекомендовал на всех сельских, деревенских митингах и сходах убеждать население составлять приговоры, в которых граждане подпискою обязуются не держать дезертиров, заявлять каждый раз»[36]. Посещение митингов домовладельцами было обязательно. В Уком РКП(б) агитатор И. Сергеев сдал списки количества присутствующих на митингах по Троицкой волости и отчет, где пишет, что «жители не довольны Сов. Властью, идут слухи, что большевики — самозванцы, а для борьбы с дезертирством у милиции нет патронов»[37]. Коммунисты волячейки тоже безоружны. «Живя среди озлобленного народа и массы бежавших дезертиров… прошу выдать оружие», — пишет в заявлении руководитель ячейки тов. Филин.

Массовое дезертирство из Красной Армии в период Гражданской войны можно рассматривать как форму протестного отношения крестьян к ситуации в стране и политике большевиков. «Без тебя большевики обойдутся!» — эта строчка из песни точно передает настроение большинства крестьян того периода. Только ценой огромного напряжения сил, агитационными и репрессивными мер воздействия, а также успехами Красной Армии на фронтах гражданской войны удалось переломить ситуацию. Волна дезертирства пошла на убыль во второй половине 1920 года.

Примечания

[1] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. — 2003. — № 3. — С. 108
[2] ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 20. Л. 176, 176 об., 181.
[3] Там же. Д. 20. Л. 181 об.
[4] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 109.
[5] ГАКО. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 13, 15.
[6] Там же. Ф. Р-957. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
[7] Там же. Л. 110.
[8] Там же. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 37, 37об.
[9] ГАДНИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 29. Л. 94.
[10] Там же. Л. 140.
[11] Там же. Д. 1. Л. 10 об.
[12] ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.
[13] Там же. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 13, 15.
[14] Там же. Л. 1, 1 об., 2.
[15] Там же. Д. 58. Л. 4—6, 6 об., 7, 7 об.
[16] См. там же. Д. 9. Л. 31, 87, 88.
[17] См. там же. Д. 58. Л. 12. Д. 72. Л. 1.
[18] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 29, 33.
[19] Там же. Д. 18. Л. 108; ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 182. Л. 49 об.
[20] См.: ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 181. Л. 74, 87, 169; Ф. Р-957. Д. 8. Л. 163, 163 об.
[21] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 8.
[22] ГАКО. Ф. Р-957. Д. 8. Л. 161.
[23] См.: ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 198.
[24] ГАКО. Д. Л. 94 об.
[25] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 167, 167об.
[26] ГАКО. Ф. Р-957. Д. 8. Л. 161 об.
[27] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 113.
[28] См.: ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 1, 201 об.
[29] Там же. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[30] См. там же. Д. 23. Л. 14.
[31] Там же. Ф. П-31. Оп. 2. Д. 31. Л. 200, 201.
[32] Там же. Д. 18. Л. 201 об.
[33] Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 167 об, 205.
[34] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 114.
[35] См.: ГАКО. Ф. Р-957. Д. 2. Л. 33; Ф. Р-270. Д. 74. Л. 115.
[36] Там же. Ф. Р-270. Д. 42. Л. 2 об.; ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 100. Л. 132.
[37] ГАДНИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 58. Л. 6—15; Ф. П-31. Оп. 2. Д. 22. Л. 84.

51 Зак. 1053

Козельского — 5, Калужского — 1, Боровского — 1. Большинство, видимо, попало в плен, а затем вернулось домой. Стоит подчеркнуть, что список не является исчерпывающим. Это лишь те порт-артурцы, помощь которым считалась наиболее актуальной. Список можно и нужно расширить за счет других калужан — участников героической обороны.

Относительно помощи, которая была оказана семьям порт-артурцев, можно лишь сделать некоторые предположения: в источниках нет указаний на какую-либо поддержку конкретным лицам. Предположительно, комитет мог оказать ту помощь, которая была обещана в объявлении: единовременные пособия, помощь в устройстве детей в учебные заведения, выделение средств на лечение, ускорение получения причитающейся пенсии, передача сведений, снабжение находящихся в плену[12]. В научной литературе встречается и информация о том, что некоторым порт-артурцам давались разрешение и помощь для переселения на пустующие земли в Сибири[13].

Итак, столь знаменитое событие, как оборона Порт-Артура, коснулось и далекой провинции. Уроженцы Калужской земли принимали участие в этом героическом противостоянии 1904 г. Вместе с тем видно, что уже в следующем, 1905, году интерес населения к Порт-Артуру и в целом к войне заметно снизился. Эти реалии оказались вытеснены на второй план революционными событиями 1905—1907 гг., которые в тот момент казались многим более важными, чем судьбы героев далекой войны.

Примечания

[1] См.: *Шацилло В. К., Шацилло Л. А.* Русско-японская война 1904—1905 гг.: Факты. Документы. — М.: Мол. гвардия, 2004. — С. 229, 235.

[2] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 1, 4.

[3] См.: *Марьин Д.* Сибирские Порт-Артуры // Родина. — 2006. — № 12. — С. 73.

[4] См.: *Смирнова Е. А.* Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904—1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): Дис. … канд. ист. наук. — Кострома, 2006. — С. 172.

[5] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 43.

[6] См. там же. Л. 4.

[7] См. там же. Л. 2, 3, 5—9, 13, 14, 17, 18, 20, 21.

[8] См.: *Малинин Д. И.* Очерки по истории революции 1905—1906 гг. в Калужской губернии // Малинин Д. И. Неизданные рукописи. — Калуга: Золотая аллея, 2010. — С. 130—235.

[9] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 25, 27, 29—31. .

[10] См.: *Смирнова Е. А.* Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904—1905 гг. — С. 172.

[11] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 28, 41.

[12] См. там же. Л. 4.

[13] См.: *Марьин Д.* Сибирские Порт-Артуры. — С. 73.

[14] См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1209. Л. 23, 33—35, 39—41, 43.

КАЛУЖАНЕ — ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917/18 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА

***В. П. Пушков**, к. и. н., с. н. с.,*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных — то и знай!
Н. А. Некрасов.

Настоящий доклад является продолжением масштабного проекта по исследованию источников формирования интеллектуального потенциала дореволюционной России, первые результаты которого были доложены нами в Калуге в 2000 г.[1] В ходе дальнейших

изысканий был обнаружен уникальный массовый источник («Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академ. году»), который позволяет рассмотреть данный вопрос на материале года великих перемен[2]. Документ содержит фамилии, имена и отчества первокурсников, даты их рождения, сведения о сословной принадлежности, вероисповедании и оконченном среднем учебном заведении. По этим данным была составлена база данных, которая представляет собой электронную таблицу в формате MS-Excel, включающую в себя 12 полей и передающую всю информацию источника.

В 1917/18 академическом году новобранцами Московского университета стало около 2 500 человек, причем впервые было принято 156 женщин. Несмотря на военно-революционное время, доля москвичей на первом курсе составила не более 1/3 (820 человек). Принципиально важно, что и в этот тяжелый год Московский университет в полной мере сохранил свой всероссийский характер и ведущую роль в подготовке кадров отечественной интеллектуальной элиты. Об этом убедительно свидетельствует очень широкая география первокурсников, которые съехались из восьмидесяти губерний и областей страны (всего их было 89, для части студентов место получения среднего образования не указано). Были представлены все экономико-географические районы и учебные округа. О широте и многообразии «корневой системы» отечественного интеллектуального потенциала свидетельствуют 212 населенных пунктов, взрастивших достойную Московского университета талантливую молодежь. Показательно, что за сорок предшествующих лет таковых источников отмечено лишь 202.

46 калужских первокурсников (см. Приложение) занимают весьма высокое 11-е место, уступая лишь самим москвичам (860 человек), большинству из одиннадцати составивших Московский учебный округ губерний (среди которых главенствовали 163 владимирца) и выходцам из оккупированной Польши (115 человек). Для сравнения отметим, что за предыдущее сорокалетие (1877—1916) 545 калужан стали выпускниками Московского университета (13-й ранг). О кардинальных изменениях научных приоритетов нового революционного поколения талантливой калужской молодежи на фоне долговременного эволюторного тренда свидетельствуют следующие наблюдения. В военное время произошла «смена вех» — резкое смещение акцентов с медицинских и юридических дисциплин в пользу фундаментальных и прикладных наук. А именно, удельный вес юридического факультета снизился более чем в четыре раза — с 35,2% до 9% (4 первокурсника), а медицинского — почти в три раза — с 36,3% до 13% (6 новобранцев). Зато абсолютное большинство первокурсников (24 человека, или 52%) выбрало физико-математический факультет (10 человек на естественном и 14 — на математическом отделении). Но если тяга к естественным и фундаментальным наукам (физика, химия, математика, механика) в условиях военного времени вполне ожидаема, то впечатляет более чем троекратное возрастание доли интереса к историко-филологическому факультету — с 8,4% до 26% (12 первокурсников).

Если по части интереса к фундаментальным наукам и юриспруденции калужские абитуриенты практически не отличались от всего нового набора 1917/18 академического года в 2 388 человек (соответственно 53,0 и 9,7 %), то своеобразие их научных приоритетов состоит именно в повышенном интересе к гуманитарным наукам в ущерб медицине (валовые доли по ним — соответственно 17,5 и 22,8%). Некоторые первокурсники вскоре после зачисления меняли свои академические интересы. Так, Елизавета Молчанова 16 сентября 1917 г. перевелась на юридический факультет, но уже 22 сентября вернулась на медицинский, другой медик, Гр. Покровский, 3 октября 1917 г. перешел на историко-филологический факультет, а И. Дудин 10 октября 1917 г. сменил естественное отделение физико-математического факультета на естественное. По каким-то причинам некоторые первокурсники покидали стены университета, но вскоре возвращались. Например, Мих. Масленников 23 января 1918 г. «по прошению» был принят обратно на естественное отделение физмата. Отдельные лица зачислялись на учебу «без права зачета» (видимо, в качестве вольнослушателей — Вл. Секретарев). 13 калужан были приняты «по свидетельству» — то есть на основании документов, которые выдавались специальными комиссиями Московского Учебного округа по результатам испытаний «за полный гимназический курс» тем абитуриентам, которые не имели классического гимназического обра-

49 Зак. 1053

зования (бывшие семинаристы, реалисты и воспитанники других типов средней школы), получившим домашнее образование, а также гимназистам, поступавшим в университеты по прошествии более чем двух лет после получения аттестата. Шесть человек было уволено «по прошению» (5, 19 сентября и 3 октября 1917 г.).

Одна из основных особенностей калужских первокурсников состояла в том, что абсолютное их большинство (25 человек из 46, или 54,3%) было представлено бывшими воспитанниками губернской Духовной семинарии (думается, именно это обстоятельство и обусловило высокий интерес калужан к гуманитарным дисциплинам: семинаристы знали древние языки, хотя до Февральской революции они традиционно ориентировались на медицинский факультет). Почти каждый четвертый (12 человек) имел законченное гимназическое образование. Это десять молодых людей из губернской Николаевской мужской гимназии и две девушки — Варвара Качановская из частной женской гимназии М. Н. Шалаевой и Елизавета Молчанова — золотая медалистка из калужской женской министерской гимназии. Кроме нее, золотые медали имели гимназисты Б. Апаров и С. Бадылькес, а серебряную — Гр. Покровский. Каждый пятый (девять человек) был зачислен в университет по окончании реальных училищ (пять — государственного и четыре — частного Ф. М. Шахмаганова). Отметим отсутствие среди абитуриентов жителей уездных городов, но они могли учиться и в названных средних школах.

По своему сословному происхождению калужские первокурсники представляли все основные слои общества, среди них однозначно лидировал 21 выходец из духовного сословия. Это 12 «сыновей священника», четыре «сына псаломщика», три «сына дьякона», один «сын протоирея» и даже один настоящий «священник». Весьма характерно, что 18 из 21 университетского новобранца духовного звания имели семинарское образование. Втрое меньше (по шесть человек) были представлены мещанство (все «сыновья мещан», но среди них могли быть и выходцы из рабочих семей) и купечество (трое «сыновей личного почетного гражданина», по одному «сыну купца» и «личного почетного гражданина», а также один «почетный гражданин»). Также поровну (по четыре человека обнаружилось выходцев из семей чиновников и дворянства, которые назвали себя: «сыновьями чиновников» и «дочерью коллежского секретаря», а из дворян оказалось два «сына дворянина», а также по одному «дворянину» и «потомственному дворянину». Из военного сословия вышли «сын полковника» и «дочь подполковника». Интеллигенция и крестьянство были представлены в единственном числе — «сыном смотрителя духовных учебных заведений» и «сыном крестьянина». Обращаем внимание на отсутствие среди калужан громких дворянских фамилий и титулованных особ. По вероисповеданию все калужские первокурсники оказались православными (за исключением одного иудея С. Бадылькеса).

Интересен возрастной состав калужских абитуриентов. Лишь 10 из них поступили в университет сразу после окончания средних учебных заведений (1899 г. рождения), а самой молодой оказалась поступившая на юрфак восемнадцатилетняя В. Качановская. Остальные же 36 человек были заметно взрослее (особенно бывшие семинаристы), что свидетельствует об их давней мечте о высшем университетском образовании, что было для них весьма затруднительно до демократизации высшей школы в результате Февральской революции. Самым же возрастным новобранцем был поступивший на историко-филологический факультет тридцатидвухлетний действующий священник Ив. Вас. Грознов, имевший семинарское образование, а 27 лет было зачисленному на математическое отделение физмата имевшему предварительное гимназическое образование «сыну крестьянина» Степ. Фад. Мацкевичу.

Среди 46 человек встретилось несколько однофамильцев (по два человека) — Виноградовы, Мочановы и Чистяковы (скорее всего, двоюродные братья). Родными же братьями оказались лишь поступившие на математическое отделение бывшие семинаристы «сыновья мещан» Иван и Петр Дудины (соответственно 1895 и 1898 гг. рождения). О церковно-семинарских корнях многих абитуриентов говорит большинство их фамилий типа Архангельский, Воскресенский, Георгиевский, Знаменский, Никольский, Покровский, Тихомиров, Успенский и др. Представляет интерес набор из 21 личного имени калужских первокурсников. Как правило, до 1917 г. среди университетских новобранцев на уровне отдельных губерний чаще других встречались имена Николай и Александр, что

можно было интерпретировать как проявление некой имперской ментальности их родителей. Однако калужане не вписываются в эту общую картину, поскольку среди них больше всего было семь Владимиров, лишь за которыми шли шесть Николаев, а Александров оказалось только двое. Самое же распространенное в народе имя Иван стояло лишь на третьем месте (четыре человека). Кроме того, по три первокурсника имели имена Сергей, Василий и Дмитрий и по два — Борис, Григорий, Михаил и Петр (остальные 10 имен имели лишь по одному носителю). Набор калужских отчеств оказался равным числу имен (21), среди них лидировали Васильевичи, Ивановичи и Николаевичи (соответственно 7, 6 и 5 человек), за которыми шли Александровичи и Григорьевичи (по три студента), а также Алексеевичи, Дмитриевичи и Михайловичи (по два первокурсника). И абсолютное число отчеств (12) имело лишь по одному носителю.

Первому студенческому набору революционного времени предстояла трудная жизнь, но хочется думать, что некоторым из них все же удалось получить высшее образование, сохранить традиции Московского университета и передать их своим детям и внукам.

Примечания

[1] См.: *Пушков В. П., Гришина З. В., Завьялов С. М., Пушков Л. В.* Московский университет и формирование интеллектуального потенциала дореволюционной России (К постановке проблемы) // Культура российской провинции: век XX — XIX веку. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 23—26 мая 2000 г. — Калуга, 2000. — С. 110—124. См. также: *Пушков В. П., Пушков Л. В., Завьялов С. М.* Профессионально-географический состав выпускников Московского университета (1877—1916 гг.) // История Московского университета: Материалы V научных чтений памяти профессора А. В. Муравьева. — М., 2004. — С. 222—235.

[2] См.: Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312.

Приложение

Список уроженцев Калужской губернии — первокурсников Московского университета 1917/18 академического года

Фамилия	Имя	Отчество	Сословное происхождение	Факультет, отделение	Дата рождения	Оконченное учебное заведение
Азбукин	Сергей	Николаевич	сын чин.	физм.-е.	05.09.1892	дух. сем.
Апаров	Борис	Петрович	сын диак.	мед.	17.11.1899	Никол. гимн.
Архангельский	Николай	Андреевич	сын мещ.	физм.-е.	23.06.1896	дух сем.
Бадылькес	Соломон	Иоселевич	сын личн. поч. гр.	мед.	01.10.1898	Никол. гимн.
Брызгалов	Александр	Сергеевич	сын личн. поч. гр.	физм.-м.	08.10.1898	Никол. гимн.
Ватопедский	Константин	Николаевич	сын свящ.	мед.	26.01.1898	дух. сем.
Виноградов	Владимир	Витальевич	поч. гр.	юрид.	20.07.1896	дух. сем.
Виноградов	Иоаким	Геннадиевич	сын свящ.	физм.-е.	07.09.1896	дух. сем.
Воинов	Владимир	Федорович	сын свящ.	физм.-м.	02.02.1897	гимн.
Волнянский	Николай	Григорьевич	сын двор.	физм.-м.	05.10.1899	реал. уч. Ф. М. Шахмаганова
Волоков	Николай	Михайлович	сын куп.	физм.-м.	18.04.1899	реал. уч. Ф. М. Шахмаганова
Воскресенский	Василий	Иванович	сын свящ.	истф.	07.03.1897	дух. сем.
Георгиевский	Петр	Иванович	сын протоиерея	физм.-е.	29.06.1897	дух. сем.

Фамилия	Имя	Отчество	Сословное происхождение	Факультет, отделение	Дата рождения	Оконченное учебное заведение
Грознов	Иван	Васильевич	свящ.	истф.	07.06.1885	дух. сем.
Дудин	Иван	Васильевич	сын мещ.	физм.-м.	02.08.1895	дух. сем.
Дудин	Петр	Васильевич	сын мещ.	физм.-м.	24.06.1898	дух. сем.
Журавлев (Журалев?)	Дмитрий	Григорьевич	сын псалом.	юрид.	08.10.1895	дух. сем.
Знаменский	Михаил	Николаевич	двор.	физм.-е.	10.09.1898	гимн.
Качановская	Варвара	Борисовна	дочь подполк.	юрид.	23.06.1900	гимн. М. Н. Шалаевой
Комаров	Сергей	Алексеевич	пот. двор.	физм.-е.	24.09.1898	гимн.
Кондратьев	Павел	Иванович	сын полков.	физм.-м.	05.04.1899	реал. уч.
Костромин	Василий	Ильич	сын мещ.	физм.-е.	16.07.1898	реал. уч. Ф. М. Шахманова
Масленников	Михаил	Николаевич	сын мещ.	физм.-е.	10.12.1897	реал. уч.
Мастеров	Николай	Александрович	сын свящ.	истф.	28.04.1896	дух. сем.
Мацкевич	Степан	Фаддеевич	сын крест.	физм.-м.	01.01.1890	Никол. гимн.
Молчанов	Дмитрий	Дмитриевич	сын свящ.	физм.-е.	11.05.1897	дух. сем.
Молчанова	Елизавета	Аполлоновна	дочь колл. секр.	Мед.	02.01.1899	гимн.
Никольский	Григорий	Алексеевич	сын свящ	истф	22.01.1895	дух. сем.
Пичаевский	Георгий	Александрович	сын чин.	физм.-м.	25.05.1899	Никол. гимн.
Покровский	Григорий	Александрович	сын свящ.	мед.	30.01.1899	Никол. гимн.
Птушкин	Дмитрий	Павлович	сын псалом.	юрид.	10.02.1897	дух. сем.
Рыльский	Владимир	Иванович	сын дьяк.	физм.-м.	11.07.1896	дух. сем.
Секретарев	Владимир	Васильевич		физм.-м.	23.11.1894	реал. уч.
Смирнов	Борис	Петрович	сын свящ.	физм.-м.	16.05.1899	дух. сем.
Соколов	Владимир	Дмитриевич	сын чин.	истф.	11.06.1895	дух. сем.
Соловьев	Владимир	Петрович	сын свящ.	истф.	06.02.1898	дух. сем.
Страхов	Владимир	Николаевич	сын дьяк.	истф.	15.07.1897	дух. сем.
Тихомиров	Тихон	Васильевич	сын смотрителя духовных училищ	физм.-е.	28.07.1897	дух. сем.
Успенский	Иван	Иванович	сын свящ.	мед.	29.07.1898	дух. сем.
Цветков	Николай	Васильевич	сын личн. поч. гр.	истф.	10.09.1897	гимн.
Ципулин	Иван	Иванович	сын. пот. поч. гр.	физм.-м.	30.04.1894	реал. уч.
Чистяков	Сергей	Петрович	сын псалом.	истф.	02.09.1895	дух. сем.
Чистяков	Федор	Викторович	сын свящ.	истф.	27.01.1896	дух. сем.
Шемаев	Александр	Михайлович	сын мещ.	физм.-м.	04.08.1899	реал. уч. Ф. М. Шахманова
Шульц	Николай	Григорьевич	сын двор.	истф.	09.03.1899	реал. уч.
Шумилин	Василий	Васильевич	сын псалом.	истф.	11.02.1897	дух. сем.

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ТАРУССКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***М. Ю. Вещев**, отличник народного просвещения,*
КБ «Совинком»

Моя работа посвящена проблеме массового дезертирства в годы Гражданской войны на примере Тарусского уезда Калужской губернии. Эта тема не нашла своего отражения в краеведческой литературе. В исследовании использованы документы фондов Калужского архива — Губкома РКП(б) (П-1), Тарусского Укома РКП(б) (П-31), Губвоенкома (Р-85) и Троицкого Волостного исполнительного комитета (Р-270). Дезертир — военнослужащий, оставивший свою часть, покинувший поле боя или пост, а также лицо, принявшее присягу и не прибывшее на призывной пункт по повестке. Во время Гражданской войны понятие «дезертир» толковалось расширенно и охватывало все формы уклонения от военной службы — самовольное оставление военнослужащим своей части, неявку граждан на призывные пункты по повестке о мобилизации.

В советский период истории дезертирство появилось во второй половине 1918 г. В мае ВЦИК издает Постановление «О переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян»[1]. По всей стране создавалась сеть военкомиссариатов. «Организация Волостных Военкомиссариатов в волостях Буриновской, Белянинской и Богимовской прошла с большими затруднениям и препятствием со стороны населения, — сообщал Военный комиссар Тарусского уезда Н. Н. Шевяков — Агитатор тов. Пчелкин (в Богимовской волости. — *М. В.*) подвергся оскорбительным действиям и аресту… Выступление ликвидировано прибывшим отрядом с Петровского завода… Арестовано 7 человек… Организации таковых сильно мешало бессознательное отношение населения, боязнь мобилизаций, так как устали воевать, боязнь, что содержание Волостных военкоматов ляжет на население»[2]. Первым делом военкоматы, и тоже с трудом, начали учет мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Из отчета Тарусского военкома за период с 1 по 15 августа 1918 г.: «Учет населения идет медленно из-за препятствий, встреченных на местах»[3].

Когда правительство объявило о мобилизации более 3 млн. человек волна уклонения от службы по стране приняла катастрофический характер. С октября 1918 г. по апрель 1919 г. на призывные пункты не явилось 25% от общего числа подлежащих призыву. В целом за годы Гражданской войны 75% дезертиров — это граждане, уклоняющиеся от явки по призыву[4]. Для борьбы с этим видом дезертирства периодически проводились проверочные сборы мужского населения. Председателям сельсоветов под личную роспись было разослано распоряжение Губвоенкома Евстафьева от 16 января 1919 г.: «Немедленно провести тщательную проверку лиц мужского населения проживающих в районе вашего селения и проверить отношение к отбыванию воинской повинности»[5]. Во время осенней проверки в Тарусском уезде «с целью полного искоренения дезертирства» на сборные пункты пришли не все. В каждую волость разослан приказ Ревкома от 20 октября 1919 г.: «Все граждане мужского пола от 18 до 40 лет, почему-то не явившиеся на Мышигский пункт 14—17 октября к проверочному сбору, обязаны явиться в Тарусу 3 ноября… После чего ко всем уклоняющимся от явки на сбор будут применяться меры наказания, как к злостным дезертирам и предателям Соц. Отечества по всей строгости военного времени вплоть до расстрела… Наряду с уклоняющимся от явки привлекать к строгой ответственности, а именно: конфискации всего имущества, заключение в концлагеря, принудительные работы и вплоть до расстрела семейства дезертиров, должностных лиц Волисполкома и с/с, граждан, укрывающих дезертиров»[6]. Несмотря на угрозу наказания, в ноябре «по уезду числится 407 дезертиров и 391 уклоняющихся от переучета»[7]. Были случаи, когда на время проверок мужчины прятались по лесам, и их разыскивают не только власти, но и родственники, как М. И. Замарова из д. Романовка, сын которой был «взят из Тарусы 3 ноября на испытание в Калугу, и слуха нет»[8].

Вторая группа дезертиров — это мобилизованные, но не явившиеся в указанный срок для отправки в части войск. Из отчета Губвоенкома за период с 10 по 25 мая 1919 г.: «Мобилизация проходит заметно слабо… По призыву середняков и беднейшего кресть-

янства, согласно Декрета от 25 апреля, по имеющимся сведениям, не более 300. Например, по Мосальскому уезду нет ни одного. В Жиздринском уезде мобилизованные разбежались». В Тарусском уезде «в назначенный день… должно явиться до 250 человек. Налицо явилось 37 (14,8%. — *М. В.*), и большинство из них требовало комиссию по переосвидетельствованию. А некоторые,… пользуясь послаблением надзорного, удирали обратно и больше не появлялись»[9]. Среди «удравших» были и члены РКП(б). Из Калуги пришло предписание «немедленно задержать и арестовать члена Сашкинской волостной организации Константина Велигоцкого, мобилизованного на Восточный фронт и в данный момент находящегося в волости»[10]. Еще раньше, по сообщению тов. Филина, отказались ехать на фронт члены Троицкой волостной ячейки РКП(б): «По мобилизации 50% коммунистов прошло 4 человека, из них один на фронте, а остальные не известно где дезертирствуют»[11]. В сложное положение попали возвращающиеся из плена солдаты Старой армии, которые теперь должны были идти в Красную Армию, так как «не явившиеся будут считаться как дезертиры и будут приняты все меры вплоть до расстрела и конфискации имущества. Семьи их будут лишены всех положенных пайковых пособий», — читаем в приказе Тарусского военкома[12]. В списке мобилизованных и не явившихся при отправке 28 декабря 1918 г. по Троицкой волости более десятка фамилий. По каждому случаю председатели сельсоветов получали предписания. «Немедленно доставить в Исполком гр. Ф. Т. Фоломешина, укрывающегося от военной службы. За укрывательство и неисполнение сего будет наложен арест на председателя комбеда». Председатель комбеда д. Гамильдон, осмотрев дом, отвечал, что «его нет — он выбыл в Москву»[13].

Третью группу составляют дезертиры в полном смысле этого понятия — лица, совершившие побег после приема на военную службу (18—20%), побег из войсковых частей (5—7%). 24 января 1919 г. Председатель Троицкого ВИК дает ответ на запрос командира Казанского полка о розыске беглого Николая Веденина: «Кр-ц Веденин холост, родственников на родине в д. Арефьево не имеет, и где они проживают, не известно». Председатель лукавит, так как на обороте извещения о розыске председатель сельсовета записал, что «родственников в д. Арефьево нет. Его сестра Авдотья Веденеева проживает в с. Гостешево»[14]. Он это сделал потому, что родственникам дезертиров грозила конфискация имущества.

Часто с предписанием найти красноармейца из части приходило требование взыскать денежные суммы за военное обмундирование. В мае 1919 г. командир 20-го стрелкового полка Свечников на типографском бланке, где рукою вписаны фамилия, село и сумма, что говорит о массовом заполнении таких требований, сообщает в Троицкий ВИК: «Самовольно отлучившийся из полка кр-ц Сергей Дроздов, происходящий из гр. с. Остров, унес с собой казенные вещи, указанные в прилагаемом при сем списке. Прошу об отобрании от Сергея Дроздова или родственников его казенных вещей, или взыскании с него стоимости в сумме 1501 руб. 53 коп.» На обороте Председатель ВИК Лукашин отвечает, что «Дроздов на родину не прибывал и по отзыву родных находится в рядах К. А. Что касается представленного им иска об уплате за унесенные вещи денег — то родные от уплаты отказались». Командир полка был возмущен таким ответом и предупреждает ВИК, что «будет сообщено в губернский военный комиссариат о вашем бездействии на предмет предания суду Ревтрибунала, ибо всякий раз Волисполком не принимает каких-либо мер о розыске дезертиров и приведение в исполнение сношения воинских частей, умывает руки, чем способствует развитию побегов красноармейцев, тормозит в деле успеха победы революции. Надо всеми силами стремиться, не покладая рук, к общему благу, а не саботажничать». Удалось установить, что красноармеец С. Дроздов вернулся в часть, в сентябре 1919 г. был в команде разведчиков и пропал без вести в бою под Царицыным 4 октября[15].

9 мая 1919 г. Тарусский Военком Шевяков дает указание Троицкому ВИК прекратить выдачу пособия родственникам красноармейца С. Алпаткина из д. Кременки, который «самовольно отлучился из части, унося с собой предметы вещевого довольствия». С. Алпаткин так и не вернулся в часть, и в списке на лишение родственников красноармейцев продовольственного пайка в августе 1919 г. он не один — 62 человека по волости[16].

Таблица 1. **Число дезертиров в Тарусском уезде Калужской губернии в августе — первой половине октября 1919 года**

	Добровольно явилось	Задержано	Всего
За август	88	169	257
За сентябрь	47	439	486
За первую половину октября	—	47	47
Всего отправлено в части войск в августе — первой половине октября из них: — первый раз — второй раз	135	655	1 107 984 123

Общее количество дезертиров в Калужской губернии не установлено. Иногда один и тот же человек покидал часть не один раз. Так, Матвей Одинцов из д. Арефьево был дезертиром в 1919 г., отправлен в части войск 22 июля, потом вновь стал дезертиром и в январе 1921 г. отправлен в штрафную роту[17]. В отчетах есть отрывочные данные по дням и в ряде случаев за месяц. «23 июля по губернии добровольно явилось 5, задержано 19, из них 2 слабовольных и 17 злостных. Дезертировало из частей войск 121 (в пять раз больше. — *М. В.*)», а «24 июля по губернии добровольно явилось 53, задержано 20 злостных. Всего 73. Дезертировало из частей войск — 36 (в два раза меньше. — *М. В.*)»[18] Как видим два дня не похожи друг на друга.

Общая цифра дезертиров в начале лета 1919 г. по губернии, по сообщению Губкомиссариата от 10 июня, составила около 20 000 человек. Более точные данные приведены в докладе Губвоенкома Салтыкова на сентябрьском пленуме Губкома РКП(б): «К 25 июля — 28 066 дезертиров, к 10 августа — 24 092»[19]. Что касается Тарусского уезда, то за период с 25 июня по 20 августа (два месяца) отправлено в части войск всего 64 человека, и это тогда, когда по спискам военкомата только в июле по уезду прекратили выплаты пособия семьям 432 дезертиров[20]. Реально могло быть еще больше, потому что «за семьями, в которых один из сыновей дезертир, а другой честный красноармеец, сохраняются все виды помощи и пособия, установленные семьям красноармейцев»[21]. Ситуация меняется к лучшему с назначением нового руководителя Уездкомдезертира — тов. Родионова. Из его доклада мы узнаем, что «к 1 августа дезертиров по уезду 1 057»[22].

В ноябре по уезду было 407 дезертиров и 391 уклоняющийся от переучета. 20 декабря 1919 г. в Калугу из Тарусы доставили 68 дезертиров[23].

Можно назвать несколько причин дезертирства. Дезертиры, в большинстве крестьяне, оправдывались плохим снабжением армии и необходимостью помочь дома по хозяйству. К причинам дезертирства можно отнести продолжительность воины, сопровождающейся небывалой разрухой и голодом, а также территориальный принцип комплектования армии, при котором самовольная отлучка к семье иногда приравнивалась к дезертирству. Из отчета (июнь 1919 г.) Тарусского Укома РКП(б): «Обширный голод уезда, обострение отношения населения к Советам и постепенное извлечение лучших товарищей с мест ослабили работу в деревне. И теперь, подводя итоги работы по мобилизации, с сожалением приходиться отмечать, что те огромные массы, из которых мы должны систематически черпать силы, пополняя свои ряды, в трудную минуту не только не поддержали нас, но явно враждебно к нам относятся»[24]. В документах Уисполкома и Губкома РКП(б) встречается признание слабой работы органов власти в борьбе с дезертирами. В протоколе заседания губернской милиции от 1 октября 1919 г. отмечалось, что «милиция в некоторых

уездах совершенно не идет навстречу в борьбе с дезертирством… В Калужском и Боровском уездах отмечены случаи укрывательства дезертиров милицией и распития с ними самогонки»[25]. «Халатное и даже преступное отношение волостных и в большинстве с/с, — читаем в докладе Тарусского Уезкомдезертира от 16 октября 1919 г. — Совершенная бездеятельность земотделов и организованных при них комиссий оказания помощи семьям красноармейцев. Плохое снабжение, несвоевременная выплата денежного пайка». Таковы те обстоятельства, которые мешают полному искоренению дезертирства[26].

Руководство страны объявило дезертиров врагами народа и перешло к решительным действиям. В отпечатанных массовым тиражом листовках, в многочисленных приказах и распоряжениях разного уровня власти обращалось внимание на то, что пойманные дезертиры несут различные наказания вплоть до расстрела. За семь месяцев 1919 г. по стране было осуждено 95 тыс. злостных дезертиров, из которых больше половины были направлены в штрафные роты, 5 934 приговорены к лишению свободы, а 612 расстреляны. Реввоенсовет Республики издал особый приказ, освобождавший от наказания дезертиров, которые добровольно явились в течение двух недель[27]. В документах встречаются факты добровольной явки дезертиров по Калужской губернии. Так, добровольно явилось за август — начало октября 1919 г. по Тарусскому уезду 135 человек, а за семь дней (с 27 июня по 4 июля 1919 г.) по губернии 725 дезертиров[28]. В масштабах страны в армию добровольно вернулось около 900 тыс. дезертиров.

Для борьбы с дезертирством на местах были созданы специальные отряды. В Тарусском уезде впервые вопрос о создании отряда по ловле дезертиров обсуждался 8 мая 1919 г. Тогда было принято решение «назначить в отряд от Петровской организации 5 человек, Высокиничской 2, Заворовской 2, Солопенской 1»[29]. Осенью 1919 г. команда состояла из двадцати человек. В работе отряда были успехи и неудачи. В мае отряд пришел в с. Почаево Белянинской волости. Поп этого села Смирнов пришел на свадьбу в соседнее село Кобелево, где было много дезертиров, предупредил их, и те разбежались[30]. 6 июня два красноармейца получили от милиционера Кулакова в с. Высокиничи трех дезертиров для сопровождения в г. Тарусу. Недалеко от села на них напали дезертиры. Из объяснительной И. Гаврилова начальнику отряда Орочко: «Человек 11 окружили меня с криками сдавай оружие! Идя на уступку, я поднял руки вверх. В первую очередь бандиты меня обезоружили… Потом послышался свист, на который из лесу выбегало все больше и больше злоумышленников. В это время один из бандитов ударил меня по щеке и сказал: "Больше не гоняй дезертиров, не лови"»[31]. Были и удачные дни. Родионов сообщает, что в сентябре отряды по 6—8 человек, «переходя из одного селения в другое выловили около 500 человек. Жалоб со стороны населения на действия отрядов нет»[32]. По Тарусскому уезду я жалоб не встретил, а по губернии они встречаются. Были случаи незаконной конфискации продуктов у населения и применения насильственных мер воздействия, как в Жерелевской волости Мосальского уезда. В Лихвинском уезде «отряд для ловли дезертиров… позволил себе избивать население плетьми, неправильно арестовывать граждан… Плетью и кулаком, — читаем в протоколе совещания губернской милиции, — невозможно убедить несознательных сынов пролетарства, что дезертирство есть преступление против Революции»[33]. Отряды по поимке дезертиров сыграли важную роль. За полтора года по стране было задержано 837 тыс. дезертиров, в том числе 100 тыс. «злостных»[34].

Широко распространенными формами борьбы с дезертирством были сообщение на родину и, как следствие, лишение семьи продовольственного пайка, других форм помощи и даже иски о денежном взыскании. Виновные в укрывательстве подвергались заключению на срок до пяти лет с обязательными принудительными работами, предусматривалась и конфискация имущества. В Тарусском уезде были случаи конфискации имущества. Так, Ревком требует от отрядов списки семей дезертиров, у которых конфисковали коров, передав их во временное пользование семьям красноармейцев. В книге нарядов по Троицкой волости заявки на подводы для отвоза конфискованных вещей дезертиров мне встретились вплоть до мая 1921 г.[35]

С каждым днем набирала оборот агитационная работа среди населения. Газеты, листовки, митинги! В ряде протоколов митингов и собраний встречаются резолюции с приветствием Красной Армии, «гоняющей «паразитов». Этого требовал Губком РКП(б), который «рекомендовал на всех сельских, деревенских митингах и сходах убеждать население составлять приговоры, в которых граждане подпискою обязуются не держать дезертиров, заявлять каждый раз»[36]. Посещение митингов домовладельцами было обязательно. В Уком РКП(б) агитатор И. Сергеев сдал списки количества присутствующих на митингах по Троицкой волости и отчет, где пишет, что «жители не довольны Сов. Властью, идут слухи, что большевики — самозванцы, а для борьбы с дезертирством у милиции нет патронов»[37]. Коммунисты волячейки тоже безоружны. «Живя среди озлобленного народа и массы бежавших дезертиров… прошу выдать оружие», — пишет в заявлении руководитель ячейки тов. Филин.

Массовое дезертирство из Красной Армии в период Гражданской войны можно рассматривать как форму протестного отношения крестьян к ситуации в стране и политике большевиков. «Без тебя большевики обойдутся!» — эта строчка из песни точно передает настроение большинства крестьян того периода. Только ценой огромного напряжения сил, агитационными и репрессивными мер воздействия, а также успехами Красной Армии на фронтах гражданской войны удалось переломить ситуацию. Волна дезертирства пошла на убыль во второй половине 1920 года.

Примечания

[1] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. — 2003. — № 3. — С. 108
[2] ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 20. Л. 176, 176 об., 181.
[3] Там же. Д. 20. Л. 181 об.
[4] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 109.
[5] ГАКО. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 13, 15.
[6] Там же. Ф. Р-957. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
[7] Там же. Л. 110.
[8] Там же. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 37, 37об.
[9] ГАДНИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 29. Л. 94.
[10] Там же. Л. 140.
[11] Там же. Д. 1. Л. 10 об.
[12] ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.
[13] Там же. Ф. Р-270. Д. 20. Л. 13, 15.
[14] Там же. Л. 1, 1 об., 2.
[15] Там же. Д. 58. Л. 4—6, 6 об., 7, 7 об.
[16] См. там же. Д. 9. Л. 31, 87, 88.
[17] См. там же. Д. 58. Л. 12. Д. 72. Л. 1.
[18] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 29, 33.
[19] Там же. Д. 18. Л. 108; ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 182. Л. 49 об.
[20] См.: ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 181. Л. 74, 87, 169; Ф. Р-957. Д. 8. Л. 163, 163 об.
[21] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 8.
[22] ГАКО. Ф. Р-957. Д. 8. Л. 161.
[23] См.: ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 198.
[24] ГАКО. Д. Л. 94 об.
[25] ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 167, 167об.
[26] ГАКО. Ф. Р-957. Д. 8. Л. 161 об.
[27] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 113.
[28] См.: ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 18. Л. 1, 201 об.
[29] Там же. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[30] См. там же. Д. 23. Л. 14.
[31] Там же. Ф. П-31. Оп. 2. Д. 31. Л. 200, 201.
[32] Там же. Д. 18. Л. 201 об.
[33] Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 167 об, 205.
[34] См.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны. — С. 114.
[35] См.: ГАКО. Ф. Р-957. Д. 2. Л. 33; Ф. Р-270. Д. 74. Л. 115.
[36] Там же. Ф. Р-270. Д. 42. Л. 2 об.; ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 100. Л. 132.
[37] ГАДНИКО. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 58. Л. 6—15; Ф. П-31. Оп. 2. Д. 22. Л. 84.

51 Зак. 1053

БОИ ЗА КАЛУГУ В ОКТЯБРЕ 1941 г.

***Ю. А. Нефедов**, н. с., Калужский областной краеведческий музей;*
***Л. Н. Марченков**, зам. нач., Управление экономики и имущественных отношений городской Управы г. Калуги*

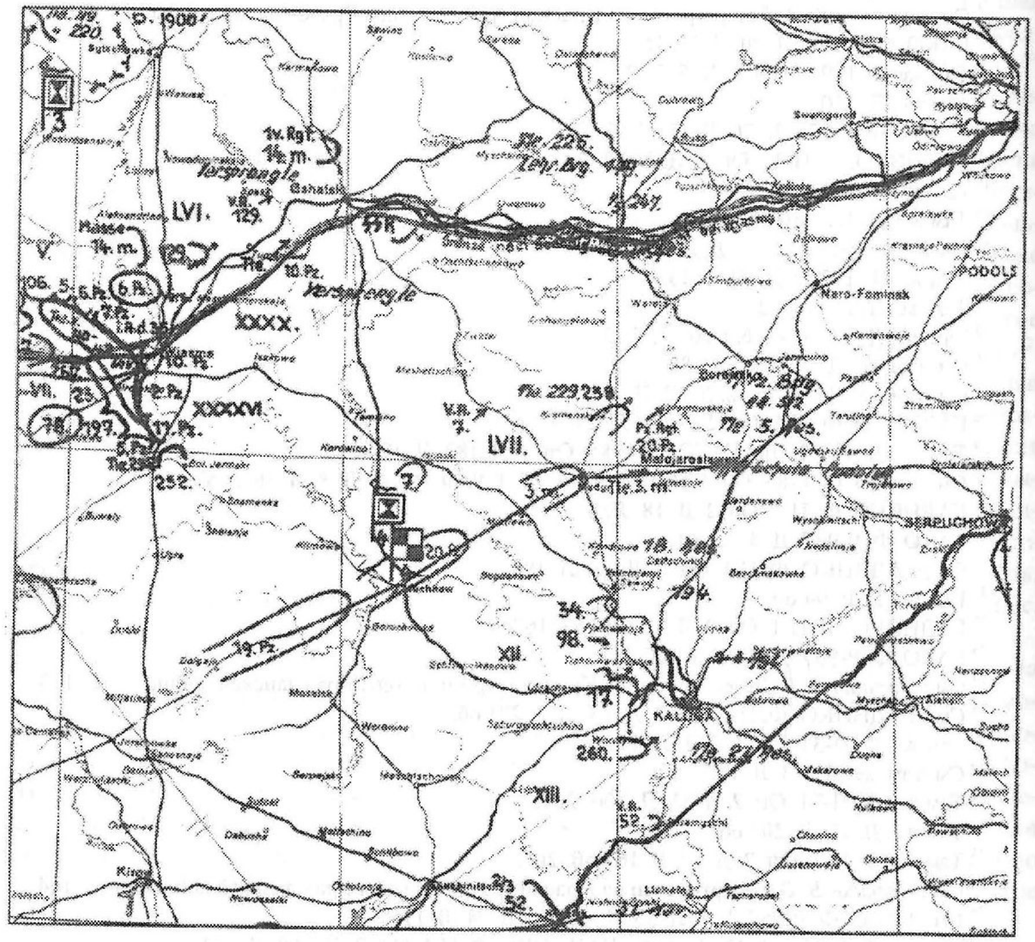
До сих пор полномасштабных исследований по обороне города Калуги не было и в настоящее время так и не появилось. Многие мифы, вымыслы и фантазии настолько сильно закрепились в умах некоторых людей, что на данный момент воспринимаются как фактическая действительность. Но не стоит преуменьшать значение боев октября 1941 г. за Калугу.

Развивая генеральное контрнаступление, начавшееся 30 сентября 1941 г., немецкие войска рвались к столице нашей Родины.

В состав Группы армий «Центр» в октябре 1941 года входили 2-я армия, 4-я армия, 9-я армия, 2-я танковая армия

В совокупности четыре немецкие армии включали в себя семнадцать армейских корпусов, из них два (XII, XIII) двигались в направлении через Мосальск, Мещовск, Сухиничи и Козельск на Калугу, пытаясь через Калугу и Серпухов выйти на южные подступы к Москве.

Калуга и Калужское направление прикрывались Укрепленным районом, передний край которого проходил по берегу рек Угры и Оки от Полотняного Завода до Перемышля, но достаточных сил и средств для противостояния противнику не было. В Калуге дислоцировались слабо вооруженный 8-й запасной автобронетанковый полк и истребительный отряд, созданный партийной организацией города. Чтобы выиграть время для организации прочной обороны Москвы, нужно было любой ценой задерживать врага на всех промежуточных рубежах.



Карта 1. Трофейная карта на 11 октября 1941 г.

Фото 1. Немецкие части входят в Калугу. 12 октября 1941 г. Слева — Гостиные ряды.

5 октября в Калугу прибыл командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев. В Калугу стали подходить и занимать оборону части 5-й гвардейской и 194-й стрелковых дивизий.

Оборона Красной Армии на Калужском направлении не представляла собою сплошной линии, а состояла из отдельных опорных пунктов.

В книге «Они стояли насмерть» А. И. Величко допущены некоторые неточности в отражении событий обороны Калуги, некоторые неточности имеются также в Книге Памяти. В основной своей массе ошибки касаются неверных указаний частей противоборствующих сторон и точных дат событий, что не самым положительным образом сказывается на отображении ситуации октября 1941 г.

Для того чтобы восстановить наиболее точный ход боевых действий оборонительных боев за Калугу, было принято решение обратиться к документальным и мемуарным источникам немецких частей, участвовавших в штурме города (см. карты 1 и 2).

При изучении имеющихся материалов об оборонительных боях за город Калугу прослеживается следующая тенденция: в наших источниках в качестве даты штурма города указано 13 октября 1941 г. (в ряде из них говорится, что некоторые наши части еще и после 13 октября продолжали вести бои за город); в немецких же источниках везде приводится дата 12 октября 1941 г. как день начала и окончания штурма города, в результате которого Калуга была захвачена немецкими частями.

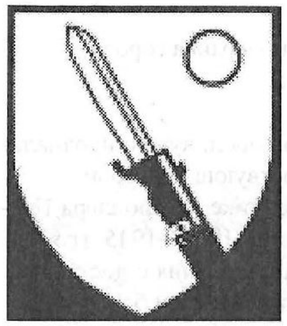


Рис 1. Эмблема 17-й пехотной дивизии Вермахта.

В книге, посвященной боевому пути 17-й J.D.*, говорится о том, что штурм Калуги начался при поддержке авиации и артиллерии утром 12 октября и к вечеру этого же дня Калуга была в руках немецких частей.

В мемуарном издании о 21-м J.R. (из состава 17-й J.D.) также указано, что 12 октября полк, преодолев сопротивление частей Красной Армии, после продолжительного штурма к вечеру овладел городом.

---

* В тексте используются следующие сокращения: ГД — гвардейская дивизия; СД — стрелковая дивизия; СП — стрелковый полк; J.D. — пехотная дивизия; J.R. — пехотный полк.

Фото 2. Немецкие части входят в Калугу. 12 октября 1941 г.
На заднем плане — храм св. Георгия за верхом.

Чтобы более точно восстановить картину штурма города, нужно дополнительно изучить документальные материалы немецких частей, участвовавших в наступлении на город

На фотографиях немецких военнослужащих (см. фото 1, 2), колонны немецкой техники (см. фото 3) мы видим находящиеся в городе и вблизи него части 260-й и 17-й J.D. (на рис. 1, 2 воспроизведены эмблемы данных пехотных дивизий: олений рог — эмблема 17-й J.D., щит с винтовкой — 260-й и 17-й J.D.).

Также важным документом является отчет 17-й J.D. о штурме города, в нем отражено следующее:

— 11 октября части дивизии подошли к границам города;

— штурм города назначен на 9 час. 00 мин. 12 октября (основное участие в штурме приняли батальоны 55-го и 21-го J.R.;

— преодолев сильное сопротивление противника, 3-й батальон 55-го J.R. в 17 час. 00 мин. вступает в город;

— 1-й батальон в 18 час. 00 мин. переходит к захвату города;

— к 21 час. 00 мин. силами 2-го батальона захвачена восточная окраина города;

— 2-ой батальон 21-го J.R. в 17.15 прорывается в центр города;

— со стороны вокзала Калуга I в город входит 1-й батальон.

Рис. 2. Эмблема 260-й пехотной дивизии Вермахта.

Для того чтобы понять силу боев за город, нужно проанализировать данные по частям противоборствующих сторон.

17-я J.D., как указывается в справочнике Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг.», — дивизия первой волны, довоенного формирования с достаточно хорошей подготовкой и материально-технической базой.

107-я СД (26 сентября 1941 г. получила звание гвардейской за участие в контрнаступлении под Ельней) — также дивизия довоенного формирования, с хорошей подготовкой (о чем свидетельствует достаточно большой процент личного состава, награжденного знаком «Отличник РККА» за участие в довоенных учениях). Командный состав дивизии имел опыт ведения боевых действий в условиях современной войны.

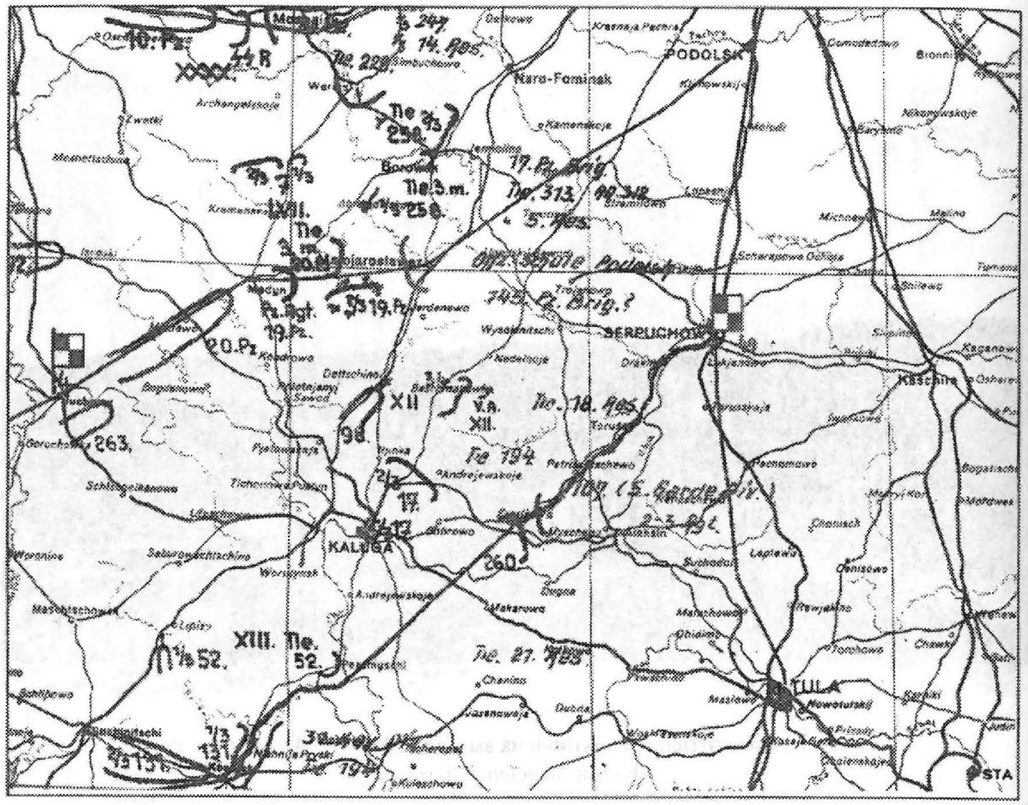
Фото 4. Колонна немецкой техники на выезде из Калуги. 15 октября 1941 г.
Район нынешней дамбы.

Из этого следует, что в боях под Калугой столкнулись не наспех сколоченные дивизии с плохо обученным личным составом и слабой материально-технической базой, а отличные боевые части с опытом ведения боевых действий.

Большим плюсом частей Вермахта являлись своевременное пополнение личного состава резервами и боеприпасами и численное превосходство.

Как уже говорилось, в штурме города непосредственно принимали участие 21-й и 55-й J.R., с нашей стороны город защищали батальоны 765-го СП 5-й ГД.

Фото 4. Колонна советских военнопленных вблизи Калуги. 15 октября 1941 г.



Карта 2. Трофейная карта на 15 октября 1941 г.

Из всего этого можно сделать следующие выводы:

— город не был сдан противнику без боя, а был оставлен ввиду невозможности отражать атаки противника;

— слухи о встрече немцев «хлебом с солью» не нашли отражения ни в архивах дивизий, захвативших город, ни во фронтовом киносборнике «Die Deutsche Wochenschau» октября 1941 года;

— оборона города была достаточно эффективной, так как на Калужском направлении враг был задержан на пять дней. Этого было достаточно, чтобы подвести части к Москве и создать оборонительно-заградительные укрепления на Можайском направлении;

— части вермахта, участвовавшие в боях на Калужском направлении, были значительно ослаблены и нуждались в пополнении техникой, вооружением и личным составом.

В справочнике Мюллера-Гиллебранда приводятся сведения о потерях немецких частей в личном составе за октябрь 1941 г. — 42 400 погибших и 1 900 пропавших без вести; немалый вклад в эти цифры внесли защитники Калуги.

Вопрос о боях за Калугу нельзя считать закрытым. Он требует более глубокого изучения на уровне полков. Нужно изучить отчетную документацию и боевые донесения за октябрь 1941 г.

Литература

1. *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг.
2. Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. — М., 1985.
3. *Величко А. И.* Они стояли насмерть.
4. Widersehenstag der 17. Infanterie-Division und der aus ihr hervogegangenen Verbande.
5. 50 Jahre I.R. 21. 1921-1971.
6. Книга Памяти. — Калуга. 1995.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

***И. Б. Белова**, к. и. н., ст. преп.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

О начале подготовки к планомерному обмену военнопленными с Германией и Австро-Венгрией летом 1917 г. объявило Временное правительство. В начале июня 1917 г. Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского общества Красного Креста сообщил на места о начале работы по подготовке обмена военнопленными. В августе 1917 г. штаб Московского военного округа разослал циркуляр о предстоящей регистрации вражеских военнопленных и Инструкцию по регистрации. Пока шла подготовка запланированного обмена, самовольное движение военнопленных стало набирать обороты[1], и, кроме того, произошла очередная смена власти.

После подписания Брестского мира в течение весны—лета 1918 г. были созданы Русско-германская и Русско-австрийская комиссии, приступившие к планомерному обмену военнопленными.

В апреле 1918 г. в составе Наркомата по военным делам была образована Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах (Центропленбеж) со своими организациями на местах, в ведение которой перешли в том числе и военнопленные блока Центральных держав.

В Калужскую губернию еще в мае 1915 г. в распоряжение Сызрано-Вяземской железной дороги было прислано 500 военнопленных, преимущественно австро-венгерской армии (австрийцы, итальянцы, румыны). На 1 марта 1917 г. на железной дороге работали 408 австрийцев, 57 итальянцев, 24 румына и один славянин австро-венгерской армии, 36 немцев и один славянин германской, всего 527 человек[2].

В 1916 г. для сельскохозяйственных работ Калужская губерния получила более двух тысяч военнопленных (две крупные партии), из них в Калужском уезде находилось около 150 человек, в г. Калуге — около 130 человек, среди которых 78% составляли венгры австро-венгерской армии. Остальных распределили по уездам в количестве от 50 до 370 человек[3].

Промышленные предприятия Калужской губернии, выполнявшие военные заказы, такие как Людиновский чугунолитейный и Цементный заводы Мальцовского АО в Жиздринском уезде, Ханинский и Черепетский чугуноплавильные в Лихвинском уезде, а также предприятия Тарусского, Боровского и Медынского уездов тоже получали военнопленных в качестве чернорабочих. Например, в ноябре 1916 г. в Людиново на чугунолитейный завод прибыли 100 человек, а на Цементном заводе к февралю 1917 г. работали более 300 военнопленных. На Черепетский чугуноплавильный завод в конце января 1916 г. прибыли 50 человек, на Ханинский — 8 военнопленных австро-венгерской армии. Для работ в каменоломне при сельце Шамордино поступили 50 военнопленных турецкой армии[4]. Кроме того в калужских госпиталях в течение всего военного периода проходили лечение раненые и больные военнопленные. Таким образом, на февраль 1917 г. в Калужской губернии находились более трех тысяч военнопленных блока Центральноевропейских держав.

По данным Калужского губернского комиссара Временного правительства, с лета 1917 г. побеги военнопленных в Калужской губернии стали принимать массовый характер[5]. Уездная милиция только успевала собирать сведения о побегах. Так, в ночь на 15 июня 1917 г. с лесных работ при Думиничском заводе в Жиздринском уезде бежали военнопленные австро-венгерской армии — мадьяры Юзеф Ковач, сорока лет, и Тоут Лоюш, двадцати лет. 23 июня из лесной дачи Ясная Поляна Товарищества мануфактур Коншина в Малоярославецком уезде сбежали двое военнопленных австро-венгерской армии — Вас Бейгих, тридцати лет, и Иоган Бельбо, двадцати пяти лет[6]. Только из одного Козельского уезда за первые пятнадцать дней сентября 1917 г. бежали 23 человека[7].

После очередной смены власти в октябре 1917 г. до образования в мае 1918 г. Калужской Губернской коллегии по делам о пленных и беженцах (Губпленбеж) военнопленные

Центральных держав находились в ведении Комиссариата по национальным и религиозным делам Калужской Советской республики. На момент образования Губпленбежа они свободно, без охраны, проживали на территории губернии, преимущественно на частных квартирах[8].

Центральная коллегия пленбежа, обеспокоенная «самочинными массовыми передвижениями военнопленных по всей территории России» обязала местные власти принять меры к ликвидации этого явления. В циркуляре отмечалось, что «некоторые местные власти присвоили себе право освобождать военнопленных и приравнивать их к совершенно свободным гражданам». Между тем «порядок перехода пленных в русское гражданство установлен декретом ВЦИК от 1 апреля 1918 г., и никакие иные виды освобождения из плена не должны допускаться»[9]

Ситуация в Калужской губернии нисколько не отличалась от описанной выше, так как к лету 1918 г. на территории губернии находились уже не три тысячи военнопленных, а лишь половина этого количества, и с течением времени число военнопленных продолжало уменьшаться[10]. Так, к ноябрю 1918 г. в губернии оставалось 474 человека, в том числе бывших солдат германской армии — 24, а австро-венгерской — 450. К этому времени Губпленбежем было отправлено на родину по обмену военнопленными лишь 649 человека, из них 110 — из калужских госпиталей[11]; таким образом, 377 человек выбыли нелегально.

В начале 1919 г., по данным Губпленбежа, численность военнопленных сократилась до 120 человек, то есть уменьшилось еще на 354 человека. Пленные по-прежнему проживали свободно по удостоверениям Губпленбежа, выдаваемым на три месяца, а затем продляемым при необходимости. На 1 мая 1919 г. в Калужской губернии находилось еще на 45 человек меньше — 65 военнопленных австрийской и 10 — германской армии[12]. В сентябре 1919 г. на Втором съезде уездпленбежей исполняющий дела завотделом пленных Губпленбежа Войцехович назвал цифры остававшихся в губернии на тот момент военнопленных — это 24 австрийских и 8 германских, всего 32 человека; что на 43 человека меньше, чем в мае 1919 г. «Все они служат или находятся на работах, остальные уехали одиночным порядком», — заявил он[13]. Здесь следует заметить, что проблемы занятости так называемых «вражеских» военнопленных в губернии не существовало и ранее.

Таким образом, до образования местных органов Центропленбежа летом 1918 г. 1 500 военнопленных центральноевропейских стран (50%) самостоятельно покинули территорию Калужской губернии; до конца 1918 г. — еще 377 человек (12,6%) и по обмену военнопленными — 649 человек (21,6%). В 1919 г. обмена военнопленными не производилось, но их количество в Калужской губернии уменьшилось на 442 человека (14,7%). Как видим, обмен военнопленными, проходивший в 1918 г., затронул лишь 21,6% военнопленных. Что касается остальных, то к началу 1920 г. практически все они самостоятельно покинули территорию Калужской губернии, за небольшим исключением, о чем будет сказано ниже.

Отчеты уездных пленбежей содержат сведения о побегах военнопленных. Так, Жиздринская уездная коллегия в июне 1919 г. доложила очередному уездному Съезду советов, что лишь 11 человек уехали в 1918 г. легально, за свой счет, а за удостоверением для бесплатного отъезда в 1919 г. обратились еще 11 человек[14], остальные 79 человек бежали. Один из них, австрийский военнопленный Франц Собов, легально отправленный из Жиздры в Венгрию 30 сентября 1919 г., ранее бежал из Сибири[15]. Мосальская уездная коллегия пленбежа сообщала о восьми бежавших из двенадцати зарегистрированных на февраль 1919 г.[16] Медынском уезде большинство военнопленных (71 человек из 73) уехали *легально* в 1918 г., но из двенадцати оставшихся шесть сбежали из имения в Ореховенской волости, где они работали[17]. В Калуге начальник нестроевой команды армии рапортовал 11 июня 1918 г. Губернскому военному комиссару: «За последнее время участились случаи бегства военнопленных из вверенной мне нестроевой команды… Военнопленные бегут по деревням, покупают билеты на поезд и уезжают… На железной дороге их задерживают как не имеющих документов, но комендант их освобождает… Прошу принять меры»[18]. Поступивший на службу в первую караульную роту в Калуге военнопленный австро-венгерской армии Владислав Карголь заявил, что не желает служить в роте и просил «выдать его документы», находящиеся в Губвоенкомате[19].

Следует отметить, что Совет Народных Комиссаров (СНК) Калужской Советской республики, а затем и исполком Губернского совета принимали меры к тому, чтобы военнопленные становились законными гражданами Советской России. Для непосредственного исполнения этой задачи привлекались сотрудники милиции, которые разыскивали военнопленных, оформляли документацию, полученную в Губисполкоме. Сотрудники милиции получали также гербовый сбор и подписи военнопленных, именуемых в анкетах «просителями», но все это при условии, что просители действительно находились к этому моменту в Калуге. Удостоверения о приеме в российское гражданство за подписью председателя СНК Калужской Советской республики П. Скорбача, а затем председателей Губисполкома П. Витолина и Я. Цельмса вручала военнопленным та же милиция, которая еще собирала плату за объявление об этом событии в местной газете «Коммуна». В Калуге с мая до конца 1918 г. 17 военнопленных австро-венгерской армии (0,6%) получили удостоверение и стали гражданами Советской России, в их числе 8 чехов, 3 хорвата, по два венгра, поляка и немца[20].

Некоторые военнопленные, например немец Ф. Гроллингер и венгр Д. Местергази, отказались получать уже оформленные удостоверения о принятии их в российское гражданство, сославшись на свое решение вернуться на родину[21]. Десять военнопленных, которых тоже собирались сделать гражданами Советской России, скрылись из Калуги. Один из них, военнопленный германской армии немец Ф. Налбах, перед этим оформил брак с русской гражданкой. Бывший военнопленный австрийской армии Иван Пеле «был в розыске» с мая по август 1918 г., но безрезультатно. После тяжелого ранения он находился в Калуге на лечении, но в числе отправленных на родину из госпиталя не значился[22].

Всем военнопленным предлагалось на добровольной основе вступать в Красную армию для чего перемена гражданства не считалась обязательным условием. Так, военнопленные австро-венгерской армии чехи В. Кашпар и А. Шпачек еще до получения российского гражданства были приняты на военную службу в Первый Советский полк, формировавшийся в Калуге[23]. Переменившие гражданство военнопленные могли быть призваны в армию уже на общих основаниях.

Беспартийных военнопленных — а их было большинство — агитировали за вступление в иностранные группы РКП(б) (венгерскую, немецкую и др.), и членам зарубежных социал-демократических партий делались такие же предложения. Например, по данным калужской милиции, венгр Карл Шмидт 1 августа 1918 г. отправился в Москву, где якобы вступил в венгерскую группу РКП(б). Правда, его так и не разыскали ни в Калуге, ни в Москве, чтобы вручить удостоверение о российском гражданстве[24].

Другой военнопленный, чех Карл Иванович Сливко, двадцати четырех лет, рабочий, член австрийской социал-демократической партии с 1912 г., вступил в иностранную группу РКП(б) в 1918 г. На Втором Губернском Съезде Советов в июле 1918 г. он был избран членом Калужского Губисполкома и назначен председателем Калужской губернской коллегии по делам военнопленных и беженцев. «Свои обязанности исполнял добросовестно, как полагается коммунисту, ныне же уезжает на Запад для продолжения партийной работы», — записано в удостоверении, выданном Сливко 8 апреля 1919 г. за подписью председателя Губисполкома Васильева[25]. В 1921 г. К. Сливко был избран членом ЦК Компартии Чехословакии и по поручению Коминтерна 7 декабря 1922 г. поздравлял молодежь на торжественном заседании по поводу четырехлетней годовщины Калужской губернской организации Российского Коммунистического Союза Молодежи[26], а также 9 декабря 1922 г. приветствовал делегатов VIII Губернского Съезда Советов в Калуге[27].

Агитацией военнопленных в духе большевизма и приближения победы мировой революции руководил ЦК РКП(б). При военном отделе ВЦИК в январе 1918 г. было образовано специальное бюро, основной задачей которого являлась агитация среди военнопленных, находившихся в России. В дальнейшем агитацией среди военнопленных стал заниматься культурно-просветительный отдел Центропленбежа. 25 декабря 1917 г. в Москве под воззванием к немецким солдатам, находящимся на Восточном фронте, подписалась группа немецких военнопленных — социал-демократов, назвавшись членами III Интер-

53 Зак. 1053

национала, еще не существовавшего[28]. 14 марта 1918 г. в Москве вышеупомянутое бюро ВЦИК организовало конференцию военнопленных, на которой была выдвинута идея создания новой интернациональной коммунистической организации — «Международной коммунистической партии»[29].

Подписав 3 марта 1918 г. Брестский мирный договор, предусматривавший взаимный отказ от враждебной пропаганды и роспуск революционных комитетов в лагерях военнопленных, большевики не отказались от подготовки революций в различных странах мира, где «пока господствовал капитал». При этом военнопленные рассматривались как главный кадровый резерв для формирования компартий в своих странах.

Немецкую секцию Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) курировал Карл Радек. В Наркомате иностранных дел он руководил отделом Центральной Европы, но эта должность была лишь прикрытием его основной работы — агитации среди военнопленных и коммунистической пропаганды за рубежом. Чтобы приостановить отток военнопленных из России, им разъяснялось, что по возвращении их ждет отправка на Западный фронт. В ноябре 1918 г., как только было получено сообщение о свержении кайзера Германии, немецкие военнопленные, вдохновляемые Карлом Радеком, захватили посольство Германии и объявили образование Совета солдатских депутатов. Этому органу большевистским руководством отводилась роль либо посольства Германской республики в России, либо ее будущего правительства. Экспортировать Совет из Москвы в Германию не удалось, но он просуществовал в Москве до февраля 1921 г.[30]

Вполне естественно, что эффективность пропаганды нового мира, «свободного от эксплуатации и войн», постепенно слабела, поскольку голодная советская повседневность не могла не отражаться на здоровье и настроении большинства бывших военнопленных, которые устремились на родину, не дожидаясь официальных межправительственных соглашений по обмену пленными.

Примечания

[1] См.: ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 9—11, 15, 16, 22—24, 29—33, 76.

[2] См. подробнее: *Белова И. Б.* Военнопленные «центральных держав» в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции, 5—7 апреля 2005 г. — Калуга, 2005. — С. 155—159; Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 12. — С. 42—45.

[3] См. там же.

[4] См.: ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1288. Л. 12, 19, 36.

[5] См. там же. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

[6] См. там же. Л. 9, 10.

[7] Подсчитано по: ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1 Л. 15, 22—24, 29—33.

[8] См. там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

[9] Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

[10] См. там же. Д. 12. Л. 361 об.

[11] См. там же. Л. 64—64 об.

[12] См. там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 61 об.

[13] Там же. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об.

[14] См. там же. Л. 187 об.

[15] См. там же. Д. 14. Л. 53.

[16] См. там же. Л. 91 об.

[17] См. там же. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 9. Л. 155.

[18] Там же. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 1а. Л. 79.

[19] См. там же. Д. 39. Л. 39, 40.

[20] Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 19, 30, 33—36, 38, 41—43, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 61—63, 65, 66, 70, 73, 75—77, 80—83; Оп. 4. Д. 25.

[21] См. там же. Д. 41. Л. 1—10; Д. 63. Л. 9,10.

[22] См. там же. Д. 65. Л. 3.

[23] См. там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 52, Д. 82 (без нумерации листов).

[24] См. там же. Д. 81 (без нумерации листов).

[25] См. там же. Д. 149. Л. 1, 2, 5.

[26] См.: Коммуна. — 1922, 9 дек. — № 277.

[27] См.: Калужский край: Сб. документов и материалов. — Кн. 3. — Тула, 1982. — С. 118.

[28] См.: *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 16.

[29] См. там же. — С. 20.

[30] См. там же.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1929—1930 гг. В КАЛУЖСКОМ ОКРУГЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГАДНИКО)

***Н. Н. Денисенкова**, архивист, МУ «Муниципальный архив г. Калуги»*

Получить информацию о человеке, обществе, государстве, о событиях, происходивших в разное время, можно, только опираясь на исторические источники. Чтобы ее получить, необходимо понимать особенности возникновения исторических источников. Однако ее надо не только извлечь, но и критически оценить, правильно интерпретировать. Круг проблем, интересующих историков, постоянно расширяется благодаря большей доступности архивных документов, вскрывающих действительные пласты современной истории. Работа с архивными документами — это непосредственное возвращение к прошлому, возможность окружить себя реалиями исторических событий[1].

События конца 1920—1930-х гг., связанные с массовой коллективизацией индивидуальных крестьянских хозяйств, оставили значимый след в истории XX в. Этот период признан рубежной вехой в истории нашей страны. Утверждение колхозного строя проходило сложно и противоречиво. Неоднозначные оценки и подходы в описании событий указывают на необходимость еще более глубоко изучения. Партийно-советский аппарат управления в этот период набирал свою силу, все стороны жизни регулировались административными методами — «сверху». Политика государства в сельском хозяйстве также носила директивный характер. Различная документация заполонила местные управленческие организации: директивные письма, распоряжения, протоколы и докладные записки, отчетный информационный материал стали неотъемлемым инструментом власти.

Среди факторов, определяющих развитие науки, большую роль играют расширение источниковой базы исследований и совершенствование методики изучения и использования документов. Исторические источники, введенные в научный оборот в советский период, еще не исчерпали себя и требуют пересмотра и критического осмысления, но документы, хранящиеся в архивах, требуют большего внимания, так как содержат информацию, необходимую для построения полной и объективной картины действительности того времени.

Огромные массивы делопроизводственной документации периода сплошной коллективизации отложились и в архивах Калужской области, однако сложность работы с документами этого периода в нашем регионе связана с особенностями административно-территориального устройства Советского государства на рубеже 1920—1930-х гг. На основании постановлений Президиума ВЦИК от 14 января, 3 июня и 12 июля 1929 г. Калужская губерния была упразднена, а ее территория распределена между Московской и Западной областями.

Районирование проводилось с целью улучшения контроля партийно-государственного аппарата на местах, связанного с коллективизацией и переустройством сельского хозяйства. Естественно, это не могло не отразиться на состоянии и порядке формирования документальной базы этого периода. На глазах разрастался бюрократический аппарат, становилось все больше ступеней власти, перед которыми нужно было отчитываться низовым управленческим элементам. Однако уже в 1930 г. было принято решение о ликвидации округов, 1 сентября 1930 г. был ликвидирован Калужский округ. Административно-территориальное деление сопровождалось изменениями в местной архивной сети, что не

могло не отразиться на состоянии архивных фондов. Ликвидация округов повлекла за собой реорганизацию местных архивных учреждений[2]. Формировались фонды окружных и районных комитетов и исполкомов. В Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) отложились фонды партийных органов. Наибольшую сохранность имеют фонды окружных комитетов, документы мелких партийных и государственных структур в большинстве своем в архив не попадали. Этим во многом определяется ограниченность исследования документами окружных комитетов ВКП(б).

Наше исследование построено на документах фонда «Калужский окружной комитет ВКП(б)» (Ф. П.-3) ГАДНИКО. Фонд содержит делопроизводственную документацию, проходившую через окружной комитет ВКП(б). Калужский окружной комитет партии образован на первой партийной конференции 3 сентября 1929 г. в связи с созданием округа. В структуру аппарата окружкомов входили такие отделы, как организационный, агитационно-пропагандистский, общий, женотдел; позднее, начиная с мая 1930 г., возникли организационно-инструкторский, распределения кадров, агитационно-массовый и культурно-пропагандистский. Основные задачи окружных комитетов, определяли и содержание документов, проходивших через отделы организации. Окружной комитет занимался проведением в жизнь решений XVI съезда Всесоюзной конференции партии по первому пятилетнему плану, укреплением и развитием колхозного движения, активизацией работы бедняцко-батрацких групп, кадровой политикой, проведением партийной чистки, работой с женщинами и молодежью, решал вопросы строительства и реконструкции промышленных предприятий. Дела в фондах отражают перечисленную тематику. В фонде четыре описи, описи построены по структурно-хронологическому принципу. Фонд Калужского окружного комитета содержит 163 единицы хранения. Из всего многообразия дел нами были просмотрены документы, касающиеся коллективизации сельского хозяйства округов — динамики и темпов строительства, классового состава, политики раскулачивания, работы комитетов бедноты и т. д. Внимание было уделено различным материалам. В основу классификации документов была положена схема, предложенная известным отечественным ученым В. В. Кабановым в книге «Источниковедение истории советского общества»[3]. Он делит всю делопроизводственную документацию на три группы: 1) документы директивного характера (постановления партийных конференций, бюро обкома ВКП(б), колхозно-коопреативных и сельскохозяйственных органов, их письма в низовые организации); 2) отчетно-информационные материалы (отчеты, докладные записки, справки, статистические сведения плюс письма и телеграммы); 3) инициативно-учредительные документы (протоколы собраний колхозников, правлений, обращения колхозников, рапорты и т. п.). Наша задача охарактеризовать делопроизводственные документы в аспекте их ценности, как исторических источников.

Среди директивных документов можно выделить резолюции и постановления. Резолюции партийных организаций различных уровней составлены по единой схеме, все выполнены машинописным способом, не имеют пометки «копия», что позволяет говорить об их оригинальности; как вид документа по вопросу сплошной коллективизации резолюции в материалах фонда КОК ВКП(б) встречаются нечасто. Они не только содержали директивные указания, но и отражали текущую обстановку по тому или иному вопросу (кадровой политике, темпам коллективизации, партийным перегибам и социальной политике большевиков). Структура резолюции 1929—1930 гг. отличается от современной. В рассмотренных резолюциях мы не найдем подобной цельной структуры: где-то будет отсутствовать адресат резолюции, где-то не проставлены сроки реализации директивных указаний. В целом структура резолюций схожая, но говорить об унификации этого вида делопроизводственной документации на рассмотренный нами период не приходится.

Постановления — наиболее представительный из рассмотренных директивных документов вид. В отличие от резолюций, они имели более ясное и четкое оформление, что во многом облегчает работу с подобными директивными документами. Как сейчас, так и тогда, постановления местных органов власти исходили из распорядительных документов вышестоящих организаций, во многом их дублируя, но отражая при этом особенности именно этой области, округа или района. Отражение процесса коллективизации с разных

сторон (хозяйственные характеристики, социальная политика и пр.), а также статус секретности, часто сопровождающий эти документы, позволяет считать постановления полноправным историческим источником по периоду сплошной коллективизации в Калужском округе. Директивные документы не дают информации о том, как выполнялись указания руководства, для этого нужно обращаться к другим видам документов, в которых отражены такие же проблемы — темпы коллективизации на территории округов, социальный состав коллективизации и политика ликвидации кулачества как класса, кадровый вопрос и данные об организации труда, только со стороны местных партийных органов и самих крестьян и рабочих. Анализ директив позволяет проследить, как шел процесс управления сельским хозяйством, какие вопросы решало руководство, чтобы добиться высоких показателей в коллективных хозяйствах.

Следующая группа — отчетно-информационные материалы, занимающие большую часть объема сохранившихся документов. Данные материалы разнообразны по форме и содержанию. В состав информационно-справочных документов входят докладная записка, служебная записка, объяснительная записка, предложение, представление, заявление, все разновидности переписки, акт, справка, заключение, отзыв, сводка, список, перечень. В каждом отдельно взятом виде тематика коллективизации отражена в разном объеме и с различных позиций. Отчетно-информационные материалы сообщают сведения, побуждающие принимать определенные решения, то есть инициируют управленческие решения, позволяют выбрать тот или иной способ управленческого воздействия. Они не содержат поручений, не обязывают выполнять поручения.

Работа с фондами «Калужский окружной комитет ВКП(б)» позволила выявить несколько разновидностей документов периода 1929—1930 гг. — это непосредственно информационные материалы представленные сводками, отчетами, докладами, докладными записками, обзорами и объяснительными записками, и переписка различных партийных структур по вопросам коллективизации.

Анализ информационных сводок и материалов позволил сделать вывод о проблемах, сопутствовавших коллективизации на территории Калужского округа: отсутствие планов и организаторской работы, как со стороны партии, так и самих крестьян; тенденция создания простейших объединений; небольшой процент объединившихся хозяйств; неравномерность колхозного движения по разным районам; партийные «перегибы», приводившие к распаду колхозов и уходу крестьян. Конечно, это не весь список проблем коллективизации на территории округов, во многом его дополнят сведения других документов.

Особенностью сводок как исторического источника является их информационная насыщенность. Однако спорным, на наш взгляд, является вопрос об их достоверности. Информсводки предназначались для обеспечения руководства сведениями о количественных и качественных изменениях в колхозном строительстве, составлялись они информационными и статистическими отделами по материалам, поступавшим с мест. Однако нужно иметь в виду, и это отражено даже в некоторых сводках, что информация с мест поступала далеко не от всех коллективных хозяйств, что делало сводные данные неполными. Это заставляет исследователя более аккуратно подходить к освещенной в подобных источниках информации.

В содержащихся в ГАДНИКО фондах Калужского окружного комитета ВКП(б) сохранился ряд докладных записок, отражавших события, связанные с массовой коллективизацией крестьянских хозяйств. Практически все документы относятся к 1930 г. Оформлены машинописным способом, без использования специальных бланков — на простых листах бумаги. Рассмотренные документы оригинальны, имеют все ранее перечисленные атрибуты, позволяющие отнести их к докладным запискам. Особенностью докладных записок являются их конкретность, подробность сведений по тому или иному вопросу. Особого внимания заслуживают докладные записки уполномоченных о ходе коллективизации, как по Калужскому, так и по Сухиничскому округу.

Особенностью этого вида делопроизводственной документации являются личные взгляды и отношения их авторов. Наличие субъективной информации всегда привлекает исследователя, однако работать с ней нужно, учитывая личность составителя. Рассмот-

54 Зак. 1053

ренные нами докладные записки в большинстве своем были составлены уполномоченными по ходу коллективизации в отдельных районах Калужского округа. Эти люди, находясь на местах, видели ситуацию изнутри и, как показывают документы, относились критически к проведению сельскохозяйственных кампаний в районах.

Докладные записки сходны по структуре, объему и форме написания. Наличие даты составления, адресата и адресанта, а также подписи составителя и отсутствие пометки «копия» говорят о подлинности документов. В фондах докладные записки уполномоченных по ходу коллективизации на местах объединены в отдельные дела, что облегчает работу по их выявлению.

Актовый материал, рассмотренный в исследовании, составляет десятую часть всех отчетно-информационных материалов, представленных в работе. Документов такого характера значительно меньше по сравнению с ранее рассмотренными видами. Однако акты имеют свои особенности. Во-первых, их оформление более структурированное: вводная и основная части четко разграничены, имеются все атрибуты, указывающие на видовую принадлежность. Во-вторых, информация отраженная в актах, еще более конкретна и подробна, чем в докладных записках. Проследить особенности коллективного преобразования хозяйства в динамике эти документы не позволяют из-за узости передаваемой информации, но все-таки анализ актового материала будет необходим при исследовании каких-либо процессов на территории отдельно взятого коллективного хозяйства или населенного пункта.

Разнообразные виды отчетно-информационных документов по-разному отражают историческую реальность. Какие-то можно использовать как самостоятельный исторический источник по истории коллективизации — это информационные сводки, докладные записки и отчеты. Они показывают динамику колхозного строительства, характеризуют техническое оснащение и внутреннее устройство коллективных хозяйств, социальный состав колхозов, политику раскулачивания в районах исследуемых округов, культурно-просветительскую работу и другие ключевые вопросы. Другие виды, такие как акты, объяснительные записки, телеграммы, внутренняя переписка, будут являться дополнительными источниками информации, характеризующими работу партийных структур, уровень их взаимодействия и активности.

Из всего объема делопроизводственной документации отчетно-информационные материалы наиболее распространены. Из семидесяти задействованных в работе делопроизводственных единиц сорок пять — отчетно-информационные, причем внутри последних также можно выделить преобладающие группы — это информационные сводки. Нужно отметить характерный для всех документов этого типа объем. Документы занимают по нескольку листов, а то и десятков листов дела. Они наиболее информативные, часто информация обобщенная, с приведением количественных данных. Многообразие проблем, отраженных в подобных документах, говорит о том, что историк не должен проходить мимо таких источников, несмотря на их множество. Используя отчетно-информационные материалы, можно дать описание колхозного строительства как одного коллективного хозяйства, так и всего района или округа. Эти документы снабжены всеми необходимыми атрибутами, что поднимает уровень их достоверности. Необходимость их комплексного анализа бесспорна, они являются показателем выполнения директивных указаний.

Фонд «Калужский окружной комитет ВКП(б)» богат протокольным материалом, он имеет хороший уровень сохранности, экземпляры не повторяются, небольшое количество протоколов представлено в нескольких экземплярах. Протоколы районных конференций ВКП(б) в большинстве своем не имеют в основной части записи доклада, вынесенного на повестку дня, основное содержание протоколов составляют прения участников собрания. Особенностью этого материала является его уникальность. В прениях участники отражали часто свое личное отношение к обсуждаемой проблеме, это позволяет оценить коллективизацию с точки зрения простых людей, ее осуществлявших, а не в директивных клише, представленных в оценках руководящих партийных органов. В середине мая 1930 г. в районах Калужского округа прошли партийные конференции, обсудившие достижения сплошной коллективизации, ее недочеты и проблемы. Для каждого района были характерны свои трудности в деле коллективизации.

Фонд «Калужский окружной комитет ВКП(б)» содержит большое количество протоколов совещаний, собраний, конференций различных уровней. Они сохранились как в машинописном, так и в рукописном варианте. Нами было отобрано десять протоколов. Это наиболее значимая часть рассмотренных инициативно-учредительных документов; кроме того, относительно всех материалов, задействованных в анализе, протоколы составили седьмую часть. Особенностью протоколов районного уровня стал их общий обвинительный характер в отношении высших партийных инстанций. В протоколах заметно противостояние районных властей и окружных в деле проведения преобразований. Райкомы обвиняли окружком в отсутствии какой-либо помощи, оправдывая тем самым трудности коллективизации, в том числе и «перегибы». Анализ данного вида делопроизводственной документации показал, что присущие протоколам официальность, подробность, конкретность и разнообразие информации, отраженной в них, делают их ценным историческим источником, отражающим вопросы социалистического переустройства деревни, как на районном, так и на окружном уровне.

Делопроизводственные документы признаны самым многочисленным видом исторических источников. В широком смысле к ним относится весь комплекс документации, образующейся в результате деятельности любого органа управления, независимо от его масштаба и полномочий[4]. Однако возникает проблема, так как весь массив делопроизводственных материалов — это еще не исторические источники. Необходима внешняя и внутренняя критика документа как источника. Обращусь к мнению Б. Г. Литвака: «нужно различать формирование источниковой базы от процесса складывания документации о том или ином явлении прошлого. Документальные материалы в широком понимании этого слова только потенциальные источники. Для того чтобы они были включены в научный оборот, т. е. стали источниками, требуется, по крайней мере, 2 условия: во-первых, они должны быть доступны к обозрению, во-вторых, исследователь должен обладать соответствующим умением их использовать. Исследователь всегда формирует источниковую базу своего исследования из объективно сложившейся до него документации, доступной к изучению»[5].

Примечания

[1] См.: *Медушевская О. М.* Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории // www/hist.msu.ru/labs/ecohist/ob12/medushevskaya.pdf.

[2] См.: *Добычина М. А.* История и организация архивного дела в Калужской области. 1919—2000 гг.: Дис. … канд. ист. наук.

[3] См.: *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества // www/hist.msu.ru/labs/ecohist/ob12/kabanov.pdf.

[4] См.: Источниковедение новейшей истории России: теория методология, практика / Под ред. А. К. Соколова. — М., 2004.

[5] *Литвак Б. Г.* Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг.: Историография и методика изучения источников. — М., 1989. — С. 6.

СЕЛО БЕЛКИНО. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.

***З. В. Васильева**, зав. отд., Музей истории г. Обнинска*

«Село Белкино с пустошами Федищевой Нефедовское тож, Ершовой Шатиловой тож» Малоярославецкого уезда Московской губернии в 1761 г. по закладной от князей Долгоруких, владевших им более ста лет, перешло к новому владельцу — генерал-поручику, сенатору, действительному камергеру и графу Ивану Илларионовичу Воронцову (1719—1789). В этом же 1761 г. Воронцов к Белкину прикупает в Репинской волости «половину пустоши сельца Самсонова с половиной пустоши Гаврилково», а в 1762 г. «на аукционе,

с публичного торгу» — сельцо Шемякино и создает довольно крупное землевладение с центром в селе Белкине[1].

В 1762 г., согласно данным третьей Ревизской переписи, Белкино было уже довольно большим селом. В нем насчитывалось 52 двора и проживало 392 души (203 мужского и 186 женского пола). «Площадь сельскохозяйственных угодий составляла 1 060 десятин; под пашней — 848, (из них 150 десятин — господской, остальное — крестьянская), под поселением — 22 десятины, под покосами — 84, под лесом — 80 десятин. Неудобная земля занимала 26 десятин»[2]. С помощью регулярно проводившихся ревизских переписей велся учет земельного и людского фондов, необходимый для управления страной и сбора налогов. Этой же цели служили административно-территориальные реформы, начатые еще Петром I и успешно завершенные Екатериной II, издавшей манифест «О генеральном размежевании земель по всей Империи».

Генеральное межевание проводилось в Боровском и Малоярославецком уездах Московской губернии с 1766 по 1773 г. Его целью были пересмотр, установление и закрепление границ уездов. В результате проведенных тогда работ по межеванию часть территории, в том числе и село Белкино с пустошами, была переведена из Малоярославецкого в Боровский уезд Московской губернии. А в 1776 г. Боровский уезд и с ним село Белкино вошли в состав новообразованного Калужского наместничества. На планах Генерального межевания впервые были обозначены границы помещичьих владений, так называемых дач, и каждая имела свой порядковый номер. Дача № 329 села Белкина с пустошами гр. Ивана Илларионовича Воронцова была обмежевана в июле 1768 г. землемером капитаном Иваном Нелединским[3]. Однако план межевания по селу Белкину утвержден был только в 1797 г., поскольку продолжались работы по решению «спорных» дел.

К генеральным планам прилагались «Экономические примечания». В них имелись сведения о владельцах и различные данные экономико-географического характера. В «Примечаниях» к даче № 329 села Белкина с пустошами записано: «Оное село лежит по обе стороны Зайцевского оврага в коем пруд и в нем рыба караси и лини, которая употребляется для господского же расходу. Вода в пруде и колодезях употреблена людьми, здорова… В том селе церковь каменная во имя святых Бориса и Глеба и господский дом деревянный, при нем сад регулярной с яблочными деревьями, с которых плоды употребляются для господского же расходу»[4]. Из этой записи следует, что во время работ по размежеванию в селе Белкине уже была построена каменная церковь во имя свв. Бориса и Глеба. Ее строительство и освящение датируются 1773 г., о чем свидетельствуют сохранившийся документ[5] и надпись на пилоне арки между трапезной и храмом*. Затем строительство усадебного комплекса на несколько лет было приостановлено и, вероятно, было продолжено уже после 1782 г., поскольку в «Экономических примечаниях» к «Атласу Калужского наместничества», изданному в 1782 г., в селе Белкине все еще значатся «господский дом деревянный» и сад яблочный.

Регулярный липовый парк гр. Воронцов создавал, как и усадебный комплекс, после 1782 г. При создании парка, не сообразуясь с желаниями своих крепостных крестьян, он приказал их избы, крытые соломой и портившие вид усадьбы, убрать с правой стороны Зайцевского оврага. На противоположной же стороне пруда «вместо снесенных ветхих лачуг выстроил в селе ряд двухэтажных каменных домов. Но к началу XIX века крестьяне жили только в трех, да и то только в нижнем этаже. Остальные представляли собой довольно живописные развалины»[6]. Вскоре каменные строения крестьяне забросили, и они постепенно разрушились.

В «Экономических примечаниях» имеются сведения и о занятиях белкинских крестьян. Основным было хлебопашество. Использование примитивных сельскохозяйственных орудий, да и «земля иловатая с песком» не давали высоких урожаев. Из посеянного «лучше родилась рожь с пшеницею, а овес, ячмень, гречиха и другие семена посредственно». Состояли крепостные на «господском издолье» то есть на барщине[7], работая на помещика три—четыре дня в неделю, обрабатывая 150 дес. господской пашни. Остальную пашню, 698 дес., запахивали на себя. Земельный надел на мужскую душу составлял около 3,5 дес. земли.

* Надпись на пилоне об освящении церкви сохранялась до 1970-х гг.

Барщина, низкие урожаи, подушная подать — все это вынуждало крестьянина искать дополнительный заработок. Таковым для белкинских крестьян являлся отхожий промысел. Осенью, по окончании полевых работ, крестьяне села Белкина и окрестных деревень, «испросив разрешения у владельца», получали в волостной конторе паспорта, где указывался срок возвращения, и уходили на заработки. Не вернувшиеся в срок считались беглыми. «Женщины сверх полевых работ упражнялись в рукоделии, пряли лен, шерсть, ткали холст и сукна для своего потребления и на продажу»[8]. Домашнее ткачество в конце XVIII в. еще не получило масштабов промысла.

Кроме «Экономических примечаний» к Генеральному плану межевания, источниками, содержащими сведения о составе и занятиях жителей Боровского уезда, в том числе и села Белкина, являются опубликованный в 1782 году «Атлас Калужского наместничества» с описаниями и алфавитами к нему и «Топографическое описание Калужского наместничества», изданное в 1785 г.

В них имеются сведения о сельской торговле, которая стала развиваться во второй половине XVIII в. в связи с образованием Калужского наместничества. Дважды в год весной и осенью в Боровском уезде проводились «ярманки» по близости стен Пафнутьев-Боровского монастыря». Торговали купцы и крепостные крестьяне «холстами и суконами», пенькою, хлебом, конопляным маслом, чесноком, луком, «который родится (в Боровском уезде) в таком количестве, что в иные годы… отвозили его в Москву и близлежащие города»[9]. На малоярославецких ярмарках «главную часть торгу составляли окрестные жители (в том числе и белкинские), которые привозили съестные припасы и разные деревенские изделия»[10].

Во второй половине XVIII в. крепостное право достигло своего завершающего этапа. Владельцам предоставлялось право менять крестьян, закладывать их, дарить и продавать, как рабочую скотину. Указы 1765 и 1775 гг. давали право ссылать крепостных «за предерзости» в Сибирь на каторжные работы. Александр Николаевич Радищев, живший в 1795—1801 гг. в своем имении Немцово (в нескольких верстах от села Белкина) напишет: «причиной всех бед крестьянина является рабство. Господин сей может (крепостного крестьянина. — *З. В.*) продать оптом или по-дробно; …дочь от матери, сын от отца и, может быть, жену от мужа… Господин может заставить работать, сколько хочет… Господин может его наказывать по-своему разсмотрению, он судия его и исполнитель своих приговоров. Господин есть господин его имения и детей его, дает и отъемлет по своей воле. Распоряжается браками и спаряет, как хочет. Следовательно, земледелец есть раб в сем отношении совершенно»[11].

Так, в Малоярославецкой воеводской канцелярии сохранился текст проведенного приказчиком села Белкина Евдокимом Еремеевым сыном Поляковым допроса крестьянки сельца Самсонова Ирины Ивановой (приводится с небольшими сокращениями, орфография сохраняется): «В 1761 году июня 21 дня он опросил женку, в котором она показала Ириной ее зовут Иванова дочь, от роду ей 27 лет. Была она наперед сего Малоярославецкого уезду вотчины помещика Федора Артемьева сына Ланского деревни Самсонова… С тринадцати лет выдана она Федором Ланским в том же уезде, в его же вотчину деревню Прохину в замужество за крестьянина его Андрея Борисова с которым прожила года три, а потом продали с мужем… за нового помещика, она имя и отчества не упомнит, который отдал мужа ее нареченного Андрея Борисова в солдаты тому назад лет десять… И по сдаче мужа ее нареченного, она Ирина сама собой совершила побег из той деревни. Пришла она в Малоярославецком уезде в выше помянутую вотчину реченного гр. Ланского, в деревню Самсонову к отцу своему родному Ивану Фролову. У него в том сельце прожила лет пять… от означенного мужа своего не имея никакого известия, не получала жив он или нет, того она не знает. И в означенном сельце отец боялся ее у себя держать и о том сосед показывает. В 1761 году, в котором месяце не упомнит она переманщицею сама собой вышла замуж в Малоярославецком уезде в вотчину Его превосходительства гр. Ивана Лариоповича Воронцова в село Борисоглебское (Белкино) за крестьянина Андрея Яковлева законом и повенчана она в Малоярославецком уезде при церкви Бориса

55 Зак. 1053

и Глеба, что в селе Белкине попом Алексеем Яковлевым, а на воровстве и разбою нигде в приводе не была...»[12] Как поступил с нею владелец белкинского имения, неизвестно, документов не выявлено.

Бесправное положение крестьян фиксируют Ревизские сказки[13]. По переписи 1782 г. (IV Ревизская перепись), в селе Белкине проживало в шестидесяти двух дворах 508 душ крепостных крестьян (261 мужского и 247 женского пола). Владелец крещеной собственности, гр. И. И. Воронцов, по своему желанию выдавал замуж, женил двенадцати—пятнадцатилетних мальчиков на женщинах более старшего возраста. Привозил невест из своих имений Серпуховского, Московского уездов, а также из числа чересполосных селений — Самсонова, Шемякина. Так, «крепостного Федора 19 лет помещик женил, а жену ему привез из Серпуховского уезда Варвару 29 лет». «Анна Васильева 59 лет была выдана за Матвея Иванова 39 лет того же села Белкина». В село Белкино «в семейство Федора Игнатова в зятья переведен из сельца Шемякина 15-тилетний Василий сын Климов». «Петра Ильина крепостного из села Белкина помещик перевел того же села крестьянину Семену Игнатову в зятья без его согласия». Владелец мог продавать своих крепостных и покупать, как по одному, так и целыми семьями. Семью крестьянина сельца Пяткина, шестидесятилетнего Никифора Яковлева, с женой Маврой Никитиной, дочерью Прасковьей и младенцем Козьмой, с сыновьями Семеном Никифоровым с женой Ириной Васильевой и с их дочерью Анной и Пелагеей, Ларионом Никифоровым с женой Маврой Ивановой лейтенант 19-й эскадрильи Василий Дорофеев сын Жадомский продал в село Белкино[14].

В 1789 г. «село Белкино с крепостными крестьянами, с пашенной землей, сенными покосами, лесными и прочими угодьями», с усадебным комплексом наследует действительный тайный советник, камергер, сенатор граф Артемий Иванович Воронцов (1748—1813). Но уже в начале XIX в. Белкино в качестве приданого за графиней Анной Артемьевной Воронцовой перешло крупному землевладельцу, крепостнику гр. Дмитрию Петровичу Бутурлину (1763—1829). При нем окончательно сложился усадебный комплекс. На содержание усадьбы и многочисленной дворни уходил почти весь доход с имения. Бутурлины каждое лето проводили в Белкине. Здесь и застала их начавшаяся война с Францией.

При приближении театра боевых действий к Москве владельцы усадьбы спешно выехали в Воронежское имение Бутурлиновку. Во время боевых действий почти полностью был сожжен город Боровск. Сожжены и разграблены соседние деревни Вашутино, Фатеево. После Бородинского сражения при отходе русских войск к Москве «рота гвардейской пешей артиллерии, проходя через Боровский уезд, имела привал в Белкине и артиллерийские кони, нуждаясь кормом, гладко вытоптали все яровое поле белкинской экономии, нанеся ощутимый ущерб»[15]. От отдельных отрядов фуражиров и мародеров, заходивших в село в поисках провианта, пострадали и священнослужители. Так, в анкете, составленной белкинским духовенством, отмечено: «Во время нашествия неприятеля, находящаяся в селе (Белкине. — *З. В.*) каменная церковь свв. Бориса и Глеба не повреждена, а домы священо- и церковнослужителей были разграблены. За понесенный ущерб о. Федор Глаголевский от высшего Духовного начальства на вспоможение получил 60 рублей деньгами»[16]. О том, что были разорены крестьянские дома и усадьба, явствует и из письма, отправленного 2 июня 1813 г. Д. П. Бутурлиным московскому почт-директору А. Я. Булгакову. «Белкино, откуда я Вам пишу, расположенное между Боровском и Малым Ярославцем, разграблено. Всюду беспорядок и запустение... как Вы можете себе представить. Не осталось ни пучка соломы, ни одной курицы. В моих прекрасных аллеях сражались. Господь уберег Белкино от пожара... Я сознаю, что Провидение пощадило нас и кормлю всех моих крестьян с ноября месяца 1812 года. Я обеспечиваю их семенами, скотом и всем необходимым»[17].

Боровскому уезду, как наиболее пострадавшему от войны, уже летом 1813 г. «правительство оказало воспоможествование хлебом, денежными пособиями, строевым лесом». Крестьяне освобождались от подушной подати за вторую половину 1812 г. и на весь 1813 г. Но уже с 1814 г., не считаясь с трудными послевоенными тяготами, собирали налоги, в том числе и подушную подать. Ответственность за ее сбор возлагался на владельцев. Вот текст квитанции (орфография сохраняется). «По указу Его Императорского

Величества Самодержца всероссийского принято в казну Боровского уездного казначейства от вотчины графини Анны Артемьевны Бутурлиной села Белкина с 245 душ на I сего 1816 года половину подушную и на детскую повинности отдано денег всего 383 рубля 55 копеек»[18].

Тяжелым бременем ложилась на крестьян и воинская повинность. Преобразования в армии, начатые еще Петром I, продолжались. По уставу 1810 г. набор ратников осуществлялся в порядке очередности. До 1834 г. служили в армии 25 лет, и только с 1834 г. — 20 лет. Среди призванных в армию нередко были люди и женатые. В архиве Бутурлиных был найден клочок бумаги с рекрутской очередностью (орфография сохраняется):

«1819 года ноября 14 числа. Очирять некрутская села Белкина.

Двор Михайла Никонова сын Алексей, холостой

Двор Степана Соловьева сын Кастянтин, женатой

Двор Тимофея Карпова сын Григорий, женатой

Двор Амяльана Потапова племянник Ларион Матвеев, женатой».

Или вот выдержка из квитанции: «1831 года генваря 19 дня по Указу... дана сия из Калужского Рекрутского присутствия Боровского уезда вотчины графини Анны Артемьевны Бутурлиной села Белкина крестьянину Степану Прокофьеву в том, что предъявил он... при сем доношении к рекрутскому приему, что с 500 душ по два рекрута. В рекруты по осмотру явился в указанные лета и меру и признан на службу (годным. — *З. В.*). Боровского уезда села Белкина крестьянин Афанасий Матвеев женатый за имение г-жи Бутурлиной помещицы того же уезда в селе Белкине с деревнями за 250 душ. Подпись»[19].

В 1817 г. семейство Бутурлиных уехало в Италию. Несмотря на то, что владельцы постоянно жили в Италии, усадьбу все еще обслуживало большое количество дворовых. Это фиксируют Ревизские сказки 1834 г., составленные управляющим имением, главным поверенным графини А. А. Бутурлиной Иваном Антоновичем Кавецким. Количество крестьянских душ в селе Белкино, живших в шестидесяти двух дворах составляло 239 мужского и 257 женского пола и около 30 дворовых[20].

В 1835 г. дочь И. А. Кавецкого Варвара Ивановна, воспитанница гр. Анны Артемьевны Бутурлиной, вышла замуж за Наркиза Антоновича Обнинского. После женитьбы Н. А. Обнинский вышел в отставку и приобрел усадьбу Белкино. В калужском архиве сохранилась «Купчая»: «Лета 1840 30 октября действительная тайная советница гр. Анна Артемьевна дочь Бутурлина, урожденная гр. Воронцова, продала я полковнику и кавалеру Наркизу Антонову и жене его Варваре Ивановой Обнинским и наследникам их, состоящее Калужской губернии в уездах Боровском в селе Белкине дворовых 8, крестьян 231 м. п.... с женами их, вдовами, девками... со скотом рогатым, с лошадьми, с птицами и со всем их крестьянским имуществом, с хлебом в гумнах и намолоченным... со всем принадлежащим к означенному имению...»[21]

В 1848 г. в связи со сменой владельцев было произведено обмежевание дачи № 329 села Белкина Боровского уезда и снят Геометрический специальный план[22]. На 5 сентября 1848 г. в селе Белкине состояло пашенной земли 648 дес. 1 451 саж., сенного покосу — 84 дес., под поселением, огородами, конопляниками и гуменниками — 20 дес. А всего удобной земли 1 069 дес. 636 саж.[23]

В 1853 г. началась Крымская война. Угроза Отечеству заставила государя создать народное ополчение. В феврале 1855 г. начальником 73-й дружины Калужского ополчения был избран Н. А. Обнинский. В ополчение ратников набирали из крестьян государственных и помещичьих. Из села Белкина были призваны крепостные Трофим Иванов — 29 лет, Матвей Михайлов — 35 лет, Михайло Прокофьев Дружинин — 55 лет[24]. Оторванные от земли, с загрубевшими руками, «киной из них и ружья-то сроду не держал», ушли ополченцы защищать «царя и отечество» и не вернулись домой.

После поражения в Крымской войне всем стал очевиден кризис, в котором находилась Россия. В общественных кругах все чаще велись разговоры о необходимости освобождении крестьян, и царизм был вынужден приступить к подготовке отмены крепостного права. В 1858 г. в губернских городах, в том числе и Калуге, были созданы «Комитеты по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян» из представителей дворянства. От Боровского уезда в «Комитет» избрали недавно вернувшегося с Крымской войны,

полковника в отставке Н. А. Обнинского. Комитет занимался составлением «Выкупных проектов», то есть разработкой положений о порядке освобождения крестьян[25]. В связи с подготовкой крестьянской реформы снимались планы населенных пунктов, в том числе был снят план села Белкина[26]. Проводилась последняя, десятая, всенародная перепись населения. По ее данным, в 1858 г. в селе Белкине проживало 495 крепостных: 234 мужского и 261 женского пола, дворовых — 3 мужского и 4 женского пола[27]. В 1861 г. 19 февраля были обнародованы «Манифест» и «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», где первым пунктом значилось: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда».

Примечания

[1] ГАКО. Ф.122. Оп. 1. Д. 1189; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1271; Ф. 122. Оп. 1. Д. 1336.
[2] Атлас Калужского наместничества. Дача № 329. Белкино. — СПб., 1782.
[3] См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 460. «Экономические примечания». Л. 249—251.
[4] Там же. Л. 249 об.
[5] См. там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 46452. Л. 371.
[6] Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. — 1897. — Кн. 1. — С. 224.
[7] См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 460. Л. 250—251. «Экономические примечания».
[8] Там же.
[9] Топографическое описание Калужского наместничества. — СПб., 1785. — С. 57, 58.
[10] Там же. — С. 35, 36.
[11] *Радищев А. Н.* Описание моего владения // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. — Т. 2.— М., 1948. — С. 265.
[12] ГАКО. Ф. 122. Оп. 1.Д. 1187.
[13] См. там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 1. Л. 547—568. Ревизские сказки. 1782; Ф. 86. Оп. 1. Д. 221. Л. 870—889. Ревизские сказки. 1834.
[14] См. там же. Оп. 3. Д. 432. Ревизские сказки. 1858.
[15] Записки гр. М. Д. Бутурлина. — С. 246.
[16] *Малышкин С. А.* Калужский край в 1812 году: По архивам А. И. Михайловского-Данилевского // Калужский край в Отечественной войне 1812 года. — Малоярославец, 1994. — С. 67.
[17] РГБ. РО. Булгаков. Ф. 41. К. 62. Д. 57.
[18] МИГО. Фонды. КП-675.
[19] *Кузин Н. П.* Использование краеведческого материала в преподавании истории // Школа им. Шацкого. — М., 1940. — С. 121.
[20] См.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 221. Ревизские сказки. 1834.
[21] Там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1689. Л. 43, 44. Купчая крепость.
[22] См.: РГАДА. Ф. 1354. Оп. 1. Ч. II. Д. Б-61 галка синяя. Геометрический специальный план.
[23] См. там же.
[24] См.: ГАКО. Ф. 86. Оп. 3. Д. 432. Л. 989—1004. Ревизские сказки. 1858.
[25] См. там же. Ф. 364. Оп. 1. Д. 16.
[26] См. там же. Ф. 159. Оп. 10. Д. 96.
[27] См. там же. Ф. 86. Оп. 3. Д. 432. Ревизские сказки. 1858.

С. Т. ШАЦКИЙ. НАЧАЛО ПУТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ г. ОБНИНСКА)

***И. Л. Ефимова**, н. с., Музей истории г. Обнинска*

В Музее истории г. Обнинска хранится большая коллекция документов, фотографий, предметов, позволяющих изучить деятельность С. Т. Шацкого — выдающегося педагога начала XX столетия. С. Т. Шацкий создал и воплотил в жизнь новую педагогическую систему обучения и воспитания детей, поставив в ее основу трудовой компонент.

Документы и фото, поступившие из семейного архива Шацких, позволили восстановить некоторые факты из истории семьи Станислава Теофиловича. Первым известным

нам представителем рода Шацких был дворянин Яков Иванов, «сын Шацкий», живший в начале XVII в. Вероятно, фамилия «Шацкий» произошла от названия населенного пункта, где родился Яков. Это древнейший город Шацк, первое упоминание о котором относится к 1410 г., располагавшийся в Волынской губернии, на границе с Польшей. Предки С. Т. Шацкого были дворянского рода, владели имениями в Бельском уезде Люблинской губернии (ныне — территория Польши). В 1829 г. род Шацких занесли во 2-ой разряд родословной книги дворянства Сокольского уезда Белостокской области. Отец Станислава Теофиловича Теофил Осипович, родившийся в 1839 г., в 1859 г. поступил на военную службу, был титулярным советником, делопроизводителем хозяйственной части 1-го Пехотного Невского полка. В 1875 г. женился на Антонине Клементьевне Ляховичевой, происходившей из обедневшей дворянской семьи. Супруги поселились в селе Воронино Смоленской губернии. У Теофила Осиповича и Антонины Клементьевны родилось одиннадцать детей, выжило только семеро — Антон, Станислав (1878—1934), Изабелла, Элеонора, Николай, Екатерина, Теодор.

Детей воспитывали в большой строгости. Станислав Теофилович вспоминал: «Стою на коленях в комнате, где только раскрылись мои вины. Мать ушла, сказав: “Стой тут, я приду сейчас и розгой высеку, чтобы ты помнил, как следует”. Не помню, высекла она меня или нет. Но помню ужас ожидания — вот-вот начнется»[1]. Иногда, будучи в хорошем расположении духа, родители играли с детьми, музицировали, пели. В эти минуты «исчезала печать суровости, которую наложила на них жизнь».

В 1881 г. Шацкие переехали в Москву. Теофил Осипович служил смотрителем Интендантского Вещевого склада в невысоком чине коллежского асессора. Сыновья Станислав и Теодор учились в 6-ой Московской гимназии. В 1901 г. семья лишилась кормильца. Антонина Клементьевна, «находясь в большой нужде», подала прошение Окружному интенданту Московского военного округа «о вспомоществовании на воспитание дочери Элеоноры и сына Теодора». Станиславу Теофиловичу тогда было уже двадцать пять лет. Он зарабатывал на жизнь частными уроками, учился в Московском университете, вначале на математическом, затем — на медицинском факультете, одновременно занимался вокалом в Московской консерватории. После «блуждания по высшей школе» Станислав Теофилович остановился на естественном факультете, с удовольствием посещая лекции прогрессивных ученых-дарвинистов К. А. Тимирязева и М. А. Мензбира. Шацкого интересовала не столько наука как отрасль знания, сколько методы передачи знаний учащимся. Идея создания детского сообщества нового типа овладела Шацким. «Когда я подумаю, что у меня достанет сил достичь желаемого — увидеть вокруг себя свежие, здоровые, человеческие лица, что я сберег для их будущей жизни тот капитал, что в них заложен, душа делается радостно спокойна и ничего, ничего больше в жизни я для себя не хочу»[2].

В 1905 г. Станислав Теофилович познакомился с архитектором Александром Устиновичем Зеленко, только что вернувшимся из кругосветного путешествия. Полный планов и идей, молодой архитектор предложил Шацкому организовать клубы по типу зарубежных «сетлементов» («сетлемент» — общество интеллигенции, проводившее культурно-просветительную работу среди бедноты). Начать работу молодые педагоги решили с организации летней трудовой детской колонии. Летом 1905 г. Шацкий и Зеленко вывезли на дачу в Щелоково четырнадцать детей. Это был первый педагогический опыт, описанный Шацким в книге «Дети — работники будущего». Первое издание книги за 1908 г. хранится в Музее г. Обнинска. В 1920—1921 гг. на основе издания 1908 г. и ряда неопубликованных материалов Шацкий переиздал первую часть рукописи, вторая и третья части вместе с черновиками были утрачены во время пожара.

Вернувшись из колонии, Шацкий и Зеленко сняли небольшое помещение в Тихвинском переулке, куда стали приходить ребята. Вскоре круг педагогов расширился: присоединились Л. К. Шлегер, Е. Я. Казамирова (Фортунатова), В. Н. Демьянова (Шацкая). В 1906 году педагоги зарегистрировали общество «Сетлемент». В Музее хранятся копии архивных документов, раскрывающие деятельность общества. Это Устав «Сетлемента», «Разрешение» открыть ремесленные курсы, Программа столярных и резчицких курсов, Протоколы собраний членов клуба и т. д.

56 Зак. 1053

В «Сетлемент» приходили дети из рабочих семей Бутырско-Марьинского района Москвы. Здесь были клубы по интересам, детский сад, школа, ремесленные курсы, кабинет врачебной помощи и даже обсерватория с телескопом. Весной 1905 г. в «Сетлемент» входило 150 детей, а через год их было уже в три раза больше. В 1907 г. в Вадковском переулке по проекту А. У. Зеленко для «Сетлемента» построили красивое здание с колоннами и башенками. Один из первых воспитанников «Сетлемента» Иван Горячев оставил нам интересные, яркие воспоминания о клубе и колонии. «В "Сетлемент" меня привела мама. Перед этим вымыла меня в корыте, надела чистую рубашку, штаны и сказала: "В том красивом доме Вадковском живет хороший дядя Шацкий, у него много таких ребят, как ты, много игрушек и даже есть карандаши. Только нужно его слушаться и не забывать вытирать нос — вот тебе платочек". Встретился я с Шацким, уж очень он большой и толстый, а я, как воробей, схватился за мамину юбку… Шацкий погладил меня по голове и спросил: "Как тебя зовут?" Я ответил: "Ванька". Шацкий сказал: "Хорошо, только не 'Ванька', а 'Ваня'". От ласковых слов его, от поглаживания по голове у меня робость пропала. Я пошел за Шацким, оторвался от улицы и ее быта»[3]. Станислав Теофилович мечтал «вернуть детям детство», сделать их культурными, образованными людьми.

Период с 1905 по 1908 г. Шацкий охарактеризовал, как период исканий общественных форм через детские собрания, парламентаризм, самоуправление. «Излишний демократизм» общества, однако, не устраивал московские власти. В Журнале Московского особого по делам об обществах и союзах Присутствия сообщалось: «Авторитета старших для детей "Сетлемента" не существует, здороваются за руку, обращаются фамильярно. Детям ни в чем нет запрета, никто, кроме сходки, не может им делать замечания. Всякий пустяк влечет за собой созыв тайной сходки, выбор председателя и тайное голосование»[4]. Очень не нравилось властям и то, что деньги на содержание «Сетлемента» давали представители торгово-промышленных фирм и издательско-типографского дела, которые поддерживали партию кадетов — политических конкурентов монархистов. Таким образом «Сетлемент» втягивался в политическую борьбу. «Хотя мы и старались держаться в стороне от партийных организаций, — писал Шацкий, — тем не менее все правые партийные группы являлись для нас ненавистными и за период с 1905 по 1917 годы мы, сами того не замечая, все больше и больше левели»[5]. 4 марта 1908 г. «Сетлемент» закрыли, Зеленко и Шацкого арестовали, но вскоре выпустили из-за отсутствия доказательств вины. Впоследствии Зеленко писал, что «часть сотрудников-эсеров устроили в доме явку своих членов и этим подвели наше дело».

Сотрудники «Сетлемента» подали жалобу на решение о закрытии общества, но последовал отказ. Зеленко, расстроенный и подавленный, уехал за границу. Но Шацкий не собирался «складывать оружие» и в этот переходный период стал негласным лидером бывших сетлементовцев. В феврале 1909 г. Станислав Теофилович добился разрешения открыть новое общество «Детский труд и отдых», продолжившее традиции «Сетлемента». Однако пришлось сократить прежний размах работы, отказаться от республиканской формы организации детей. Экспериментальная деятельность общества осуществлялась лишь в детском саду, начальной школе и вечернем клубе.

В 1910 г. учредители и спонсоры общества «Детский труд и отдых» С. И. Четвериков, А. Н. Коншин, М. К. Морозова выделили средства и поручили С. Т. Шацкому изучить постановку дела в области трудового воспитания в Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании. Вернувшись из-за границы, Станислав Теофилович стал настаивать на организации летней трудовой колонии как необходимой формы трудового воспитания. Педагог считал, что в условиях летней трудовой колонии дети смогут на практике применить свои знания, укрепить здоровье, оторваться от пагубного, городского влияния.

Многочисленные фотографии, воспоминания, документы, копии журналов «Наша жизнь», «Колонист», хранящиеся в музее, дают целостную картину становления и деятельности детской трудовой колонии «Бодрая жизнь». М. К. Морозова поддержала идею С. Т. Шацкого: недалеко от своего имения Михайловское в Калужской губернии предоставила 42 дес. земли и выделила деньги на организацию колонии. Весной 1911 г. рабочие на месте будущей колонии построили двухэтажный дом с террасой и балконами, шалаш-кухню, вырубили сорные кусты, перед домом расчистили небольшое пространство.

В Москве сотрудники и ребята также готовились к поездке: закупали необходимое оборудование, шили матрасы и полотенца. Валентина Николаевна и Станислав Теофилович Шацкие привлекли к работе ребят, ранее бывших в Щелковской колонии, а также учеников Строгановского училища, художников А. В. Гаврилова, В. П. Башкирова, педагога Е. С. Галкину, студента университета Н. Г. Зяблова, врача Е. А. Манжос.

26 мая 1911 г. с Брянского вокзала сотрудники и ребята отправились в Калужскую губернию. П. Щербаков вспоминал: «Прозвонил второй звонок — Шацкого нет. Мы все заволновались. Наконец, в конце поезда появился Шацкий, он шел спокойным шагом, переваливаясь. Его спокойная походка нас и обрадовала, и взволновала. Мы впервые за свою жизнь выбрались за город, поэтому неудивительно, что все время было заполнено интересными впечатлениями. Поезд остановился. Все ребята высыпали, погрузили в тележку вещи и пошли своим ходом. Я примкнул к старшим, впрягся в тяжелую тележку и с Шацким повез ее. Но здесь у меня произошел конфуз — я подскользнулся, упал и разбил себе нос, так что я "пролил свою кровь на пороге колонии", — говорил Шацкий»[6]. Наутро сотрудники устроили общее собрание, чтобы обсудить дальнейшую жизнь в колонии. Решили, что все будут делать сами, распределили очередность дежурства на кухне, наметили план работ. День распределили так: с 6 до 9 час. — работа, 9 час. — завтрак (хлеб с молоком), в 13 час. обед, с 14 до 16 час. — отдых, с 16 до 18 час. — работа, в 20 час. — ужин, с 20 до 22 час. — свободное время. Для начала ребята принялись убирать площадку вокруг дома. «С жаром набросились на работу. Тут же принялись наскоро делать носилки, появились молотки, гвозди, пилы. Таким образом, успех работ был тесно связан с тем значением, которое они имели для житья ребят в колонии»[7].

Одной из самых тяжелых была работа по возделыванию огорода: нужно было перекапывать, разбивать большие комки тяжелой глины. Нелегко было выкорчевывать и вырубать деревья для будущего плодового сада и дороги. Н. О. Массалитинова, сотрудник общества «Детский труд и отдых», в письме к В. С. Пирусскому писала: «Первые четыре дня привели всех в отчаяние. Большинство землекопов охладело, хотя и знали, что едут на тяжелую работу. Начались ссоры, упреки, озлобление. Шацкому пришлось вести разговоры: "Как теперь быть?" Младшие мальчишки решили образовать "Общество коммунистов" и обработать участок земли. Трое мальчиков обратились к Шацкому за советом, как организовать артель по проведению дороги с участка. Работа пошла живее, начались толки и разговоры, сравнения дачной жизни-отдыха и колониальной работы. Пришли к заключению, что здесь не место дачникам, хотя некоторые составили группу веселых дачников и работать не хотели. Однако и из них вскоре выделилась группа, пожелавшая провести канаву для осушки земли под сад»[8].

Сотрудники старались воспитывать ребят без назиданий, методом убеждения, личным примером. Колонисты чувствовали, что у всех общая жизнь, общие интересы, общие обязанности. Шацкого ребята воспринимали как товарища и называли не иначе, как по фамилии. На работе, на отдыхе — он был всегда рядом. В ходе дружеского общения педагог передавал знания об окружающем мире. Так, купаясь и загорая на Протве, он рассказывал и показывал, как происходит землетрясение, как сделать искусственную радугу; гуляя с ребятами по лесу, рассказывал о жизни муравьев, о «войне деревьев». Шацкий был по-детски азартен, жизнерадостен, но, если нужно, умел «крепко поругать». Недаром, в «Шуточном словаре колонистов» ребята охарактеризовали его «толстым буяном, присланным в колонию для усмирения бунтов».

Вечерами все традиционно собирались в общественной комнате, располагавшейся на первом этаже жилого здания. Девочки украсили комнату вышитыми занавесками, на стенах красовались ковры, широкую лавку обшили холстом, на столе, покрытом яркой скатертью, всегда — живые цветы, у окна стоял рояль. Здесь колонисты пели, танцевали, читали стихи, ставили спектакли. Особенно любили слушать пение Шацкого. «Шацкий много раз нам что-нибудь пел. — вспоминал И. И. Горячев. — Особенно сильно просил Сережа Федоров спеть из "Садко" — индийского гостя. Все замолкали, а Шацкий исполнял волшебно, сказочно, а мы представляли, что мы на острове среди океана. Вдруг Шацкий нагнулся к Валентине Николаевне и что-то ей прошептал. Валентина Николаевна стала играть незнакомую нам мелодию, мы притихли, а Шацкий запел: "Есть на свете

чудный, дивный край, там живут в семье труда, любви и счастья". Мы поняли, что Шацкий экспромтом пел о нашей колонии — все бурно захлопали»[9].

К концу первого лета ребята подружились, привыкли к работе на кухне, в саду и огороде, почувствовали радость рабочего напряжения. Вернувшись домой, колонисты часто собирались вместе, мечтали о следующем лете, строили планы; желающих поехать в колонию становилось все больше.

В 1912 г. хозяйство колонии расширилось. На самом высоком месте усадьбы выросло необычное здание бани с прачечной и сушилкой в северно-русском стиле, рабочие построили новую кухню, столовую, коровник, конюшню, сарай и сторожку на зимнее время. Летом 1912 г. приехало пятьдесят пять детей. «Жизнь в том виде, как это было в прошлом году, наладилась очень легко. Хотя приехало много новых детей, но они быстро свыклись с нашими порядками, — писал Шацкий. — Повара наши уже сами составляли меню и должны были следить, чтобы расход не превышал известной суммы. По-новому пошло дело и со стиркой белья. Теперь стирали сами при помощи стиральной машины»[10]. Всю усадьбу очистили от зарослей ольхи, осины, проложили дорожки между постройками, засадили огород, устроили ягодник. Появились новые должности «пастуха», «коровницы», которые ухаживали за животными на скотном дворе. На одном из собраний решили выпускать рукописный журнал «Наша жизнь». В Музее г. Обнинска хранится и экспонируется копия первого номера журнала. Здесь много рисунков, стихов, рассказов ребят о жизни в колонии. В это лето у ребят было модным слово «страдалец» — так называли тех, кто жаловался на тяжелую работу. Один из колонистов написал статью в журнал на эту тему: «Целая куча страдальцев тащит тяжелейший воз — вагон песку. Только один Щербаков чувствует себя хорошо. У него и физиономия лукавая. А остальные — мрачные, хмурые. Два Никитиных сзади — чернее тучи. А главный страдалец накрылся с горя шляпой с печальными полями и покорился своей участи. Он всегда страдает: и поваром, и уборщиком, и инструментальщиком. А теперь можно убедиться, что горе его достигло крайних пределов: на скотном дворе сидит и думает над своей судьбой»[11].

Станислав Теофилович и Валентина Николаевна Шацкие во время заграничного путешествия 1913—1914 г. написали книгу о колонии «Бодрая жизнь». Впервые ее издали частями в 1914 г. в журнале «Народное образование». В 1915 г. книгу полностью напечатали в издательстве «Грамотей», в 1919 г. она была переиздана. В музее хранятся оба издания, переданные учеником и соратником С. Т. Шацкого Михаилом Николаевичем Скаткиным.

В результате работы колонии «Бодрая жизнь» было налажено хозяйство, организован труд. «Инстинктивное требование красоты привело к появлению элементов искусства, колония запела, заиграла, заплясала»[12]. Большой комплекс материалов, хранящихся в музее, раскрывает эстетическую сторону жизни колонистов. В экспозиции довольно обширный список игр колонии, костюм к шведскому танцу, фотографии театрализованных игр, первых спектаклей «Белоснежка и семь гномов», «Сказка о царе Салтане». Для показа спектаклей колонисты устроили на площадке для игр сцену. «Притащили бочки из-под цемента, на них положили тяжелые щиты из коровника, по бокам укрепили на жердях и досках стены из простынь, а впереди повесили большой кусок холста»[13]. Много гостей из окрестных сел и деревень приходило и приезжало в колонию на концерты, театральные представления. Частым гостем была М. К. Морозова — спонсор «Бодрой жизни». Так, в 1914 г. Маргарита Кирилловна выделила на содержание колонии 20 тыс. руб., немалую по тем временам сумму. После очередного посещения «ребячьего царства» Морозова написала в письме Е. Н. Трубецкому: «Вчера имела отрадное, умилительное впечатление — колония. Теперь я, кажется, начинаю убеждаться в том, какое это чудесное дело! И в Шацком я начинаю серьезно убеждаться… Ты не можешь себе представить, как эти дети были веселы, свободны, скромны вместе с тем! Ни тени пошлости, озорства или чего-нибудь грубого, распущенного»[14].

М. К. Морозова и С Т. Шацкий были не только друзьями, но и единомышленниками. Они внесли большой вклад в дело культурного просвещения края. В экспозиции музея представлена фотография 1916 г., где Маргарита Кирилловна и Станислав Теофилович запечатлены среди крестьян на открытии Народного дома в с. Белкино. Морозова подыскала подходящее здание — бывший конный двор белкинской усадьбы, и заключила договор с его владельцами Обнинскими о сдаче в аренду помещения на десять лет. Отделка, перепланировка помещений осуществлялись также за ее счет. В Народном доме открыли сельскохозяйственное общество, общество потребителей, молочное товарищество, прокатный пункт сельскохозяйственных машин. Предполагалось, что вскоре здесь откроются кредитное товарищество и сельскохозяйственная школа. Деньги на постройку и содержание школы выделила Морозова. Подготовку персонала взял на себя Шацкий — идейный вдохновитель проекта.

В эти годы Станислав Теофилович уже сложился как педагог-практик, претворив идею трудового воспитания в жизнь на примере летней колонии «Бодрая жизнь». Он преподавал в народном университете А. Л. Шанявского, печатался в педагогических журналах. В экспозиции музея представлен журнал «Свободное воспитание» со статьей Шацкого «На путях к трудовой школе». Издатели журнала И. И. Горбунов-Посадов и К. Н. Вентцель пропагандировали идею свободного воспитания, предполагавшую отмену учебных заданий, экзаменов, обязательного посещения школы. Однако Шацкий выступал против предоставления полной свободы, он пытался найти «золотую середину» между свободой и несвободой ребенка. Размышляя о проблемах воспитания, педагог понимал, что дети живут и развиваются под воздействием окружающей среды, они не свободны от ее негативного влияния. Поэтому, нужно изменить не только жизнь детей, но и окружающую действительность. Итогом размышлений Шацкого стали проекты опытных станций, которые он неоднократно выдвигал на заседаниях Московской городской думы. По представлениям педагога, опытные станции должны стать научно-педагогическими и культурно-просветительными центрами, включающими в себя школы, детские сады, народные дома, клубы, библиотеки, педагогические курсы. В 1916 г. С. Т. Шацкий обратился в Калужское Губернское земство с проектом об организации «Белкинского межуездного опытного участка повышенного земского хозяйства». Согласно документу, хранящемуся в обнинском музее, в опытный участок должны войти населенные пункты на границе Боровского и Малоярославецкого уездов. В с. Белкино предполагалось открыть детский сад, школу крестьянского хозяйства, библиотеку, врачебный участок, в «Бодрой жизни» должны были открыться летние педагогические курсы. Однако выполнить проект удалось лишь отчасти, поскольку выделили недостаточно средств. Представители дворянства и купечества, занимавшие высокие посты в органах городского управления, не очень-то были заинтересованы в том, чтобы учить «кухаркиных детей». Шацкому удалось все же открыть библиотеки в деревнях Белоусово, Трясь, Величково, Передоль, в селе Белкино и деревне Самсоново открыли детские сады и школы для безграмотных, работавшие в летний период[15].

Идея С. Т. Шацкого о создании Опытной станции в полном объеме воплотилась лишь в мае 1919 г., когда после долгих сомнений и колебаний педагог согласился работать с новым, Советским, правительством и возглавил I Опытную станцию Наркомпроса — уникальное педагогическое учреждение, аналогов которого не было в мире.

Примечания

[1] *Шацкий С. Т.* Пед. соч. — Т. 1. — М., 1962. — С. 62.
[2] Там же. — С. 68.
[3] *Горячев И. И.* Воспоминания. 1985 год // МИГО. КП 823.
[4] Журнал Московского особого по делам об обществах и союзах присутствия. — 1908, 1 мая.
[5] *Шацкий С. Т.* Пед. соч. — Т. 1. — С. 64.
[6] *Щербаков А. П.* Воспоминания. 1966 год // МИГО. КП 1355/66.
[7] *Шацкий С. Т.* Пед. соч. — Т. 1. — С. 310.
[8] *Масалитинова Н. О.* Письма // МИГО. КП 1461/3.
[9] *Горячев И. И.* Воспоминания // МИГО. КП 823.
[10] *Шацкий С. Т.* Пед. соч. — Т. 1. — С. 346.
[11] Наша жизнь. — 1912. — № 1.
[12] *Шацкий С. Т.* Пед. соч. — Т. 1. — С. 449.
[13] Там же. — С. 350.
[14] ОР РГБ. Ф. 171. Д. 5. Л. 13.
[15] АРАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126.

57 Зак. 1053

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОГО ВРАЧА-ХИРУРГА В. П. КРАПУХИНА (1882—1965)

М. В. Кислицына, *н. с.,*
Калужский областной краеведческий музей

С 1994 г. я начала заниматься родословной купцов Терениных. Через два года в Калужском государственном университете на научной сессии «Взаимодействие света с веществом», посвященной 100-летию со дня рождения академика Александра Николаевича Теренина, мне посчастливилось познакомиться с прямым потомком рода Терениных — внучкой Валентиной Вячеславовной Никольской. Это знакомство вылилось в исследовательскую работу, которая постепенно дала возможность выстроить картину рода купцов Терениных. Однажды, при очередной встрече с ней, Валентина Вячеславовна сказала, что заслуживают внимания не только ее потомки, но и родственники мужа Всеволода Валерьевича Крапухина, отец которого был известным калужским врачом в первые годы Советской власти. В книге Г. М. Морозовой «Прогулки по старой Калуге» есть упоминания о врачах, работавших в это время в калужском здравоохранении. Одним из них был хирург Валерий Петрович Крапухин. В Калужский областной краеведческий музей в 2006 г. от правнука Николая Васильевича Теренина, Михаила Николаевича Никольского, поступил в электронном виде семейный архив не только Терениных, но и Крапухиных

Данные семейного архива и документы Архива ФСБ послужили основой для настоящей работы.

Родился Валерий Крапухин 12 декабря 1882 г. в г. Дорогобуже Смоленской губернии в дворянской семье. В 1892 г. поступил в Смоленскую гимназию в приготовительный класс, в 1893 г. перешел в Калужскую гимназию, которую закончил в 1902 г. В августе 1902 г. поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, который окончил в 1907 г. с дипломом первой степени. По окончании обучения перешел на третий курс медицинского факультета Московского университета; окончил факультет в 1910 г., получив диплом со званием лекаря с отличием. Во время летних каникул занимался хирургической практикой в губернских больницах: в 1910 г. замещал врача в Боровском уезде Калужской губернии, в конце 1910 г. замещал врача в Дмитровском уезде Московской губернии.

С 1 января 1911 г. Валерий Петрович был зачислен врачом не по распределению, а по своему желанию в Рыднинскую межуездную больницу Мещовского уезда Калужской губернии, в которой прослужил в течение трех с половиной лет, проводя участковую работу и занимаясь хирургической работой (по десять операций в год. Здесь же началась и семейная жизнь Валерия Петровича с Надеждой Александровной Богословской. Работа в сельской больнице единственным врачом требовала знаний во всех областях медицины. Опыт приобретался постепенно. При первых операциях Надежда Александровна присутствовала со справочной литературой и подсказывала, что надо делать. Помимо врачебной работы Крапухины много внимания уделяли развитию больницы, а по линии земства созданию инфраструктуры на селе. Большим достижением было строительство хлебопекарни в Рындине. Со многими крестьянами у Валерия Петровича сложились дружеские отношения. Они и после переезда Крапухиных в Калугу часто приезжали к нему.

С сентября 1914 г. Валерий Петрович был переведен в Калужскую губернскую земскую больницу заведующим хирургическим отделением. Первые три года он еще занимался и хирургической работой по гинекологическому отделению. Отчетность по отделению была следующей: за период с 1914 по 1915 г. в отделении проходило до 800 операций, с 1916 по 1923 г. — до 1 200 операций в год. Кроме того, при открытии Земсоюзом госпиталей во время Первой мировой войны В. П. Крапухин был назначен консультантом в нескольких госпиталях Калуги, где оказывал и оперативную помощь, концентрируя наиболее тяжелые случаи ранений в Губернской больнице, где был рентгеновский кабинет. За период с 1914 по 1924 г. Валерием Петровичем было проделано разного вида операций, как хирургических, так и гинекологических, около шести тысяч.

В Калуге семья Крапухиных сняла квартиру у купца Грибанова на ул. Лермонтова, д. 25 (ныне ул. Тульская, дом снесен). В квартире с общей площадью около 70 кв. м было четыре комнаты — зал, столовая, спальня и кабинет. В семье Крапухиных 10 мая 1915 г. случилось радостное событие — родился сын Всеволод, а через три года, 23 апреля 1918 г., — сын Борис, 7 января 1925 г.— дочь Нина.

В сентябре 1918 г. Губздравотдел утвердил В. П. Крапухина заведующим губернской больницей, при этом работа по хирургическому отделению им не прекращалась. Из-за тяжелых материальных условий в период 1918—1923 гг., связанных с разрухой в стране, в хирургическом отделении не хватало медикаментов, перевязочных материалов. Несмотря на это, работа все время не ослабевала. Число заполненных коек в хирургическом отделении было 60—80 в среднем. Интересен один из эпизодов, Валерию Петровичу удалось достать на железнодорожной станции водогрейный котел из списанного пассажирского вагона для ванной в хирургическом отделении. Это позволило мыть поступающих из деревни больных перед операцией, чем он был очень доволен.

В августе 1923 г., в пятилетие советской медицины, В. П. Крапухин был удостоен звания Героя Труда.

В 1930 г., освободившись от заведования больницей, Валерий Петрович продолжал заведовать хирургическим отделением. Помимо этого, он заведовал протезной мастерской при больнице, был постоянным членом экспертной комиссии города, преподавал в фельдшерской школе (медицинский техникум). У него постоянно проходили стажировку молодые хирурги. Например, М. А. Свешников остался работать вторым хирургом в отделении, хирург А. П. Никольская впоследствии специализировалась на раковых операциях и возглавила самостоятельный онкологический диспансер.

Хирургическая техника врача Крапухина с годами все совершенствовалась. Он был непременным участником съездов хирургов в Москве. Видные хирурги приезжали из Москвы и знакомились с его работой. Несколько раз он получал приглашение работать в столице, категорически отказываясь от них. В 1932 г. Московский областной клинический институт (МОКИ) организовал свой филиал в Калуге с участием видных врачей города, и его директором был избран В. П. Крапухин. Филиал создавался с целью изучения опыта врачей провинциальной больницы по лечению различных заболеваний. Занимался В. П. Крапухин и общественной работой, он долгое время избирался членом горсовета. В жизни у Валерия Петровича было два больших увлечения — радиолюбительство и фотография. К своим увлечениям он привлек сыновей Всеволода и Бориса.

Несмотря на общее признание хирургических успехов, у Валерия Петровича были и тяжелые дни. Без каких-либо оснований вдруг появился приказ Губздрава о переводе его из больницы в поликлинику «Красный крест». А на его место назначался хирург из поликлиники Меленушкин (организатор этого приказа). Это было для него большим незаслуженным унижением. Однако справедливость была восстановлена благодаря категорическому протесту сотрудников больницы. За двадцать лет работы в Калуге Валерием Петровичем было сделано свыше десяти тысяч операций, он пользовался большой любовью и уважением больных.

В 1930-е гг. в стране набирал силу сталинский террор, который не миновал и семью Крапухиных. В ночь с 13 на 14 января 1934 г., когда вся семья (кроме сына Всеволода, он работал в Москве) собралась встречать Старый Новый год, Валерий Петрович был арестован. В квартире был сделан обыск, в протоколе было сказано, что ничего не найдено. В эту ночь одновременно было арестовано пять лучших врачей города. Явно прослеживался заказной характер. Обвинительное заключение и постановление тройки последовали 23 февраля 1934 г. Обвинялся он в том, что являлся организатором антисоветской группы врачей Калужской райбольницы, устраивая у себя на квартире систематические сборища участников группы, давая им антисоветские, вредительские установки для проведения в жизнь в повседневной работе с клиентурой больницы, стремясь этим вызвать у населения недовольство советской властью и содействовать свержению советского строя и установлению фашистской диктатуры.

Для получения нужных данных допрашиваемых подвергали пыткам, не давая им спать, пока не подпишут протокол. Будто бы В. П. Крапухин их выдержал и отказался

подписывать следственный протокол. Однако дела это не меняло. Без суда, по решению «тройки» от 25 февраля 1934 г., был вынесен приговор: по пункту 11 статьи 58 УК РСФСР заключить в исправительный трудлагерь сроком на 10 лет (выписка из протокола № 127). Валерий Петрович из камеры ухитрился переправить обоснованную жалобу и просьбу о пересмотре дела, но не получил никакого ответа. Во время ссылки он работал врачом в БАМ-лагере, сначала на станции Ерофей Павлович, а затем в центральном госпитале г. Биробиджана. За время работы в лагере он сделал четыре тысячи различных операций. Пользовался уважением как со стороны больных, так и со стороны начальства. Он получил разрешение на приезд к нему жены и сына Бориса. При отъезде из лагеря Валерия Петровича тепло провожали. Заключенные изготовили чемодан для вещей, один из больных посвятил ему следующие строки своих стихов:

…Он друг, товарищ для больного,
С людьми сердечно говорит,
И, как отца, его, родного,
Нам невозможно позабыть.

Вернулся Валерий Петрович в Калугу осенью 1945 г. в возрасте шестидесяти трех лет. По возвращении он с женой переехал в собственный дом на ул. Пролетарской, д. 36, который им подарили две одинокие знакомые старушки с правом доживать в нем на их иждивении. На работу его приняли на прежнее место, но уже рядовым врачом. Несмотря на преклонный возраст, Валерий Петрович работал еще и борт-хирургом, вылетал в районы области для проведения экстренных операций. Реабилитирован В. П. Крапухин был 22 августа 1957 г.

Прожитые годы давали о себе знать, развивающийся склероз головного мозга вынудил Валерия Петровича сначала перейти на работу в поликлинику, а в семьдесят пять лет ее оставить. Умер В. П. Крапухин в возрасте восьмидесяти двух лет в 1965 г. и похоронен на Пятницком кладбище в Калуге.

В заключение хочется сказать, что жизнь и деятельность врача-хирурга, Героя Труда В. П. Крапухина, посвятившего свою жизнь организации здравоохранения в Калуге и губернии, спасшего тысячи людей, заслуживают признания и большого уважения. Несмотря на все тяготы, Валерий Петрович остался верным своей профессии до конца жизни.

В Калужском областном краеведческом музее создается новая экспозиция по советскому периоду с 1917 по 1941 г., куда будут вводиться новые документы, связанные с политическими репрессиями в 1930-е гг. В 2009 г. музеем был сделан запрос в архив ФСБ по Калужской области по делу № 4 об аресте врача райбольницы В. П. Крапухина. Нам были предоставлены фотодокументы по этому делу, которые займут достойное место в будущей экспозиции.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЕВ НА ИЛЬИНСКОМ РУБЕЖЕ 11—18 ОКТЯБРЯ 1941 г. ПУТЕМ ИССЛЕДОВАНИЯ СОСТОЯНИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

***О. Н. Комиссар**, к. т. н,, зам. ген. дир.,*
Обнинское научно-производственное предприятие «Технология»

Семьдесят лет назад, в октябре 1941 г., на территории современного Малоярославецкого района возле села Ильинское прошли ожесточенные оборонительные бои частей Красной армии с превосходящими силами немецких войск в составе 3-й пехотной моторизированной дивизии (3. ID mot.) и 19-й танковой дивизии (19. Pz. Div.). Ценой огромных потерь удалось вплоть до 18 октября 1941 г. остановить быстрое продвижение немцев по Варшавскому шоссе на Москву, что обеспечило необходимое время для создания новой линии обороны Москвы по реке Наре из вновь прибывших с Дальнего Востока свежих дивизий.

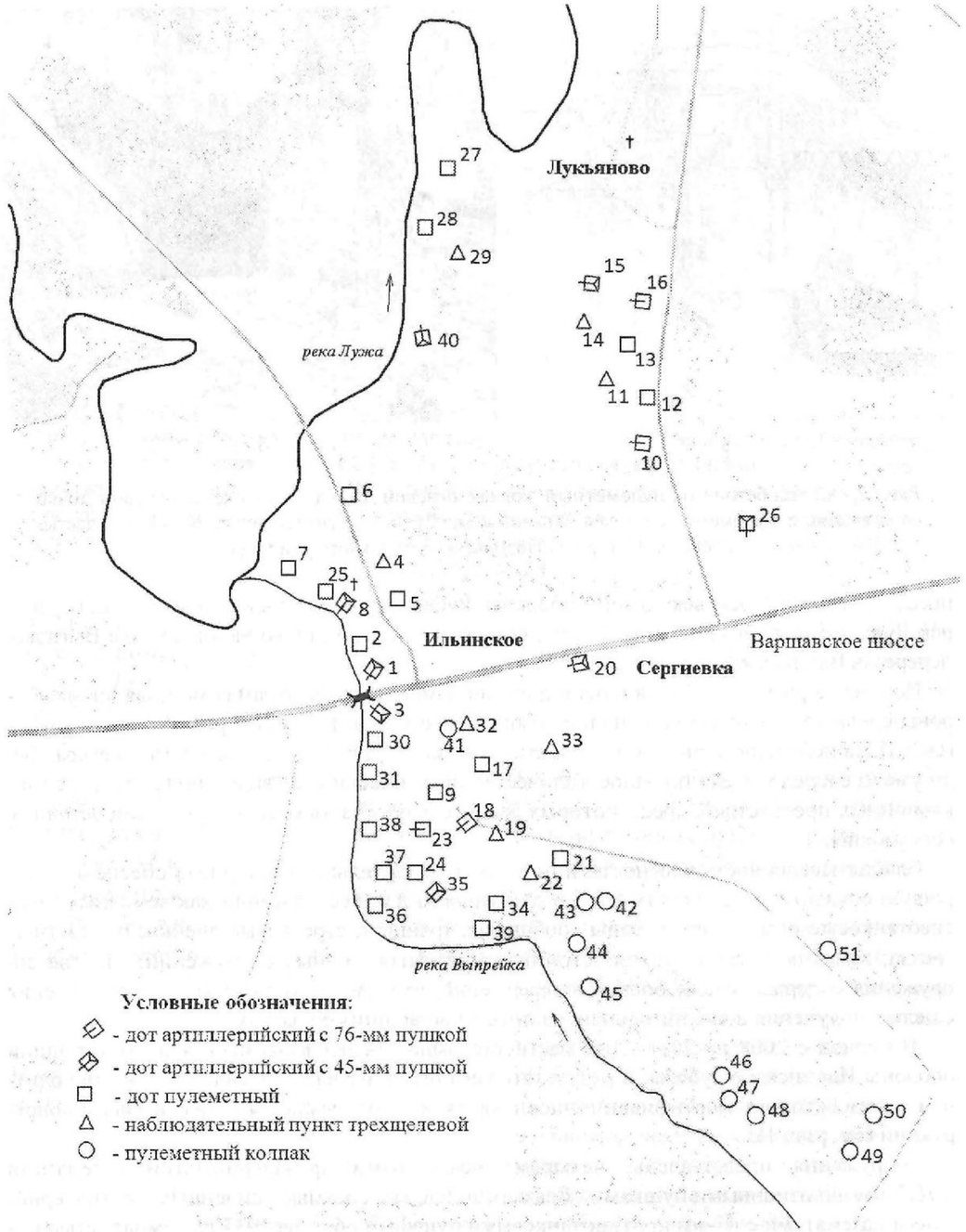
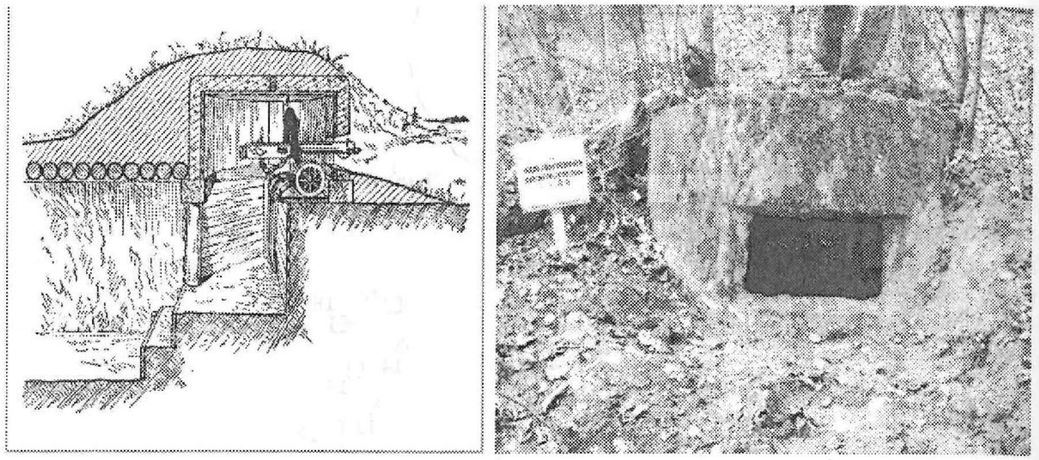


Рис. 1. Схема расположения железобетонных фортификационных сооружений Ильинского боевого участка Малоярославецкого укрепленного района № 37 Можайской линии обороны Москвы.

В силу тяжелой, быстро меняющейся обстановки боев в окружении и больших потерь командного состава до нашего времени не сохранились оперативные боевые документы армейских подразделений. С каждым десятилетием неумолимо уменьшается число свидетелей этих событий, которые являются носителями бесценной исторической информации. Поэтому в последние годы повысилась роль полевых методов исследований, одним из которых является изучение состояния фортификационных сооружений, широко представленных в этой местности.

Ильинский боевой участок (Ильинский рубеж) входил в состав Малоярославецкого укрепленного района № 37 Можайской линии обороны, которая 10 октября 1941 г. была



а б

Рис. 2. Железобетонный пулеметный колпак огневой точки: а — схема огневой точки со станковым пулеметом системы Максим (см.: 2); б — огневая точка № 44 на участке обороны 12-й роты Подольского пехотного училища.

преобразована в Московскую зону обороны. Рубеж протянулся вдоль восточных берегов рек Лужа и Выпрейка почти на 11 км с севера от села Лукьяново на юг до села Выглово, перерезав Варшавское шоссе в селе Ильинское.

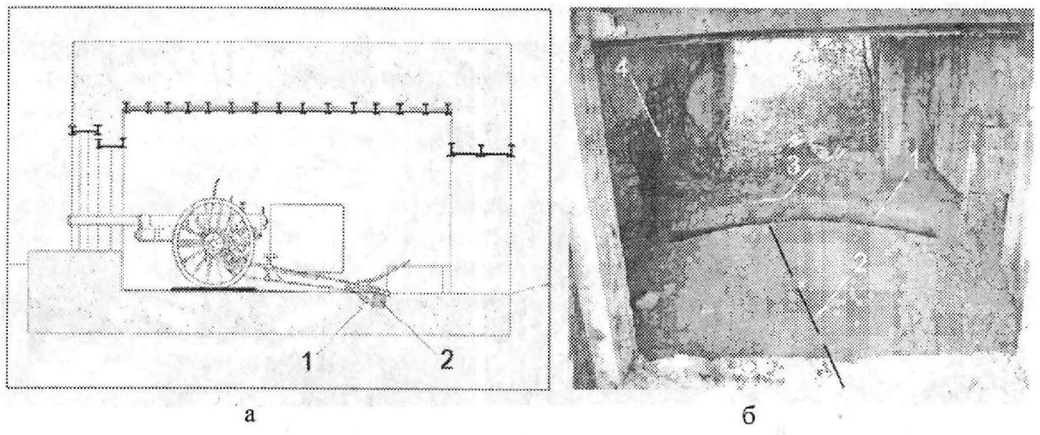
По оценке разведки 19-й танковой дивизии немцев, это было самая мощная линия обороны среди тех, которые встречались ими на своем пути на территории России в 1941 г. (см.: 3) На небольшом участке местности, охватив Варшавское шоссе с юга и севера, было умело сосредоточено большое количество практически всех видов полевых фортификационных препятствий, среди которых значительную часть составляли железобетонные сооружения.

Слабая заселенность местности и прочность строительного материала обеспечили хорошую сохранность до наших дней и доступность для исследований как земляных (противотанковые рвы, эскарпы, ходы сообщения, траншеи, стрелковые ячейки, пулеметные гнезда, землянки), так и железобетонных фортификационных сооружений. Многие сооружения содержат следы боевых повреждений, что дает возможность для их изучения с целью получения дополнительных данных о прошедших событиях.

В период с 2008 по 2011 г. на местности были обследованы первая и вторая линии обороны Ильинского рубежа, в результате чего было выявлено пятьдесят одно монолитное железобетонное фортификационное сооружение, относящееся к шести типам конструкций (см. рис. 1).

Сооружения представлены четырьмя усиленными артиллерийскими казематами с 76,2-мм дивизионными пушками образца 1902/30 гг., восьмью усиленными артиллерийскими казематами с 45-мм противотанковыми пушками образца 1937 г., семнадцатью пулеметными капонирами и полукапонирами тяжелого типа со станковыми пулеметами системы Максим, тремя пулеметными казематами тяжелого типа с амбразурным узлом и пулеметом системы Максим на настенном пулеметном станке НПС-3, восьмью трехщелевыми наблюдательными пунктами и одиннадцатью пулеметными колпаками (см. рис. 2). О наличии на рубеже последнего вида сооружений ранее в литературе не упоминалось. Дополнительно четыре колпака обнаружены на передовой линии обороны на западном берегу реки Выпрейка.

Размеры и конструкция амбразуры артиллерийского дота № 16 (см. рис. 1), отсутствие в бетоне металлических силовых элементов говорят о том, что он изначально не был предназначен для установки специальной 76,2-мм казематной пушки. В углах задней стены выполнены косые ниши для противооткатного упора двух коробчатых станин 76,2-мм дивизионных пушек Ф-22 образца 1936 г. и УСВ образца 1939 г. Кроме того, в бетонном полу выполнен протяженный секторный ровик прямоугольного поперечного сечения



а б

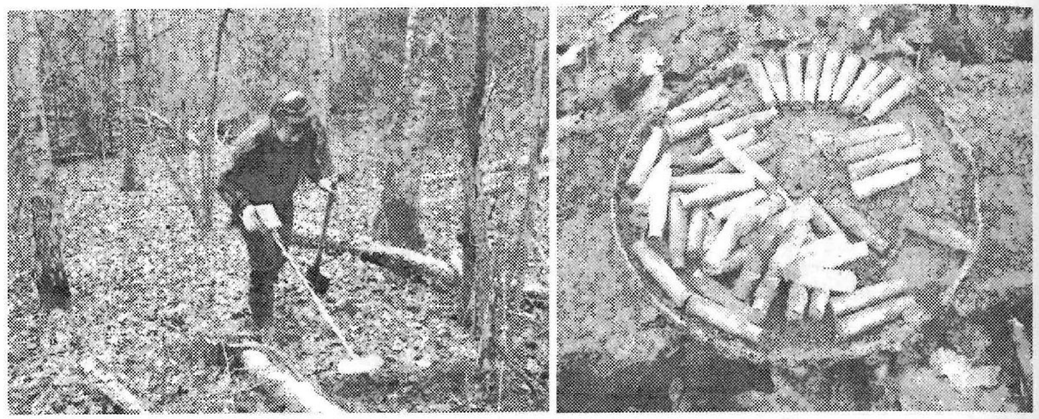
Рис. 3. Установка 76,2-мм дивизионной пушки образца 1902/30 года в усиленном каземате: а — схема размещения в каземате (см.: 3): 1 — упорный ровик в бетонном полу, 2 — упорный деревянный брус 20×20 см; б — общий вид повреждений каземата дота № 16 через амбразуру: 1 — упорный ровик, 2 — положение оси пушки во время боя, 3 — разрушение упорного ровика от ударов шворневой лапы пушки, 4 — место удара немецкого снаряда крупного калибра.

для установки в нем деревянного бруса для упора одиночной коробчатой станины старых 76,2-мм дивизионных пушек образца 1902 и 1902/30 гг., 76,2-мм полковой пушки образца 1927 г. и 76,2-мм универсальной пушки образца 1933 г. В связи с тем, что механизмы старых орудий имели ограничешые возможности горизонтальной наводки на цель, для изменения направления огня переставлялся лафет орудия. Таким образом, конструкция дота позволяла устанавливать в нем все типы 76,2-мм пушек, стоявших на вооружении Красной Армии. Анализ характера и размеров разрушений бетона на полу каземата позволили предположить, что в нем вела бой 76,2-мм дивизионная пушка образца 1902/30 гг. (см. рис. 3). Огонь велся при упоре в бетонную стенку ровика без подкладки деревянного бруса, что и привело к его разрушению.

Противник вел ответный огонь с левого фланга — практически из-за кромки видимости левого защитного крыла дота из танковой пушки KwK 40 калибра 75 мм, установленной на танке Pz. IV или штурмовом самоходном орудии StuG III. Сооружение содержит следы четырех прямых попаданий снарядов. Наибольшие разрушения причинил снаряд, который прошел через правый угол амбразуры и ударил в задний правый угол каземата. От взрыва лопнули задняя стена и пол, был выбит бетон с лицевой и обратной стороны стены каземата. На потолке металлические листы противооткольной защиты содержат следы попадания крупных осколков. В каземате найдены осколки цветного стекла довоенного образца от бутылок с зажигательной смесью.

Бетонные стены и стальные балки ряда дотов имеют ровные отверстия диаметрами 37 и 47 мм от попадания бронебойных снарядов немецкой противотанковой пушки Pak 35/36 образца 1935/1936 гг. калибра 3,7 см и чешской противотанковой пушки P.U.V. образца 1936 г. фирмы «Шкода» калибра 4,7 см. Кроме борьбы с танками и бронемашинами, данные пушки использовалась для уничтожения огневых точек. Для этого применялись специальные бронебойные монолитные снаряды, не имеющие разрывного заряда и взрывателя, стрельба которыми по цели проводилась на дальности не более 300 м.

Эскарпы высотой до четырех метров на восточных берегах рек Выпрейка и Лужа содержат штурмовые ходы, по которым немецкая пехота поднималась на крутые берега. Ходы образовывались путем подрыва заряда, заложенного на высоте 1,5 м в отвесную стену глинистого берега. Разведка местности, проведенная поисковым отрядом «Обнинские следопыты» в районе одного из таких штурмовых ходов, проделанных немецкими саперами 2-го батальона 74-го пехотного полка на участке обороны 12-й роты Подольского пехотного училища между деревнями Ильинское и Большая Шубинка, выявила следы огневого боя, начавшегося 14 октября 1941 г. в 13 час. 00 мин. (см. рис. 4).



а б

Рис. 3. Полевые работы на участке обороны 12-й роты Подольского пехотного училища: а — разведка местности руководителем поискового отряда «Обнинские следопыты» Г. В. Слесаревой; б — гильзы и верхний диск магазина ручного пулемета системы Дегтярева ДП курсантов боевого охранения дзота.

Полевые исследования фортификационных сооружений сопровождались их маркировкой на табличках, обмерами, определением GPS-координат и ориентации на местности, составлением описаний и схем повреждений. По результатам работ выполнены чертежи сооружений, составлены карта их расположения на местности и «Реестр железобетонный фортификационных сооружений», который передан музею «Ильинские рубежи».

Результаты работы не только позволили получить дополнительные исторические данные, подтвердить отдельные факты, изложенные в воспоминаниях участников боев, но и создать предпосылки для внесения фортификационных сооружений Ильинского рубежа в реестр памятников исторического наследия Калужской области и Российской Федерации. Кроме того, представляется возможным организовать охрану их в виде единого музейного комплекса и создать условия для его посещения российскими и зарубежными туристами. На базе музейного комплекса можно начать формирование центра патриотического воспитания молодежи на основе ролевых игр и исторических реконструкций героических событий периода битвы за Москву.

Литература

1. Наставление для инженерных войск. Полевые фортификационные сооружения (ПФ-39). — М.: Воен. изд-во Нар. ком. обороны, 1941.
2. Наставление для инженерных войск: Полевая фортификация (ПФ-43): Ч. 2: Фортификационные сооружения. — М.: Воен. изд-во Нар. ком. обороны, 1946.
3. *Hinze Rolf.* 19. Infanterie- und Pazer-Division: Divisiongeschichte aus der Sicht eines Artilleristen. — Neustadt: Druck: VOLMER, 1993.

ВАЖНЕЙШИЕ ИТОГИ ОСВОЕНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ПО ИСТОРИИ ОККУПАЦИИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ г. КАЛУГИ*

***М. А. Добычина**, к. и. н., дир., муниципальный архив г. Калуги*

История оккупации г. Калуги немецко-фашистскими войсками является темой, которая продолжает оставаться актуальной на протяжении нескольких десятилетий. Постсоветский период позволил пополнить источниковую базу рядом новых документов, позво-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-11-40002 а/Ц).

ляющих объективно посмотреть на многие страницы этого тяжелого для нашего города времени. Источниковая база по истории немецко-фашистской оккупации г. Калуги представляет собой обширный комплекс документов, требующих определенной систематизации.

В настоящее время все документы по данной теме можно разделить на группы по разным признакам. Во-первых, по носителям: основная часть документов — это традиционные документы на бумажной основе; кроме того, имеются и другие носители — фотодокументы, кинодокументы, фонодокументы. Во-вторых, документы на разных носителях можно разделить на те, что созданы непосредственно в период оккупации, те, которые были созданы сразу после освобождения Калуги, и документы, созданные в постсоветское время. Здесь речь идет о воспоминаниях, записанных на диктофон, фильмах об этом времени.

Рассматривая документы на бумажных носителях, необходимо определить круг тех учреждений, в фондах которых могли откладываться документы, содержащие сведения по истории оккупации, понять их информативные возможности для создания источниковой базы по рассматриваемой теме. Для изучения истории немецко-фашистской оккупации г. Калуги следует привлечь документы учреждений, фонды которых хранятся в Госархиве Калужской области (ГАКО)[1]. Их можно разделить на две категории. В первую вошли фонды учреждений, созданных во время оккупации. Ко второй относятся фонды советских учреждений, продолжавших свою работу на оккупированной территории. Рассмотрим каждую из этих групп учреждений в отдельности. Начнем с первой.

Город Калуга находился под оккупацией два с половиной месяца — с 12 октября по 30 декабря 1941 г. Для управления территорией города и района немецкие власти создали комендатуру, возглавляемую комендантом. (Документы этого органа в фондах ГАКО обнаружить не удалось.) Для местного управления была создана (с 14 по 16 октября 1941 г.) городская управа (действовала до 30 декабря 1941 г.), подчинявшаяся комендатуре и занимавшаяся хозяйственными вопросами. Управа издавала приказы и обращения к населению. Структура городской управы окончательно сформировалась только к 31 октября. В нее вошли тринадцать отделов и столько же подотделов. Для каждого отдела были разработаны положения, утвержден штат. Таким образом, фонд Калужской городской управы (Ф. Р-970) содержит наиболее разнообразную и емкую информацию о периоде оккупации (приказы, обращения, переписка, должностные инструкции и положения об отделах и т. д.), позволяющую установить структуру учреждения и его функциональные обязанности. В связи с тем, что до июля 1944 г. Калуга входила в состав Тульской области, сразу же после ее освобождения часть документов управы была передана на хранение в Государственный архив Тульской области. Обратная передача документов из Тулы в Калугу началась в 1948 г. Переданный фонд управы был рассекречен только в 1992 г. Документы фонда охватывают период с 17 октября по 22 декабря 1941 г.

С 22 октября 1941 г. по приказу городской управы начала действовать земская управа, созданная для управления Калужским районом. Она состояла из шести отделов, а для организации работы было создано одиннадцать земских участков. Каждый земский участок возглавлял старшина, которого избирал колхозный староста и утверждала земская управа. Затем следовали участковые агрономы, зоотехники, медицинские и ветеринарные врачи, полиция, колхозные старосты, избираемые населением. Документы фонда Калужской земской управы (Ф. Р-971) оставались на хранении в Калуге и были рассекречены в сентябре 1992 г. В фонде отложились приказы и распоряжения по организационным вопросам, назначениям на должность, деятельности участковых начальников полиции, старшин земских участков, о взысканиях недоимок и натуральных налогов. Также имеются протоколы 1-го совещания работников земства, собраний жителей земских участков, различные списки, в том числе жителей, сотрудников земской управы, земских участков, старост.

Во главе городской управы стоял городской голова с помощником. Последний контролировал работу отделов народного образования, промышленности, транспортного, благоустройства, а также рассматривал заявления граждан о приеме на работу. Известно, что городским головой был Н. С. Щербачев (его документы не выявлены), а его помощ-

ником — С. Д. Кудрявцев. Сохранились личные документы Кудрявцева, которые могут пролить свет на биографию этого человека в досоветское и довоенное время. За дореволюционный период сохранилось два документа — заверенная копия из журнала заседаний Городской думы г. Калуги о вынесении Кудрявцеву благодарности за службу в пожарной части и выписка из протокола общего собрания служащих 1-й пожарной части о поддержке Кудрявцева. За советский период выявлены служебная автобиография, справки, поздравительные телеграммы, переписка по истории пожарного дела, вырезки из газет. За период оккупации в фонде имеются отдельные документы — списки абонентов внутренней станции городской управы, опись ценных бумаг, принятых от германского командования, сведения о количестве рабочих и служащих и др.

Согласно приказу городского головы от 8 ноября 1941 г. в Калуге создавалось еврейское гетто, возглавлять которое должен был староста. Его выбирали сами узники. Староста был единственным лицом, кому разрешалось вести переговоры с германскими властями и поддерживать связь с населением. В результате работы старосты образовались документы (списки евреев, содержащихся в гетто, как общие, так и по возрастам, по домам), отложившиеся в фонде старосты еврейского гетто. Списки представляют собой перечни фамилий с указанием года рождения и специальности. Эти сведения позволяют подтвердить факт пребывания того или иного лица в гетто, установить общее количество узников, дома, которые они занимали. В этом же фонде имеется желтая звезда, которая по распоряжению немецких властей в обязательном порядке нашивалась на верхнюю одежду узников гетто.

К числу учреждений, продолжавших свою работу в период оккупации (вторая группа) относились артели — «Механотруд», «Лесхимпром», производственно-пищевая инвалидов; предприятия — Калужская электростанция, Калужская спичечная фабрика, кондитерская фабрика, а также городская и психиатрическая больницы, Калужский дом ребенка, типография. В результате деятельности данных предприятий и учреждений в период оккупации образовались документы, дополнившие архивные фонды оккупационного периода. Так, фонды артели «Механотруд» содержат заявления о приеме на работу, анкетные листы, направления от биржи труда; артели «Лесхимпром» — распоряжения, штатное расписание, заявления, списки работающих, производственный план, докладную записку германскому командованию о деятельности, сведения о выпуске готовой продукции с ноября по декабрь 1941 г.; производственно-пищевой артели инвалидов — протокол заседания по производственным вопросам, заявления, списки, книгу учета, материалы переписки. Что касается предприятий, то фонды Калужской электростанции включают в себя приказы и распоряжения по станции, докладные записки, переписку; спичечной фабрики — сведения о зданиях фабрики, заявления, списки, отчет о реализации товаров, акты инвентаризации, переписку; кондитерской фабрики — книгу приказов о приеме, перемещении, увольнении. Фонды лечебных учреждений содержат следующие документы: в фондах городской больницы находятся циркулярные распоряжения горздравотдела, приказы о назначении, переписка; психбольницы — акты изъятия из совхоза больницы продуктов для германской армии; Калужского дома ребенка — приказы по личному составу и анкеты, а также меню дома младенца с расчетом расходов. Фонд типографии содержит ведомости на выдачу зарплаты, подписные листы учреждений и предприятий по выписке газеты «Новый путь», заказы на изготовление бланков, пропусков, листовки, воззвания, обращения, лозунги, плакаты, бланки официальных документов на русском и немецком языках и др.

Таким образом, сделан анализ документов шестнадцати фондов, составляющих основу источниковой базы исследования (196 дел).

Рассматривая документы, созданные после освобождения города, необходимо отметить акты по ущербы, причиненному в период оккупации немецко-фашистсткими захватчиками гражданам и учреждениям города, воспоминания взрослых и детей, дневники.

Согласно научной систематизации источниковой базы, все источники можно разделить на несколько групп. Первая группа — это **нормативные документы**. Среди них важное место занимают *приказы*, содержащие в себе ценную информацию о структуре оккупационных учреждений, их работе, штатах, о назначении на должность, организации

производства, жизнедеятельности населения в городе, дискриминации евреев, учете и регистрации жителей, организации их труда, медпомощи, противоэпидемических мероприятий, подоходном налоге и др. К этой же группе можно отнести *обращения* и *объявления* по конкретным вопросам, в частности об организации жизни в городе, возможных наказаниях, особенностях взаимоотношений новых властей с мирным населением.

Вторую группу источников составляют **делопроизводственные документы**. Среди них необходимо выделить две подгруппы — документы, созданные непосредственно в период оккупации, и документы, образовавшиеся после освобождения города. К первой относятся различного рода *докладные записки*. Они составлялись оккупационными властями по различным вопросам жизнедеятельности. В них не только приводятся факты, но и содержится анализ того или иного вопроса. Так, имеются докладные записки о состоянии промышленности города, ходе восстановительных работ, в них предлагаются меры по налаживанию производства, сообщается о состоянии музейно-краеведческого дела, народного образования, торговли и обеспечения города продуктами питания, об организации прокурорского надзора. Здесь же необходимо отметить *переписку* по вопросам открытия производства во время оккупации (артелей, угольных шахт), другим хозяйственным вопросам. Например, в переписке городской управы с отделом здравоохранения дается перспективный план развития здравоохранения, в переписке с земской управой освещены вопросы налаживания хозяйства и снабжения топливом, о музее К. Э. Циолковского. *Отчетная документация* касается общих вопросов и финансовой деятельности учреждений. Сюда же следует причислить *заявления*, в том числе на открытие частных торговых и промышленных предприятий, *анкетные листы*, *направления на работу*, *служебные удостоверения*, *списки* личного состава городской полиции, членов ВКП(б), рабочих и служащих промышленных предприятий на получение продовольственных карточек и многие другие подобные документы, раскрывающие вопросы бытовой жизни населения в оккупационный период.

Среди прочих следует выделить документы, аккумулирующие *статистическую информацию* — сведения о национальном, возрастном составе населения, наличии скота, недвижимости. В период оккупации проводилась перепись сельского населения Калужского района, в результате отложились списки жителей, дворов, населенных пунктов, сведения о передвижении населения. Жителям, зарегистрировавшимся в горуправе, выдавались стандартные справки с указанием года и места рождения, адреса, места работы, времени, с какого лицо проживает в Калуге, на каждой справке имеется фотография. Интерес представляют также *акты по ущербу,* причиненному немецко-фашистскими захватчиками жителям города, в которых приводятся конкретные факты издевательств и уничтожения имущества граждан; документы *по личному составу* — приказы о приеме, увольнении, перемещении, ведомости на выдачу заработной платы и др.

Третью группу источников образует **материалы периодической печати** и **различная печатная продукция**. Это *газета* «Новый путь», издававшаяся немецко-фашистскими захватчиками на русском языке. За период оккупации вышло четыре номера газеты. Она печаталась в городской типографии. На первой полосе обычно размещали сводки германского командования о ходе боевых действий, затем шли статьи пропагандистского характера, агитировавшие сдаваться в плен германской армии, помогать ей и не оказывать сопротивления. На последней странице размещались городские новости. К газете выходило еженедельное приложение, в котором помещалась сводка боевых действий. К этой же группе относятся *листовки*. Для наглядности почти все они снабжены фотографиями. Некоторые из них содержат обращения пленных солдат, рассказывают о «хорошей жизни» в плену и призывают бороться с большевиками.

Четвертую группу составляют **источники личного происхождения**. Среди них особое место занимают *сочинения* школьников г. Калуги на тему «Что я пережил в период немецко-фашистской оккупации», написанные по свежим следам по заданию гороно в апреле 1942 г., то есть через три месяца после освобождения города Сочинения были опубликованы в сборнике документов «Война глазами детей». В сборник включено 141 сочинение учащихся разных школ и классов, хранящееся в фонде Калужского городского отдела, рассекреченного в 1992 г. Сочинения позволяют дать оценку многим собы-

тиям сквозь призму восприятия детей. Эти материалы представляют интерес в том отношении, что детское сознание способно запечатлеть более мелкие детали бытового характера — важные для построения общей канвы событий. К этой же группе относятся *воспоминания* взрослых узников еврейского гетто, написанные в декабре 1942 г., а также воспоминания бывших малолетних узников гетто, записанные в наши дни.

Примечание

[1] См..: ГАКО. Фонды: Калужской городской управы (Ф. Р-970) — всего 99 дел; Калужской земской управы (Ф. Р-971) — 31 дело; Отдела здравоохранения Калужской городской управы (Ф. Р-972) — 10 дел; Калужской городской больницы горздравотдела (Ф. Р-973) — 2 дела; Калужской психиатрической больницы горздравотдела (Ф. Р-974) — 1 дело; Калужского завода «Механотруд» (Ф. Р-978) — 1 дело; Калужской центральной электростанции (Ф. Р-982) — 10 дел; Калужской спичечной фабрики (Ф. Р-984) — 11 дел; Калужской типографии (Ф. Р-985) — 11 дел; Калужской кондитерской фабрики (Ф. Р-986) — 1 дело; Калужской производственно-пищевой артели инвалидов (Ф. Р-987) — 6 дел; Калужской артели «Лесхимпром» (Ф. Р-988) — 3 дела; Калужского дома ребенка (Ф. Р-989) — 4 дела; старосты еврейского гетто в г. Калуге Кудрявцева (Ф. Р-975) — 2 дела; помощника городского головы (Ф. Р.-976) — 1 дело; Калужских аптек (ф. Р-2559) — 3 дело; Калужского городского похоронного бюро (Ф. Р-2561) — 3 дела.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***И. С. Писаренко**, к. и. н., доц., Калужский филиал Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана*

Одним из важнейших источников победы советского народа в Великой Отечественной войне был трудовой подвиг советского крестьянства. Оно дало сырье для военной промышленности, продукты питания для воинов Красной Армии и тружеников тыла. Свой вклад в укрепление обороноспособности СССР внесли колхозники, рабочие МТС и совхозов Рязанской области. Поэтому автор ставит своей целью в обобщенном виде показать основные направления и результаты производственной деятельности сельских тружеников Рязанщины.

К началу Великой Отечественной войны в Рязанской области имелось более 3 100 колхозов, 55 совхозов и 86 МТС[1]. В 1941 г. в Рязанской области насчитывалось 197,8 тыс. лошадей, 115,5 голов крупного рогатого скота, 146,9 тыс. овец, 40,8 тыс. коз, 82,5 тыс. свиней[2]. В 1940 г. урожайность зерновых в Рязанской области составляла 7,8 ц/га[3].

Начавшаяся война поставила перед работниками сельского хозяйства ответственную задачу — снабжать войска и тыл продуктами питания, а промышленность — необходимым сырьем. Летом и осенью 1941 г. в битву за первый военный урожай на Рязанщине вступили стар и млад. Только из числа молодежи на колхозных и совхозных полях работали 22 тыс. пахарей, 13 550 сеяльщиков, 15 340 бороновальщиков и более 150 тыс. школьников[4]. На 1 января 1942 г. сельские труженики Рязанской области обмолотили 1 037 997 га озимых, яровых колосовых, крупяных и бобовых культур из плана 1 435 042 га, что составило 72,3%[5]. В 1941 г. крестьяне Рязанщины засыпали в закрома Родины 178 078 т зерна, 179,6 т семян масленичных культур, 2 513 т махорки, 148 327 т картофеля, 24 873 т овощей, 61 574 т сена[6].

С первых дней войны сельское хозяйство Рязанской области встретилось с огромными трудностями. Сократилась его материально-техническая база. К осени 1941 г. сельские труженики Рязанщины передали Красной Армии 68% автомашин МТС, колхозов и совхозов, более 400 гусеничных тракторов и прицепов к ним, свыше 38 тыс. лошадей, 12 тыс. повозок[7].

Эти трудности усугублялись проводимой эвакуацией сельскохозяйственной техники, рабочего и продуктивного скота из 26 районов области, семь из которых в октябре 1941 г. были оккупированы немцами[8]. В августе—декабре 1941 г. в Рязанскую область из Смоленской, Витебской, Могилевской, Орловской, Тульской, Московской и других областей было эвакуировано 1 435 тракторов, 37 597 лошадей, 150 664 голов крупного рогатого скота и 147 446 овец. Затем из этого скота в Мордовскую АССР, Горьковскую и Тамбовскую области эвакуировали 25 986 лошадей, 96 552 голов крупного рогатого скота и 107 180 овец[9]. Всего к середине декабря 1941 г. из 26 районов Рязанщины в Горьковскую область было эвакуировано 52 532 коровы, 85 575 овец из 103 575 голов, 30 723 лошади из 92 723 голов, 27 470 свиней из 48 184 голов[10]. Во время эвакуации погибло 17 576 голов крупного рогатого скота, 9 916 рабочих лошадей, 129 племенных лошадей, 4 288 свиней, 31 752 овцы и 10 679 шт. птицы и 1 894 пчелосемей[11].

Поздней осенью 1941 г. проводилась эвакуация тракторов и другой сельскохозяйственной техники из 50 МТС 25 районов Рязанской области. К декабрю 1941 г. из имеющихся в них 2 740 тракторов был эвакуирован 1 761, из 808 комбайнов — 464, из 121 станка — 55. Эвакуация проходила в ненастную погоду, по размытым дождем и запорошенным снегом проселочным дорогам. Из 1 761 трактора 1 643 перегонялись своим ходом. Из-за частых поломок тракторы десятками выходили из строя. Из совхозов Рязанской области эвакуировали 301 трактор из 403, 78 комбайнов из 98, 38 автомашин из 44[12].

Из государственных хранилищ, находившихся на территории Рязанской области, только железнодорожным транспортом было вывезено 171 180 т зерна[13].

В семи оккупированных районах Рязанской области немцы разрушили и повредили 139 сельскохозяйственных строений и 114 животноводческих построек; разграбили и отобрали у колхозов и совхозов 12 034 т зерна; 4 813 т картофеля, 1 843 т овощей и 9 297 т фуража и сена[14]. Только колхозам Рязанской области немецкие захватчики нанесли ущерб на сумму 338 млн. 165 тыс. руб.[15]

В начале 1942 г., после изгнания немецких оккупантов с территории Рязанской области в ходе контрнаступления Красной Армии под Москвой, началось восстановление колхозного производства Рязанщины. Довоенное и военное состояние сельхозартелей Рязанской области характеризовалось следующими данными. Так, в конце 1940 г. в Рязанской области было 3 583 колхоза, в 1941 г. — 3 204, в 1942 г. — 3 155, в 1943 г. — 3 155, в 1944 г. — 3 348, в 1945 г. — 3 440 сельхозартелей[16]. В конце 1940 г. число дворов колхозников в Рязанской области составляло 317,2 тыс., в 1941 г. — 292,7 тыс., в 1942 г. — 284,9 тыс., в 1943 г. — 301,6 тыс., в 1944 г. — 302,9 тыс., в 1945 г. — 301,9 тыс. наличных дворов[17]. В конце 1940 г. численность населения колхозов Рязанской области составляла 1 279,4 тыс. человек, в 1941 г. — 1 104,3, в 1942 г. — 1 101,1, в 1943 г. — 1070,7, в 1944 г. — 1 049,4, в 1945 г. — 1 081,5 тыс. человек[18]. В конце 1940 г. число трудоспособных колхозников Рязанской области составляло 558,1 тыс. человек, в 1941 г. — 446,2, в 1942 г. — 315,5, в 1943 г. — 315,5, в 1944 г. — 334,8, в 1945 г. — 344,2 тыс. человек[19].

С первых дней войны очень остро встал вопрос о подготовке механизаторских кадров: Летом 1941 г. 75% трактористов, 62% комбайнеров Рязанской области были мобилизованы в ряды Красной Армии[20]. 25 июня 1941 г. студентки Рязанского сельскохозяйственного техникума через газету «Сталинское знамя» призвали женщин и девушек, «ранее работавших трактористками и комбайнерками, вернуться к своей профессии, сесть за руль трактора, за штурвалы комбайнов, заменить мужчин — трактористов и комбайнеров и этим помогать укреплению обороноспособности Родины»[21]. На это обращение откликнулись 550 девушек, ранее работавших трактористками[22]. В июле 1941 г. на месячных курсах при МТС и в школах механизации Рязанской области обучалось 5 498 трактористов, комбайнеров и помощников комбайнеров, из них 2 798 женщин[23]. Всего за годы войны в Рязанской области было подготовлено и переподготовлено 25 789 трактористов, 371 механик МТС, 1 082 бригадира тракторных бригад, 3 214 комбайнеров, 1 046 помощников комбайнеров, 544 шофера, 721 ремонтный рабочий, 937 машинистов сложных молотилок, 67 директоров МТС, всего — 33 771 человек[24].

Большую работу по восстановлению животноводческих ферм провели сельские комсомольцы и молодежь. Так, в 1942 г. в Рязанской области они построили 543 животноводческих помещений, отремонтировали и утеплили 11 725 скотных дворов[25]. В 1943 г. в них разместили возвращенный из эвакуации скот — 3 296 лошадей; 8 451 корову; 11 199 овец[26].

В 1942 г. рязанские колхозники стали помогать разоренным сельхозартелям освобожденных районов Смоленщины. Так, крестьяне Солотчинского района шефствовали над колхозами Мосальского района. В письме солотчанам мосальские колхозники писали: «С большим волнением мы узнали, что вы, колхозники и колхозницы Солотчинского района Рязанской области, протянули нам руку братской помощи — взяли шефство над нашим районом по оказанию возможной помощи в восстановлении хозяйства. С глубокой благодарностью принимаем мы эту помощь»[27].

Во время войны более половины пахотных работ в колхозах Рязанской области выполнили 88 МТС, тракторный парк которых нуждался в восстановлении и постоянном ремонте. Весной 1942 г. по примеру Иловлинской МТС Сталинградской области сельские труженики Рязанщины начали сбор запасных частей для ремонта сельскохозяйственных машин[28]. В начале 1942 г. в Рязанской области собрано более 70 000 важнейших деталей к тракторам[29]. В 1943 г. комсомольцы и молодежь Рязанщины собрали и отреставрировали запасных частей на сумму 600 тыс. руб., на 180 тыс. руб. изготовили новых запасных частей и свыше 650 комплектов слесарного инструмента[30].

Восстановлением сельскохозяйственных машин занимались молодежные ремонтные бригады. В 1942 г. в Рязанской области было 125 бригад, в 1943 г. — 345, в 1944 г. — 409[31]. На 1 марта 1942 г. они отремонтировали 1 724 трактора[32]. На 15 апреля 1943 г. в МТС Рязанской области было отремонтировано 3 492 трактора при плане 3 598 тракторов, или 97%[33]. К полевым работам 1944 г. молодежные бригады отремонтировали 3 749 тракторов[34].

В 1942 г. 68 тракторных бригад Рязанской области включились во Всесоюзное социалистическое соревнование[35]. Его победителем в 1942 г. стала женская тракторная бригада Д. Гармаш из Рыбновской МТС Рязанской области[36]. Ее бригада при плане 1 481 га выработала 3 234 га и сэкономила 6 082 кг горючего. Бригаде было вручено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомзема СССР[37].

Трудовой успех молодежного коллектива Д. Гармаш активизировал движение тракторных бригад в Рязанской области. В 1943 г. соревновались 967 тракторных бригад, из них 156 молодежных, в 1944 г. — 1016, в том числе 407 молодежных, в 1945 г. — 1245 бригад, из них 605 молодежных[38]. В 1944 г. средняя выработка на трактор в МТС Рязанской области составляла 242 га, в молодежных тракторных бригадах она равнялась 495 га[39]. В 1944 г. в числе победителей Всесоюзного социалистического соревнования трактористов были семь молодежных тракторных бригад Рязанской области. Это молодежный коллектив Д. Гармаш (Рыбновская МТС), П. Пирожкова (Муравлинская МТС), Т. Анипко (Букринская МТС), Е. Уразовой (Сараевская МТС), И. Бортаковского (Можарская МТС). Переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ вновь осталось за бригадой Д. Гармаш. За выдающиеся успехи в труде Д. Гармаш и ее помощнику Н. Афиногенову была присуждена Государственная премия[40].

Во время войны бригада Д. Гармаш регулярно первенствовала во Всесоюзном соревновании тракторных бригад. За четыре военных года общая выработка бригады Д. Гармаш составила почти 19 тыс. га, что равнялось двадцати годовым нормам. Молодые трактористки сэкономили более 34 т горючего. Тем самым в труднейших условиях войны они установили мировой рекорд производительности для тракторов марки ХТЗ. Дарья Гармаш и ее подруги — комсомолки А. Анисимова, А. Демидова, М. Кострикина, А. Фомина — ежегодно завоевывали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ вплоть до 1947 г. Тогда по решению ЦК ВЛКСМ оно было передано бригаде на вечное хранение[41].

В годы войны до половины пахотных работ в колхозах Рязанщины выполнялось на лошадях. Так, в 1942 г. в Рязанской области из 134 197 рабочих лошадей было ниже средней упитанности 36 000 лошадей[42]. Кроме того, в 1943 г. на пропашных работах в Рязанской области использовалось 10,5 тыс. коров и нетелей[43].

Неоценим вклад сельской молодежи в возделывание посевного клина Рязанской области. В 1941 г. пахарями работало 22 тыс. комсомольцев и молодежи, в 1942 г. — 27 400, в 1943 г. — 29 330, в 1944 г. — 31 640 пахарей[44]. В 1942 г. сеяльщиками трудились 15 420 человек молодежи, в 1943 г. — 16 365, в 1944 г. — 18 240 человек. В 1942 г. бороновальщиками работали 16 380 юношей и девушек, в 1943 г. — 18 547, в 1944 г. — 18 855 человек[45]. В 1942 г. в Рязанской области по методу комсомольца В. Нагорного из колхоза «Красный партизан» Краснотуринского района Красноярского края на вспашке зяби работало более 600 человек, в том числе по Ново-Деревенковскому району 129 человек, Ухоловскому — 49 человек, Сараевскому — 34 человека[46].

Свою лепту в повышение урожайности колхозных полей Рязанщины внесли молодые сельские труженики. За годы войны комсомольцы и молодежь собрали и вывезли на колхозные поля 8 млн. возов навоза, 280 тыс. ц золы, 220 тыс. ц птичьего помета[47].

Во время войны повсеместное распространение получили комсомольско-молодежные звенья высокого урожая. В 1941 г. в Рязанской области соревновались 52 звена, в 1942 г. — 147 звеньев, в 1943 г. — 472 звена, в 1944 г. — 1 458 звеньев[48]. В 1942 г. молодежное звено М. Киселевой из колхоза «Победитель» Сараевского района получило с гектара стопудовый урожай зерновых и по 300 ц картофеля[49]. В 1944 г. первое место в области и третье в стране заняло звено М. Мордвиновой из колхоза «Красный пахарь» Сараевского района. Оно получило с каждого гектара по 24,8 ц яровой пшеницы, по 20,4 ц ржи и по 330 ц картофеля. На Рязанщине это был рекордный урожай[50]. Своим трудом звенья высокого урожая способствовали повышению урожайности в колхозах Рязанской области, которая хотя и была невысокой, но все же неуклонно из года в год повышалась. Так, средняя урожайность зерновых в сельхозартелях Рязанщины в 1943 г. составляла 7,3 ц/га, в 1944 г. — 8,4 ц/га, в 1945 г. — 8,7 ц/га[51].

Решающим этапом сельскохозяйственных работ была уборка урожая. Сельские труженики Рязанской области делали все от них зависящее, чтобы до минимума снизить его потери. Так, в 1942 г. в уборочных работах было задействовано 756 комбайнов, 725 из них были оборудованы зерноуловителями. Из 4 802 уборочных машин зерноуловителями были оборудованы 2 763 агрегата[52]. Повсеместно действовали комсомольско-молодежные посты по борьбе с потерями урожая. В 1941 г. в Рязанской области насчитывалось 970 постов, в 1942 г. — 1 450, в 1943 г. — 1 640, в 1944 г. — свыше 1 700 постов[53]. В 1944 г. в Рязанской области производительно работали 850 молотильных бригад, которые помогали колхозам своевременно и без потерь обмолотить хлеб[54].

В 1944 г. в Сасовском районе на уборке урожая участвовало более 4 000 юношей и девушек. Из них 373 человека работали жнецами, 606 человек — вязальщиками, 238 человек — косцами, 139 человек — жатчиками[55]. Молодые жнецы из колхоза «Победа труда» Иван Луняев и Михаил Жулин ежедневно сжинали по 5—6 га при норме 4 га. Комсомольцы и молодежь колхоза за четыре ночи заскирдовали 50 га ржи[56].

Огромную помощь в уборке урожая оказали пионеры и школьники. В основном они были заняты на подборе колосков. В 1941 г. на сельскохозяйственных работах в Рязанской области трудились более 150 тыс. учащихся, в 1942 г.— 113 489 человек, в 1943 г. — 103 586 пионеров и школьников[57]. В 1943 г. учащиеся выработали 492 682 трудодня, в среднем по 45 трудодней на одного школьника[58]. С помощью учащихся только на уборке урожая 1942 г. в Рязанской области ручной сбор колосьев был проведен с площади 499 777 га. В результате колхозы дополнительно получили 145 181 ц зерна[59].

В 1942 г. на колхозных и совхозных полях Рязанщины работало более 93,7 тыс. горожан. Всего за годы войны в Рязанской области на сельскохозяйственные работы из городов было привлечено свыше 283 тыс. рабочих и служащих[60].

Во время войны во Всесоюзном социалистическом соревновании тружеников сельского хозяйства участвовало 1 845 колхозов, или 95,5%, 4 148 колхозных бригад и 7 745 звеньев, или около 75% (данные по 30 районам Рязанской области). О повышении трудовой активности рязанских колхозников свидетельствует рост числа трудодней, выработанных на одного человека. Если в 1941 г. было выработано 124 трудодня, то в 1942 г. — 193, в 1943 г. — 226, в 1944 г. — 247[61].

Благодаря самоотверженному труду колхозников в колхозах Рязанской области поддерживался стабильный уровень посевных и уборочных площадей. Представление об этом дает табл. 1.

Важную роль в своевременной поставке убранного урожая на государственные заготовительные пункты играли молодежные транспортные бригады. В 1944 г. в Рязанской области работало более 900 молодежных транспортных бригад по вывозке зерна государству[63].

Таблица 1. **Посевы и валовой сбор зерновых и бобовых в Рязанской области в годы войны**[62]

Годы	Посеяно, *тыс. га*	Убрано, *тыс. га*	Сбор, *тыс. ц*
1941	—	1130,1	6349,4
1942	1251,2	1157,0	7171,3
1943	1206,8	7171,3	4700,4
1944	1246,8	1229,5	6242,9
1945	1254,7	1183,5	3821,0

Во время воскресников по хлебосдаче комсомольцы организовывали «Красные обозы»[64]. В 1943 г. Рязанский обком ВЛКСМ провел пять областных комсомольско-молодежных воскресников. В их ходе государству было сдано более 5 тыс. т зерна, тогда как в обычные дни колхозы и совхозы Рязанской области сдавали не более 50 т зерна в день[65].

В 1944 г. в Рязанской области прошли шесть областных комсомольско-молодежных воскресников по вывозке зерна государству, в которых приняло участие более 20 тыс. комсомольцев и молодежи. В ходе воскресников государству было сдано более 6,5 тыс. т зерна[66].

В 1944 г. Рязанская область впервые за время своего существования выполнила государственный план зернопоставок. На государственные заготовительные пункты областью было сдано 203 285 т зерна[67].

В 1944 г. колхозы и совхозы области сдали государству хлеба на 8 235 тыс. пудов больше, а картофеля на 151 тыс. пудов больше, чем в 1943 г.[68].

Желая помочь Красной Армии в деле окончательного разгрома немецких захватчиков, более 1 900 колхозов и 27 совхозов Рязанской области сдали в фонд Главного Командования Красной Армии более 2 млн. пудов хлеба и 672 тыс. пудов картофеля сверх установленного для них плана заготовок[69].

За годы войны колхозы и совхозы Рязанщины сдали государству более 65 млн. пудов зерна, 58 млн. пудов картофеля, 11 млн. пудов овощей и много других продуктов сельского хозяйства, почти 3,5 млн. пудов мяса[70].

Состояние общественного животноводства Рязанщины во время войны характеризует табл. 2.

Таблица 2. **Численность скота в колхозах Рязанской области на конец года** (*тыс. голов*)[71]

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Птица	Лошади
1941	75,6	27,8	33,0	81,5	127,8	128,0
1942	125,7	28,9	42,9	110,9	161,2	—
1943	149,0	29,3	36,3	128,9	149,1	95,3
1944	151,7	32,1	35,3	130,0	148,8	81,4

Во время войны значительно возрос удельный вес молодежи, работавшей в общественном животноводстве. Если до войны на животноводческих фермах Рязанской области трудились 1 500 комсомольцев и молодежи, то на 1 мая 1945 г. количество молодых животноводов составило более пяти тысяч человек[72]. В годы войны узким местом в животноводстве Рязанской области было коневодство. Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшению за ними ухода и содержания» Рязанской обком ВЛКСМ направил на работу конюхами 954 комсомольца[73]. Колхозные комсомольские организации установили тщательный контроль над уходом за лошадьми и сохранением конского поголовья. С их помощью животноводам Рязанщины удалось приостановить массовый падеж лошадей. За одиннадцать месяцев 1943 г. в Рязанской области пало 22 989 лошадей, или 17,5%, в том числе 1 572 жеребенка 1943 г. рождения, или 15,8% к числу народившихся жеребят[74].

В 1943—1944 гг. во многих районах Рязанской области лошади были поражены чесоткой. В декабре 1943 г. в Рязанской области 2 228 лошадей болели чесоткой. 211 из них были помещены в 175 изоляторов[75]. Из 2 228 чесоточных лошадей 1 824 головы прошли первичную санитарную обработку, а 1480 лошадей прошли такую обработку дважды. По завершении лечения 632 лошади были поставлены на карантин в колхозах[76].

В 1944 г. Ряжском районе чесоткой болело около 60% лошадей. Комсомольцы помогали правлениям колхозов строить газокамеры. Конюхами пошли работать 65 комсомольцев и молодых колхозников[77].

Во время войны одной из острейших проблем животноводства Рязанщины являлось обеспечение скота кормами. И здесь вновь свой весомый вклад внесла сельская молодежь. За годы войны комсомольцы и молодые колхозники Рязанской области заложили 468 430 т силоса[78]. В 1943 г. в Шиловском районе на силосовании работало 54 молодежных звена с охватом 834 человек. Они заложили 9,8 тыс. т силоса, выполнив план на 102%. В 1944 г. в районе работали 62 комсомольско-молодежных звена с охватом 1 020 человек. План заготовки силоса они выполнили на 106%[79]. В 1944 г. в Рязанской области было создано 1 240 молодежных звеньев по заготовке сочных и веточных кормов. В звеньях по-ударному трудились 13 945 юношей и девушек[80]. За правильным расходованием кормов следили комсомольско-молодежные контрольные посты по состоянию животноводства. В 1942 г. в Рязанской области было 450 таких постов, в 1943 г. — 632, в 1944 г. — 974[81]. Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, продуктивность общественного скота оставалась низкой. Так, надои на одну фуражную корову в Рязанской области за одиннадцать месяцев 1943 г. составили 1 146 кг молока при плане 1 500 кг, или 76%[82]. При этом отдельные доярки добивались высоких результатов. В 1943 г. доярка колхоза «Фундамент социализма» Шиловского района П. С. Корнечихина надоила в среднем на фуражную корову 4 168 л молока[83].

Во время войны рязанским животноводам удалось стабилизировать воспроизводство скота. Руководствуясь Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 марта 1942 г. «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах», колхозы Рязанщины добились определенных успехов в воспроизводстве общественного стада. В 1942 г. оно пополнилось 48 182 коровами, 2 155 овцами, 10 209 свиньями[84]. Колхоз «Труд» Рыбновского района выполнил план воспроизводства крупного рогатого скота на 141%, свиней — на 190% и овец — на 127%[85].

В 1943 г. на фермах Рязанщины народилось 31 055 телят, 31 988 поросят, 75 140 ягнят[86]. В 1943 г. деловой выход молодняка на 100 голов молочного стада составил 92 теленка, на 100 овцематок — 98 ягнят, на одну свиноматку — 6,3 поросенка[87].

Лучших производственных показателей добилась П. М. Малистова, телятница колхоза им. Сталина Пителинского района. Она вырастила до шестимесячного возраста 34 теленка. Телятница колхоза им. Сталина Пителинского района М. К. Данкова вырастила до шестимесячного возраста 31 теленка. Н. Н. Барыбина, свинарка колхоза «Путь социализма» Можарского района, от 11 свиноматок получила и вырастила 196 поросят[88].

За годы войны животноводы Рязанской области добились увеличения поголовья крупного рогатого скота. На 1 января 1945 г. оно составляло 163 590 голов, то есть на 48 тыс. голов больше довоенной численности. Почти довоенного уровня достигло и поголовье овец[89].

В годы войны колхозники и, рабочие МТС и совхозов Рязанской области восстановили и поддержали на должном уровне сельскохозяйственное производство, своим героическим трудом обеспечивали Красную Армию и городское население продовольствием, а промышленность — сырьем.

Примечания

[1] См.: РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 20. Л. 2; Немеркнущий подвиг: Сб. документов и материалов. — М.: Моск. рабочий, 1982. — С. 31.
[2] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8, Д. 78. Л. 14.
[3] См. там же.
[4] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294, Л. 31; Немеркнущий подвиг. — С. 47.
[5] См. там же. — С. 77.
[6] См. там же.
[7] См. там же. — С. 31.
[8] См. там же. — С. 31—32.
[9] См. там же. — С. 59.
[10] См. там же. — С. 67.
[11] См. там же. — С. 116—117.
[12] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 36. Л. 30; Немеркнущий подвиг. — С. 68.
[13] См. там же. — С. 69.
[14] См. там же. — С. 116.
[15] Подсчитано автором по: Немеркнущий подвиг. — С. 117—118.
[16] См.: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — М.: Наука, 1963. — С. 385—386.
[17] См. там же. — С. 386—388.
[18] См. там же. — С. 389—390.
[19] См. там же. — С. 391—392.
[20] См.: Очерки истории Рязанской организации КПСС. — М., 1974. — С. 345.
[21] Сталинское знамя. — 1941, 25 июня.
[22] См.: Немеркнущий подвиг. — С. 47.
[23] См.: Юность земли Рязанской: Очерки истории Рязанской организации ВЛКСМ. — М., 1984. — С. 215.
[24] См.: Немеркнущий подвиг. — С. 121, 170.
[25] См.: Рязанская область к 30-летию Октября: Сб. — Рязань, 1947. — С. 38.
[26] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 333. Л. 15.
[27] Немеркнущий подвиг. — С. 337—338.
[28] См.: Юность земли Рязанской. — С. 215.
[29] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 36. Л. 31 об.
[30] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 48.
[31] См. там же.
[32] См.: РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 20. Л. 12.
[33] См. там же. Д. 129. Л. 38-об.
[34] См. там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 333. Л. 10.
[35] См. там же. Оп. 127. Д. 36. Л. 33 об.
[36] См.: *Никишова А. С.* Деятельность ВЛКСМ по организации социалистического соревнования женских тракторных бригад в годы Великой Отечественной войны // Ленинский комсомол — боевой помощник КПСС в годы Великой Отечественной войны: Научная конференция. Секция вторая. — М., 1974. — С. 79.
[37] См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 2. Д. 1. Л. 324; Немеркнущий подвиг. — С. 185; *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941—1945: История и психология. — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — С. 101.
[38] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 50.
[39] См.: Комсомольская правда. — 1944, 25 дек.; *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. — М., 1977. — С. 192.
[40] См.: Юность земли Рязанской. — С. 217.
[41] См.: *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. — С. 192; *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941—1945. — С. 109.
[42] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 216. Л. 37; Немеркнущий подвиг. — С. 147.
[43] См.: РГАСПИ. Ф.112. Оп. 4. Д. 129. Л. 40 об.
[44] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 31; Юность земли Рязанской. — С. 219.
[45] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 31.
[46] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 36. Л. 37.
[47] См.: ЦХДМО. Ф.1. Оп. 6. Д. 264. Л. 29.
[48] См. там же. Д. 294. Л. 36.

[49] См. там же. Л. 37; Юность земли Рязанской. — С. 217.
[50] См. там же. — С. 218.
[51] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 54.
[52] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 36. Л. 35 об.
[53] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 33.
[54] См. там же. Л. 34.
[55] См. там же. Л. 33.
[56] См. там же.
[57] См. там же. Д. 6. Л. 77; Д. 294. Л. 92, 95.
[58] См. там же. Д. 294. Л. 95.
[59] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 36. Л. 35 об.
[60] См.: См.: Немеркнущий подвиг. — С. 122.
[61] См. там же. — С. 128.
[62] Таблица составлена по: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны.— С. 413—424.
[63] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 34; Юность земли Рязанской. — С. 219—220.
[64] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 35.
[65] См. там же. Л. 36.
[66] См. там же.
[67] См. там же. Л. 34.
[68] См.: Немеркнущий подвиг. — С. 232.
[69] См. там же.
[70] См.: Рязанская область к 30-летию Октября. — С. 38; Юность земли Рязанской. — С. 221; Немеркнущий подвиг. — С. 124.
[71] Таблица составлена по: *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — С. 425—432.
[72] См.: Юность земли Рязанской. — С. 220.
[73] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 43.
[74] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 333. Л. 14.
[75] См. там же.
[76] См. там же.
[77] См.: ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 294. Л. 43.
[78] См. там же. Л. 45.
[79] См. там же.
[80] См. там же. Л. 46.
[81] См. там же. Л. 47.
[82] См. там же. Ф. 17. Оп. 88. Д. 333. Л. 14.
[83] См.: Немеркнущий подвиг. — С. 177.
[84] См. там же. — С. 175.
[85] См. там же. С. 176.
[86] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 333. Л. 14.
[87] См. там же.
[88] См.: Немеркнущий подвиг. — С. 177.
[89] См.: Рязанская область к 30-летию Октября. — С. 38; Юность земли Рязанской. — С. 220.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ УГОДСКОГО КРАЯ В 1953—1964 гг.*

***А. И. Ульянов**, учитель, школа-пансион «Дубравушка», г. Обнинск*

Смерть И. В. Сталина открыла новую эпоху советской истории. «Оттепель» привела не только к общественно-политическим переменам, но и породила настоящий краеведческий бум.

В Калужской области в условиях нехватки гуманитарных кадров этот бум первоначально принял характер «экспорта» краеведения из столицы и областного центра на места.

---

* Доклад является продолжением темы, начатой автором ранее (см. материалы XI, XII и XIII Всероссийских научных конференций «Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья»).

В январе 1955 г. М. Михалев, сотрудник Калужского областного краеведческого музея, опубликовал в районной газете статью «Из истории Угодского завода» (см.: 11). Тем самым было положено начало возрождению угодского краеведения. Через год, на основе новых материалов, Михалев повторил публикацию под названием «Из истории нашего края» (см.: 12).

Эти статьи были краткими научно-популярными очерками по истории Угодско-заводского и Высокиничского районов. Михалев начинает историю края с первых лет нашей эры и доводит ее до XX в., выделяя среди прославленных имен маршала Г. К. Жукова и математика П. Л. Чебышева.

Однако скудные источники, которыми пользовался Михалев, не позволили ему создать относительно полную историю края. Его описание фрагментарно, отрывочно и содержит распространенные ошибки, например об основании Петром I железоделательных заводов края. В то же время эти публикации стали заметным вкладом в угодскую историографию и заложили, пусть и с ошибками, основу для будущих краеведческих изысканий.

Не менее ценными, хотя и в исторической перспективе, оказались рукописи столичного жителя П. В. Всесвятского «Материалы для краеведов района» и «50 лет со дня открытия Угодско-заводской больницы Калужской области» (см.: 4, 5). Написанные им в 1956—1958 гг., рукописи содержат уникальные сведения и воспоминания о деятельности интеллигенции Угодского края на рубеже XIX—XX вв. Не имея возможности опубликовать их, Всесвятский передал эти страницы кому-то из местных краеведов и позже они попали в фонды музея маршала Г. К. Жукова. К сожалению, использовать эти аполитичные воспоминания в полном объеме стало возможно лишь в эпоху перестройки.

В 1957 г. постановлением Правительства РСФСР могила П. Л. Чебышева была объявлена памятником культуры, находящимся под охраной государства. Спустя три года церковь, в которой был похоронен математик, объявили памятником архитектуры. Эти решения способствовали как повышению уровня известности ученого, так и сохранению его останков. Большую роль в пропаганде жизни и деятельности славного земляка сыграл подвижнический труд В. Е. Прудникова.

К этому времени на госохрану также были взяты ворота в бывшей усадьбе Е. Р. Дашковой в с. Троицком. В 1957 г. Н. Маслов, впервые в районной печати описав жизнь и деятельность Дашковой, призвал взять также на госохрану обелиск и церковь с могилой княгини (см.: 10). Подобные инициативы, все чаще появляясь на страницах местных газет, постепенно активизировали общественность, способствовали культурному просвещению населения и увеличивали массовость краеведческого движения.

В 1957 г. начал свою просветительскую деятельность добровольного экскурсовода у памятника войны 1812 г. в селе Тарутино Василий Яковлевич Синельщиков. В том же году своей публикацией «Прошлое и настоящее села Тарутино» (см.: 14) этот школьный учитель фактически открыл историографию села русской славы. В своем очерке Василий Яковлевич рассказал читателям не только о событиях 1812 года, но и о А. С. Пушкине, Петре I и потребительской кооперации села. Статья учителя стала первым популярным краеведческим очерком о Тарутине.

В том же году студент Калужского пединститута Е. Изгаршев опубликовал два очерка — «Из прошлого нашего района» и «Прошлое села Оболенское» (см.: 7, 8). В них впервые с учетом исторической методологии автор описал историю сел Высокиничской волости Тарусского уезда.

В 1957 г. исполнилось сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим в «Колхозной газете» были опубликованы ценные для изучения темы воспоминания участников этих событий в крае (см.: 17).

В конце 1950-х гг в Калужском крае начала работу Верхнеокская экспедиция Института истории АН СССР под руководством Т. Н. Никольской. Она, в частности, внесла заметный вклад в изучение древностей Угодского края.

С начала 1960-х гг в краеведческое движение вовлекаются широкие слои населения. Развивается массовый познавательный туризм. Возникают музеи на общественных началах, которые позже станут филиалами областного музея, центра калужского краеведения. Появляются первые книги по истории районных центров и их окрестностей.

Одной из таких книг стал труд В. М. Беспалова и А. Е. Дмитриева «Малоярославец», изданный в 1960 г. (см.: 1). Авторы описали историю города, затронув прошлое края лишь постольку, поскольку оно было связано с Малоярославцем. Подробно описаны раскопки на Огубском городище. Книга содержала типичные ошибки, например в том, что касается основания местных заводов.

Нередко ошибки были следствием отсутствия исторического образования у краеведов и небрежного отношения к историческим источникам. Сказывалось также влияние коммунистической идеологии и советской журналистики. В полной мере это относится и к авторам книги о Малоярославце. А. Е. Дмитриев, основатель городского музея, по профессии был преподавателем черчения и рисования. Его соавтором выступил редактор районной газеты, член бюро райкома КПСС В. М. Беспалов.

Те же проблемы сопровождали выход в свет книги И. Бодрова и Н. Гостунского о Тарусе (см.: 2). Главное внимание в ней уделяется исторической судьбе советской Тарусы, а о ее дореволюционном прошлом в книге упоминалось очень кратко. Один из авторов, Н. Гостунский, по профессии гидролог, увлекался краеведением. Другой, ставший ненадолго лидером тарусского краеведения — типичный советский журналист.

Несмотря на недостатки, новинки краеведческой литературы расходились среди читателей довольно быстро. Такая востребованность объяснялась как жаждой исцеления от исторического беспамятства, так и повышением интереса к малой родине.

Тем временем в местной печати появилась серия статей «Из истории нашего края» (см.: 15). Публикация интересна новой формой работы над темой. Практически все известные угодские краеведы, не выделяя своего персонального вклада, объединились для написания коллективной истории края. Главной целью публикации было привлечение внимания общественности к необходимости создания в селе Угодский завод музея. Благодаря поддержке местных властей, героя войны А. М. Курбатова и группы энтузиастов во главе с А. Д. Терешиным вскоре удалось создать инициативную группу.

Церемония официального открытия музея состоялась 11 декабря 1960 г. С этого времени музей стал центром собирательской и культурно-просветительской работы в крае.

В 1961 году вышла в свет брошюра С. Гурова и Н. Хромиенкова о математике Чебышеве (см.: 6). Авторы для ее написания использовали обширный материал, включая архивные документы и воспоминания. Большую помощь им оказал В. Е. Прудников. Скромная по объему книжечка внесла заметный вклад в изучение жизни и деятельности Чебышева.

В том же году появился художественно-популярный очерк об уроженце д. Бухловки М. П. Артемове, ставшем впоследствии заметным представителем областной власти (см.: 9). Ныне практически забытая брошюра содержала интересные сведения о быте крестьян-отходников и революционном движении в Угодском крае.

На более высоком уровне написана книга Ю. Харитоновой и Д. Шербакова «Крестьянское движение в Калужской губернии (1861—1917)» (см.: 16). Впервые в калужской историографии столь широко, на основе архивных документов, была раскрыта картина крестьянского движения, в том числе в Угодском крае. Книга до сих пор не утратила своего значения, хотя неизбежный налет идеологии снизил уровень ее научной объективности.

150-летний юбилей Отечественной войны 1812 г., широко отмечавшийся в стране, затронул и наш край. 1 июля 1962 г. в селе Тарутино открылся музей. В этом была большая заслуга краеведа В. Я. Синельщикова, внесшего большой личный вклад в его создание.

Время «оттепели» привнесло в общество атмосферу оптимизма. Этот настрой затронул и краеведение. Публикации шестидесятых, нередко поверхностные и не вносящие в тему ничего нового, тем не менее были неизменно оптимистичны.

Например, окрыленный успехом первой книги о Тарусе, И. Я. Бодров в 1962 г. выпустил в свет свою книгу (см.: 3). В ней были довольно широко представлены страницы истории города и его окрестностей. Однако литературные достоинства и бодрый стиль изложения не могли компенсировать серьезных недостатков. Автор проигнорировал историческое прошлое Тарусы до 1905 г. и очень тенденциозно изложил события 1905—1917 гг.

62 Зак. 1053

В 1964 г. И. Я. Бодров опубликовал в столичном издательстве еще одну книгу — «Приокские дали», которая подверглась в «Литературной газете» разгромной, но вполне заслуженной критике за «баснословные сведения» и другие недостатки.

В том же году появился сборник статей «По просторам Калужского края» (см.: 13). Туристическое движение к середине 1960-х гг. приобрело широкий размах, но стало сопровождаться варварским отношением туристов к природе и памятникам старины. Поэтому авторы поместили в книге соответствующие разделы-предупреждения — «Памятка туристам», «Берегите природу, памятники истории и культуры» и др. Нашлось в ней место и для описания (автор Н. М. Маслов) достопримечательностей Угодского края. Сборник подвел своеобразный итог угодскому краеведению времен «оттепели» и создал основу для продолжения исследований по теме.

Краеведение периода «оттепели» привело к появлению публикаций заложивших основу в изучении малой родины почти на тридцать лет. В это же время в Угодском крае появились новые музеи. Активно развивался познавательный туризм. Краеведческое движение стало массовым. Вместе с тем идеологические рамки, а также слабое владение исторической методологией привели ряд авторов этого периода не просто к повторению ранее открытого, но и к закреплению в историографии ошибок, вольно или невольно допущенных предшественниками. Эти черты, ставшие типичными, определили развитие угодского краеведения в последний советский период.

Литература

1. *Беспалов В., Дмитриев А.* Малоярославец. — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1960.
2. *Бодров И., Гостунский Н.* Таруса. — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1960.
3. *Бодров И. Я.* Таруса. — Тула: Приокск. кн. изд-во, 1962.
4. *Всесвятский П.* Материалы для краеведов района // Отдел фондов Государственного музея Г. К. Жукова.
5. *Всесвятский П.* 50 лет со дня открытия Угодско-заводской больницы Калужской области // Отдел фондов Государственного музея Г. К. Жукова.
6. *Гуров С. Хромиенков Н.* Великий русский ученый Пафнутий Львович Чебышев. — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1961.
7. *Изгаршев Е.* Из прошлого нашего района // Колхозная газета. — 1957, … — С. 2.
8. *Изгаршев Е.* Прошлое села Оболенское // Колхозная газета. — 1957, 21 нояб.
9. *Калашников В.* Солдат армии Ленина. — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1961.
10. *Маслов Н.* Село Троицкое и Е. Р. Дашкова // Колхозная газета. — 1957, … — С. 2.
11. *Михалев М.* Из истории Угодского завода // Колхозник. — 1955, 20 янв. — С. 2; 23 янв. — С. 2.
12. *Михалев М.* Из истории нашего края // Колхозная газета. — 1956, 12, 15, 18 янв.
13. По просторам Калужского края. — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1964.
14. *Синельщиков В.* Прошлое и настоящее села Тарутино // Колхозная газета. — 1957, 3, 7 нояб.
15. *Синельщиков В., Изгаршев Е., Маслов Н., Михалев М.* Из истории нашего края // Знамя коммунизма. — 1960, 12, 16 июля, 2, 9, 16 авг.
16. *Харитонова Ю., Щербаков Д.* Крестьянское движение в Калужской губернии (1861—1917). — Калуга: Калужск. кн. изд-во, 1961.
17. *Шевяков Н., Спиридонов В.* Из истории установления советской власти в тарусском уезде // Колхозная газета. — 1957, 20 окт. — С. 2.

ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ПОВЕСТИ О ПРЕПОДОБНОМ ПАФНУТИИ

***С. В. Федотов**, асп.,*
Институт российской истории РАН

Повесть о преподобном Пафнутии, как отметил академик Д. С. Лихачев, представляет собой «своеобразное литературное “чудо” XV века»[1]. Однако многие вопросы, связанные с историей создания данного памятника, являются до сих пор не изученными. К их числу относится и проблема определения времени создания Повести о преподобном Пафнутии.

Первые попытки датировать Повесть о преподобном Пафнутии были сделаны во второй половине XIX в. Одним из первых исследователей, высказавших предположение о возможном времени создания памятника, был И. С. Некрасов. Он отметил, что «тот час же после смерти Пафнутия, последовавшей в 1477 году, явилась записка о последних днях жизни и погребении Пафнутия»[2]. Однако И. С. Некрасов не указал более конкретное время создания памятника и не привел аргументы, подтверждающие его предположение.

Обоснованную датировку Повести о преподобном Пафнутии предложил В. О. Ключевский. По его мнению, памятник был составлен учеником Пафнутия Боровского Иннокентием в 1477 или 1478 г.[3] Аргументы В. О. Ключевского подробно будут рассмотрены ниже.

Мнение В. О. Ключевского о времени создания Повести о преподобном Пафнутии нашло отражение в работах XX — начала XXI в. Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Л. А. Дмитриева, А. В. Топильской[4].

Следует подчеркнуть, что Повесть о преподобном Пафнутии неоднократно издавалась. В 1871 г. памятник был введен в научный оборот В. О. Ключевским[5]. Затем Л. А. Дмитриев издавал его трижды[6]. Однако, несмотря на несколько публикаций, вопрос о времени создания Повести о преподобном Пафнутии так и не был решен исследователями.

Повесть о преподобном Пафнутии сохранилась полностью только в одном списке в составе религиозно-нравоучительного сборника, который в настоящее время хранится в Российской государственной библиотеке, собрании Иосифо-Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515 (далее — РГБ, Вол., № 515)[7]. Данный сборник написан на 535 листах разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат сборника в 4°.

Сборник РГБ, Вол., № 515 принадлежал Марку Левкеинскому, иноку Иосифо-Волоколамского монастыря, жившему в XVI веке[8]. Об этом свидетельствуют пометы на полях листов сборника. На нижнем поле 1 листа сохранилась часть записи полууставом: «Съборник Маръка Левкh…». Другая помета содержится на обороте 533 листа: «Съборник Марка Левъкhиньскаго». Кроме того, на обороте 1 листа содержится сохранившийся фрагмент другой пометы: «……Макареи читал сию».

Состав и краткое палеографическое описание сборника РГБ, Вол., № 515 даны в работах иеромонаха Иосифа и П. М. Строева под № 319[9]. В указанных описаниях рукописей данный сборник датирован XVI веком[10].

Рассмотрим аргументы В. О. Ключевского, на основании которых им была датирована Повесть о преподобном Пафнутии. По мнению исследователя, памятник был создан в 1477 или в 1478 г. до ухода Иосифа Санина из монастыря Рождества Богородицы[11]. Основанием для данной датировки В. О. Ключевскому послужил тот факт, что Иннокентий Дивный, говоря об иноках, которые пришли навестить умирающего Пафнутия Боровского и могли подтвердить достоверность рассказа автора, называет в их числе Иосифа Санина[12]. В тексте памятника по этому поводу говорится: «Аще ли же реченъная вамъ, братие, не вhрьна мнятъся, не буди мънh лъгати на преподобнаго, понеже и свhдhтелие суть неложьнии; приидоша тогда братиа на посhщение старьца — Иосиф, Аръсении и Варсанофеи, и келеиникъ старьцевъ»[13].

Данное построение В. О. Ключевского имеет несколько недостатков. Во-первых, следует обратить внимание на то, что Иннокентий Дивный просто перечислил участников события, а не подчеркнул, что во время создания Повести о преподобном Пафнутии все названные иноки находились в монастыре Рождества Богородицы под Боровском. Во-вторых, Иосиф Санин, как считают А. А. Зимин и А. И. Алексеев, окончательно покинул обитель, основанную Пафнутием Боровским, в мае 1479 г.[14] Однако до мая 1479 г. он постоянно отсутствовал в монастыре. Так, после смерти Пафнутия Боровского Иосиф Санин был в Москве, где великий князь Иван III Васильевич утвердил его на игуменство в монастыре Рождества Богородицы[15]. Вернувшись в обитель, Иосиф Санин быстро покидает ее и отправляется в путешествие по русским монастырям до 1479 года[16]. Таким образом, упоминание Иосифа Санина в Повести о преподобном Пафнутии как одного из свидетелей достоверности рассказа Иннокентия Дивного, на мой взгляд, не является убедительным аргументом для датировки памятника.

Рассмотрим конкретные факты, позволяющие уточнить датировку данного сочинения Иннокентия Дивного. Во-первых, Повесть о преподобном Пафнутии была написана после его преставления, поскольку в ней описаны последние восемь дней жизни старца и его погребение, то есть она охватывает события с 24 апреля по 2 мая 1477 г.[17] Следовательно, нижняя хронологическая граница создания памятника — не ранее 2 мая 1477 г. Во-вторых, рассмотрим одну особенность Повести о преподобном Пафнутии — в ней упомянута великая княгиня Мария Ярославна[18], дочь князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского и мать великого князя Ивана III Васильевича. Согласно летописным данным, Мария Ярославна постриглась в монахини на Сретение, 2 февраля 1479 г., и была названа Марфой[19]. После 2 февраля 1479 г. великая княгиня Мария Ярославна упоминается в источниках как «великая княгиня инока Марфа» или «великая княгиня Марфа»[20]. Пострижение в монахини дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского, которая, по свидетельству Иннокентия Дивного, «велику вhру имhше кь Пречистые монасътырю и любовь кь своему богомольцу, старьцу Пафънотью, яко же инъ никъто же»[21], не могло остаться неизвестным в Боровске и в находящемся рядом с городом монастыре Рождества Богородицы.

О том, что в Пафнутиевом Боровском монастыре великую княгиню Марию Ярославну после пострижения называли ее иноческим именем, свидетельствует синодик, составленный в данной обители. Рассмотрим сведения монастырского синодика более подробно.

Данный синодик хранится в коллекции Калужского областного краеведческого музея, № 7388 (далее — КОКМ, Кл., № 7388). Синодик КОКМ, Кл., № 7388 написан на 191 листе разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат рукописи в 1°.

О времени составления синодика и лицах, принимавших в этом участие, сообщается в специальной записи, сделанной полууставом: «В лhта 7162-го декабря въ 8 день списана бысть сия душеполезная и спасителная книга, нарицаемая синоникъ с Пофнутьева съ старого синоника. А переписан же бысть при благовhрном и христолюбивомъ государе царе и великомъ князе Алексhе Михаиловиче всеа Русии и при отце его и богомолце великого господина святhишаго Никона потриарха Московъском и всеа Русии на память преподобнаго отца нашего Патапия. А совершена бысть того же году апрhля въ 17 день, на память преподобнаго отца нашего Симеона иже в Персиде. Написанъ же бысть въ пречестную обитель Пресвятыя Владычица нашея Богородицы и Приснодевы Мария честного и славнаго ея рождества во обьщии монастырь Пафнутьевъ. А замышлениемъ и состроениемъ келаря Иова Панина. А преписанъ же бысть сии синоникъ многогрhшным и непотребнымъ рабом Михаилецемъ»[22].

Согласно приведенной записи, синодик КОКМ, Кл., № 7388 был начат 8 декабря 1653 г., а завершен 17 апреля 1654 г. Инициатором составления синодика был келарь Иов Панин, а исполнителем работ — Михайлец, вероятно один из иноков обители. Важно подчеркнуть, что анализируемый синодик является копией более древнего — «старого» — синодика монастыря Рождества Богородицы и, следовательно, отражает более раннюю традицию поминания в данной обители.

В синодике КОКМ, Кл., № 7388 есть помянник, посвященный княгиням, который выделен киноварным заголовком «Помяни, Господи, благочестивыя княгини»[23]. Первыми в помяннике княгинь названы следующие имена: «Великую кнегиню иноку Еуфросинию. Великую кнегиню Софью. Великую кнегиню иноку Марфу. Великую кнегиню Марию»[24].

Под именем великой княгини иноки Евфросинии в данном случае имеется в виду София Витовтовна — дочь великого князя Литовского Витовта, жена великого князя Василия I Дмитриевича. Она преставилась 5 июля 1453 г. и была погребена в московском Вознесенском монастыре, «идh же и свекры ея великаа княгини Евдокhа, а наречена въ мнишьском чину Еуфросинья»[25]. Вторая записанная в помяннике княгиня — София Фоминична, дочь Морейского деспота Фомы Палеолога, вторая жена великого князя Ивана III Васильевича. Она умерла 7 апреля 1503 г. и была погребена в московском Вознесенском монастыре[26]. Далее записано имя великой княгини иноки Марфы — до пострижения Марии Ярославны, жены Василия II Васильевича Темного, дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского. Она умерла 4 июля 1485 г.[27] Последним указано имя великой княгини Марии — дочери великого князя Бориса Александровича Тверского, первой жены Ивана III Васильевича. Она умерла 22 апреля 1467 г. в три часа ночи и была погребена в московском Вознесенском монастыре 24 апреля[28]. Следует отметить, что в данном помяннике последовательность имен великих княгинь перепутана. После Софии-Евфросинии Витовтовны должна быть записана Мария Борисовна, а затем — Мария-Марфа Ярославна и София Фоминична.

В синодике монастыря Рождества Богородицы Мария Ярославна записана как «великая кнегиня инока Марфа», так же как и в других источниках после ее пострижения в монахини 2 февраля 1479 года. В Повести о преподобном Пафнутии Мария Ярославна названа еще своим мирским именем: «великая княгиня Мария»»[29]. Следовательно, если бы Иннокентий Дивный писал Повесть о преподобном Пафнутии после 2 февраля 1479 г., он бы назвал Марию Ярославну «великои княгинеи инокои Марфои» или «великои княгинеи Марфои». Таким образом, верхним хронологическим рубежом создания Повести о преподобном Пафнутии можно считать февраль 1479 г.

Проведенный текстологический анализ Повести о преподобном Пафнутии дает все основания датировать данный памятник временем после 2 мая 1477 г. и до февраля 1479 г.

Примечания

[1] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. — 3-е изд. — М., 2006. — С. 144.

[2] *Некрасов И. С.* Зарождение национальной литературы в Северной Руси. — Ч. I: О первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII века. — Одесса, 1870. — С. 36.

[3] См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871. — С. 207.

[4] См.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. — С. 144; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. — Л., 1970. — С. 419; История русской литературы. — Т. I: Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д. С. Лихачева, Г. П. Макогоненко. — Л., 1980. — С. 208; *Лурье Я. С.* Иннокентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). — Ч. 1: А—К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л., 1988. — С. 404; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М., 1982. — С. 663; Повести и сказания Древней Руси / Сост. Н. В. Понырко; Под ред. Д. С. Лихачева. — СПб., 2001. — С. 982; Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 7: Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. — СПб., 2005. — С. 519; Жития святых в древнерусской письменности. — Вып. 1: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М. С. Крутова. — М., 2002. — С. 149.

[5] См.: Записка Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского // *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — С. 439—453 (репр. изд..: М., 1988. — С. 439—453).

[6] Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М., 1982. — С. 478—513; Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Повести и сказания Древней Руси. — С. 403—420; Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 7. — С. 254—285.

63 Зак. 1053

[7] См.: РГБ, Вол., № 515. Л. 395—419.

[8] См.: *Дмитриева Р. П.* Марк Левкеинский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). — Ч. 2: Л—Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. — Л., 1989. — С. 102—103.

[9] См.: *Иосиф, иеромонах.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. — М., 1882. — С. 149—154; *Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева Боровского. — СПб., 1891. — С. 138—140.

[10] См.: *Иосиф, иеромонах.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. — С. 149; *Строев П. М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева Боровского. — С. 138.

[11] См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — С. 207.

[12] См. там же. — С. 207.

[13] РГБ, Вол., № 515. Л. 408-408 об.

[14] См.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). — М., 1977. — С. 50; *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480—1510-х гг. — СПб., 2010. — С. 19.

[15] См.: *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). — С. 45.

[16] См. там же. — С. 48—50.

[17] См.: РГБ, Вол., № 515. Л. 395—419.

[18] См. там же. Л. 405.

[19] См.: ПСРЛ. — Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — М., 2001. — С. 198; Т. XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М., 2000. — С. 188; Т. XVIII: Симеоновская летопись. — М., 2007. — С. 265—266; Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. — М., 2004. — С. 322.

[20] Там же. — Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — С. 206, 215—216; Т. XII: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — С. 200, 216; Т. XVIII: Симеоновская летопись. — С. 268, 270—271; Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. — С. 327; Т. XXVI: Вологодско-Пермская летопись. — М., 2006. — С. 264—265, 277, 327.

[21] РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

[22] КОКМ, Кл., № 7388. Л. 179—179 об.

[23] Там же. Л. 37 об.

[24] Там же.

[25] ПСРЛ. — Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. — С. 273; Т. XXVI: Вологодско-Пермская летопись. — С. 212.

[26] См. там же. — Т. XXVI: Вологодско-Пермская летопись. — С. 296.

[27] См. там же. — С. 277, 327.

[28] См там же. — С. 222.

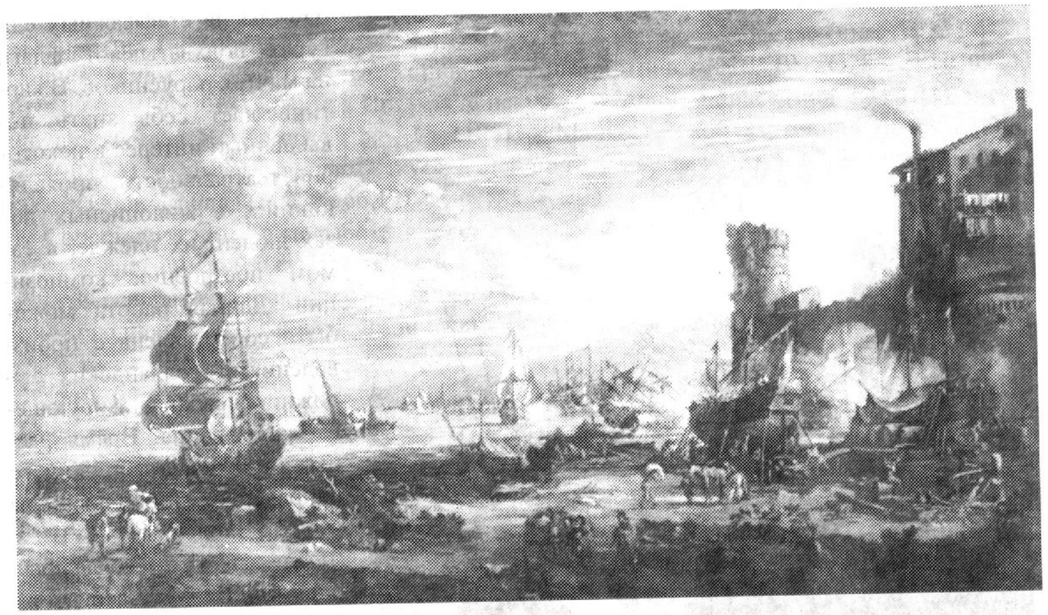
[29] РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОЛЛАНДСКОГО И ФЛАМАНДСКОГО ИСКУССТВА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ*

***М. В. Зверева**, к. культурологии, зав. отд.,*
Калужский областной художественный музей

Проблемы атрибуции произведений голландского и фламандского искусства остаются одними из наиболее сложных задач любого российского музея. В каждом музее имеются работы, авторы которых до сих пор не выявлены. Формирование базы данных по нидерландскому искусству осуществляется ведущими музейными организациями нашей страны (Третьяковской галереей, Эрмитажем, Государственным музеем изобразительных ис-

* Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Калужской области (проект № 11-14-40001а/Ц).

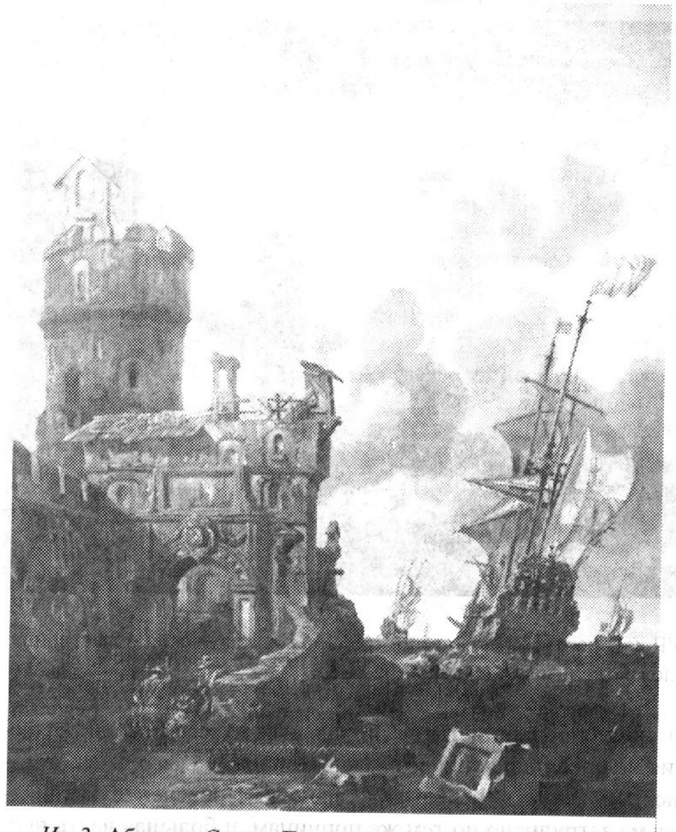


Ил. 1. Голландский мастер XVII в. В порту. Холст, масло. 265×155 см. Калужский областной художественный музей. Инв. № Ж-83.

кусств имени А. С. Пушкина), но для большинства региональных музеев России осуществлять подобные исследования не представляется возможным, прежде всего из-за отсутствия контактов со специалистами извне и нехватки финансов. Проведение технико-технологических экспертиз весьма затруднено по тем же причинам, и большая часть произведений остается вне необходимых исследований. Кроме того, существует проблема сохранности старой живописи, в которой позднейшие наслоения (или неправильно проведенная реставрация) могут до неузнаваемости изменить внешний вид картины. Наиболее полная база данных имеется в Нидерландском институте истории искусств, РКД (Rijksbureau voor Kunsthistorische Documentatie, RKD), где собраны сведения о работах, хранящихся в музеях и частных коллекциях. В данной статье приведены результаты исследований, осуществленных на основе документов, хранящихся в архиве РКД.

Картина «В порту» (холст, масло; 155×265 см; инв. № Ж-83) поступила в музей в 1920-е гг. (точная дата и источник поступления не указаны), числилась как произведение неизвестного голландского художника XVII в. (?) (ил. 1). Запись в инвентарной книге № 1 (1938 г.) сделана под порядковым номером 433, старый инвентарный номер — 486. В результате произошедшего в 1924 г. объединения калужских музеев и последующего их разделения в 1939 г., с передачей ряда работ из художественного отдела Калужского Объединенного Музея в исторический (и из исторического — в художественный), в современной инвентарной книге работа значится как переданная из Калужского краеведческого музея в 1939 г. Реставрирована в 2010 г. реставратором Б. В. Дмитриевым.

На картине изображена прибрежная акватория, окаймленная высокими домами, населенная множеством фигурок и сцен. Живописный итальянский пейзаж — плод фантазии художника. На переднем плане справа — строящийся корабль на фоне старинной крепостной стены с аркой и круглой башней, в левой части картины — парусник с голландским флагом, в центре и на заднем плане — многочисленные парусные суда и лодки на рейде, вдали утесы гор, закрытые легкой дымкой. Небо покрыто облаками, лучи солнца ложатся на землю и воду крупными пятнами. Цветовая гамма отличается сдержанностью: в палитре художника лишь несколько основных тонов — коричнево-золотой и охристый, горы на заднем плане выполнены в серебристо-серых тонах. Светлые тона использованы для передачи цвета неба, воды и гор, темные тона — для изображения земли, старинных каменных строений, кораблей. Сильный контраст делит полотно пополам по диагонали. Художник расставляет несколько ярких акцентов: насыщенные красные и синие цвета



Ил. 2. Абрахам Сторк. Голландский парусник проходит форт. Холст, масло. 86,4×68,6 см. Национальный морской музей Гринвича, Лондон (Англия). Инв. № BHCO928.

одежды на стаффажных фигурах подхватывают флаги на мачтах парусников. В картине дает себя знать повышенный интерес к некоторой театральности, проявляющийся в живописных позах людей, их одежде, в самом построении композиции. Данная работа может быть сопоставлена с произведениями голландских художников итальянизирующего направления. Время расцвета итальянизирующего направления пришлось на вторую половину XVII в. (после 1648 г., когда был подписан Вестфальский мир). В этот период многие живописцы отправлялись в путешествия, привозя из дальних странствий новые впечатления и мотивы для своих произведений. Итальянская природа и античные руины заняли на голландских полотнах заметное место, тем не менее художники старались сохранить в своей живописи национальный характер. В качестве самостоятельной разновидности утверждается морской пейзаж (марина). В числе итальянистов были такие мастера, как К. ванн Пуленбург, Я. Асселейн, А. Пейнакер, Я. Б. Веникс, Ф. де Мушерон, Н. Берхем, Ф. Вауверман, Я. Бот, П. Ван Лар, К. Дюжарден, Я. Хаккерт. Однако их произведения стилистически далеки от исследуемой картины. Наиболее близкими аналогами ее можно назвать работы Абрахама Сторка (1644—1710), который создал значительное количество изображений «морских парадов», средиземноморских гаваней и портов[1].

А. Сторк учился у своего отца Яна Янсена Сторка (1603—1667), состоял в Гильдии Святого Луки в Амстердаме. Излюбленными темами творчества художника были гавань родного города, изображения кораблей, горожан, виды Средиземного моря и батальные сцены. Сторк много работал с натуры, уделяя большое внимание передаче водной стихии, игре света в облаках и на воде. Под впечатлением визита в Голландию Петра Первого (1697) Сторк написал два полотна «Показательный бой на реке Эй в честь Петра Великого 22 августа 1697 года», одно из которых хранится в Амстердаме, а второе было прислано в подарок Петру I. Известно, что Абрахам Сторк создал целый ряд фантазийных видов средиземноморских гаваней, где архитектурный контекст не был основан на реальности, а в некоторых его работах можно видеть сочетание средиземноморской архитектуры с голландской[2]. В архиве РКД имеется информация более чем о двухстах морских пейзажах, созданных этим мастером[3], из них около двадцати стилистически и композиционно близки картине из нашего музея. Это произведения, находящиеся в различных музеях и частных коллекциях: в Рейксмузеуме Амстердама (инв. №№ 236, A1521, A4102, SK C 235), музее Бойманса-ван Бёнингена в Роттердаме (инв. № 1831, 1832), Морском музее Амстердама [инв. №№ S 1562, A 0280, B 207 (5)], Историческом музее Амстердама (инв. №№ A21, B332), в Королевской галерее Маурицхёйс (инв. №№ 173, 174), в Рейксмузеуме Твенте в Энсхеде (инв. №№ 66, 68), в Национальной галерее Шотландии

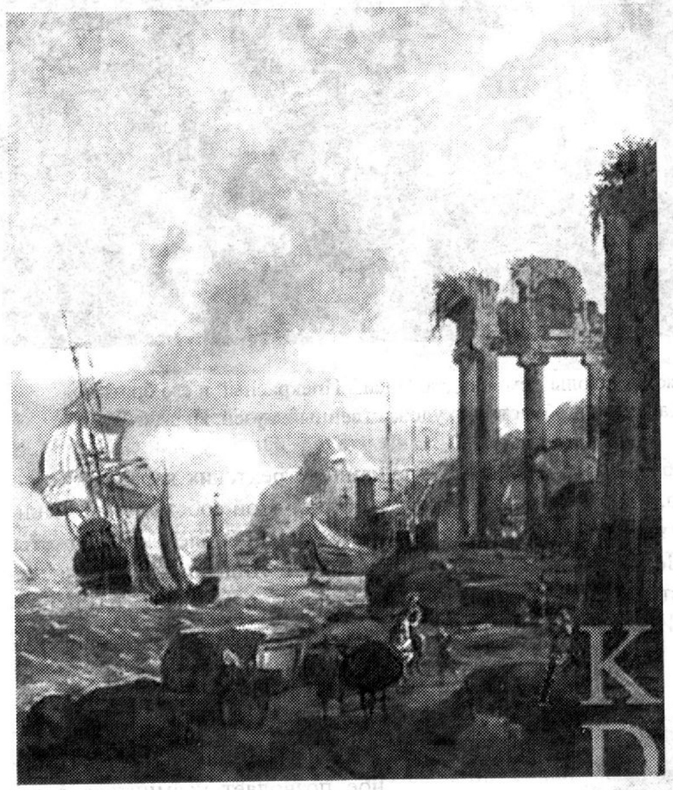
в Эдинбурге (инв. №№ D 604, D 613, D 862), музее Фабрав Монпелье (инв. № 823-1-3), Национальном морском музее Гринвича, Англия (инв. №№ BHCO286, BHC0924, BHC0925, BHCO928) (ил. 2), в Институте искусств в Миннеаполисе (инв. № 84.31), музее Фитцуильяма в Кембридже (инв. № 1108), в Манчестерской картинной галерее (инв. № 1908.31), в Музее изящных искусств Лейпцига (инв. № 1063), в Музее изящных искусств Спрингфилда (инв. № 66.10), и других (ил. 3).

Сопоставляя названные работы с рассматриваемой картиной можно отметить:

— аналогичную манеру изображения неба и воды;

— своеобразную трактовку фигур персонажей дальнего плана;

— сходное изображение круглой башни (в правой или левой части композиции).

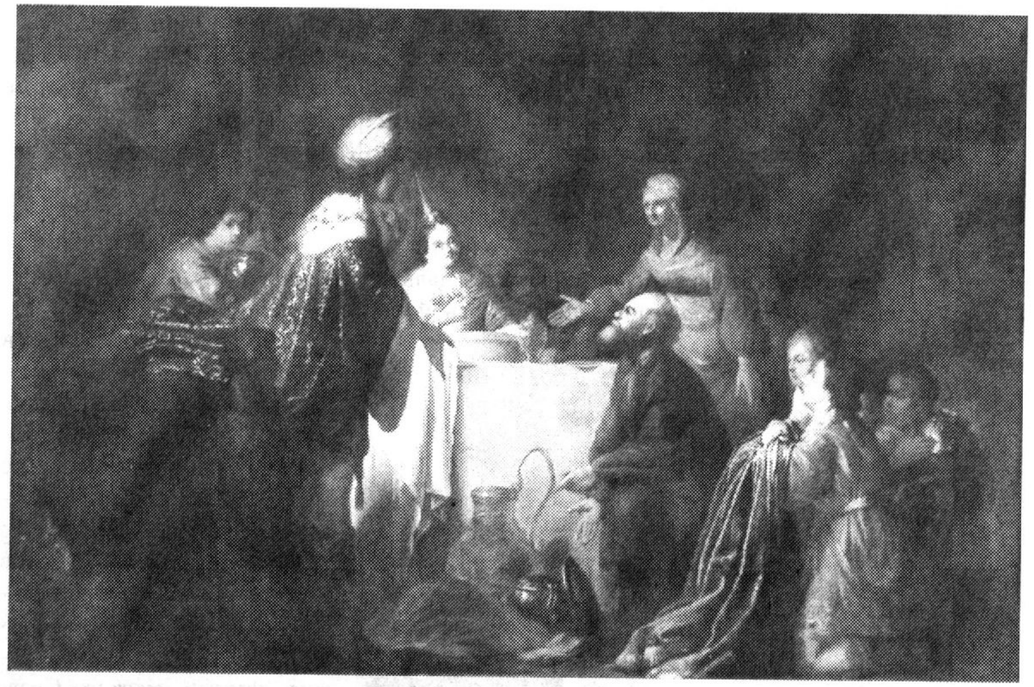


Ил. 3. Абрахам Сторк. Средиземноморская гавань. 1677. Холст, масло. 84,7×71 см. Аукцион «Кристи», Амстердам, 2007. Лот № 113

В большинстве случаев Сторк использовал для своих работ тканую основу (холст). Живописный почерк художника свободен и несет в себе ярко выраженные индивидуальные черты (характерное изображение неба, облаков и морской воды). Великолепно передано ощущение открытого воздуха, краски свежие, чистые, мягкие. Сравнительный анализ стиля дает основание сделать вывод о близости картины «В порту» к творчеству Абрахама Сторка и приписать это произведение его кисти.

Картина «Иосиф Прекрасный и его братья» (ил. 4) поступила в музей в 1919 г., о чем свидетельствует запись в инвентарной книге № 1 (1938 г.) (порядковый номер 158, старый инвентарный номер — 182, записана в комплексе с работами из барятинской коллекции Горчаковых, но графа «Источник поступления» не заполнена). В инвентарях значится как переданная из Калужского краеведческого музея в 1939 г. Произведение (размером 97×146 см) датировалось XVII в. и приписывалось голландскому мастеру школы Рембрандта. Первоначальное название — «Пир Артаксеркса» (вероятно, по аналогии со знаменитой картиной Рембрандта «Артаксеркс, Аман и Эсфирь»). Впоследствии сюжет был определен как эпизод из жизни Иосифа — «Иосиф Прекрасный и его братья». Полотно претерпело многочисленные правки: в 1945 г. (реставратор Полежаев), затем в 1985—1989 гг. (реставратор В. И. Шульгин). В музейном каталоге 1959 г.[4] авторство произведения было отнесено известному голландскому художнику XVII в. Питеру Франсу де Гребберу (ок. 1600 — 1653), однако данная атрибуция была подвергнута сомнению экспертом Фонда культурного наследия Голландии Бернардом Верметом, который высказал предположение, что картина могла быть создана учеником Рембрандта Виллемом де Портером (1608 — после 1649).

В РКД нами вначале были собраны сведения о работах П. Ф. де Греббера[5], который рассматривается исследователями как один из создателей «харлемского классицизма», автор трактата об одиннадцати правилах живописи («Regulen welcke by een goet Schilder en Teyckenaar geobserveert en achtervolght moeten werden»). Ученик



Ил. 4. Неизвестный художник школы Рембрандта. Иосиф Прекрасный и его братья. Холст, масло. 97×146 см. Калужский областной художественный музей. Инв. № Ж-151

Хендрика Голциуса (1558—1617), Греббер испытал влияние утрехтских караваджистов, а также Рубенса и Рембрандта, однако впоследствии выработал свой собственный стиль. Греббер писал крупноформатные композиции на исторические и библейские сюжеты, портреты, жанровые сцены. Необходимо отметить, что в архиве Нидерландского института истории искусств отсутствует информация о каких-либо работах Греббера, исполненных на сюжеты из жизни Иосифа Прекрасного, а колорит его произведений далек от того драматичного «рембрандтовского» освещения, которое столь характерно для стиля Виллема де Портера. Вышеизложенное позволяет усомниться в авторстве П. Ф. де Греббера.

Ил. 5. Виллем де Портер. Иосиф находит серебряную чашу в мешке Вениамина. Дерево, масло. 79,5×63 см. Аукцион Bernaerts Veilinghuis в Антверпене, 1998. Лот № 86.

Современник Греббера Виллем де Портер, работавший главным образом в Харлеме, известен как мастер библейских и исторических композиций. Для него характерны особые световые эффекты в манере Рембрандта, с сильными контрастами между светом и тенью. Работы Портера настолько напоминают картины великого мастера, что их нередко путают[6]. Анализ материалов, хранящихся в архиве РКД, показал, что художник использовал для своих произведений как деревянные доски, так и тканую основу[7]. Библейские композиции Портера часто включают в себя натюрморты из различных ваз и сосудов: «Св. Павел и Св. Варнава в Листре»[8], «Крез показывает Солону свое богатство»[9], «Соломон и царица Савская»[10], «Идолопоклонство царя Соломона»[11], «Исцеление слепого Товита»[12] и др. Нами выявлены две картины мастера, исполненные на сюжеты из жизни Иосифа Прекрасного, — «Иосиф находит серебряную чашу в мешке Вениамина»[13] (ил. 5) и «Иосиф и жена Потифара»[14]. На обеих работах фигура Иосифа, освещенная лучом света, одета в богатые одежды, на голове восточный тюрбан. На картине «Иосиф и жена Потифара» главный персонаж изображен в том же плаще и с тем же головным убором, что и на исследуемом полотне («Иосиф Прекрасный и его братья»). Следует отметить мастерски выписанную богатую текстуру одеяний Иосифа, а также повторяемый Портером элемент белой драпировки (ил. 6). Контраст между светом и тенью чрезвычайно силен: освещен лишь центр композиции, основная же часть картины погружена во мрак.

Ил. 6. Виллем де Портер. Св. Павел и Св. Варнава в Листре. 1636. Дерево, масло. 55×82 см. Национальный музей религиозного искусства (Museum Catharijneconvent). Утрехт. Инв. № RMCCs138.

Учитывая вышеприведенные аналоги, можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что калужская картина «Иосиф Прекрасный и его братья» принадлежит кисти Виллема де Портера и является вариантом его любимой темы.

Примечания

[1] См.: Dictionary of Dutch and Flemish Landscape and Marine painters working in oils, active before 1725, in bewerking door en met aanvullingen van Marijke de Kinkelder, conservator Oude Kunst, The Netherlands Institute for Art History, RKD, typescript 1993/1998; Hollstein's Dutch & Flemish etchings, engravings and woodcuts ca. 1450-1700. — Amsterdam: 1949—2010. — Vol. XXVIII. — P. 147—150; *Robinson F.* The Illustrated Bartsch 5. Netherlandish Artists. — New York,1979, — P. 368—369; *Giltaij J.* [e.a.], cat. tent. Lof der Zeevaart. — Rotterdam: Museum Boijmans Van Beuningen; Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, Gemäldegalerie im Bodemuseum, 1997, — P. 387—397; A checklist of painters c 1200-1976 represented in the Witt Library [first ed.]. — London: Courtauld Institute of Art, 1978.

[2] См.: *Turner Jane* (ed.). The Dictionary of Art. Grove (Grove Dictionary of Art). — Vol. 29. — London, 1996. — P. 720.

[3] См.: Documentation RKD: BD/0160 — ONT/Marines, kusten en havens.

[4] См.: Калужский областной художественный музей. Каталог экспозиции отделов русского, советского и западноевропейского искусства: Живопись, скульптура, графика / Сост. М. М. Днепровский и Л. Б. Попова. — Л., 1959. — С. 60.

[5] См.: Documentation RKD: BD/0130 — ONT/Religie, mythologie, allegorie, historie en literatuur.
[6] См.: Grove Dictionary of Art. — Vol. 25. — London, 1996. — P. 230—231.
[7] См.: Documentation RKD: BD/0130 — ONT/Religie, mythologie, allegorie, historie en literatuur; BD/0550 — ONS/Historie: Rembrandt en school.
[8] См.: Национальный музей религиозного искусства (Museum Catharijneconvent). Утрехт. Инв. № RMCCs138.
[9] См.: Croesus Shows Solon his Wealth. Oil on Panel. 47,2×37,2. Daphne Alazraki, — New York, 2000; Maastricht: TEFAF, 2000.
[10] См.: Solomon and the Queen of Sheba. Oil on panel. 67×85. Collection Mount Edgcumbe House.
[11] См.: The Idolatory of Solomon. Oil on panel. 40×31.4. Christie's, London: December 9, 2009. Lot 108.
[12] См.: The Healing of the Blind Tobit. Oil on Panel. 51×66. Christie's, London: December 13, 2000. Lot 51.
[13] См.: De ontdekking van Jozefs zilveren beker in de zak van Benjamin. Auction Bernaerts, Veilinghuis, Antwerpen, 30.03.1998, Lot 86.
[14] См.: Josef en de vrouw van Potifar. Paneel, olieverf. 35×30. Vlg. Howgate Trust. Londen. 19.12.1973. Nr. 197.

МОТИВЫ БРЕННОСТИ БЫТИЯ НА РЕЛЬЕФАХ НАДГРОБИЙ НА ВСЕХСВЯТСКОМ КЛАДБИЩЕ г. ТУЛЫ

***Л. Н. Дзиговская**, вед. спец., ГАУ ТО «Государственный архив»*

Старое православное Всехсвятское кладбище в г. Туле уникально иконографией. Изображения разнообразны по формам: кресты, скульптура, рельефы. Одним из направлений иконографии являются рельефы на надгробиях. Ряд рельефов представляет собою песочные часы с крыльями; угасшие светильники; аллегорические фигуры, перстом указующие на череп; аллегорические фигуры с цветком; ангелов с цветком и крестом. Семантика и символика данных изображений восходят к мотивам барокко.

Когда говорят о барокко, обычно имеют в виду внешнюю, материальную форму. Немногие могут позволить себе следующие замечания: «…Интересно, что в творчестве И. Ньютона отразилось все многоцветие эпохи барокко. В круг его обширных интересов входили и натурфилософско-ренессансные идеи, увлечение алхимическими проектами, интенсивные теологические изыскания»[1].

Так что же такое барокко — натурфилософско-ренессансные идеи, теологические изыскания или стиль? Какое отношение это имеет к символике рельефов на кладбищенских надгробиях? Почему в интерьерах храмов предпочитают декор в стиле барокко?

Барокко — порождение надлома. Кризис идеалов итальянского Возрождения в связи со стремительно меняющейся «картиной мира» на рубеже XVI—XVII вв. породил особое мироощущение. То, что раньше казалось незыблемым и вечным, рассыпалось в прах. Открытия в области естественных и точных наук окончательно изменили образ завершенного в себе, замкнутого мироздания, в центре которого находился человек.

Если в XV в. итальянский гуманист Пико дела Мирандола утверждал в «Речи о достоинстве человека», что находящийся в самом центре мира человек всемогущ и может «обозревать все… и владеть, чем пожелает!», то в XVII столетии выдающийся мыслитель Блез Паскаль писал, что человек всего лишь «мыслящий тростник» и удел его трагичен, так как, находясь на грани двух бездн — «бесконечности и небытия», он не способен своим разумом охватить ни то, ни другое и оказывается чем-то «средним между всем и ничем… Он улавливает лишь видимость явлений, ибо не способен познать ни их начало, ни конец». Какие противоположные суждения об одном и том же предмете[2].

Религиозное мироощущение, проникнутое крайним мистицизмом, повышенной экзальтацией, составляло дух барокко. Барокко — стиль трансцендентного, искусство иллюзии. Главный способ художественного обобщения в барокко — иносказание, аллегория.

В культуре барокко заметное место принадлежит эмблематике, эмблема стала его стилеобразующим началом.

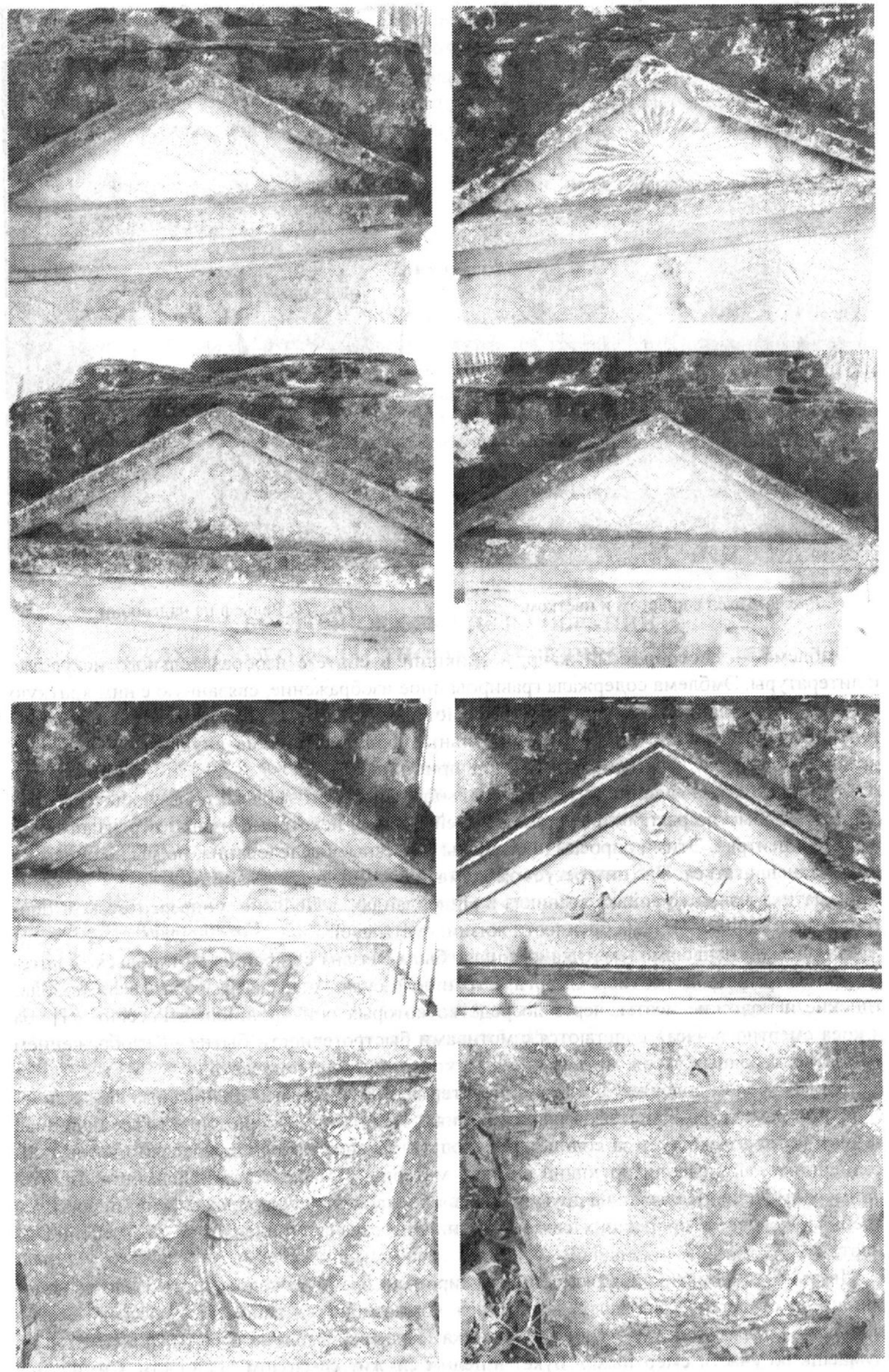


Рис. 1—8. Образцы иконографии старого православного Всехсвятского кладбища в г. Туле. Рельефы, выполненные на надгробиях, изображают песочные часы с крыльями, угасшие светильники, аллегорические фигуры. Семантика и символика данных изображений восходят к мотивам искусства барокко.

Рис. 9. Ангел с крестом и цветком.

Рис. 10. Рельеф на надгробии.

Эмблема — своеобразный жанр, возникший в синтезе изобразительного искусства и литературы. Эмблема содержала гравированное изображение, связанную с ним краткую надпись и пояснение. Эмблема — зримая метафора. Посредством эмблематики умозрительное и отвлеченное обретало материальные формы. Эмблема внушала религиозные истины, моральные правила, политические принципы.

Эмблематика — явление интернациональное. Сборники эмблем, пользующиеся популярностью, быстро распространялись по всей Европе, некоторые из них переиздавались в разных центрах. Этим вопросам посвящены серьезные исследования, но мы не будем на них останавливаться. Нас интересует эмблематика с мотивами «Vanitas».

Тематика жанра «Vanitas» возникла в Нидерландах, в Лейдене, университетском центре. Тема «Vanitas» — тема бренности жизни, суеты сует[3].

На русской почве эмблематика «Vanitas» была связана с украинской и польской литературной традицией. Мотивы Смерти, Страшного суда, Ада, Рая разрабатывали новолатинские и польские поэты, через посредство которых они проникли в Россию. «Труба и коса смертного часа» сочетаются с мотивами быстротечности бытия — изображением крылатых песочных часов, мотивами свечи, которая «скоро погасает»[4].

Книги эмблем содержат богатейший материал, незаменимый для анализа символической программы ряда рельефов на надгробиях. Например, изображение подсолнечника, венчик которого следует за солнцем. Несколько авторов интерпретировали цветок подсолнечника как символизирующий высшие материи, символ Христа, знак Бога. Другой пример: эмблема «Надежда на другую жизнь» воспроизводит изображение осыпающихся хлебных колосьев, проросших сквозь кости. Она означает надежду на воскресение из мертвых.

Цветы в эмблематике барокко символизировали бренную человеческую плоть, напоминали о страстях Христовых. Необычная композиция — венок или россыпь цветов в кубке — восходит к эмблемам из сборника Парадена, эмблема имеет надпись «Что не думаешь об участи смертных?» Букет в целом служит символом бренности. Символика цветов многозначна и сложна, следуя барочной эмблематической традиции, гвоздики и розы воспринимаются как символы страстей Христовых, мелкие травки напоминают о христианском смирении, тюльпан мог быть символом воскресения. Колосья в цветочной композиции читаются как параллель эмблеме «Надежда на другую жизнь»[5].

Смешение античных и христианских образов и аллегорий было характерной особенностью барокко. Вторжение «языческой мифологии сопровождалось стремлением к ее истолкованию и осмыслению в духе христианской эмблематики[6].

Изображения черепа и цветка — традиционное сравнение цветка с мимолетной человеческой жизнью, подобные детали превратились в штамп эмблематического натюрморта.

Все вышеперечисленные композиции можно найти на рельефах надгробий на Всехсвятском кладбище в г. Туле.

Примечания

[1] *Степин В. С.* Философия науки. — М., 2006. — С. 467.

[2] *Власов В. Г.* Стили в искусстве: Словарь: Архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство, живопись, скульптура. — Т. 1. — СПб., 1998. — С. 90—91.

[3] См.: *Звездина Ю. Н.* Эмблематика в мире старинного натюрморта. — М., 1997. — С. 4.

[4] См.: *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. — Л., 1974. — С. 193.

[5] См.: Эмблемы и символы. — М. 1995.

[6] См.: *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени. — С. 201.

ВОСТОЧНОЕ ОРУЖИЕ В СОБРАНИИ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***В. М. Типикин**, н. с., Калужский областной краеведческий музей*

Коллекция оружия в фондах музея достаточно представительная, это 580 предметов по перечню Инвентарной книги, составленной в 2006 г. к. и. н. В. А. Бессоновым, из них восточное оружие насчитывает сорок три предмета: пятнадцать предметов — это огнестрельное оружие, двадцать один — белое, или клинковое, оружие, один предмет — древковое оружие и шесть предметов защитного вооружения. Все это оружие Ближнего Востока. Небольшую отдельную группу в коллекции составляет оружие Китая, Японии, Малайзии и Африканского континента.

Работы по изучению Восточной коллекции и ее систематизации были предприняты в музее в 80-х годах прошлого века; тогда же в 1984—1985 гг. к этой работе были привлечены известный оружиевед Э. Г. Аствацатурян и лингвисты-востоковеды Государственного Исторического музея, они помогли нашей работе в прочтении восточных надписей на клинках и дешифровке отдельных клейм.

Все предметы коллекции изготовлены не ранее XVII в. Наиболее представительным является собрание оружия Османской империи (двадцать три предмета). Это огнестрельное оружие (девять ружей, два пистолета), белое, или клинковое, оружие (две сабли, восемь ятаганов) и два щита.

Все ружья коллекции уникальны и очень интересны своей технической, декоративной индивидуальностью и богатой художественной отделкой. Из девяти имеющихся в коллекции ружей два — турецких, кремневых, четыре — балканских кремневых (одно — албанское, одно — греческое, одно — черногорское), три – левантийских. Пистолетов — два, оба — левантийские.

Турецкое кремневое ружье отличают следующие черты: прежде всего это ствол, который, сужаясь, имеет незначительное расширение у дульного среза, в казенной части; у среза казенника — прицел треугольной формы с диоптром, у специалистов называемый турецким. Замок — испано-мавританского типа — принадлежит к раннему варианту испанского замка, к его каталонской разновидности, называемой «Микелет». Ложа имеет многогранный приклад с характерным упором — уступом на переходе к цевью, точнее,

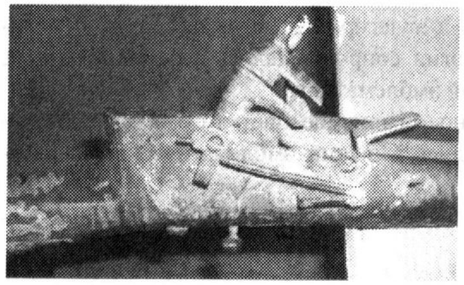


Рис. 1. Турецкое кремневое ружье Кл 4152. Из собрания КОКМ. Замок «Микелет».

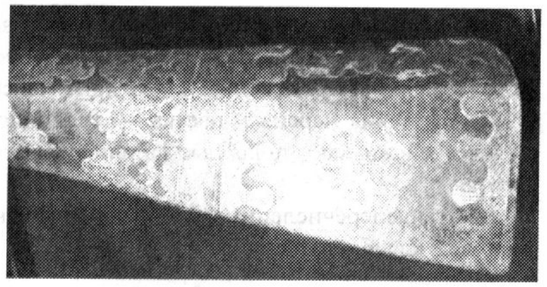


Рис. 2. Ружье Кл 4152. Накладной ажурный орнамент, выполненный в технике просечки латунного листа.

у хвостовика ствола, и спуск всегда каплевидного типа на прямой ножке с шароподобным окончанием. Крепление ствола к ложе — восточное, винтом снизу через приклад к хвостовику. Такой тип ружья называют еще «янычаркой». Оба предмета из нашей коллекции обладают этими признаками. Различают их только размеры, прибор и богатая и очень индивидуальная декоративная отделка ружей.

В качестве примера рассмотрим ружье Кл 4152 (длина ружья — 1203 мм, длина ствола без хвостовика — 865 мм, длина ствола с хвостовиком — 865 мм, калибр канала ствола — 13 мм). Ружье (рис. 1, 2) имеет восьмигранный ствол, выполненный из дамасской стали*, канал ствола — гладкий. В казенной части и у дульного среза ствола на трех верхних гранях вырезаны из тела ствола идентичные рельефные декоративные композиции, состоящие из двух поперечных полос, ступенчатой арки и пальметты, — обе композиции вершинами направлены навстречу друг другу. На левой боковой грани в казенной части ствола круглое клеймо «имтихан» — «опробовано». Прицел — турецкий. Замок — «Микелет». Ножка курка замка с неподвижной нижней губкой, верхняя губка украшены набором точечных линий, выполненных из мелких шляпок серебряных гвоздиков и серебряных накладных полосок. Боковая замковая планка имеет также декоративную накладку с геометрическим точечным рисунком. Ложа имеет приклад турецкого типа, пятигранный с узкой дорожкой на гребне, декорированный накладным ажурным орнаментом, выполненным в технике просечки латунного листа. Орнамент состоит из декоративной композиции, включающей в себя сочетание резных ступенчатых поясов, арок, картушей, полуовалов, пальметт, а также крупных розеток салических знаков. Орнамент всегда на Востоке был магическим средством борьбы с врагами, злыми духами и болезнями. Ружейный прибор состоит из семи латунных обоймиц. Обоймицы украшены графическим орнаментом, состоящим из геометрических линий и растительного рисунка.

Балканские ружья отличает наличие в ружье совместно признаков европейского происхождения и признаков различных восточных школ. Очень популярны на Балканах в XVIII в. были стволы с прицельным приспособлением из Италии, батарейные замки из Нидерландов, Южной Франции, но были и кремневые замки балканского типа «Морлак», которые производились в Италии, это разновидность испано-мавританского замка «Микелет», ложа была индивидуальна и в традициях балканских национальных школ, но декоративное убранство было всегда по восточному типу, даже если орнамент рисунка и нес черты стиля рококо. Такими ружьями были вооружены национальные *граничарные* (пограничные иррегулярные) войска австрийской армии, вариант российских казаков.

Характерным примером является албанское ружье Кл 1215 тип *tanichitza* (рис. 2). Ружье [общая длина ружья — 1525 мм, длина ствола (без хвостовика) — 1230 мм, калибр канала ствола — 15,5—15,7 мм] имеет ложу с изогнутой вверх Т-образной пятой, ствол длинный круглый, в казенной части граненый, канал ствола — гладкий.

---

* Сварочная сталь с узором на поверхности, напоминающим булатный. Вязкий и прочный материал слоистой структуры.

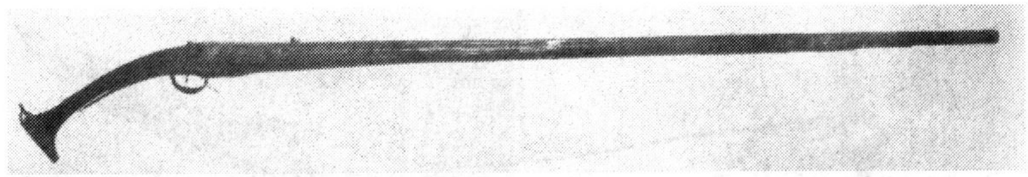


Рис. 2. Албанское ружье Кл 1215 тип *tanichitza*. Из собрания КОКМ.

Ствол изготовлен в Брешии (Италия) известным мастером Антонио Моретта. Он в 1700—1731 гг. поставлял стволы и замки в Венецию, а далее они переправлялись на Балканы. На верхней грани в казенной части ствола гравирована надпись *A*A*MORETTA* (рис. 3) на правой боковой грани ствола выбито приемное клеймо. Замок — кремневый балканского типа «Морлак», с европейским спусковым крючком (рис. 4). Ложа от затыльника приклада до передней части цевья покрыта декоративными накладками из тонкого листового железа, имеющими гравированный и травленый растительный орнамент, рисунок орнамента прочеканен.

Рис. 3. Ружье Кл 1215. Надпись на верхней грани в казенной части ствола.

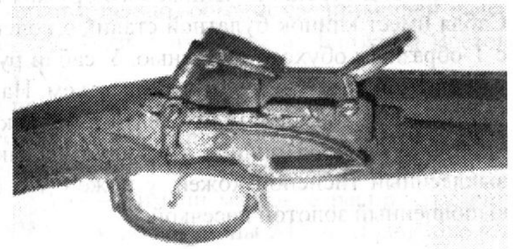


Рис. 4. Ружье Кл 1215. Кремневый замок балканского типа «Морлак».

Широкое распространение и применение в Османской империи имели пистолеты. Левантийский ряд пистолетов связан непосредственно с основным производителем оружия — это европейские мастера Голландии, Италии, Южной Франции. Художественная отделка пистолетов выполнялась на Балканах и в Малой Азии. Коллекция музея имеет два левантийских пистолета: один — с кремневым батарейным замком середины XVIII в., другой — с капсюльным середины XIX в. (рис. 5).

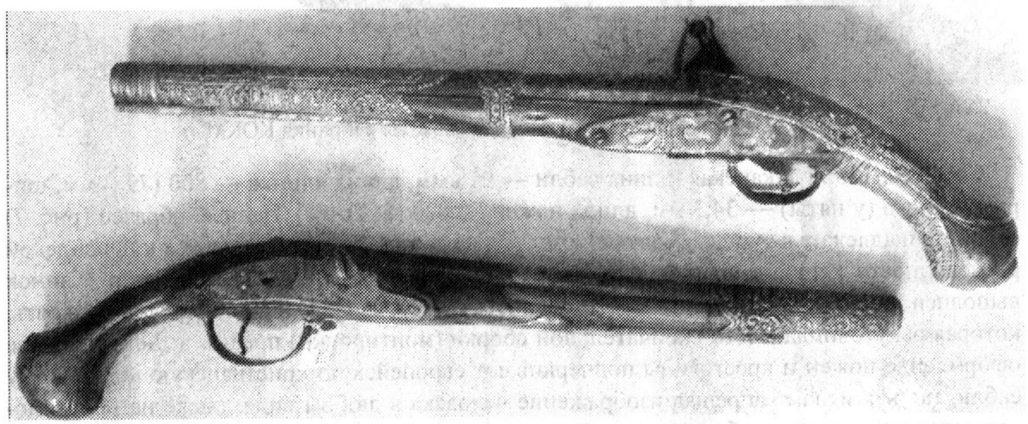


Рис. 5. Левантийские пистолеты. Из собрания КОКМ.

На Ближнем Востоке и на Балканах во второй половине XVII в., в XVIII в., первой половине XIX в. самыми распространенными саблями были турецкая и персидская, а все остальные были или производными от них, или комбинациями их. Сабли Кл 1364 и Кл 1252 османского происхождения, причем первая — турецкого типа, вторая — балканская, т. е. смешенного типа.

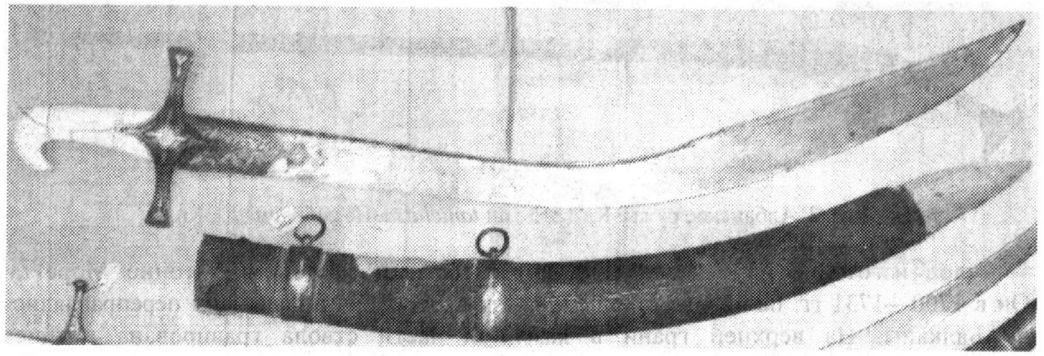


Рис. 6. Сабля турецкого типа «Кылыч» Кл 1364. Из собрания КОКМ.

Сабля Кл 1364 [длина сабли — 817,5 мм, длина клинка — 685 мм, ширина клинка (у пяты) — 45 мм, ширина клинка в елмани — 48 мм, длина ножен — 655 мм] — национальный вид турецкого клинкового оружия второй половины XVIII в. «Кылыч» (рис. 6). Сабля имеет клинок булатной стали* с коленчатым узором, клинок — слабой кривизны, с Т-образным обухом и елманью. У сабли рукоять турецкого типа, цельная из белой кости с прямой крестовиной и перекрестьем. На клинке с двух сторон выполнен орнамент из двулиственников, орнамент сделан в технике насечки золотом. На крестовине орнамент «руми»** также выполнен в технике насечки золотом. Ножны имеют рельефный узор, выклеенный тисненой кожей, у ножен две обоймицы, на обоймицах орнамент «руми», выполненный золотой насечкой.

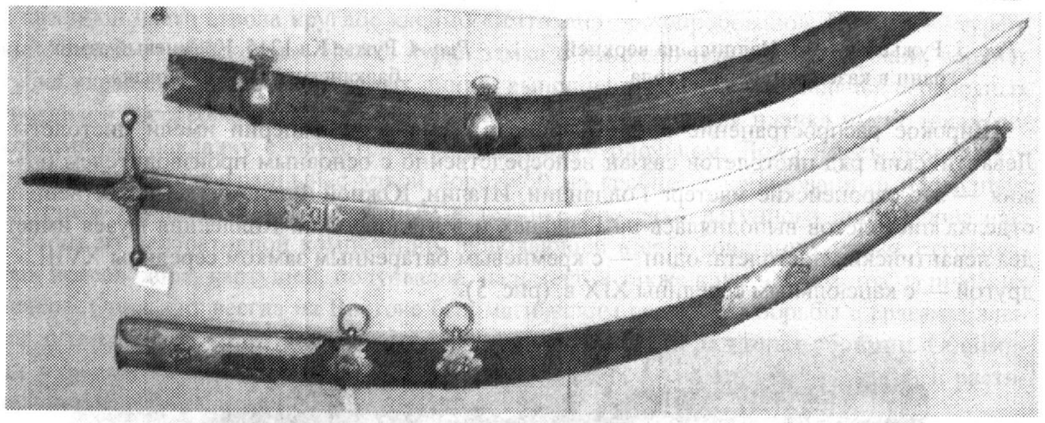


Рис. 7. Сабля балканского типа Кл 1252. Из собрания КОКМ.

Сабля Кл 1252 балканская [длина сабли — 918 мм, длина клинка — 800 (798) мм, ширина клинка (у пяты) — 34,3 мм, длина ножен — 820 (813) мм]. Данный образец (рис. 7) сабли принадлежит к турецко-балканскому типу оружия. Клинок относится к персидской разновидности клинков шамшер (шемшир), популярной в Османской империи. Клинок выполнен из булатной стали и имеет коленчатый узор. К сожалению, утрачена рукоять, которая бы уточнила место окончательной сборки (монтировки) предмета. Декоративное оформление ножен и крестовины подчеркивают европейскую христианскую монтировку сабли, так как ислам запрещал изображение человека в любом виде, также на поверхности металлического прибора ножен нанесен гравированный орнамент в стиле рококо. Учитывая надпись на клинке, окончательную монтировку сабли можно отнести к середине XVIII в. На клинке у пяты с обеих сторон гравированы двухступенчатая арка с пальмет-

* Высокоуглеродистая литая сталь, обладающая высокой твердостью, вязкостью и упругостью. Особенностью булатной стали является ее узор, проявляющийся после легкого травления. Узор соответствует качеству булата.

** Турецкое название арабески.

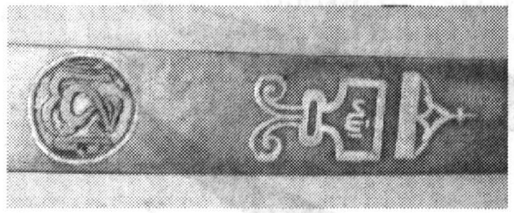


Рис. 8. Сабля Кл 1215. Надписи на клинке в картушах.

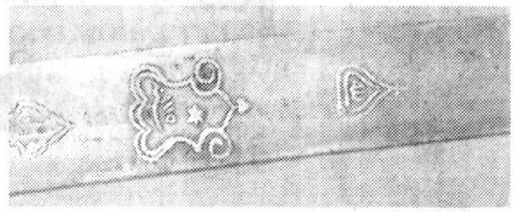


Рис. 9. Сабля Кл 1215. Надписи на клинке в картушах.

меттой и по два картуша, сочетающих христианские символы с мусульманскими надписями, выполненными в обронной технике, в технике золочения и насечки золотом (рис. 8, 9).

Надписи на клинке в картушах гласят: «О, Аллах!», «О, побеждающий!», — а арабские цифры свидетельствуют о времени производства клинка — 1110—1115 (по Хиджре — мусульманскому календарю). Хотя и утеряна рукоять сабли, но интересна одна деталь крестовины гарды, один из ее наконечников имеет маленькое колечко, дающее информацию о возможной конструкции рукояти сабли с цепью, обычно соединяющей навершие рукояти с крестовиной. Рукояти сабель такого типа известны на Ближнем Востоке и в Восточной Европе с XVI в. до середины XIX в.

Примечательны в этом предмете и накладные рельефные портреты восточных владык на металлическом приборе ножен и в центре крестовины гарды. Общее их количество — шесть. Аналогий в государственных собраниях и частных коллекциях мы не имеем.

Ятаганы — вид холодного клинкового оружия — имели массовое распространение в Османской империи со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. Появление ятаганов в Османской империи связано с янычарами. По конструктивной и декоративной квалификации все ятаганы подразделяются на три территориальных типа — малоазиатский, восточноанатолийский, стамбульский (балканский). Ятаган — холодное клинковое оружие произвольного образца — состоит из клинка, рукояти и ножен. Клинок имеет двойной изгиб, режущая часть вогнутая, внутренняя. Клинком можно наносить и режуще-рубящие, и колющие удары. В коллекции музея наличествуют два типа ятаганов: Кл 1322, Кл 1245, Кл 1304, Кл 11411 — малоазиатские; Кл 1351, Кл 1250, Кл 1329 — восточноанатолийские. Ятаган Кл 4183 можно условно назвать «уставным», так как он имеет стандартную упрощенную конструктивную форму и материалы, из которых он сделан, аналогичны материалам армейского оружия (рис. 10).

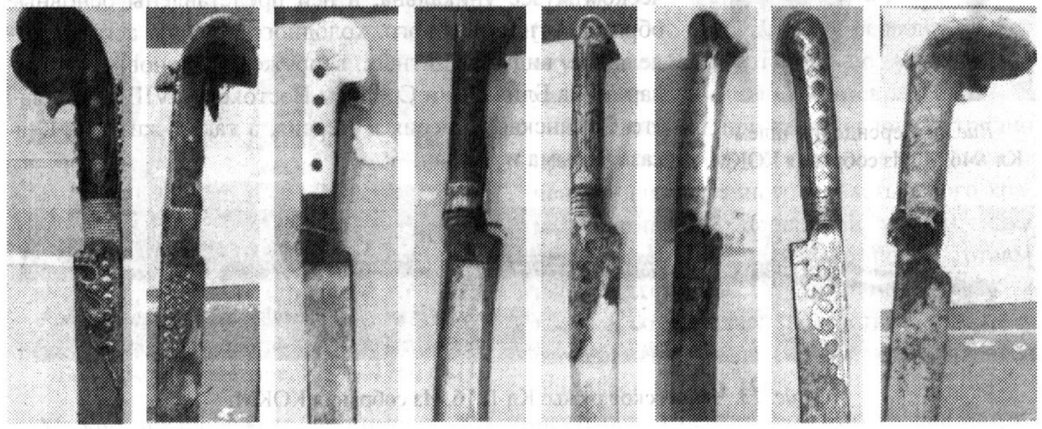


Рис. 10. Ятаганы. Из собрания КОКМ.

Персидское оружие представлено в коллекции саблей «Шемшир» Кл 4176 (рис. 11). Персидские доспехи представлены двумя видами вооружений: боевые наголовья — шлем Кл 9469.1 (рис. 12), мисюрка Кл 9469. 3 и два щита Кл 9469.2 и Кл 4383. Кроме того, имеется наконечник персидского копья типа «Синан», получившего распространение на Ближнем Востоке, в Персии и Индии в XVI—XVIII вв.

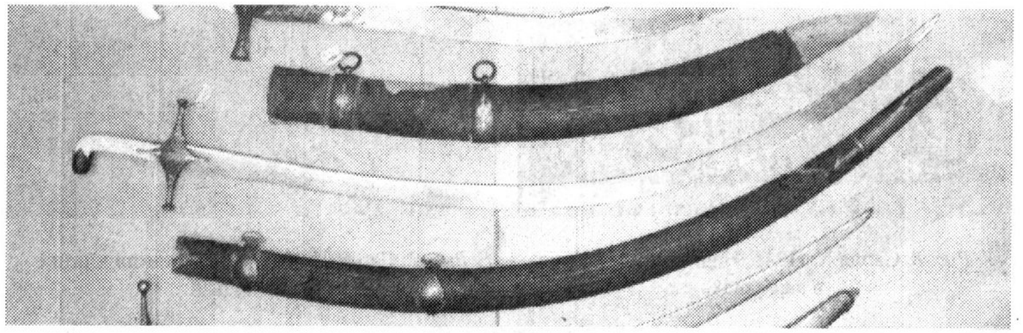


Рис. 12. Персидская сабля «Шемшир» Кл 4176. Из собрания КОКМ.

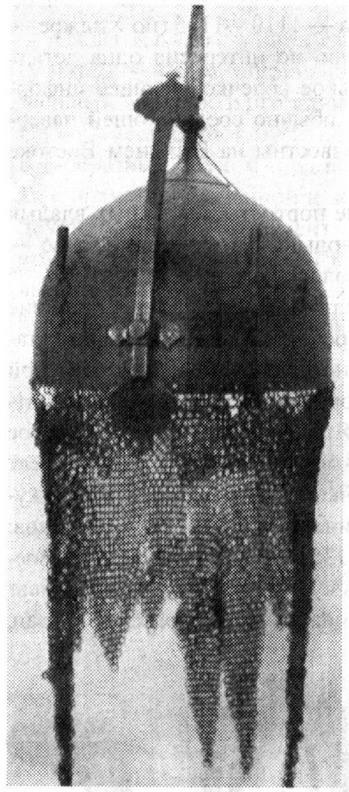


Рис. 5. Персидский шлем Кл 9469.1. Из собрания КОКМ.

Кавказ — это историческая часть Российской империи. В коллекции музея представлены два черкесских ружья [Кл 1216 (рис. 13), Кл 4156] и одно кавказское (Кл 11407, так обычно называют ружья, в которых отсутствует обязательный набор черт, определяющих признаки группы), а также пистолет черкесского типа (Кл 1406). Из холодного оружия имеется шашка черкесского происхождения (Кл 1267), одна изготовлена в Тбилиси (Кл 1320) и одна, предположительно, грузинского производства (Кл 1255). Кроме того, в собрании отложилось пять образцов кинжалов (Кл 1310, Кл 1314, Кл 4172, Кл 8319, Кп 10004/1).

Особняком стоит среднеазиатская шашка [Кл 1323, рис. 14)]. Данный образец, по имеющимся редким аналогам, можно отнести к кокандской школе. Ее среднеазиатское происхождение подтверждают заключенные в персидский картуш надпись на внутренней стороне клинка, имя мастера, выполненное арабскими буквами в среднеазиатской манера написания, — «Уста Календар Мухаммед» — и дата производства клинка — 1261 (рис. 15).

Коллекция восточного оружия в Калужском краеведческом музее уникальна, в ней представлены основные образцы огнестрельного, холодного оружия, а также отдельные виды защитных вооружений основных государств на Ближнем и Среднем Востоке в XVIII—XIX вв., это Османская империя и Персия, а также жителей Кавказа, Крыма и Балкан.

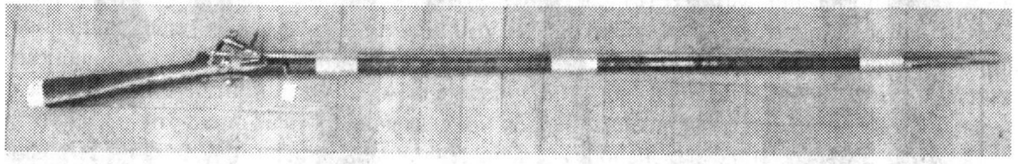


Рис. 13. Черкесское ружье Кл 1216. Из собрания КОКМ.

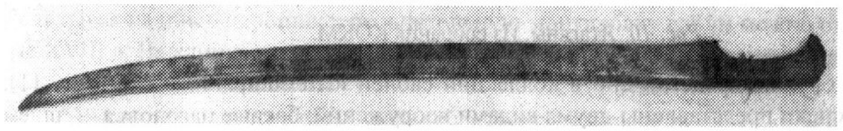


Рис. 14. Среднеазиатская шашка кокандского типа Кл 1323. Из собрания КОКМ.

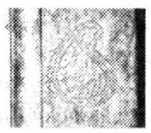


Рис. 15. Картуш.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РИЗНИЦЫ ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ — ВКЛАДЫ АРХИМАНДРИТА МИТРОФАНА ШЕИНКОВА 1760 г.

В. Г. Пуцко, *заслуженный работник культуры РФ, н. с.,*
Калужский областной художественный музей

В декабре 1758 г. архимандрит Митрофан Шеинков, с 31 августа 1747 г. являвшийся настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря, обратился с прошением к московскому митрополиту Тимофею Щербатскому за получением благословения и указа на строительство в монастыре «по обещанию своему» каменной церкви во имя святителя Митрофана, патриарха Константинопольского, обязуясь на все «держать собственные свои деньги, не употребляя казенных мирских денег ни на что»[1]. Последнее выражение свидетельствует о материальной состоятельности просителя. Благословение было получено уже через несколько дней. Посвящение храма известному даром прозорливости и почитаемому императором Константином Великим константинопольскому епископу, скончавшемуся в 326 г., после более чем десятилетнего управления епархией, обусловлено тем, что он являлся небесным покровителем боровского архимандрита. В мае следующего, 1759 г. составлен контракт на строительство церкви, по которому крестьяне вотчины Покровского Доброго монастыря деревни Ившиной Мартиниан Андреев и Фока Никитин подрядились возвести постройку, подробное описание которой приведено[2]. Строительство продолжалось с 20 мая 1759 г. до 30 августа 1760 г.

Рис. 1. Церковь свт. Митрофана, патриарха Константинопольского, в Пафнутьев-Боровском монастыре. 1759—1760 гг.

Упомянутая церковь свт. Митрофана, примыкающая к настоятельскому корпусу с восточной стороны, некогда окруженная с трех сторон открытым гульбищем, представляет собой бесстолпное одноглавое сооружение, сохранившееся до наших дней, с заново отделанными в 1840 г. фасадами[3] (рис. 1). К сожалению, первоначальное внутреннее убранство было уничтожено уже французскими войсками в 1832 г.

Казалось бы, при таких условиях трудно предположить существование предназначенной для указанного монастырского храма драгоценной церковной утвари, ювелирных изделий, особенно после тотальных изъятий в 1922 г. Однако частично она все же сохранилась вследствие того, что своевременно была скрыта, и обнаружена оказалась лишь в 1956 г.[4]

Можно предположить, что именно для монастырской церкви свт. Митрофана патриарха Царьградского было приобретено напрестольное, большого формата Евангелие московской печати 1748 г., в достчатом переплете, украшенное серебряным чеканным окладом в Москве в 1759 г.[5] Большого размера (49,0×32,5 см) доски, служащие крышками переплета, сплошь покрыты серебряными пластинами с сюжетными изображениями и растительными узорами, целиком заполняющими плоскость, но при этом не возникает впечатления композиционной перегруженности. Соразмерность фигур и ритмичность в их

Рис. 2. Оклад Евангелия (московской печати 1748 г.). Верхняя доска. Москва, 1759 г. Серебро, чеканка, гравировка, позолота.

расположении обеспечивают ясное восприятие общей схемы, при тщательной пластической проработке ее наполнения, сохраняющего монументальность форм. Рельеф трудно назвать высоким, но он мастерски соотнесен с гладью металла, и поэтому везде ясно различим, чему также способствуют разнообразные по характеру обрамления: в одних случаях роскошные, усложненные включенными в них сюжетными и орнаментальными мотивами; в других — в виде простого, хотя при этом искусно изогнутого растительного стебля. Традиционность общей композиционной схемы становится очевидной при сопоставлении с произведениями московской торевтики первой половины XVIII в.[6] Вместе с тем в каждом отдельном случае налицо результаты индивидуального подхода мастеров при выполнении, казалось бы, стереотипного по своему типу декоративного убранства литургической книги, внешний вид которой должен был наглядно показать генетическую связь Нового Завета с Ветхим Заветом, исполнение предвозвещенного пророками. Ювелиры в качестве образцов явно используют изобразительные мотивы европейской гравюры и ее русских вариантов, широко проникших в книжную иллюстрацию. При этом порой существенно их видоизменяют.

Верхнюю доску Евангелия закрывает серебряный оклад в виде чеканной пластины с мотивом тонкого, завитого в спирали растительного стебля; над его поверхностью приподняты укрепленные на накладной деревянной основе овальный фигурный средник с рельефным изображением Воскресения Христова в медальоне и наугольники с заключенными в подобные же медальоны рельефными фигурами сидящих евангелистов с их символами (рис. 2). Средник и наугольники имеют чеканные обрамления медальонов в стиле рококо, с фантазийными раковинами и асимметричными завитками с листьями и мелкими цветочками; в обрамление средника вписаны также цветочно-плодовые связки. Всевидящее око, две полуфигуры и несколько головок ангелов. Чеканные изображения обработаны резцом и позолочены, как и их обрамления, благодаря чему средник и наугольники контрастно выделяются на фоне потемневшей серебряной пластины. Это образец раннего русского рококо, расцвет которого приходится на 1770—1780-е гг., и поэтому об упомянутых сюжетных изображениях надо сказать подробнее. Воскресение Христово трактовано в соответствии с западной иконографической схемой и несколько сходно с представленным в уборе Евангелия, датируемом 1714 г.[7] Поэтому по сравнению с окладом Евангелия, выполненным московским мастером Иваном Егоровым в 1744 г.[8], кажется даже несколько старомодным, как бы в противоречии с изысканностью развитых художественных форм. Оригиналами для ювелиров обычно служили гравюрные листы, иногда из того же издания, для украшения которого выполнялся оклад. Однако образец порой радикально адаптировали, с учетом специфики воспроизведения в чеканном рельефе, с неизбежными обобщениями деталей, проработанных в гравюре тонкой штриховой линией. В овальных медальонах в наугольниках описываемого оклада Евангелия вверху представлены евангелисты Иоанн с орлом и Матфей с ангелом; внизу — Лука с быком и Марк со львом. Это соответствует ставшему общепринятым отождествлению символов с евангелистами по Епифанию Кипрскому (ок. 315—403)[9]. Евангелисты изображены сидящими, в торжественной позе, с крупным раскрытым кодексом в руках, на фоне кар-

Рис. 3. Оклад Евангелия (московской печати 1748 г.). Нижняя доска. Каменец-Подольский, 1758 г. Серебро, чеканка, гравировка, позолота.

тинно перекинутой декоративной ткани — подобно античным философам. Древняя иконографическая формула оказалась усвоенной Византией, передавшей ее на Русь, где она подверглась впоследствии незначительной переработке с учетом западных культурных воздействий XVII—XVIII вв.

Нижнюю доску Евангелия, напечатанного в 1748 г., украшает рельефная композиция «Древо Иессеево», иконографическая схема которой, включающая в себя облачную полуфигуру Господа Саваофа, фигуру стоящей в рост Богоматери с Младенцем Христом в лоне, погрудные изображения пророков с раскрытыми свитками, содержащими тексты их пророчеств, и лежащего Иессея, из которого произрастает большое древо с раскидистыми ветвями, известна, в частности, по московским серебряным окладам Евангелий (рис. 3). Один из них — уже упомянутый 1744 г., работы Ивана Егорова, другой — 1749 г., неизвестного мастера, из церкви Воскресения Словущего на Таганке[10]. Тем не менее во всех известных случаях присутствуют проявления вариативности, а также элементы обязанные индивидуальной манере мастеров. Описываемое изделие, в отличие от указанных, включает в себя помещенный в центр композиции близкий по форме к квадрифолию медальон с изображением Голгофского креста и орудий страданий на фоне Иерусалима. В сущности это перенесенный на пластину средник в уборе нижней доски Евангелия, и его сочетание в такой форме с «Древом Иессеевым» выглядит довольно необычным.

Каждая из частей оклада Евангелия из Пафнутьев-Боровского монастыря снабжена клеймами. Одно из них, с московским гербом — Георгием Победоносцем на коне, поражающим копьем дракона, свидетельствует об изготовлении изделия в Москве в 1759 г.[11] Над его выполнением трудились двое мастеров, обозначенные именниками «А. Г.» и «П. А.» Первый принадлежит серебряных дел мастеру Андрею Герасимову, работавшему в 1739—1763 гг.[12]; второй — серебряного дела мастеру, купцу 2-й гильдии Петру Алексееву, работавшему в 1719—1766 г.[13], либо Петру Афиногенову, родившемуся в 1726 г. и работавшему во второй половине XVIII в.[14] Еще одно клеймо сердцевидной формы, с обозначением ПВК, расшифровывается как «производитель Василий Кункин». Этот серебряных дела мастер, московский купец 1-й гильдии, в 1745—1751 гг. — владелец мастерской, назывался «производителем фабрики», имевшей около семидесяти человек[15], а в 1751 г. получил монополию на производство церковной утвари из золота и серебра[16]. Поэтому мог выполнять такие сложные работы, как изготовление оклада большеформатного Евангелия, без риска остаться изделию невостребованным, в данном случае судьба привела украшенное окладом Евангелие в Пафнутьев-Боровский монастырь.

На нижней пластине на завороте городовое клеймо Каменец-Подольска, употреблявшееся в 1758—1764 гг., и именник мастера А. Г., пока не поддающийся расшифровке.

При описании оклада не была упомянута одна уцелевшая завеса оклада, в виде серебряной рельефной фигуры стоящего в рост апостола, как бы вписанной в картуш с волнистыми краями, размером 7,1×3,6 см, с клеймом неизвестного каменец-подольского пробирного мастера К. И., датированным 1758 г. Фигура довольно приземистых пропорций, в обобщенной манере. С учетом сказанного можно предположить начало работы в Каменце-Подольском, где в 1758 г. выполнены нижняя пластина и завесы, и окончание, судя по

Рис. 4. Потир. Москва, 1760 г. Серебро, ковка, гравировка, филигрань, позолота. Общий вид.

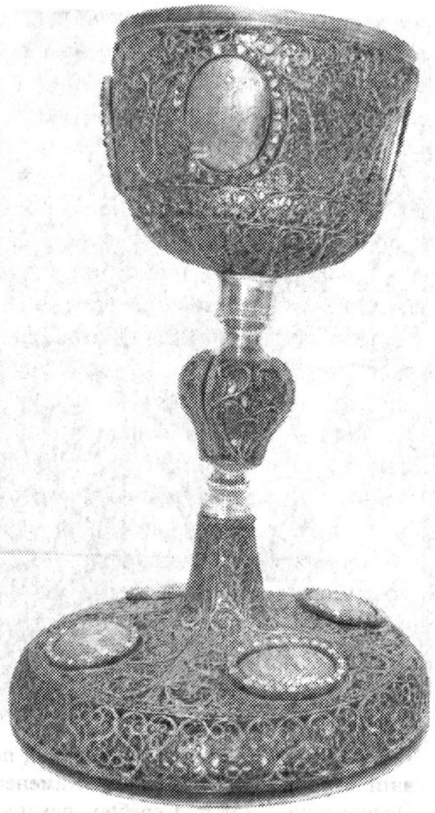


Рис. 5. Потир. Москва, 1760 г. Орнаментальные мотивы филиграни.

клейму 1759 г. на верхней пластине, в Москве. Не исключено присоединение последней к уже имевшимся у заказчика частям оклада

Сохранившийся почти полностью комплект литургических сосудов изготовлен по специальному заказу архимандрита Митрофана Шеинкова для церкви свт. Митрофана Царьградского, и поэтому не имеет никаких клейм, но зато каждое изделие снабжено гравированной вкладной датирующей 1760 г. надписью. О двух из этих предметов уже приведены сведения в литературе[17]. Некоторые авторы ошибочно датировали 1760 г. совершенно иные, более ранние сосуды[18]. К упомянутому вкладчику они не имеют никакого отношения и принадлежат к совершенно иной эпохе[19].

Потир из упомянутого комплекта (высота — 31,3 см; диаметр чаши — 13,9 см; диаметр поддона — 20,4 см)[20] выполнен из серебра, в техниках ковки, гравировки, филиграни и позолоты (рис. 4). Изделие типологически соответствует нормам, установившимся в московском серебряном деле к началу XVIII в. и предполагающим широкий приземистый поддон, высокий стоян с грушевидным «яблоком» и близкую к полусферической форму чаши, функционально соответствующую назначению сосуда[21]. Как особенность фигурного стояна надо отметить его тонкие, соединяющие с поддоном и чашей «яблоко» шейки, остающиеся единственным элементом с открытой гладью металла. Остальная поверхность потира сплошь покрыта филигранным кожухом с преобладанием растительных мотивов, в основном комбинированных волют веточек в их разнообразном сочетании, соотнесенных с размерами и характером каждой части изделия (рис. 5). Следует заметить, что ко второй половине XVIII в. московская скань отдает предпочтение ажурным наложенным на гладкий металл узорам, с преобладанием сетки из четырехлепестковых цветков, причем обильно вводится в орнамент зернь, которая «украшает цветки, окаймляет края предметов прямыми или ломаными полосами, обрамляет медальоны, заполняет сплошь круги или полусферические выпуклости»[22]. В данном случае использование зерни имеет место на обрамлении.

а *б* *в* *г*

Рис. 6. Дробницы на поддоне потира: *а* – Моление о чаше; *б* — Суд Пилата; *в* — Бичевание; *г* — Несение креста.

На кожухе чаши в украшенных стразами обрамлениях овальные медальоны с гравированными изображениями в рост образующими деисусную композицию фигурами Христа (не сохранилась), Богоматери и Иоанна Предтечи; в четвертом медальоне представлено Распятие. Соответственно на поддоне в подобных овальных медальонах помещены композиции «Моление о чаше», «Суд Пилата», «Бичевание» и «Несение креста», также выполненные в технике гравировки, профессионально, но не очень искусно, по манере напоминающие книжные иллюстрации (рис. 6). Цикл подобных композиций появляется уже в оформлении Триоди Цветной (Пентикостариона) киевской печати 1631 г. и многократно повторяется в различных более поздних изданиях, бесконечно варьируя традиционные схемы, унаследованные от Византии. Ювелиры при воспроизведении таких образцов, как правило, упрощали иконографию, избегая многофигурности. Потому и здесь евангельские сюжеты страстного цикла ограничены одной—тремя фигурами с несколько грубоватой выразительностью. Медальоны чаши, надо подчеркнуть, исполнены с большим мастерством, отличаются правильным рисунком, без нарушения естественных пропорций.

На дне поддона потира вырезана следующая надпись: «1760 году марта дня сиї сосуды сооружены Пофнутиева Боровскаго мнтря от оця архімандріта Мітрофана Констентиновіча Шенікова із собственнаго ево кошту в тот же Пафнутієвъ мнрь в ново сооруженную із собственнагожь ево кошту црковь святаго Мітрофана патріарха Констентина града». Как можно заметить, она весьма своеобразна по орфографии и явно отражает обильный украинизмами язык вкладчика, в значительной мере сохраненный ремесленником, который при повторении некоторых слов употребляет более привычные для него написания, как в названии монастыря. Этот же самый текст повторен на входящих в данный комплект дискосе и двух тарелях, с тем важным отличием, что на дискосе уточнена дата вклада — 10 марта 1760 г. Если учесть дату окончания строительства храма, 30 августа 1760 г., то забота о предварительном выполнении предметов богослужебной утвари становится очевидной.

Рис. 6. Дискос. Москва, 1760 г. Серебро, ковка, гравировка, чернь, позолота. Вид сверху и сбоку.

Дискос (высота — 8,3 см; диаметр тарели — 24,0 см; диаметр поддона — 16,0 см)[23] выполнен из серебра, в техниках ковки, гравировки, черни и позолоты, в виде глубокой тарели на массивном профилированном поддоне (рис. 7). В центре тарели выгравировано изображение жертвенного Младенца в чаше, по сторонам которого, в облаках, два ангела с молитвенно сложенными на груди руками, и еще полуфигуры меньшего размера двух обнаженных ангелов у основания чаши. Над Младенцем изображение Святого Духа в виде голубя, окруженного сиянием, в лучах исходящих от солнца с треугольником и заключенной в нем надписи «Бгъ». По широкому борту в трех барочных картушах черневая надпись «Се Агнець Бжій — вземляі — грехи мира». Описанная черневая композиция представляет один из ее иконографических изводов, получивших распространение в украшении дискосов XVIII в., характеризующих продукцию московских серебряников. Композиционная схема выдается большим разнообразием, и поэтому указанный вариант следует отметить как наиболее традиционный,. обнаруживающий много общего с представленным в стенописях рубежа XVII—XVIII вв.

Входящие в этот же комплект сосудов две тарели (диаметр — 19,0 см и 18,9 см)[24] выполнены из позолоченного серебра с применением тех же техник (рис. 8). На зеркале первой из них представлено Благовещение, в интерьере палаты с плиточным полом, с сидящей у стола под балдахином Девой Марией, касающейся рукой раскрытой книги, и стоящим у дверного входа приветствующего ее архангела Гавриила, с цветком лилии в правой руке; вверху окруженное сиянием с исходящими от него лучами изображение Святого Духа в виде голубя, обозначенного двумя славянскими литерами ДС под титлами. Широкий борт с тремя барочными картушами с текстом «Радуйся — Благодатная — Гдь с Тобою». Воспроизведенный иконографический извод Благовещения ренессансного происхождения, из числа получивших распространение в русской книжной гравюре XVIII в., наряду с иными, предполагающими иначе расположенные фигуры, иногда — со спускающимся в облаках архангелом. На зеркале другой тарели различимо сильно поврежденное черневое изображение Распятия с предстоящими у креста Богоматерью и Иоанном Богословом, более унифицированного, хотя и отличающегося в деталях, извода, вошедшего в употребление в московском ювелирном деле уже в начале 1700-х гг.[25] Представленный на тарели 1760 г. вариант ближе по своему характеру украшающему

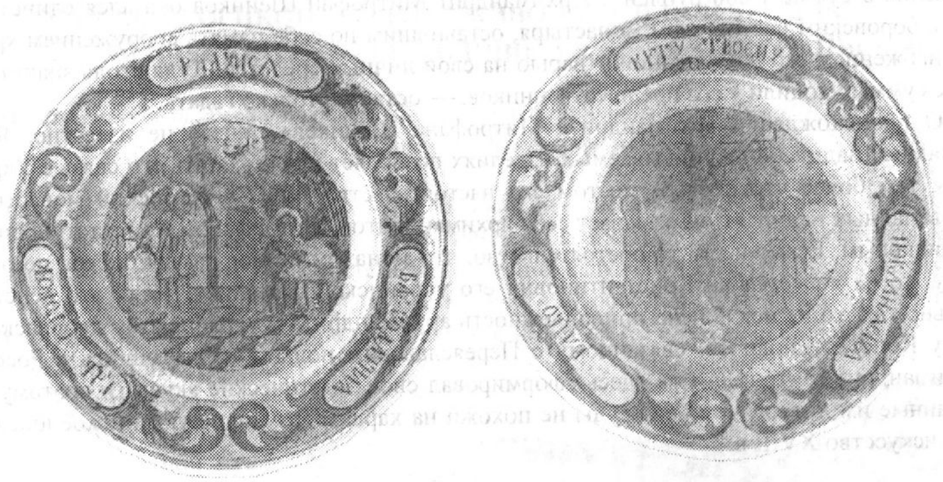


Рис. 8. Проскомидные тарели с изображением Благовещения и Распятия. Москва, 1760 г. Серебро, ковка, гравировка, чернь, позолота.

тарель дискоса, выполненного до 1740 г. московским ювелиром Иваном Семеновым Щукиным[26]. В барочных картушах обрамляющего широкого борта воспроизведена начальная фраза величания Кресту «Крсту Твоему — покланяемся — Влдко», с обычным употреблением титл, несколько модернизированным кириллическим шрифтом.

На тарели с изображением Благовещения на оборотной стороне по периметру резана следующая вкладная запись: «+ 1760 голу марта дня сиї сосуды сооружены Пафнутиєва Боровскаго мнтря от оца архимандрита Митрофана Констентиновичя Шеникова із сопъсвеннаго ево кошту в тотъ же Пафнутиевъ мантрь в Ново сооруженную із собственнєго єво кошту цровь Митрофана патриарха Констєнтина града» (рядом нанесенное граффито — № 3). На тарели с изображением Распятия соответственно подобная же надпись: «+ 1760 году марта дня сиї сосуды сооружены Пафнуієва Боровскаго мнтря от оца архимандрита Митрофана Констентиновича Шеникова із собственнаго ево кошту в тот же Пафнутиєвъ мнрь в ново сооруженную із собственнаго жь ево кошту црковь свтаго Митрофана патриарха Констентина града».

Общая типология изделий, иконография и стиль украшавших их изображений не оставляют сомнений в их принадлежности к московскому кругу. В этот же комплект еще должна была входить звездица, пока не обнаруженная либо не сохранившаяся. Отсутствие клейм, однако, не исключает факта работы серебряников в самом монастыре над выполнением заказа его настоятеля. Судя по манерам исполнения, трудились двое или даже трое мастеров, причем различной квалификации.

Нет уверенности в том, что на сегодняшний день уцелели или среди существующих опознаны все ювелирные изделия, заказанные либо приобретенные архимандритом Митрофаном Шеинковым для сооруженного им храма, под которым после своей смерти в июле 1763 г. он и был погребен. Должны еще быть напрестольный крест, дарохранительница, кадило, подвечники, принадлежность которых к церковной утвари является обязательной.

О заказчике и вкладчике архимандрите Митрофане известно немного. В марте 1723 г. он возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Святогорского Успенского монастыря, в тридцати верстах от Изюма, и управлял им до 1729 г. Затем в 1734—1747 гг. был настоятелем Знаменского монастыря в Курске. После этого в 1747 г. переведен в Голутвин Богоявленский монастырь близ Коломны, но не принял это назначение и 31 августа того же 1747 г. вступил в управление Пафнутьев-Боровским монастырем, где и окончил свою земную жизнь[27]. В служебной деятельности архимандрита явно были какие-то сложности, пришлось ему перенести и клевету. Но показательным является его доброе отношение к тем обителям, где пришлось ему проходить свое церковное служение. В Синодике Святогорской пустыни записан его род, благодаря его вкладу на поми-

новение в сумме 1 000 рублей[28]. Архимандрит Митрофан Шеинков оказался единственным боровским настоятелем монастыря, оставившим по себе память сооружением храма и снабжением его драгоценной утварью на свои личные средства. Куда столь значительные суммы уходили у его предшественников, — остается только гадать.

О происхождении архимандрита Митрофана Шеинкова ничего не известно. Язык вкладных надписей на описываемых изделиях позволяет предполагать его связь с Украиной, тем более что первым местом его настоятельства был Святогорский монастырь. Во вкладных надписях он называет себя архимандритом Митрофаном Константиновичем Шеинковым. Если учесть то обстоятельство, что монахом не мог называть себя по отчеству, то не является ли Константинович его украинской фамилией? Если это действительно так, то не исключена принадлежность архимандрита к украинскому дворянскому роду Константиновичей, связанному с Переяславским полком[29]. Оказавшись в России, архимандрит Митрофан уже здесь сформировал свои эстетические вкусы, и поэтому заказанные им литургические сосуды не похожи на характеризующие украинское ювелирное искусство XVIII в.[30]

Примечания

[1] Текст см.: *Антипов А. А.* Монастырские были. — Боровск, 2002. — С. 8, 19.

[2] См. там же. С. 8-10, 20.

[3] См.: *Фехнер М.* Калуга. Боровск. — М., 1972. — С. 240; *Лошкарева Н. П.* Святые свидетели вечности: Храмы и монастыри города Боровска. — Калуга, 2009. — С. 101—102.

[4] См.: *Антипов А. А.* Монастырские были. — С. 50—52.

[5] КОКМ. Инв. № Кл 2767.

[6] Примеры см.: *Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века: Каталог. — М., 2003.

[7] См. там же. — С. 188. Кат. № 149.

[8] См. там же. — С. 330—334. Кат. № 271.

[9] См.: *Galavaris G.* The Illustrations of the Prefaces in Byzantine Gospels. — Wien, 1979. — P. 39—42.

[10] См.: *Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века. — С. 332—333, 418—420. Кат. № 271, 353.

[11] См.: *Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л.* Золотое и серебряное дело XV—XX вв. (Территория СССР). — М., 1983. — С. 202. — № 1975.

[12] См. там же. — С. 207. № 2166.

[13] См. там же. — С. 223. № 2769.

[14] См. там же. — С. 223. № 2770.

[15] См. там же. — С. 224. № 2790.

[16] См. там же. — С. 211. № 2311.

[17] См.: Хохлова Т. М. Вкладные дары в Пафнутьев-Боровский монастырь из собрания Калужского областного краеведческого музея // Боровск: страницы истории. — Вып. 5. — Боровск, 2005. — С. 112—113. Ил. 7—9.

[18] См.: *Фехнер М.* Калуга. Боровск. — Ил. 7; *Антипов А. А.* Монастырские были. — С. 72, 73.

[19] См.: *Пуцко В. Г.* Серебряные литургические сосуды из Пафнутьев-Боровского монастыря // Боровск: страницы истории. — Вып. 4. — Боровск, 2002. — С. 28—36.

[20] КОКМ. Инв. № Кл 7662.

[21] См.: *Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века. — Кат. № 28, 31, 33, 34, 36, 39, 40.

[22] *Постникова-Лосева М.* Русская золотая и серебряная скань. — М., 1981. — С. 38.

[23] КОКМ. Инв. Кл 7663.

[24] КОКМ. Инв. № Кл 7664, Кл 7665.

[25] См.: *Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века. — С. 96. Кат. № 67.

[26] См. там же. — С. 231—232. Кат. № 180.

[27] См.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. — СПб., 1877. — Стб. 971, 637, 186, 572.

[28] См.: Материалы для истории Курской епархии. Из истории Курского Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. — 1897. — № 36. — С. 691.

[29] См.: *Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. — СПб., 1914. — С. 77.

[30] См.: *Петренко М. З.* Українське золотарство XVI—XVIII ст. — Київ, 1970.

КАЛУЖСКАЯ ИКОНА СВЯТОЙ ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ИЗВОД И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МАНЕРА ПИСЬМА

***С. И. Личенко**, к. искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ, зав. отд., Калужский областной художественный музей*

В научной традиции Калужского края за последние десятилетия был накоплен опыт изучения калужской иконописи, при этом проблема в целом остается открытой для последующих исследований[1]. Для системного изучения калужской иконописи необходимы последовательное выявление, изучение ее конкретных образцов и введение в научный оборот новых памятников. Данное исследование имеет самое непосредственное отношение к обозначенной проблеме.

Илл.1. Икона «Святая Живоначальная Троица. Первая четверть XIX в. Дерево, паволока, левкас, яичная темпера. Собрание Калужского областного художествевенного музея.

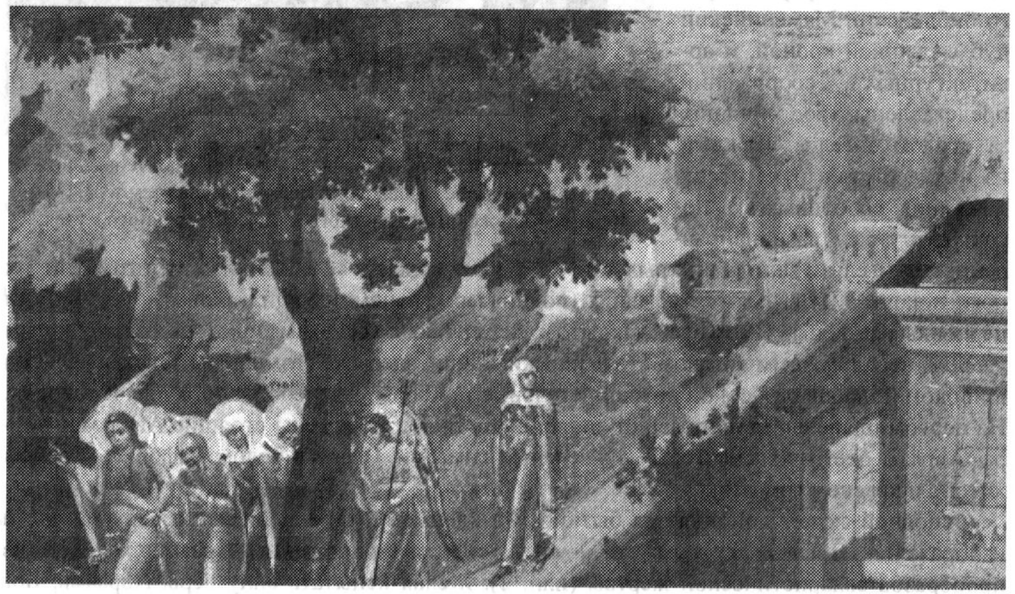
Икона Святой Живоначальной Троицы из собрания Калужский областной художественный музея (илл. 1), по инвентарным данным, поступила в фонды музея в 1975 г. В музейных инвентарях датируется и XVIII, и XIX в.[2] Икона написана на доске, укрепленной четырьмя врезными торцовыми шпонками. Технологический процесс исполнения включал в себя паволоку, левкас, темперу, золочение. Размеры иконы соответственно — 37,5×33,3×3. По верхнему полю дан текст: «СВЯТАЯ ЖИВОНАЧАЛЬНАЯ ТРОИЦА»[3].

На фоне пейзажа с мотивом холма, на верху которого библейский Мамврийский дуб с пышной кроной, и архитектурных сооружений представлены трое сидящих за столом ангелов. Каждый из них держит в руке посох, движения свободных от посоха рук у всех разнонаправленные. Ангелы с золотыми крыльями одеты в красные и зеленые хитоны и гиматии, их ноги покоятся на высоких омфалиях (подножьях), напоминающих своими очертаниями церковные амвоны. На столе, покрытом скатертью с пышным золотым растительным узором, перед каждым ангелом стоят плоские чаши, здесь же размещены золотая чаша на широком поддоне с высокой ножкой, столовые приборы, два небольших кубка и солонка. На первом плане слева и справа от сидящих ангелов изображены стоящие Авраам и Сарра. Авраам одет в красный хитон и зеленый гиматий. Сарра в белом мафории, зеленом хитоне и красном гиматии.

Основной сюжет дополняется бытийными клеймами, помещенными в верхней части изображения. В левом верхнем углу — сцена «Жертвоприношение Авраама» как один из прообразов евхаристической жертвы (илл. 2). Желая испытать силу веры Авраама, Бог повелел ему принести в жертву сына Исаака на горе Мори. Однако в последний момент занесенная рука Авраама была остановлена ангелом, и по велению Бога Исаак был заме-

Илл. 2. Фрагмент. Бытийная сцена «Жертвоприношение Авраама».

нен агнцем. Ангел также возвестил Аврааму, что его «потомство будет подобно звездам небесным и песку на берегу морском и что в его лице народы мира получат благословение (Быт. 22: 18). В теологической традиции жертвоприношение Исаака является прообразом жертвоприношения Сына Божия. Исаак, возлюбленный сын Авраама, ведомый собственным отцом своим на закание и сам несущий дрова для своего жертвоприношения, — первый в Ветхом Завете прообраз страданий Христа, единственного и возлюбленного Сына Божия, отданного Отцом в жертву искупления и самолично несшего свой крест. Вторая бытийная сцена — «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома» (илл. 3). «Ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену свою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония городов… спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей» (Быт. 19: 15—17). Лот бежал в соседний город Сигор. Когда семья его достигла Сигора, Бог пролил над Содомом и Гоморрой дождь из серы и огня. Жена Лота оглянулась, чтобы увидеть катастрофу, и превратилась в соляной столб. Неизвестный мастер тщательно иллюстрирует библейский текст и для ясности восприятия делает сопроводительные надписи: «Жена Лотова», «Дщери Лотовы». Живописная интерпретация ветхозаветного текста в бытийных сценах вносит элемент повествовательности и литературности в каноническую иконографию, отличается особенно тщательным изображением деталей и выразительной образностью. По своей художественной структуре бытийные клейма являют собой жанровую трактовку ветхозаветного текста. Но в каноническом традиционном смысле они связаны с Евхаристией — идеей жертвенности, искупительной жертвы (Иисус принес себя в жертву) — и эсхатологической идеей грядущего Воплощения и Страшного суда.



Илл. 3. Фрагмент. Бытийная сцена «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома».

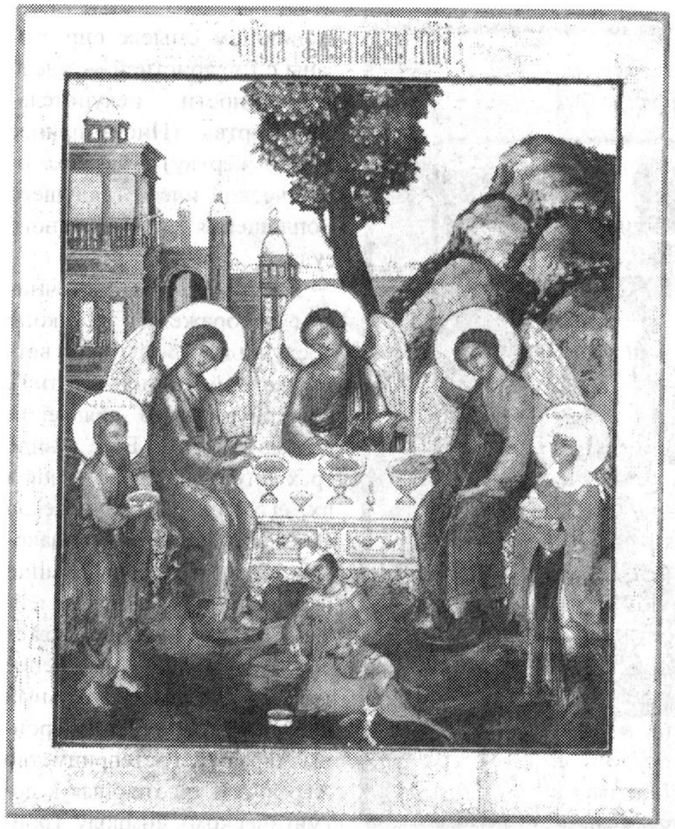
Илл. 4. Троица Ветхозаветная. Вторая половина XVIII в. Невьянская школа иконописи. Дерево, ковчег, паволока, левкас, темпера, золочение. Собрание Музея «Невьянская икона».

Литературным источником изображения на иконе послужила 18-я глава ветхозаветной книги Бытия[4], повествующая о появлении в доме Авраама Бога в виде трех ангелов. Авраам угощал их, его жена Сарра испекла хлеб; для трапезы был заколот телец. По определению Г. И. Вздорнова, из библейского повествования «может быть выделено не менее трех как бы самостоятельных изображений: явление Троицы Аврааму, гостеприимство Авраама и тяготеющая к догматическому символу Троица без Авраама и Сарры»[5]. Следовательно, в отечественной научной традиции укоренилось несколько вариантов иконографии Святой Троицы — от строгой, представляющей собой модификацию рублевской, до усложненной изображением фигур Авраама и Сарры и введением обширного повествовательного цикла[6]. В последнем случае сказывается воздействие получающей известность во второй половине XVI в. Троицы Ветхозаветной с бытием[7].

Таким образом, иконография иконы Святой Живоначальной Троицы из музейного собрания представлена в варианте «Гостеприимства Авраама» с изображением бытийных сцен «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома» и «Жертвоприношение Авраама». Наличие обозначенных житийных клейм делает символику сюжета Троицы в калужской иконе более сложной, соединяющей библейскую святыню и догматический образ.

Иконографические особенности калужской иконы Троицы проистекают из общей композиционной схемы. Так, в трактовке обозначенного иконографического извода изображение бытийных сцен «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома» и «Жертвоприношение Авраама» в верхней части композиции — сравнительно редкий случай; архитектурные строения размещены справа, что нетипично для данной иконографии (традиционно — слева), как и сама архитектурная конструкция с классицистическими элементами; омфалии (подножья) у двух ангелов нетрадиционны по очертаниям — напоминают амвоны; изображение прислуживающих Авраама и Сарры по сторонам нетрадиционно приближено к ангелам, в трактовке их фигур отсутствует иерархический принцип (они одного роста с ангелами). Наличие бытийной сцены «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома» расширяет каноническую символику сюжета, объединяющую в данном случае евхаристическую идею жертвенности и эсхатологическую идею Страшного суда.

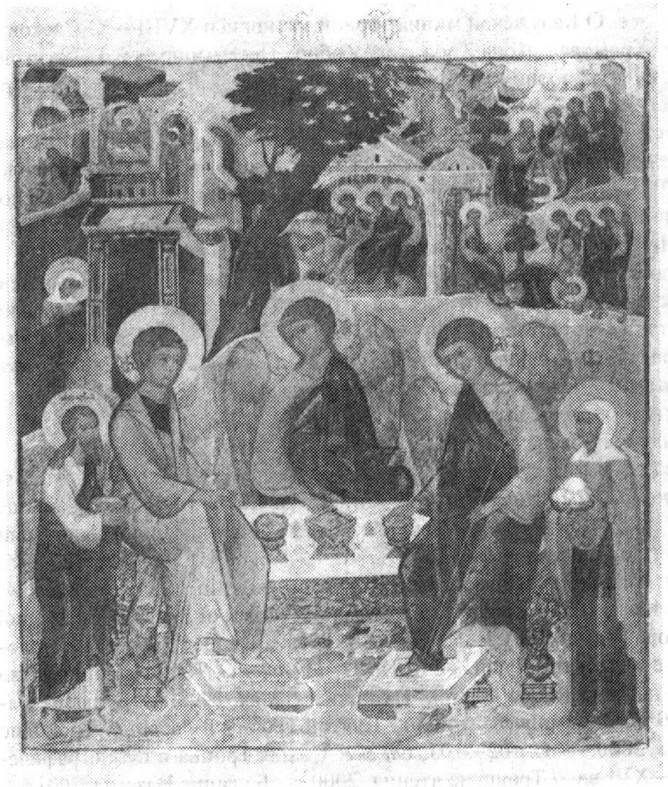
Манера письма калужской иконы Троицы происходит из древнерусской византинизирующей традиции и локальных приемов письма[8]. В целом традиционное письмо отли-



Илл. 5. Троица Ветхозаветная. 1820—1840-е гг. Невьянская школа иконописи. Дерево, ковчег, паволока, левкас, темпера, золочение. Собрание Музея «Невьянская икона».

чается особенностями моделировки формы: при передаче одеяний наиболее освещенные места выделены твореным золотом, таким образом создается своеобразная имитация ассиста. Икона выполнена на высоком профессиональном уровне в древнерусских традициях, отличается достаточно ярким колоритом с преобладанием красных, оливково-зеленых тонов, активно используется твореное золото. Удлиненные изящные пропорции фигур, тонкая графья, фиксирующая детали, придают изображению особую изысканность. Технические приемы и художественные характеристики идут еще из позднего XVIII века, но приобретают характерные черты XIX столетия в трактовке формы и подборе бытийных клейм.

Стиль иконы, трактовка отдельных элементов изображения (классицистические архитектурные формы строения, бытийные клейма с ярко выраженным элементом повествовательности и литературности, отсутствие иерархического принцип в трактовке фигур и др.) указывают на первую треть XIX в. как на время, наиболее вероятное для выполнения данного произведения. В данном случае особенности иконографии и стиля логично искать в широком контексте, не ограничиваясь уцелевшим наследием локального художественного центра[9]. Стилистика и особенности иконографии калужской иконы Троицы позволяют поставить ее в определенный типологический ряд с произведениями невьянского письма[10], классической старообрядческой иконописной школы на Урале, сформировавшейся к последней четверти XVIII в. В частности, с иконами Троицы Ветхозаветной, выполненными в промежутке между второй половиной XVIII и первой половиной XIX в. Невьянская икона второй половины XVIII в. (*илл. 4*) из типологического ряда идентична калужской по иконографическому изводу «Гостеприимство Авраама», трактовке сюжета и наличию бытийных клейм «Авраам, сидящий у ворот дома», «Авраам встречает путников», «Сарра месит тесто», «Авраам омывает ноги странникам», «Авраам провожает путников». Невьянская икона Троицы (1820 — 1840-е гг.) близка стилистической трактовкой фигур и композиционной схемой (илл. 5)[11]. Иконографический ряд может быть продолжен изображением на иконе «Троица Ветхозаветная» XVIII в. (илл. 6)[12] из Ростовского музея-заповедника, стилистически аналогичным северному старообрядческому письму. Следовательно, иконографические и стилистические особенности калужской иконы находят аналогии в классическом старообрядческим письме невьянской школы иконописи. Происхождение и бытование иконы связано со старообрядческой традицией, что подтверждает ее происхождение из калужской церкви Сошествия Святого Духа, принадлежавшей старообрядческой общине, на что указывают, в частности, записи в инвентаре, в том числе и старый инвентарный номер (Инв. № 6472). Более того, изображение жезла в руке у центрального ангела завершается восьмиконечным крестом, что прямо говорит о заказчике-старообрядце.



Илл. 6. Икона «Троица Ветхозаветная». XVIII в. Дерево, паволока, яичная темпера. Собрание Ростовского музея-заповедника.

Иконографический извод «Гостеприимство Авраама» был традиционно распространен в иконописной старообрядческой традиции. Сюжет Троицы соединял библейскую святыню и догматический образ. По определению отца П. А. Флоренского, «…Троица служила символом русского духа и новой культурной идеи»[13]. Да и в целом, догмат о Троице — один из основных и сложнейших в христианстве. В нем выявлена связь Ветхого и Нового Завета. Его религиозно-философское содержание особенно важно в русском религиозном искусстве, а потому «Троица Ветхозаветная» — широко распространенный сюжет в иконописной традиции. По определению исследователя, «в течение первого тысячелетия многими мастерами христианского искусства разрабатывается тема "Гостеприимство Авраама", опирающаяся на Писание и святоотеческое предание, может быть, наиболее ярко проявившиеся в почитании самого священного места в окрестностях Хеврона»[14]. Модификация этой раннехристианской иконографической схемы была унаследована Византией и в дальнейшем адаптирована на русской почве.

Таким образом, предшествующий анализ позволяет ввести в научный оборот икону с развитой иконографией Троицы Ветхозаветной в варианте «Гостеприимства Авраама» с изображением бытийных сцен «Ангелы Господни выводят Лота и его семью из гибнущего Содома» и «Жертвоприношение Авраама». Особенности иконографии и стилистики позволяют более точно датировать ее первой четвертью XIX в.[15] Икона могла быть выполнена и местными иконописцами, прекрасно адаптировавшими элитарные варианты старообрядческого письма, и столичными мастерами. Особенности трактовки иконографического извода и манера письма во многом аналогичны классической старообрядческой невьянской школе иконописи. И это позволяет связать Троицу Ветхозаветную из музейного собрания с калужской старообрядческой иконописной традицией, однозначно подтверждает ее происхождение из калужской церкви Сошествия Святого Духа, принадлежавшей старообрядческой общине.

Последовательное выявление, описание и публикация иконописных памятников, происхождением и бытованием связанных с Калужским краем, будет способствовать системному изучению локальной иконописной традиции. В целом же научная интерпретация иконописи актуализирует духовную православную картину мира в ее религиозном и художественном аспектах.

Примечания

[1] См.: *Пуцко Василий.* Иконы с изображением калужских святых // Материалы Междисциплинарного и Экуменического симпозиума в г. Галле в Саксонии. 13—16 апреля 1988 г. — Лейпциг, 1993. — С. 517—539; *Пуцко В. Г.* Богоматерь «Живоносный источник» в калужской иконописи XVIII века // Калуга в шести веках. Материалы 5-й городской краеведческой конференции. —

Калуга, 2005. — С. 338—349; *Он же.* О Калужской миниатюрной иконописи XVIII—XIX веков // Там же. — С. 319—329; *Он же.* Храмовая икона Троицкого собора Перемышльского Лютикова монастыря // Троицкие чтения. 2005: Сборник материалов научной конференции. 16 сентября 2005 г. — Большие Вяземы, 2006. — С. 52—62.

[2] Собрание Калужского областного художественного музея (КОХМ). Икона «Святая Живоначальная Троица». Дерево, 4 врезные торцовые шпонки, паволока, левкас, темпера, золочение. 37,5×33,3×3. Икона передана в 1975 году Калужским областным краеведческим музеем по распоряжению Управления музеев Министерства культуры РСФСР от 6 марта 1975 г. В инвентарной книге икона датируется XIX в. (Инв. № КП-2571), в книге живописи — XVIII в. (Инв. № Ж-823).

[3] В 2008 г. реставрацию иконы осуществил реставратор высшей категории Б. В. Дмитриев. До реставрации икона была загрязнена, потемнела от времени. По всей поверхности, были мелкие выкрошки красочного слоя, царапины, потертости, по краям и в углах иконы были мелкие сколы. В ходе реставрации икона была расчищена, с поверхности иконы были удалены мелкие выкрошки красочного слоя, царапины, потертости, мелкие сколы по краям и в углах.

[4] См.: Ветхий Завет. Первая кн. Моисеева. Бытие, гл. 18, 1—8.

[5] *Вздорнов Г. И.* «Троица» Андрея Рублева: Антология. — М., 1981. — С. 134.

[6] В отечественной и зарубежной науке существует обширный корпус исследований, посвященных иконографии Святой Троицы. См.: *Alpatov M.* La Trinite dans l'art buzantin et l'ikone de Roublev // Echos d'Orient. — 1927. — T. 46. — P. 150—186; *Малицкий Н. К.* К истории композиции Ветхозаветной Троицы // Seminarium Kondakovianum. — T. II. — Prague, 1928. — С. 33—45; *Hackel A.* Die Trinitat in der Kunst: Eine ikonographische Untersuchung. — Berlin, 1931; *Braunfels W.* Die Heilige Dreifaltigkeit. — Dusseldorf, 1954; *Tompos E.* The Abstract Variant of the Trinitey Symbol in the Earty Middle Ages // Homonoia. — Vol. 1981. — P. 91—136; Троица Андрея Рублева: Антология / Сост. Г. И. Вздорнов. — 2-е изд. испр. и доп. — М. 1989; *Ульянов О. Г.* «Гостеприимство Авраама»: библейская святыня и догматический образ // Троицкие чтения. 1998. — Большие Вяземы, 1999. — С. 51—72; *Пуцко В. Г.* Паломнические иконы Святой Троицы в России // Троицкие чтения. 1999. — Большие Вяземы, 2000. — С. 102—103; *Он же.* Святая Троица в иконографической схеме русских панагий XIV—XVI вв. // Троицкие чтения. 2000. — Большие Вяземы, 2001. — С. 83—98; *Он же.* Древнейшие иконы Святой Троицы (XI—XIV века) // Троицкие чтения. 2001—2002. — Большие Вяземы, 2003. — С. 11—22; *Он же.* Ростовская икона Троицы Ветхозаветной: иконография и стиль // Там же. — С. 142—154.

[7] См,: *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. — Т. II. — М., 1963. — С. 44—45. — Илл. 13. — № 389.

[8] См.: *Пуцко Василий.* Иконы с изображением калужских святых; *Пуцко В. Г.* Богоматерь «Живоносный источник» в калужской иконописи XVIII века; *Он же.* О Калужской миниатюрной иконописи XVIII—XIX веков.

[9] См.: *Пуцко В. Г.* Ростовская икона Троицы Ветхозаветной: иконография и стиль.

[10] См.: Музей «Невьянская икона». — Екатеринбург, 2005. — С. 61. — Илл. 26: Троица Ветхозаветная. Вторая половина XVIII в.; С. 129. — Илл. 86: Троица Ветхозаветная. 1820 — 1840-е гг.

[11] См.: *Голынец Г. В.* Невьянская иконописная школа второй половины XVIII—XIX вв. и ее стилистические особенности. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ.

[12] См. Иконы из собрания Ростовского музея-заповедника: Каталог. — М., 1991. — С. 46.

[13] *Флоренский П. А.* Троице-Сергиева Лавра и Россия // *Флоренский П. А.* Избранные труды по искусству. — М., 1996. — С. 219—244.

[14] *Ульянов О. Г.* «Гостеприимство Авраама»: библейская святыня и догматический образ. — С. 51—72.

[15] Новые данные для музейного инвентаря: Икона «Святая Живоначальная Троица (Гостеприимство Авраама)». Первая четверть XIX в. Дерево, паволока, левкас, яичная темпера. Икона из церкви Сошествия Святого духа в Калуге.

ПОРТРЕТЫ КАЛУЖСКИХ ПОМЕЩИКОВ Н. И. И М. А. БЕЛЬЧЕНКО ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

***И. В. Гужова**, н. с., Калужский областной художественный музей*

В собрании Калужского областного художественного музея находятся парные портреты супругов Н. И. и М. А. Бельченко, созданные в 1836 г. выдающимся русским художником В. А. Тропининым (илл. 1). Портреты подписные и датированные. Давно стоит вопрос об уточнении данных об изображенных лицах, истории создания портретов, времени

Илл. 1. В. А. Тропинин. Портреты супругов Н. И. и М. А. Бельченко. 1836. КОХМ.

их поступления, истории их бытования, места, которое эти портреты занимают в творчестве В. А. Тропинина. В данной статье автор попытается ответить на эти вопросы.

На основании записи в инвентарной книге № 1 «Живопись и графика» за 1938—1941 гг. считается, что парные портреты супругов Н. И. и М. А. Бельченко поступили в музей в 1918—1920 гг. из имения Сосновка Перемышльского уезда[1]. Сразу надо отметить, что это имение в списке усадеб, в которых находились художественные ценности, составленном подотделом по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы (губмузеем), не упомянуто, художественные ценности из него не вывозились[2], в список имений, обследовавшихся сотрудниками губмузея, оно не входило[3].

В каталоге В. Н. Левандовского, вышедшем в 1929 году, они не указаны[4]; следовательно, они поступили позднее 1929 г. Как следует из отчета Калужского краевого базового госмузея, портреты кисти Тропинина поступили в художественный отдел в 1933 г. как портреты неизвестных[5]. Кроме источника их первоначального местонахождения, о них ничего не было известно, и поэтому в течение нескольких лет сотрудникам художественного отдела, а затем музея пришлось устанавливать личности изображенных лиц.

В описании экспозиции отдела русского искусства за 1937—1938 гг. портреты Бельченко упоминаются как портреты Якубовичей[6]. В начатую в 1938 г. инвентарную книгу № 1 «Живопись и графика» они были записаны как портреты неизвестных, а в скобках под вопросом написана фамилия Якубович, но время их поступления не указано[7]. Именно в инвентарной книге был указан источник поступления: «Поступили из имения Сосновка Перемышльского уезда Калужской губернии (ныне Бабынинский район Туль[ской] области»[8].

В 1939 г. портреты были отреставрированы в музее реставраторами из ГТГ, приезжавшими в музей для реставрации работ. В списках отреставрированных работ они проходят как портрет Якубовича (№ 405) и портрет неизвестной (№ 406)[9], и только в путеводителе по экспозиции за 1940 г. портреты упомянуты уже как портреты супругов Бельченко.

В инвентарной книге № 1 есть замечание о состоянии их сохранности: «Требуют небольшой реставрации», что указывает на относительно хорошее состояние картин. Как видно из записей реставраторов, портреты были загрязнены, но значительных повреждений не имели и поэтому были отреставрированы в музее[10]. Следовательно, они до поступления в музей хранились в нормальных условиях. Такие условия хранения могли обеспечить или потомки, или какое-то учреждение. Если бы портреты поступили от потомков, то сразу были бы известны имена изображенных лиц, а так как было известно только

их происхождение, то это указывает на то, что они были вывезены из имения учреждением, скорее всего сотрудниками музея местного края, созданного в Перемышле в 1919 г.[11] В него свозились художественные ценности из местных усадеб. Он просуществовал до середины 20-х гг., затем был закрыт, как и большинство уездных музеев. Некоторые предметы из музея, в том числе и портреты Бельченко, могли у кого-то храниться после закрытия музея, а затем их передали в калужский музей. На основании сведений о владельцах имения Сосновка Перемышльского уезда были установлены имена изображенных лиц — Николай Иванович Бельченко и Мария Андреевна Бельченко, урожденная Якубович, помещики Перемышльского уезда Калужской губернии. О Марии Андреевне Бельченко было известно, что она дочь А. Ф. Якубовича, калужского почтмейстера, и сестра поэта Л. А. Якубовича.

Удалось найти некоторые биографические данные об изображенных лицах. **Николай Иванович Бельченко (Бѣльченко)**, родился в 1804 г. Начал службу в Саратовском пехотном полку. В этом же полку служил будущий декабрист М. М. Спиридонов (1796—1854). Он давал Николая Ивановичу Конституцию для чтения, пытался вовлечь его в Общество соединенных славян, членом которого сам состоял, но Николай Иванович уклонился. Отношения с М. М. Спиридоновым, осужденным по I разряду, оказали негативное влияние на его последующую карьеру: по Высочайшему повелению 13 июля 1826 г. он был переведен в менее привилегированный 21-й егерский полк[12]. В 1828—1829 гг. Николай Иванович служил поручиком в 21-м егерском полку в составе сводной дивизии 4-го пехотного корпуса. В чинах он не пошел и к 1836 г. вышел в отставку в чине майора.

Николай Иванович имел в Калужской губернии небольшое имение, состоящее в части пустоши Долгой Перемышльского уезда[13]. В октябре 1837 года он был внесен во II часть Дворянской родословной книги Калужской губернии[14].

В 1844 г. он пытался поступить на гражданскую службу и проходил испытания на должность эконома в 1-м Московском корпусе, но после окончания испытательного срока был уволен[15]. В июне 1847 г. у Павла Васильевича Ртищева он приобрел недвижимое имение, состоящее в сельце Нижние Дойцы Перемышльского уезда[16], которое находилось недалеко от сельца Сосновка, имения его жены. На момент приобретения имения в нем был 450 десятин земли и числилось 62 души крестьян мужского полу.

В январе 1854 г. Николай Иванович был избран уездным предводителем дворянства Перемышльского уезда, но на этой должности оставался до 17 августа этого года[17]. Причина ухода в отставку неизвестна, так как его личное дело и другие документы, объясняющие его отставку, не сохранились. После краткого срока службы по выборам Николай Иванович Бельченко нигде не служил, жил в Калуге, где скончался 3 октября 1867 г. в возрасте шестидесяти трех лет. Он был похоронен на кладбище церкви Николая Чудотворца села Дойцы[18], к которому относилось принадлежавшее ему сельцо Нижние Дойцы.

Мария Андреевна Бельченко, урожденная Якубович. Полная фамилия Марии Андреевны — Барло-Якубович. Якубовичи в обыденной жизни не употребляли первую часть фамилии, писали ее сокращенно. Род Якубовичей происходит из Малороссии, из Полтавы. Их предок, Тимофей Барло, был сотником в Устивицком полку в Запорожском войске. Его дворянское происхождение подтверждает универсал последнего выборного гетмана Левобережной Украины Даниила Апостола (1658—1734), выданный Тимофею Барло-Якубовичу в 1713 г.[19] Сыновья и внуки Тимофея Барло служили в Запорожском войске в офицерских чинах. Иван Степанович Якубович принимал участие в Персидском и Турецком (1787—1791) походах, погиб при взятии Очакова. Дед Марии Андреевны, Федор Иванович Якубович, имел чин поручика, он был внесен со своим потомством во II часть Дворянской родословной книги Киевской губернии в 1784 г.[20]

Мария Андреевна родилась в Калуге в 1812 г.[21] Несколько слов необходимо сказать о семье, из которой она происходила. Ее отец, Андрей Федорович Якубович (1776—1842), — личность довольно известная в истории Калуги[22]. Выходец из Полтавы, он поступил учеником в пансион при Московском Императорском университете в августе 1797 г., а 30 января 1798 г. был произведен в студенты. Проучившись около двух лет, 16 июня 1800 г. он по собственному прошению (видимо, связанному со смертью отца

и ухудшением материального положения) был уволен из университета и определен в Тамбовский приказ общественного призрения смотрителем, а в апреле 1801 г. назначен в экспедицию государственных доходов, где прослужил с мая по август 1801 г. В ноябре 1801 г. Якубович был определен в штат Московского почтамта. Именно к нему, образованному чиновнику, учившемуся в университете, обратился московский почт-директор Ключарев с просьбой подготовить и издать сочинения Кирши Данилова, которые ему принадлежали.

В 1800 г. А. Ф. Якубович был произведен в коллежские регистраторы, а в 1803 г. он — губернский секретарь, в 1804 г. — экспедитор, с февраля 1806 г. — титулярный советник, коллежский асессор — с ноября 1808 г. Примерно в 1807 г. в Москве он женился на Екатерине Лукьяновне Яковлевой (?—1831?), старшей дочери действительного статского советника Л. Я. Яковлева. В июне 1809 г. был переведен в Калугу, в губернскую почтовую контору, почтмейстером[23].

В 1815 г. А. Ф. Якубович приобрел у Тургеневых имение, которое состояло в шестнадцати душах крепостных крестьян в сельцах Сосновке и деревне Савинской Перемышльского уезда Кумовской волости[24]. До этого они входили в состав родовой вотчины Тургеневых, владевших землями в Перемышльском уезде еще в XVII в.

Став помещиком Калужской губернии, А. Ф. Якубович с детьми и женой в 1817 г. был внесен в III часть Дворянской родословной книги Калужской губернии[25]. К этому году у супругов Якубовичей было три сына, Лукьян, Федор, Владимир, и четыре дочери, Прасковья, Мария, Александра, Анна.

Доходы от имения были весьма незначительные. Его тесть, действительный статский советник Л. Я. Яковлев, видя непростое материальное положение семьи своей дочери, предпринял определенные меры — начал хлопотать за своего зятя перед тогдашним министром юстиции князем Д. И. Лобановым-Ростовским (1758—1838). По его представительству надворный советник А. Ф. Якубович по Именному указу от 3 марта 1819 г. был назначен председателем Калужской палаты гражданского суда[26], а не Тульской, как считалось ранее[27]. На этой должности А. Ф. Якубович прослужил всю оставшуюся жизнь и дослужился до чина статского советника.

Мария Андреевна получила обычное для своего времени домашнее воспитание и образование. В 1836 г. она вышла замуж за майора в отставке Николая Ивановича Бельченко. Свадьба состоялась в Москве 23 октября 1836 г.[28], где у Марии Андреевны были родственники со стороны матери. В ноябре—декабре этого же года в Москве В. А. Тропининым были исполнены портреты молодых супругов.

Портреты Бельченко относятся к середине 30-х гг., периоду творческой зрелости В. А. Тропинина, что определяет высокое качество их живописного исполнения. В этом же году художником были создано около пятнадцати портретов, из которых наиболее известны портреты К. П. Брюллова, Г. И. Гагарина в охотничьем костюме, М. К. Маковской[29]. Парные супружеские портреты В. А. Тропинин писал на протяжении всего московского периода творчества[30].

После заключения брака супруги Бельченко поселились в Калуге. В 1839 г. жизнь Марии Андреевны была омрачена смертью старшего брата поэта Лукьяна Андреевича Якубовича, который уже больной приехал в Калугу к отцу. Он умер от туберкулеза в возрасте тридцати двух лет. Удалось установить дату его смерти и место погребения. Ранее было известно только, что он уже больной приехал к отцу в Калугу, где и скончался[31]. Л. А. Якубович умер в Калуге 19 сентября 1839 г. и был похоронен на кладбище Лаврентьевского монастыря[32]. В связи с разорением монастыря за годы советской власти могила русского поэта Л. А. Якубовича не сохранилась. Там же был, видимо, похоронен и отец Марии Андреевны, умерший в 1842 г.

Мария Андреевна принимала активное участие в благотворительной деятельности, и в 1841 г. она стала одной из основательниц Калужского женского благотворительного общества[33], но действительным членом общества избрана не была.

После смерти отца в 1842 г. Мария Андреевна стала владелицей имения, состоящего в сельце Сосновка и деревне Синыкиной[34]. В 1852 г. Мария Андреевна, жившая на квартире в доме Палтова (известного теперь как дом Сухозанет) в приходе храма Покрова

71 Зак. 1053

Богоматери, получила исцеление от иконы Петровской Божьей Матери, которое было зафиксировано в Сказании о списке с чудотворной иконы Петровской Божьей Матери[35]. Произошедшее от чудотворного образа исцеление укрепило ее в вере, Мария Андреевна была глубоко религиозная женщина. О ее праведной жизни и смиреной кончине написал знавший и уважавший ее протоиерей Иоанн Любимов в «Поучении при погребении боярыни М. А. Бельченко»[36]. Скончалась она 11 ноября 1878 г. в Калуге от туберкулеза, похоронена на кладбище при церкви Николая Чудотворца в селе Дойец рядом с мужем[37].

У Николая Ивановича и Марии Андреевны Бельченко было два сына, Александр и Сергей, и две дочери, Мария и Евгения, у них было многочисленное потомство. Имение Сосновка, из которого происходили портреты, А. Ф. Якубович приобрел в 1815 г. (шестнадцать крестьян мужского полу с принадлежащими им землею, постройками в сельце Сосновке и деревни Синыкиной). Оставшаяся часть земли и крестьян в этих селениях по-прежнему принадлежала Тургеневым; видимо, они построили усадебный дом, заложили парк, который частично сохранился. Позднее А. Ф. Якубович смог выкупить оставшуюся часть земли и крестьян и стать единоличным владельцем этого имения. В 1842 г. владелицей имения стала его дочь М. А. Бельченко, после ее смерти в 1878 г. имение перешло к ее сыну Александру Николаевичу Бельченко. Последним владельцем был внук Федор Александрович Бельченко, бывший перемышльским предводителем дворянства.

Примечания

[1] См.: Калужский областной художественный музей: Альбом. — М.: Изобразительное искусство, 1976. — Комментарии, № 12, 13; *Бурман С. М.* Портреты В. А. Тропинина в собрании Калужского художественного музея // Калужские пенаты: Материалы музейных научно-практических конференций. — Вып. 1. — Калуга, 1983. — С.16—17.

[2] См.: ГАКО. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 7. С. 47; Научный архив КОХМ (далее — Архив КОХМ). Оп. 1. Д. 2. С. 5, 21.

[3] ГАКО. Ф. Р-2878. Оп. 3. Д. 1 в. С. 101.

[4] См.: *Левандовский В. Н.* Каталог художественного отдела Калужского музея. // Художественный отдел Калужского государственного областного музея: Путеводитель-каталог. — Калуга, 1929. — С. I—LIII.

[5] См.: ГАКО. Ф. Р-2878. Оп. 2. Д. 8. Л. 5 об.

[6] См.: Архив КОХМ. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об.

[7] См. там же. Инвентарная книга № 1. С. 57 об, Порядковые номера — № 361, 362.

[8] См. там же. — С. 58. Бабынинский район входил в состав Тульской области с 1937 по 1944 г.

[9] См. там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 18 об, 19.

[10] См. там же.

[11] См.: ГАКО. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 5. Л. 2—9.

[12] См.: Декабристы: Биографический справочник. — М., 1988. — С. 18, 233.

[13] См.: ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1058. Л. 25 об. № 3985.

[14] См. там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 408. Л. 6 об.

[15] См.: Декабристы: Биографический справочник. — С. 18.

[16] См.: ГАКО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 773. Л. 515, 515 об.

[17] См.: *Булычов Н. И.* Калужская губерния. Список дворян, внесенных в Дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г., и Перечень лиц, занимающих должности по выборам дворянства с 1785 года. — Калуга, 1908. — С. XLIII.

[18] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 970. Л. 1.

[19] См. там же. Оп. 1. Д. 400. Л. 4; Оп. 2. Д. 1385. Л. 2.

[20] См. там же. Оп. 1. Д. 400. Л. 5; Оп. 2. Д. 1385. Л. 2.

[21] См. там же. Оп. 1. Д. 400. Л. 7.

[22] См.: *Морозова Г. М.* Прогулки по старой Калуге. — Калуга: Золотая аллея, 1993. — С. 156; Калужская энциклопедия. — 2-е изд. — Калуга, 2005. — С. 490.

[23] См.: ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 858. Л. 2 об.

[24] См. там же. Ф. 66. Оп. 1. Д. 400. Л. 3. Теперь это Бабынинский район Калужской области.

[25] См. там же. Л. 17.

[26] См. там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 853. Л. 2.

[27] См.: Русский биографический словарь. — Т. 17. — М.: Терра. 2001. — С. 419.

[28] См.: ГАКО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 1385. Л. 6.

[29] См.: *Амшинская А. М.* Василий Андреевич Тропинин. — М.: Искусство, 1970. — С. 170—171.

[30] См.: *Петипова Е. Ф.* Василий Андреевич Тропинин. — Л., 1987. — С. 86.

[31] См.: *Сахаров И. П.* Записки И. П. Сахарова // Русский архив, издаваемый П. Бартеневым. — 1873. — Кн. I. — М., 1873. — С. 953, 954.

[32] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 86. Л. 19.

[33] См. там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3077. Л. 10 об.

[34] См. там же. Ф. 30. Оп. 4. Д. 2120. Л. 2 об.

[35] См.: Калужские епархиальные ведомости. — 1870, 30 окт. — № 20. — Прибавления. — С. 572. Автор выражает благодарность Т. О. Купченко за предоставленные сведения о прихожанах церкви Покрова Богородицы.

[36] См. там же. — 1878, 15 дек. — № 23. — Прибавления, — С. 431—453.

[37] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 281. Л. 564.

УСАДЬБА ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

***Н. В. Марченко**, заслуженный работник культуры РФ, дир.,*
Калужский областной художественный музей

Усадьба Полотняный Завод является одним из наиболее ценных объектов историко-культурного наследия на Калужской земле, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г. и приездом А. С. Пушкина. В этой связи период первой трети XIX в. в истории усадьбы занимает особое место. Вопросы, связанные с его всесторонней характеристикой, в настоящее время приобретают актуальное значение в свете происходящих в усадьбе реставрационных работ и музеефикации.

В данной статье на основе архивных источников предполагается рассмотреть ансамбль усадьбы, архитектурный облик построек, а также убранство помещений в главном доме и красном доме, которые сложились в Полотняном Заводе на период 1810—1830-х гг.

Усадебный ансамбль сложился при А. А. Гончарове и получил оригинальную трактовку: промышленный комплекс не занял подчиненную видовую роль, как это было в других дворянских усадьбах, а стал одним из основных ее элементов[1]. Афанасий Николаевич в конце XVIII — начале XIX в. композиционно дополнил его двумя элементами. В роще на юге излучины разбили английский парк и за домом устроили маленький английский садик[2]. Вместе с тем, сохраняя в целом объемно-планировочное решение усадьбы, А. Н. Гончаров в соответствии со стилевыми установками своего времени не один раз решительно менял облик основных структурных элементов — господского дома, летнего дома, садов. В результате ко времени известных событий первой трети XIX в. Полотняный Завод представлял собой крупный усадебный комплекс, отличавшийся большим количеством каменных строений жилого, производственного и хозяйственного назначения, хорошо отлаженным хозяйственным механизмом. Господские дома, сады и другие постройки, наполненные большим количеством разнообразного имущества, поражали современников богатством и великолепием[3].

Факт сохранности усадьбы в 1812 г. и незначительность последующих изменений в ее облике, произошедших за время до периода национализации усадьбы, имеют существенное значение для возможной реконструкции усадьбы в целях ее музеефикации.

Рассмотрим основные объекты усадьбы последовательно, продвигаясь с севера на юг (рис. 1.).

Въезд в усадьбу осуществлялся с севера через с. Большое Спасское на Згомонях из Медыни или Калуги по дороге, которая пролегала через Красный сад. Вдоль дороги в четыре линии росли березы. Большая часть сада и летний домик находились справа. Регулярный участок, расположенный внутри П-образного пруда, имел четыре аллеи. Одна проходила с севера на юг, другая — с запада на восток, и две шли по диагонали. В 1814 г. в Красном саду переделали дорожки. В каждом из прямоугольников, образованных аллеями север—юг, запад—восток и береговой линией П-образного пруда, были сделаны

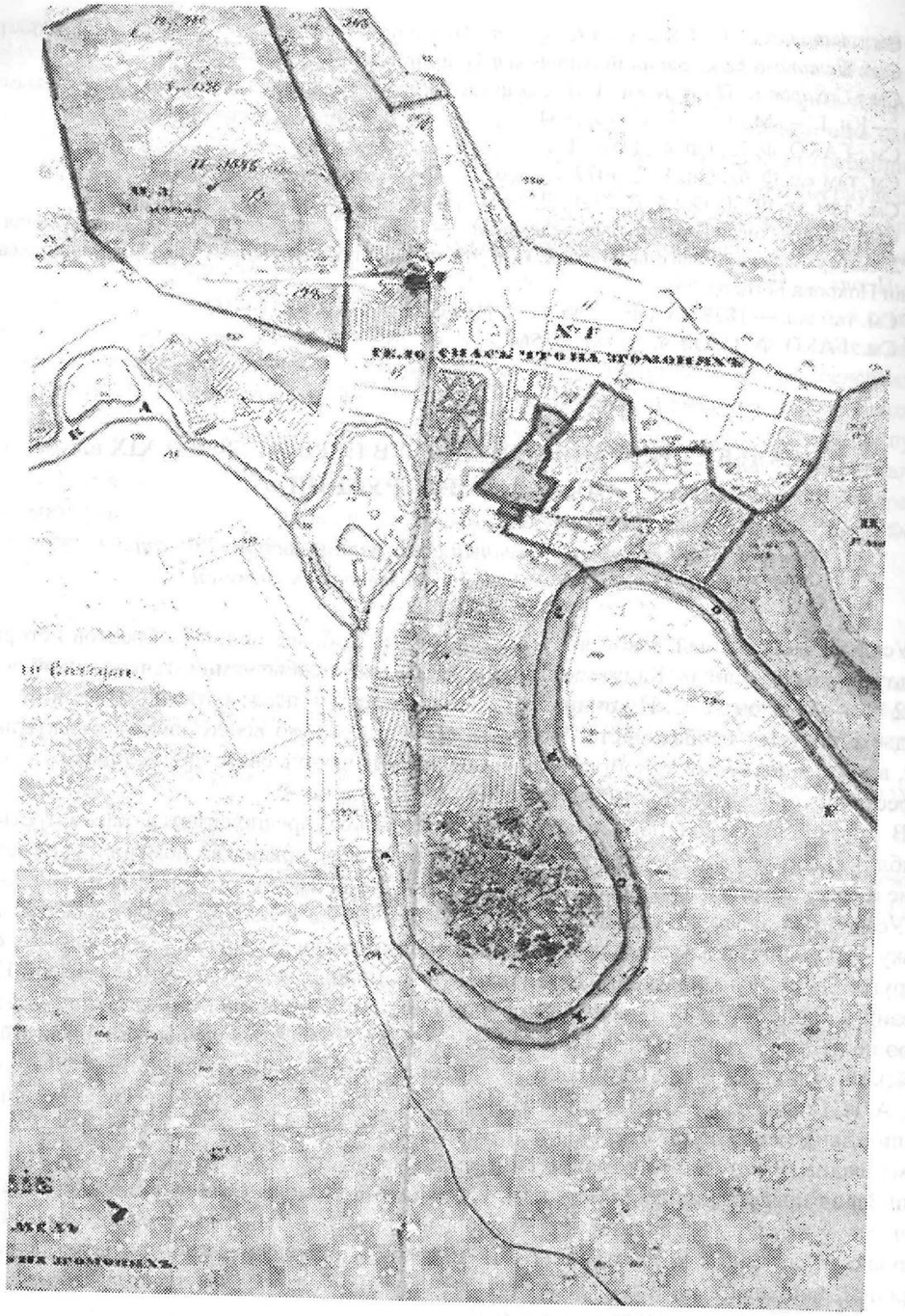


Рис. 1. Фрагмент Геометрического специального плана села Спасского что на Згомонях. 1846 г.

по две диагональных дорожки. Последние изменения на территории Красного сада в освещаемом нами периоде произошли в 1822 г., когда каменщики замостили дорогу, по которой А. С. Пушкин в 1830 г. в первый свой приезд в Полотняный Завод въезжал в усадьбу[4].

Вдоль дорожек росли ели. В куртины сада высаживали землянику, розаны, на лето выставляли из оранжереи растения в кадках и горшках. Сад украшали фонтан, статуи, беседки по углам, улита с окациями[5], были устроены качели, зверинец с тетеревами, куропатками, павлинами. Красный сад был огорожен деревянной изгородью, а с 1806—1807 гг. — частично каменной стеной. Слева от дороги, в небольшой части сада, росли липы. Здесь в 1814 г. также проложили две дорожки по осям север—юг, запад—восток[6].

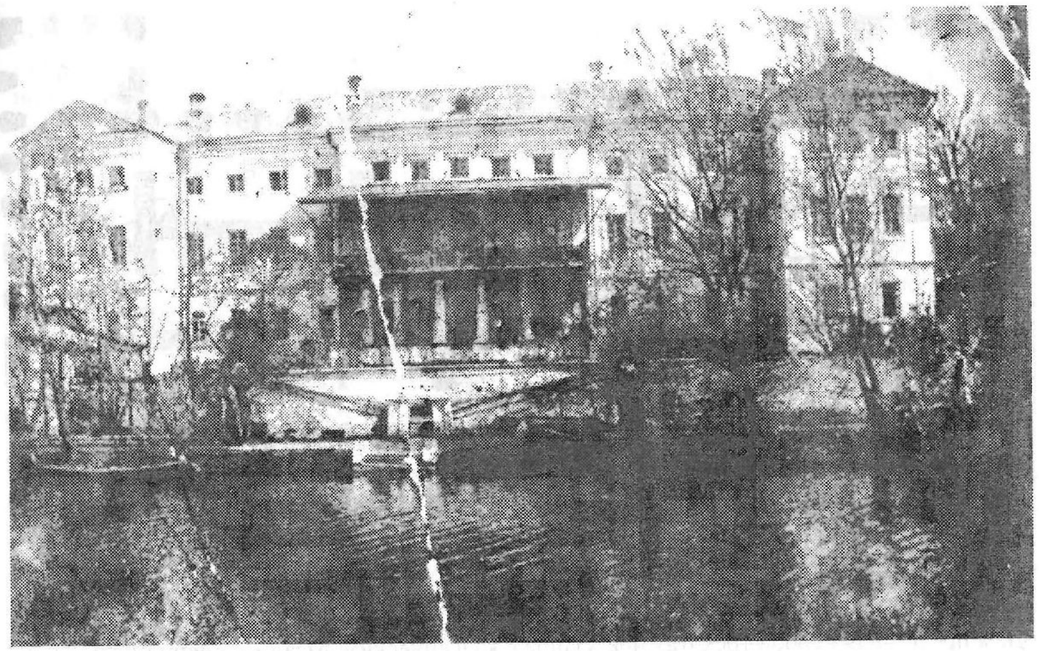


Рис. 2. Западный фасад главного дома.

В Красном саду находились летний домик и еще несколько строений — изба, приспешная, оранжерея[7]. В 1812 г. летний домик назывался «китайским», так как был оформлен в китайском стиле. Снаружи дом был красным, а интерьер в сине-голубых тонах. В отделке были использованы бумажные обои, расписанные китайскими чернилами, панели из красного дерева, расписанные белилами, подвесной потолок из паруса местного производства, парча, резьба[8]. Дом был наполнен вещами, в том числе фарфором, также выполненными в китайской стилевой тематике, украшен фонариками. Среди предметов мебели в документах упоминаются китайская кровать, табуреты, китайские кресла, столы, столики, ломберные столы и стол со стульями, которые были выполнены местными мастерами с использованием красного дерева[9].

В 1814—1815 г. летний дом перестроили: он стал двухэтажным, изменились планировка комнат и объем, так как пристроили небольшой флигель, китайский стиль сменил ампир. Стены снаружи дома украсили пилястрами, внутри — отштукатурили, покрыли колером и отделали лепниной, потолок и стены в некоторых комнатах расписали. Рядом с домом был расписан и забор. Для создания новых интерьеров старую мебель починили и сделали новую — два столика и диваны, шкаф для платьев, кресла и стулья[10]. Сохранившиеся в коллекции краеведческого музея три курульных кресла, фанерованные красным деревом, относятся к предметам мебели летнего домика этого периода[11]. В 1830 г. в Красном саду был построен новый флигель с крыльцом[12].

Миновав Красный сад с летним домом, мы оказываемся перед въездными воротами, к которым с двух сторон примыкали две кладовые в двух апартаментах, где хранили инструменты. Слева от ворот находилась церковь с палатой для продажи писчей бумаги и двумя помещениями, где располагались мужская и женская богадельни[13].

Справа от ворот на берегу Суходрева располагалось здание бумажной фабрики, состоящее из амбара длиной 76 саженей, шириной 7 саженей и флигель длиной 34 сажени, шириной 14 саженей. Следующий корпус состоял из трех двухэтажных палат общей длиной 35 саженей, шириной в 5 и 6 саженей. В этом корпусе хранили и перебирали сухую тряпицу, находились пожарные заливные машины, разные железные и медные инструменты. Всего за бумажной фабрикой числилось восемнадцать зданий, расположенных также на территории Красного и Нижнего садов[14]. Третье строение вдоль реки Суходрев — палаты или главный дом усадьбы, где жили Гончаровы и где находились кладовые (рис. 2).

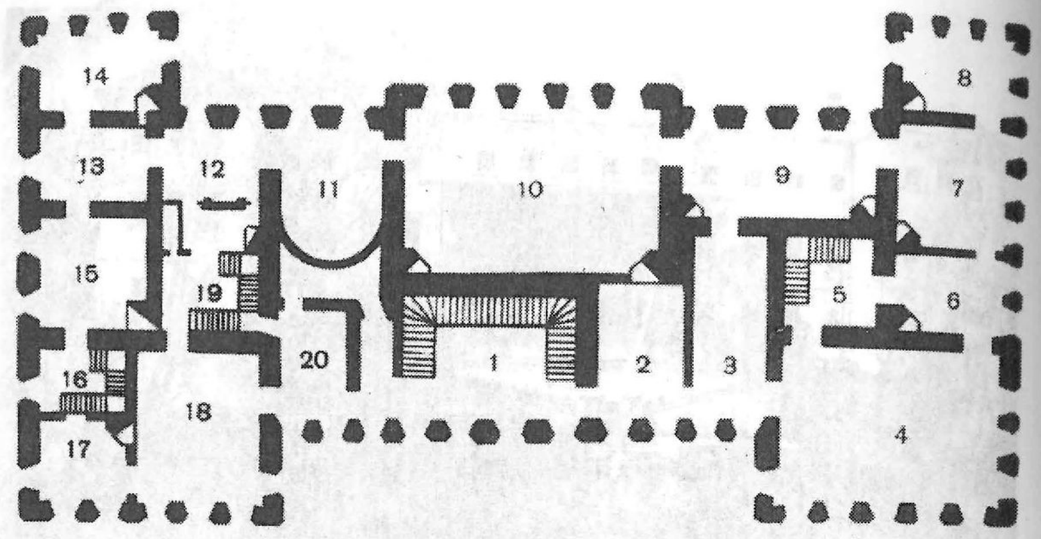


Рис. 3. План второго этажа главного дома. Из книги Е. В. Николаева «По Калужской земле».

Дом представлял собой трехэтажное здание с классическим фасадом, увенчанным карнизом. Плоскости стен с выступающими по бокам ризалитами украшали ряды многочисленных окон в простых рамках одинаковой формы и пилоны. Под рамками окон располагались филенки, узкие под окнами второго этажа и квадратные под окнами верхнего этажа. С восточной стороны дома находилось крыльцо-балкон. Со стороны реки — второй балкон, который опирался на тосканские колонны. Мостовая, ведшая к палатам, была выложена камнем[15]. Крыша на палатах и Спасских воротах была зеленой[16]. Фасад, вероятно, был выкрашен в лазоревый цвет, так как в документах за 1797 и 1811 гг. упоминается покупка для дома лазоревой краски в большом количестве[17].

За южным фасадом палат находились флигелек и цветник[18]. Летом 1812 г. на английский манер здесь прорыли дорожки и устлали дерном газоны[19]. Это был маленький английский садик. Напротив западного крыльца дома на берегу реки, укрепленном подпорной стеной, к воде спускались устремленные навстречу друг другу два марша лестницы. По обоим берегам Суходрева плотно росли старые ивы[20]. На островке, окруженном каналом, простирался «Заречный сад», имевший также в разное время названия «Нижний» или «Дальний». Это был вишневый сад, который рос по обеим сторонам Суходрева, с небольшим количеством гряд. На территории сада было несколько прудов с рыбой. Из большого пруда еще в 1795 г. был прорыт канал для спуска воды. В саду находилась обнесенная изгородью рабочая территория с ледяным амбаром, толчеей, пильней и прочим[21].

Интерьер дома рассматриваемого периода в среднем этаже и на антресолях был оформлен в период с 1787 по 1793 г. Тогда же местными мастерами была сделана и мебель. В среднем этаже находилось четырнадцать комнат, убранство и назначение которых в основном сохранилось. Изменения произошли только в большой гостиной и двухсветном зале, которые перекрыли в 1810 г.[22]

Рассмотрим вопрос о назначении помещений. Для этого воспользуемся планом второго этажа, приведенным в книге Е. В. Николаева «По Калужской земле»[23] (рис. 3). Названия комнат, предложенные Николаевым, соответствуют периоду конца XIX — началу XX в. До этого времени сохранялось назначение анфиладных комнат и зала, а угловые в ризалитах и примыкающие к ним комнаты в первой трети XIX в. использовались иначе. На основании документов 1787—1794 гг. и сопоставления перечислений четырнадцати комнат в подрядном документе от 27 июня 1791 г. П. А. Федосеева на отделку комнат среднего этажа[24] и перечислений и описаний комнат в Описи Большого дома и имущества в нем 1833 года[25] напрашивается вывод о следующем назначении помещений второго этажа. Комнаты № 17, 18 использовались под контору (в 1791 г. — биллиардную), в которую можно было попасть с первого этажа по лестнице (№ 16). К конторе примыкала «узенькая» (№ 20), где, видимо, хранили конторские документы[26]. Комната № 15 — нижний кабинет. № 13 — образная, на единственном окне которой висела ветхая коленкоровая гардина. На углу (№ 14) — уборная. Затем идут парадные анфиладные залы: № 12 — спальня,. № 11 — диванная, № 10 — большая гостиная, № 9 — малая гостиная, или столовая, № 7 — картинная. В ризалите — «угольная к реке» комната № 8. № 4 — зал, № 3 — «афисиянская», № 2 — лакейская.

В антресолях находились биллиардная и другие комнаты. В 1811 г., когда перекрыли зал и гостиную, там был сделан ремонт и устроены комнаты для семьи Николая Афанасьевича — кабинет, гостиная, детская[27].

Следующий вопрос касается убранства комнат[28]. В конторе находился ломберный стол, набранный перламутром, четыре обитых ситцем стула, зеркало в два аршина, висевшее в простенке, и портрет А. А. Гончарова в золоченой раме. Меблировка кабинета также скромна: в простенке зеркало в два аршина, ломберный стол, набранный перламутром, и семь стульев, обитых ситцем. Стены кабинета украшала лепнина, а на потолке был расписной плафон. На пяти окнах уборной висели ветхие коленкоровые гардины, в западных простенках стояли два мраморных стола (мраморные столешницы были сделаны из искусственного мрамора в Полотняном Заводе)[29], висело круглое зеркало, стояли диван и большой круглый стол, обитые кожей, малый круглый стол, одно кресло, обложенное бронзой, и стул, обитый бархатом с позументом[30]. Судя по убранству комнаты, она выполняла роль будуара или кабинета барыни[31]. В спальне находился диван с тремя шелковыми подушками, над диваном висел портрет А. А. Гончарова в золоченой раме, располагались восемь обитых шелком табуретов, в простенке — зеркало величиной в два с половиной аршина и стол с мраморной столешницей, на которой стояли ваза с тремя подсвечниками и два купидона со стеклянными колпаками, на двух окнах — коленкоровые гардины с красной бахромой, лампа — круглая красная. Художественную выразительность спальне придавали расписной потолок и лепнина на стенах. В диванной находились диван с шестнадцатью подушкам, восемь кресел, обитых ситцем, стол круглый наборный, два столика наборных для цветов, в простенке — зеркало в два с половиной аршина и под ним мраморный стол, на окнах — две коленкоровые гардины, круглая красная лампа. Потолок диванной был расписан «на китайский вкус», а гостиной — арабесками. В большой гостиной стояли три софы, 24 кресла и 18 стульев, крашенные и обитые атласом, круглый стол, в простенках — три зеркала высотой в три аршина и под ними мраморные столы, две круглые лампы и пять коленкоровых гардин. Следующая комната анфилады — малая гостиная, или столовая, стены которой украшала лепнина. В простенках между окнами висели два круглых зеркала в деревянных крашеных рамах, на окнах — четыре коленкоровые гардины, комнату освещали две круглые люстры, здесь же стояли раздвижной стол и 18 обитых атласом крашеных кресел. В «угольной к реке» комнате находились одно кресло и три стула, обитых «затрапезом», маленький столик, крашеный шкаф со стеклами. Назначение данной комнаты неизвестно. В зале — лепнина на потолке и стенах, одно зеркало размером в полтора аршина и десять обитых кожей стульев. Картинная украшена лепными картинами.

Южнее Большого дома стояла полотняная фабрика, которая располагалась в трех корпусах, расположенных П-образно. К концу 1810-х гг. на фабрике производили еще работу, но все приходило в ветхость[32]. Позади полотняной фабрики находились летняя кухня для мастеровых и «чесальня» каменная[33]. И далее на юг и восток простирался Большой сад.

Большой сад — это череда яблонь, которые располагались стройными рядами, и других плодовых деревьев — абрикосов, груш, слив, бергамота, вишен, — которые числились при оранжереях и росли небольшими колониями в простенках между различными строениями. Там же были огороды, несколько прудов разного размера с рыбой, несколько оранжерей, среди которых были сливная и ананасная, грунтовый сарай, кирпичный погреб, теплица, парники, избы садовника и оранжерейщика.

Сад был не только хозяйственной единицей, но и местом отдыха, с беседкой, огороженными цветниками, скамейки, липовыми аллеями, дорожками и мостиками, перекину-

тыми через канавы. У канала, служившего границей между Большим и Зарецким садами, со стороны Большого сада по валу росли ивы.

Большой сад был огорожен каменной стеною и имел два входа. Один — через деревянные ворота, прикрепленные к кирпичным столбам с вазами из алебастра, вел по дорожке от большого дома. Второй — через кирпичное, крашенное зеленой краской, застекленное зеленым стеклом и украшенное балясами крыльцо манежа, так как один из участков сада находился за конюшней и конным двором[34].

За Большим садом находился Английский пейзажный парк, разбитый к 1807 г. на территории рощи в излучине Суходрева. Расчищенные и выровненные дорожки были набиты щебнем и посыпаны песком, куртины устланы дерном. В английском саду стояли скульптуры, были устроены всевозможные сентиментально-романтические «затеи» — беседки, горка-улита, зверинец с прудом, где содержали зайцев, оленей и, вероятно, других животных. Зверинец был огорожен деревянной изгородью в 353 сажени и канавой[35]. С 1786 г. сохранялась традиция водных прогулок на плоту по Суходреву[36]. В 1814 г. в роще напротив английского сада сделали пристань[37].

Вверх по реке Суходрев, по соседству с Большим садом, с восточной стороны двора находились возведенные еще в 1770-е гг. каменные здания, где варили крахмал, располагались уточная, кузница, светлица со слесарной и столярной, домовые службы и людские покои (светлицы)[38]. Рядом был конный двор с манежем и каретным сараем[39]. В конюшне была устроена крытая галерейка с расписным на холсте потолком[40]. В одном из помещений конюшни держали медведя[41]. В 1825 г. каретный сарай и людские покои (светлицы) на конном дворе перестроили[42].

Таким образом, мы рассмотрели основные объекты усадьбы на период первой трети XIX в. На основе выявленных на сегодняшний день документов сделали описание садов, зданий и интерьеров, которое дополняет и уточняет ранее опубликованную информацию по рассматриваемому вопросу и в дальнейшем может быть использовано в продолжении музеефикации Полотняного Завода.

Примечания

[1] См.: *Марченко Н. В.* К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2003. — С. 469.

[2] См.: *Марченко Н. В.* К истории парков Полотняного Завода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2008. — С. 287, 288.

[3] См.: *Средин А.* Полотняный Завод. От наших корней 2. Культура и искусство Калужского края в истории России. — Калуга, 2005. — С. 179.

[4] См.: *Марченко Н. В. К* истории парков Полотняного Завода. — С. 285.

[5] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1936. Л. 12.

[7] См. там же.

[8] См. там же.

[9] По нашему предположению, сохранившиеся в коллекциях Калужского областного краеведческого и Калужского областного художественного музеев два круглых столика с изображением попугаев в китайском стиле (КОКМ: Кл 4634; КОХМ: КП 4615) происходят из предметов мебели китайского домика

[10] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1977. Л. 3—37; Д. 1962. Л. 7—36.

[11] См.: *Марченко Н. В.* Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2009. — С. 200.

[12] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2312. Л. 23—73.

[13] См.: *Марченко Н. В.* К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод. — С. 465; РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 11484. Л. 183 об.

[14] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1770, Л. 3—7.

[15] См там же. Д. 1720. Л. 137.

[16] См там же. Д. 1788. Л. 25.

[17] См там же. Д. 1541. Л. 12, 14; Д. 1889. Л. 113.

[18] См там же. Д. 1767. Л.10, 17, 20—27; Д. 1431. Л. 129.

[19] См.: *Марченко Н. В.* К истории парков Полотняного Завода. — С. 288.

[20] См. там же. — С. 287.

[21] См. там же. — С. 286—287.

[22] См.: *Марченко Н. В.* Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. — С. 198—199.

[23] См.: *Николаев Е. В.* По Калужской земле. — М., 1970. — С. 69.

[24] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 9.

[25] См. там же. Оп. 2. Д. 452

[26] В «узенькой» стояли шкаф и комод, оклеенные красным деревом (см. там же. Оп. 1. Д. 2574.)

[27] См. там же. Д. 1895. Л. 3.

[28] Описание комнат составлено на основе подрядного документа П. А. Федосеева на отделку четырнадцати комнат среднего этажа от 27 июня 1791 г. (см. там же. Д. 1421. Л. 9), Описи Большого дома и имущества в нем 1833 г. (см. там же. Оп. 2. Д. 452) и других документов, использованных в статье: *Марченко Н. В.* Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод.

[29] См.: *Марченко Н. В.* Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод. — С. 199.

[30] По нашему мнению, речь идет о стуле, который, как считал А. Средин, был сделан к приезду Екатерины II в Полотняный Завод в 1775 г.. В статье «Производство мебели в усадьбе Полотняный Завод» приведена дата его изготовления — 1772 г. (см. там же. — С. 197).

[31] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1421. Л. 9; Д. 1390. Л.130.

[32] См. там же. Д. 1825. Л. 86.

[33] См.: *Марченко Н. В.* К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод. — С. 466.

[34] См.: *Марченко Н. В.* К истории парков Полотняного Завода. — С. 286.

[35] См. там же. С. 287—288.

[36] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1895. Л. 71.

[37] См. там же. Д. 1962. Л. 14.

[38] См.: *Марченко Н. В.* К вопросу о генезисе дворянской усадьбы Полотняный Завод. — С. 466.

[39] См.: РГАДА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1484. Л. 183 об.; Д. 1677. Л. 75 об., 158.

[40] См. там же. Д. 1545. Л. 99, 120.

[41] См. там же. Д. 1936. Л. 79 об.

[42] См. там же. Д. 2129. Л. 155—158.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ БИОГРАФИИ КАЛУЖСКОГО АРХИТЕКТОРА И. Д. ЯСНЫГИНА

***М. А. Ефименкова**, зав. отд.,*
Областная детская библиотека, г. Калуга

В феврале 2011 г. в московском Российском государственном гуманитарном университете состоялась международная научно-практическая конференция «Университетский потенциал исторического знания и исторического образования в контексте современной модернизации». На конференции было сказано о больших переменах в области профессиональной истории. По словам ректора РГГУ Е. Пивовара, произошла настоящая архивная революция и поэтому последние двадцать лет можно считать временем расцвета исторических исследований[1].

Калужские краеведы и историки города могли бы присоединиться к мнению ученых РГГУ, но не будем торопиться и рассмотрим только одну краеведческую тему в контексте архивных разысканий.

В нашем городе еще сохранились замечательные памятники архитектуры, подтверждающие плодотворную градостроительную деятельность И. Д. Ясныгина. Зодчий тридцать семь лет трудился на благо Калуги и губернии. До сих пор его творения радуют глаз, а «благодарные потомки» путаются в датах рождения и смерти губернского архитектора Ясныгина и смущенно говорят о «белых пятнах» в биографии и якобы невозможности ее изучения.

Между тем к изучению биографии Ясныгина приступали многие калужские и некоторые некалужские исследователи. Это — С. В. Безсонов, А. С. Днепровский, М. М. Днепровский, К. В. Дрязгунов, А. А. Зорин, Г. М. Морозова, М. В. Фехнер и др.

Даты рождения и смерти И. Д. Ясныгина даются неверно. И если информацию о дате рождения я далее проанализирую, то день и год смерти архитектора уже были упомянуты

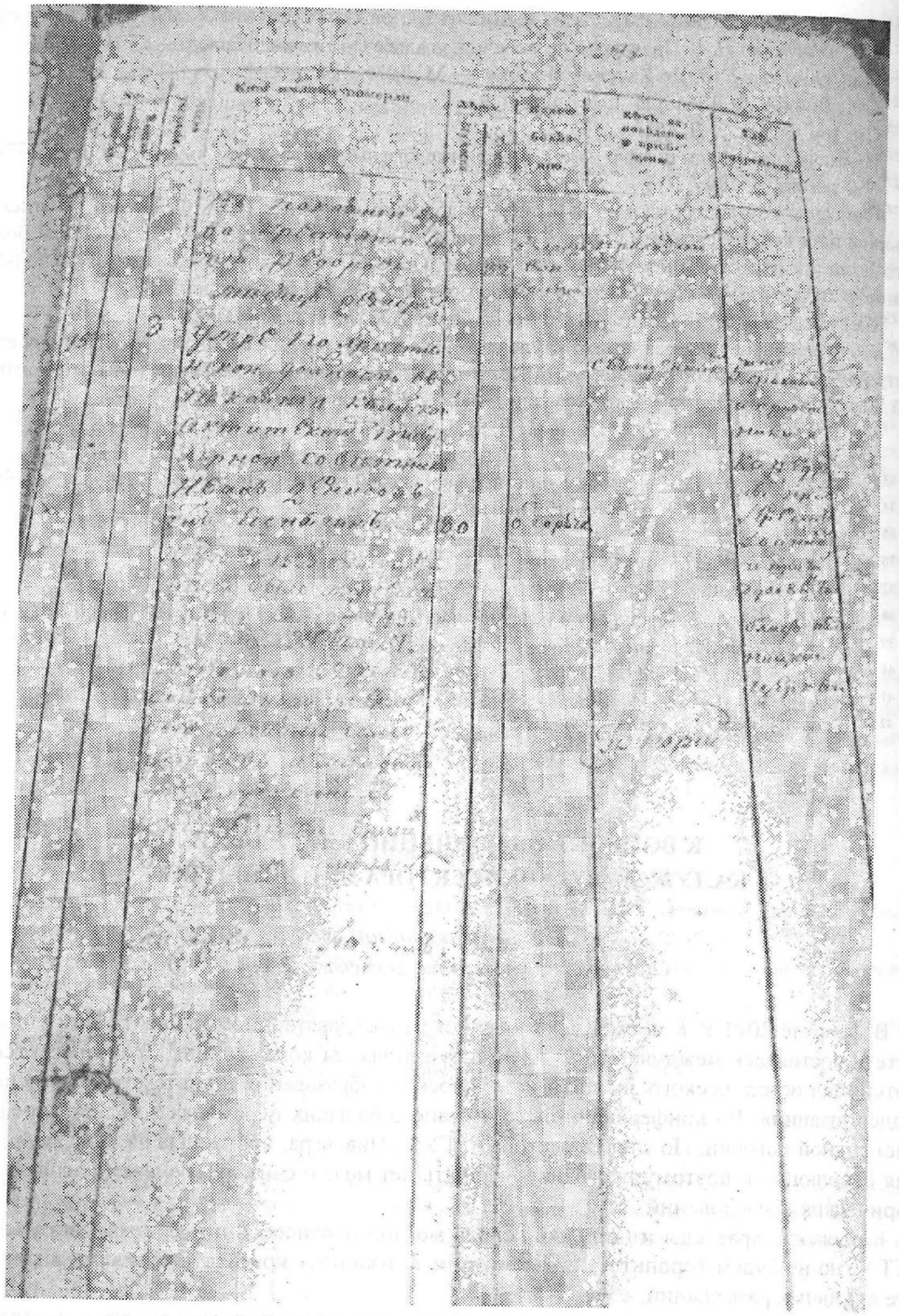


Рис. 1. Страница метрической книги с записью о смерти И. Д. Ясныгина.

в калужской периодике[2], а затем таинственным образом искажены в первом и втором изданиях «Калужской энциклопедии». В статье «Та Покровская слобода» Г. М. Морозова пишет: «…В Покровской слободе жил губернский архитектор И. Д. Ясныгин…, который принимал участие в строительстве Гостиного двора, других известных построек Калуги и губернии. Он часто бывал в церкви Покрова на рву: и в качестве восприемника новорожденных, и поручителем на свадьбах, пока, наконец, его самого не отпели здесь 3 декабря 1823 года. Все это записано в метрических книгах, хранящихся в госархиве»[3]. Интересно, что эта информация не входит в знаменитые Морозовские «Прогулки».

Из «Калужской энциклопедии» узнаем, что Ясныгин умер 13 (25) сентября 1824 г.[4]

В государственном архиве Калужской области хранится метрическая книга[5], на вкладном листе использования документа которой есть запись от 1987 года. Она принадлежит Г. М. Морозовой. В графе «Цель использования» указано: «Уточнение даты смерти Ясныгина». Таким образом, документ известен. Факт установлен и доказан документально. На дату смерти Ясныгина обратили внимание краеведы Н. И. Кожевникова, Н. В. Салахова. Тем не менее нужно еще раз обратиться к данной записи и со вниманием ее прочесть.

В записи за № 5 говорится о том, что 3 декабря 1823 г. умер «по христианской должности в покаянии калужский архитектор, титулярный советник Иван Денисов сын Ясныгин»[6]. Согласно архивной записи покойный умер от горячки в возрасте восьмидесяти лет. Перед смертью исповедал и причастил его покровский священник Григорий. При погребении у тела находились кафедральный протоиерей Иоанн и прочее духовенство, а также пять диаконов и причетники. Похоронен Ясныгин близ Пятницкой церкви. Таким образом, дату смерти, внесенную в статью об архитекторе в «Калужскую энциклопедию», необходимо считать ошибочной.

Документ, который сообщает нам точную дату смерти Ясныгина, привносит тем самым разночтения в информацию о дате рождения Ивана Денисовича. Если он умер в возрасте восьмидесяти лет, то год его рождения — 1743.

Причем с этой датой разночтений столько, что мне пришлось составить таблицу, чтобы наглядно убедиться в их плохо объяснимом существовании (табл. 1).

Таблица 1. **Разночтения в сведениях о дате смерти и месте захоронения И. Д. Ясныгина**

Автор версии	Даты жизни и смерти И. Д. Ясныгина	Место захоронения
С. В. Безсонов	1745/1746—1838	Кострома[7]
А. С. Днепровский	1745—13(25).09.1824	Калуга. Некрополь Лаврентьевского монастыря[8]
М. М. Днепровский	1745—1824	Не указано[9]
К. В. Дрязгунов	1745—1824	Похоронен на Пятницком кладбище[10]
С. Н. Кондаков	1745—1788	Не указано[11]
Г. М. Морозова	1753—03.12.1823	Не указано[12]

Самыми удивительными сведениями располагал С. В. Безсонов: «Около 1828 года престарелый уже Ясныгин был переведен в Кострому, где и умер около 1838 года. У Кондакова, в цитированном выше списке художников, неправильно указан год смерти Ясныгина 1788. По-видимому, и в Костроме Ясныгин кое-что строил. Возможно, что Ясныгин переделывал там дом бывшего Дворянского собрания, так как в отчетах о постройке последнего, не упоминая имени архитектора, говорится, что "приглашенный архитектор был стар, болен и умер незадолго до окончания постройки"»[13].

А. С. Днепровский пишет: «В 1824 году, на 79 году жизни он скончался и был похоронен в Калуге в некрополе Лаврентьевского монастыря»[14]. Интересно, что в данном источнике почти нет ссылок на архивные документы; таким образом, архивное разыскание надо провести вторично.

Странно, что Г. М. Морозова дает 1753 г., ведь в документе, с которым она работала, написано, что Ясныгин умер в 80 лет. Получается 1743 г.

Неожиданную информацию дали исповедные ведомости церкви Покрова на рву. Исповедная ведомость за 1803 г. содержит сведения «с изъявлением против каждого имени о бытии их (прихожан. — *М. Е.*) во святую четыредесятницу у исповеди и у святого причастия, те кто исповедались токмо, а не причастились, и кто не исповедались»[15]. В документе встречаем известную нам фамилию И. Д. Ясныгина, узнаем, что губернско-

му архитектору в 1803 году было 53 года, его жене Екатерине Петровне — 39 лет. Были также просмотрены исповедные ведомости Покровского храма за 1809 год[16]. Здесь говорится, что калужскому губернскому архитектору И. Д. Ясныгину — 59 лет, а жене его Екатерине Петровне — 45 лет. Простой арифметический расчет дает нам год рождения Ивана Денисовича Ясныгина — 1750.Любопытно, что исповедные ведомости указанного храма за 1811[17], 1817[18], 1818[19] годы более не упоминают фамилии архитектора. Хотя из уже цитированной метрической книги мы знаем, что умер он как прихожанин Покровской (на рву) церкви[20].

Как известно архивные документы хранят очень важную информацию, вот маленький эпизод из жизни И. Д. Ясныгина. Летом 1814 г. Калужский архиерей просит губернатора Павла Никитича Каверина отправить губернского архитектора в Козельск, к Марфе Андреевне Капыныкиной[21]. Капаныкина предлагала продать один из своих домов для уездного духовного училища, поэтому дом необходимо было осмотреть губернскому архитектору. Судя по прошению архиерея[22], Ясныгин в это время был откомандирован в Перемышль. По приезде из Перемышля архитектор уехал в Козельск, и в рапорте губернатору отчитывался: «По прибытии в Козельск нашедши означенную вдову Капаныкину, у которой отобрал сведения о продаже того дома, на что она мне объявила, что означенный… дом продан… Лихвинскому купцу Соколову. О чем честь имею Вашему Превосходительству сим рапортом почтеннейше донести»[23].

Маленькая бытовая зарисовка, почти анекдотического характера, из жизни Ясныгина рассказывает об архитекторе больше, чем любая из опубликованных статей о нем.

Учитывая все разыскания, касающиеся биографии и творчества Ясныгина, необходимо сделать еще раз реконструкцию его биографии и попытаться найти архивные документы, проливающие свет на жизнь Ивана Денисовича не только в Калуге, но и в Москве, Санкт-Петербурге и других городах.

Примечания

[1] См.: *Серов Б.* Клио — все на продажу? // Культура. — 2011, 17 февр. — 2 марта. — № 6. — С. 3.

[2] См.: *Морозова Г. М.* Та Покровская слобода // Знамя. — 1988, 9 окт.

[3] Там же.

[4] См.: Калужская энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. — Калуга, 2005. — С. 493.

[5] См.: ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 41. Метрическая книга церквей Калуги за 1823 г.

[6] Там же. Л. 197.

[7] См.: *Безсонов С. В.* Калужский деревянный ампир. — Калуга, 1928. — С. 16—18.

[8] См.: *Днепровский-Орбелиани А. С.* Зодчество Калужского края с древности до наших дней. — Калуга, 2005. — С. 99, 121.

[9] См.: *Днепровский М. М.* Архитектор И.Д. Ясныгин // Знамя. — 1970, 13 дек. — С. 3.

[10] См.: *Дрязгунов К. В.* Великие люди земли Калужской. — Калуга, 2002. — С. 25—27.

[11] См.: *Кондаков С. Н.* Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. 1764—1914. — Ч. 2 (Часть биографическая). — СПб, 1915. — С. 420.

[12] См.: *Морозова Г. М.* Та Покровская слобода.

[13] *Безсонов С. В.* Калужский деревянный ампир. — С. 18.

[14] *Днепровский-Орбелиани А. С.* Зодчество Калужского края с древности до наших дней. — Калуга, 2005. — С. 121.

[15] ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 682. Исповедная ведомость Покровской (на рву) церкви за 1803 г.

[16] См. там же. Оп. 1(2). Д. 1526. Исповедная ведомость Покровской (на рву) церкви за 1809 г.

[17] См. там же. Д. 1843. Исповедная ведомость Покровской (на рву) церкви за 1811 г.

[18] См. там же. Д. 2875. Исповедная ведомость Покровской (на рву) церкви за 1817 г.

[19] См. там же. Д. 3213. Исповедная ведомость Покровской (на рву) церкви за 1818 г.

[20] См. там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 197. Метрическая книга церквей Калуги за 1823 г.

[21] См. там же. Ф. 32. Оп. 20. Д. 80. Дело по отношению Калужского архиерея об откомандировании архитектора в Козельск.

[22] См. там же. Д. 53. Дело по отношению Калужского архиерея о постройке в г. Козельске дома.

[23] См. там же. Д. 80. Дело по отношению Калужского архиерея об откомандировании архитектора в Козельск.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА ГОЛИЦЫНА И ЕЕ ИМЕНИЕ ГОРОДНЯ (К 270-летию Н. П. ГОЛИЦЫНОЙ)

А. А. Зорин,
Калужский областной краеведческий музей

Наталья Петровна была дочерью графа Петра Григорьевича Чернышева, известного дипломата, посла России в Дании, Пруссии, Англии, Франции. Родившись в Берлине, все свое детство и почти всю юность провела за границей при королевских дворах Англии и Франции. Там она получила прекрасное образование и воспитание и уже позднее, в России, она олицетворяла образец аристократического вкуса. В Англии она покоряла всех умом и грациозностью, а принц Георг III (по слухам) был даже влюблен в нее, и Наталья Петровна ему ответила взаимностью, но слишком неравное было их положение; на память он подарил ей свой портрет, который хранился потом в Вяземах. А Чернышевым пришлось возвратиться в Россию. Только в самом конце царствования Елизаветы графа назначают послом во Францию. Полгода Чернышевы ехали в Париж, подолгу останавливаясь в столицах государств, через которые проезжали, не пропуская ни одного бала или приема. Но именно так и делалась политика в то время.

В 1762 г. графиня возвращается в Россию и сразу становится центром внимания, приобщив высшее общество к новому варианту танца «Квардильон». Но настоящий триумф ее ждет чуть позже, в 1766 году, когда она становиться победителем в «Карусели». Это было подобие рыцарского турнира. Идея пришла к нам из королевского двора Франции. Участники состязаний были разбиты на четыре «кадрили» — Славянскую, Римскую, Индийскую и Турецкую (разумеется, все участники были в соответствующих костюмах), в каждой четыре конных кавалера и две колесницы с дамами и кавалерами, которые правили лошадьми. В их задачу входило выполнить определенные упражнения — поразить пикой мишень на столбе в виде медузы, попасть из пистолета в голову медведя, метнуть дротик и попасть в язык льва, подхватить шлем на возвышении, отрубить голову гидры, а также догнать катящееся кольцо. Все это состязание было организовано как праздник. Сначала парад по Петербургу, затем участники выезжали на дворцовую площадь, здесь была специально построена арена с амфитеатром для зрителей с четырьмя воротами, где и выполнялись упражнения, там же располагались судьи, которые и оценивали правильность и точность их выполнения. Состязание собрало множество зрителей, но главными зрителями были, разумеется, Екатерина II и наследник престола — Павел. После состязаний все маршем проследовали к Летнему дворцу, где произошло награждение, а затем был дан ужин. Эти соревнования проводились два раза — 16 июня и 11 июля. Среди кавалеров первыми были братья Орловы, а среди дам оба раза не было равной Натальи Петровны Чернышевой. За победу она была награждена первый раз бриллиантовой тесьмой в 2 500 руб., второй раз — именной медалью. Своим девизом для соревнований графиня выбрала очень знаменательные для себя слова «моя судьба — это я сама». В этом она выразила суть своего характера. Став первой на турнире, она добилась известности.

В том же году графиня вышла замуж за князя Владимира Борисовича Голицына (1731—1798). Военный, участвовавший в войне с Турцией под началом Суворова, но не снискавший себе славы полководца, он, дослужившись до первого генеральского чина, вышел в отставку. Выйдя замуж за Голицына Наталья Петровна получило то, чего ей так не хватало, — родовитость, Голицыны вели родословную от князя Гедемина, а она была только внучкой денщика Петра I.

У Голицыных было четверо детей — Наталья, Борис, Дмитрий и Софья. Сама получив образование в Европе, разумеется, она хотела и детям дать лучшее европейское образование, для чего посылает сыновей учиться в Страсбургский университет в 1784 г., а затем и сама с семьей приезжает в Париж. Голицына в своих дневниках написала о том времени: «… Мой дом в Париже имеет вид университета, а все по той причине, что в нем весь день полно самых разнообразных учителей и наилучших профессоров, которые приходят давать уроки моим детям за плату, и так всю неделю с утра до вечера, за исключением воскресенья…»[1] Причем дочери учились наравне с сыновьями. В архиве Голицы-

ных сохранились тетради дочери Натальи Петровны Софьи по химии, философии, переводы из Данте на французский, рисунки. (Недаром, став графиней Строгановой, она очень деятельно участвовала в собирании знаменитой коллекции ее мужа.) Завершали свое образование сыновья Голицыной в Парижской военной школе.

Сама Голицына, приехав в Париж, захотела войти в круг придворной аристократии Людовика XVI. Как частному лицу, как женщине-иностранке ей это было непросто. В первый же день в Париже она пошла в театр, где благодаря российскому послу была представлена нескольким важным персонам, потом приемы у аристократов, и вот она уже дружна с женой Людовика — Марией Антуанеттой, часто бывает у нее на вечерах, куда приезжала туда вместе с детьми, а затем попала и на бал к Людовику, причем он, в нарушения дворцового этикета, даже разговаривал с ней. Значит, действительно она была столь интересным и умным собеседником, что с такой легкостью ей, иностранке, женщине, удалось то, что для многих осталось несбывшейся мечтой жизни. Это подтверждают и ее дневники, живо и интересно описывающие ее путешествие и жизнь в России и Франции, писать дневники в то время было модно, так же как общаться с великими людьми, и разумеется, княгиня не прошла мимо этого.

Вернувшись в Россию во время Французской революции, в 1789 г., она близко сошлась с женой Павла I, стала близким другом царской семьи. При Екатерине II Голицына не входила в ближайший круг императрицы, хотя и бывала на приемах; более того, Екатерина была на ее венчании. Наибольшего влияния Наталья Петровна достигла при Александре I, став статс-дамой двора, хотя по чину своего мужа — бригадного генерала, к тому же умершего к этому времени, она не могла занять такой пост, и тем не менее она ею стала.

Наталья Петровна зимой жила в Петербурге, а лето проводила в усадьбах — Марьине, что под Новгородом, и Городне под Калугой (см. рис. 1).

Городня — очень старое поселение. В XVII в. им владели Бегичевы и Стрешневы, а в 1726 г. как приданое за Софьей Стрешневой оно перешло к князю Борису Васильевичу Голицыну. В 1753 г. им было подано прошение о строительстве здесь церкви, которая была построена к 1765 г. Косвенно это подтверждается и размерами кирпича высотой 5—6 см, который применялся в середине века в Москве. Строительство усадебного дома и разбивка сада, скорее всего, осуществлены после 1762 г., когда у дворян появилась возможность свободного проживания в имениях, а значит, и сооружения в них усадебных зданий и устройства садов. В то же время Голицына сообщает, что сад был посажен ее бабкой и ею самой, видимо, матерью Голицына, ее мужа. План этой усадьбы схематично напоминает образцовый проект усадеб, разработанный еще архитектором Трезини. Дом с регулярным парком — с одной стороны и прудом — с другой.

После смерти Бориса Васильевича в 1768 г. Городня перешла к его сыну Василию Борисовичу. Однако в 1776 г. за долги имение продается с аукциона, а покупает его Владимир Борисович Голицын — брат Василия. Хозяйкой Городни с этого времени становится Наталья Петровна. В том же году проходит земельное межевание, княгиня сама присутствует в Городне и окончательно определяется с границами своих владений. В 1778 г. княгиня строит вокруг Городни еще три деревни — Натальино с севера и Софьино и Новую слободку с юга — и переселяет сюда 100 мужиков из своего имения под Мещовском. Причем сама контролирует ход строительства, который она вела за свой счет. Как она писала в воспоминаниях, «я радела и старалась, как ради удобства оных (крестьян) так и для устройства вида на их дома, который я хотела сделать приятным для глаза»[2]. Затем было перестроено и село Городня; судя по плану, оно располагалось за речкой Городенкой по прямой в одну улицу. В 1782 г. в Описаниях и алфавитах к Атласу Калужского наместничества было дано описание имения, где отмечено, что здесь имелись деревянный дом на каменном фундаменте и два сада — один регулярный, другой — плодовый, конный завод, церковь Успения Пресвятой Богородицы и крестьян 124 мужского и 74 женского пола[3]. Еще сохраняется почти двукратное преобладание мужского населения над женским — последствие переселения. Теперь понятно, почему произошло это переселение крестьян. Городня была до этого небольшим селом, и после межевания оказался недостаток рабочих рук, как для обработки земли, так и для дворни в усадьбе.

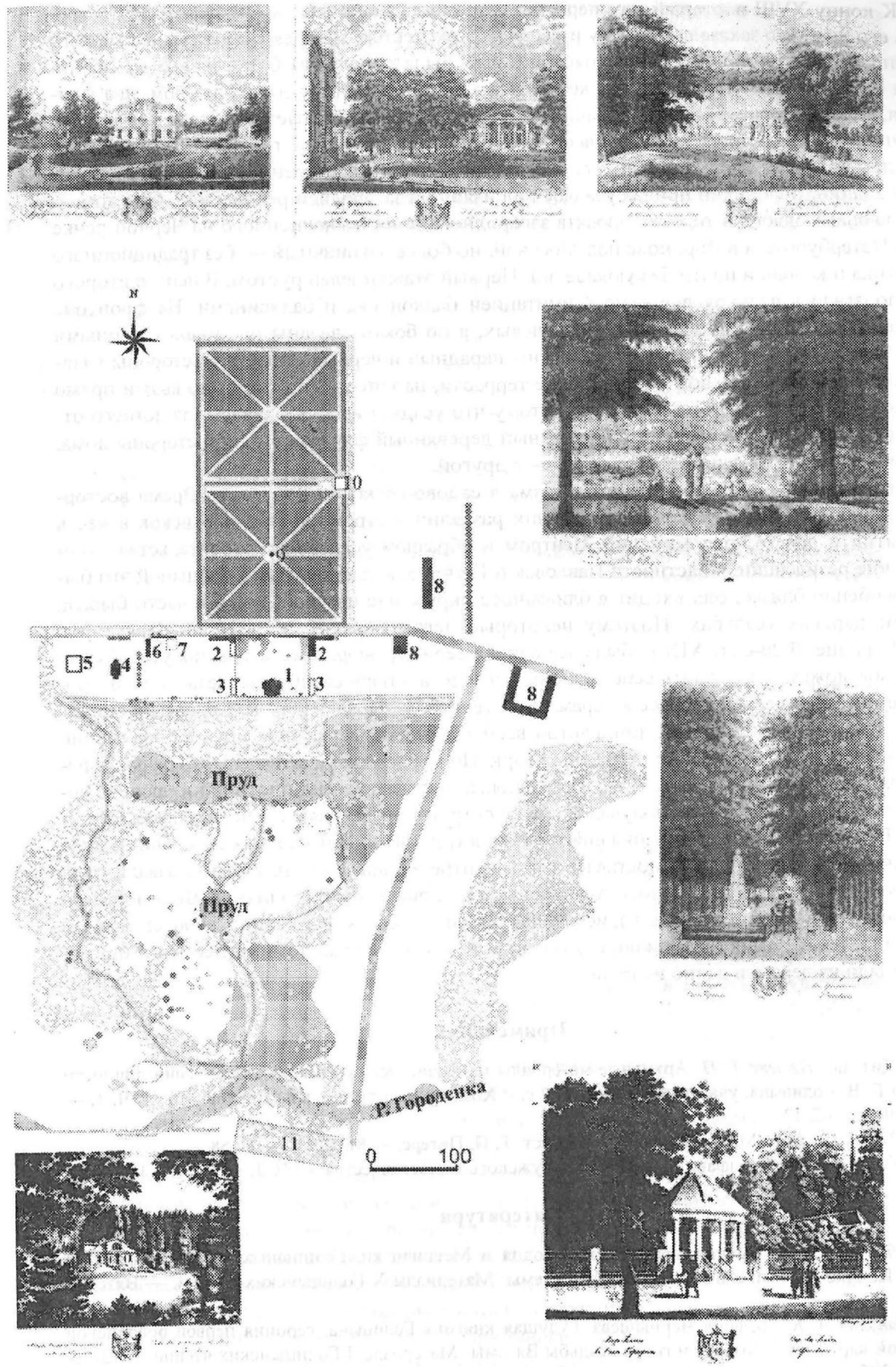


Рис. 1. План усадьбы Городня: 1 — усадебный дом; 2 — официантские; 3 — место флигеля; 4 — церковь; 5 — место нового павильона; 6 — оранжерея; 7 — место бани; 8 — хозяйственные постройки; 9 — место обелиска; 10 — место кофейного павильона; 11 — место деревни; ⊛ — насаждения XIX века.

К концу XVIII в. старый дом перестал устраивать Голицину, и она решила перестроить его, для чего заказала проект у известного архитектора Андрея Воронихина, бывшего крепостного Строгановых (дочь княгини Софья была замужем за Строгановым). Воронихин разрабатывает проекты всего комплекса зданий усадьбы, куда входят дом, два флигеля, официантские, беседки и павильоны для парка. Следует отметить, что левый корпус официантских построен из кирпича более крупного размера, чем тот, из которого сложены дом и другой корпус официантских: видимо, он был построен из кирпича разобранных зданий. Воронихин придал усадьбе вид изящной загородной резиденции. Сам дом — это вариант одного и того же проекта загородного дома, выполненного на Черной речке под Петербургом и в Воронове под Москвой, но более лаконичный — без традиционного портика и колонн и почти без украшений. Первый этаж отделан рустом, В центре второго располагалось полукруглое окно с имитацией балкончика и балясинами. На фронтоне помещены гербы Голицыных и Чернышевых, а по бокам сделаны две ниши с лепными розетками. С боков здания были устроены парадный и черный ходы, а со стороны главного и паркового фасадов — небольшие терраски, на которые можно было выйти прямо из комнат, что было очень удобным, потому что усадьба использовалась для летнего отдыха. Для княгини построили одноэтажный деревянный флигель с одной стороны дома, а для ее дочери, графини Строгановой, — с другой.

Это было время господства романтизма в садово-парковом искусстве. Время восторгов перед античностью, создание древних развалин и строительство обелисков в честь событий и просто воспоминаний. Центром и образцом усадебного строительства были царские резиденции, в частности Павловск и Гатчина. А для княгини Голицыной это было особенно близко, она входит в ближайшее окружение царской семьи и часто бывала в эти царских усадьбах. Поэтому некоторые черты царских резиденций отразились и в Городне. В 20-е гг. XIX в. была выполнена серия гравюр, запечатлевших усадьбу, по ним мы можем представить себе, как она выглядела в пору своего расцвета. Дом, расположенный на высокой террасе в обрамлении тенистого парка, издалека привлекал внимание, являлся архитектурной доминантой всей местности, перед ним пруд в обрамлении деревьев и далее английский пейзажный парк. Но мы должны учитывать, что речка Городенка, скрывающаяся сейчас в зарослях ивняка, была запружена плотиной и уровень воды был значительно выше, получался пруд с островками, заводями, как маленькая Гатчина. Именно таким мы видим нижний парк на литографии. Вот изображение бани в виде античного храма. Обелиск, поставленный в центре «рощи», — так тогда называли парк с другой стороны дома. Обелиск точно совпадает с рисунком Воронихина. Видимо, были воплощены в жизнь и другие нарисованные затеи — беседка-развалина, колодец под горой, шведский домик (возможно, его упоминают как кофейный домик). Все эти сооружения были из дерева и давно исчезли.

Примечания

[1] Цит. по: *Петерс Т. П.* Архивные материалы на французском языке о становлении личности князя Б. В. Голицына, участника войны 1812 г. // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Сб. — Ч. 1. — М., 2003. — С. 12.

[2] *Голицына Н. П.* Моя судьба — это я / Сост. Т. П. Петерс. — М., 2010. — С. 58.

[3] См.: Описание и алфавиты к Атласу Калужского наместничества. — Ч. 1. — Калуга, 1782.

Литература

Абакулов В. И. Имения Горяиново, Городня и Месничи кн. Голицыных в Калужском крае в XVIII веке // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы X Голицынских чтений. — Вяземы, 2003.

Ганулич А. К. Графиня Чернышева, будущая княгиня Голицына, героиня первой российской конной карусели // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы I Голицынских чтений. — Вяземы, 1995.

Зорин А, А, Родовое имение князей Голицыных — Городня // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. — Калуга, 2004. — С. 133.

Петерс Т. П. Знакомьтесь: князья Голицыны: Сб. историко-биографических очерков на основе неизвестных архивных источников на французском и русском языках. — М., 2006.

ПОДВОРЬЕ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЛЮТИКОВА МОНАСТЫРЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

***А. А. Бовкало**, г. Санкт-Петербург*

В конце XIX в. в Петербург за сбором подаяния приехал казначей Троицкого Лютикова монастыря Перемышльского уезда Калужской губернии иеромонах Амвросий. Он получил два участка — один в 400 саженей ценою 3 000 руб. от купеческой вдовы Ксении Петровой, а второй — в 900 саженей ценою в 12 000 руб. от дачевладелицы Т. Г. Черновой[1] в Лесном — в то время окраине города и дачной местности — с условием устроить подворье монастыря и церковь во имя Св. Животворящей Троицы в ознаменование Коронования Их Императорских Величеств. Высочайшее соизволение на принятие земли последовало 29 ноября 1897 г., затем последовало и благословение Св. Синода[2].

Еще до окончания всех формальностей 4 августа 1897 г. была заложена деревянная церковь. В это время у иеромонаха Амвросия было всего 27 руб. 50 коп., но по благословению о. Иоанна Кронштадтского было начато строительство, которое при помощи щедрых жертвователей стало возможным довести до конца[3]. Стараниями и трудами иеромонаха Амвросия было собрано около 7 000 руб.[4] 12 февраля 1898 г. состоялось освящение дощатой церкви с бревенчатым алтарем, которое совершил настоятель Лютикова монастыря игумен Герасим в сослужении с настоятелем подворья иеромонахом Амвросием и братиею монастыря при большом стечении молящихся[5]. А 4 августа того же года император Николай II, императрица Александра Федоровна и великий князь Владимир Александрович, возвращаясь с маневров, посетили подворье; в память этого события в церкви на стене была установлена бронзовая доска. После окончательной отделки уже весь бревенчатый храм был вновь освящен 24 октября 1899 г. малым освящением. Перед молебном настоятель иеромонах Амвросий рассказал об истории храма. Затем депутация от местных жителей поднесла о. Амвросию сребропозлащенный крест и Св. Евангелие в таком же окладе. По окончании молебна с водоосвящением, совершенного о. Амвросием, и литургии, совершенной соборне при участии двух иеромонахов и двух дьяконов, был совершен крестный ход вокруг подворья, все здания были окроплены святой водой. В трапезной В. А. Платонов поднес о. Амвросию хлеб-соль и собранные пожертвования[6]. 20 августа 1900 г. епископ Нарвский Никон (Софийский) в сослужении с местным духовенством освятил боковой придел во имя Греческой иконы Божией Матери, св. Исидора Пелусиота и св. Анны Пророчицы. Пел хор певчих Александро-Невской лавры[7]. В подворье были командированы три иеромонаха и один иеродиакон, богослужение стало совершаться ежедневно.

Весной 1903 г. возник замысел постройки каменного храма в память коронования Их Императорских Величеств. Проект церкви разработал Санкт-Петербургский епархиальный архитектор Николай Никитич Никонов (1849—1918), а работами руководил его сын Николай Николаевич Никонов (1877—?), который внес в проект некоторые упрощения[8]. Большую часть средств пожертвовали кн. Оболенский и Колокутская. 12 мая 1905 г. состоялось освящение места для постройки каменного двухэтажного храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери[9]. 2 октября 1905 г. епископ Калужский и Боровский Вениамин (Муратовский) в сослужении с настоятелем подворья иеромонахом Герасимом совершил чин закладки[10]. Однако из-за нехватки средств строительство шло медленно.

7 октября 1907 г. около 5 часов утра от неизвестной причины возник пожар в дровяном чулане под колокольней деревянного храма. Пламя, охватив всю колокольню, стало распространяться по бревенчатым стенам храма и через средний купол начало проникать внутрь. При первых же признаках пожара настоятель подворья иеромонах Тихон вынес из алтаря Св. Евангелия, крест и Св. Дары. Прибывшая Лесная добровольная дружина принялась за разборку деревянного иконостаса и за спасение икон, хоругвей и другого ценного имущества, которые удалось спасти целиком. Вскоре с пылающей колокольни начали падать один за другим девять колоколов, из которых главный, весивший более ста пудов, раскололся при падении на несколько частей, а остальные расплавились. На пожар по зареву, замеченному с каланчи, прибыл Лесной пожарный резерв, брандмейстер кото-

75 Зак. 1053

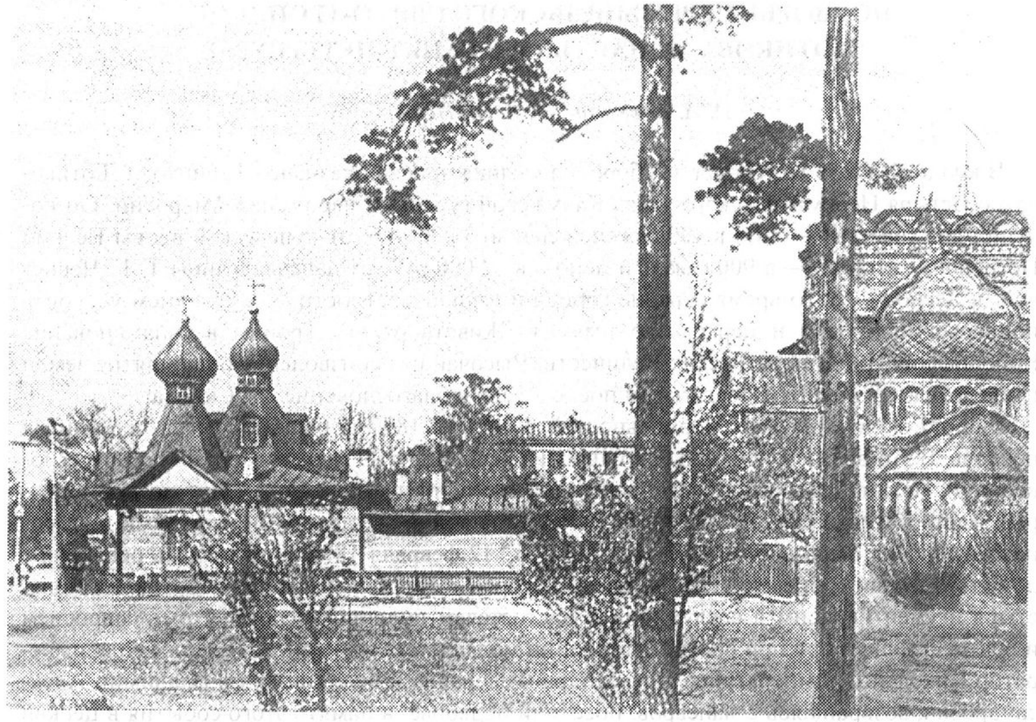


Фото 1. Лютиково подворье. Фото 1960-х гг. Из книги: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. — Т. 3. — СПб., 1996. — С. 123.

рого Н. И. Ильин вызвал Выборгскую и Петровскую части и Чернореченский резерв. Прибывшие три отдела пригородного пожарного общества поставили у одного из прудов две своих паровых машины, при помощи которых удалось удержать распространение огня по стенам и куполу храма, и внутрь его пламя уже не проникло. Колокольня сгорела дотла, а в деревянном притворе обуглилась часть стен. Храм был застрахован в обществе «Волга» на 40 тыс. руб., убыток от пожара был заявлен в 15 тыс. руб.[11] Однако церковь быстро была восстановлена. Уже 21 ноября утром состоялось поднятие колоколов на новую колокольню, после чего был совершен чин освящения восстановленного храма[12].

В 1910 вчерне была готова каменная Тихвинская церковь. Освящена она была в 1911 или 1912 г.

Перед революцией в подворье жили пятеро монахов и трое послушников, заведующим был иеромонах Валериан.

Вскоре после 1917 г. иноепархиальные подворья перешли в ведение Петроградского епархиального начальства. Два храма подворья Лютикова монастыря стали приходскими. До 1927 г. Троицкая церковь считалась приписной к Тихвинской, хотя в ней был собственный клир.

Как известно, в 1922 г. возник обновленческий раскол. Известно, что уже в 1923 г. обе церкви уже принадлежали к Патриаршей церкви. В церкви было передано имущество из закрытых церквей Политехнического института, Московских казарм и училища принца Ольденбургского[13].

В 1927 г. в Петрограде возник иосифлянский раскол. Троицкая церковь ушла в раскол; видимо, и Тихвинская церковь также ушла в раскол. Однако в 1932 г. Тихвинская церковь вновь перешла в Патриаршую церковь. 6 июля 1932 г. (в канун престольного праздника) в ней служил епископ Петергофский Николай (Ярушевич), а 17 февраля 1934 г. — митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). Тем не менее в 1934 г. церковь была закрыта. Имущество было передано в Музей истории религии, Госфонд, районный финансовый отдел. Здание использовалось под складские помещения, а в 1982 г. было снесено.

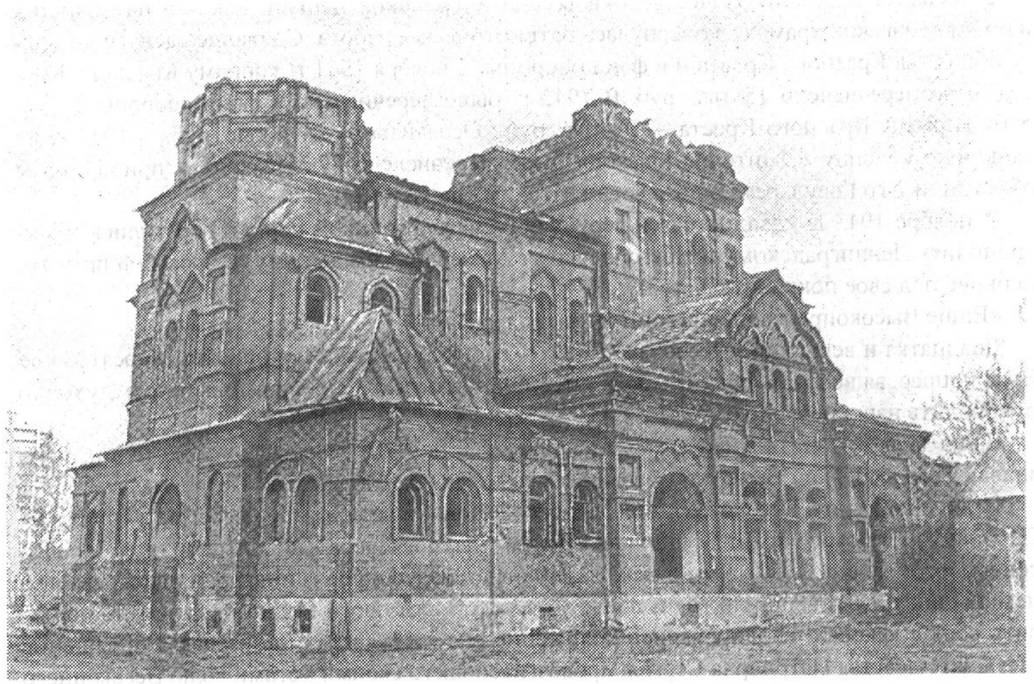


Фото. 2. Тихвинская церковь. Фото 1981 г. Из книги: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. — Т. 3. — СПб., 1996. — С. 124.

Как известно, в 1929—1932 гг. иосифлянский раскол в Ленинграде путем массовых репрессий практически был разгромлен, церкви были закрыты. Так в 1932 году в Троицкой церкви были арестованы заместитель председателя приходского совета Федор Иванович Пшеницын (уехал из Ленинграда), староста Михаил Иванович Кротов, секретарь приходского совета Анна Митрофановна Максимова («помогала деньгами духовенству»), члены Приходского совета Александра Владимировна Масанова («призывала объединиться вокруг Истинно-Православной Церкви»), Елена Наркизовна Лебедева («оказывала помощь репрессированным»), председатель ревизионной комиссии Анна Николаевна Николаева-Борисов, член ревизионной комиссии Иван Алексеевич Кокурин, сторожа церкви Василий Павлович Андреев («…в убеждениях своих я тверд и неподкупен, на какие угодно пойду страдания, но сатанинской власти не поддамся») и Николай Васильевич Маркин, прихожане Мария Матвеевна Васильева, Мария Ивановна Волкова («хранила собранные деньги для духовенства»), Федот Григорьевич Григорьев, Наталья Митрофановна Крумгольц, Татьяна Сергеевна Фицнер[14]. Тем не менее Троицкая церковь избежала закрытия. К концу 1930-х гг. это была едва ли не единственная зарегистрированная иосифлянская церковь в СССР.

Репрессии продолжались и далее. В 1933 г. были репрессированы секретарь приходского совета Любовь Сергеевна Пыжева («оказывала материальную помощь репрессированным священникам»), член Приходского совета Ольга Александровна Баландина, прихожане Ксения Яковлевна Воласюк, монахиня Мария (Воронина Евгения Трофимовна), Мария Алексеевна Дуреева, Екатерина Степановна Шаврова, София Александровна Штейгер. Во время массовой высылки из Ленинграда «чуждого элемента» в марте 1935 г. был выслан настоятель о. Евгений Игнатьевич Решеткин. В 1936 г. были репрессированы сторожа Григорий Евстигнеевич Браженков и Арсений Ефимович Баранов. В 1938 г. настоятель протоиерей Николай Валентинович Решеткин перешел в Патриаршую церковь. Но храм после этого не подчинялся Московской Патриархии. Новым настоятелем стал иеромонах Павел (Лигор Петр Яковлевич; 1902—1983), служивший в церкви с 1932 г.. Репрессии продолжались: были арестованы члены Приходского совета Владимир Андреевич Проворов (10 декабря 1940 г.), Михаил Семенович Паращук (16 января 1941 г.), Анна Филипповна Семенова (12 февраля 1941 г.).

С началом Великой Отечественной войны в Троицкой церкви, как и в патриарших и обновленческих храмах, развернулась патриотическая работа. Сдавались деньги в пользу общества Красного Креста и в фонд обороны. 2 ноября 1941 г. горкому Красного Креста было перечислено 15 тыс. руб. В 1942 г. было перечислено в фонд обороны 2 тыс. руб., горкому Красного Креста — 34 тыс. руб., Осоавиахиму — 4 тыс. руб., в 1943 г. на танковую колонну «Дмитрий Донской» было перечислено 87 тыс. руб. и приобретены облигации 2-го Государственного военного займа на 10 тыс. руб.[15]

В ноябре 1943 г. «двадцатка» и верующие Свято-Троицкой церкви обратились к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому) с просьбой принять церковь под свое покровительство:

«Ваше Высокопреосвященство! Владыко Святейший!

Двадцатка и верующие Лесновской Свято-Троицкой церкви покорнейше просят Ваше Высокопреосвященство принять под свое архипастырское покровительство и духовно руководить нашу церковь.

Наша церковь длительное время принадлежала к “иосифлянской” ориентации, признавая Главой Церкви Высокопреосвященного митрополита Иосифа (Петровых).

Отделившись от Русской Православной Церкви, руководимой Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Сергием, мы, последователи митрополита Иосифа, совершили великий грех перед русской Церковью, нарушив ее единство, и одновременно неменьший грех совершили мы и перед Советской властью и Родиной, стремясь поставить себя в какое-то изолированное положение вне государства, не разделяя обращение Его Святейшества Патриарха Сергия, провозгласившего своими устами волю Всевышнего нашего Господа Бога, что: “Радости Советского Союза есть радости церкви, а горе Советской власти есть наше горе”. Забыли мы слова правды Св. Писания, что: “Нет власти, аще не от Бога”, став на путь вражды к богоданной Советской власти, выражающей и защищающей интересы народные.

Прошедшие годы, и особо годы Великой Отечественной войны, показали ненужность, несостоятельность существования “иосифлян”, мы оказались “заблудшей овцой”, оторванной от своего стада. Когда все паствы и пастыри других храмов творили горячие молитвы ко Господу нашему о даровании победы воинству нашему над ненавистниками всего рода человеческого — фашистскими грабителями, напавшими и разоряющими Родину нашу, когда все молились за здравие доблестных воинов наших и делали посильные денежные взносы в фонд Красного Креста и на нужды обороны Родины нашей, — мы, иосифляне, были в стороне и горько теперь сознавать нам это.

Велики грехи наши, Владыко Святейший, перед Родиной и Церковью, каемся и осуждаем свое поведение и просим Господа Бога нашего, да пусть Он внемлет молитвам нашим, простит грехи наши и выведет нас на путь истинный, на путь праведный.

Фото 3. Тихвинская церковь. Фото 1920-х гг. Из книги: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 304.

В нашем храме вот уже несколько лет как нет и не совершается Архиерейского торжественного богослужения, которого мы лишены, которое нам хотелось бы слышать. Мы не имеем в данное время епископа, хотя местный наш священник о. Павел Лигор и поминает в своих молитвах на церковных службах “патриаршего местоблюстителя Высокопреосвященного Митрополита Петра и Высокопреосвященнейшего митрополита Иосифа”, но нам, верующим, думается, что мы находимся без духовного Высшего руководства и по сие время.

Фото 4. Троицкая церковь. Фото 1950-х гг. Из книги: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. — СПб., 2003. — С. 305.

Желая положить конец разногласиям в нашей церкви, вместе со всеми верующими помогать молитвой, делом и словом нашей доблестной Красной Армии громить врагов Родины нашей, мы, верующие и двадцатки Свято-Троицкой церкви в Лесном, выражаем свое желание порвать окончательно и бесповоротно с иосифлянской ориентацией и объединиться под единое Высшее Духовное Управление Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Сергия, дабы по слову Св. Писания было: “едино стадо и един Пастырь”».

[Следуют 32 подписи.][16]

Митрополит Алексий наложил следующую резолюцию:

«24 ноября 1943 г.

Во внимание к просьбе церковной общины при Свято-Троицком храме, что в Лесном о принятии ее в церковном общении, при чем эти община в лице подписавших из ее членов сознает свой грех отпадения от единства св. Православной Церкви, уклонением в раскол иосифлянства и кается в этом грехе, — принять ее, церковную общину при Свято-Троицком храме, в каноническое общение со Святой Православной церковью. Поручается настоятелю Кн.-Владимирского собора Протоиерею Павлу Тарасову совершить чин присоединения указанной общины, принять храм со всем его церковным имуществом и передать его вновь назначенному к этому храму священнику; получить от меня Св. Антилигмоны для обеих престолов, совершить в храме малым чином его освящение и Божественную литургию в ближайший воскресный день и о последующем донести мне»[17].

15 декабря 1943 г/ секретариат ленинградского митрополита известил адмнадзор Ленсовета, что 24 ноября церковь перешла в ведение митрополита[18].

В церкви совершались богослужения до 1967 г., когда в связи с расширением проспекта она была закрыта и снесена. Однако общине была предоставлена церковь св. Александра Невского в Шувалове.

Примечания

[1] См.: *Извеков П. С.* Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь. — Калуга, 1902. — С. 16.
[2] См.: Новый храм в Лесном // С.-Петербургский Духовный вестник. — 1898. — № 3. — С. 53.
[3] См.: Церковный листок // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1899, 28 окт. — № 232. — С. 2.
[4] См.: *Извеков П. С.* Перемышльский Троицкий Лютиков монастырь. — С. 16.
[5] См.: Городская жизнь // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1898, 17 февр. — № 36. — С. 2.
[6] См.: Церковный листок // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1899, 28 окт. — № 232. — С. 2.
[7] См.: Церковный листок // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1900, 22 авг. — № 183. — С. 2.
[8] См.: *Гинзбург А. М., Кириков Б. М.* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: Справочник. — СПб., 1996. — С. 231; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга: Христианская историко-церковная энциклопедия. — СПб., 2003. — С. 304—305.
[9] См.: Освящение места для храма // Петербургский листок. — 1905, 18 мая. — № 125. — С. 4.
[10] См.: Церковный листок // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1905, 8 окт. — № 213. — С. 2.
[11] См.: Пожар церкви Лютикова монастыря в Лесном корпусе // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1907, 9 окт. — № 217. — С. 2.
[12] См.: Церковный листок // Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. — 1907, 20 нояб. — № 251. — С. 2.
[13] См.: *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы Санкт-Петербурга 1917—1945 гг.: Справочник. — СПб., 1999. — С. 245.
[14] См.: Санкт-Петербургский мартиролог. — СПб., 2002; Материалы для готовящегося нового издания.
[15] См.: Справка о перечислении в фонд обороны денег «двадцаткой» Свято-Троицкой церкви в Лесном // *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы Санкт-Петербурга 1917—1945 гг. — С. 347.
[16] Цит. по: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. — СПб., 1999. — С. 260—261.
[17] Цит. по: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. — С. 261—262.
[18] См.: *Черепенина Н. Ю., Шкаровский М. В.* Православные храмы Санкт-Петербурга 1917—1945 гг. — С. 265.

НЕИЗВЕСТНЫЙ МОНАСТЫРЬ КАЛУЖСКОГО КРАЯ (МЕЛХИСЕДЕКОВА ПУСТЫНЬ ЖИЗДРИНСКОГО УЕЗДА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.)

***А. А. Бауэр**, заслуженный работник культуры РФ, дир.,*
Кировский историко-краеведческий музей,

Казалось бы, история Калужской епархии, ее храмов и приходов, а тем более монастырей хорошо изучена, ведь за последние два десятилетия на эти темы опубликованы десятки книг и сотни статей, и эта работа активно продолжается десятками исследователей. Вместе с тем в этой большой историко-церковной проблематике есть еще ряд сюжетов и тем, ждущих своего исследователя. Одним из таких сюжетов является духовный труд на бывших мальцовских землях, в двадцати километрах от нынешнего города Кирова, подвижника благочестия, одного из плеяды рославльских старцев рубежа XVIII—XIX вв., иеродиакона Мелхиседека, на месте духовного подвига которого в начале XX в., вернее, в самые последние предреволюционные годы, возник монастырь, которому, однако, была уготована трагическая участь…

Мужской монастырь под названием Мелхиседекова пустынь возник в начале XX в. на месте поселения пустынножителей в Хатожской лесной даче Семиревской волости

Жиздринского уезда, принадлежавшей промышленникам Мальцовым. Первым жильцом поселения — своеобразного отшельнического скита, — его основателем, давшим ему свое имя, стал некто старец Мелхиседек. На протяжении XIX в., вплоть до создания официального монастыря, ему наследовал целый ряд продолжателей, которых мы знаем по именам, но далеко не всех…

Напомню основные вехи жизненного и иноческого пути этого человека, тем более что никаких материалов о нем в калужской краеведческой литературе не публиковалось. Иеродиакон Мелхиседек (в миру Максим, сын купца 1-й гильдии) родился в г. Сумы Харьковской губернии в 1715 г. В возрасте двадцати пяти лет под влиянием неизвестного старца решил посвятить свою жизнь Богу и поступил послушником в Киево-Печерскую лавру, где провел пять лет. Узнав о трагической смерти своего отца от рук убийцы, он укрепился в решении стать монахом. Получив увольнительное свидетельство от Сумского городского общества, он стал послушником в Софрониевой пустыни в губернии, однако претерпел немало притеснений и унижений от братии, которая в итоге изгнала его из обители. В течение последующих пяти лет он переходил из монастыря в монастырь, пока не достиг в 1760 г. Белобережской пустыни под Брянском.

В этом монастыре он принял пострижение в рясофор под именем Михаила, затем — мантию с наречением Мелхиседеком. Епископ Орловский и Севский Досифей посвятил его в сан иеродиакона. В Белобережской пустыни он спасался ровно полевка, но в 1810 г. по неизвестной причине покинул ее и удалился в Рославльские леса, где в это время подвизалось много святых подвижников и пустынножителей, причем с двумя последними — Исайей и Андреем — он некоторое время жил в одном месте. Затем он удалился в лес, принадлежавший помещику П. П. Суходольскому в Мосальском уезде Калужской губернии, который построил старцам Мелхиседеку и Исайе две деревянные кельи близ села Шуи. В этой пустыни скончался его ученик Исайя, и о. Мелхиседек призвал к себе для духовного делания хорошо ему известного благочестивого крестьянина Михаила из деревни Хотеевка Ельнинского уезда Смоленской губернии.

Тяготясь огромным количеством посетителей, стремившихся получить благословение и духовный совет старца, о. Мелхиседек со своим духовным чадом и учеником Михаилом в 1837 г. переселился в еще более глухое малонаселенное место на стыке нынешних Кировского и Куйбышевского районов, в Хатожскую лесную дачу, принадлежавшую промышленнику и помещику И. А. Мальцову. Последний выделил старцу участок земли для пустыни, а также снабжал отшельников продуктами, одеждой, книгами, свечами, лампадным маслом; сам же Иван Акимович неоднократно бывал в обители.

9 июля 1840 г. старец Мелхиседек в возрасте ста двадцати пяти лет почил в Бозе; отпевание и погребение его совершил причт села Мокрое во главе со священником о. Василием. В память старца ежегодно 9 июля в пустыни совершалось его поминовение, для чего о. Михаил приглашал священников с причтом из с. Песоченский Завод и хор певчих (позже богослужение проводилось причтом храма из села Запрудного). На поминовение собиралось до трехсот и более человек из окрестных и даже отдаленных мест.

Через некоторое время над могилой о. Мелхиседека была построена небольшая часовня, перестроенная с увеличением размеров в 1887 г. одним из почитателей старца. Его ученик Михаил, принявший пострижение с наречением Митрофанием, скончался 19 июля 1870 г. и был погребен рядом со старцем под сводами часовни. Именно этот человек сохранил и передал через своих последователей свидетельства о жизни и чудотворениях старца Мелхиседека, опубликованные сначала в журнале «Душеполезное чтение» (1889), а затем в дополненном иеромонахом Дионисием калужском издании 1913 г.

Еще при жизни Михаила (Митрофания) к пустынножительству в Хатожской даче присоединился некто Даниил (Дионисий?), затем послушник Белобережской пустыни Иоанн (в миру Иван Федорович Чернышев). В конце XIX — начале XX в. в пустыни подвизались благочестивые старцы Захарий (бывший крестьянин д. Каменка Зимницкой волости Захар Григорьевич Антонов, 1837 г. р.) и Дементий (бывший крестьянин д. Шопотово Мосальского уезда Демид Маркович Зайцев, 1817 г. р.). Как ученики и последователи о. Мелхиседека, эти старцы пользовались полным содержанием от С. И. Мальцова, а после его смерти в 1893 г. они стали жить помощью состоятельных жителей окрестных селений.

К 1908 г. старец Дементий уже умер и в пустыне обретался Захарий, пустынники из крестьян Денис Климович Климченков (уроженец д. Полянки Семиревской волости) и Захар Прохоров, оба преклонных лет. В начале XX в. в обители имелись три деревянных кельи, часовня с погребениями старцев, а также хозяйственный сарай, небольшой плодовый сад и пчельня. Вся территория пустыньки была обнесена дощатым забором. Числилась земля в собственности Акционерного общества мальцовских заводов под названием «Хатожская лесная дача» и находилась в 1-м стане Жиздринского уезда, в Семиревской волости. По некоторым данным, АОМЗ даже взимало со старцев арендную плату за пользование землей, которой в 1908 г. числилось в их пользовании общей площадью 4 десятины 1 680 кв. саженей (в том числе усадебной — 1 320 кв. саженей, луговой — 2 десятины, лесной — 2 десятины, под дорогой и речкой Песочней — 360 кв. саженей). Поддерживать хозяйство обители в хорошем состоянии их насельникам помогали почитатели старца Мелхиседека — песоченский волостной старшина Семен Кузьмич Суравцов, землевладелец д. Усохи Василий Петрович Кузнецов, Мосальский купец Николай Алексеевич Линев и другие лица, имен коих мы не знаем. В народе это место называлось «Колодези — Монахи тож» или «Монахова Гора» (после революции 1917 г. рядом с закрытой обителью возник Гуриковский поселок, или Гурики, существовавший до 1970-х гг.).

Хатожская дача незадолго до революции была выкуплена у АОМЗ неким дворянином Василием Авраамовичем Баталиным и пожертвована в пользу Императорского Православного Палестинского общества для присоединения к Сергиеву скиту ИППО в Калужском уезде. В годы Первой мировой войны в Монаховой Горе устраиваются монашеская обитель и дом инвалидов для «призрения раненых и увечных воинов и разных калек и больных, не способных ни к какому труду» под названием Мелхиседекова пустынь. Начал строиться каменный храм во имя Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии и праотца Мелхиседека, который был освящен во время архипастырского визита в Песоченский Завод епископа Калужского Георгия 8—11 июня 1916 г. В списке монастырей Калужской епархии за 1916 г. Мелхиседекова пустынь уже числится штатным мужским монастырем. В эти же предреволюционные годы в монастыре строились гостиница, братский корпус, каменная ограда и другие сооружения, однако, кроме храма, все они остались недостроенными и после закрытия монастыря были разобраны. Тогда же, наверное, была разрушена и деревянная часовня, в которой находились портреты о. Мелхиседека и о. Дионисия, написанные маслом на дереве, их рясы, чудотворная икона Смоленской Божией Матери и другие предметы, судьба коих неизвестна (скорее всего, большая часть их погибла в богоборческие времена).

Весной 1918 г. настоятель монастыря о. Герасим почил в Бозе, и православные граждане Жиздринского и Мосальского уездов 14 апреля 1918 г. обратились с прошением к калужскому архиерею о переводе на место настоятеля иеромонаха Сергиева скита Тихоновой пустыни о. Геронтия. Прошение подписали землевладельцы Василий Петрович, Иван Петрович и Мария Ивановна Кузнецовы, Николай Владимирович Селиванов, а также Паньшины, Зиновьевы, Безсоновы, Низяевы. Было ли удовлетворено их прошение — неизвестно, но обитель доживала последние месяцы: в ноябре 1918 г. Жиздринский уисполкомом она была закрыта, а монахи выселены. На базе монастыря создана сельхозкоммуна, ставшая основой Гуриковского поселка. По некоторым данным, кирпич от разобранного монастырского храма пошел на строительство школы соседнего Куйбышевского района.

…Ныне безвестность и запустение царствуют на месте православной обители. Редкий путешественник иногда пробирается в запустевшее место, чтобы поклониться мощам подвижников и искупаться в освященном источнике. Правда, Божиим наущением, несколько лет назад были обретены мощи о. Мелхиседека и над ними братией Брянской Белобережской пустыни установлен деревянный крест с гранитной доской со следующим текстом: «Монах Белобережской пустыни схииеродиакон Мелхиседек. Почил в Бозе в лето 1884 года (дата ошибочная, нужно: 1840 года. — *А. Б.*) 125 лет от роду. Истина. Слово. Вера».

Сейчас нашим музеем и краеведами-исследователями Кировского района делаются попытки включить этот памятник (место бывшего монастыря и могилы старцев) в число объектов культурного наследия русского народа, поставить его под местную охрану и сделать доступным для посещения паломниками и другими категориями туристов в сфере религиозного, познавательного и аграрного туризма. Будут продолжены поиск и введение в исследовательский оборот новых фактов и свидетельств, история монастыря найдет отражение в экспозиции нашего музея. Надеемся, что со временем еще одно «белое пятно» будет стерто с церковно-исторической карты Калужского края.

* * *

Приношу благодарность Л. А. Бацановой за бесценную помощь в подготовке этого материала.

Источники и литература

ГАКО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1697; Ф. 94. Оп. 1. Д. 49А; Ф. 1267. Оп. 2. Д. 312, 1233; Ф. Р-1425. Оп. 1. Д. 91.

Дионисий, иером. Жизнь иеродиакона Мельхиседека. — Калуга, 1913.

Иеродиакон Мельхиседек // Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков (с портретами). Июль. — Изд-во Оптиной пуст., 1994. — С. 150—163.

АНЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX в. НА КЛАДБИЩЕ ГОРОДА ЖИЗДРЫ. НАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1990-х — 2000-х гг.

***С. А. Никулина**, с. н. с.,*
Брянский государственный краеведческий музей

1

Кладбище города Жиздры современной Калужской области (в 1920-е годы уезд входил в состав Брянской губернии) обследовалось автором настоящего сообщения неоднократно — осенью 1998 года, летом 2007 года, весной 2008 года. Параллельно проводились фотофиксация выявленных памятников на черно-белую и цветную фотопленки, а также эстампирование отдельных трудночитаемых надписей.

Результаты исследований по данной теме поэтапно освещались в прессе[1], на страницах интернет-ресурсов[2], на научных конференциях[3]. Настоящее сообщение впервые посвящено анэпиграфическим надгробным памятникам конца XVIII—начала XIX в. на территории ныне действующего городского кладбища Жиздры.

Актуальность исследования дореволюционных памятников очевидна. В последние годы на кладбище Жиздры, как и других не слишком удаленных от Москвы населенных пунктов, имеющих удобный доступ на автомобильном транспорте по шоссе Москва — Киев, активно хоронят усопших близких и родных неместные жители. При этом захватываются не только окраинные участки, но и бывшие двести лет назад центральными и престижными, то есть имевшие дорогие купеческие и мещанские памятники. На отдельных старых родовых участках захоронения продолжались и в течение всего XX века. Однако в силу ряда причин многие родственные участки не пополняются за счет современных подхоронений и фактически не контролируются, идет активный процесс их уничтожения и перепланировки кладбища, имеющего более чем двухвековую только официальную историю.

На первом этапе — исчезновение металлической старинной *оградки*, затем кража *металлических памятников*, следом валятся и вывозятся в современные камнерезные фирмы массивные *каменные памятники*, употребляются вторично без сохранения имен прежних хозяев, и, наконец, от комплекса разнообразных по стилю, стоимости и исполне-

Фото 1. Колонна 5. Родовое место.

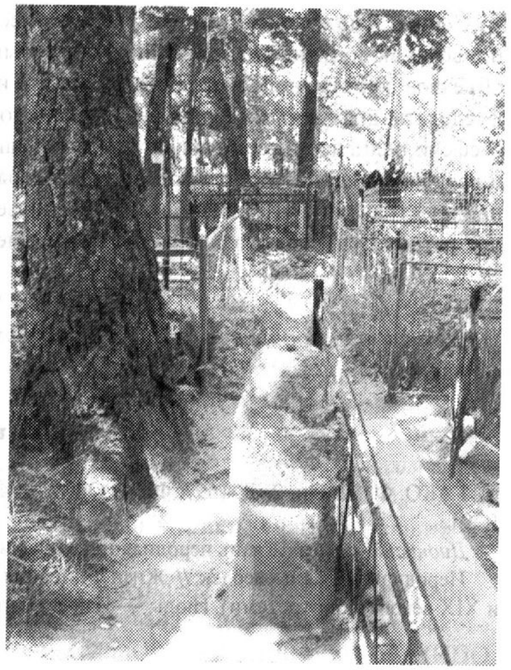


Фото 2. Колонна 5. Вид с юга.

нию памятников родственного участка не остается ничего. А само место бывшего почетного гражданина города или купца первой гильдии занято под захоронение человека, никогда в Жиздре не проживавшего и ничем для города и уезда себя не проявившего. При этом хозяева соседних участков могут только пассивно констатировать происходящие изменения. От существовавшего неподалеку сто лет назад *еврейского кладбища* на поверхности вообще не осталось никаких признаков.

Немногочисленные сохранившиеся к началу XXI века старинные памятники, расположены равномерно почти на всей территории современного кладбища. Они принадлежат к разным типам (саркофаг, стела, каплица, обелиск на пьедестале), изготовлены из различных материалов и имеют разную сохранность. Некоторые массивные вертикальные памятники повалены и лежат на земле так, что тексты на одной или нескольких гранях недоступны. Завершения памятников — за исключением единиц — утрачены. Из сохранивших надписи самым старым является относящийся к 1857 г. памятник купца Стефана Петровича Никишина.

Памятники без эпитафий и других текстов сегодня вообще уже никем не воспринимаются как христианские памятники, нуждающиеся в защите и попечении всей существующей жиздринской общины.

2

Вместе с саркофагами они первыми появились здесь, на созданном в 1777 г. Жиздринском *общегородском* кладбище.

Всего автором настоящего сообщения выявлено шесть анэпиграфичных памятников разных типов (во время посещения кладбища в сентябре 2011 года памятники, описанные далее под № 1, 2, 3, 5, уже *не были обнаружены на своих местах*).

Из них пять — типа ***муфтированная колонна*** (см. фото 1, 2), один — типа ***обратный конус*** (см. фото 3, 4). Все они стандартного вида, высокого качества, изготовлены в специальных мастерских. Памятники № 1, 2, 3, 6, повалены и «вросли» в землю. Это сделало невозможными часть обмеров и исследование одной из сторон квадра, где теоретически возможно наличие текста (в силу имевшейся тогда индивидуальности памятников и «вольности» резчиков).

Таблица 1. **Основные данные об анэпиграфичных памятниках на кладбище г. Жиздры**

№	Тип памятника	Высота, *см*	Диаметр колонны, *см*	Размеры квадра, *см*	Декор	Материал
1	Муфтированная колонна	более 96	31	33×34×14	По углам квадра шестилепестковые цветки розы, остальное плохо сохранилось.	Белый камень
2	Муфтированная колонна	109	31	33×36	В центре восьмиконечный крест на Голгофе, восьммилепестковые цветки розы. Боковая сторона: жемчужная рамка для текста	Белый камень
3	Муфтированная колонна	111	32	31,5×36	В центре восьмиконечный крест на Голгофе, по углам пять сегментов цветка василек (восьмилепестковый). Боковая сторона: жемчужная рамка для текста	Белый камень
4	Муфтированная колонна	105		(35)×(45)	*Имеет тексты* на двух боковых сторонах в жемчужных рамках.	Белый камень
5	Муфтированная колонна. Сужается кверху.	81	восьмигранная колонна	17×31×31	Отсутствует	Гранит серый неполированный
6	Обратный конус	98	22 внизу	41,5×37,5	Овальная рамка для текста окантованная треугольничками подсолнуха.	Белый камень ракушечник

Далее основные данные о памятниках приводятся в сравнительной табл. 1. Колонна № 4, имеющая текст на двух гранях, опубликована ранее[4], данные о ней приведены для удобства анализа.

Памятники № 1, 2, 3, 6 во время исследования находились в виде компактной группы, были повалены в пределах одного участка, причем два из них явно изначально были установлены в одной ограде. А разломанная на две части колонна № 1 и № 6 (конус), скорее всего, были перемещены сюда «до кучи». Рядом лежали распиленные на части стволы старых деревьев. Как можно предположить, памятники были выявлены при освобождении места для новых захоронений в южной части кладбища.

Колонна № 1 имеет более изящные пропорции и очень плохую сохранность. Колонны № 2 и № 3 имеют близкие размеры, но отличаются декором. Это позволяет предположить их изготовление в одной и той же мастерской в близкие сроки. Изображения выполнены в низком рельефе.

№ 6. Конус (илл. 3, 4). Обратный конус с завершением в виде квадра. Венчающий четырехконечный крест утрачен. «Памятники этого типа появляются уже в 80-е годы XVIII века, наибольшее распространение они получают в 20—40-е годы XIX века. Наиболее ранние памятники изготавливались из белого камня»[5].

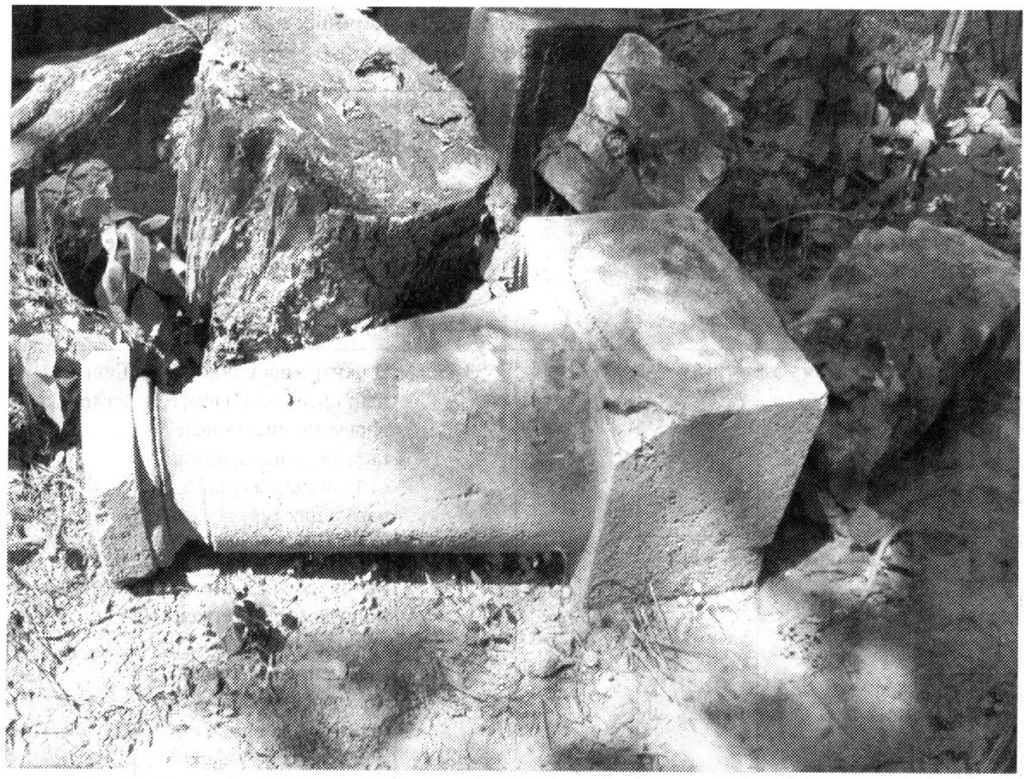


Фото 3. Конус № 6.

Исследованию доступны три стороны. Боковые — гладкие неорнаментированные. Торцевая — более широкая — имеет овальную рамку, окантованную двойным рядом треугольничков вершинами к центру (символизируют цветок подсолнуха).

Текст эпитафии если и был, то нанесен очень неглубоко. Сегодня не заметно никаких его следов.

Надгробия в виде конуса получили в древности особое распространение у этрусков, вновь стали популярными в странах Европы в XVIII веке в связи с оживлением интереса к античным формам и эмблематике.

Небольшая муфтированная восьмигранная колонна № 5 (илл. 1, 2) находится in situ восточнее центра кладбища. Рядом с ней сохранилась удерживаемая вросшим большим стволом старого дерева плинта крупного утраченного памятника. Очевидно — это всё, что сохранилось от семейного участка. Небольшие размеры памятника позволяют предположить его принадлежность ребенку или женщине (не вышедшей замуж дочери или тетушке).

Верх колонны закруглен в виде полусферы и имеет специальное отверстие для крепежа завершения (урна, ангел или крест). Пока трудно объяснить отсутствие полировки поверхности. Возможно, впоследствии именно этот признак станет решающим в уточнении датировки.

3

Датировка памятников затруднительна. Во-первых, почти все они находятся вне сохранившихся могильных оград и родовых участков. Во-вторых, в целях экономии денег могли закупаться памятники, уже вышедшие из моды, хотя и репрезентативные по размерам и внешнему виду. Таким образом, надгробия конца XVIII в. могут отмечать могилы начала XIX в. Или начала века — могилы середины века. Хотя если допустить, что благодарные потомки таким образом отмечали могилы своих предков, умерших как раз в конце XVIII в., но заложивших основы процветания купеческого/дворянского рода,

Фото 4. Конус № 6. Деталь.

рода, то никакого противоречия нет. Взамен еще прочного, но *дубового креста* на могиле почитаемого родителя просто устанавливался более престижный *каменный памятник*.

Именно массивность и невостребованность материала памятников спасла их от мародерских атак 1920-х и более поздних лет. Последнее крупномасштабное уничтожение памятников, по свидетельству местных жителей, производилось по распоряжению городских властей совсем недавно — в 1970-е годы.

Исходя из материала — белый камень — можно предложить конец XVIII — начало XIX в. Однако в Жиздре в это время еще очевидно не было клиентов, способных заказать и купить такой памятник в столичных мастерских. Дворян не было даже в 1786 г., а имевшиеся купцы были скорее озабочены процессом первоначального накопления капиталов, чем тратой денег на статусные монументы.

Только в 1836 г. Жиздра по числу населения вышла на третье место после Калуги и Козельска. В ней насчитывалось 1 115 домов: 51 дворянский, 10 священнослужительских, 47 купеческих, 948 мещанских, 34 солдатских, 22 крестьянских. Именно этим временем можно датировать появление дорогих и престижных памятников типа колонна и конус.

Однако, чтобы однозначно трактовать их как дворянские, либо купеческие, либо священнические, на сегодня нет данных.

Поскольку никаких *планов, чертежей, описей кладбища* нет ни в городской администрации, ни в районном музее, ни у краеведов города Жиздры, (а в фондах Госархива Брянской области имеется лишь *план города 1920-х годов* с новыми революционными названиями улиц и обозначением кладбища в виде неправильного многоугольника), то обоснованные предположения о принадлежности упомянутых надгробных памятников[6], вероятно, можно будет сделать после изучения соответствующих материалов в фондах Госархива Калужской области (метрические книги, исповедные ведомости, ревизские сказки и т. д.).

Примечания

[1] См.: *Никулина С. А.* Берегите Жиздру! // Искра. — 2008, 19 сент. — С. 7.

[2] См.: zhizdra.ru › vib2003/kladb.htm Калуга

[3] См.: *Никулина С. А.* «Милость твоя, Господи, лучше, чем жизнь»: Эпитафии конца XIX — начала XX в. памятников кладбища г. Жиздры // Калуга в шести веках: Материалы 7-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 2009. — С. 363—371; *Никулина С. А.*. «Не умрет имя твое»: Эпитафии надгробных памятников последней четверти XIX — начала XX века на кладбище Радицы Крыловки // Материалы Третьих Тихоновских чтений. Брянская областная научная универсальная библиотека им Ф. И. Тютчева, 2008 г. (в печати). В статье осуществлена публикация памятников уроженцев Жиздринского уезда на брянском кладбище.

[4] См.: *Никулина С. А.* «Милость твоя, Господи, лучше, чем жизнь».

[5] *Компанеец С. Е.* Надгробные памятники XVI — первой половины XIX века. — М., 1990. «Самые ранние образцы надгробий этого типа на русских кладбищах относятся к концу XVIII века, выполнялись они из традиционного белого камня».

[6] Исследователь тульского некрополя Ирина Ковшарь отмечает подобный тип памятников для тульских кладбищ как дворянский. «Дворянские надгробия этого периода (в 1-й трети XIX века и вплоть до середины XIX века) имеют вид античных жертвенников, отрезков колонн, перебитых в верхней части муфтой, перевернутых конусов, также перебитых муфтой») Ковшарь И. Тульский некрополь: надгробные памятники конца XVIII — начала XX в. // tulalmanac.blogspot.com›2011/07/xviii-xx.html

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М. Е. ШЕРЕМЕТЕВОЙ (К 125-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

***Г. Б. Сафонова**, зав. сект., Калужский областной краеведческий музей*

26 октября 2011 г. исполняется 125 лет со дня рождения М. Е. Шереметевой (26.10.1886—5.04.1963) — историка, этнографа, с 1921 г. посвятившей свою жизнь работе в музеях г. Калуги. До недавнего времени ее творческое наследие было известно в основном по двум десяткам научных публикаций 1925 — 1930-х гг., часть из которых вышла отдельными изданиями, а также по собранной для Калужского краеведческого музея этнографической коллекции. Однако более пристальное внимание к научной и музейной деятельности исследователя дало поистине ошеломляющие результаты. В последние годы были опубликованы материалы о ранее неизвестной части этнографической коллекции М. Е. Шереметевой из собрания Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге, а недавно — ее неизданная статья 1934 г. «Бытовое православие в Калужском крае. Никола — покровитель конопли»[1]. Были опубликованы сведения о хранящейся в Калужском областном краеведческом музее коллекции обрядовой керамики, собранной М. Е. Шереметевой, и ее авторские акварельные рисунки, сделанные по результатам полевых исследований; выявлены тридцать две газетные статьи в областных изданиях 1937—1941 гг. и получены сведения о ее зарубежных научных публикациях[2]. Неожиданным «подарком судьбы» оказались документы персонального пенсионного дела М. Е. Шереметевой, переданные в музей 18 ноября 2010 г. из Управления Пенсионного фонда РФ по Калужской области.

Обращение к архивным материалам историко-краеведческих организаций Калужского края 1920—1930-х годов, к документам управленческих организаций в сфере культуры этого времени позволило открыть новые страницы в научной и музейной деятельности человека, посвятившего тридцать три года из своего почти сорокалетнего трудового стажа работе в музеях г. Калуги (с 1 августа 1921 г. по 14 сентября 1942 г. — в Калужском краеведческом музее, с 4 сентября 1944 г. по 4 октября 1945 г. — в том же музее по совместительству,.с 1 сентября 1947 г. по 15 октября 1958 г. — в Калужском художественном музее).

Начало музейной деятельности М. Е. Шереметевой в Калуге относится к началу августа 1921 г. До этого, приехав в 1919 г. с семьей из Ленинграда, она работала конторщицей в Калужском отделении Московских кооперативных организаций, располагавшемся на ул. Салтыкова-Щедрина; затем — счетчиком в Губернском Статистическом отделе на ул. Баумана, д. 7. В сентябре 1921 г. М. Е. Шереметева занимает должность заведующего «подотделом охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы», сокращенное название — «Губмузей» (не путать с реально существовавшим в то время губернским Историческим музеем — ныне КОКМ). Как можно было заниматься охраной памятников искусства и старины с конца 1921 г. и в последующее время, когда по всей стране их существование было поставлено под вопрос, можно судить по хронике той работы, которую пришлось выполнять М. Е. Шереметевой и ее немногочисленным коллегам.

24 сентября 1921 г. она с заведующим Губмузеем Владимиром Васильевичем Ассоновым (1884—1971), геологом по специальности[3], были командированы для осмотра закрывающегося Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. Они сделали описание архитектурного ансамбля монастыря и рисунки колокольни и угловой башни[4]; хотя в отчете не указан автор рисунков, можно предполагать, что это одно из первых упоминаний о работе М. Е. Шереметевой как художника, стремившегося зафиксировать облик исчезающего памятника архитектуры в отсутствие фотоаппарата. В ноябре—декабре этого же года М. Е. Шереметева, В. В. Ассонов и тогдашний директор губернского Исторического музея В. И. Извеков (1874—1943) разработали программу историко-архитектурного и художественного обследования церквей и монастырей Калужского края, которая включала в себя сто пунктов по следующим направлениям: а) историко-архитектурное обследование прихода; б) архитектура храма; в) интерьер храма; г) иконы и утварь; д) обмеры, планы. Как показало время, программе, которая могла бы оставить после себя ценные исторические сведения, не суждено было сбыться. Начатая в январе 1922 г. работа по постановке на учет предметов имеющих историко-художественное значение в церквях г. Калуги, по решению властей была проведена в ускоренном порядке, что заставляло ограничиться кратким архитектурным описанием храма и перечнем произведений искусства. И все же за январь и февраль 1922 г. М. Е. Шереметевой, В. В. Ассоновым и В. И. Извековым было обследовано четырнадцать церквей Калуги[5]. В марте—апреле 1922 г. М. Е. Шереметева и В. И. Извеков провели напряженную работу по экспертизе и отбору предметов историко-художественного значения из числа поступавших в Губфинотдел из церквей всей губернии. В результате Исторический музей получил коллекцию церковных древностей XVII—XVIII вв. в количестве свыше двухсот предметов[6].

С 1 июня 1922 г. М. Е. Шереметева в связи с реорганизацией с должности инструктора Губмузея была переведена научным сотрудником в Исторический музей, вместо освобожденного Д. В. Разломалина, бывшего социал-демократа, уроженца Полотняного завода Медынского уезда, имевшего «низшее самообразование».

В последних числах июня она вместе с В. И. Извековым была командирована в Лаврентьевский монастырь для осмотра предметов, имеющих историко-художественное значение. По независящим от них обстоятельствам завершить едва начавшуюся работу удалось только год спустя, о чем свидетельствует Мандат Губмузея от 4 августа 1923 г., выданный им «для отобрания и препровождения в исторический музей предметов, имеющих историческое и бытовое значение»[7].

Осенью 1922 г. перед сотрудниками музея была поставлена задача подготовить к открытию новую экспозицию в переданном музею здании усадьбы Золотарева. А в это время в штате музея было всего четыре сотрудника и один служитель. В это же время М. Е. Шереметева была направлена на две недели в Москву в Исторический музей для изучения коллекции фаянса в связи с необходимостью атрибуции коллекции фаянса Калужского музея. В отчете было записано, что там она «ежедневно работала под руководством специалистов и изучила коллекцию фаянса и изразцов. Изразцы были изучены не только в музее, но и на старинных памятниках архитектуры Москвы: церкви Григория Неокесарийского, Сухарева Башня, Крутицкий терем, облицованный изразцами. Шереметева также ездила за 60 верст от Москвы в монастырь Ново-Иерусалим, головной центр изразцов и там ознакомилась с памятниками русской монументальной керамики — кафельным иконостасом. По возвращении Шереметева приступила к составлению научного описания изразцов Калужского исторического музея»[8].

Летом 1923 г. вместе с членами Калужского Общества Истории и Древностей М. Е. Шереметева приняла участие в обследовании Симеонова городища под Калугой и городища на устье р. Калужки; монастыря Спас-на-Угре. По сведениям отчета «все экскурсии сопровождались тщательным обмером, зарисовкой наиболее замечательного (художник М. Е. Шереметева — член КОИД и сотрудник исторического музея). На заседании Общества был прочитан доклад "Калужский Гостиный Двор" с демонстрацией фотографий и рисунков, исполненных автором доклада Шереметевой М. Е.»[9] Можно предполагать, что выявленные в фондах КОКМ двенадцать ее авторских рисунков, большая часть которых связана с участием в раскопках на Огубском городище в Малоярославецком уезде летом 1923 г., еще далеко не полный список работ М. Е. Шереметевой как художника.

В 1925 г. КОИД предприняло попытку издать четыре тома трудов своих участников, которой не суждено было сбыться из-за отсутствия средств. Однако сохранился перечень статей, из которого мы узнаем, что к публикации готовились такие работы М. Е. Шереметевой, как «Архитектура церкви Георгия-за-верхом», «Архитектура Калужского Гостиного Двора» и на совсем неожиданные темы — «Пряничные доски» и «Творчество А. А. Ростиславова»[10] Последняя тема в настоящее время известна только по рукописи Д. И. Малинина, хранящейся в КОКМ и недавно опубликованной[11]. Рукописи планировавшихся к публикации работ М. Е. Шереметевой пока обнаружить не удалось.

С 1924 г. в течение последующих семи лет М. Е. Шереметева совместно с немногочисленными членами этнографической секции КОИД ведет активную собирательскую работу по традиционной культуре Калужского края, в результате которой были заложены основы этнографической коллекции КОКМ и вышли отдельными изданиями широко известные сейчас ее научные работы, написанные на основе полевых материалов. Как уже упоминалось, этот период научной и музейной деятельности исследователя известен наиболее полно. Однако в архивном фонде Калужского Общества Изучения Местного Края (преемника КОИД) был обнаружен автограф М. Е. Шереметевой с перечнем ее научных трудов, прилагавшийся к ее заявлению о вступлении в члены КОИМК от 10 ноября 1929 г. В этом списке приводятся две, видимо, в то время только что вышедшие из печати зарубежные публикации автора. Это — «Обрядовое печенье в России» в немецком журнале «Der Erdball» («Земной шар»), вышедшем в Берлине, — в № 1 за 1929 г. Вторая статья — «Ученые медведи в России» — в том же журнале, в № 7 за тот же 1929 г. В этом же фонде приводятся сведения о печатных трудах экономиста Н. А. Шереметева, ряд из которых написан на калужских материалах. В 1911 г. в Санкт-Петербурге отдельным изданием в четыре печатных листа вышла его «Кредитная кооперация в Юхновском уезде», а в 1913 г. в Риме была опубликована его «Le credit populaire en Russie»[12]. Калужанам наиболее известна совместная публикация супругов «Самопрялочный промысел в Пятовском кустарном районе», вышедшая в 1929 г. в Калуге.

Илл. 1. М. Е. Шереметева с мастерами кустарного промысла углежжения. Перемышльский район, д. Б. Козлы. 1929 г.

В середине 1930-х гг. по всей стране происходит свертывание работы многих научных краеведческих обществ, переориентируется деятельность провинциальных музеев с исследовательской и собирательской на «политико-просветительскую». Руководителем Калужского исторического музея в 1930 г. становится человек, далекий от истории и культуры, не имевший не только специального образования, но из общего образования осиливший только «низшее», — Чалов Иван Николаевич, 1889 г. рождения, из крестьян Калужского уезда, по профессии слесарь-сельхозрабочий, но зато член ВКП(б)[13]. В 1933 г. он известен уже и как председатель Калужского районного Бюро краеведения, причем секретарем Бюро являлся Н. А. Шереметев, рукой которого написаны документы архивного фонда этого общества. Работа РБК по археологическим и этнографическим исследованиям в 1935—1936 гг. описана М. Е. Шереметевой, руководившей одной из секций общества, в ее статье в журнале «Советская этнография» в 1936 г.[14] Однако вскоре членам РБК и сотрудникам Калужского исторического музея пришлось стать невольными участниками «грандиозного проекта» — в буквальном смысле слова «Калужской утопии», которой, к счастью, не удалось сбыться. 4 декабря 1936 г. Н. А. Шереметев отправил в Московское областное Бюро краеведения (Калуга в то время входила в состав Московской области) письмо по вопросу учета и описания памятников искусства и старины, находившихся в зоне затопления от проектируемой Калужской ГЭС. В письме очерчена территория, подлежавшая затоплению в долинах рек Оки, Угры, Жиздры, Упы с семьюдесятью населенными пунктами, где учета памятников старины не было вообще. В значительной степени могли бы быть подтоплены такие архитектурные памятники, как Дом Гончаровых в Полотняном Заводе с парком, Троицкий Лютиков монастырь, Успенский собор в Перемышле. В работе РБК планировалось в течение полугода к 1 июля 1937 г. иметь: «1) карту затопления с показанием на ней памятников искусства и старины; 2) планы, фотоснимки, зарисовки; 3) историческое описание и описание состояния памятников в настоящее время. Помимо архитектурных, следовало бы также учесть и другие археологические памятники, с целью привлечь внимание к их изучению в ближайшие годы, до постройки ГЭС»[15]. Об одной из таких поездок сотрудников музея летом 1938 г. в село Спас на Угре для осмотра и фотографирования городища и построек Воротынского Спасского монастыря, сообщала М. Е. Шереметева в газете «Коммунар» от 3 августа 1938 г.[16] Во время этой поездки были также записаны исторические предания, связанные с этой местностью.

Параллельно с проектом Калужской ГЭС велись поиски месторождений каменного угля, и, видимо, по этой причине Калужской земле не суждено было повторить участь «Рыбинского водохранилища».

О послевоенном периоде жизни М. Е. Шереметевой мы узнаем из документов ее персонального пенсионного дела[17]. С 15 ноября 1942 г. ей была назначена пенсия по возрасту и стажу. В автобиографии, хранящейся в пенсионном деле, в ответе на вопрос «находился ли на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны» она записала: «жила в Калуге, две недели помогала заведующему музеем В. И. Извекову сохранять имущество закрытого краеведческого музея». И здесь же она указывает, что с 21 сентября 1942 г. по 4 сентября 1944 г. она работала «по художественному оформлению игрушки в артели "Игрушка" на ул. Каракозова, 19/29». И лишь с 4 сентября 1944 г. по 4 октября 1945 г. — научным сотрудником в Доме Народного творчества — специалистом по народной поэзии и лишь по совместительству — в краеведческом музее. Видимо, давали себя знать санкции, применявшиеся ко всем, кто находился на оккупированных территориях. Но справедливость восторжествовала. 12 марта 1946 г. М. Е. Шереметева была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Эта награда и Серебряная медаль Русского Географического общества 1928 г. послужили основанием к назначению ей персональной пенсии местного значения, за которой она обратилась 2 июня 1946 г. В это время она работала (с мая 1945 г.) штатным лектором областного лекционного бюро, ездила с лекциями на исторические темы по районам области и не оставляла исследовательскую работу. Она собирала материалы по партизанскому движению в годы Великой отечественной воны, систематизировала собранные по Калужской области двести пословиц. С 1 сентября 1947 г. по 15 октября 1958 г.

М. Е. Шереметева — научный сотрудник Калужского художественного музея, выезжала в районы области с лекциями по искусству. 25 апреля 1956 г. она была награждена Благодарственной грамотой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, а в 1957 г. — Почетной грамотой Министерства культуры СССР, подлинники которых хранятся в ее персональном пенсионном деле. Из-за отсутствия замены с 1 ноября 1958 г. ее вновь пригласили на временную работу в художественный музей, и только. 10 января 1959 г. в возрасте почти семидесяти трех лет она оставила музейную деятельность.

Согласно акту Горсобеса от 6 января 1959 г., М. Е. Шереметева проживала в требовавшей большого ремонта жактовской квартире площадью 24 кв. м, по ул. Женщин Работниц (ныне ул. Вилонова), с дочерью Татьяной, у которой было трое сыновей — 1937 г. и 1945 г. рождения, отец которых умер вскоре после войны, и сын 1952 г. рождения. Пособия на детей дочь, работавшая чертежницей в Облпроекте, не получала. Еще в 1957 г. М. Е. Шереметева писала: «Я материально помогаю дочери и дальше должна буду помогать». С 1 февраля 1959 г. ее персональная пенсия была увеличена до 600 руб., дочь получала зарплату в 500 руб.

Выявленные новые страницы научной и музейной деятельности М. Е. Шереметевой представляют ее не только как неутомимого собирателя, основателя этнографической коллекции КОКМ и специалиста по традиционной народной культуре края. Немало сил было ею отдано полевым археологическим и архитектурным исследованиям, в которых ей помогало ее дарование художника-любителя. Многие ее работы создавались специально для экспозиции музея. Кроме того, к этому добавлялась большая просветительская работа в виде экскурсий, чтения лекций и публикаций в областных периодических изданиях. Такая высокая профессиональная планка была характерна далеко не для многих провинциальных музейных работников первой половины XX в.

Примечания

[1] См.: *Шубина Т. Г.* Калужская коллекция М. Е. Шереметевой в собрании Государственного музея истории религии // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1999. — М., 2000. — С. 515—522; *Она же:* Статья М. Е. Шереметевой о культе святого Николая в Калужском крае // Сельский окоем: Известия Кировских региональных отделений Русского Географического Общества, научного и культурно-просветительского общества «Энциклопедия российских деревень». — Вып. 6. — Киров, Калужская обл., 2011. — С. 154—158; текст статьи см. там же. — С. 159—183.

[2] См:: *Сафонова Г. Б.* Этнографическая коллекция М. Е. Шереметевой в КОКМ: история формирования и воссоздания // Песоченский историко-археологический сборник. — Вып. 6. — Калуга, 2008. С. 263—277; *Она же.* Традиционная обрядовая керамика Верхней Оки // Верхнее Подонье: Археология. История. — Вып. 4. — Тула, 2009. — С. 130 — 140; *Она же.* Экспедиционные рисунки этнографа М. Е. Шереметевой // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XIII Всероссийской научной конференции. — Калуга, 2009. — С. 245—250.

[3] Ассонов Владимир Васильевич (1884—1971) — заведующий музейной секцией Губмузея с октября 1918 г., на 15 октября 1921 г. — заведующий Губернским Отделом по делам музеев и охраны памятников (Губмузей). Специалист по геологии, горному делу. Закончил физмат Московского университета и три курса Археологического института. До 1914 г. занимался научной деятельностью. (См.: ГАКО. Ф. Р-32. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 21.)

[4] См. там же. Ед. хр. 8. Л. 6, 71.

[5] См Научный архив КОКМ. Ф. Р-2878. Оп. 3. Ед. хр. 1-в.

[6] См.: ГАКО. Ф. Р-32. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2, 5.

[7] Там же. Ед. хр. 14. Л. 106.

[8] Там же. Ед. хр. 15. Л. 67, 76 об.

[9] Там же, Л. 55 об.

[10] См. там же. Ф. Р-324. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 25.

[11] См.: *Малинин Д. И.* Неизданные рукописи. — Калуга. 2010. — С. 449—488.

[12] См.: ГАКО. Ф. Р-320. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 9, 4.

[13] См. там же. Ед. хр. 15. Л. 2.

[14] См.: *Шереметева М. Е.* Работа по археологии и этнографии в Калуге в 1935—1936 гг. // Советская этнография, — 1936. — № 6. — С. 136—139.

[15] ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1—3.

[16] См.: *Шереметева М. Е.* Памятники старины (Калужский район) // Коммунар. — 1938, 3 авг.

[17] См.: КОКМ КП 13752.

ГОНЧАРОВЫ — РИХТЕРЫ И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ

***Л. П. Майорова**, зав. сект.,*
Государственный музей истории космонавтики им. К. Э. Циолковского

В данной работе представлены сведения об отдельных представителях дворянских родов Рихтеров и Гончаровых. Судьба Александра Николаевича Гончарова и его жены Елизаветы Александровны Гончаровой, в 1886 г. переехавших в Калугу и сблизившихся здесь с кругом местной интеллигенции, оказалась связана с именем основоположника теоретической космонавтики К. Э. Циолковского.

В 1895 г. в Москве была издана книга Циолковского «Грезы о Земле и Небе и эффекты всемирного тяготения», на обложке которой значилось: «Издание А. Н. Гончарова». Эта книга стала большой редкостью. И причина тому — обстоятельства ее публикации. В. И. Ассонов убедил Гончарова выделить средства на издание только что оконченного тогда сочинения К. Э. Циолковского. Его сын А. В. Ассонов вспоминал: «Это было в 1894 году. В нашей же гостиной, за круглым столом, при свете высокой керосиновой лампы состоялось и первое чтение отрывков из Грез». Потом Константин Эдуардович читал рукопись Гончарову у него дома, и тому все очень нравилось. Кончилась эта история совершенно неожиданно. Помню, как Гончаров, злой, красный от негодования, пришел к отцу, держа в руках авторский экземпляр «Грез» с надписью Константина Эдуардовича. «Вы, Василий Иванович, — говорил он, — втянули меня в эту глупую историю. Мне знакомые литераторы пишут и смеются… я дорого бы дал, чтобы это издание уничтожить. Отношения Гончарова и Константина Эдуардовича охладились навсегда» (1. С. 12). Старшая дочь ученого Л. К. Циолковская, вспоминая историю с изданием данной книги, писала: «Гончаров взялся издать работу отца “Грезы о Земле и Небе”. Отец получил два авторских экземпляра. Все остальное издатель выбрал даже из магазинов, так как в обществе стали поговаривать, что автора “Грез” надо посадить в сумасшедший дом, а издателя на гауптвахту» (2. Л. 19). В настоящее время мы располагаем сведениями о нескольких сохранившихся экземплярах данной книги ученого, в том числе и экземпляре, подаренном автором с дарственной надписью «Многоуважаемому Василию Ивановичу Ассонову от автора. 1895 г., 16 февр[аля]. К. Циолковский» (3). Можно предположить, что ученый также захотел отблагодарить Гончарова, но подписанная ему книга, которая знакомила читателей с описанием строения Вселенной, рассказывала им о всемирном притяжении, о разных явлениях, происходящих в условиях космического пространства, свободного от силы тяжести, оказалась непонятой, что и привело к скандалу и разрыву отношений между Циолковским и Гончаровым. Но это не помешало его жене Е. А. Гончаровой принять участие в подготовке к изданию летом 1896 г. работы К. Э. Циолковского «Железный управляемый аэростат на 200 человек длиною с большой морской пароход». Она перевела на французский и немецкий языки краткое описание устройства металлического аэростата Циолковского. А. В. Ассонов вспоминает: «Перевод был трудный, но благодаря ему проект Константина Эдуардовича стал известен за границей. Этот листок 11×30 сантиметров, на одной стороне которого был напечатан французский, а на другой — немецкий текст, стал первым лучом новой мысли из Калуги в Париж» (1. С. 17).

Скупые сведения о Е. А. Гончаровой (1850—1924) можно найти лишь в примечаниях к немногочисленным статьям о ее муже и его дяде И. А. Гончарове. Но эта женщина заслуживает нашего внимания не только как член семьи Гончаровых, не только потому, что встречалась с классиком русской литературы И. А. Гончаровым и оставила воспоминания

о нем, оказывала помощь русским и зарубежным исследователям жизни и творчества великого писателя в работе над их статьями и книгами, но и как представитель еще одного дворянского рода, связанного с Калужским краем, — семьи Рихтеров.

Ее дед — Александр Андреевич Рихтер (24 января 1792 г., Москва — 27 января 1873 г., с. Куровское Перемышльского уезда Калужской губернии), медик, государственный деятель, тайный советник, потомственный дворянин, участник Отечественной войне 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. За свою деятельность был пожалован бриллиантовым перстнем (1834), был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени (1833), Св. Анны 1-й степени (1844), Св. Владимира 2-й степени (1846) и Белого Орла (1851), а в 1860 г. после пятидесятилетия его службы Император Александр II пожаловал ему 3 000 десятин земли в Калужской губернии. Выйдя в отставку, Рихтер поселился в своем имении под Калугой в селе Куровское, где и провел последние годы жизни. В 1819 г. он женился на старшей дочери московского аптекаря Петра Эйнбродта — Марии. Брак был недолгим: через два года Мария умерла во время родов. Спустя восемь лет Александр Рихтер вновь женился, взяв в жены младшую сестру своей умершей жены Наталью. В этом браке появилось на свет восемь детей, и среди них Мария (1829—1884), мать Елизаветы Александровны Гончаровой. Пятеро сыновей Рихтера получили образование в привилегированных учебных заведениях — Александровском лицее и Училище правоведения. Три девочки занимались дома с гувернантками.

Два сына Александра Рихтера сделали блестящую карьеру.

Петр Александрович Рихтер (1 января 1829 г. — 27 апреля 1895 г., Дорошковичи Виленской губ.) — правовед, государственный деятель, тайный советник, участвовал в составлении и введении в действие «Положения о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных».

Александр Александрович Рихтер (9 августа 1836 г., Москва — 4 марта 1898 г., с. Куровское Перемышльского уезда Калужской губернии) — государственный деятель, экономист, тайный советник. Под руководством министра финансов Н. Х. Буше участвовал в разработке и проведении реформы податной системы налогообложения в России, по проекту Рихтера учрежден институт податных инспекторов (1885). Член совета министра финансов (1887—1898), один из ближайших сотрудников министра финансов С. Ю. Витте, ценившего его как знатока крестьянского дела и сторонника перехода от общинного владения землей к частному, автор закона об оценке недвижимых имуществ (1893). В Государственном архиве Калужской области (ГАКО) был выявлен документ, содержащий запись о дате его смерти, времени и месте погребения: «1898 март смерть 4 погребение 10 села Куровского Дворянин Помещик Тайный Советник Александр Александрович Рихтер 62 лет от воспаления легких священник села Куровского Александр Преображенский, села Озерского Иоанн Сперанский и села Никольского Василий Покровский с псаломщиком Александром Лихачевым на кладбище подле церкви предали земле» (4. Л. 661 об., 662).

Рихтер Андрей Александрович значится в списке членов Перемышльского уездного земского собрания (см.: 5).

Их сестра Мария Александровна Рихтер в 1848 г. вышла замуж за Александра Алексеевича Уманца, вдовца тридцати девяти лет, имевшего восьмилетнего сына. В Тифлисе 26 июля 1850 г. и родилась их старшая дочь Елизавета. Позднее появились еще три дочери — Надежда, в замужестве Безобразова, Наталья и Мария, умершие в юности. В 1854 г. семья Уманец перебралась в Петербург. Александр Алексеевич был к тому времени уже действительным статским советником. В эти годы он приобрел себе имение в с. Покровское Калужской губернии, недалеко от имения своего тестя. Дочери Елизавета и Надежда получили прекрасное домашнее образование, владели четырьмя иностранными языками — немецким, французским, английским и итальянским. Обе прекрасно музицировали.

В 1874 г. Елизавета познакомилась с А. Н. Гончаровым, в 1875 году она приняла его предложение выйти за него замуж, но свадьба не состоялась. Позднее Е. А. Гончарова писала: «Мой дядя, П. А. Рихтер, управляющий уездной конторой в Самаре, знавший Александра Николаевича, находил, что мы совсем не подходим друг к другу, и письменно настаивал на моем отказе»; частная служба жениха «не нравилась моему отцу, который желал бы, чтобы зять его шел по старопроторенной дорожке казенной службы» (6. С. 180—182). А. Н. Гончаров приложил определенные усилия, чтобы снять все препятствия к заключению брака, и, как свидетельствует выявленный в ГАКО документ, летом 1882 г. в Преображенской церкви с. Покровского Перемышльского уезда состоялось их венчание: «Июль 14 Смоленский губернский чиновник особых поручений Титулярный Советник Александр Николаевич Гончаров православного вероисповедания первым браком 39 лет Действительного Статского Советника Александра Алексеевича Уманца дочь девица Елизавета Александровна Уманец Православного вероисповедания 30 лет священник Павел Соколов Исправляющий должность псаломщика Николай Гречанинов поручители по жениху Коллежский секретарь Владимир Николаевич Гончаров и Действительный Статский Советник Александр Александрович Рихтер. По невесте: Дворянин Алексей Викторович Варенцов и Двора Его Императорского Величества камер-юнкер Николай Михайлович Безобразов» (7. Л. 143 об., 144).

Елизавета Александровна сумела стать другом мужу, единомышленником, духовно близким ему человеком. Страницы ее дневников исполнены любви, заботы о близком и дорогом человеке, воспоминаний о нем (см.: 8). А. Н. Гончаров был серьезно болен с 1902 г., «в 1904 г. лечился за границей» (9, л. 15 об.). В 1904 году А. Н. Гончаров смог выйти в отставку. Семья перебралась в Рязань, где, чтобы обеспечить семье безбедное существование, по воспоминаниям И. Линец, Е. А. Гончарова «купила дом и фотографию с правом оставить фирму Либович, которая зарекомендовала себя. Поэтому фотография и значилась с тех пор как фотография «В. Н. Либович и Е. А.Гончаровой… В 1910 г. она продала фотографию, дом и возвратилась в Калугу» (10. Л. 1, 2 об.).

Живя в Рязани, Елизавета Александровна продолжает активно заниматься общественной работой: собирает деньги в пользу голодающих, организует бесплатные столовые, принимает участие в комитете равноправия женщин. Она становится активным деятелем женского движения в России: член Русского Союза женщин со дня основания, участница всех русских женских съездов с 1908 г., делегат женского конгресса в Копенгагене (1906) и в Лондоне (1909) (см.: 11. Л. 2).

Елизавета Александровна стала прекрасной матерью своей дочери Елизавете (1883—1947), которая в 1899 г. окончила Калужскую женскую гимназию и поступила на Высшие женские курсы в Петербурге. Но занятия там прекратились, и она вернулась к родителям в Рязань. Стремясь дать дочери образование, родители отправили ее во Францию, в университет города Нанси. Там она познакомилась с молодым профессором математики Полем Симоном (1880—1922). В 1907 г. во Франции состоялась их свадьба. В 1908 г. Елизавета и Поль Симоны приехали в Россию. В Ильинской церкви Рязани состоялось их венчание по православному обряду. У них родились четверо сыновей — Александр (1908—1988), Луи (1911—1988), Борис (1913—1972) и Роман (1916—?). Каждое лето семья приезжала в с. Покровское. Первая мировая война, революция и начавшаяся гражданская война надолго разделили их.

На долю Е. А. Гончаровой выпало множество испытаний, которые она мужественно и стойко преодолевала. После революции в помещичьих имениях начались погромы. В письме от 17 ноября 1917 г. она писала: «Произошло событие большого значения: имение бывших деятелей крестьянской реформы 1861 г. — разгромлено крестьянами трех деревень. Рихтеры… были люди выдающиеся. Дед Александр Андреевич был врачом, прошедшим с войсками весь поход до Парижа при Александре I, затем долгие годы был президентом медицинской академии… имение Куровское перешло в его владение по покупке. При введении крестьянской реформы отец Александр Алексеевич и дядя Андрей Александрович… вступили в ряды первых деятелей как мировые посредники первого призыва… Дядя Андрей Александрович был одним из членов комитета… в Калуге при непосредственном участии губернатора Арцимовича. В Куровском дядя Андрей Александрович увеличил наделы крестьян, прибавив им от себя. Отец работал как мировой посредник в Самарской губернии. Они оба всегда защищали интересы крестьян… Андрей Александрович устроил в Куровском первую народную школу… и года два сам учил в ней ребят. Позднее, служа в Петрограде, всегда следил с живым интересом за жизнью деревни. Теперешнее министерское училище в Куровском устроенное им и земля вокруг

него подарена им училищу. Крестьяне забыли все это… они удержу не знали, громили все, что под руку попадалось, безжалостно уничтожая, ломая все то, что им не поддавалось. Это была какая-то дикая орда, сметавшая все на своем пути… Желательно… и безотлагательно, надо вернуть покой и порядок в сознание деревни и экономике, и всем мирным гражданам, которых грозят ограбить, если зло не будет пресечено в начале» (9. Л. 18, 19).

Е. А. Гончарову с внуками выгнали из их дома в Покровском. Они перебрались в Перемышль. Чтобы содержать внуков, Елизавета Александровна преподавала иностранные языки в женском училище, давала уроки музыки. По предложению двоюродного брата А. А. Рихтера, преподавателя Пермского университета, в 1919 г. они перебрались в Пермь, где стала преподавать иностранные языки на рабфаке университета. «Только с моими учениками я забываю о своих невзгодах и одиночестве. Прежде были с братом Рихтером самыми близкими родными, к которому я и без особой думушки бросила Перемышль и поехала к нему. Теперь, что-то в наших отношениях разладилось», — писала Е. А. Гончарова (9. Л. 8 об.). «О себе еще ничего не знаю, письма из Франции приходят очень редко — идут 2 месяца и о переписке не может быть речи. Чтобы я смогла уехать, надо, чтобы они, оттуда затребовали меня. Я им об этом писала много раз… Паспорт у меня в руках, а я все жду разрешения на выезд во Францию» (9. Л. 8).

В декабре 1921 г. Е. А. Гончарова перебралась к дочери в Нанси, но через несколько месяцев на их семью обрушилось большое горе: в возрасте сорока двух лет от тяжелого воспаления легких скончался Поль Симон. Елизавете Симон нужно было поднимать четверых сыновей. Елизавете Александровне старается помочь дочери — по вечерам играет во время сеансов в кинотеатрах. Возвращаясь с работы после киносеанса из пригорода Нанси, она переходила железнодорожные пути и была сбита поездом. 20 апреля 1924 г. она скончалась в больнице Нанси и была похоронена на местном кладбище.

Живя во Франции, Елизавета Александровна очень тосковала по России. Вот одно из ее писем: «Скоро третья зима, что я провожу среди своих, и, несмотря на это, меня тянет назад, на родину, в те места, что мне родные. Тут мне все и все чужие, чуждое. Жизнь другая, не наша простая…» (9. Л. 10, 10 об.). Написанную книгу она назвала «В России: Увиденное и пережитое одной русской. Весна 1917 — осень 1921».

Старший внук Елизаветы Александровны Саша Симон, журналист-международник, писатель, с 1956 г. проработал около восьми лет в Москве специальным корреспондентом газеты «Фигаро». Одну из своих книг «"Душка" моего детства» он посвятил Елизавете Александровне. Эта книга стала лучшим памятником незаурядной женщине с необычной судьбой.

Пригласивший Е. А. Гончарову в Пермь двоюродный брат — это Андрей Александрович Рихтер (3 августа 1871 г., с. Куровское Перемышльского уезда Калужской губернии — 2 апреля 1947 г., Москва), физиолог растений, надворный советник (1912), академик АН СССР (1932) и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (1935), автор многочисленных трудов по физиологии культурных (в первую очередь злаковых) растений в условиях засушливого Поволжья и Заволжья, устойчивости растений к неблагоприятным условиям среды (засуха, низкие температуры, засоление почвы), спиртовому брожению, фотосинтезу (усовершенствовал методику его исследования), иммунитету и др. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. Продолжил семейную традицию служения науке его сын Андрей Андреевич Рихтер (26 марта 1911 г., Петербург — 22 июня 1950 г., Ленинград), доктор наук, профессор, автор более тридцати научных работ.

К сожалению, связь семьи Гончаровых — Рихтеров с Калужским краем не получила должного освещения в краеведческой литературе. В «Калужской энциклопедии» упомянут только Андрей Александрович Рихтер (12. С. 359), хотя приведенные архивные документы и материалы наглядно показывают, что представители не одного поколения Гончаровых — Рихтеров верно и преданно служили России, внесли значительный вклад в отечественную и мировую науку и культуру и оставили заметный след и в истории Калужского края. В течение многих лет изучением родословной семьи Рихтеров занимаются краеведы В. И. Якушев и Л. И. Филинова, благодаря которым в августе 2010 г.

с. Куровское посетил с дочерью Татьяной Яков Андреевич Рихтер, доктор наук, профессор Саратовского государственного университета. У стен разрушенного храма на месте погребения предков они приняли участие в установке памятного креста (см.: 13). Но, на наш взгляд, необходимо совместными усилиями решить вопрос о приведении в должный порядок всего родового имения, восстановить храм Знамения Пресвятой Богородицы, у стен которого покоятся члены семьи Рихтеров. Все это необходимо для сохранения памяти, а изучение прошлого через конкретные человеческие судьбы будет способствовать лучшему пониманию прошлого России, без которого невозможно понять ее настоящее и с верой смотреть в будущее.

Источники и литература

1. *Ассонов А. В.* В те далекие годы // Циолковский в воспоминаниях современников. — Тула, 1983. — С.10—23.
2. *Циолковская Л. К.* Мои воспоминания. — Ч. 2, 3 // АРАН. Ф. 555. Оп. 2. № 91-а. Л. 1—84.
3. *Циолковский К. Э.* Грезы о Земле и Небе и эффекты всемирного тяготения. — М., 1895 // ИИЕТ. Библиотека. А Ю-9/Ц-66.
4. Метрическая книга г. Перемышль и Перемышльского уезда за 1898 г. // ГАКО. Ф.-33. Оп. 4. Ед. хр. 520. Т. 1. Л. 1—693.
5. Памятная книжка Калужской губернии на 1914 год.
6. *Гончарова Е. А.* Воспоминания об И. А. Гончарове // Гончаров в воспоминаниях современников. — Л., 1969. — С. 178—185.
7. Метрическая книга Перемышльского уезда // ГАКО. Ф.33. Оп. 4. Ед. хр. 485. Л. 1—717.
8. Дневники Е. А. Гончаровой. 1894—1920 гг. // ГАРО. Ф. Р-5555. Оп. 1. № 1—6.
9. Письма Е. А. Гончаровой — А. Г. Шульгиной // ГАРО. Ф. Р-5555. Оп. 1. № 17. Л. 1—19.
10. *Линец И.* Сведения о Либович В. Н. и Гончаровой Е. А. // ГАРО. Ф. Р-5555. Оп. 1. № 18. Л. 1—2 об.
11. *Гончарова Е. А.* Краткая биографическая справка // ГАРО. Ф. Р-5555. Оп. 1. № 15. Л. 1—4.
12. Калужская энциклопедия. — Калуга, 2005.
13. *Цветков В.* Крестовоздвижение накануне Успения // Наш город» (г. Козельск). 2010, 16 сент.

ИЗ ИСТОРИИ СЕРПУХОВСКОГО МУЗЕЯ: 1922—1926 гг., ЗАВЕДУЮЩИЙ Н. Д. РОССЕТ

А. Д. Пилипенко, Серпуховский историко-художественный музей

Серпуховский историко-художественный музей, одно из интереснейших художественных собраний центральной России, ведет свою историю со второй половины 1918 г.: когда в г. Серпухове в составе уездного отдела народного образования (ОНО) была создана Музейно-экскурсионная секция[1]. С начала лета 1919 г. Секция обследовала усадьбы серпуховской округи, комплектуя собрание местного музея — причем в июле, в имении Данки ей была принята на хранение богатая коллекция художественных предметов: приобретенная прежними хозяевами усадьбы купцами Мараевыми в 1896 г. в Москве у камер-юнкера Юрия Всеволодовича Мерлина (1843—1907). Для размещения будущего музея выбран был дом-особняк тех же Мараевых — построенный на серпуховской окраине Заборье в 1895—1896 гг. архитектором Р. И. Клейном. Становление Серпуховского музея затормозила Гражданская война, в годы которой мараевский дом был занят штабами РККА. Только в конце 1920 г. Музей старины и искусства в Серпухове принял первых посетителей[2].

В то время он занимал семь комнат на втором этаже особняка в Заборье: деля это здание с детским садом и библиотекой. Тогда музей не имел электрического освещения; в доме не работал водопровод; не было и достаточного запаса дров, а в условиях наступающей эпохи нэпа маячила перспектива закрытия музея «за отсутствием средств»[3]. Первый заведующий Серпуховским музеем Александр Алексеевич Воронков: бывший са-

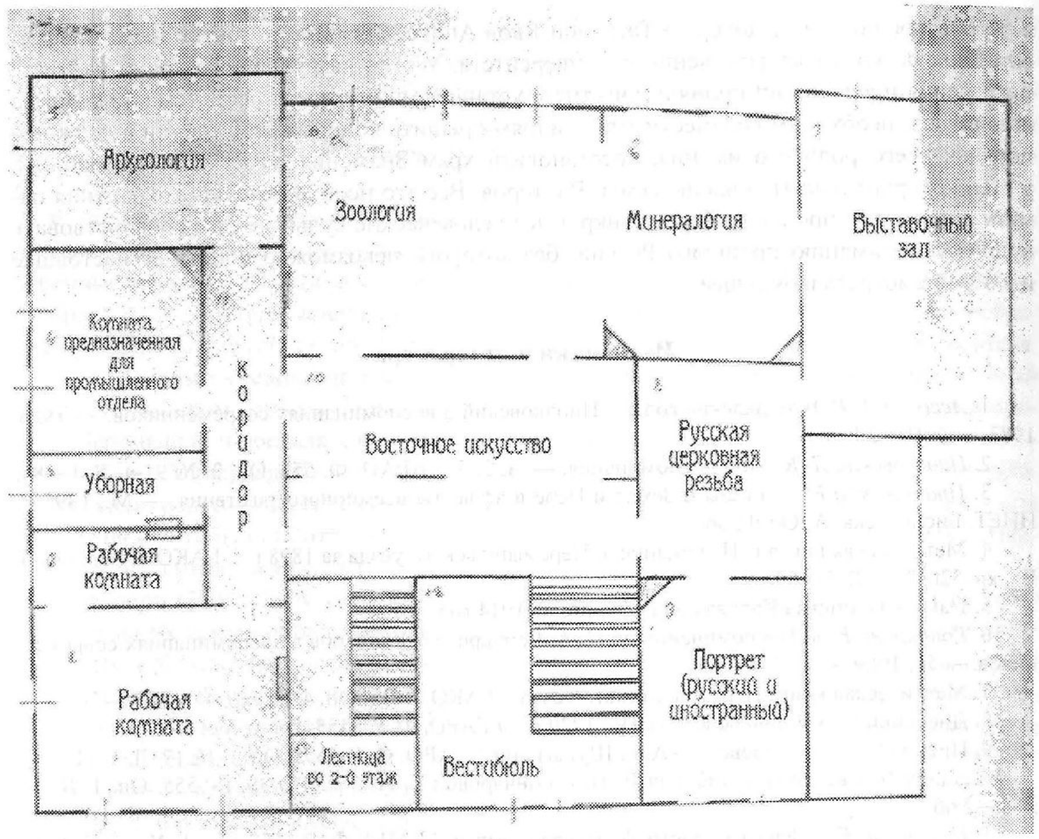


Рис. 1. План Серпуховского музея. Март 1927 г. ЦГАМО. Ф. 972. Оп. 4. Д. 1058. Л. 67—69. Первый этаж.

пожник, показал себя подлинным энтузиастом художественного просвещения народа: он всемерно отстаивал сохранение в городе музея; в 1922 г. ближайшими его планами были, с одной стороны, галерея портретов революционеров всех времен, но также и «кабинет искусств»: общедоступная библиотека по искусству и гравюрный кабинет — с другой[4].

Во второй половине октября 1922 г. Серпуховский Художественно-Исторический музей[5] принял новый заведующий — Николай Дмитриевич Россет[6]. Прибыл он издалека, — еще вплоть до 15 ноября 1922 г. числясь сотрудником Вологодского ОНО[7], — но, без сомнения, оказался в Серпухове «на своем месте». Компетентный и деятельный руководитель, в пору передела художественных ценностей и широкого музейного строительства, Н. Д. Россет сумел завершить формирование серпуховской художественной галереи, — дополнив ее замечательным разделом русского искусства второй половины XIX — начала XX в.

Наши сведения относительно биографии Н. Д. Россета пока еще скудны и даже разноречивы, — несомненно, однако, следующее. Он родился в 1883 г. в высококультурной учительской семье; окончил гимназию и Санкт-Петербургский университет[8]. В 1910—1913 гг. получил некоторое художественное образование — в частной школе живописи и рисования К. Ф. Юона и И. О. Дудина в Москве и в частной же Академии рисования в Мюнхене[9]. Был участником Первой мировой и Гражданской войн (в последней воевал на стороне красных на Северном фронте); имел инвалидность по ранению[10]. В 1917—1922 гг. преподавал рисование в школах городов Таруса Калужской губернии, Грязовец Вологодской губернии и Вологды[11]; в Вологде также сотрудничал в Отделе охраны памятников искусства и старины местного ОНО — «организовывал музей, описывал и получал памятники и предметы искусства и старины»[12]. Перевод Россета в Серпухов выглядит событием в большой мере спонтанным, — как уже говорилось, по приемке им музея, Н. Д. Россет еще около месяца оставался в штате школы второй ступени № 6 г. Вологды.

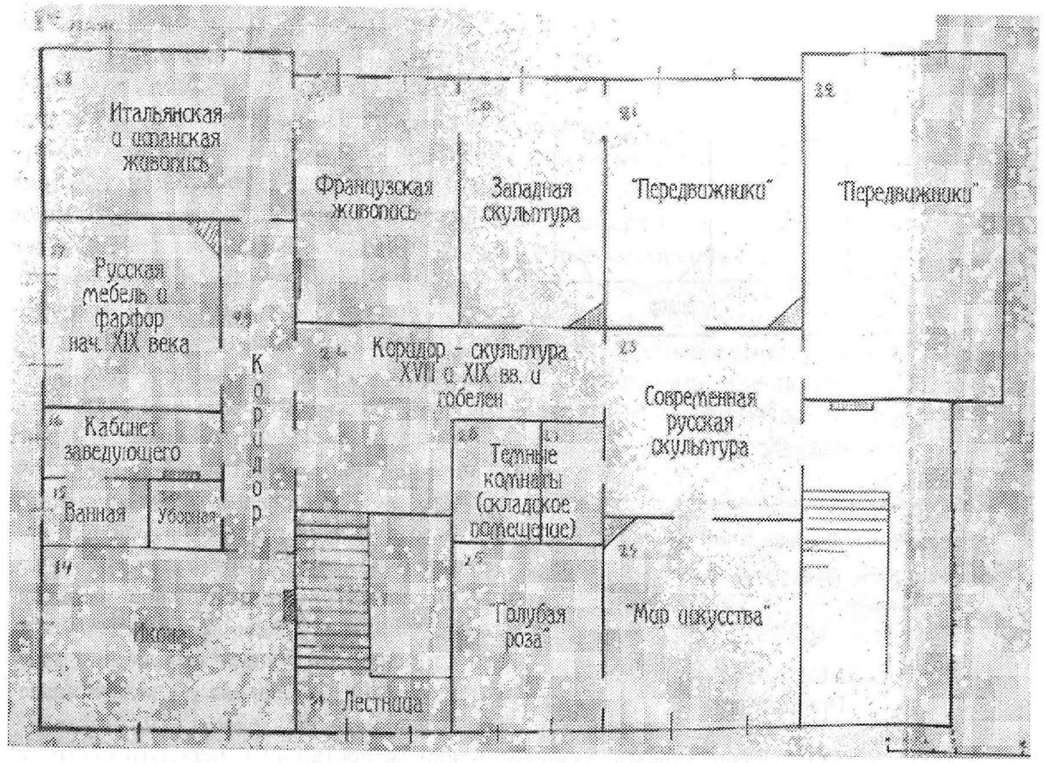


Рис. 2. План Серпуховского музея. Второй этаж.

Положение Серпуховского музея, в котором застал его новый заведующий, нельзя признать удовлетворительным. «Музей был открыт один раз в неделю, совершенно не развернут и почти никому не известен»[13]; картины западноевропейских мастеров XVI—XVIII вв. из коллекции Ю. В. Мерлина — ядро его художественного собрания, — не атрибутированные и не оцененные, большей частью беспорядочно стояли вдоль стен или прозябали в «запасной комнате», где, как и в экспозиции, не соблюдалось должной чистоты. Словом, по строгой оценке Россета, принятое им учреждение было пока еще не музеем, а «складом художественного имущества»[14].

20 ноября 1922 г. отмечено в отчетах как начало «правильной музейной работы»[15]. Первым делом Н. Д. Россет занялся определением и систематизацией старинных картин, построив экспозицию музея заново — на основе принципа национальных «школ», — впрочем, не без компромиссов: «кабинет портретной живописи», совмещавший в своей развеске различные «школы», был сохранен от прежней экспозиции. При атрибуции памятников Россет активно консультировался с прежними владельцами коллекции, бывшими купцами Мараевыми[16]. О новой развеске в Серпуховском музее мы знаем из докладной записки заведующего от 7—8 января 1923 г., — но, надо полагать, реэкспозиция была проведена уже к 1 декабря 1922 г., когда музей начал принимать посетителей три дня в неделю[17].

Одновременно Н. Д. Россет поставил перед Музейным подотделом Московского ОНО (Мосгубмузеем) вопрос о дополнении преимущественно западноевропейской коллекции Ю.В. Мерлина равноценным разделом отечественного искусства. Зачатки его в Серпухове уже были: в составе мерлинского собрания музей получил портреты кисти Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, А. О. Орловского; рисунки Г. И. Угрюмова и А. К. Саврасова[18]. Летом 1923 г. музейная коллекция значительно пополнилась за счет расформированного I Пролетарского музея г. Москвы. Оттуда к 13 июля в Серпухов было передано 55 картин русской школы (работы А. К. Саврасова, И. И. Шишкина, И. И. Левитана, В. М. Васнецова, В. Д. Поленова, К. Ф. Юона, К. А. Коровина и др.), а также 147 предметов фарфора и фаянса и 71 изделие восточного декоративного искусства[19].

81 Зак. 1053

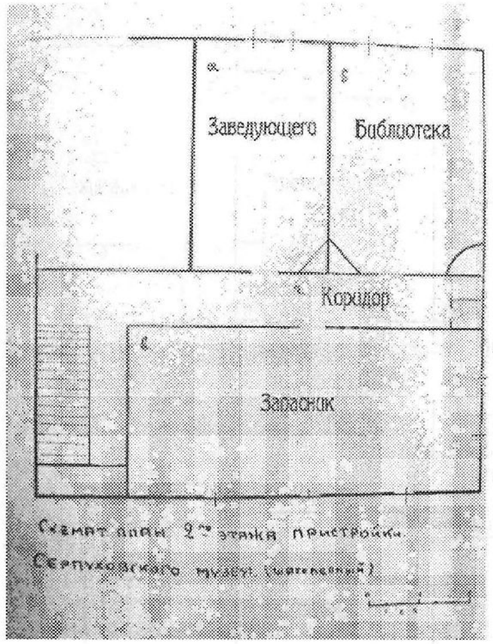


Рис. 3. План Серпуховского музея. Пристройка.

К началу следующего года положение Серпуховского музея с очевидностью упрочилось. Председатель местного исполкома Михаил Петрович Жмыхов 18 января 1924 г. писал в Московский ОНО, что Серпухову как городу ситценабивных фабрик в интересах постоянной подготовки кадров для выпуска декоративных тканей нужен полноценный художественный музей, которому «необходимо дать хорошо подобранную коллекцию картин русской школы начиная со второй половины XIX века, а также вещи исторического характера и прикладного искусства, как то: ковры, ткани, платки, материи, мебель, фарфор, и т. п. Все эти предметы, помещенные в музее, не только разовьют глаз и ум зрителя-рабочего, но и помогут ему лучше, прочнее и красивее строить свое производство, жилище и жизнь». 23 января 1924 г. это отношение получает резолюцию заведующего МОНО Рафаила: «Оказать всяческое содействие»[20].

26 февраля 1924 г. Серпуховский уездный исполком постановил: передать местному музею ценные иконы из бывшей моленной купцов Мараевых; богатую художественную коллекцию из имения графов Орловых-Давыдовых Семеновское-Отрада и устроить дом-музей А. П. Чехова в Мелихове[21]. Сразу удалось реализовать лишь первое из этих решений — летом 1924 г.[22] Постановление об Отраде шло вразрез с планами Наркомпроса, который в августе 1925 г. вывез большинство ценностей из усадьбы, предложив Серпухову компенсацию из Государственного музейного фонда[23]; чеховский мемориал в Мелихове будет открыт, силами Серпуховского музея, только в начале 1941 г.

Однако приток художественных памятников в Серпухов продолжался. В июне 1924 г. Мосгубмузеем были переданы 18 памятников дальневосточной и 12 — отечественной скульптуры, 21 предмет старинной мебели, одна икона и 13 картин русской школы второй половины XIX в. (кисти В. Е. Маковского, Л. Ф. Лагорио и др.)[24]; 22 февраля 1926 г. — 22 памятника русской скульптуры, в том числе уникальная коллекция работ С. Т. Коненкова[25].

Зримым результатом всех этих приобретений стала экспозиция Серпуховского музея, зафиксированная на плане марта 1927 г. Первый этаж мараевского особняка был занят в основном краеведческими коллекциями, но также экспозицией восточных памятников в вестибюле; залами портрета, русской церковной резьбы и залом выставок. Комнаты второго этажа музея представляли собрания иконописи; мебели и фарфора начала XIX в.; итальянской, испанской и французской живописи; западной скульптуры и русской живописи: от передвижников до «Мира искусства» и «Голубой розы». Коридор наверху занят был гобеленами и скульптурой, причем северная его половина — русской пластикой рубежа XIX—XX вв. В пристройке находились жилая комната заведующего, запасник и библиотека[26]. Эта экспозиция, хотя и вызвала справедливые упреки в непоследовательности и эклектизме[27], довольно грамотно использовала не слишком обширные площади музея и знакомила посетителя с его богатой коллекцией, — правда, почему-то, никак не отражая раздел нидерландской и немецкой живописи: составлявшей весомую часть собрания Ю. В. Мерлина.

В материальном отношении Серпуховский музей был подчинен уездному руководству, со стороны которого Н. Д. Россет быстро снискал внимание и участие. Назначение его заведующим совпало по времени с переизбранием местного исполкома, новый председатель которого М. П. Жмыхов сразу выделил средства на отопление и ремонт музейного здания; к 28 января 1923 г.[28] музей получил в распоряжение первый этаж дома Мараевых. Там предполагалось разместить библиотеку и собрание гравюр (о чем в свое время мечтал А. А. Воронков), но прежде всего — экспозицию Музея Местного края.

Последний в Серпухове только еще создавался; заведовал им по совместительству также Н. Д. Россет. К этим своим обязанностям он явно относился без энтузиазма, считая краеведческий музей лишь «временным гостем» под кровом Художественно-исторического[29], но впрочем, вполне добросовестно. 28 января 1923 года Россетом был подготовлен план работы Музея Местного края, всецело одобренный руководством. План этот был только принципиальной схемою, которую предстояло наполнить реальным содержанием по мере «накапливания» пока еще собираемой коллекции[30]. К лету 1925 г. краеведческая работа в Серпухове, видимо, в основном объеме уже перешла к помощнику Н. Д. Россета Виктору Николаевичу Хмелеву[31]. Зато теперь, в июне 1925 г., набравшийся опыта заведующий Серпуховским музеем участвует в разработке руководящих документов Мосгубмузея (по обследованию четырнадцати музеев губернии и по устройству в г. Серпухове показательного краеведческого музея)[32].

Но все же главным своим призванием Н. Д. Россет считал музей Художественно-исторический, — всемерно доказывая центру, что сюда, в Серпухов «надо кидать полными пригоршнями семена культуры и искусства, сюда надо ввозить их, а не вывозить»[33]. Посещался музей достаточно активно, — с декабря 1922 г. принимая публику по средам, пятницам и воскресеньям, а в «летнее» время (с апреля по октябрь) — также по вторникам и субботам[34]. Но с 1925 г. на время отпусков — с 15 июля по 15 августа — Серпуховский музей стали закрывать[35]. Вплоть до 1 мая 1927 г. посещение оставалось бесплатным[36]. В 1923 г. в музей приходило по 400—500 человек в месяц, причем март дал пиковую цифру — 891 посетитель[37], в 1926 г. — уже в среднем по тысяче человек[38].

В Серпухове Н. Д. Россет продолжал любительские занятия живописью, в которой, по собственному признанию, он был последователем импрессионистов, «Мира искусства» и, до некоторой степени — «Союза русских художников»[39]. Характерной стороной его музейной деятельности стали художественные выставки местных авторов, способные, по мнению Россета, в частности, обогатить музейные фонды. Экспонентами выступали талантливейшие серпуховичи — живописцы В. Д. Шитиков, А. А. Бузовкин, Д. С. Кузьмичев, Н. А. Мухатаев, фотохудожник Н. П. Андреев, скульптор А. Я. Певзнер. Сам Н. Д. Россет принял скромное участие в весенних выставках 1926 и 1927 гг.[40]

В октябре—ноябре 1926 г. заведующий Серпуховским музеем был направлен на курсы при Музейном отделе Главнауки Наркомпроса, где он получил квалификацию музейного работника-искусствоведа[41]. В период этой учебы Н. Д. Россет принял предложение Мосгубмузея возглавить музей-усадьбу в бывшем имении графов Апраксиных Ольгово Дмитровского уезда и с 27 декабря 1926 г. был переведен туда заведующим[42]. К сожалению, в Ольгове ему довелось проработать совсем недолго: 26 апреля 1927 г. усадьба перешла к дому отдыха[43], поначалу в графском дворце был оставлен «музейный уголок» и Н. Д. Россет состоял там хранителем, но с 6 октября все ценности вывозятся из Ольгова в музей г. Дмитрова[44]. В дальнейшем известия о Н. Д. Россете теряются, — очевидно лишь, что вплоть до 1936 г. он преподавал в школах, — не оставляя надежды вернуться к музейной работе[45].

Разумеется, Н. Д. Россет не был идеальным человеком и руководителем. Оборотной стороной его профессионализма явились непрактичность и самоустранение от житейских проблем. Так, после кражи в ночь на 31 марта 1923 г., — когда из музея пропали (и уже не были найдены) ценные картины «Кастор и Поллукс» круга Рафаэля; «Зимний пейзаж с конькобежцами», приписываемый Питеру Брейгелю Старшему, и «Военные в кабачке» фламандской школы XVII в.[46], — дополнительных охранных мер явно не последовало: уже преемник Россета В. Г. Памфилов в апреле 1927 г. добивался отселения из музея посторонних лиц, установки решеток и ставней на окнах первого этажа и найма постоянного сторожа с собакой[47]. Как хранитель Н. Д. Россет был безупречен: в июле 1925 г. инспектор Б. Клушанцев отметил в Серпуховском музее «идеальную чистоту» и указал, что здание его «не требует никаких ремонтных работ»[48]. Но как заведущий музеем Россет не умел подобрать себе достойного замещения — и в марте 1927 г., через

полгода после отъезда Н. Д. Россета из Серпухова, тот же Клушанцев застанет в музее антисанитарные условия, фактически уже повлекшие порчу экспонатов[49] .

Явным недостатком его была некоммуникабельность. Живописец Александр Андреевич Бузовкин, — не только бывший в числе создателей Серпуховского музея, но и воспитавший в городе несколько поколений художников, — вспоминал, как Н. Д. Россет с горечью признался ему в неспособности общаться с «хамами». Гордый и беспомощный, Россет был по характеру не учителем, не творцом — лишь одиноким сеятелем культурной нивы. Но добрые семена, брошенные им, прижились и плодоносят. Биография Н. Д. Россета заслуживает дальнейшего изучения, а его имя — нашей благодарной памяти.

Примечания

[1] См.: ЦГАМО. Ф. 4507. Оп. 1. Д. 104. Л. 99.

[2] Датировка возникновения музея в Серпухове дискуссионна по сей день. Официальная дата его открытия — 25 декабря 1920 г. Но докладная записка заведующего музеем А. А. Воронкова от 1922 г. говорит, что музей был открыт 1 октября 1920 г. (см. там же. Д. 285, Л. 10); анкета же, заполненная в 1921 г., сообщает о его основании также 1 октября, но 1919 г. (см .там же. Д. 323. Л. 1), а если признать основой Серпуховского музея музейно-экскурсионную секцию уездного ОНО, то его историю следует отсчитывать с середины 1918 г.(см. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 121).

[3] Там же. Ф. 4507. Оп. 1. Д. 323; Д. 285. Л. 2, 5, 6, 8, 10.

[4] См. там же. Л. 1, 12—14, 16, 17.

[5] См. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 150..

[6] Иногда приводится двойная фамилия — Россет-Петропавловский (см.: ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 247. Л. 28, 38), но господствующей формой остается все же Россет. По признанию самого Николая Дмитриевича, известной в истории русской литературы А. О. Россет (Смирновой) он доводился «только однофамильцем» (РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 256. Л. 2).

[7] См.: ГАВО. Ф. 111. Оп. 2. Д. 347. Л. 28 об.

[8] См.: ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. Д. 84-б. Л. 7; ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 247. Л. 38 об., 39; РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

[9] См.: ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 247. Л. 28, 38 об., 39.

[10] См. там же. Л. 14, Л. 38 об., 39; ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. Д. 84-б. Л. 7 об., 8 об.

[11] См.: ГАВО. Ф. 4799. Оп. 1. Д. 247. Л. 14, 28, 38 об., 39.

[12] ЦГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. Д. 84-б. Л 7 об.

[13] Там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 122 об.

[14] Там же. Л. 150—151.

[15] Там же. Л. 122 об.

[16] См. там же. Л. 151—153.

[17] См. там же. Л. 122, 122 об.

[18] См. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 151 об. — 153.

[19] См. там же. Ф. 966. Оп. 3. Д. 83. Л. 34—37 об.

[20] Там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 123—125.

[21] См. там же. Л. 126.

[22] См. там же. Д. 79. Л. 128, 154.

[23] См. там же. Д. 18. Л. 138.

[24] См. там же. Л. 127—128 об.; Д. 79. Л. 34, 34 об.

[25] См. там же. Оп. 4. Д. 1058. Л. 2, 2 об.

[26] См. там же. Л. 67—69.

[27] См. там же. Л. 77—78 об.

[28] См. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 155 об.

[29] См. там же. Л. 116 об, 150 об., 155.

[30] См. там же. Л. 155—157 об.

[31] См. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 129, 131.

[32] См. там же. Л. 133—137.

[33] Там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 117.

[34] См. там же. Л. 121—122 об., 167.

[35] См. там же. Л. 129.

[36] См. там же. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1058. Л. 61 об., 78 об.

[37] См. там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 122, 122 об.

[38] См. там же. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1058. Л. 78 об.

[39] См.: РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

[40] См.: ЦГАМО. Ф. 972. Оп. 4. Д. 1058. Л. 7—23, 60, 61; Оп. 5. Д. 18. Л. 139—140 об.

[41] См.: ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 594, 595, 600.

[42] См.: ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1039. Л. 155—156 об., 137—138 об.

[43] См. там же. Л. 24—24об.

[44] См. там же Л. 17—20.

[45] См. там же. Ф. 4341. Оп. 4. Д. 84-б. Л. 6—7об.; Ф. 5342. Оп. 1. Д. 54. Л. 12 об.—13; РГАЛИ. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 256

[46] См.: ЦГАМО. Ф.972. Оп. 5. Д. 18. Л. 150—153.

[47] См. там же. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1058. Л. 57—59.

[48] Там же. Ф. 972. Оп. 5. Д. 18. Л. 130.

[49] См. там же. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1058. Л. 30, 57—59.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОГО МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ (МУЗЕЯ ИСТПАРТА) В 1922—1927 гг.

***А. А. Симонов**, н. с.,*
Калужский областной краеведческий музей,

После победы в Октябрьской революции и Гражданской войне руководство Коммунистической партии и Советского правительства нуждалось в новой исторической науке, способной обосновать закономерность прихода большевиков к власти, утвердить в сознании советского народа официальную концепцию социалистической революции, а главное — сформировать определенное общественное мнение. Перед новой властью встала задача идеологического воспитания населения в социалистическом духе, что невозможно было без пропаганды марксизма в массах. С этой целью создавались новые учреждения. Постановлением СНК РСФСР 21 сентября 1920 г. была создана Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) (Истпарт). 1 декабря 1921 г. Истпарт перешел из Наркомпроса в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела. Практически сразу же с появлением центральной комиссии Истпарта создавались его отделения на местах, что делало его работу всеобъемлющей. В середине 1922 г. функционировало 72 отделения — 14 областных и 58 губернских[1]. Калужское бюро Истпарта было организовано весной 1921 г. Согласно директиве ЦК РКП(б) от 31 января 1922 г.[2], оно стало одним из отделов Губкома. По «Положению об Истпартотделе Губернского Комитета РКП» от 10 августа 1923 г. местные отделения Истпарта ЦК РКП(б) должны были организовывать выставки и музеи Революции3, что являлось одним из ведущих направлений агитационно-пропагандистской деятельности губернских истпартов.

Целью данной работы является анализ некоторых вопросов истории создания и деятельности музея Революции при Калужском истпарте в период его функционирования — 1922—1927 гг. Источниковой базой исследования являются документы, хранящиеся в фонде Истпартотдела при Калужском Губкоме РКП(б) из Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО) и фонде Истпарта ЦК ВКП(б) из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Научно-исследовательская и издательская деятельность Калужского истпарта сопровождалась активной просветительской и идеологической работой, особенностью которой было формирование постоянных выставок и экспозиций. В 1922 г. при истпарте был организован Музей Революции, работа которого для партийного руководства губернии имела важное агитационное и пропагандистское значение. Из отчета о работе истпартотдела можно узнать, что в экспозиции его музея было представлено более 500 экспонатов, которые были размещены по двум отделам: 1-й — истории РКП(б) и революции (около 400 экспонатов) и 2-й — истории местной партийной организации[4]. Средняя посещае-

мость музея в дни открытия (он работал по воскресеньям) была 60 человек. С его выставкой ознакомились все курсанты Губсовпартшколы (истпарт должен был установить тесные связи с Губсовпартшколой с целью подготовки лекторов по истории РКП(б) и секретарей местных партийных ячеек), члены Калужской организации РКП(б), большое количество школьников, комсомольцев, учителей.

Основная задача историко-революционного музея заключалась в том, чтобы подвести посетителей к выводу о закономерности социалистической революции, продемонстрировать достижения нового строя. Музейно-выставочная работа истпартотдела способствовала внедрению в сознание трудящихся марксистко-ленинского мировоззрения. Большое внимание при построении экспозиции уделялось сочетанию общесоюзного и местного материала, что отчетливо проявляется в самой структуре музея Революции.

В отчете Калужского истпарта за февраль—март 1923 г. отмечено: «Все курсанты существующей в Калуге Губсовпартшколы в количестве 200 чел. группами по 25—30 чел. осматривали Музей Партии, где одним из членов Бюро Истпарта давались подробные объяснения, и они знакомились с находящимися в Музее материалами подпольной работы Партии, а также с материалами Октябрьской Революции. Надо отметить, что осмотр Музея вызвал большой интерес у курсантов»[5].

О характере и составе экспонатов, хранившихся в Музее Революции, мы можем узнать из отчета губистпарта за август 1923 г. — февраль 1924 г.: «В музее собрана масса газет 1905 года — Новая жизнь, Начало, Борьба, Правда за 1912 год, несколько номеров газеты Искра, Пролетарий и масса журналов по профдвижению и друг., имеется масса листовок 1903-5 г.г., большое количество брошюр, изданных в 1904-5-6 г.г., Донская речь, Колокол, Молот, имеются материалы, относящиеся к организации Калужской организации, фотографии подпольщиков, снятые в тюрьме, фотографии работников Калужской организации, погибших во время гражданской войны — всего фотографий имеется до 400 экземпляров»[6]. Таким образом, подавляющее большинство музейных предметов представляло собой печатную продукцию и фотографии членов калужской организации РСДРП—РКП(б). В начальный период деятельности губистпарта музейно-выставочная работа была органически связана с решением одной из важнейших задач — собиранием документов по истории революционного движения, выявлением их в архивах и у частных лиц. Собранные истпартом материалы и были представлены в Музее Революции.

В 1925 г. музей истпарта был частично реорганизован. По всей видимости, это связано с тем, что в этот же период — 1924—1925 гг. — последовало преобразование всего музейного управления в губернии: произошло объединение трех отдельных музеев города Калуги (Губернского исторического музея, существовавшего с 1897 г., Городского музея «На благое просвещение» им. А. А. Рыжичкина, основанного в 1914 г. и художественного, созданного в 1918 г. — *А. С.*) в один «Калужский Областной Государственный Музей» в составе трех отделов — естественноисторического, исторического и художественного, — разместившихся в трех отдельных зданиях[7]. В Музее Революции была оборудована комната, где разместились экспонаты за 1918—1923 гг. В это время музей уже имеет 645 экспонатов, размещенных по двум отделам. 20 декабря 1925 г. открылась выставка, приуроченная к двадцатилетнему юбилею Первой русской революции, которую в общей сложности посетило 955 человек. Всего же в 1925 г. музей посетило 4 278 человек при средней посещаемости в день открытия музея (был открыт три дня в неделю) — 40—45 человек[8].

Вместе с тем в отчетах Калужского губистпарта постоянно отмечались трудности, мешавшие нормальной работе его музея, — недостаточная площадь помещений, которые он занимал, отсутствие средств на изготовление витрин, столов, стендов для размещения экспонатов, постоянная нехватка времени и сил у заведующего истпарта для проведения музейной работы. С. В. Херсонским (заведующий истпартотдела с 15 октября 1924 г.) был предложено следующее решение данных проблем: «Музей надо включать в Государственный Объединенный музей на правах самостоятельного отделения, назначить специального заведующего из членов РКП и сохранить влияние на этот Музей Истпартотдела»[9]. Однако Губком это предложение не поддержал.

26 декабря 1926 г. заведующий Калужским истпартом Цукерберг пишет в Губком докладную записку, в которой, отмечая катастрофическую нехватку средств, предлагает следующее: «В дальнейшем такое положение продолжаться не может и нести ответственность за работу Истпарта и М. Р. совершенно не мыслимо, ибо выход остается один — это ликвидировать Истпарт и М. Р., так как прав гражданства за ним не признается…»[10] В следующем году истпарт Губкома ВКП(б) был ликвидирован, а экспонаты его музея были переданы в отдел по истории Революции Калужского областного государственного музея, имевший, однако, «особые каталоги». Предметы, хранившиеся в этом отделе, не включались в общий музейный фонд[11].

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что Калужский истпарт и его Музей Революции в 1920-х гг. заняли важное место в системе научных и идеологических учреждений губернии и сыграли существенную роль в плане сохранения исторического наследия Калуги. Музей истпарта и его выставки стали новой формой пропагандистской работы, эффективность которой была обусловлена сочетанием эмоционального и рационального восприятия посетителями экспозиции и выставок.

Примечания

[1] См.: *Алексеева Г. Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. — 1982. — № 9. — С. 19.

[2] См.: *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1928 гг.) // Вопросы истории КПСС. — 1958. — № 5. — С. 158.

[3] См.: ГАДНИКО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

[4] См. там же. Д. 8. Л. 4.

[5] Там же. Д. 6а. Л. 2.

[6] Там же. Д. 7. Л. 1.

[7] См.: Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Государственного Музея. — Калуга, 1929. — С. 3.

[8] См.: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 154. Л. 6 об.

[9] См.: ГАДНИКО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

[10] Там же. Д. 23. Л. 47.

[11] См.: Краткий путеводитель по историческому отделу Калужского Государственного Музея. — С. 4.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО А. АМФИТЕАТРОВА В ЭМИГРАЦИИ

***А. П. Черников**, д. филол. н., проф.,*
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

Хотя земля Калужская богата своими литературными связями, писателей, которые родились здесь, не так уж и много. Тем важнее исследовать истоки творчества и сам характер художественных исканий наших писателей-земляков. К их числу принадлежит и Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938), без произведений которого трудно себе представить полную и объективную картину развития литературы Серебряного века и русского Зарубежья.

А. В. Амфитеатров имеет глубокие калужские корни. Он сын Елизаветы Ивановны Чупровой, родившейся в Мосальске в семье священника и Валентина Николаевича Амфитеатрова, широко известного в свое время проповедника и автора богословских трудов «Великий пост», «Воскресное Евангелие», «Очерки по библейской истории Ветхого Завета» и других, о которых с большим уважением отзывался сам Иоанн Кронштадский.

Необходимо отметить, что род Амфитеатровых дал России немало выдающихся служителей православной церкви — Филарета, митрополита Киевского, бывшего перед этим калужским архиереем; Антония, архиепископа Казанского; Я. Амфитеатрова, профессора

Киевской духовной академии и других. Среди этой блистательной плеяды иереев и иерархов церкви о. Валентин занимает далеко не последнее место. Выходец из семьи потомственных орловских священнослужителей, он продолжил традиции своих предков, посвятив себя духовному поприщу. Окончив, несмотря на серьезные материальные трудности Киевскую семинарию, а затем Московскую духовную академию, В. Амфитеатров был в 1858 г. назначен инспектором и учителем Калужского духовного училища, а через год преподавателем истории и греческого языка Калужской духовной семинарии. Здесь он на долгие годы подружился, а затем и породнился со своим учеником Александром Чупровым, уроженцем Мосальска, ставшим впоследствии известным профессором политэкономии Московского университета. Одна из сестер Чупрова, Елизавета, стала в 1860 г. женой В. Амфитеатрова.

В сентябре этого же года В. Амфитеатров был рукоположен во диакона, а через год — во иерея. Служение о. Валентина началось в 1860 г. в Благовещенском храме Калуги. В Калуге 14 (26) декабря 1862 г. и родился его старший сын Александр, будущий писатель. В 1866 г. уже в сане протоирея о. Валентина переводят на службу в Свято-Троицкий собор г. Лихвина Калужской губернии, а через некоторое время назначают смотрителем духовного училища в г. Мещовске.

В 1847 г. о. Валентин покидает Калужскую губернию: его переводят на службу в Подмосковье, а затем — в Архангельский собор, один из древнейших соборов московского Кремля. Здесь в полной мере раскрылся талант выдающегося проповедника, причисленного в 2000 г. Русской православной церковью к лику местночтимых святых.

Много сил Валентин Николаевич отдавал воспитанию и образованию своих четверых детей. Сам он знал десять иностранных языков. По словам Александра Амфитеатрова, русскому языку его выучил отец, «хороший стилист и знаток изящной литературы»[1]. Облик отца благодарный сын запечатлит позднее в своем романе «Дочь Виктории Павловны».

Детство и отрочество будущего писателя прошли, таким образом, в Калуге, Лихвине и Мещовске, среди «вольных просторов русских» и добрых, чистых сердцем людей. После окончания в 1881 г. с отличием шестой московской гимназии А. Амфитеатров, прервав семейную традицию, поступает на юридический факультет Московского университета. Однако поприще юриста мало привлекало юношу. Уже в студенческие годы он начал сотрудничать в известном юмористическом журнале «Будильник», где в 1882 г. были опубликованы его первые рассказы.

С самого начала творческой деятельности А. Амфитеатров с успехом пробует себя в самых разных жанрах литературы. Он автор сатирических стихотворений и сказок, многочисленных сборников рассказов, романов «Отравленная совесть», «Жар-цвет», «Марья Лусьева», «Виктория Павловна», «Зверь и бездны», театрального романа «Княгиня Настя», обширной хроникальной серии «Концы и начала», многих литературных и театральных рецензий, очерков и публицистических статей[2].

Работоспособность Амфитеатрова была поистине фантастической. Он мог трудиться по 18—20 часов в сутки и за какой-нибудь месяц с небольшим создать объемистый роман, пять-шесть фельетонов, с десяток стихотворений и театральных рецензий. Эта творческая энергия и многогранность вызывала изумление у многих современников и сделала имя Амфитеатрова весьма популярным среди широкой читательской аудитории. В 1911—1916 гг. петербургское издательство «Просвещение» предприняло попытку издания собрания сочинений писателя. Было опубликовано 34 тома (т. 1—30, 33—35, 37). Издание не было завершено в связи с революционными событиями.

Октябрьскую революцию Амфитеатров не принял. Его особенно возмущало пренебрежительное отношение новой власти к русской литературе и к интеллигенции. В своих антибольшевистских памфлетах и очерках он предупреждал, что при таком отношении к деятелям культуры страна скоро может остаться без интеллигенции, что приведет Россию к краху. Такая позиция не могла остаться незамеченной. Находясь безвыездно в Петрограде все четыре революционных года, Амфитеатров пережил два ареста, несколько обысков, запрет на выступление в печати. За ним была установлена негласная слежка.

Но и в это необычайно сложное для него время писатель не оставляет творческой деятельности. Он продолжает работать над начатым еще в конце XIX в. циклом рассказов о межсословных браках «Бабы и дамы», дополнив его рассказом «Притча царя Соломона», создает близкие к этой тематике рассказы «Рюи Блаз» и «Сибирский поспешон». Все они были опубликованы в 4-м, 5-м, 8-м и 14-м номерах популярного в России журнала «Нива» за 1918 г. В эти же годы Амфитеатров создает два произведения на библейские сюжеты — рассказы «Вечный странник» и «Святогрешный Микола». В первом из них писатель предлагает собственную интерпретацию известной новозаветной истории о еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания за то, что отказался помочь Иисусу в его крестном пути на Голгофу. В «Святогрешном Миколе» автор в живых, ярких картинах воссоздал образ Николая Угодника, одного из любимых и почитаемых нашим народом святых. Это были последние произведения, созданные А. Амфитеатровым на родине.

Летом 1921 г. петербургская ЧК организовала широкомасштабную операцию по обвинению большой группы интеллигенции в контрреволюционной деятельности. Это было так называемое «таганцевское дело», названное так по имени руководителя одной из антибольшевистских подпольных организаций «Союз Возрождения России» профессора В. Н. Таганцева. Среди арестованных и расстрелянных чекистами деятелей русской культуры оказался знаменитый поэт Николай Гумилев, с которым А. Амфитеатров был хорошо знаком. Жестокая расправа потрясла Амфитеатрова. Не без оснований опасаясь и за собственную жизнь, он принимает решение бежать из Советской России. Тайно переправившись с семьей ночью 23 августа 1921 г. на лодке через Финский залив, Амфитеатров оказывается в Хельсинки. После недолгого пребывания в Финляндии, а затем в Праге и Париже Амфитеатров до конца дней обосновывается в любимой им Италии, в г. Леванто, где продолжает творческую деятельность.

Первой опубликованной Амфитеатровым-эмигрантом книгой явился сборник очерков и публицистических статей «Горестные заметы: очерки красного Петрограда», опубликованный в 1922 году в берлинском русскоязычном издательстве «Грани». В небольшом предуведомлении автор сообщал: «В книгу включены статьи, написанные мною в Финляндии в первый месяц после моего бегства из советского Петрограда, и значит, с совсем еще свежими ранами измученной и оскорбленной души».

В книге два раздела — «Вымирающий Петроград», куда вошли статьи, навеянные впечатлениями последних месяцев жизни писателя на родине, и «Повесть о великой разрухе» — материалы публичных выступлений Амфитеатрова после его бегства из Советской России. В своих очерках и статьях автор делает попытку осмыслить природу большевизма, воспринятого им как самое страшное бедствие за всю русскую историю. Большевики, утверждает он, строят государство, «оказавшееся отнюдь не социалистическим, не рабочим, не крестьянским, но просто хищническим». Суммируя свои наблюдения над большевистским режимом, Амфитеатров говорит об осуществившемся проекте из «Современной идиллии» М. Салтыкова-Щедрина — по шпиону в каждом семействе: «Солдатчина, полиция, тюрьма, бюрократия — четыре зла буржуазного государства в коммуне возросли до апогея».

Особое внимание в сборнике уделено проблемам деградации культурной жизни Петрограда. «Смерть и эмиграция сжимают периферию интеллигенции со страшной быстротою, — пишет автор. — Смерть становится знаком времени».

Писатель не раз возвращается к трагической судьбе Н. Гумилева, утверждая, что тот погиб из-за своей верности монархии. Гумилев, пишет он, «был монархист — крепкий. Не крикливый, но нисколько не скрывающийся. В последней книжке своих стихов <...> он не усомнился напечатать маленькую поэму о том, как он путешествуя в Африке, посетил пророка-полубога Махди и —

Я ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

На этом, должно быть, и споткнулся он, уже будучи под арестом». Амфитеатров называет Н. Гумилева «Русским Андре Шенье», оказавшимся жертвой своего благородства».

В 1928 г. в Париже писатель издает сборник своих театральных воспоминаний «Знакомые музы». Еще в конце XIX в. А. Амфитеатров проявил себя как внимательный и чуткий ценитель русского театра. Особенность его театральных рецензий состоит в том, что они являются не столько отчетом о том или ином спектакле, сколько поводом для размышлений о волновавших русское общество культурных и общественных проблем. Поэтому, например, рецензия на спектакль «Вишневый сад» превратилась под его пером в блестящее эссе об исторических судьбах дворянской интеллигенции, а постановка «Юлий Цезарь» Шекспира стала поводом для раздумий о политической свободе в разные исторические эпохи. Как и другим жанрам амфитеатровской публицистики, его театральным рецензиям присущи гражданская страстность, блестящая эрудиция автора, тонкое остроумие и живость изложения.

Все эти качества присущи и книге «Знакомые музы». В ней представлены творческие портреты В. Комиссаржевской, А. Южина-Сумбатова, М. Писарева, А. Ленского, В. Далматова и других корифеев отечественной сцены. Особое место в книге уделено Малому театру, актерский состав которого являл собою в конце XIX столетия, по мнению автора, «всплеск гениальности».

В 1929 г. из-под пера Амфитеатрова выходит художественное произведение, названное им «Лиляша: роман одной женской жизни». В нем предложено исследование волновавшей писателя еще до революции темы генезиса и характера проституции. Творческую фантазию Амфитеатрова почти всегда питали жизненные факты. Стремление опереться на случаи из реальной жизни, на знания, проверенные опытом, — характерная черта Амфитеатрова-беллетриста. В ранней статье «Небо в луже» он назвал свое творчество «типичным обобщением наблюдений». Это весьма точная и объективная автохарактеристика, многократно подтвержденная писательской практикой А. Амфитеатрова, в том числе и романом «Лиляша». Роману предпослан краткий «пролог», в котором подчеркнуто, что повествование имеет документальную основу, а главная его героиня Елена Венедиктовна (Лиляша) — реальное лицо. Писатель рассказывает о том, как в 1846 г. на нижегородской ярмарке он познакомился с главою «русской капеллы» из девяти хористок, обожавших свою строгую хозяйку-заступницу.

Роман построен как устная и письменная исповедь Лиляши о своей прошлой жизни. Когда-то, юной девушкой, она была ученицей профессора А. И. Чупрова и мечтала о светлой, чистой жизни, но в итоге пала жертвой своих необузданных сексуальных страстей и неумения сдерживать «зовы пола». В результате такой жизни к тридцати пяти годам Елена Венедиктовна превратилась в слабовольную пьющую женщину, которой распоряжается «кот-сутенер». Но на ее счастье на арене жизни появляется искренний почитатель, вор Илья Черненький, в прошлом мастер японской борьбы и обладатель тяжелых кулаков, которые в этом мире оказываются действеннее, чем все иные аргументы. А затем из полузабытого ею прошлого возникает фигура оперного певца Яковлева, некогда хорошего знакомого Лиляши. Он то и помогает ей организовать «непродажный хор», который благодаря усилиям Елены Венедиктовны добивается известности и признания.

В 1931 г. из печати выходит пятый роман начатой А. Амфитеатровым еще в 1903 году многотомной хроники «Концы и начала: хроники 1880—1890 годов». Он называется «Вчерашние предки». Свою задачу автор хроники видел в том, чтобы создать эпическую картину русской жизни на грани столетий, соединив несколько переплетающихся семейных историй с изображением исторических событий воссоздаваемого времени. В этих произведениях проявилась сильная сторона творческого дарования Амфитеатрова — умение изображать обширную, многокрасочную картину русской жизни за два десятилетия. Со свойственным ему пристальным вниманием к деталям и подробностям писатель рисует характеры, ситуации, события, происходящие в частной и общественной жизни, изображая наряду с вымышленными персонажами реальных лиц — Михайловского, Чехова, Суворина, Врубеля, Стасова, Шаляпина, Плеханова и др.

Ареной событий во «Вчерашних предках» в основном являются Москва и Петербург. Действие начинается в 1898 г. в Москве, куда из провинции приезжает по делам купец Тихон Постелькин. Здесь происходит его встреча с Лидочкой Мутузовой, некогда бывшей ближайшей подругой его жены. В юности Лидочка мечтала о театре, но карьера

не удалась, и теперь она стала одной из тех «неудачниц, которым если не приторговывать своим телом, то можно умереть с голоду». Постелькин цинично пользуется ее положением, торжествуя, что в его полной власти очутилась та, что «когда-то казалась ему идеалом изящества, шика, блеска, остроумия».

Купцы Постелькин и Батистов, граф Оберталь, ставший крупным пайщиком строительной фирмы, княгиня Латвина и еще целая галерея опускающихся аристократов, декаденствующий художник Ратомский, революционеры Арсеньев и Бурст — таковы основные персонажи романа, действующие в атмосфере неотвратимо приближающейся революции.

Александр Амфитеатров явился автором первой в истории русской литературы книги, в которой предпринята попытка анализа основных тенденций литературы русского Зарубежья за десять лет ее существования. Эта книга, родившаяся из лекции, прочитанной автором в Миланском филологическом обществе, вышла в свет в 1929 г. в Париже под названием «Литература в изгнании» и сразу получила широкое признание. В ней представлены оказавшиеся в эмиграции крупнейшие мастера отечественного словесного искусства Серебряного века И. Бунин, И. Шмелев, К. Бальмонт, А. Куприн, М. Арцыбашев, А. Ремизов, Б. Зайцев, П. Краснов, М. Алданов, В. Набоков и некоторые другие. Главная особенность литературы русского Зарубежья состоит, по мнению Амфитеатрова, в том, что для нее характерен творческий подъем. Особенно в этой связи писатель выделяет творчество И. А. Бунина: «Никогда еще никто в русской литературе не доводил язык до такого богатства, силы и смелости», как автор «Иоанна Рыдальца», «Святителя» и т. п., никто не возносил его красоту до такой чарующей музыкальности, как автор «Цикад», «Иды», «Митиной любви», «Жизни Арсеньева».

Крупнейшей величиной литературы русского Зарубежья Амфитеатров считал Шмелева. Он одним из первых оценил общественное и литературное значение произведений Шмелева «Солнце мертвых» и «Пути Небесные». «Более страшной книги не написано на русском языке», — так отозвался он об эпопее «Солнце мертвых», повествующей о зверствах большевиков в Крыму. А труд автора духовного романа «Пути небесные» он уподобил труду иконописца и расценил его как своего рода подвиг: «Написать большой психологический роман, да еще полуисторический, из уже давней эпохи, в наши зарубежные дни — подвиг. Написать его так, чтобы он современного читателя, избалованного беллетристикою детективною и утопическою, интересовал, увлекал, волновал — два подвига. Написать его смелою проповедью, решительно идущею вразрез с господствующими материалистическими тенденциями века, — тройной подвиг. Шмелев эти три подвига совершил».

Много сил и времени Амфитеатров отдал в своем зарубежном изгнании переложению русских повестей XVII в. и славянских языческих верований. В 1929 г. им была издана книга «Одержимая Русь: демонические повести XVII века». Она представляет собою творческую обработку писателем трех известных повестей русской литературы XVII столетия — о Петре и Февронии, о Соломонии Бесноватой и о Савве Грудцыне. Здесь также Амфитеатровым исследованы образы бесов в русской литературе и фольклоре. Особый интерес у Амфитеатрова вызывает повесть о Соломонии, созданная в Великом Устюге. Он полагает, что это документальное, а не вымышленное повествование, записанное каким-то церковником со слов самой Соломонии, представляет собою талантливо изложенную «историю сексуального невроза несчастнейшей истерички». Историк А. Кизеветтер в своей рецензии на книгу Амфитеатрова отмечал, что она «наглядно демонстрирует, какой неисчерпаемый запас сведений хранят в себе произведения народного художественного творчества и народных мифологических поверий»[3].

В июле 1932 г. эмигрантская культурная общественность отметила пятидесятилетие творческой деятельности А. В. Амфитеатрова. Мнение многих собратьев по перу выразил И. С. Шмелев. В проникновенной статье «Русский писатель: полвека писательского труда А. В. Амфитеатрова», опубликованной в парижской газете «Россия и славянство» он писал об Амфитеатрове: «Он и романист, и публицист, и историк, и драматург, и лингвист, и историк искусства и литературы, нашей и мировой, — он энциклопедист-писатель, он русский писатель широкого размаха, большой писатель, неуемный русский талант, тратящийся порой без меры»[4].

Жилось Амфитеатрову в эмиграции очень трудно. Грошовые гонорары за опубликованные рецензии и книги не могли обеспечить мало-мальски сносное существование большой семьи (у писателя было четверо детей). О материальном положении семьи красноречиво свидетельствует его письмо к Вл. И. Немировичу-Данченко от 29 августа 1936 г.: «Наступила нищета — такая, что даже мы, хронически привыкшие к этой штуке, нашли ее несносной — не стерпеть. Три-четыре дня в неделю кормимся так ли, сяк ли, а остальные постимся не хуже пустынножителей Фиваиды <...>. Поверки прошлого неутешительны: как-то скоро и малоплодно прошла жизнь... Того света как будто все боюсь, хотя глубоко верую в бессмертие души и дальнейшее бытие...»[5]

Последние годы жизни Амфитеатров подолгу и тяжело болел. Умер писатель 26 февраля 1938 г. и похоронен в г. Леванто, где нашел свою вторую родину. Так завершился земной путь «неуемного русского таланта», внесшего заметный вклад в русскую литературу.

Примечания

[1] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — Т. VI. — СПб., 1904. — С. 331.

[2] О дореволюционном творчестве А. В. Амфитеатрова см. мои статьи: «Я родом из Калуги» // Калуга в шести веках. — Калуга, 1997; Реальность и грезы А. Амфитеатрова // *Амфитеатров А.* Бабы и дамы. — Калуга, 1997; А. Амфитеатров в литературном процессе XX века // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы. — М., 2003.

[3] Сегодня (Рига). — 1929, 10 авг.

[4] Россия и славянство (Париж). — 1932, 23 июня.

[5] РГАЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 44.

РОДСТВЕННИКИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ И ТАРУСА

***Е. М. Климова**, зав. музеем, Тарусский музей семьи Цветаевых*

Всемирно признанный поэт Марина Ивановна Цветаева (1892—1941) связана с г. Тарусой с младенческого возраста. Ее впервые привезли на тарусскую городскую дачу «Песочное» к лету 1893 г., когда ей еще не было одного года. (Дачу Цветаевы арендовали с 1892 г.) Так же как и Марину Цветаеву, с грудного возраста стали привозить сюда ее младшую родную сестру Анастасию (1894—1993). Родители их Иван Владимирович (1847—1913) и Мария Александровна (1868—1906), единокровные сестра Валерия (1883—1966) и брат Андрей (1890—1933) приехали впервые в Тарусу в 1891 г., еще за год до рождения Марины Цветаевой. Летом 1912 г. отдыхал в Тарусе муж Марины Ивановны Сергей Яковлевич Эфрон (1893—1941). Дочь — Ариадна Сергеевна Эфрон (1912—1975) — связала свою жизнь с Тарусой с 1956 г., умерла здесь и похоронена на тарусском городском кладбище. (Там же похоронена Валерия Ивановна Цветаева, умершая тоже в Тарусе.)

Цветаевы и их родственники постоянно находятся в поле зрения Тарусского музея семьи Цветаевых, в центре активной исследовательской работы. О членах семьи Цветаевых и о пребывании их в Тарусе уже стало достаточно хорошо известно. Поэтому в данной статье в аспекте связи с Тарусой рассмотрим малоизвестных родственников М. И. Цветаевой.

На тарусском кладбище в одной могиле с Валерией Ивановной Цветаевой похоронен ее муж **Шевлягин Сергей Иасонович**. И хотя он имеет прямое отношение к семье Цветаевых, тем не менее еще до недавнего времени информация о нем была крайне мизерной. В публикациях, связанных с Цветаевыми, чаще всего он вообще не упоминался, а если и давались какие-либо сведения, то иногда не только скудные, но и неверные. В частности, даже сестры жены ошибались относительно его происхождения. М. И. Цветаева в письме к В. Н. Буниной (жене И. А. Бунина) от 19 августа 1933 года писала, что

Шевлягин из крестьян[1], а А. И. Цветаева говорила, что он, кажется, из семьи священника[2]. В результате долгих архивных изысканий удалось в отделе рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина[3], в Центральном историческом архиве г. Москвы[4] и в Центральном муниципальном архиве г. Москвы[5] обнаружить документы, с помощью которых более полно воссоздается биография С. И. Шевлягина, хотя еще имеются белые пятна.

Он родился в 1879 г. в Бобровском уезде Воронежской губернии в купеческой семье. Корни семьи, как по отцовской, так и по материнской линии, из старинного города Коломны Московской губернии. Туда же семья возвратилась несколько лет спустя. Гимназию Сергей Шевлягин закончил уже в Коломне. Вскоре умер отец, и все заботы о большой семье легли на плечи матери. Из архивных документов следует: сначала после смерти мужа Елизавету Трофимовну Шевлягину записывали как купеческую вдову, а затем — как купчиху. Следовательно, ей пришлось самой заниматься купеческими делами, чтобы поставить детей на ноги, дать им образование. В семье было девять детей (четыре сына и пять дочерей), и все они выросли достойными, образованными, культурными людьми.

В 1907 г. С. И. Шевлягин окончил историко-филологический факультет Московского университета и уехал в г. Козлов (ныне — Мичуринск) Тамбовской губернии, где работал преподавателем русского языка в Коммерческом училище. Тогда же и туда же после окончания Московских Высших Женских Курсов приехала В. И. Цветаева на один год — учительствовать в гимназии Сатиной. Там, в г. Козлове, и было положено начало любви Валерии Ивановны и Сергея Иасоновича, выдержавшей все жизненные испытания и продолжавшейся до конца их жизни. Знакомство их, судя по всему, произошло еще в студенческие годы благодаря Елизавете Иасоновне Шевлягиной (родной сестре Шевлягина), с которой Валерия Цветаева училась вместе на историческом отделении историко-философского факультета Высших Женских Курсов В. И. Герье. Возможно, имеет значение и тот факт, что С. И. Шевлягин был учеником И. В. Цветаева.

В 1908 г. В. И. Цветаева возвратилась в Москву и стала преподавать историю в Училище Ордена Св. Екатерины и, по совместительству, в женской гимназии Е. Б. Гронковской. Сергей Иасонович следом за Валерией Ивановной также перебрался в Москву, где преподавал классические языки в частных мужских гимназиях Попова и Поливанова по 1918 г. В 1930—1931 гг. преподавал в Московском политехникуме и Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина. С 1932 г. стал работать в МГПИИЯ, более известном под названием «Московский институт иностранных языков им. М. Тореза» (ныне — Московский государственный лингвистический университет). С 1949 г. — доцент этого вуза, с 1952 г. — заведующий кафедрой классических языков. На пенсию ушел в 1959 году, в восьмидесятилетнем возрасте(!). Его ученица Ю. М. Каган (автор известного учебника латинского языка и книг об И. В. Цветаеве и М. И. Цветаевой) с глубоким уважением говорила о С. И. Шевлягине как о крупном специалисте по классическим языкам (греческому и латинскому)[6]. Какова была служебная деятельность Шевлягина в период с 1919 г. до 1930 г., к сожалению, пока установить не удалось.

В отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина хранятся 63 письма В. И. Цветаевой к мужу и 10 его писем к ней. В своих письмах Сергей Иасонович называл жену «Леруа» или «Lerois» (от французского *Le roi*, что означает «король»). Одно из его писем, написанное в Гражданскую войну, представляет интерес как свидетельство эпохи. Оно не датировано, но, предположительно, это 1918—1919 гг:

«Милая Lerois, а ведь мы еще только в Ростове, и даже только под самим Ростовом, простоим больше суток, — сломались оси двух вагонов. Продают сливы, вишни, поспела шелковица. Дешевле стал хлеб 100—130 р. фунт, конечно, только белый, много жареной рыбы. Я не покупаю, хлеба дают много, а сырье стараюсь не есть. Если вздумаешь идти к Михаилу Никитичу, пиши сама, как бы от меня, сказав, что я на время только что уехал. По дороге много взорвано мостов, над насыпями вверх колесами лежат паровозы и вагоны, множество проволочных заграждений. К Ростову гораздо больше дождей и хлеба лучше.

Справься в гимназии о ткани.

В поезде есть библиотека, берем и читаем. Начиная с Донской области, пожалуй, даже еще с Лисок население гораздо опрятней и чище одето, чем в Москве, Рязани, Там-

бовской губернии, и поезда с пассажирами с севера прямо ужасные, страшно все грязно и оборвано, даже Тамбовская губерния ездит за хлебом в Донскую область. Обуви здесь очень мало. Сахар 2 500, но трудно достать. Очень приятно гулять по вечерам за станицами в поле, ночи совсем теплые, лунные.

Сейчас был на базаре в Ростове. Всего очень много, мука крупчатка 4 500, мясо 250 р., масло 700, масло подсолнечное 250. Здесь много украинских и деникинских денег, но наши берут охотнее.

Кланяйся Вере. Будь здорова. Крепко целую.»[7]

В 1932 г. супруги начали в Тарусе строительство своего собственного дома. И с этого времени Сергей Иасонович Шевлягин оказался неразрывно связан с Тарусой в течение тридцати четырех лет, до конца своей жизни. (Возможно, даже скорее всего, он приезжал сюда с Валерией Ивановной и ранее 1932 г.) Тарусяне и дачники отзывались о нем с большой теплотой и симпатией. В памяти людей он остался человеком порядочным, добрым, деликатным. А. И. Цветаева писала о Шевлягине: «…веселый сквозь застенчивость и до крайности деликатный…»[8] По ее утверждению совместная жизнь С. И. Шевлягина и В. И. Цветаевой длилась 57 лет[9]. Они умерли в один год — в 1966 г. (только он — в январе, а она — в августе). И хотя Сергей Иасонович умер раньше Валерии Ивановны на семь месяцев, но так сложилось, что лишь один год девять месяцев спустя после его смерти А. И. Цветаева смогла получить урну с прахом С. И. Шевлягина от его родственников и перевезти ее из Москвы в Тарусу. Захоронение праха Сергея Иасоновича Шевлягина в могиле его жены произвели Анастасия Ивановна Цветаева и ее золовка Евгения Михайловна Цветаева.

Е. М. Цветаева (1895—1987) — жена Андрея Ивановича Цветаева. Урожденная Пчицкая, происходила из польской помещичьей семьи (в анкетах в советское время писала, что дочь служащего). Родом из имения Клепачи Волковыского уезда Гродненской губернии (затем эта территория отошла к Польше). Окончила Гродненскую Мариинскую женскую гимназию и Высшие женские Голицинские сельскохозяйственные курсы в Москве. По профессии Евгения Михайловна была ученым-агрономом, в основном занималась овощеводством и картофелеводством, имела 23 печатные работы. В течение своей трудовой жизни она работала в различных учреждениях: в Наркомземе (Народном Комиссариате земледелия), Политехническом музее г. Москвы, Государственной публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и др.

В 1938 г., в период культа личности Сталина, Е. М. Цветаева была арестована. Срок отбывала в Воркуте, там же осталась после освобождения в феврале 1945 г. После долгих хлопот в 1952 г. попала на работу старшим научным сотрудником Березовской сельскохозяйственной опытной станции НИИ Полярного земледелия с. Березове Тюменской области. Это то самое Березово, куда был сослан соратник Петра I А. Д. Меншиков (картина В. И. Сурикова «Меншиков в Березове»). Но в 1953 г. Евгения Михайловна Цветаева была вновь арестована и отправлена по этапу в Коми АССР. После реабилитации возвратилась в Москву в 1955 г.

Стала наезжать в Тарусу в гости к В. И. Цветаевой. (Бывала ли она в Тарусе до ареста — неизвестно.) Валерия Цветаева завещала ей свой тарусский дом, и с 1966 г. Евгения Михайловна, вступив во владение домом, приезжала уже сюда систематически каждое лето.

Долгие годы сведения о Е. М. Цветаевой были весьма скудными, лишь в 2007 г. в сборнике «Цветаевские научные чтения в Тарусе» была опубликована ее автобиография в приложении к докладу научного сотрудника музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах Ивановской области С. В. Бариновой[10]. Но любопытная деталь: хотя автобиография была написана уже в середине 1960-х гг., в ней ничего не говорится о браке с А. И. Цветаевым, о связи с Цветаевыми. Вероятно, страх, оставшийся после репрессий, был столь велик, что причастность к замечательной семье Цветаевых казалась Евгении Михайловне опасной.

Дата вступления в брак ее с братом М. И. Цветаевой Андреем требует уточнения.

Анастасия Ивановна Цветаева неоднократно писала (в частности, в очерке «Моя Тарусa»)[11], что Евгения Михайловна вышла замуж за Андрея Ивановича в 1930 г. В книге Г. К. Кочетковой «Дом Цветаевых» указано, что в конце 1920-х гг. они были уже же-

наты[12]. Соответствующих документов в архивах пока не обнаружено. Уже в 1933 г. Е. М. Цветаева овдовела. У нее были две дочери от разных браков. Старшая — Лилеева Ирина Александровна (1921—1983). Она была доктором филологических наук, заведующей кафедрой истории искусств Высшего театрального училища им. Щукина, переводчицей с французского языка.

Младшая — **Инна Андреевна Цветаева**. Племянница М. И. Цветаевой Инна родилась в 1931 г. в Москве. Отца — Андрея Ивановича Цветаева — не помнила, так как ей было только два года, когда он умер. Когда арестовали мать, ей было всего семь лет. Растила и воспитывала ее Ирина Лилеева (в момент ареста матери той было семнадцать лет). Оказывала им периодически помощь В. И. Цветаева. Постоянно помогал материально и часто приезжал из Ленинграда родственник по материнской линии по имени Михаил[13]. В 1947 г. Инна ездила к матери в Воркуту; встретившись, они друг друга не узнали. И. А. Цветаева окончила Тимиязевскую академию в Москве, стала, как и мать, ученым-агрономом. Была кандидатом биологических наук. В последние годы жизни работала в ВИНИТИ (Всесоюзном институте научной и технической информации). Дружила с А. И. Цветаевой, переписывалась с ней, когда тетя находилась вдали от Москвы. (Письма хранятся в Российском архиве литературы и искусства[14].) В детские и юношеские годы гостила в Тарусе у тети Валерии Цветаевой во время каникул. Будучи взрослой, бывала здесь часто и одна, и с матерью. Замуж не выходила. Умерла в 1985 г., в возрасте пятидесяти четырех лет.

Родной брат И. В. Цветаева **Дмитрий Владимирович Цветаев** (1852—1920) лето 1903 г. вместе с семьей провел на цветаевской тарусской даче «Песочное». Сепециально приехал туда из Варшавы. В ту пору Иван Владимирович с женой и всеми дочерьми находился в Италии, куда они уехали осенью 1902 г. из-за болезни Марии Александровны Цветаевой. Сохранилось письмо Д. В. Цветаева к брату, отправленное из Тарусы в Италию 11 июля 1903 г.:

«Дорогой Ваня!

Мы расположились на твоей летней резиденции. Привольно. Детвора, обрадовавшись приволью природы, пустилась босиком, но комары, которых ныне целые тучи, так расписали их ноги, что теперь снова ходят обутые, "по-городскому". Стоит жара. Дождей давно не было. В саду уродилось злаков изрядно, только на крыжовник напало что-то вроде филлоксеры и мы очищаем кусты. Когда приедешь, угостим спасенными ягодами. Цветов достаточно. Надо бы поливать, но таскать воду на такую высоту у нас охоты и сил мало. Пользуясь тишиной, беру солнечные ванны — в ближайшем перелеске. Действуют превосходно: артризм в руках убывает. Лиза[15] *освоилась со здешним хозяйством, наварила уже варенья на лето.*

Лена[16] *говорила, что Вы с Лерой*[17] *выедете числа 20. Подождем тебя. Детям хочется посмотреть и завтрашнюю ярмарку — в Петров день. А затем двинемся осматривать Москву.*

Ехать тебе с Лерой будет нелегко. А как Марья Александровна? Она останется с детьми? Ох, как тяжело складывается все. Дай Бог, чтобы [неразб.] силы.

Володя[18] *ушел к Андрюше*[19].

Будь и будьте здоровы. До свидания.

Твой Дмитрий.» [20]

Д. В. Цветаев — профессор-историк, автор ряда трудов по различным вопросам истории, в том числе о Василии Шуйском, о М. Ф. Романове, о Смутном времени, о протестантстве и др. Почти двадцать лет служил профессором в Варшавском университете. После переезда в Москву в 1906—1911 гг. был директором Коммерческого училища и Николаевского женского сиротского училища, в 1911 г. назначен управляющим Архивом Министерства юстиции. Стоял у истоков создания государственных отечественных архивов, является одним из основателей РГАДА (Российского государственного архива древних актов). В этом архиве сформирован фонд Д. В. Цветаева, хранящиеся в нем документы свидетельствуют об эрудиции и широте научных и культурных интересов Дмитрия Владимировича. В его личный фонд входит и им трепетно собранный архив священника Владимира Васильевича Цветаева — дедушки Марины Цветаевой[21].

По словам Анастасии Цветаевой, Дмитрий Владимирович бывал в Тарусе неоднократно. А его сын **Владимир Дмитриевич Цветаев** (1891—1937) только единожды, в уже упомянутом 1903 г. Он окончил в 1909 г. 1-ю московскую гимназию и поступил в Московский институт инженеров путей сообщения. Работал на Московско-Казанской железной дороге, в тресте «Моспроект». Стал профессором МИСИ, заведовал там кафедрой промышленных сооружений. Написал несколько научных книг.

Существует версия, что один раз был в Тарусе дядя М. И. Цветаевой, другой родной брат И. В. Цветаева Петр Владимирович.

Петр Владимирович Цветаев (1842—1902). Был священником, после смерти отца принял его Талицкий приход во Владимирской губернии (ныне Талицы Ивановской области). Прослужил в родном приходе до самой смерти.

Его старший сын Сергей Петрович — двоюродный брат М. И. Цветаевой — приезжал в Тарусу в гости к Цветаевым на дачу «Песочное» со своей женой Варварой Васильевной и дочерью Оксаной (Ксенией). Этот приезд запомнился и Ксении Сергеевне Цветаевой (по мужу Краснопольской), и Анастасии Ивановне Цветаевой.

Сергей Петрович Цветаев (1873—1913). Окончил Шуйскую гимназию, затем медицинский факультет Московского университета. Когда он был студентом, жил у И. В. Цветаева в доме в Трехпрудном переулке. Работал врачом-психиатром под Москвой.

Ксения Сергеевна Краснопольская (1902—1978) больше в Тарусу не приезжала, но поддерживала связь с Валерией Ивановной Цветаевой, переписывалась с ней. Однажды приезжал в Тарусу, в музей семьи Цветаевых, ее сын Михаил Иванович Краснопольский (1928—2001) с дочерью Татьяной. Бывала в Тарусском музее семьи Цветаевых другая внучка К. С. Краснопольской (Цветаевой) Лариса Михайловна с сыном Михаилом.

В первый приезд Цветаевых в Тарусу, когда они жили в 1891 г. в имении Игнатовском, для компании Валерии Иваном Владимировичем была приглашена его родная племянница Женя — дочь Петра Владимировича. О ее пребывании в Тарусе рассказывается в «Записках» В. И. Цветаевой[22]. **Евгения Петровна Цветаева** (по мужу Орлова) была учительницей, в замужестве жила в г. Калуге.

Приезжал в Тарусу в гости к В. И. Цветаевой в 1960—1961 гг. **Юрий Владимирович Цветаев** — сын двоюродного брата М. И. Цветаевой Владимира Петровича. Здесь познакомился и с А. С. Эфрон. Ю. В. Цветаев (1904—1983) — был капитаном первого ранга, жил в г. Ленинграде. Сохранились его письма к В. И. Цветаевой и А. С. Эфрон[23].

Замечательные родственные и дружеские отношения связывали семью Цветаевых с семьей Добротворских — их тарусских родственников. Но эта тема заслуживает отдельного разговора. Тем более что Добротворские представлены в экспозиции Тарусского музея семьи Цветаевых, о них неоднократно уже говорилось и писалось.

Примечания

[1] См.: *Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. — Т. 7. — М.: Эллис- Лак, 2005. — С. 243.
[2] См.: Беседы автора статьи с А. И. Цветаевой.
[3] См.: ОР ГМИИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 304—377, 391—400, 400[а]. Л. 1—10, 401.
[4] См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Д. 812; Оп. 76. Д. 886.
[5] См.: ЦМАМ (ЦАГМ). Ф. 1838. Оп. 1. Д. 692, 748, 809, 1042, 1072, 1120.
[6] См.: Беседы с Ю. М. Каган.
[7] ОР ГМИИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 399. Л. 1, 2.
[8] *Цветаева А. И.* Моя Таруса // Октябрь (г. Таруса). — 2004, 1 окт. — (Спецвыпуск Тарусского музея семьи Цветаевых).
[9] См. там же.
[10] См.: *Баринова С. В.* Андрей Иванович Цветаев. Семья // Цветаевские научные чтения. — Вып.2. — Калуга, 2007. — С. 49—56.
[11] См.: *Цветаева А. И.* Моя Таруса.
[12] См.: *Кочеткова Г. К.* Дом Цветаевых. — Иваново: Референт, 2008.
[13] См.: *Чернохвостова-Левенсон Е.* Моя подруга Инна Цветаева // Vestnik (США). — 2005, 2 марта. — № 5.

[14] См.: РГАЛИ. Ф.1190. Оп. 3. Д. 512; Оп. 2. Д. 402. Л. 1—4.
[15] Елизавета Евграфовна, жена Д. В. Цветаева.
[16] Елена Александровна Добротворская, двоюродная сестра И. В. и Д. В. Цветаевых. Жила в Тарусе. Была замужем за земским врачом И. З. Добротворским. Благодаря ей Цветаевы попали в Тарусу.
[17] Валерия Ивановна Цветаева.
[18] Владимир Дмитриевич, сын Д. В. Цветаева.
[19] Андрей Иванович Цветаев. В это время жил в Тарусе у Добротворских.
[20] ОР ГМИИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 4569.
[21] См.: РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 283, 288, 307, 317, 318.
[22] См.: *Цветаева В. И.* Записки // «Безо всякого вознаграждения…» — Иваново, 2005.
[23] См.: ОР ГМИИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 287—289; РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Д. 513.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШЕКСПИРА НА ЗЕМЛЕ (О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. М. МОРОЗОВА)

***А. А. Кащеева**, Музей истории г. Обнинска*

Одним из лучших детских портретов в мировом искусстве признан портрет «Мика Морозов» кисти Валентина Серова (илл. 1). Сейчас он занимает достойное место в знаменитой Третьяковской галерее, и ежедневно многочисленные посетители неизменно останавливаются перед запечатленным на холсте ребенком. А в начале XX в. этот портрет украшал интерьеры удивительного особняка в имении М. К. Морозовой Михайловское (ныне — Дача Морозовой в Нижнем парке современного Обнинска)

На портрете изображен младший сын Маргариты Кирилловны Михаил, Мика. Он родился 18 февраля 1897 г., а в 1901 г., когда писался знаменитый портрет, ребенку шел пятый год.

…Валентин Александрович Серов приходил в дом купца Морозова писать портрет ежедневно[1]. До этого им уже был написан портрет хозяина дома, Михаила Абрамовича. Заказать свой портрет Серову было лестно, но вместе с тем и рискованно. Многие побаивались его меткого взгляда, его подчеркнутой психологичности на холсте, так как художник тонко и беспристрастно подмечал характерные черты своих моделей. Серов и сам о себе говорил, что он «злой», но всегда отвергал обвинения в нарочитой карикатурности. Так было и с портретом Михаила Абрамовича: и цветовым решением, и композицией Серов подчеркнул властный, деспотичный характер купчика-миллионщика[2].

А в карандашном портрете старшего сына Морозова, Юры, отразились нервность и сложность его натуры, приведшие впоследствии к трагическому финалу. Хозяйка дома, Маргарита Кирилловна, долго не решалась заказать художнику свой портрет. Но, как оказалось, напрасно, так как этот, пусть и незаконченный, портрет подчеркнул красоту и благородство ее натуры…

Серов приходил на сеансы, и мальчик непременно встречал его только что придуманными им рассказами. Они были так трогательны и веселы, что художник, бывало, забывал о красках, слушая их.

Мика отличался бурной фантазией, сражал своих домашних и гостей удивительными сказочными историями. Причем поведать их мог на двух языках — русском и английском. Еще не умея читать и писать, мальчик поражал всех громкой и эмоциональной декламацией. В это же время Мика самостоятельно приступил к овладению грамотой. Он аккуратно переписывал слова и как-то незаметно сам выучился читать и писать. Как вспоминала его мать, он отличался особой восприимчивостью ко всему непознанному, был очень живым и эмоциональным ребенком. Его глаза с детства и до последних дней жизни близкие люди называли горящими угольками. И не переставали удивляться его живости, увлеченности и умению зажигать слушателя — теми качествами, которые определяли его натуру и которые уловил и отобразил в своем портрете Серов.

Илл. 1. В. А. Серов. Портрет Мики Морозова. 1901. Государственная Третьяковская галерея.

Мика рос в необычной для своего сословия атмосфере, и это отразилось на формировании его характера, интересов. Он принадлежал к известнейшей и богатейшей купеческой фамилии Морозовых. Его отец был совладельцем Товарищества Тверских мануфактур Морозовых. Главой семьи была бабушка, Варвара Алексеевна, урожденная Хлудова. У нее были крепкие купеческие корни, она обладала твердым характером и крепкой деловой хваткой; кроме того, по вере своей и житейскому укладу она принадлежала к старообрядцам. И хотя ее сын был человеком других взглядов, новой формации, влияние на внука она оказала немалое. Мика с юных лет проявлял интерес к своим корням, к вере предков. Мечтал заняться историей старообрядческой Руси.

Отец Мики, Михаил Абрамович, блестяще окончил историко-филологический факультет Московского университета, пробовал свои силы на литературном, художественном поприщах, занимался историческими исследованиями. Входил в состав дирекции Русского музыкального общества, собирал коллекцию живописных полотен. М. К. писала о муже: «При том, что он обладал очень многими даже старинными чертами характера, принадлежал все-таки к новому, переломному типу московского купечества…»[3]

Мика рано лишился отца и с шестилетнего возраста воспитывался под влиянием матери и бабушки. Между Маргаритой Кирилловной и ее свекровью не было близкой дружбы, но они очень уважали и понимали друг друга, и во многих вопросах Варвара Алексеевна была наставницей своей невестки. Маргарита Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова) была известна с юности как одна из красивейших и богатейших женщин московского купечества. В конце XIX в. в Москве был популярен литературно-музыкальный салон Маргариты Кирилловны. Вместе с мужем, Михаилом Абрамовичем Морозовым, она являлась членом дирекции Русского музыкального общества, устраивала благотворительные концерты.

После смерти мужа М. К. Морозова прожила год в Швейцарии, с малолетними детьми и с сестрой (также оставшейся без мужа с двумя дочерьми). Маргарита Кирилловна ясно осознала желание быть полезной и деятельной. Семья Морозовых, к чьей фамилии она принадлежала, традиционно много занималась благотворительностью. Одними из первых советчиков и друзей для Маргариты Кирилловны стали ее свекровь, Варвара Алексеевна, и брат покойного мужа, Иван Абрамович Морозов.

Вернувшись в Россию в 1905 г., М. К. Морозова быстро вошла в культурную жизнь Москвы. Самое «простое и малое», по ее словам, что она могла сделать, — это предложить финансовую помощь тем, кто остро в ней нуждался[4].

Чтобы не ущемить гордости и достоинства людей, свою поддержку она называла стипендией, и многие талантливые люди благодаря ее помощи могли пережить сложные времена своей жизни. Известно, что стипендиатами Морозовой в разное время были Александр Скрябин, Николай Метнер, Андрей Белый, Валентин Серов, Михаил Врубель. Но быть просто щедрой дарительницей было для Маргариты Кирилловны недостаточно. Она стремилась к деятельной помощи. Это выразилось в учреждении Религиозно-Философского Общества памяти Владимира Соловьева. То время было ознаменовано для

Морозовой знакомством с интересными людьми, во многом определившими ее дальнейшую судьбу и ставшими друзьями на всю жизнь.

Дети Морозовой с малых лет воспитывались в особенной духовной и культурной атмосфере. Особой восприимчивостью к искусствам отличался именно Михаил, или Мика, как его ласково называли в семье.

«Я получил весьма тщательное домашнее образование. Это образование, однако, мало касалось практических наук. Учили меня музыке, к которой у меня нет абсолютно никаких способностей, а также языкам. Так, например, латинскому языку, а также греческому, учил меня дома знаменитый педагог С. П. Гвоздев, который пристрастил меня к филологическим комментариям, что очень мне впоследствии пригодилось, когда я стал специально заниматься Шекспиром. Английскому языку меня стали учить с двух лет, и нет поэтому ничего удивительного, что я знаю язык в совершенстве. Мои интересы очень рано сложились в области филологии, а также театра. Однако я не кончил филологического факультета университета по болезни.

Я не был на фронте первой мировой войны, и великие события 1917 года застали меня еще совершенно не определившимся и, конечно, совсем не разбирающимся в политических и социальных вопросах. Правда, дух воспитания, полученного мною, был очень демократичным. Имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова произносились в нашем доме с большим уважением, и я с ранних лет читал их произведения»[5].

Мика учился в гимназии Поливанова, учился вместе с внуком Л. Н. Толстого, Сергеем, они очень дружили, и были в дальних родственных связях, его дядя был женат на кузине Маргариты Кирилловны, П. А. Мамонтовой[6].

Немалое влияние на Мику оказал и известный русский философ, правовед, профессор Московского университета князь Евгений Николаевич Трубецкой. Князь часто бывал в доме Маргариты Кирилловны Морозовой в Москве и в имении Михайловское, вел обширную переписку с ней и ее детьми, Михаилом и Марией[7]. Трубецкого и Морозову связывали годы совместной работы — в Религиозно-Философском обществе памяти Владимира Соловьева, в издательстве «Путь» и альманахе «Московский еженедельник».

Евгений Николаевич много времени проводил в беседах с юным Михаилом. У него рано развился интерес к филологии, и он мечтал о поступлении в Московский университет. Еще в довольно юном возрасте (16—17 лет) его занимали такие вопросы, как «Значение ложно-классической драмы в русской литературе», «Мельников-Печерский и его взгляд на значение старообрядчества для современной России», «О взгляде Белинского на Гамлета» и т. д.[8]

Болезнь сердца не позволила ему защитить диплом филологического факультета Московского университета, но, тем не менее, он читал лекции по истории театра в черкизовском Театральном техникуме. Михаил Михайлович Морозов, несмотря на неоконченное высшее образование, был утвержден в звании профессора. Параллельно с преподавательской деятельностью занимался переводами Шиллера, Мюссе и Шекспира. М. М. Морозов был приглашен на работу в МГУ и ГИТИС, на английском языке преподавал историю английской литературы. Со временем он стал ведущим шекспироведом. Много лет являлся заведующим Кабинетом Шекспира и западноевропейского театра во Всероссийском театральном обществе. Ни одно издание Шекспира, ни одна театральная постановка по Шекспиру не обходились без консультаций Михаила Морозова. С легкой руки Бориса Пастернака его стали называть представителем Шекспира на земле…

М. М. Морозов страстно любил театр. Любил и знал. Он не был приверженцем определенной театральной школы, работал со многими режиссерами, в разных театрах: Театр им. Вахтангова (Ю. Завадский, Е. Симонов, И. Раппопорт), Театр им. Ермоловой (Н. П. Хмелев, М. О. Кнебель), Центральный театр Красной Армии (А. Попов), Театр им. Моссовета, Малый театр. Консультируя, Морозов, как уникальный знаток английской литературы, исходил от оригинального текста, пытался полнее раскрыть авторскую драматургию, показать режиссерам и актерам возможности для интерпретации.

Консультировал театральных художников и гримеров. Театральный опыт по постановке пьес Шекспира в Советском Союзе Михаил Морозов обобщил в книге, которая была издана в Англии, на английском языке.

Илл. 2. М. М. Морозов. 1950.

Большую работу вел Михаил Михайлович с переводчиками пьес Шекспира, в частности с Борисом Пастернаком и Самуилом Маршаком. Свою миссию он видел в разрешении извечной проблемы переводной литературы — проблемы соотношения точности перевода и сохранения духа произведения. Пастернак писал в письме Морозову: «Для меня вы живой авторитет, человек с огнем и талантом»[9]. Самуил Маршак отмечал, что Морозов был глубоким исследователем-лингвистом и блестящим лектором.

Перу М. М. Морозова принадлежит свыше ста публикаций по различным вопросам шекспироведения, в том числе первая книга о Шекспире, изданная в серии «Жизнь замечательных людей».

Маргарита Кирилловна писала о сыне: «Характерной чертой его была одержимость той мыслью, которая в данный момент его захватывала… всю жизнь помню его сидящим за письменным столом и пишущим. Меня всегда трогало его отношение к работе. Он любил свою работу, был буквально тружеником, который не жалел своих сил, очень любил и хорошо читал стихи. Особенно любил он читать лекции и умел зажигать и увлекать слушателей. У молодежи он имел большой успех»[10].

Люди, знавшие Михаила Михайловича в зрелости, поражались поразительному сходству высокого, могучего, громогласного профессора с его детским портретом.

Страстность натуры и лекторское мастерство удивительным образом сочетались в нем со скромностью и застенчивостью. Например, только очень близкие люди знали, что Морозов пишет стихи и рассказы[11]. Он писал их в стол, в то время как литературоведческие труды охотно и много публиковал.

Софья Гиацинтова, хорошая подруга и Маргариты Кирилловны, и Мики, вспоминала, как он с долей иронии говорил о себе: «Я так благодарен революции! Я ею спасен. Вы представляете меня миллионером? Да я бы спился давно и утонул в ванне с шампанским. А теперь я профессор, писатель — батюшки мои!»…[12]

Врожденная болезнь сердца прервала его жизнь в самом расцвете.

Первой женой Михаила Морозова была Татьяна Романовна Рогаль-Левицкая. Она происходила из семьи действительного статского советника, управляющего золотыми приисками Вилюйско-Воткинского горного округа. С 1906 г. семья жила в Москве. Татьяна Романовна преподавала в Московском государственном институте иностранных языков.

Деликатный, добрый и чуткий человек, Татьяна Романовна стала близким другом для матери своего мужа, Маргариты Кирилловны. И на эту дружбу не повлияли сложности в семейной жизни и последовавший развод. Две женщины оставались близкими людьми до конца жизни. Особенно заботилась Татьяна Романовна о бывшей свекрови после смерти Мики, когда уже довольно пожилая Маргарита Кирилловна осталась совсем одна[13].

Второй женой М. М. Морозова была Евгения Михайловна Буромская. Эта женщина приложила много усилий к формированию коллекции материалов о семье Морозовых в государственных архивах и к публикации воспоминаний М. К. Морозовой.

А самого Михаила Михайловича Морозова очень любили и помнили в литературных и театральных кругах, одним из доказательств тому служит тот факт, что через двадцать пять лет после его кончины, в 1977 г., в Доме литераторов был устроен торжественный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Представителя Шекспира на земле.

Примечания

[1] См.: РГАЛИ, Ф-1956. 0-2. Ед. хр. 10.
[2] См.: *Коптицер М. К.* Валентин Серов. — М., 1972.
[3] *Морозова М. К.* Мои воспоминания // Московский альбом. — М., 1997.
[4] См.: ОР РГБ. 171-III-10, 11.
[5] Автобиография М. М. Морозова // *Морозов М. М.*. Шекспир, Бернс, Шоу… — М.: Искусство, 1967.
[6] См.: *Морозова М. К.* Мои воспоминания. — М., 1997.
[7] См.: ОР РГБ. 171-IV-4а, б, в.
[8] См. там же. 171-XIII-19, 21, 2, 1.
[9] *Думова Н.* Арбатский архив. — Вып. 1. — М., 1997.
[10] *Морозова М. К.* О моем сыне.
[11] См.: ОР РГБ, 171-XIII-9, 15, 10, 20, 1.
[12] *Гиацинтова С. В.* С памятью наедине. — М., 1985.
[13] См.: ОР РГБ. 171-25-1.

РЕСТАВРАЦИЯ ЧАСТИ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА «БАНТЫ» И ПЕРЕДНИКА «ВИСЛАЯ ЗАНАВЕСКА»

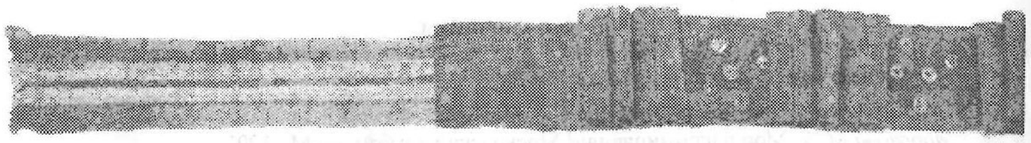
***И. К. Ермилина**, н. с.,*
Калужский областной краеведческий музей

Крестьянский женский праздничный головной убор второй половины XIX в. — сложный и тяжелый. В районе «Монастырщины» (западной части Перемышльского уезда) он состоял из 8—9 частей — повойника, кички, сороки, поднизки, позатыльня с «увязками», «косиц», «мохров» и «бантов». Причем «косицы», «мохры» и «банты» носили и замужние женщины, и девицы. Последние надевали их поверх венца, оставляющего макушку незакрытой. При подготовке к одной из выставок возникла необходимость приведения в экспозиционный вид «бантов».

«Банты» — полоса кумача или ситца с нашитыми на ней розетками и петлями из ленты. В «Гамаюнщине» (17 селений Калужского и б. Перемышльского уездов на правом берегу р. Оки недалеко от г. Калуги) подобный убор называется «чехры». «Банты» в «Монастырщине» имеют ленточные петли более крупные, чем у «чехров» (по замечанию М. Е. Шереметевой). Для хранения в сундуке в ленточные петли вставляли свернутые бумажки или газеты, чтобы петли не мялись и не теряли формы. В фондах КОКМ хранятся три предмета подобной формы: это двое «бантов» из красных лент, из района «Монастырщины», и «чехры» из разноцветных лент, из района «Гамаюнщины».

«Банты» под номером Кп 11031 поступили в 1984 г. от А. И. Чехолиной и происходят из района «Монастырщины». Эти «банты» состоят из красной шелковой ленты, заложенной петлями, укрепленной на полосатую тесьму. Розетки из зеленой шелковой ленты пришиты блесткой между группами петель.

Сохранность предмета: общее загрязнение, пятна, красная лента имеет многочисленные сечения и сквозные утраты. Осмотр показал: чтобы укрепить повреждения лент, требуется отсоединить ленту с петлями от полосатой тесьмы — основы, снять розетки из зеленой ленты и произвести полный демонтаж петель ленты и розеток. «Банты» были измерены, составлен чертеж размещения петель. Выявилась особенность сборки петель ленты: высота петель центральной группы (из семи петель) составила 3,3 см, а к концам количество петель уменьшалось — по 6, 5 и 4 петли, и их высота уменьшалась до 3 и 2,7 см. Таким образом достигалась коронообразная форма этого украшения. После демонтажа петель ленты, на одном ее конце обнаружилось клеймо «Г. Гандишинъ и В……», указывающее на производителя ленты. Исследование места производства ленты не производилось. Длина всей ленты составила 269,5 см. Для фиксации мест сгибов петель были



Илл. 1. Банты после реставрации. Фрагмент.

проложены вспомогательные нити. Проба на текучесть красителей показала, что красный и зеленый красители крайне нестойкие, поэтому промывка производилась на столе холодным трехпроцентным раствором СМС с добавлением уксусной кислоты. Значительные повреждения шелка ленты потребовали дублирования ее полностью на специальную ткань. Был выбран плотный газ, предварительно тонированный в красный цвет, соответствующий цвету ленты, и нанесен специальный клей (трехпроцентный раствор сополимера акрилата А-45к, разведенный до концентрации 5% этилацетатом и ацетоном в соотношении 1:1). После дублирования, сечения укреплялись реставрационной сеткой, тонированной газовой нитью и иглой, края ленты обметывались такой же нитью. Монтаж «бантов» выполнен в соответствии с чертежом при соблюдении характера стежков. Реставрация заняла три с половиной недели, из них сборка — три дня. Проведенная работа показала, что изготовление крестьянками такого украшения, как «банты», не было очень сложным, хотя и требовало определенной сноровки.

Илл. 2. Занавеска до реставрации.

Для той же выставки потребовалась реставрация передника «вислая занавеска» Кл 4804, с. Варваренки Перемышльского уезда (район «Монастырщины»), из коллекции одежды, собранной М. Е. Шереметевой летом 1927 г. Вот что пишет она в своей книге «Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии»: «С рубахой и поневой в прежнее время носили “вислую занавеску”, которая шилась из льняной … холстины, причем посередине ставили одно целое прямое полотнище, а по бокам пришивали по половине прямого, немного срезав его наверху у руки. Эта одежда подвязывалась выше груди. … На самые праздничные — белого холста совсем не употреблялось: верхняя часть такой занавески состояла из полос красной “заборки” и “закладки”, средняя из вшитых шелковых лент (зеленых и красных) и цветной перевити с узорами “кони”, “утки”, “банки”. Нижний край обшивался покупной черной шелковой бахромой. К верхнему краю пришивались 4 кумачовых петельки, из которых две приходились на груди, а две по бокам. … В настоящее время вислая занавеска надевается редко — на сенокос, на капустник; новых их больше не справляют, но прежних хорошей сохранности еще много лежит по сундукам; одна (из с. Варваренки) приобретена в Калужский обл. Музей (инв. № 5177)». Именно эта занавеска получила в дальнейшем новый номер Кл 4804.

О датировке таких «занавесок» она пишет: «На смену вислой занавески лет 40 тому назад появился, как модная часть костюма, передник, надеваемый на плечи…», то есть примерно в 1880-х гг. вислые занавески перестали шить. Тогда можно допустить изготовление данной занавески во второй половине XIX в. К сожалению, слова «хорошая

Илл. 3. Занавеска после реставрации.

сохранность» в настоящее время не относятся к шелковым лентам, тогда как цветное ткачество и вышивка действительно хорошо сохранились до сих пор. Из-за распадающихся лент экспонирование вислой занавески Кл 4804 долгое время было невозможно.

Сохранность передника такова: общее загрязнение, пятно на ткачестве, повреждение молью и частичная утрата цветных шерстяных нитей вышивки, значительные утраты и сечения красных лент, сечения зеленых лент, шелковая тесьма с бахромой потерта. Проба на текучесть красителей показала, что красители нестойкие, особенно красных и зеленых лент, желтых шерстяных ниток и чернобелой тесьмы. Перед очисткой передника пришлось отделить все зеленые ленты от красных лент, чтобы избежать взаимного их окрашивания из-за крайней нестойкости красителей. Общая очистка проводилась на столе, как и ленты «бантов», холодным трехпроцентным раствором СМС с добавлением уксусной кислоты; промывка, сушка — на столе на фильтровальной бумаге. Дублировочные ткани (плотный и редкий газ) были окрашены в зеленый и красный цвет. Клей А-45к был нанесен только на плотный газ, на который и дублировались ленты. Сечения зеленых лент укреплялись реставрационной сеткой, тонированной газовой нитью и иглой, также этой нитью обметаны все края. Красные ленты перекрывались редким, тонированным в соответствующий цвет газом. После монтажа всех лент было устранено несколько мелких повреждений на ткачестве, надставлены боковые завязки. Реставрация заняла один месяц и одну неделю.

В результате проведенной работы стало возможно экспонировать передник-занавеску на манекене. Каким образом «занавеска» надевалась, читаем у Шереметевой: «Когда женщина наряжается в такую занавеску, она берет красную шелковую ленту, завязывает ее узлом у одной петельки на груди и таким же узлом у другой средней петельки; получается большая петля из ленты, которая продевается через голову; из другой красной ленты делаются узлы на боковых петельках, и большой петлей лента стягивается на спине. … На боковых кромках у нее еще имеются кумачовые завязки, которые привязываются к поясу рубахи, чтобы передник не отдувался». Новая лента была привязана описанным способом к отреставрированной «занавеске», и передник был надет на манекен.

Появилось наблюдение по поводу конструкции передника. Боковые части не просто пришивали по половине прямого полотнища, «немного срезав его наверху у руки», а, наоборот, срезав его вдоль вертикального шва, формируя небольшую вытачку. Тогда передник более отвесно лежит ниже уровня груди, делая фигуру стройнее.

Таким образом, в результате проведенной работы стало возможно показывать ценный и редкий экспонат.

Литература

Шереметева М. Е. Женская одежда в б. Перемышльском уезде Калужской губернии. — Калуга, 1927.

Шереметева М. Е. Крестьянская одежда Калужской Гамаюнщины. Этнографический очерк. — Калуга, 1925.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗАНЯТИЕ «НЕ ЗАБУДЕТ НАШ НАРОД ДОБЛЕСТЬ РУССКИХ ВОЕВОД» (СОБЫТИЯ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ В ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА ИЗ СОБРАНИЯ КАЛУЖСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ) (ДЛЯ УЧАЩИХСЯ 7-х КЛАССОВ)

***С. Л. Клёпова**, зав. сект.,*
Калужский областной художественный музей

Занятие посвящено 400-летию героической обороны Свято-Пафнутьева Боровского монастыря от польско-литовских захватчиков), отмечавшегося в 2010 году. Оно может быть проведено как в форме музейного урока или тематического занятия (проводит учитель или музейный педагог в музее), так и в форме классного часа (проводит классный руководитель в школе; в этом случае используются репродукции или слайды).

Цель занятия: формирование исторических знаний и представлений о преемственности героических идеалов прошлого на примере знакомства с произведениями искусства исторической тематики.

Методические приемы: показ, рассказ, беседа.

Подготовительная работа: учитель (классный руководитель) может заранее дать задание трем учащимся выучить стихотворение Елены Воробьёвой «Смутное время».

Зрительный ряд:

1. Икона «Пафнутий Боровский». XIX в. Дерево, темпера.
2. Парсуна царевича Дмитрия. Ок. 1606. Москва. Дерево, левкас, темпера.
3. В. К. Демидов. Предсмертный подвиг князя М. К. Волконского в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году. 1842. Холст, масло.
4. М. В. Нестеров. Царевич Дмитрий. 1924. Холст, масло.

*Занятие начинается в **зале древнерусского искусства** с вводной беседы на тему «Что за праздник мы отмечаем 4 ноября? Почему нам необходимо помнить события Смутного времени? Какой след оставили они на Калужской земле?»*

Педагог: Несколько лет назад в России появился новый праздник. Он называется День народного единства и согласия. Известно ли вам когда мы отмечаем этот праздник и почему он так называется? *(Выслушивает ответы детей.)*

Сегодня мы с вами поговорим об этом. Ведь события, которые произошли 400 лет назад, впрямую касаются нашего Калужского края. Помогут нам ближе познакомиться с ними произведения искусства, хранящиеся в собрании Калужского художественного музея.

Перед нами ***парсуна*** (так в старину называли портреты) ***царевича Дмитрия*** — младшего сына Ивана Грозного (илл. 1). Именно с его загадочной смерти и начинают свой отсчет события Смутного времени. *Что же произошло?*

Царсвич Дмитрий (1583—1591) был младшим сыном царя Ивана IV (Грозного) и его седьмой жены Марии Федоровны Нагой. После смерти отца Дмитрий получил в удел г. Углич, где погиб 15 мая 1591 г. при загадочных обстоятельствах, по официальной версии, наколовшись на ножик, с которым играл. Народная молва обвинила в смерти царевича Бориса Годунова, который стремился занять царский престол после бездетного царя Федора Иоанновича.

Так ли это, историки спорят до сих пор. Но факт остается фактом: после смерти Федора Иоанновича прекратилась древнейшая династия Рюриковичей, а престол перешел в руки семьи Годуновых.

Царевич же Дмитрий был признан святым мучеником, его останки в 1606 г. были перенесены в Архангельский собор Московского Кремля по приказу царя Василия Шуйского. Тогда же неизвестный живописец и написал вот этот надгробный портрет царевича (его поместили над гробницей).

Илл. 1. Царевич Дмитрий. Парсуна. Ок. 1606. Москва. Дерево, левкас. темпера.

Это одно из ранних изображений царевича Дмитрия, выполнено оно в иконописных традициях — на двух деревянных досках, темперными красками. Удлиненная фигура царевича одета в темно-зеленый кафтан, украшенный растительным узором, шитый драгоценными камнями и жемчугом. Поверх кафтана накинута на плечи рыжевато-золотистая шуба, на ногах красные сапожки. На голове царевича корона. Лицо Дмитрия широкое, округлое; вьющиеся волосы коротко подстрижены. Нимб вокруг головы царевича почти не сохранился. Царевич молитвенно предстоит Христу, изображенному в виде заоблачного Спаса слева вверху. Считается, что черты лица царевича схожи с оригиналом. Это очень редкое и ценное произведение искусства. И создано оно именно в Смутное время. Этим оно уникально.

Но образ царевича еще не раз будет привлекать внимание художников.

*Занятие продолжается в **зале искусства начала XX в.** перед **картиной Михаила Нестерова «Царевич Дмитрий»** (написана в 1924 г.)* (илл. 2).

Русский художник Михаил Нестеров дважды обращался к образу последнего сына Ивана Грозного царевича Дмитрия. Им написаны две картины, одна из них (более ранняя) хранится в Русском музеев г. Санкт-Петербурге. А более поздняя, созданная в 1924 г., уже в Советской России — перед вами. Давайте внимательно посмотрим на нее и найдем то, что объединяет эту картину с парсуной царевича Дмитрия.

Ответ: царевич, одетый в царские одежды, предстоит заоблачному Спасу (образу Христа) на фоне лесного пейзажа с маленькой церковью. Но Нестеров изображает не живого, а умершего мальчика. Это живописное воплощение его души, которая прощается с землей, перед тем, как отправиться в Царствие Небесное.

Какие детали нам подсказывают, что царевич уже умер?

Сложенные на груди руки, кровавый шрам на шее, бледность кожи, закрытые глаза.

Очень важен фон, на котором изображена фигура царевича.

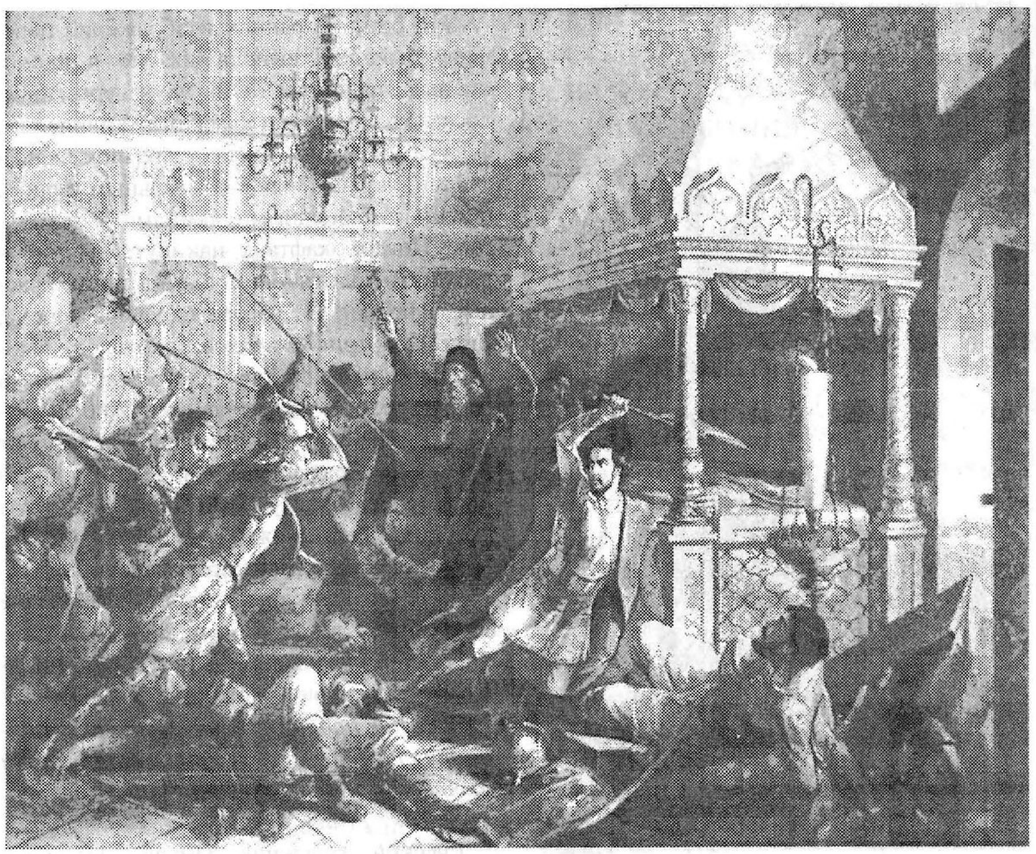
Какое время года и почему изобразил художник?

Ранняя весна — как напоминание о том, что жизнь царевича оборвалась в самом начале.

Имя Дмитрия, смерть которого была загадочной, стали использовать самозванцы,

Илл. 2. М. В. Нестеров. Царевич Дмитрий. 1924. Холст, масло.

87 Зак. 1053



Илл. 3. В. К. Демидов. Предсмертный подвиг князя М. К. Волконского в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году. 1842. Холст, масло.

стремившиеся захватить русский престол после смерти Бориса Годунова. Им верили и многие русские люди, ведь не все увидели в Кремле останки настоящего царевича и поэтому считали его живым. Именно тогда выбранный боярами царь Василий Шуйский и приказал вернуть останки настоящего царевича Дмитрия в Москву.

Как вы думаете, зачем?

Скажем об этом словами поэта:

И боярский царь, боясь угроз,
С самозванцами повел борьбу:
Он в Москву из Углича привез
Дмитрия-царевича в гробу.
Гроб открыли перед всей Москвой,
В нем лежал царевич неживой,
В ферязи истлевшей, в кушаке,
С горсточкой орехов в кулаке.
Был царевич погребен в Кремле,
Слух о том прошел по всей земле,
Успокоил знатных москвичей
И купцов, московских богачей.

Н. Кончаловская.

Занятие продолжается в ***Голубой гостиной.***

Педагог: перед вами полотно художника ***Василия Демидова «Предсмертный подвиг князя Михайлы Константиновича Волконского в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610 году»*** (илл. 3). Картина написана в 1842 г., но рассказывает она о событиях 400-летней давности. Что же происходило тогда на Руси? Почему поэт сказал об этом времени:

Горит, пылает, стонет Русь
Под игом польских банд?

Н. Кончаловская.

(Семиклассники, изучавшие этот период на уроках истории, могут дать ответ на этот вопрос.

Подытоживая сказанное, педагог говорит о том, что польско-литовские феодалы стремились захватить русский престол, опустевший после смерти последнего царя из династии Рюриковичей — сына Ивана Грозного Федора Иоанновича — и его преемника Бориса Годунова. Они выдвигали своих ставленников, называемых самозванцами. Каждый из самозванцев называл себя чудом спасшимся сыном царя Ивана Грозного Дмитрием. Широко известны два Лжедмитрия — Первый и Второй. Их войска занимались грабежами и поджогами, разоряли русские города и села.

Самозванцы опирались на войска польско-литовских феодалов, мечтавших посадить на русский престол польского королевича Владислава. Лжедмитрий II, прозванный Тушинским вором (*за что?)* не раз пытался взять Москву. Но на его пути встали Пафнутьев Боровский монастырь и его защитники.

Скажем несколько слов об истории монастыря. Его название навсегда связано с именем основателя — ***преподобного Пафнутия Боровского.***

Илл. 4. Пафнутий Боровский. Икона. XIX в. Дерево, темпера.

Перед вами — ***икона с изображением Пафнутия Боровского*** (XIX век)

Пафнутий Боровский, преподобный (?—1478). Внук татарина-баскака, принявшего христианство. Постриг Пафнутий принял в Боровском Высоко-Петровском монастыре, где его наставником был один из учеников преп. Сергия Радонежского блаженный Никита. Будучи игуменом монастыря, тяжело заболел и постригся в схиму. Поправившись после тяжелой болезни, он ушел из монастыря и поселился в лесу невдалеке от Боровска. К нему стали приходить другие монахи. Здесь в 1444 г. преп. Пафнутий заложил церковь Рождества Богородицы и тем положил основу новому монастырю. К лику святых причислен в 1540 г. Его мощи находятся в соборе Рождества Богоматери под спудом (под полом).

Маленький монастырь, став оплотом Московского государства в его борьбе за объединение русских земель, довольно быстро рос и богател. В конце XVI в., опасаясь войны с Польшей, Московское правительство укрепляет монастырь и возводит мощные крепостные стены. В польском «Дневнике событий Смутного времени» в записи под 1610 г. указано, что «монастырь был каменный и довольно сильно укрепленный, кругом была глубокая вода». Стены имеют три яруса — дальнего, среднего и ближнего боя.

Картина «Предсмертный подвиг князя М. К. Волконского в Пафнутьевском монастыре в 1610 году» создавалась, видимо, под прямым руководством К. П. Брюллова. Трудился над ней Демидов с большим старанием. Художник изображает решающий момент сражения в стенах Рождественского храма. Как отмечала искусствовед А. В. Корнилова, он «тщательно изучил место действия, старался восстановить подробности интересовавшего его события». Несомненно, что он постарался узнать и все известные на ту

пору факты о воссоздаваемом им историческом событии. О них рассказывает *«Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года»*, составленная В. Я. Ханыкиным по сообщению архимандрита Леонида: в 1610 году *«Лжедмитрий пришел к Пафнутьеву монастырю, где находились Воевода князь Михайло Волконский, Яков Змиев и Афанасий Челищев. Литовцы или Поляки (во главе с Яном Сапегой) к монастырю приступали безуспешно, доколе Воеводы Яков Змиев и Афанасий Челищев, изменяя отечеству, монастырь врагам предали. Один Князь Волконский с верными ему людьми защищался до тех пор, доколе был пронзен в самой церкви у левого клироса над гробом Святого Пафнутия и пал бездыханным. В монастыре побито всякого звания людей до 12 000 человек».*

По преданию, изменники открыли врагам ночью ворота Тайницкой башни (с тех пор она называется башней Измены). Противник прорвался на территорию крепости, завязался бой, который продолжался всю ночь и весь день. Погибло все русское войско и укрывавшиеся за крепостными стенами жители Боровска и окрестных деревень. У Южных ворот Рождественского собора был зарублен последний защитник обители князь М. К. Волконский.

В память об этом подвиге в 1777 г. город Боровск получил свой герб — сердце с крестом (символом верности) в лавровом венке — и была устроена поминальная часовня князей Волконских.

Война с захватчиками продолжалась еще очень долго. Лишь в ноябре 1612 г. народное ополчение под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского выгнало поляков из Москвы.

Именно это событие и отмечается в России как День народного единства и согласия. А закончим мы наше занятие стихами о далеком и грозном смутном времени.

1-й учащийся:

Пытаюсь в мутной мгле хрустальной
Я разглядеть былую стать,
Былую силу времен дальних,
Былую мощь и благодать.

Как величава и богата
Была Российская земля,
Храня душою свет когда-то
И Господа благодаря…

2-й учащийся:

Не раз над нею проносилась
Туч беспокойных череда,
Но кровь и пепел, грязь и гнилость
Смывала талая вода.

Но иногда в одеждах царских
Отребья властвовали всласть,
Путь открывая злым мытарствам,
Людского гнева не боясь.

3-й учащийся:

С их повеленья накрывала
Русь чужеродная волна,
Где брали темное начало
Лихие смуты времена…

И только свет, что в русских душах,
Таился, тлел, но вновь горел,
Мог вывести из тьмы наружу
Страну, очистив от плевел.

Елена Воробьёва.

Литература

1. Калужская энциклопедия. — Калуга, 2000.
2. Калуга в шести веках: Материалы 1-й городской краеведческой конференции. — Калуга, 1997.
3. Очерки по истории и культуре Калужского края. — Калуга, 1996.
4. Боровский край в истории России. — 2-е изд., испр. — Боровск, 2002.
5. *Малинин В. А.* Герои Смутного времени. — Калуга, 1999.
6. *Осипов В. И.* Боровск в Смутное время (1600—1618 гг.) и его восстановление // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Тезисы докладов 7-й конференции, 17—18 апреля 1997 г. — Калуга, 1998.
7. *Фехнер М. В.* Калуга. Боровск. — М., 1972.
8. *Малинин Д. И.* Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга: Золотая аллея, 1992.
9. *Пуцко В. Г.* Эпитафиальный портрет царевича Дмитрия и московская парсуна XVI — начала XVII века.
10. Калужский художественный музей /Авт. текста, сост. каталога В. Обухов. — Москва: Белый город, 2005.
11. Калужский областной художественный музей / Авт.-сост. Е. Барламова. — Москва: Изобразительное искусство, 1976.
12. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года / Сост. В. Я. Ханыков; Сообщил архимандрит Леонид. — Калуга: КОКМ, 1991.
13. *Кончаловская Н. П.* Наша древняя столица. — М., 1976.
14. www.obshelit.ru

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ЛАНДШАФТОВ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1943 гг.) В НАЦИОНАЛЬНОМ ПАРКЕ «УГРА»

***В. П. Новиков**, к. г.-м. н., дир., **А. С. Коваленко**, н. с.,*
Национальный парк «Угра»

Территория национального парка «Угра» обладает не только природными достоинствами, но отличается и высокой концентрацией объектов историко-культурного наследия, а также разнообразием вмещающих их культурных ландшафтов[1]. Среди последних особое место занимают военно-исторические ландшафты, служившие аренами крупных военных столкновений в прошлом и запечатлевшие их яркие следы. К таковым относятся участки Козельских засек XVI—XVII вв. на правобережье реки Жиздры, долина нижнего и среднего течения Угры, где происходили события «Великого Стояния» в 1480 г. Но наиболее полно и выразительно на Угорском участке парка представлен период Великой Отечественной войны (1941—1943), отмеченный в ландшафте своеобразным «рельефом войны» — линиями окопов и траншей с колючей проволокой, огневыми точками, бомбоубежищами и фрагментами землянок, воронками от снарядов, остатками полевых аэродромов и рокадных дорог, урочищами в местах сожженных и разрушенных деревень. В массовом количестве подобные следы боевых действий, сопровождающие их братские могилы и отдельные захоронения наблюдаются по р. Угре выше Юхнова и вдоль д. Вори.

Хронологическая канва событий данного периода достаточно хорошо известна[2]. Начало военных действий на территории нынешнего национального парка ознаменовалось ожесточенными боями в первых числах октября 1941 г. На переправе через Угру, по трассе Варшавского шоссе, немецкие части были задержаны немногочисленным отрядом майора И. Г. Старчака более чем на сутки, а экипаж бомбардировщика капитана А. Г. Рогова направил горящую машину на скопление войск противника.

Активные боевые действия в районе г. Юхнова и выше по течению Угры и Вори возобновились во время Московского контрнаступления, начиная с января и по апрель

1942 г. После неоднократных попыток частям Красной армии удалось взять Юхнов только 5 марта, а затем закрепиться на речном рубеже Ресса—Угра—Воря и 20 апреля перейти к обороне. При этом на правом берегу Угры и Вори было захвачено пять и удержано три небольших плацдарма, созданных в том числе для вывода окруженных под Вязьмой дивизий 33-й армии генерала М. Г. Ефремова.

Линия фронта по Угре и Воре разделяла враждующие стороны до марта 1943 г. На этом рубеже, заранее основательно укрепленном немцами и получившем название в их оперсводках «Угра-фронт», почти в течение года велись упорные позиционные бои, сопровождавшиеся вылазками разведывательно-диверсионных групп, контратаками, массированными артобстрелами и авиабомбежками.

С весны до августа 1943 г. на левобережье р. Угры, в районе д. Козловка, располагался командный пункт (КП) Западного фронта (командующий — генерал-полковник В. Д. Соколовский), где планировалась операция по освобождению Смоленщины. Этот КП посещал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин, в связи с чем к его 70-летию в 1949 г. здесь был открыт и просуществовал до 1956 г. филиал Центрального музея Советской Армии. Небольшой участок КП (1×1,5 км) до сих пор изобилует развалинами различных укрытий, траншей, остатками заграждений из колючей проволоки и наблюдательных вышек, устроенных с помощью металлических скоб на высоких старых деревьях[3].

В 2004 году в национальном парке «Угра» принята специальная программа изучения наследия Великой Отечественной войны. Основная цель этой программы — формирование на территории национального парка сети объектов, которые могли бы показать своеобразие и раскрыть познавательные возможности военно-исторических ландшафтов и памятников военного периода, предоставляя посетителям сведения по истории Великой Отечественной войны. В связи с этим программа объединяет как научные задачи, связанные с изучением историографии и объектов наследия, так и практические вопросы восстановления отдельных элементов культурного ландшафта и музеефикации военно-инженерных сооружений.

Исследования, проводившиеся до последнего времени на рассматриваемой территории под названием «Вахт Памяти», носили преимущественно мемориальный характер, поскольку основной целью поисковых отрядов было перезахоронение останков погибших воинов. В силу этого, с одной стороны, событийная информация о боевых действиях, как правило, не накапливалась и, за редким исключением, не обобщалась. Собранные военные раритеты в лучшем случае попадали в заводские и школьные музеи (преимущественно за пределами Калужской области), но в большинстве своем «растворялись» в частных коллекциях. С другой стороны, бессистемные и выполнявшиеся без рекультивации раскопки на местах боев часто приводили к искажению и полной утрате первичного «рельефа войны». Кроме того, в этих местах нередко возникали новые захоронения, обозначенные памятными знаками с указанием авторов раскопок, но не содержащими, к сожалению, практически никакой исторической информации

Программа национального парка предусматривает иные подходы к сохранению и использованию наследия Великой Отечественной войны. С учетом стоящих перед парком просветительских задач главное внимание уделяется подлинным следам военной эпохи и правдивой интерпретации связанных с ними событий. Погружение в реальную историческую среду, позволяющую представить и увидеть жестокий «лик» войны, невозможно заменить никакими символами и знаками. В силу этого еще видимый «рельеф войны» и оставшиеся памятники этого времени должны быть не только сохранены, но — в необходимых случаях — частично восстановлены и реконструированы. Это в первую очередь относится к местам наиболее ожесточенных столкновений — плацдармам, а также к другим значительным объектам, где национальным парком уже предприняты первые шаги по их музеефикации и благоустройству для экскурсионного посещения.

В настоящее время в парке оборудованы для осмотра три военно-мемориальных тропы — «Русиновский берег» и «Павловский плацдарм» у бывших деревень на правом берегу Угры, в полосе укреплений «Угра-фронт», и «Фронтовой КП» на левом берегу реки близ ныне существующей д. Козловка. Все тропы снабжены информационными щитами и указателями, для них изданы листовки и буклеты.

Тропа «Русиновский берег» демонстрирует сравнительно небольшой отрезок немецкой траншеи с пулеметным гнездом, протянувшейся вдоль бровки высокого и весьма крутого берега Угры. Оборонительные сооружения восстановлены в их первоначальном виде; на залесенном береговом обрыве проведены ландшафтные рубки леса и построена лестница, позволяющая спуститься к воде и осмотреть место, где погиб красноармеец, останки которого захоронены в начале тропы, у автомобильной дороги. Маршрут тропы построен таким образом, что позволяет увидеть окрестности глазами как немецкого солдата, так и советского бойца, атаковавшего вражеские позиции.

Павловский плацдарм, захваченный на вражеском берегу и удерживаемый нашими войсками почти в течение года, протянулся вдоль Угры на расстояние чуть более километра. Эта территория, некогда занятая деревней и прилегающими к ней полями, на глубину около пятисот метров сплошь испещрена траншеями, линиями окопов и рвов, воронками от разрывов мин и авиационных бомб. Противников здесь разделяла нейтральная полоса, окаймленная с двух сторон проволокой и сужавшаяся местами до 30—40 метров. Обеспечение угорской «малой земли» свежим пополнением и боеприпасами осуществлялось через реку, где была устроена специальная переправа.

На Павловском плацдарме силами национального парка, с участием волонтерских групп, восстанавливаются участки передовых позиций советских и немецких войск с огневыми точками (оборудованными муляжами орудий и пулеметов), блиндажами, наблюдательными пунктами, проволочными заграждениями и противопехотными «ежами». Подчеркнуть суровый «лик» войны призвана также реконструкция обгоревших срубов и развалин печей на месте бывшей деревни. Все работы проводятся с использованием архивных документов, оригинальных карт военного времени, а также на основе воспоминаний участников боев и прежних жителей деревни. Территория плацдарма, предназначенная для пешеходного осмотра, оборудована смотровой площадкой и местами отдыха.

Мемориальная тропа «Фронтовой КП» захватывает лишь небольшую часть территории, занятой некогда командным пунктом Западного фронта. Здесь располагалось более пятидесяти добротных землянок, около десятка бревенчатых домов, а также большое количество щелей укрытия и протяженная сеть окопов и ходов сообщения. К настоящему времени сохранились лишь земляные ямы и рвы с полусгнившими деревянными каркасами, колючая проволока и металлические скобы на деревьях. В 50-е годы прошлого столетия на месте КП появилась база отдыха, что существенно ограничило возможности реставрации коммуникаций военного периода. Поэтому военно-мемориальная тропа включает в себя компактный набор отдельных элементов КП — землянку, фрагменты проволочного заграждения и колейной дороги, воссозданные в произвольно выбранном месте.

Жизнь показывает, что описанные тропы, несмотря на их удаленность и трудности подъезда, достаточно востребованы и активно посещаются самыми различными группами экскурсантов — от школьников до ветеранов войны. Совершенно очевидно, что притягательность рассматриваемых объектов и большое эмоциональное воздействие их на посетителей обеспечиваются как демонстрацией подлинных военных ландшафтов, так и исторической достоверностью выполняемых реконструкций. Отрадно, что участниками проводимых национальным парком работ становятся волонтеры из числа юношеских поисковых отрядов и местных жителей, а спонсорами — администрации муниципальных образований и бизнесмены. Особую благотворительную поддержку парку в этом деле оказывает Международный центр по обогащению урана.

Проводимая парком «Угра» музеефикация военно-исторических ландшафтов адресована массовой аудитории. В среде профессионалов эта работа также встретила положительные отклики. В частности, парк награжден Почетным знаком Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации». Урочище Русиново было выбрано для проведения третьего Детско-юношеского фестиваля патриотической песни, поэзии и исторической реконструкции военного костюма. Летом 2009 года на этот фестиваль собрались коллективы из Калужской и пяти соседних областей.

Насыщенность Угорского участка национального парка разнообразными памятными объектами и связь этой территории с яркими событиями Великой Отечественной войны позволяют в перспективе рассматривать его значительную часть к западу от г. Юхнова в качестве ландшафтного военно-мемориального музея под открытым небом «Угра-фронт». Этот участок выступает как единое поле сражений периода 1941—1943 гг. — от начала немецкого вторжения в границы Калужской области до конца Московского контрнаступления и последующей стабилизации фронта в преддверии Орловско-Курской операции. Организация подобного музея потребует проведения масштабных натурных работ, связанных с частичной реконструкцией других плацдармов, аэродрома, военных дорог и переправ, немецких бомбоубежищ, прочих военных, а также некоторых гражданских объектов рассматриваемого периода. Кроме того, в планах национального парка создание экспозиционного павильона для демонстрации многочисленных раритетов, найденных на данной территории (предметы вооружения и военного быта). В таком павильоне, помимо собранных уже вещественных экспонатов, могли бы демонстрироваться архивные документы воевавших сторон, а также макеты труднодоступных для посещения мест, где происходили известные сражения — битва за плацдарм «Красная горка», прорыв окруженных частей 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и другие значимые эпизоды войны.

Здесь же следует сказать, что в процессе музеефикации объектов, не сохранивших по разным причинам «рельефа войны», имеет смысл обратиться к иным, быть может более традиционным способам увековечения «памяти места». В данном случае речь может идти о Суковском плацдарме при слиянии рек Угры и Рессы, стратегически, вероятно, наиболее важном для Красной Армии, но потребовавшем невероятных усилий и жертв при его захвате. Однако практически никаких следов военных действий в свободном от леса ландшафте этой территории (сельхозугодья) до сегодняшнего дня, к сожалению, не сохранилось. В силу этого оправданным представляется сооружение в самой высокой точке плацдарма мемориала, хорошо видимого с разных сторон.

Несколько иным, но близким по подходу приемом можно было бы обозначить место на левом берегу р. Угры, где ранее находилась д. Аксиньино и откуда наносились главные удары Красной Армии при захвате плацдарма «Красная горка». Здесь, на фундаменте ранее существовавшей церкви Николая Чудотворца (сооружена в 1711 г.), в непосредственной близости от понтонной переправы 1942 г., можно было бы построить небольшую часовню и оборудовать обзорную площадку с видом на правобережный плацдарм (участок недоступен для посещения, так как входит в заповедную зону парка).

При всех ожидаемых трудностях на пути реализации подобных планов самой главной проблемой несомненно будет земельная собственность. Несмотря на жесткие ограничения режима национального парка, попытки застройки и нежелательного хозяйственного освоения мемориальной территории уже отмечаются. Другой очевидной проблемой является интенсивное зарастание древесно-кустарниковой растительностью открытых пространств, ранее поддерживаемых в процессе сельскохозяйственной деятельности. Исходя из этого необходимы тщательно продуманная стратегия сохранения, поддержания и восстановления исторических ландшафтов, а также разработка специальных методов управления этими объектами. В частности, одним из вариантов сохранения важных для истории ландшафтных комплексов на землях иных собственников могли бы стать постановка их на учет и дополнительная охрана в статусе достопримечательных мест[4].

Литература

[1] См.: Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В. П. Новикова, Т. А. Гордеевой. — Калуга, 2007.

[2] См.: *Коваленко А. С.* Историческое наследие Великой Отечественной в национальном парке «Угра» // Заповедники в Великой Отечественной войне (1941—1945). — Курск, 2005. — С. 80—86.

[3] См.: *Коваленко А. С.* Командный пункт Западного фронта апреля—августа 1943 года // Природа и история Поугорья. — Вып. 4. — Калуга, 2006. — С. 225—231.

[4] См.: *Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты национального парка «Угра»: стратегия действий // Природа и история Поугорья. — Вып. 5. — Калуга, 2009. — С. 230—241.

УСАДЬБА ЗАВАДОВСКОГО — ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ И ВВЕДЕНИЯ В ТРАНЗИТНЫЙ МАРШРУТ

Д. Клиндухова, студ.,
Московский психолого-социальный институт, филиал в г. Брянске

Недалеко от границы, в Брянской области, в селе Ляличи Суражского района, тихо-смирно рушится усадьба дворцового типа. Данный архитектурный ансамбль можно ввести в систему туристических объектов транзитного туризма. Объект удобен и как форма организации тура выходного дня, и как стационарный объект исследования и изучения.

Село Ляличи, упоминаемое с 1654 г, известно огромной усадьбой екатерининского фаворита графа Петра Васильевича Завадовского. В 1775 г. ему были пожалованы Екатериной II 40 тыс. десятин земли вместе с 2,5 тыс. крестьян. В 1780—90-х гг. Завадовский осуществил в Ляличах строительство огромного усадебного комплекса, названного в честь благодетельницы Екатеринодаром.

Великолепные по архитектуре здания Ляличей, а их было весьма много, располагались в живописном парке, расположенном на 154 гектарах земли, в прежнее время доходившем почти до долины реки Ипуть. Кроме главного дворца с галереями и флигелями и церкви св. Екатерины, в парке были летний дворец поменьше главного, а также «Храм благодарности» в виде многоколонной ротонды (1790). В этой ротонде находилась бронзовая статуя фельдмаршала П. Румянцева-Задунайского, одного из «екатерининских орлов», работы скульптора Рашетта.

В основе всей усадьбы лежат два главных здания — дворец и церковь, — которые по изяществу и богатству своих интерьеров, да и по своей архитектуре в целом могут быть названы великолепными.

Крупный усадебный дом выполнен в стиле зрелого классицизма, его подлинно дворцовый характер прежде подчеркивало великолепное убранство интерьеров. Кирпичное и оштукатуренное здание возведено в 1770—1780 гг. По словам местных жителей, во дворце было триста шестьдесят комнат — по числу дней в году.

Кирпич для постройки усадьбы доставлялся из села Мглин, что в 22 километрах от с. Ляличи. По легенде, по всей длине от Мглина до Ляличей стояла живая цепь из крепостных, передающих друг другу кирпичи.

Вне основной территории усадьбы на небольшой площади села поставлена церковь святой Екатерины, построенная в 1793—1797 гг. Прекрасен усадебный храм в стиле зрелого классицизма, отличающийся монументальностью архитектурных форм и уникальной объемно-пространственной композицией.

Комплекс в Ляличах является выдающимся памятником русского зодчества, и одним из лучших произведений Джакомо Кваренги — знаменитого архитектора, представителя классицизма второй половины XVIII — начала XIX в.

Таким образом, в обычной брянской деревне был создан великолепный архитектурный ансамбль.

Одно из лучших описаний дворца в Ляличах было сделано Ф. Ф. Горностаевым в 1911 г. Собственно, только благодаря его фотографиям и довольно подробным описаниям, можно иметь представление о художественном уровне всего ансамбля.

Судьба усадьбы весьма трагична. Разрушение началось давно, в конце прошлого столетия, а причиной этого являлось то, что усадьба без конца переходила от одних владельцев к другим и порой находилась в полной заброшенности.

Храм функционировал до 1937 г., после этого никак не использовался.

К настоящему времени из многочисленных усадебных строений сохранились в руинированном состоянии дом-дворец с галереями и флигелями (стены нижнего этажа здания с колоннами дворового портика дома), небольшая часть ограды и пилоны въездных ворот, один из корпусов оранжерей (переделанный в конюшню) и церковь св. Екатерины без перекрытий и внутреннего убранства. Огромный парк во многих местах вырублен и сильно запущен.

89 Зак. 1053

Фото 1. Церковь Святой Екатерины. Архитектор Дж. Кваренги (?). Современный вид. Фото автора. 2010.

Виоле ле Дюк сказал когда-то, что прекрасная архитектура и в руинах прекрасна. Эту фразу можно применить и к Ляличам. Даже в руинированном состоянии на фоне обыкновенных сельских строений храм и остатки дворца кажутся особенно величественными. Интерьер храма сильно поврежден, но сохранившиеся детали архитектурного убранства и лепки говорят о высокой культуре пластики, рисунка, а также о мастерстве исполнения.

Посещение Ляличей вызывает тревогу за судьбы наших памятников, проблемы их сохранения требуют глубокого осмысления и новых подходов. Необходимы творческое, бережное отношение к наследию, дальнейшая разработка профессиональной этики и идеологии сохранения памятника, научного концептуального подхода к проблеме реставрации и реконструкции.

Стремительные и необратимые утраты культурного пространства Ляличского комплекса очевидны.

На основе изучения исторического бытования и анализа художественного образа интерьера необходимо осуществлять поиск возможных способов реставрации усадьбы с учетом дальнейшего музейного использования.

Это не только оптимальный вариант сохранения историко-культурного наследия, но и репрезентация его в привычном пространственном окружении.

Необходимо музеефицировать хотя бы то, что сохранилось. Реализация такого проекта является возвращением исторического долга и дает возможность более полного использования потенциала данного комплекса.

Так, музейная инсталляция усадьбы напоминала бы нам об исторических корнях наших предков, которые строили и укрепляли Российское государство, доставшееся нам в наследство. Тем самым возвращается людям историческая память. Это создает современную интеллектуальную и культурную среду, позволяющую вдохнуть новую жизнь в памятник.

В 1979 г. церковь в усадьбе Завадовского была включена в список памятников истории и культуры федерального значения.

В 1980-х гг. Институтом «Спецпроектреставрация» разработан проект восстановления усадьбы, предусматривающий восстановление дома-дворца, церкви и некоторых построек. Благо, сохранились чертежи строения.

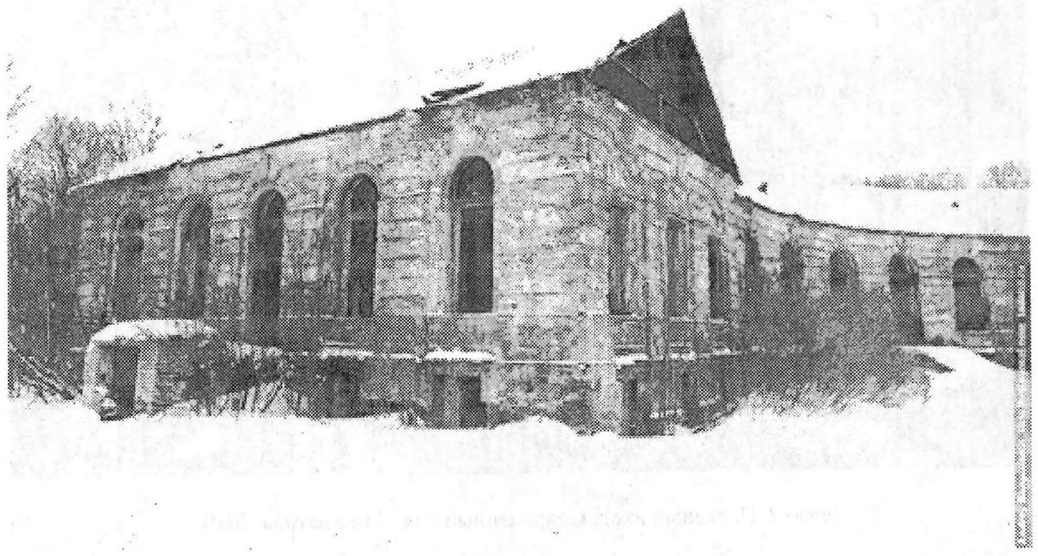


Фото 2. Западный флигель усадьбы графа П. В. Завадовского. Современный вид. Фото автора . 2010.

Еще тогда было очевидно, что реставрацию вряд ли удастся провести быстро.

Реставрация началась в церкви св. Екатерины. Но сейчас уже и ее следы не скрывают разруху. Покосились кресты, почернели леса, штукатурку не успели выровнять. На крохи, брошенные Министерством культуры, смогли расчистить подвалы. Снова бьются стекла, шальные люди пытаются отпилить балки…

На сегодняшний день должный ремонт так и не произведен.

Острота этой ситуации во многом обусловлена резко снижающимися объемами и качеством работ по реставрации усадьбы, все шире распространяющейся бесхозностью, заметным снижением общей эффективности государственного и общественного контроля, и, что самое главное, отсутствием финансирования.

Несмотря на то, что сумма средств на реставрацию исчисляется сотнями миллионов, продолжить работу по восстановлению необходимо. Надо требовать у государства денег и на поддержание такого огромного хозяйства.

Также необходимо обратить внимание патриарха Кирилла на храм, а возможно, и найти потомков дворянских родов, которые пожелают принять участие в восстановлении.

К сожалению, Брянская область, еще недостаточно использует свой потенциал в сфере культурного туризма. А ведь существует система туристских маршрутов, охватывающих древние малые города Брянщины. Одним из них может быть маршрут Брянск — Сураж. Этот маршрут начинается из Брянска с его тремя музеями, замечательным памятником русского барокко — Свенским монастырем, далее проходит через село Красный Рог, в котором расположены музей-усадьба А. К. Толстого и его могила у древней Успенской церкви. Почеп знаменит своими историческими памятниками — Ильинской церковью над братской могилой четырех тысяч почепчан, погибших в 1610 г. при обороне от поляков, остатками города Александрополя, построенного А. Д. Меньшиковым, и Воскресенской церковью, построенной по проекту Ринальди в 1760-е годы, с единственным сохранившимся на Брянщине барочным иконостасом. Церковь входила в дворцовый комплекс последнего гетмана Украины Кирилла Разумовского, правнуками которого были А. К. Толстой и братья Жемчужниковы. В Почепском музее имеются уникальные археологические материалы по Почепской культуре I—II в. н. э., сыгравшей большую роль

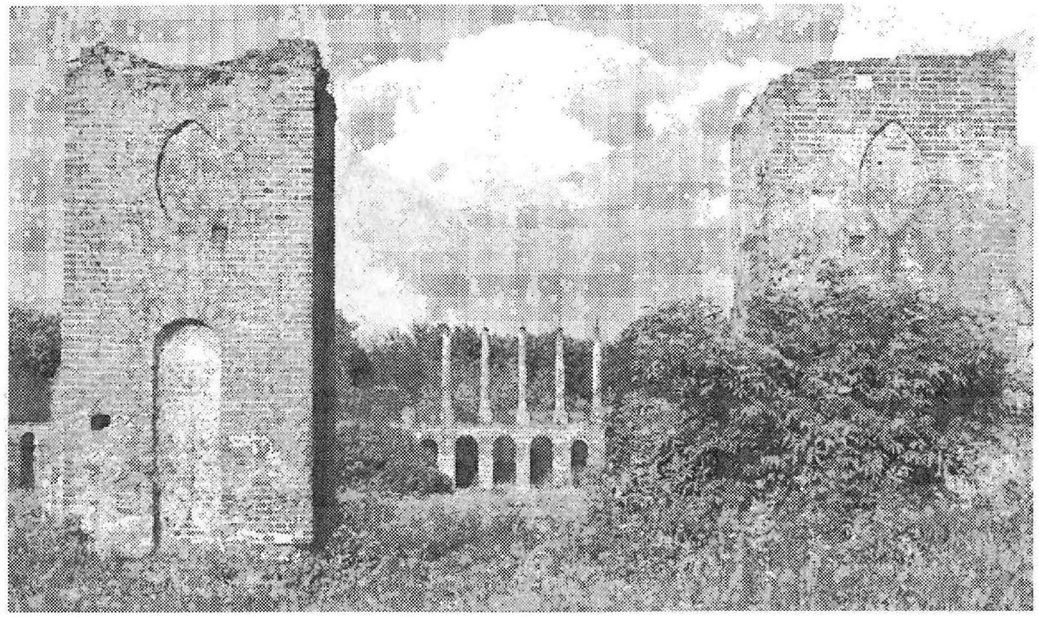


Фото 3. Парадный вход. Современный вид. Фото автора. 2010.

в генезисе славянства. Далее на пути маршрута находится непосредственно город Сураж. Основная проблема при создании туристических маршрутов связана с размещением. На территории города имеется гостиница «Суражичи», где могли бы остановиться туристы

В районе есть много интересных мест, которые могут привлекать туристов. Естественно, это село Ляличи, также село Нивное, в котором находится церковь Рождества Богородицы. Задолго до революции в семейном склепе в селе Нивное Брянской области были похоронены видный деятель артиллерии и ракетной техники генерал-лейтенант Константин Иванович Константинов, видный деятель строительства и архитектуры генерал-лейтенант Андрей Федорович Лишин и Констанция Ивановна Лишина (сестра Константинова и жена Лишина). Затем над склепом была возведена церковь Рождества Богородицы.

Имение Михаила Андреевича Искрицкого, предводителя дворянства Суражского уезда, в селе Далисичи расположено на окраине. Состоит из дома, двух флигелей и фруктового сада. Усадьба построена по заказу одного из местных дворян Искрицких, род которых выдвинул целую плеяду видных военных деятелей России. Это редкий на Брянщине образец небольшой мелкопоместной усадьбы, возведенной из дерева в стиле позднего классицизма. Планировочная структура усадьбы довольно типична для времени ее постройки — середины XIX в. Территория образует прямоугольник, длинной стороной обращенный к сельской улице. Центром является господский дом, расположенный в глубине двора параллельно улице. Два одинаковых флигеля, поставленные по сторонам дома перпендикулярно улице, образуют перед ним парадный двор. За домом простирается обширный фруктовый сад. Вся усадьба огорожена кирпичным забором.

Кроме того, возможна обзорная экскурсия непосредственно по г. Суражу.

Представляет интерес и выезд в Н. Дроков, на его территории протекает вторая по величине река области — Ипуть, левый, наиболее крупный, приток Сожа. Это незабываемый отдых на природе, где можно расслабиться, подышать свежим воздухом, порыбачить и т. д.…

Организация туристических маршрутов в Брянской области способствует созданию новых рабочих мест, увеличению доходов области и повышению благосостояния ее населения, формированию положительного имиджа области, представления о ней как о месте, благоприятном для путешествия и отдыха, сохранению туристских ресурсов, рациональному использованию природного и культурного наследия.

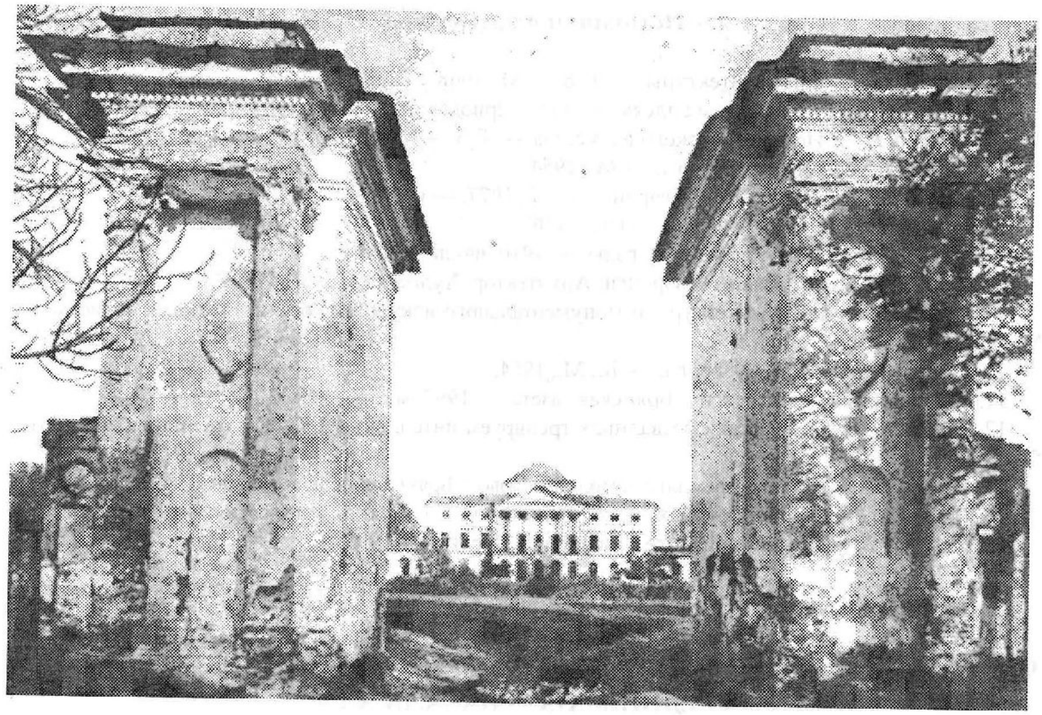


Фото 3. Парадный вход. Фото Ф. Ф. Горностаева. 1911.

Для начала культурное достояние области необходимо активно пропагандировать в печати: никакой туристический справочник не должен обходиться без упоминания о нем, средствам массовой информации необходимо включить эту тему в число постоянных.

Ляличи пока остаются большим селом, в нем около восьмисот жителей, которые неоднократно говорили, что мечтают о том времени, когда руины вновь обретут очертания дворца, когда над храмом зазвонят колокола.

Среди жителей всего района все чаще раздаются голоса возмущения, что этот ансамбль, представлявший собой дивное сочетание архитектуры, скульптуры, декоративного и паркового искусства, безвозвратно погибает.

И вот в 2010 г. в храме опять зазвучала молитва.7 декабря проходило богослужение в честь святой Екатерины, которое проводили благочинный отец Василий и протоирей отец Владимир.

Нельзя не отметить положительные стороны в восстановлении. На усадьбу вновь обратили внимание государственные и местные власти.

В апреле 2010 г. в Ляличах состоялось совещание, в котором приняли участие губернатор Брянской области Николай Васильевич Денин, главный федеральный инспектор в Брянской области Николай Владимирович Бурбыга, депутат Брянской областной Думы, председатель комитета по аграрной политике и природопользованию Иван Владимирович Медведь. По результатам совещания решено создать благотворительный фонд «Восстановление храма в селе Ляличи».

На данный момент активно разрабатывается устав.

Кроме того, губернатор Брянской области Н. В. Денин выделяет 5 млн. руб. на восстановление храма.

Екатеринодар графа Завадовского был и остается шедевром, окончательная утрата которого будет равнозначна преступлению перед потомками.

Таких же брошенных по сути исторических памятников много и на территории Смоленской, Курской и Калужской областей. Труд энтузиастов-одиночек не сможет восстановить весь облик старинной усадьбы и включить ее в череду туристических маршрутов. Необходима программа по восстановлению облика Полесья как историко-культурно-этнографического заповедника

90 Зак. 1053

Источники и литература

1. Всеобщая история архитектуры. — Т. 6. — М., 1968.
2. *Городков В.* По старинным аллеям. — Тула: Приокск. кн. изд-во, 1983.
3. *Грабарь И. Э.* История русского искусства. — Т. 3. —М., [б. г.].
4. История русской архитектуры. — М., 1954.
5. *Коршунова М. Ф.* Джакомо Кваренги. — Л., 1977. — С. 80.
6. *Курбатов В. Я.* Сады и парки. — Пг., 1916.
7. *Макаренко Н.* Ляличи // Старые годы. — 1910, июль—сент.
8. *Пилявский В. И.* Джакомо Кваренги: Архитектор. Художник. — Л., 1981.
9. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. — М.: Наука, 1996.
10. *Телепоровский В. Н.* Кваренги. — Л.; М., 1954.
11. Зодчий храма — Кваренги // Брянская газета. — 1997, март. — № 13.
12. *Мамичева В.* На графских развалинах тренируем интеллект // БК Факт (г. Брянск). — 2001, 5—11 сент. — № 36.
13. *Помаривнев Г.* За графа-земляка замолвим слово // Брянская неделя. — 2002, 14 февр. — № 7.
14. *Сорокина Л.* Ляличи в руинах — как раны души… // Брянские известия. — 1993, 24 сент.
15. *Федоров В.* Купол на горизонте // Восход (г. Сураж). — 1993.

ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

***Л. А. Крутова**, преп., Калужское Духовное училище*

> В образовании женщины заключается могучая сила страны, основа ее умственного и нравственного процветания и свободного развития, без образования женщины нет народного образования…
> (21. С. 19; 17. С. 562—575).

Тема женского духовного образования в России XXI в. имеет глубокие исторические корни, существует необходимость реального продолжения традиций. Ведь именно от женщины во многом зависят климат в семье, здоровье детей, а значит, состояние и здоровье нации в целом. Воспитанию и духовному образованию девушки, женщины — будущей жены и матери — в дореволюционной России уделялось особое место. В первой половине XIX в. в Калужской губернии большое распространение получили частные школы (см.: 20, с. 34). Классическим примером частной школы в губернии была школа Вырских, открытая в Козельске в 1833 г. Школа Вырских процветала, и на ее базе было решено организовать училище для бедных дочерей духовенства, которое 6 июня 1863 г. было открыто (см.: 4, с. 63—65; 23, с. 56).

Несмотря на заботы Вырских, духовенство епархии, как свидетельствовали «Калужские епархиальные ведомости», не сочувствовало их усилиям. В письме епископа Григория (Митькевича) к графине Протасовой объяснялись причины такого отношения: «сочувствия к Козельскому училищу духовенство не имело и не имеет…, потому что оно находится на краю епархии… Духовенство… находит нужным открыть новое училище в Калуге, как центре епархии» (23, с. 57—58).

Во второй половине XIX в. в губернии повсеместно растет сеть церковных школ. Складывалась потребность в открытия церковных школ, а вместе с тем и в подготовке для них учителей из женщин, наиболее склонных к воспитанию детей, в специально для этого созданном женском училище при епархии.

К открытию женского духовного училища в Калуге подталкивало стремление клириков дать своим дочерям приличное образование, затрачивая при этом меньше средств, чем требовалось в светских учебных заведениях. Козельское училище закрылось само собой, так как средства, выделяемые на его нужды, были перераспределены в пользу нового училища и ученицы стали переходить в это училище.

К осени 1878 г. было завершено строительство здания Калужского Епархиального Женского училища (далее — КЕЖУ) с церковью внутри. Здание было освящено 24 сентября 1879 г. Цель учреждения Калужского епархиального училища — с теоретической точки зрения религиозно-нравственное воспитание и научное образование девиц духовного звания; с практической — получение ими возможности быть полезными членами частной, семейной жизни и общественной деятельности (см.: 19. С. 78—81).

Ежедневные занятия начинались и заканчивались чтением молитв в школьной церкви (кроме того, молитвы совершались до и после обеда и ужина и перед сном). В праздничные дни устраивалось богослужение. Основными учебными предметами в училище в разное время были Священная история Ветхого и Нового завета, Катехизис, славянская и русская грамматика, арифметика, география, всеобщая и русская история, французский, немецкий языки, чтение, церковное пение, чистописание, естествоведение, сельское хозяйство, школьная гигиена.

Из Устава Епархиальных Женских училищ узнаем, что воспитанницы училища обучались «шитью и кройке белья и платья, вязанью и вообще женскому домашнему рукоделью» (8. С. 238). В Государственном архиве Калужской области хранится список учениц пятого класса Калужского Епархиального Женского училища по рукоделию за 1896/97 учебный год .Девочки приучались к домашнему хозяйству: сами себе шили и чинили белье и платья, убирали комнаты и постели, по очереди участвовали в приготовлении еды на кухне, накрывали столы, занимались посадкой и поливкой овощей и растений и другими предметами домашнего хозяйства (см.: 8. С. 244). В светских учебных заведениях эта сторона воспитания оставалась без внимания.

Никакое другое учебное заведение не могло подготовить дочерей духовенства к миссии жены священника. Хотя курс преподаваемых предметов в светских и духовных училищах был один и тот же, только в духовных учебных заведениях девушка могла получить истинное духовное образование — в духе и под руководством Православной церкви.

Разработанное для девочек духовного звания содержание среднего образования по своему уровню соответствовало образцам средних светских женских учебных заведений, обеспечивая воспитанницам полноценную подготовку к семейной и общественной деятельности. Кроме того, епархиальные женские училища давали право дочерям представителей духовного звания на материальную независимость от семьи.

По Уставу Епархиальных Женских училищ, воспитанницы «говеют, исповедуются и приобщаются Св. Таин два раза в год: в пост Св. четыредесятницы и пред Рождеством Христовым».

Говенье Рождественским постом — это особенность епархиальных женских училищ. В других учебных заведениях в этот пост не говели. Воздержание от скоромной пищи — средство, приводящее к осознанию своей греховности и воздержанию от дурных привычек. Ученицы епархиальных училищ говели еще и потому, что высшая церковная власть желала, чтобы они, очистившись от грехов в таинстве Покаяния и получив благодатную помощь в таинстве Причащения, деятельно руководились в своей жизни примером Пресвятой Богородицы, а ученицы Калужского училища — и примером св. великомученицы Екатерины.

С первого дня говенья в училище начиналась другая жизнь. Общение с внешним миром почти совсем прекращалось. Ученицам не разрешался отпуск, и без особой необходимости не дозволялось посещение учениц родственниками. Уроки прекращались. Все время ученицы посвящали богослужению и чтению назидательных книг. Богослужение совершалось вечером (вечерня и утреня) и утром (Литургия). В свободное от богослужения время они читали журналы и книги религиозного содержания, и делали это охотно. Пост соблюдался во всей его строгости. В дни говенья ученицы добровольно отказывались от пищи с маслом (да и в обычные дни поста они не допускали отступлений от предписаний Церкви). Некоторым воспитанницам по состоянию здоровья позволялось употреблять более питательную пищу, но часто доктору стоило большого труда уговорить их записаться на больничную порцию (см.: 5. С. 744—745).

Свобода воспитанниц училища в дни говенья не нарушалась: пост был для них нормой жизни верующего человека. В «Отчете о состоянии Калужского Епархиального женского

училища в учебно-воспитательном отношении за 1895/96 учебный год» отмечалось, что состояние здоровья учениц было удовлетворительным. Значит, пост не имел пагубного воздействия на организм воспитанниц.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Скоро Калуга превратилась в город по размещению раненых. Военное ведомство заняло здание епархиального училища под сводный 37-й госпиталь, оставив только три классных комнаты для учениц шестых—седьмых классов.

Воспитанницы Калужского епархиального женского училища, движимые чувством патриотизма и любви к воинам, проливающим свою кровь на Дальнем Востоке за веру, царя и Отечество, по собственной инициативе, собрали до 200 руб. на нужды воинов и на собранные деньги приобрели необходимое количество материала, из которого сшили белье для воинов. «Такое, совершенно добровольное и в высшей степени утешительное в педагогическом отношении, удостоилось Архипастырского одобрения главного начальника училища Преосвященнейшаго Вениамина, Епископа Калужского и Боровского» (11. С. 200—201). На призыв Архипастыря изготавливать белье для нужд Действующей Армии и раненых воинов личным трудом жен священнослужителей и учительниц церковно-приходских школ города Калуги «жены священнослужителей весьма охотно отозвались и с усердием принялись за предложенное им дело» (15. С. 11).

«Отчет о состоянии Калужского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1895/96 учебный год» содержит краткие биографические сведения о преподавателях. Из этого документа узнаем, что учителя Калужского епархиального женского училища имели степени кандидата богословия, магистра богословия. Многие преподаватели училища обучались в Московской и Киевской духовных академиях. Среди учительниц — те, кто прослушал курс математических наук при Санкт-Петербургских высших курсах, в Московском Николаевском институте; по данным 1904 г., начальница училища — воспитанница Санкт-Петербургского Мариинского института, окончившая полный курс с наградой (см.: 7. С. 50). Старшая воспитательница и заведующая библиотекой окончила курс в Санкт-Петербургском Екатерининском институте (см.: 9. С. 44—47). В списке лиц Калужской епархии, «кои Всемилостивейше пожалованы, к 6 мая 1904 года, медалями, с надписью “за усердие”», — воспитательницы Калужского епархиального женского училища. Некоторые преподаватели были награждены орденами (см.: 10. С. 653—655). Из этого следует, что преподаватели и воспитательницы женского училища были высокообразованными людьми, обладавшими высоким профессиональным уровнем, и это не могло не отражаться на уровне и качестве знаний воспитанниц этого учебного заведения.

В училище в течение двадцати лет преподавал физику и математику К. Э. Циолковский (см.: 2. С. 163).

Живя в конвикте (общежитии), ученицы получали от училища все необходимое (стол, одежду, обувь и т. д., за что вносилась плата, составлявшая в разные годы от 80 до 110 руб. с каждой ученицы. Девушки из других сословий платили в два раза больше.

Среди воспитанниц училища все время было значительное число сирот. В училище были именные стипендиатки или пансионерки, содержавшиеся на средства духовных лиц или православных учреждений. Например, Калужский Казанский женский монастырь с 1879 г. ежегодно вносил в училище 400 руб. за содержание четырех сирот; архимандрит Мисаил оплачивал весь курс обучения одной сироты; врач училища А. П. Бабушкин свое жалование употреблял на содержание двух сирот. К 1905 г. на стипендии, средства благотворителей и духовенства в училище воспитывалось 149 учениц (см.: 12. С. 110—119).

В 1880 г. начало свою работу Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Калужского епархиального женского училища. За тридцатилетний период деятельности Общества пособия выдавались свыше девятисот раз, помощь получили, по меньшей мере, 800 человек (см.: 13. С. 6). Общество оказало существенную поддержку в получении образования многим бедным воспитанницам. «Епархиальные ведомости» свидетельствуют: «Трудно забыть радость ученицы, когда ей был выдан материал для пальто и теплый платок, она как бы уже чувствовала, что ей более не придется дрожать, когда она

в сильные зимние морозы из холодной своей квартиры отправится в училище.., имея пальто, она, вероятно, считала себя богачкой» (6. С. 546—555).

Каждой бедной ученице выданное ей пособие давало надежду на окончание курса, перспективу трудной, но дававшей средства к существованию жизни народной учительницы.

За двадцать пять лет курс училища окончила 1 061 девица (см.: 18. С. 136).

Выпускницы училища часто становились учительницами церковно-приходских и других низших школ, врачами, библиотекарями (см.: 1. С. 244—245). Аттестат об окончании Калужского Епархиального женского училища давал право быть домашней учительницей. Редко найдется в губернии школа, где не было бы учительницы — выпускницы епархиального училища. Многие из выпускниц, получив затем высшее образование, проявили себя и в других областях знаний. Александра Сергеевна Троицкая впоследствии стала кандидатом медицинских наук. Неонила Ивановна Кедрова за новейшие открытия в медицине была удостоена ученого звания доктора медицинских наук. Замечательным врачом стала Антонина Петровна Никольская. В области просвещения прославили свое училище бывшие выпускницы Н. А. Преображенская, О. А. Соколова, А. В. Иванова, А. Н. Авдеева и многие другие (см.: 16. С. 55).

Воспитанные епархиальным училищем в духе истинно христианского благочестия, сельские матушки оказывались лучшими воспитательницами простого народа. С открытием Калужского епархиального женского училища появились новый контингент получивших образование матушек и новый рассадник сельских учительниц. Епархиальные училища не давали особенного научного и практически-педагогического образования, но в этих училищах было правильно поставлено воспитание. Здесь систематически воспитывались три важных качества девушки, в перспективе будущей учительницы или жены священника, — трудолюбие, терпение и «довольство ограниченными условиями жизни». Этими качествами восполнялись недостатки в полученном образовании. Теперь сельские матушки — не многозаботливые Марфы, а чуткие ко всему возвышенному Марии, которые, не устраняя от себя должных забот о семье, сознательно сочувствуют всем благим стремлениям молодых батюшек.

В лице своей супруги батюшка находит и друга, и советчика, и часто своего сотрудника в прикосновении с разными сторонами деревенской жизни. Интеллигентные матушки старались положить добрые начала воспитания и обучения своих детей, интересуясь всем, касающимся этой области знания. Некоторые жены священников, хорошо усвоив в Епархиальном училище церковное пение, охотно принимали участие в церковных хорах, что особенно высоко ценили крестьяне (см.: 14). «Калужские Епархиальные ведомости» свидетельствуют о том, что Калужский Епархиальный Училищный Совет объявил благодарность усердным и полезным деятелям церковно-приходских школ, среди которых — объявлена благодарность жене священника села Вешек Медынского уезда. С. Марковой за устройство хора при местной приходской церкви (см.: 3. С. 3).

При женских монастырях и общинах Калужской епархии середины XIX — начала XX в. находились учебные и воспитательные учреждения. Так, при Казанском Боголюбивом монастыре состояло женское училище, где обучались одиннадцать неграмотных девиц и шемть крестьянских девочек в возрасте от восьми до девяти лет. При Троицкой общине действовали церковно-приходская школа, приют для девочек. В Казанской Амвросиевской пустыни (Шамордино) действовал приют для девочек-сирот. В Николаевской общине был странноприимный дом и приют для детей погибших воинов. Община «Отрада и Утешение» имела детский приют для девочек-сирот, Скорбященская община — приют для глухонемых детей. Троицкая община имела приют для девочек, больницу с амбулаторией и богадельню.

В отечественной исторической литературе существуют работы по истории женского образования в Российской империи. Но огромный пласт исторического материала о женском образовании в провинции (в частности, об образовании женщин духовного сословия) во многом еще не изучен и не осмыслен.

Любая педагогическая система должна обладать четкой национальной спецификой, отражающей «душу народа». Душой русского народа всегда было православие, та почва,

91 Зак. 1053

на которой выросла столь богатая, неповторимо красивая и своеобразная русская культура. «Православное воспитание и образование испытано многовековым опытом русского народа, засвидетельствованным нашими святыми, лучшими людьми Русской земли. Оно сформировало великий народ, создавший могучее государство, великую культуру и литературу, особый неповторимый строй душевной жизни», — отмечал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. «Главная же составляющая духовного образования, — указывал Патриарх, — есть сама духовность, то есть умение не говорить о Христе, о Церкви, а жить во Христе и в Церкви».

Калужское Епархиальное женское училище выполняло общегосударственные задачи просвещения народа и внесло неоценимый вклад в культурное развитие Калужского края. Взращивая идеальных «матушек», оно исправно служило интересам духовенства. Быть ободрением и утешением пастыря церкви в его великом, многотрудном и часто весьма тернистом служении — само по себе дело великое. Но далеко не все выпускницы выходили замуж. Многие, оставаясь в девичестве, становились на школьную дорогу и проходили этот путь усердно и с честью. Выпускницы училища являлись самым подходящим и устойчивым элементом для сельских церковно-приходских и земских школ.

По сведениям о личном составе церковно-приходских школ Калужской епархии за 1907 г., в большинстве школ Калужского края преподавали выпускницы Калужского Епархиального женского училища (см.: 22).

Литература

1. Единственная и неповторимая: Калуга в старой открытке. — Владимир: Посад, 2002.
2. Калуга в старинных открытках / Сост. Е. И. Фридгельм. — Калуга, 1995.
3. Калужские Епархиальные ведомости. — 1901. — № 1.
4. Калужские епархиальные ведомости. — 1863. — № 10. — Оф. ч.
5. Калужские епархиальные ведомости. — 1892. — Прибавления к № 23.
6. Калужские епархиальные ведомости. — 1893. — Прибавления к № 18.
7. Калужские епархиальные ведомости. — 1904. — № 16. — Ч. неоф.
8. Калужские епархиальные ведомости. — 1868. — № 23. — Ч. оф..
9. Калужские епархиальные ведомости. — 1897. — № 3. — Ч. оф.
10. Калужские епархиальные ведомости. — 1903. — № 23. — Ч. неоф.
11. Калужские епархиальные ведомости. — 1904. — № 6—7. — Ч. неоф.
12. Калужские епархиальные ведомости. — 1905. — № 4. — Ч. неоф.
13. Калужский Церковно-Общественный Вестник. — 1911. — № 18.
14. Калужский Церковно-Общественный Вестник. — 1911. — № 6.
15. Калужский Церковно-Общественный Вестник. — 1915. — № 14.
16. *Лаврентьева Н. И., Лагутин В. Д., Ловецкий Г. И., Смирнова А. В.* Учителя и ученики: 225 лет Калужскому образованию. — Калуга: Гриф, 2002.
17. *Макеева И. А.* Первые женские средние учебные заведения в Вологодской губернии. — Вологда: Краеведческий альманах. — Вып. 2. — Вологда, 1997.
18. *Малинин Д. И.* Калуга: Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга: Золотая аллея, 1992.
19. Наше епархиальное женское училище и современная действительность // Калужские епархиальные ведомости. — 1903. — № 4. — Неоф. ч.
20. *Попроцкий М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Калужская губерния. — Ч. 2. — СПб., 1864.
21. *Семенов Д. Д.* Нуждаются ли наши женские гимназии в преобразовании, и каком именно? // Вестник воспитания. — 1892. № 3.
22. ГАКО. Ф. 391. Оп. 2. Ед. хр. 99.
23. *Штепа А. В.* Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX — начала XX века) // Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой, 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАО — Архив Российской академии образования.
ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
ГАДНИКО — Государственный архив документов новейшей истории Калужской области.
ГАБО — Государственный архив Брянской области.
ГАКО — Государственный архив Калужской области.
ГАРО — Государственный архив Рязанской области.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
КМА — Курский областной музей археологии.
КОКМ — Калужский областной краеведческий музей.
КОХМ — Калужский областной художественный музей.
НА КГОМА — Научный архив Курского областного музея археологии.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.
ОР ГМИИ — Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РИБ — Русская историческая библиотека.
СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества.
ТОИАЛМ — Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей.
ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области.
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы.
ЦМАМ (ЦАГМ) — Центральный муниципальный архив г. Москвы.
ЦХДМО — Центр хранения документов молодежных организаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Бессонов В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Проблемы изучения 3

Иванов В. А. Некоторые особенности и итоги отмены крепостного права в Калужской губернии 9

АРХЕОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Сорокин А. Н., Фролов А. С. Поселение Лукьяново 2 на р. Оке 17

Грудинкин Б. В. Поселение Некрасово 20

Чубур А. А. О присутствии бутовской мезолитической культуры в Верхнем Подесенье 24

Янишевский Б. Е. Новые памятники археологии раннего железного века в верховьях рек Москвы и Протвы 28

Столяров Е. В. Находка скифского кинжала в верховьях р. Непрядвы 34

Прошкин О. Л. К вопросу о наличии культовых объектов на городище «Чертово городище» 38

Григорьев А. В. Неизвестный клад из Тульской области 44

Пуцко В. Г. Два образца средневековой металлопластики из Любутска 46

Пуцко В. Г. Русская меднолитая иконка Спаса Нерукотворного 50

Болдин И. В., Массалитина Г. А. Археологические работы на территории г. Козельска в 2010 г. 55

Поляков Г. П. Древний Вщиж. Историко-археологический очерк 59

Шинаков Е. А., Грачев С. Ю. О южной границе вятичей в Подесенье 63

Гурьянов В. Н. Железная игла с кольцом в бронзовом футляре 68

Беспалов Р. А. Воротынское княжество в XV в. и локализация Воротынска «старого» и «нового» в 1499 г. 70

Массалитина Г. А. Проблема местонахождения летописного Воротынска 77

Беспалов Р. А. К вопросу о границе «ро Uhru» в XV в. 81

Пежемский Д. В., Шмытов М. А. Средневековое население бассейнов Верхней Десны и Сожа по данным краниологии 86

Пежемский Д. В. Физическое развитие и особенности телосложения древнерусского населения бассейна верхней Оки 97

Барбашов Е. Р. Разноязычные названия для одного географического объекта в Белёвском крае и археологические данные 107

Стародубцев Г. Ю. Находки монет Золотой Орды на Гочевском археологическом комплексе 112

Модин Р. Н., Столяров Е. В. Попытка реконструкции конского оголовья у племен лесной зоны Восточно-Европейской части России в раннем железном веке (I тыс. до н. э.) 116

ИСТОРИЯ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Савосичев А. Ю. Труд Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века» и проблема социального происхождения приказной бюрократии 120

Фельдман Д. З. Пленные белорусские евреи в Калуге в 1655 г. (по материалам Разрядного приказа) 123

Назарян Е. А. Дворяне Храповицкие в Малоярославецком уезде Калужской губернии 127

Лебедев А. Г., Штепа А. В. Вклад Калужской епархии в развитие благотворительности в регионе в XVIII — начале XX в. 131

Кожевникова Н. И. Потомственный почетный гражданин г. Калуги, купец 1-й гильдии Афанасий Акимович Горбунов 135

Роянова Г. И. Некоторые аспекты деятельности Яновых на территории России и Калужской губернии 142

Хохлов Д. А. Формирование ополчения Калужской губернии в 1855 г. 147

Бобков В. А. Арсеналы военного ведомства России в период реформ Александра II 150

Иванов В. А., Столярова К. А. Земская деятельность петрашевца Н. С. Кашкина (по материалами журналов Калужского губернского земского собрания) 154

Абакулов В. И., Саратовцева Н. А. История Успенской церкви в селе Озерском Перемышльского уезда 157

Жердева А. С., Павлишак А. А., Новиков С. А. Погост при Преображенской церкви села Спас-Суходрова Малоярославецкого уезда 162

Метальникова Е. В. Благотворительная деятельность О. К. Гончаровой 167

Штепа А. В. К вопросу о формировании духовной сословной корпорации и изменении численности приходского духовенства Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской епархий Европейского центра России в 50—90-е гг. XIX в. 171

Лошкарева Н. П. Исправительно-трудовой дом в Боровском тюремном замке 175

Жуков В. В. От Брянска до Песочни: социально-экономический феномен Мальцовской железной дороги в конце XIX — первой четверти XX в. 178

Панасюк В. В. Указ 9 ноября 1906 г. и вопросы укрепления надельной земли в частную собственность: из истории столыпинских аграрных преобразований в Калужской губернии 184

Ковалев А. В. Порт-Артурский комитет и Калужская губерния (1905—1906 гг.) 188

Пушков В. П. Калужане — первокурсники Московского университета 1917/18 академического года 192

Вещев М. Ю. Дезертирство из Красной Армии в годы гражданской войны на примере Тарусского уезда Калужской губернии 197

Нефедов Ю. А., Марченков Л. Н. Бои за Калугу в октябре 1941 г. 202

Белова И. Б. Военнопленных центральноевропейских держав в Калужской губернии 207

Денисенкова Н. Н. Источниковедческий анализ документов периода массовой коллективизации 1929—1930 гг. в Калужском округе (по материалам фондов ГАДНИКО) 211

Васильева З. В. Село Белкино. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в. 215

92 Зак. 1053

Ефимова И. Л. С. Т. Шацкий. Начало пути (по материалам фондов Музея истории г. Обнинска) 220

Кислицына М. В. Материалы о жизни и деятельности калужского врача-хирурга В. П. Крапухина (1882—1965) 226

Комиссар О. Н. Реконструкция событий оборонительных боев на Ильинском рубеже 11—18 октября 1941 г. путем исследования состояния фортификационных сооружений 228

Добычина М. А. Важнейшие итоги освоения источниковой базы по истории оккупации немецко-фашистскими захватчиками г. Калуги 232

Писаренко И. С. Сельскохозяйственное производство Рязанской области в годы Великой Отечественной войны 236

Ульянов А. И. Изучение истории Угодского края в 1953—1964 гг. 243

КУЛЬТУРА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Федотов С. В. Проблема датировки Повести о преподобном Пафнутии 247

Зверева М. В. К вопросу об атрибуции произведений голландского и фламандского искусства из собрания Калужского областного художественного музея 250

Дзиговская Л. Н. Мотивы бренности бытия на рельефах надгробий на Всехсвятском кладбище г. Тулы 256

Типикин В. М. Восточное оружие в собрании Калужского областного краеведческого музея 259

Пуцко В. Г. Ювелирные изделия из ризницы Пафнутьев-Боровского монастыря — вклады архимандрита Митрофана Шеинкова 1760 г. 265

Личенко С. И. Калужская икона Святой Живоначальной Троицы: иконографический извод и индивидуальная манера письма 273

Гужова И. В. Портреты калужских помещиков Н. И. и М. А. Бельченко из собрания Калужского областного художественного музея 278

Марченко Н. В. Усадьба Полотняный Завод в первой трети XIX в. Опыт реконструкции 283

Ефименкова М. А. К вопросу об изучении биографии калужского архитектора И. Д. Ясныгина 289

Зорин А. А. Наталья Петровна Голицына и ее имение Городня (к 270-летию Н. П. Голицыной) 293

Бовкало А. А. Подворье Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова монастыря в Санкт-Петербурге 297

Бауэр А. А. Неизвестный монастырь Калужского края (Мелхиседекова пустынь Жиздринского уезда в XIX — начале XX в.) 302

Никулина С. А. Анэпиграфические надгробные памятники конца XVIII — начала XIX в. на кладбище города Жиздры. Натурные исследования 1990-х — 2000-х гг. 305

Сафонова Г. Б. Новые материалы к научной биографии М. Е. Шереметевой (к 125-летию со дня рождения) 310

Майорова Л. П. Гончаровы — Рихтеры и Калужский край 315

Пилипенко А. Д. Из истории Серпуховского музея: 1922—1926 гг., заведующий Н. Д. Россет 319

Симонов А. А. К вопросу о деятельности Калужского музея революции (музея Истпарта) в 1922—1927 гг. 325

Черников А. П. Жизнь и творчество А. Амфитеатрова в эмиграции 326

Климова Е. М. Родственники Марины Цветаевой и Таруса 332

Кащеева А. А. Представитель Шекспира на земле (о жизни и творчестве М. М. Морозова) 337

Ермилина И. К. Реставрация части женского головного убора «банты» и передника «вислая занавеска» 341

Клёпова С. Л. Тематическое занятие «Не забудет наш народ доблесть русских воевод» (события Смутного времени на Калужской земле в памятниках искусства из собрания Калужского областного художественного музея) (для учащихся 7-х классов) 344

Новиков В. П., Коваленко А. С. Музеефикация ландшафтов полей сражений Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.) в национальном парке «Угра» 349

Клиндухова Д. Усадьба Завадовского — попытка реконструкции и введения в транзитный маршрут 353

Крутова Л. А. Образование женщин духовного сословия Калужской епархии середины XIX — начала XX в. 358

Список сокращений 363

Научное издание

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

Материалы XIV Всероссийской научной конференции,
посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года,
150-летию отмены крепостного права
и 70-летию битвы под Москвой

Художник:
В. М. Типикин

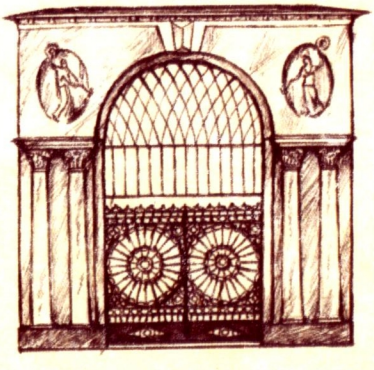
Компьютерная верстка, оригинал-макет:

RuBriCa
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Подписано в печать 24.10.12. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Уч.-изд. л. 38,75. Усл. печ. л. 46,00.
Усл. кр.-отт. 46,00. Заказ 1053. Тираж 150 экз.

Издательство ООО «Полиграф-Информ».
ИД № 01739 от 11.05.2000.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел. (4842) 55-99-31.

Отпечатано в типографии ООО «Полиграф-Информ».
ПЛД № 42-17 от 16.09.1998.
248021, г. Калуга, ул. Московская, 247. Тел. (4842) 55-99-31.



Калужский областной краеведческий музей
г. Калуга, ул. Пушкина. 14
www.kokm.ru